
АРХИМАНДРИТ ЛЕОНИД КАВЕЛИН

СТАРЫЙ ИЕРУСАЛИМ
И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ
ИЗ ЗАПИСОК ИНОКА-ПАЛОМНИКА

ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКИЙ МИР

«ИНДРИК» 2008

Annotation

В заглавие книги архимандрита Леонида не вынесено слово «Путеводитель», хотя сам он и называет свой труд именно так. Это объясняется тем, что книга уже в момент издания выходила далеко за рамки своего внешне утилитарного назначения. Сегодня «Старый Иерусалим и его окрестности» востребован археологами, литургистами, искусствоведами, историками, всеми интересующимися историей Иерусалима и Святых мест. Созданная как авторский научный продукт книга архимандрита Леонида стала в наши дни самостоятельным источником и прекрасным «Путеводителем» для изучения русского паломничества, истории, культуры, религии, топографии и быта Иерусалима 50-х годов XIX века.

- [Архимандрит Леонид Кавелин](#)
  -
  - [Предисловие](#)
  - [Яффа](#)
  - [Дорога от Яффы до Рамли](#)
  - [Дорога от Рамли до Иерусалима](#)
  - [Взгляд на исторические судьбы Святого Града](#)
  - [Первые четыре дня в Иерусалиме русских поклонников](#)
    -
    - [День первый](#)
    - [День второй](#)
    - [День третий](#)
    - [Четвертый день](#)
  - [Ночь в храме Святого Гроба](#)
  - [Храм Воскресения Господня и находящиеся внутри его Святые места](#)
  - [Общий взгляд на историю храма Воскресения](#)
  - [Иерусалим](#)
  - [Греческая патриархия в Иерусалиме](#)
  - [Православные монастыри внутри Святого Града](#)
  - [Религиозные общины в Иерусалиме: армян, коптов, абиссинцев и сириан \(яковитов\)](#)

- [Армяне](#)
    - [Копты](#)
    - [Абиссинцы](#)
    - [Сириане \(яковиты\)](#)
  - [Латины \(католики\)](#)
  - [Мусульманской квартал в Иерусалиме](#)
  - [Протестанты иерусалимские](#)
  - [Иерусалимские евреи](#)
  - [Страстной путь](#)
  - [Гефсимания](#)
  - [Гора Елеонская или Масличная](#)
  - [Прогулка вокруг городских стен](#)
  - [Западные и северные окрестности Иерусалима](#)
  - [Вифания](#)
  - [Крестный монастырь](#)
  - [Горный град Иудов и пустыня Иоаннова](#)
  - [Источник Св. Филиппа](#)
  - [Вифлеем](#)
  - [Вифлеемские Святые места](#)
  - [Вифлеем и его окрестности](#)
  - [Пустыня Святого Града](#)
    - [Краткая история пустыни Святого Града](#)
    - [Обители, бывшие в пустыне Святого Града в эпоху ее процветания в IV, V и VI веках, с показанием их местонахождения по древним источникам](#)
    - [Поездка к развалинам Фаранской лавры преподобного Харитония](#)
    - [Лавра Преподобного Саввы Освященного](#)
    - [Обитель Преподобного Феодосия Киновиарха](#)
  - [Поездка в Назарет, на Тивериадское озеро и Фавор](#)
  - [Хеврон](#)
  - [Заметки о экономических условиях жизни в Иерусалиме \(для русских богомольцев\)](#)
  - [Вместо послесловия](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)

- [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
  - [82](#)
  - [83](#)
  - [84](#)
  - [85](#)
  - [86](#)
  - [87](#)
  - [88](#)
  - [89](#)
  - [90](#)
  - [91](#)
  - [92](#)
  - [93](#)
  - [94](#)
  - [95](#)
  - [96](#)
  - [97](#)
  - [98](#)
  - [99](#)
  - [100](#)
  - [101](#)
  - [102](#)
  - [103](#)
  - [104](#)
  - [105](#)
  - [106](#)
  - [107](#)
  - [108](#)
  - [109](#)
-

Архимандрит Леонид Кавелин
Старый Иерусалим и его окрестности.
Из записок инок паломника

© Издательство «Индрик», 2008

Предисловие

Подобно Нестору наших паломников игумену Даниилу, пробывшему в Святом Граде 16 месяцев, Господь привел и мне, чрез 700 с лишком лет после него посетившему Святой Град, пробывать в оном также 16 месяцев (с 1 февраля 1858 по 20 мая 1859 года). В это время я успел познакомиться довольно подробно со всеми Святыми местами, также подобно Даниилу не щадя из того, что имел у себя в руках «добытку», и расточая его всем могущим рассказать мне о Святых местах, как внутри города, так и вне оного находящихся. Подобно же Даниилу, говоря его словами, «приплоди и мне худому Бог обрести в лавре Св. Саввы мужа свята, стара и книжна вельми и тому мужеву святому вложи Бог в сердце любити мя вельми худаго. И той ми указа добре вся места святая во Иерусалиме, и по всей той земли (святой), и сказа ми о них вся, от святых книг испытана добре»^[1].

Три раза сподобил меня Господь в разныя времена года быть на Иордане, два раза в Назарете, около Тивериадского моря и на Фаворе, два раза имел я удовольствие встречать и провожать в Святом Граде Иерусалимского патриарха блаженнейшего Кир Кирилла, что, как известно, составляет великую редкость, ибо некоторые из предшественников его блаженства скончались не видав Святого Гроба. А конец моего пребывания в Святом Граде ознаменовался событием, подобного которому не было в летописях Иерусалима со времени Византийского императора Ираклия: в мае 1859 года посетил Святой Град Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич с благоверною своею супругою и первенцем сыном. Вскоре после его отбытия и я простился с Святым Градом, унося в сердце своем самые неизгладимые воспоминания о Святых местах нашего искупления.

Проживая в Иерусалиме, свободное от церковно-служебных обязанностей время^[2] употреблял я частью для беседы о Святых местах с людьми близко знающими оные, частью для посещения сих Святых мест с целию основательного изучения оных; во время же поездок по окрестностям Святого Града и дальним Святым местам, каковы Иордан и Галилея, я старался не столько следовать указанию западных писателей, сколько поверять драгоценные сказания нашего

первого паломника, «мниха Даниила» и имел приятный случай убедиться, что эти сказания, как заимствованные из самого вернейшего источника, «сказания мужа свята, ветха деньми и книжна вельми, жившего в Галилее 40 лет и в лавре Св. Саввы 20 лет», вполне согласны с преданиями греческими и во многом опровергают показания латинских писателей, основанные на показаниях францискан и разных «чичероне» из «Казановы», владельцы которой, соперничая постоянно с греками в обладании Святыми местами, успели исказить и затмить многие православные предания о Святых местах, что, к сожалению, отразилось на сочинениях некоторых из наших новейших паломников.

Возвратясь из Иерусалима, я не имел времени тотчас привести в порядок свои «Палестинские записки», большая часть коих была писана урывками во время странствований и притом карандашом, как вдруг совершенно неожиданно для меня получил приглашение составить что-либо вроде *путеводителя* для русских поклонников Святого Града. Это заставило меня снова обратиться к своим забытым запискам и привести их в порядок преимущественно с вышеупомянутою целью; и хотя им не пришлось упредить появление в свет путеводителя, изданного в 1863 году Н. Б., составленного для русских поклонников «по иностранным гидам», и мои записки спокойно пролежали под спудом до настоящего времени, но так как доселе нет еще в русской литературе путеводителя, удовлетворяющего достаточно требуемым условиям, то можно надеяться, что и мои записки о «Старом Иерусалиме» не покажутся ни слишком старыми, ни излишними для истинно русских людей, для каковых они и предназначены были. Имея в виду, что большинство наших поклонников принадлежит к среднему и низшему сословию, я старался изложить мои «путеводные записки» в такой форме, чтобы они были доступны пониманию этого большинства и удовлетворяли его религиозному вкусу, впрочем не корча простонародного языка. С другой стороны, сохраняя безыскусственную форму записок очевидца всего описываемого, надеюсь, что заключающиеся в них подробности не лишены будут интереса и для всех тех, кто не смотрит равнодушно на так называемый «вопрос о Святых местах», которому не всегда же суждено оставаться в форме вопроса, по сказанному в Писании: «Иерусалим будет предан на попрание языков, дондеже окончатся времена язык». Чтый да разумеет.

Один из красноречивых западных паломников справедливо заметил, что по Святой Земле надобно путешествовать с Библиею в руках и с Евангелием в сердце. Нам видится, что между большинством западных туристов и русских богомольцев именно та разница, что первые точно все почти путешествуют с Библиею в руках, а наши, хотя и без Библии, но с Евангелием в сердце (само собою разумеется, что в том и другом случае бывает не без исключений). К числу различий между теми и другими принадлежит между прочим и то, что на Востоке даже римско-католические монахи путешествуют с оружием в руках^[3], а наши паломники из отставных солдат, не покидая своего военного костюма, не боятся ходить везде с палочкою в руках и обезоруживают смельчаков одною своею кажущеюся беспечною, основанною в большем числе случаев на той вере, что нет ничего в мире тверже креста и безопаснее Распятого.

Если записки мои и не будут в строгом смысле слова соответствовать условиям систематического путеводителя, в котором по необходимости приходится жертвовать многими любопытными подробностями системе, тем не менее надеюсь, они могут служить по крайней мере добрым «указателем» при посещении Святых мест для благоговейных поклонников оных. Повторяю, что, согласно вышеозначенной цели, я имел хотя не исключительно, но преимущественно большинство наших поклонников, их нужды, взгляды и вкусы. Соответствует ли посильный труд мой моему желанию, принадлежит судить им. Мне же, как иноку-паломнику, прилично будет повторить в заключение всего сказанного смиренные слова Нестора наших паломников мниха Даниила: «Братие и отцы и господие мои, простите мя и чем буду описахся, не зазрите моему художеству и грубости моей, еже написах о Святом Граде Иерусалиме и о земле той святей и о пути сем святем. Да се исписах путь сей и места си святая, ее возношася, ни величася путем сим, яко добро сотворив что на пути сем, не буди то: ничтоже бо не сотворих добра на пути сем. Но любве ради святых мест сих, написах все еже видех очима своима грешныма, дабы не в забытии было то, еже ми показа Бог недостойному видети».

Новый Иерусалим, 1869 года

Яффа

Прибытие в Яффу. – История города. – Вид его. – Жители. – Пристань. – Советы богомольцам. – Греческий монастырь Св. Георгия. – Русский приют. – Явка в консульство и сдача денег. – Сады яффские. – Произведения палестинской почвы. – Абдул-Ахаб. – Выезд из Яффы.

Ночь, предшествующая прибытию в Яффу, проходит для большинства русских поклонников в томительном ожидании, без сна. Многим кажется, что они уже видят вдали возделанный берег. Но лишь утром или в полдень следующего дня ожидания исполняются, видения обращаются в действительность. Пароход бросил якорь в виду Яффы. Мы говорим: в виду, потому что порт Яффский, хотя и древнейший, но вместе с тем опаснейший в свете; говоря же правду, здесь нет порта, и суда вынуждены бывають становиться на якорь в довольно большом расстоянии от города и в случае бури или даже сильного ветра с моря спешно разводят пары и пускаются в открытое море из опасения быть разбитыми о подводные скалы, которые сплошною грядою опоясывают Яффский порт, оставляя лишь два небольшие прохода, через которые могут проходить арабские лодки, управляемые сильными и привычными гребцами. Подводные скалы эти некоторые считают за остатки старинного мола.

В ожидании, пока будут исполнены пароходным начальством обычные формальности в отношении карантина и все будет готово для высадки пассажиров, вы будете иметь довольно времени налюбоваться видом Яффы, а я расскажу вам историю этого древнейшего в мире города.

Яффа, основателем которой почитают Иафета, сына Ноева, удержала свое древнее название, ибо у евреев она называлась Яфа, что означает «красота», по причине ее красивого местоположения и прекрасных садов. Греки назвали это место Иоппе, производя это название от Иоппы, дочери Эола, мифологического (баснословного) бога ветров.

В Новом Завете она известна под греческим именем Иоппии. Предание утверждает, что здесь Ной построил свой ковчег и отсюда

поплыл он, когда воды потопа покрыли землю. Но и минуя предание, все-таки Яффа принадлежит к древнейшим городам и портам, ибо Иисус Навин уже вспоминает о ней как о старинном городе. Продолжая историю Яффы, видим, что во времена Соломона она была единственным портом Израиля и туда доставлялись морем ливанские кедры и другие материалы для построения иерусалимского храма. Пророк Иона, не желая объявлять ниневитянам об ожидавшей их гибели и потому бегая от лица Господня, удалился в Иоппию, чтобы поплыть отсюда в Тарсис, и к этому же месту относится библейское сказание о том, как он «ят бысть, но не удержан в персях китовых» во образ тридневного погребения и воскресения Господа нашего Иисуса Христа, как Он Сам засвидетельствовал о сем в Евангелии, говоря неверующим в Него иудеям: «не дастся вам иного знамения, кроме знамения Ионы пророка». Так в преддверии Святого Града, при первом шаге на Святую Землю, встречает вас прообраз великих таинств, в нем совершавшихся – смерти и воскресения Начальника нашей веры. В истории Маккавеев читаем, что Иуда добыл Яффу и отомстил смерть своих братьев, изменнически убитых ее жителями, тем, что сжег порт и корабли, в нем стоящие; позже Ионафан и Симон Маккавеи добыли этот город у сирийцев и укрепили его. Вот важнейшие события Яффы перед христианскою эпохою. По пришествии Христовом многие ученики Его проживали в Яффе поблизости ее к Иерусалиму и в особенности святой апостол Петр, который воскресил здесь Тавифу. Известно из книги апостольских Деяний, что, будучи вызван из Лидды, он уже застал мертвою эту благочестивую вдовицу; с плачем окружили апостола Христова все вдовицы, показывая ему одежды, которые им сшила своими руками Тавифа, исполненная, по словам святого сказания, «благих дел и милостыни». Тронутый их печалью, святой Петр воскресил эту женщину, и многие через это чудо уверовали во Христа и таким образом Церковь процвела в Яффе.

Памятником этого чудесного события указывают ныне за городом в открытом поле каменистый холм и в нем погребальную пещеру, называя ее местом погребения Тавифы. Известно также, что святой апостол Петр проживал здесь некоторое время в доме Симона усмаря (кожевника), и в его-то доме, молясь на террасе, он имел чудесное видение: отверзлись небеса, и спустилась плащаница, в которой находились всякие четвероногие земные – звери, гады и птицы

небесные, и услышался голос: «Заколи и ешь»; когда же Петр отвечал, что он не ест нечистого, тот же голос возразил ему: «Что Бог признал чистым, того ты не почитай скверным». Это видение, упредившее крещение Корнилия сотника, первого христианина из язычников, служило извещением апостолу из иудеев, что Господь наш Иисус Христос, в неисчерпаемом милосердии своем, никого не устранил от спасения, не ограничил его одним каким-либо временем, местом и народом, но благоволил призвать к нему всех, «да вси в Нем едино будут», желая, чтобы все верующие в Него составили одно семейство, ибо имеют одного Отца, «иже на небесех».

Монастыри, греческий и латинский, находящиеся не в дальнем расстоянии один от другого и от моря, оспаривают себе честь построения на месте дома Симона усмаря, и, может быть, оба имеют на это право, ибо в книге Деяний просто сказано, что дом Симона был на морском берегу.

Дальнейшая судьба Яффы была несчастна: ее неоднократно разоряли до основания разные неприятели.

Когда евреи взбунтовались против римлян, Сестий обложил Яффу, взял и сжег ее, избивши восемь тысяч жителей; хотя она вскоре обстроилась снова, но служила убежищем корсарам (морским разбойникам), а потому Веспасиан сровнял ее с землею и поставил на месте города крепость.

Около крепости мало-помалу возник новый город, который был резиденциею православного епископа от времен Константина Великого до взятия города сарацинами и (арабами) в 636 году. Крестоносцы восстановили христианское епископство, но уже латинское, подчинив оное митрополиту Кесарийскому. Но по изгнании из Святой Земли крестоносцев Бибарс, султан египетский, в 1268 году разрушил крепость и все христианские драгоценности, какие только нашел в Яффе, употребил на создание мечети. С тех пор Яффа сделалась городом мусульманским. Один из поклонников XVI века описывает современное ему положение Яффы так: «Город этот перед тем стоял на горе, а теперь все разрушено кроме одной башни, в которой живет стража. На морском берегу есть несколько древних жилищ, в которых мы укрылись». С XVI века Яффа очень оправилась. Турки построили там цитадель, которую взяли французы в 1799 году, а последний раз прославил имя Яффы первый консул Французской республики

Наполеон Бонапарт, посещавший в бытность свою в этом городе зараженные моровым поветрием госпитали. Местные жители и до сих пор вспоминают имя гениального полководца, указывая на карантинные здания, где помещался тогда французский госпиталь. Наконец, в 1832 году египетский военачальник Ибрагим-паша занял Яффу, а по выступлении его из Сирии древняя Иоппия возвратилась под турецкое правление, ничем особенным для нее не замечательное.

Нынешняя Яффа, если смотреть на нее с моря, лежит на красивом холме, подножие которого как бы тонет в воде, а вершина увенчана зеленью. Сады служат в этой картине за террасы; над ними высятся полукруглые купола домов и наконец минареты, верхи которых купаются в прозрачной и теплой атмосфере. Город построен амфитеатром, довольно велик; в нем считается около шести тысяч жителей одних мусульман-арабов. Число христиан всех вероисповеданий не превышает пятисот человек. Опоян старыми стенами, на которых стоят еще кое-где не менее старые орудия. В главных городских воротах и нескольких прилежащих улицах, которые составляют базары, довольно движения, зато остальные мертвы и пусты. Улицы состоят из каменных домов, но грязны и нечисты. Крыши домов – то совершенно плоские, то с куполами. Мечетей несколько, но ни одна не отличается изяществом архитектуры. Одежда мужчин, как и всех арабов-горожан: халат, а сверху плащ абба и на бритой голове чалма; зато по убору женщин тотчас можно узнать, что яффское народонаселение родственно с египетским. Они носят тунику голубого цвета, сверху длинные покрывала, обыкновенно белые, а лицо закрывают черной маской, прикрепленной ниже глаз металлическим обручем, идущим поперек головы через лоб, подобно женщинам в Каире. Глаза их обыкновенно болезненные, ибо здесь сильно царствует офтальмия (воспаление глаз). Но вот пароход наш окружили арабские магоны (лодки), гребцы которых с трудом держатся за пароход, шумят и спорят, зазывая к себе наперерыв пассажиров. Советуем не торопиться, ожидая распоряжения командира парохода и прибывшего из города вице-консула и с ним агента нашего пароходного общества. Тяжелые вещи будут нагружены в одну большую барку и в целости доставлены на пристань, а легкие, как-то: узлы, дорожные мешки и котомки – можно взять с собою на руки. Садиться на лодку при малейшем волнении так же трудно, как и въезжать в порт не безопасно даже для

привычных арабских лодок, ибо пристань Яффская совершенно открыта и морские волны с шумом и пеною постоянно перебрасываются через преграду, которая, как говорят, некогда составляла мол, а теперь эти развалины едва лишь обозначают линию порта торчащими под водою обломками подводных стен; благодаря им волнение в порте еще сильнее, нежели в открытом море; гребцам надобно улучать способную минуту, чтобы с попутным валом попасть в порт через отверстие в несколько аршин ширины; при малейшей неосторожности или неловкости можно удариться о подводные камни. Здесь-то во всей своей силе выказывается искусство арабских лодочников, которые, подъезжая к проходу между камнями, начинают грести дружнее и сильнее и, управив лодку на хребет попутного вала, вдруг оставляют весла, и вал быстро переносит магону сквозь узкие ворота, за которыми мгновенно утихает ярость волн.

Выход на пристань тоже крайне неудобен, особенно для женщин; он совершается посредством высокой лестницы, которая свешивается с подмосток в воду, – желание поскорее ступить на Святую Землю много затрудняет порядок высадки. Это обстоятельство заставляет арабских лодочников собирать с пассажиров плату за проезд от парохода до пристани; причем по незнанию языка и обычаев возникает нередко шум и спор, неприятно действующие на поклонников. Во избежание этого советуем раз навсегда, каждому иметь в готовности и вблизи мелкую турецкую монету – парички, левы, пиастры и пятилевники, которые в этой стране бакшишей (подарков) скоро и удобно разрешают все недоумения и устраняют многие мелкие неприятности. Но повторяю, что мелкие деньги надобно иметь и держать постоянно поближе под рукой, отдельно от крупных, во избежание соблазна для чужих глаз, отделяя и из этого запаса заранее одну или две монеты для предстоящей надобности. Предосторожность необходимая, потому что алчность араба к деньгам увеличивается соразмерно числу их, а дерзость доходит иногда до того, что он готов бывает при мальски благоприятном случае и насильно овладеть чужою собственностью, хотя в то же время воровство не составляет его главного порока. Едва вы успеете ступить на твердую землю, вас окружают со всех сторон с предложением своих услуг хамалы, или носильщики. Не слишком бойтесь их видимой навязчивости, ибо это народ хотя и бедный, но трудолюбивый и честный; дорожа правом без затруднения исполнять

выгодное ремесло, они всячески чуждаются мелкого воровства. Итак, отдав одному из них свои вещи, ступайте без сомнения по следам его, – он приведет вас прямо в греческий странноприимный монастырь или через него в русский странноприимный дом.

Греческий монастырь Св. Георгия находится на самой набережной. Несмотря на свое недавнее обновление, он имеет вид векового здания. Как все восточные монастыри, он обширен и расположен применительно к местности, без всякой симметрии; двухэтажные его террасы соединены между собою несколькими переходами, так что в них легко можно запутаться, пока порядочно не освоишься с местом. На верхней террасе возвышается церковь – продолговатое здание домовй архитектуры; почти в одну линию с нею, подалее на восток, корпус для богомольцев благородного сословия – с окнами на море; перед церковью с северной ее стороны открытая терраса, составляющая крышу зданий нижнего этажа; у самого барьера над морем дом игумена; в нижнем ярусе монастырских зданий помещения для простых богомольцев, склады для тяжелых вещей и довольно тесный двор для лошадей, мулов, ослов и их погонщиков.

Помолясь в монастырской церкви, отрадно отдохнуть на этой террасе после благополучного окончания дальнего плавания, смотреть отсюда на вечно ропщущее море и на привезший вас пароход, с которым вы успели уже свыкнуться во время дальнего плавания; но вот он разводит пары, спеша оставить опасный для него берег – и несмотря на радость, что вы достигли желаемой цели, вам становится грустно при мысли, что этот крылатый гость спешит на родину, и вы молча шлете с ним поклон ей и всему, что мило в ней вашему сердцу.

Приятно также после дневного зноя на этой террасе подышать прохладой морского ветра. А когда смотрите отсюда, как при малейшем ветре бушуют и ярятся волны, – невольно сердце проникается страхом и благоговением при мысли о мимолетной опасности, и уста сами собою лепечут благодарную молитву за благополучное окончание небезопасного плавания Тому, Кто повелевает буре, – и становится тишина, и умолкают волны морские (Пс 106, 29).

До 1859 года все русские поклонники исключительно останавливались в греческом странноприимном монастыре, а с этого года заведен здесь попечением правительства особый русский приют в доме, уступленном нам в наем Блаженнейшим Патриархом

Иерусалимским Кириллом. Дом этот приспособлен сколько можно для временного приюта поклонников; в нем сделаны кухни и необходимая утварь и посуда; пищи же не предлагается, ибо желающие на яффских рынках могут найти все им необходимое по довольно умеренным ценам. Приют же здесь дается даром с правом выждать в оном отправления первого каравана в Иерусалим или первого русского парохода, отходящего в Царьград.

Заведывание яффским приютом поручено одному итальянскому семейству, которое, по отзывам поклонников, очень усердно исполняет эту обязанность и весьма внимательно к странным.

Время это по кратком отдыхе и подкреплении себя пищею надобно употребить на явку в русское консульство, осмотр города и приготовление к отъезду. У вице-консула простые богомольцы приглашаются оставить для безопасности все лишние за отделением на необходимый расход в Иерусалиме деньги, которые записываются в особую книгу и каждому выдается расписка в полученной от него сумме. Мера необходимая как из предосторожности к могущим случиться при тесноте иерусалимского помещения пропажам и потерям, а главнее всего – для обеспечения средств к возвращению на родину. Мы при этом рекомендуем особенно богомолкам не скрывать настоящего числа денег, чтобы не пенять после на самих себя в случае пропажи, что хотя и не так часто, а все же случается; а сколько нравственного беспокойства испытывают они в дальних поездках, мучась мыслию, как бы какой-нибудь оборванец араб или бедуин не оцупал зашитых в рваном капоте золотых или крестовиков! Уезжая же, например, на Иордан, оставить в сундуке тоже неудобно; могут быть новые и основательные опасения – по возвращении не найти положенного на своем месте. Когда же оставите лишние деньги на сохранение у консула, все эти страхи и беспокойства исчезают сами собою; двойная выгода – и мысли спокойны, и деньги целы.

При отдаче денег на сохранение спрашивается у поклонников, как они желают распорядиться остающимися деньгами в случае их смерти во Святом Граде. Большая часть из являет желание отдать оные на поминовение души своей в храм Святого Гроба, Гефсиманию, Вифлеем, Назарет, Саввинскую обитель и другие святые места и иерусалимские монастыри; владельцы же значительных сумм изъявляют иногда

желание отослать часть денег на родину – родным или на поминание в отечественные монастыри и церкви, что и исполняется свято.

Требование оставлять у консула по крайней мере такую сумму денег, которой бы обеспечивалась уплата за место на пароходе в обратный путь (четыре-пять золотых), некоторым из поклонников не нравится, но единственно по близорукости и недоверчивости, для которой нет никаких поводов. Таким можно посоветовать смотреть на пример разумнейших и поступать так, как они поступают, рассуждая, что тут ошибки быть не может. В отношении же разделения своих денег на две части советуем поклонникам держаться такого правила: оставлять в Яффе большую половину своих денег, следуя тому расчету, что в случае, если бы не достало для иерусалимских расходов, они всегда могут признаться у кого-либо из товарищей или в случае крайности у начальника миссии либо консула, с отметкою на данной им от яффского вице-консула расписке, чтобы занятая сумма была удержана при возврате оставленных в Яффе денег. Если же поступить иначе, оставив в Яффе меньшую часть, то уже нечем будет помочь себе в случае нужды, которую многие встречают, не заботясь соразмерять усердия со средствами, а после погубляют мзду своего усердия ропотом и докучливым выпрашиванием у других. Если за сбором в дорогу и явкою в консульство останется у вас свободное время до отъезда, то я приглашу вас для осмотра Яффы: с базаром ее вы уже познакомились, покупая на нем себе съестные припасы; большая часть базарной улицы с застольными лавочками по сторонам, покрытыми от солнца пальмовыми рогожами, завалена фруктами – произведениями знаменитых яффских садов. С ними-то поспешим познакомиться прежде всего как с главною достопримечательностью Яффы.

Выйдя за ворота, ведущие на иерусалимскую дорогу, вы скоро очутитесь среди роскошных садов, которых, можно сказать, большей части из вас не случалось видеть и во сне. Живые плетни из колючих индейских фиг, или так называемых фиг Адама, ограждают этот восточный Эдем, а внутри без всякого видимого порядку насажен густой лес различных деревьев, из которых одни благоухают цветами, другие обременены зрелыми или дозревающими плодами: апельсины, лимоны, гранаты, бананы, миндаль; пальмы встречаются реже других деревьев. Тут же множество благовонных кустарников, но особенно приятный вид делает виноградная леторосль, которая обвивается около

померанцевых, миндальных и лавровых деревьев. Часто встречаются водоемы для искусственного орошения садов, совершаемого посредством водосливного колеса с бадьями, обращаемого верблюдом или лошадью; вода таким способом поднимается из нижнего водоема в верхний, а отсюда по желобам и канавкам разводится по всему саду.

Тут же гряды с дынями, арбузами и огурцами огромной величины. В садах местами виднеются башни, или киоски, в которых жители Яффы скрываются от жары и чумы. Земля легкая, состоит из весьма мелкого песку, который считается здесь удобнейшею почвою для овощей и плодовых деревьев, как наиболее способный для орошения.

Хотя эти сады, несмотря на их естественные дивы и красоту, не соответствуют вполне европейскому вкусу и понятиям о красоте, но взятые в целом составляют окрестность приятную, поражающую глаза паломника дальнего севера и служат в то же время неопровержимым свидетельством древнего плодоносия Обетованной Земли.

Нельзя себе, однако, представить, чтобы вся Палестина была прежде похожею на сад, подобный тем, какие теперь видим в Яффе. Бог сказал чрез Моисея народу израильскому при вступлении в Обетованную Землю: «Земля, которую ты идешь взять в наследие, не такова, как земля египетская, из которой вы вышли, где ты посеял семя свое, и напоял посредством машин, как овощный сад. Но земля, в которую вы переходите, чтобы наследовать ее, есть земля с горами и долинами, и от дождя небесного напояется водою, – земля, о которой Господь Бог твой печется; очи Господа Бога твоего непрестанно на ней от начала года и до конца года» (Втор 11, 10).

Итак, Господь обещал плодоносие, но способом весьма естественным, а неровность грунта должна была производить большую разницу в климате и растительности. Были несомненно тогда, как и теперь, места, горы и скалы, лежащие на солнце почти тропическом; были также долины и плоскости в положении весьма умеренном. Обильная роса оживляла атмосферу, распаленную дневным жаром. Святое Писание не раз упоминает о росе как о небесном благословении. Бури и грозы в Палестине чрезвычайно редки, а летом небо постоянно безоблачное. Дожди начинаются в конце сентября, и тогда сеют пшеницу и ячмень; вторые дожди в январе – тогда и снег не раз покрывает горы. Так было всегда, ибо Святое Писание говорит: «Посылает Бог снег, как волну, и мразы, как пепел, покрывающий

землю; воды скрываются под каменной корою, а поверхность глубокой пропасти твердеет»... Третьи дожди идут в марте и апреле перед сбором озими; тогда в Палестине сеют сусанну (сусановое масло), табак, хлопчатую бумагу, бобы, арбузы, которые созревают в сентябре. Ветры периодические, особенно во время весеннего равноденствия.

В истории торговли евреев с финикиянами читаем, что главные предметы этой торговли были пшеница и маслины, и это с самых древнейших времен, ибо еще Соломон в обмен за кедры и кипарис давал эти же самые продукты. Равным образом и теперь пшеница – главный зерновой хлеб в Палестине: обычай употребления в пищу незрелых пшеничных колосьев, поджаренных в огне, сохраняется и доселе. Ячмень там хлеб озимый: его собирают в марте и кормят им лошадей, ибо овес весьма редок. Библия не упоминает о рисе, который кое-где сеют ныне, но упоминает о чечевице, которая как во времена Исава, так и теперь считается лакомым блюдом. Возвращаясь в Палестине также салат разного рода, лук и чеснок, до которых туземцы большие охотники. Исаия говорит о гвоздике и тмине; Господь наш Иисус Христос – об анисе и мяте; в Евангелии читаем о горчичном зерне, этом смиренном зародыше великого дела, – все это находится и поныне. Видим также много растений, вырастающих здесь без всякого ухода, как-то: бальзамический иссоп, которого употребление при очищении жертв восходит до Моисея, растет между развалинами и на старых стенах; копр, индиго также можно встретить на берегах Иордана, кофейное деревцо по горам близ Тивериадского моря, а сезам – почти везде. В пустыне обыкновенное растение – можжевельник кольчатый; он горит с таким сильным треском, что псалмопевец сравнивает с ним язык клеветника (Пс 119, 4). Сахарный тростник, папирус также встречаются по местам. Из тростника иорданского прежде делались стрелы, а теперь циновки (маты); растут также и ядовитые растения, как-то цикута, зезания, так называемое «содомское яблоко», которого сок едок, вредная полынь и т. п. Есть травы съедобные, которые известны особенно инокам Саввинской обители; такова, например, мелагрия, корнями которой питались древние пустынножители Плачевной юдоли; некоторый сорт этих трав саввинские иноки запасают и ныне на зиму: мочат их в уксусе и употребляют в пищу, как салат. Им известны также лекарственные и полезные в других отношениях травы, каковы, например, мыльная

трава для вывода пятен, трава, которую употребляют для мытья головы и т. п. Растения, о которых Священное Писание упоминает как о благовонных, можно видеть в садах; кофер, или египетское henpe, употребляется как в Египте, так и здесь арабскими женщинами для крашения ногтей; есть мандрагоры, лилии, нарциссы, гвоздика, гиацинты; но уже нет нигде бальзамического дерева, с которого собирали смолу, так много ценимую; с XII века дерево это исчезло; но зато есть одно дерево, из плодов которого арабы выжимают благовонное масло, которым натирают четки и другие освященные предметы, составляющие главную торговлю Святого Града. Кроме выше упомянутых родов хлеба и растений возделывают еще в Палестине лен, коноплю и хлопчатую бумагу. Лен известен был в этой стране еще до евреев, как видно из того, что Раав укрыла соглядатаев Иисуса Навина в снопах льна на кровле своего дома; позднее одежда еврейских священников была по закону льняная. Коноплю, которая происходит из Персии, не возделывали израильтяне, а хлопчатую бумагу ввели первоначально последние иудейские цари. Наконец, Святое Писание часто упоминает о виноградниках и о величине гроздей. И теперь еще есть в известных местах виноградники довольно значительные, лозы большие и сильные, но вино, за исключением небольшого количества приготовляемого в Иерусалимской Патриархии и в Саввинской обители, не соответствует прежней своей славе: оно терпко и походит по вкусу на вина из окрестностей Марсея.

Этот беглый взгляд на произведения древней и нынешней Палестины показывает, что за исключением некоторых местностей, опустошенных столь необычайным способом, что нельзя не видеть в том ясно перста Божья, – нынешнее убожество Палестины главным образом надобно приписать обезлюдению ее, ибо земля там, где ее возделывают, производит те же самые хлеба. Все эти богатства находятся, можно так сказать, все вместе в садах, окружающих Яффу, где жито и овощи, деревья, кустарники, цветы и виноградные лозы – все перемешано в величайшем беспорядке и растет в величайшем изобилии и силе. Если бы в этих садах не было дач и жителей, они представляли бы совершенный образ противоположностей, какой трудно себе представить, то есть плодоносной пустыни.

Дачи эти в восточном вкусе, с плоскими кровлями, вовсе не изящны. Нигде не видно ни малейшего блеска. Все в них устроено так,

как бы владельцы их жили только изо дня в день. Когда мы вышли на берег в Яффе в первых числах февраля 1858 года, мы посетили одного из богатейших православных жителей Яффы; он принял нас в покоях, где скромность боролась о первенстве с беспорядком и неустройством. Зато сад был очарователен: апельсины, лимоны обыкновенные и лимоны сладкие отягощали деревья, поражая своею величиною и зрелостью. Миндальные деревья были в цвету, наполняя благоуханием воздух. Хозяин приказал разостлать под тенью деревьев пальмовые рогожки, на которых мы отдыхали; он сел с нами и, очищая ножом сахарный тростник, резал его на кусочки, предлагая их нам в знак своей любезности. Разговор шел о садах; из него мы узнали, что апельсины в это время продаются на месте на наши деньги по пяти рублей ассигнациями за тысячу; на каждые пять тысяч покупатель получает пятьсот штук добавки бесплатно, а исправному содержателю сады дают по несколько десятков тысяч пиастров дохода в год.

Если вы не будете иметь возможности осмотреть яффские сады на пути в Иерусалим, то, конечно, не упустите случая сделать это при возвращении из оною.

Накануне отъезда предлежит вам еще забота, кроме явки в консульство для прописки паспорта и сдачи денег, – отправление ваших тяжелых вещей, у кого они есть. Наймом верблюдов, взвешиванием вещей и расчетом с извозчиками (платится с батмана, равного десяти русским фунтам) заведует письмоводитель консула из местных арабов; он же и консульский кавас (род полицейского служителя) сопровождают поклоннический караван до Рамли или до Иерусалима. Кавас яффского вице-консула вполне стоит того, чтобы посвятить ему несколько строк в нашем путеводителе, потому что сам он есть один из надежнейших, опытнейших и честнейших людей этого рода, без которых нельзя сделать в этом краю шага. Он турецкий подданный, зовут его Абдул-Ахаб; серебряная медаль на аннинской ленте за усердную двадцатипятилетнюю беспорочную службу при консульстве недаром украшает его грудь. Все поклонники, побывавшие в Иерусалиме, не только знают Абдула, которого они величают Абдулом Ивановичем, но и уважают его, ибо всякий, вероятно, не раз испытал на себе цену его услуг. Все уверены, что он потаенный христианин, – так по крайней мере заставляют предполагать его душевные свойства: необыкновенная честность, всегда и для всех равное усердие, редкая

доброта, выражающаяся в чертах лица и беседе и, главное, в действиях. Он говорит по-русски ясно, хотя и несколько ломаным языком; рассказывая мне о проводках поклоннических караванов, Абдул-Ахаб выражался так: «Вот идет караван, – большие господа уехали вперед, – Абдул-Ахаб, говорят, подгоняй их, что они так плетутся нога за ногу; а я говорю им: вы поезжайте с Богом, если хотите, а я должен смотреть, чтобы никто не отстал; там старушка бредет больная, – Абдул Иваныч, говорит, я устала. – А я говорю: „садись, старушка, отдохни, я подожду тебя, чтобы никто тебя не обидел”». – Такое преимущественное внимание к низшим и бедным не есть ли свойство души доброй и верующей, и если Абдул-Ахаб и не христианин втайне, то нет сомнения, что он принадлежит к числу тех людей, о которых сказано в Священном Писании, что «во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен Ему есть» (Деян 10, 35).

Из Яффы каждый поклонник, смотря по карману и клади своей, отправляется верхом, или на лошади, или на муле, или на магарчике (осле), а иные для понесения больших трудов идут за караваном и пешком во Святой Град. За вьючного верблюда платят на наши деньги от 10–20 рублей ассигнациями, за лошадь – от 5 до 15, за осла – от 4 до 10 рублей ассигнациями. Цена эта возвышается и понижается смотря по числу поклонников; тяжелые вещи отправляются накануне, а поклоннический караван обычно утром, с таким расчетом, чтобы прибыть пораньше в Рамлю, отстоящую от Яффы только на три часа пути (пятнадцать верст), и, подкрепясь пищею и сном, с свежими силами подняться до зари для совершения девятичасового, во всех отношениях более трудного перехода, и поспеть в Иерусалим до захождения солнца, то есть до затворения городских ворот.

Наем лошадей, мулов и ослов для одиноких всадников, устройство кресел и корзин для женщин, приведение в надлежащее равновесие этих не совсем удобных седалищ, занимает немало времени и представляет немало затруднений при взаимном непонимании друг друга погонщиков (мукеров) и поклонников; в случае особых затруднений можно обратиться к посредству консульского письмоводителя или каваса, и хотя большая часть мукеров понимает несколько односложных русских слов, относящихся к их ремеслу: «стой, поддержи, пошел» и т. п., но как их обыкновенно забрасывают в это время фразами, то они и становятся нередко в тупик, не понимая,

чего хотят от них. Если же не случится вблизи никого из знающих русский язык, несколько паричек или пиастров побудят погонщика или других обыкновенно толпящихся около каравана в качестве праздных зрителей скорее слов и криков помочь вашему затруднению; а меж тем предлагаю здесь несколько арабских слов, которые помогали мне в краткой беседе с мукерами: «элла – пошел; эсбур – стой; эсмек – поддержи; атини – подай; та альгун – поди сюда; аум, ауам-скорей; шуае, шуае – тише; шугада? – что это?; мен гада? – кто это?; худ гада – возьми это; эрбут – привяжи; сук, сук – погоняй; сабакум бер хер – добрый день; масикум бер хер – добрый вечер; бакшиш – подарок; мафиш – нет; мой – вода».

Но вот караван вытянулся по набережной, раздалось протяжное «элла, элла» (пошел), и вы тронулись в путь; имейте предосторожность не останавливаться почему-либо в городе, чтобы, отделясь от каравана, не сделать тем неприятность себе и другим, хотя за этим и поручено наблюдать провожающему вас кавасу. Еще раз проедете вы под навесом крытого базара, кипящего народом, мимо мечети, нескольких фонтанов и, наконец оставив за собою главные ворота, украшенные надписями из Корана, будете проезжать мимо деревянных балаганов, или лавочек, буквально заваленных произведениями яффских садов разного сорта: груды апельсинов, лимонов, арбузов, огурцов и других плодов и овощей, смотря по времени года, лежат там и сям, ожидая покупателей; мальчишки набиваются вам с сахарным тростником, который разрезают на части, очищают кожу и высасывают сладкий и прохладный сок... Но, повторяю, всем этим на дороге, кто желает, надобно запастись заранее, дабы не иметь надобности в остановке и тем не задерживать следования каравана и не навлечь на себя какой-либо неприятности по незнанию языка.

Дорога на час пути пойдет между садами, и те из поклонников, которые, бывши в Яффе, не имели случая посетить их, будут иметь случай вдоволь налюбоваться этим земным раем. Взор не может оторваться от обилия, разнообразия и величины плодов; благоухание наполняет воздух; высокие водоподъемные машины, приводимые в движение верблюдами и мулами, и обок их обширные водоемы, из которых вода расходится по желобам в разных направлениях, в глубине садов киоски и башни, напоминающие евангельское выражение: «насади вертоград, ископа точило и созда себе столп», – все это в

частях и целом не может не действовать на самое спокойное воображение северного жителя, невольно переносит его в страну чудес и нимало не приготовляет его к тому запустению, которое он увидит вскоре в окрестностях Святого Града и которое поспе еще болезненнее подействует на сердце своею противоположностью с этим Эдемом. А смотря на этот клочок благословенной земли на возвратном пути из Иерусалима, невольно приходишь к мысли, что Провидение нарочно оставило его во всем своем величии, для того чтобы дать понять человеку, чем был тот земной рай, в котором Бог поселил первого человека и откуда изгнал он сам себя преслушанием заповеди Божьей.

Дорога от Яффы до Рамли

Саронская равнина. – Отдых под масличными деревьями. Сходство окрестностей Рамли с русской природою. – Приют в Рамле для русских поклонников. – Население Рамли. – Исторические воспоминания. – Греческий монастырь. – Развалины Лидды. – Развалины монастыря сорока Севастийских мучеников.

По выезде из яффских садов видно вправо от дороги полуразрушенное селение Ядур или Язур, где полагают родину доблестных Маккавеев; к селению принадлежит красивая мечеть с источником, известным под названием Гедера. Спустясь с песчаных холмов, с вершины которых виден хорошо оставшийся позади город и омывающее его море, вы вступаете на обширную равнину, известную в Св. Писании под именем долины Саронской, где некогда были и леса. Эта необозримая равнина служила пастбищем для стад израильских. Об этом упоминается в Библии: над скоты Царя Давида, иже пасяхуся в Сароне, бысть Сатрай Саронитянин (1 Пар 27, 29). Ныне на первый взгляд она кажется вовсе бесплодною, ибо покрыта песком бело-красноватого цвета. Но судя по тому, что это та же самая почва, на которой разведены яффские сады, очевидно, что из этого можно было бы извлечь огромную пользу, если бы не мусульманская лень с одной стороны и деспотизм с другой, подавляющий всякую свободную деятельность в несчастном краю. Доказательством плодородия почвы служат масличные деревья и сикоморы, там и сям разбросанные; также множество цветов, как-то: лилии или «криньсельные» розы, нарциссы и анемоны, которые растут сами собою на этом песке, оправдывая древнюю славу цветов Сарона, о которых вспоминают Песнь Песней (Песн 2, 1) и пророк Исаия (Ис 35, 2).

Почти на половине пути от Яффы к Рамле видно в левой стороне на холме селение Сарфан. Не доезжая его, по обеим сторонам дороги, растут огромные маслины, которые можно считать за остатки масличных лесов, упоминаемых в Св. Писании, и из которых крестоносцы делали свои осадные машины для овладения Иерусалимом. Здесь обычно останавливается караван на отдых, тем

более удобный, что вблизи есть цистерна, в которой можно напоить лошадей и мулов, а самим отдохнуть под сенью развесистых олив, много напоминающих с первого взгляда наши ракиты, и также живучих, как они.

Не раз случалось мне подъезжать к Рамле или на пути от Иерусалима к Яффе, или обратно, и большею частью в сумерки, и всякий раз дорога к ней от Иерусалима, по выезде из ущелья Иудейских гор, а от Яффы – по Саронской долине, чрезвычайно напоминала мне родной край, и все окружающие предметы способствовали как нельзя более обману зрения; дорога здесь ровная и широкая, словно как у нас, идущая – весной по цветистому лугу, а осенью – через запущенный пар или убранный поле, иногда и пыльная, как наша; купы деревьев, видневшихся по сторонам, походили точь-в-точь на наши сельские рощицы; иногда виднелись небольшие холмы наподобие наших курганов; местами среди равнины блистали приветливо огоньки в окнах отдаленных по сторонам селений, а посмотришь бывало издали на готические стены и башни минаретов Рамли, прячущиеся в зелени и покрытые вечернею тенью, – казалось, что вот-вот приближаешься к одному из наших уездных городков с домами и домиками, разбросанными среди садов, и высящимися над ними колокольнями и главами нескольких Божьих храмов. Сходство поразительное, тем более, что при вечернем сумраке не бывает видно ничего восточного: ни пустыни, ни отсутствия земледельцев, ни других особенных черт; которые обозначают землю, произведения и здания сирийские. Подъезжая ближе, видите влево обширный водоем, точь-в-точь наши запущенные пруды; несколько человек берут воду или поят скот. Разочарование последует лишь тогда, как перед вами ясно обрисуются на горизонте зонтообразные вершины пальм и шпили минаретов с знаменем Корана (полумесяцем) наверху, плоские крыши и другие особенности местной постройки.

В Рамле русские поклонники до 1859 года находили приют в подворье греческого странноприимного монастыря; но с этого года нанят здесь попечением правительства особый дом и устроен приют для поклонников, где караваны, следующие в Иерусалим, обычно останавливаются для ночлега, обеда или ужина. Здесь устроены все, по возможности, приспособления, нужные для кратковременного отдыха и для представления посетителям скромной трапезы. Заведывание домом

поручено одному арабскому семейству, которое, так же как и в Яффе, состоит из людей чрезвычайно усердных и внимательных к странникам.

Когда смотритель Рамльского приюта бывает предуведомлен о вступлении в Рамлю каравана поклонников из Яффы или из Иерусалима, то немедленно делается распоряжение о приготовлении обеда или ужина для усталого путника. Приют и угощение в Рамле, как и в других русских приютах, даются бесплатно; затем всякому предоставляется внести сколько угодно на поддержание приюта. По размещении на ночлег, пока смотритель хлопочет об ужине, мы воспользуемся этим временем, чтобы побеседовать о Рамле и осмотреть ее достопримечательности.

Местечко это вполне арабское, довольно обширное, хотя имеет только 3000 жителей. Большая часть мусульман, остальная часть состоит из нескольких греков, армян, латин, наконец евреев. По преданию, подкрепленному свидетельством блаженного Иеронима, это должна быть древняя Аримафея, некогда главный город филистимлян. Он пишет, что близ Лидды (отстоящей на час езды к северу от Рамли) находится селение Аримафея, откуда родом был, по евангельскому сказанию, благообразный (т. е. знаменитый) муж, о котором сказано в Евангелии от Матфея: «Когда же было поздно, пришел один богатый человек из Аримафеи именем Иосиф, который также учился у Иисуса. Он, пришедши к Пилату, просил тела Иисусова; тогда Пилат приказал отдать тело. Иосиф, взяв тело, обвил его чистою плащаницею, и положил в новом своем гробе, который высек он в камне, и, привалив большой камень к двери гроба, удалился» (Мф 27, 57–61).

Арабы называют этот городок Рамлех, что собственно значит песок, – вероятно, от песчаной долины, на которой он построен.

Греческий писатель XII века Фока, посещавший Рамлю в 1185 году, говорит, что в его время наибольший храм здесь был во имя великомученика Георгия, где, по словам его, находится и гроб этого святого, украшенный мрамором.

Анна Комнина и некоторые другие историки также утверждают, что мощи великомученика были погребены не в Лидде, а в Рамле. Причем Фока приводит сказание, что, когда один латинский епископ (Фока жил во время обладания Палестиною крестоносцев) хотел открыть гроб, дабы убедиться, что точно здесь, а не в Лидде почивают

мощи великомученика, – по отнятии мрамора открылась обширная пещера и несколько смельчаков из свиты епископа, хотевших спуститься в подземелье, были опалены подземным огнем, а двое из них заплатили и самую жизнь за свое неуместное любопытство. Наш паломник игумен Даниил, посещавший Святые места в начале того же столетия, рассказывает о Рамле следующее: «ту есть град Рамль и церковь Св. Георгие велика создана клетчки (клетью); ту и гроб его бысть; под алтарем, ту мученик Христов Георгий и воды многи суть. И ту опочивают все пришельцы странники у воды тоя, со страхом великим, есть бо место то пусто и доньне»^[4].

Надо полагать, что место согласно описываемой Даниилом и Фокою церкви занимает ныне главная мечеть, величественное здание, отличающееся чрезвычайно смелой башней (минаретом), которая, вероятно, была прежде колокольней христианского храма; это тем более вероятно, что тотчас возле этой мечети возвышаются развалины древнего монастыря. Слова же игумена Даниила: «ту воды многи суть», по всей вероятности, относятся к подземному водохранилищу, покрытому сводами о 24 арках. Сооружение этого обширного и довольно красивого водохранилища предание приписывает святой царице Елене; а за городом на иерусалимской дороге есть и доселе обширный открытый водоем вроде пруда, который, может быть, имел подземное сообщение с упомянутым выше подземельем. Все это показывает, что действительно древняя Рамля была обильно снабжена водой искусственным образом.

Кроме упомянутой мечети есть еще две другие, меньшие, и три странноприимных монастыря: греческий, армянский и латинский, служащие для приюта поклонников этих вероисповеданий. Около города тянутся обширные развалины, как бы предместья, и отсюда можно заключить, что прежде Рамля была несравненно больше. Впрочем, во времена библейские и потом римские и греческие Рамля не имела особенного значения, а под владением сарацинов упала еще более. Только во время крестовых походов она процвела и усилилась при наплыве поклонников, которые тогда постоянно проходили чрез нее в Иерусалим. Позже Саладин разорил ее, а Ричард Львиное Сердце вновь построил. Наконец турецкий султан Сулейман значительно обновил и укрепил упавший город; но теперь окружающие его стены снова обратились в развалины и только несколько полуразрушенных

башен припоминают прежнюю славу и рыцарского креста, который, блеснув минутно, не успел утвердиться здесь, так же как и в сердце самих более славлюбивых, чем христоролюбивых рыцарей.

Чрез Рамлю, служащую перепутьем для поклонников, которые ежегодно спешат из Яффы в Иерусалим к празднику Пасхи, проходит также большой караванный путь в Газу; поэтому в Рамле торговля довольно оживлена; здесь проживают даже несколько европейских купцов и находится несколько мыловаренных и маслобойных заводов.

Греческий монастырь, сооруженный в 1837 году, невелик и тесен, особенно при одновременном скоплении в нем большого числа поклонников. Древняя церковь во имя святого великомученика Георгия, построенная по преданию на том месте, где отсечена глава святого Георгия, помещается отдельно позади монастырского подворья. Она низка и мрачна; она была сожжена арабами при нашествии Наполеона в 1798 году и возобновлена вновь в 1808 году. Здесь показывают обломок мраморной колонны, ознаменованный чудом, о котором упоминается в житии святого великомученика (см. в Четь-Минеи под 20-м числом апреля месяца).

Из Рамли видны развалины Лидды, которая отстоит на один час пути от нее к северу. Она напоминает чудо святого апостола Петра, который воскресил здесь Енея, умершего от заразы. В Ветхом Завете место это называлось Лидою; а когда по совершенном разорении ее римским вождем Сестием была снова воздвигнута, тогда получила название Диосполиса. Но наиболее славится Лидда, как в древности, так и теперь, именем святого великомученика Георгия Победоносца, который по преданию был отсюда родом и здесь же претерпел мучение за Христа в царство Диоклетианово. Здесь находятся и донныне развалины великолепного храма, построенного Юстинианом в честь великомученика и обращенного впоследствии в мечеть. Лидда считается главным городом православного епископа того же имени. Титул этот в бытность мою в Иерусалиме принадлежал второму наместнику Иерусалимского Патриарха архиепископу Герасиму, скончавшемуся в 1860 году; это был муж, замечательный благодушным несением креста тяжелой болезни, которая по несколько раз в году повергала его на смертное ложе.

Латинский монастырь города Рамли, по преданию, построен на том месте, где был дом Никодима, одного из князей жидовских; одного

из потаенных «страха ради иудейска» учеников Иисусовых, приходившего к Нему для ночной беседы.

Недалеко за городом видны развалины древнего монастыря, который предание называет монастырем 40 мучеников, говоря, что сюда были перенесены из Гевастии армянской священные останки этих доблестных воинов Святого Креста. Напомним, что они приняли мученическую смерть за Христа в озере Севастийском, куда были ввержены по повелению мучителя зимою, в то время как на берегу озера стояла жарко натопленная баня, готовая принять того, кто бы решился предпочесть временную жизнь вечной. Один не устоял в подвиге и, выйдя из озера, бросился к бане, но один из приставников, которому были открыты в видении венцы небесные, готовые увенчать претерпевших до конца, видя постыдное бегство одного из 40 мужей, внезапно уверовал во Христа и за исповедание Его имени был брошен в волны хладного озера, – и таким образом восполнил собою сорокачисленный лик мучеников (см. житие их в Четь-Минеи под 9-м числом в марте месяце). Развалины монастыря весьма живописно заросли напалами и дикими фигами. Монастырь построен квадратом с двором внутри, а стены его еще довольно целы. Изнутри по лестнице можно спуститься в две подземные церкви, своды которых тоже еще целы.

Дорога от Рамли до Иерусалима

Латрун. – Ущелье Бабуль-уад. – Колодезь Иова. – Селение Кариаф-ель-Енаб или Абугош. – Замок Маккавеев, горный град Иудов, Модин, долина Теревинфов. – Колония. – Гора Самуила (Рама). – Селение Лефта. – Поклонная гора.

Поклоннический караван, переночевав в Рамле, оставляет ее до зари, с тем, чтобы успеть в Иерусалим до захождения солнца.

Тотчас по выезде из Рамли видите на правой стороне от дороги, между другими развалинами, большой открытый водоем, подернутый плесенью и сетью трав, наподобие наших прудов, – тот самый, о котором мы выше говорили. Дорога до Иудейских гор идет по той же равнине, на которой стоит Рамля. На всем довольно обширном пространстве (верст с 15) между Рамлею и этими горами видна только одна деревенька, на половине дороги влево, что немало удивительно, ибо почва земли заметно плодоносная и могла бы вознаградить сугубо за небольшие усилия. Не задолго до въезда в горное ущелье, уже в виду его встречаются направо от дороги древние развалины, называемые Латрун, вероятно от латинского слова *latro* – разбойник; здесь была деревня Латрун, по преданию родина «благоразумного разбойника» – Дисмас имя ему. Повествуют, что во время бегства Пресвятой Богородицы из Палестины в Египет с Младенцем Иисусом и своим обручником святым Иосифом, в одном пустом месте напали на них разбойники и хотели отнять осла, на котором они везли свои малые пожитки, а иногда садилась и сама Матерь с Младенцем; один же из разбойников, видя необычайную красоту Младенца, удивился и сказал: «если бы Бог принял на Себя человеческий образ, он бы не мог быть красивее сего младенца». Сказавши это, он не допустил своих товарищей обидеть чем-либо путников. Тогда Пречистая Богородица сказала разбойнику: «знай, что этот Младенец воздаст тебе воздаянием благостным, за то что ты теперь сохранил Его». Спустя много лет разбойник этот был пойман вместе с другим товарищем и осужден на крестную смерть. Посреди их был повешен вмененный со незаконными и Господь наш Иисус Христос. Благоразумный разбойник, вися на кресте одесную Спасителя, тронутый терпением

невинного страдальца, не последовал примеру своего товарища хулившего распятого Господа, но раскаявшись исповедал, говоря: «или ты не боишься Бога? мы достойное по грехам своим восприемлем, сей же не единого зла сотвори». И потом, осиянный лучом веры, вздохнув из глубины души, воскликнул: «помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!» и получил в ответ: «днесь со Мною будеши в раи». Так исполнилось пророчество Божьей Матери, что сей Младенец воздаст тебе некогда (см. в Четь-Минеи Сказание о бегстве Пресвятой Богородицы в Египет под 26-м числом декабря). Ублажая неизреченное милосердие нашего Искупителя, явленное в этом приснопамятном событии, Церковь воспевает: «разбойника благоразумнаго в едином часе раеви сподобил еси».

В Латруне прежде было два укрепленных замка, остатки которых видны и поныне на возвышении. Во время крестовых походов были тут военные сторожи для оберегания дороги из Яффы в Иерусалим. Саладин разорил их вместе с селением, а развалины, которые доселе грозно выглядывают, служили с тех пор убежищем разбойникам или лучше сказать ворам, оправдывая название селения. Ибрагим паша строгими мерами обуздал своеволие арабов и бедуинов и обеспечил надолго безопасность путешественников. Теперь хотя и не слышно о разбойниках, но без хорошего конвоя и ночью нельзя никому советовать миновать эти места, представляющие много удобства для грабежа. Газские бедуины вместе с шакалами, и такие же вольные как они, рыщут ночью, порою и в сумерках по обширной Саровской равнине, ища легкой добычи и безнаказанного грабежа, боясь лишь хорошего огнестрельного оружия и консульских кавасов.

Вскоре за Латруном начинается дикое и тесное ущелье, называемое Бабуль-уад: оно тянется между скалами, покрытыми чахлым кустарником и вереском, то ложем высохшего патока, то снова вдоль узкого и неровного прохода. Окрестность дика и уединенна; по сторонам от времени до времени встречаются развалины сторожевых замков; дорога (единственный знак, что тут были люди) есть не что иное как узкая стежка, обыкновенно висящая над пропастью и трудная для проезда, потому что как бы сложена из камней, которые постоянно скользят из-под ног, впрочем, уже привычных к этому неудобству животных^[5].

Вся окружающая природа невольно располагает к печали и задумчивости. Однако от времени до времени путь оживляется долинами, в коих растут деревья и видны древние, сложенные из камней систерны; встречаются также местами пасущиеся по горам стада маазет, – длинноухих коз, пастухи которых своею одеждою напоминают нашему воображению знакомых с детства вифлеемских пастырей; а если едете, как я, в феврале, то местами в долинах увидите и труды земледельца, плуг, запряженный волами и мало разнящийся от первобытного. Таким образом первые грустные впечатления страны прерываются от времени до времени библейскими образами.

Рамле

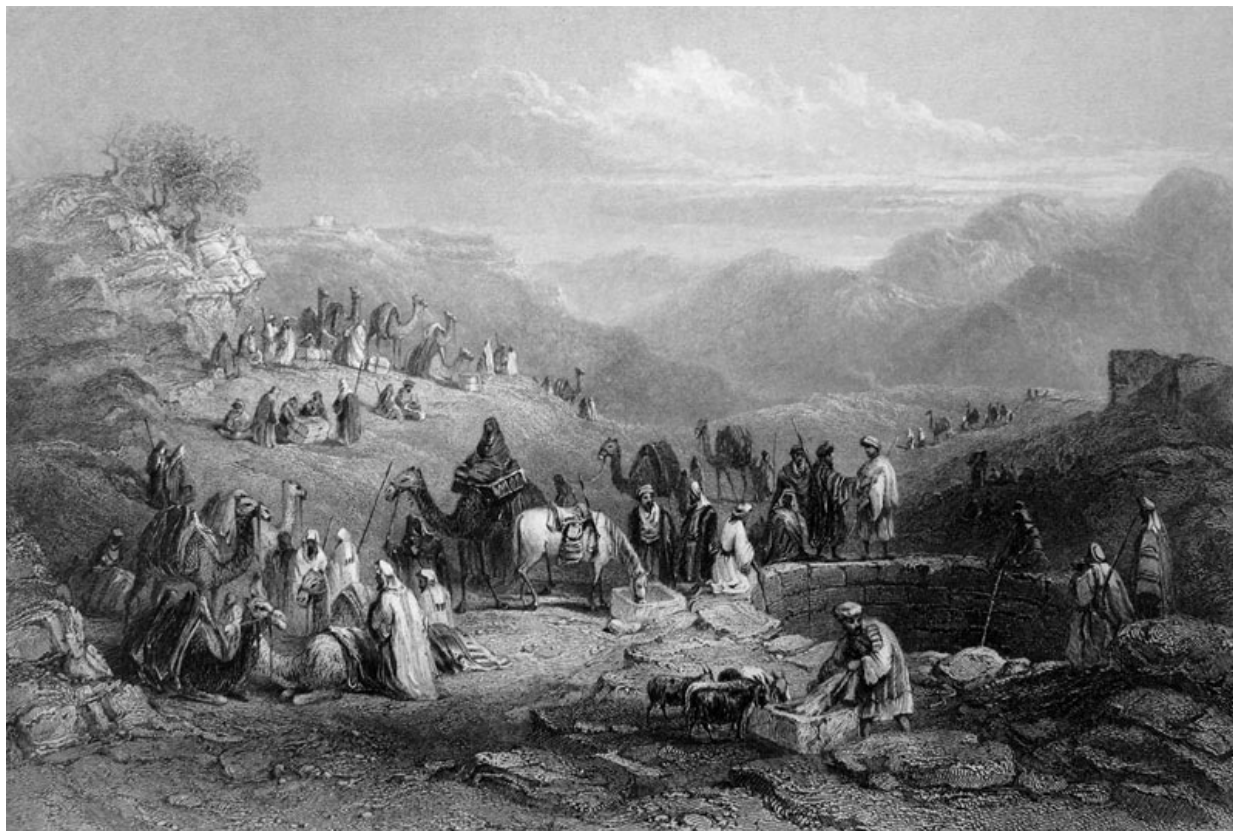
При одной из упомянутых выше каменных систерн, большей чем другие, среди гор в тесной низменной лощине, под тенью развесистых сикоморов и теревинфов, обыкновенно останавливаются поклоннические караваны, говоря по-русски, полдничать. Место это называется арабами Бер-Ейюб – кладезь Иова. Св. Писание упоминает о нем двукратно под названием кладезя Нефтоах (Нав 15, 9; 18, 15) или открытого. Он в самом деле открыт, но глубиною в несколько сажень, а

вода, несмотря на глубину, мутна и не вкусна для питья. Кладезь Иова находится почти на древней границе колен Иуды и Вениамина; границу эту означает старый и огромный теревинф, огражденный вокруг камнями; дерево это находится в большом уважении у жителей Иудейских гор, без различия их вероисповедания. Итак, место это лежит почти в самой середине Иудеи, между морем Мертвым и Великим или Средиземным. С вершины гор, на которые надобно взбираться, взор обнимал разом всю эту землю, предназначенную от Бога для избранного народа и осененную столькими благословениями и обетованиями, это наследие Ефрема, Иуды и Вениамина, о которых известно, что сравнительно с другими своими братьями они заняли край счастливый и плодоносный. А между тем так далеко, как досягают взоры, ныне виднеются лишь камни, терния и волчцы, два или три плохие поселка в уединенном пространстве; тени нескольких бледных олив обрисовывались на горизонте того Гаваона, на котором некогда солнце остановилось в течении своем, по слову Иисуса Навина!.. И сбылись предречения боговдохновенного Исаии: «еще 65 лет, и оскудеет царство Ефремово от людей (7, 8)... Горе венцу гордыни, наемницы Ефремовы, цвет отпадный от славы на версе горы тучные (28, 1). Господь рассыплет землю и опустошит ю, и откроет лице ея, и расточит живущия на ней» (24, 1).

Через три часа езды от места отдыха при кладезе Иова достигнул наш караван селения, разбросанного по скату горы; оно называется по-арабски Кариаф-ель-Енаб, или место винограда, вероятно от виноградников, которых довольно видно в селении и его окрестностях; при спуске с горы в долину, на правой стороне расположена древняя церковь, хорошо сохранившаяся и довольно обширная; внутри разделена пилястрами на три части, соединенные арками, что обличает ее византийскую архитектуру. Средняя часть несколько возвышена над боковыми. На горнем месте сохранились следы древних фресок, по которым можно угадать, что здесь был образ Богоматери. Греческое предание считает это селение евангельским Еммаусом, а церковь, воздвигнутую на месте той гостиницы, в которой, согласно евангельскому сказанию, Господь наш Иисус Христос, явившись по воскресении двум ученикам своим Луке и Клеопе, шедшим из Иерусалима в Еммаус, беседовал с ними на пути о приключившихся во Иерусалиме, доказывая им из Писания и пророков, что надлежало

всему этому исполниться; когда же пришли в Еммаус, Он «творился далечайше идти», но принял их приглашение переночевать в гостинице, и здесь «познася има в преломлении хлеба» (Лк 24, 13)^[6], Селение это называется в просторечии Абугош^[7] от своего нынешнего владельца Абугоша, в переводе отца Гошей, то есть родоначальника племени Гошей, некогда грозного разбойника, а теперь довольно мирного обитателя этого селения. Еще в 30-х годах нынешнего столетия Абугош называл себя князем Иудейских гор, накладывал кафар (дань) на путешественников, – и горные теснины, которые вы проехали, не раз были свидетелями стычек Абугоша с войсками турецкими. Ибрагиму паше удалось склонить его на свою сторону, и по его милости брат Абугоша даже некоторое время исполнял прибыльную должность иерусалимского мусселима (градоначальника). Когда же Сирия снова перешла во власть Турции, влияние Абугоша изменилось; чего не могла сделать сила, достигли хитростью: с помощью подкупа или измены Абугош был арестован турецким правительством и, просидев несколько времени в Константинополе в тюрьме, был однако выпущен оттуда за порукою Иерусалимского Патриарха. Уступая необходимости, он вошел в мирные сношения с турецким правительством, желая в то же время иметь в нем опору против искони враждебного ему племени арабов, живущих в окрестностях Хеврона, – племя это Ляхама. Иерусалимский паша, следуя обыкновенной политике слабых правителей: «разделяй и царствуй», извлекает свои выгоды из враждебных отношений этих двух племен, а Абугош, не теряя своего влияния между феллахами поселянами-арабами, отвечает правительству за безопасное путешествие в его владениях и проводит жизнь частного человека, предаваясь, как добрый мусульманин, благому кейфу. Проезжая мимо селения, оконечность которого занимает его горный замок, похожий издали на рыцарский замок средних веков, нередко можно видеть «князя Иудейских гор», лежащего близ дороги, под сенью сикоморов на ковре и ласково зазывающего знатных путешественников к себе на чашку кофе. Он особенно расположен к русским, и фраза, что он известен в дальней Московии, заметно льстит его самолюбию. В приезд в Иерусалим Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича в 1859 году Абугош выехал на встречу Великого Князя с четырьмя сотнями всадников и так же точно провожал его при отъезде, за что и удостоился получить в подарок

драгоценный перстень; это еще более усилило его расположение к русским путешественникам, и они спокойно могут проезжать мимо страшного некогда гнезда этого горного орла, пресыщенного незавидною славою прежних подвигов.

Местность близ Эммауса пл дороге от Яффы в Иерусалим

На конце долины селения Абугош есть другой источник, откуда дорога идет по узкому ущелью: справа видна высокая и круглая гора, на верху которой приметны развалины стен, а в середине башня, – это библейский Виферон верхний; ныне это место называется Кафель, или определеннее замком Маккавеев, ибо здесь затворялись не раз Маккавеи и, собравшись с силами, нападали отсюда на врагов. Вдали вправо между верхами нескольких скал блеснул на мгновение горный град Иудов, родина святого Иоанна Предтечи Господня, а далее высится конусообразная Гора франков или Модин, где, как говорят, держались еще некоторое время крестоносцы по изгнании из Святого Града. Эта гора насыпная. Менее чем через час езды дорога из ущелья выходит на долину Теревинфов, в которой по преданию происходила

битва Давида с Голиафом. Под древним римской постройки мостом едва струится ручеек, но действие его благотворно: по обеим сторонам его теснятся померанцевые, лимонные и другие плодовые деревья и разведены огороды, – зелень их радует взоры, утомленные видом суровой природы. В левой стороне деревенька, состоящая из нескольких домиков, обитаемых арабами-феллахами, – она называется Колония. У самого моста видны развалины какого-то древнего здания; судя по камням огромной величины с выемкой по краям – развалины эти относятся к еврейским временам^[8].

От Колонии опять идет подъем на горы и вокруг видны только обнаженные скалы; одна лишь Гора Самуила (Соба) увенчанная пышным садом составляет отрадное исключение из общего грустного вида окрестностей. Это древняя Рамафаим Софим или Рама, что значит «высота»: здесь родился и погребен пророк Самуил. При виде этой очаровательной горы невольно припоминается вся история евреев под правлением этого славного пророка. Самую вершину горы занимает небольшое селение состоящее из нескольких десятков домов, в середине которого возвышается древняя мечеть по преданию на самом гробе Самуила, которого мусульмане почитают не менее евреев. Европейские путешественники, побуждаемые любопытством также нередко посещают эту гору на возвратном пути из Колонии, которая служит крайним пределом для прохода и встреч знатных посетителей, родных и знакомых оставляющих Святой Град.

Наш древний паломник игумен Даниил также остановил внимание на горе Самуила, говоря; «и ту есть гора зело высока близ Иерусалима на десной руце тамо идучи от Яфамстеи и имя горе той Армафем; на той горе есть гроб святого пророка Самуила отца Елконя и матери египтяныни, ту бо было село и дом его; есть место городом отделано; да то зовется городом Аримафем».

После крутого и трудного спуска в узкую долину видно влево на склоне горы селение Лефта, дома которого представляются как бы иссеченными из окружающих его изжелта-белых скал; глядя на это селение, недоумеваешь, как и зачем могли поселиться люди в такой дикой и не представляющей никаких жизненных удобств местности. Отсюда снова крутой подъем на гору, но уже последний. Вот виднеется небольшая мечеть на возвышении, которое называется Поклонною горою.

Но вот вы и на Поклонной горе: проводники ваши что-то говорят вам, указывая рукою в левую сторону. Не нужно понимать слов их, сердце ускоренным биением своим подскажет вам, что они говорят, на что указывают. Вот отлогая гора с группою зданий на вершине: это Елеон с своей священной вершиной, с которой вознесся во славе Христос Бог наш; от его подошвы протянулась линия зубчатых стен, и из-за них выглянули сероватые купола домов и верхи таких же башен; ближе к вам белеется еще светлая оградная стена; из-за нее уже встают громадные постройки; вокруг их куча материалов, – это Мейданская площадь, а здания, на ней возводимые, – «Русские странноприимные заведения», которые, при помощи Божьей, скоро будут готовы принять под свой кров русских поклонников Святого Гроба^[9].

На Поклонной горе^[10] с давних времен существует обыкновение слезать с коней и идти во Святой Град пешком. Здесь же, при виде Святого Града, различно выражаются общие и частные чувства. Азиатский караван то есть, караван восточных христиан, в составе коего всегда бывает довольно женщин, при въезде на эту гору испускает пронзительный крик: «Ель-Кодс, Ель-Кодс» (священный город); караван менее пылких пришельцев дальнего севера, то есть наши земляки, редко выражают свои чувства каким-либо общим проявлением восторга, изъявляя их каждый по своим понятиям и по мере сердечной веры. Одни проливают тихие, радостотворные слезы, другие с благоговением повергаются на святую землю и целуют ее; те молятся тихо, иные творят молитву вслух.

«Бывает же тогда, как поведает Нестор наших паломников игумен Даниил, радость велика всякому христианину, увидевшему град святой – Иерусалим; никтоже бо может не прослезиться, видевши землю желанную и Места святая, идеже Христос Бог наш походи, нашего ради спасения, и идут пеши с радостью великою ко Святому Граду Иерусалиму». И это, говоря словом летописца, верно «даже до сего дне».

Взгляд на исторические судьбы Святого Града

*Прокляти вси ненавидящи тя, благословени
будут вси любящи тебе во веки*

(Тов 13, 12).

*Помилует Господь еще Сиона и избрет еще
Иерусалима*

(Зах 1, 17).

Латрун. – Ущелье Бабуль-уад. – Колодезь Иова. –
Селение Кариаф-ель-Енаб или Абугош. – Замок Маккавеев,
горный град Иудов, Модин, долина Теревинфов. – Колония. –
Гора Самуила (Рама). – Селение Лефта. – Поклонная гора.

Облако пыли скрыло из глаз моих передовых всадников, окруженных пышною свитою в разнообразных восточных костюмах. Вся эта эффектная обстановка делала вступление наше во Святой Град более похожим на въезд победителей в покоренный город, нежели смиренных поклонников Святым местам страданий нашего Искупителя, и по тому самому неприятно действовала на мои чувства. Чтоб рассеять это невольное впечатление, я далеко отстал от шумной толпы и остался один с своими думами. Итак, думал я, вот он – древний Иерусалим, столица чудес, мать пророков, царица народов, колыбель веры, похвала христианского света, а теперь – Ель-Кодс; турецкая крепость, резиденция паши!

Да, это так, – ибо и предсказано было, что так будет, и мысль моя унеслась в мимошедшие веки, в темную ночь отдаленнейшей древности.

Там светит ей книга Бытия. При ее священном свете мысленно вижу первосвященника Мельхиседека, закладывающего на горах Мории и Акре первые основания Иерусалима. Как царь Салима или мира, он приветствует Авраама, выносит ему хлеб и вино, ибо был

священник Бога вышнего (Быт 14, 18). Спустя полвека потомки Иевуса сына Ханаанова добывают Салим, ставят укрепленный замок на верху горы, находящейся против Геннома – на горе Сион (Нав 15, 8), дают ему название по имени их предка, а весь город называют Иерусалим или Откровение мира. Иисус Навин по прибытии в Святую Землю добывает нижнюю часть Иерусалима; но из Сиона вытесняет Иевуссеев лишь Давид, спустя восемь веков после их вступления в столицу Мельхиседека (2 Цар 5, 7). Он увеличивает замок Сионский и называет его градом Давидовым; на горе Сион строит дворец и скинию для Кивота завета. Соломон воздвигает на горе Мориа храм Богу живому, – это действительное чудо света, по описанию Св. Писания и еврейского историка Иосифа. Хирам царь Тирский шлет кедровые деревья и золото, смотря по тому, в чем нуждается Иерусалим; царица Савская едет в Иерусалим с большою свитою и богатством, а верблюды несут на себе благовония, множество золота и драгоценных камней, – и дивятся Иерусалиму все цари аравийские и князи земли... Итак Иерусалим отчасти имел уже то, что предрекал ему в будущем один из ветхозаветных праведников, когда говорил: «Иерусалиме, граде Божий, исповедуйся Господу Богу во благих твоих, и благослови Бога веков, да созиждет в тебе паки жилище свое, и радуешься по вся веки веков. Светом пресветлым процветеши и вси концы земстии поклонятся тебе. Языцы же издалеча к тебе приидут и дары носяще поклонятся в тебе Господу Богу и землю во святыню вменят. Имя бо велие воззовут в тебе. Врата Иерусалимска от сапфира и смарагда созидани будут и вся здания его окрест от камени пречестна. И улицы его от камени бела помостятся, и на стогнах его воспоют аллилуиа»^[11].

Но Иерусалим, град Божий, перестает «исповедатися Господу во благих своих» – и карает его Господь за дела рук его. Через пять лет по смерти Соломона Сесак, царь египетский, идет войною на Ровоама, овладевает Иерусалимом и отдает его на разграбление, а спустя полтора века делает то же самое Иоас царь израильский. Рука Божия тяготеет все более и более над преступным городом: ассирийцы берут в плен царя Манассию, а когда не стало наконец в нем праведника, ради которого простил бы Бог граду своему, Навуходоносор разоряет Иерусалим до основания (в 3513 году от сотворения мира), сжигает храм Соломонов и уводит евреев в пленение вавилонское. «Сион яко нива изорется (пишет Иеремия, повторяя древнее пророчество Михея)

и Иерусалим яко в путь непроходный будет, в луг дубравный» (Иер 26, 18).

Но через 70 лет умилосердился Господь и исполнилось пророческое слово: «возвращу пленение людей моих, пленение Иерусалима и воздвигну его, яко исперва». Во время Кира Иерусалим восстает из развалин в 532 году до Р. Х. Зоровавель начинает сие дело восстановления, Ездра и Неемия оканчивают его. Падает Вавилон по пророчеству: «вот народ идет от полунощи, народ великий и цари многие возстают от концев земли». Александр Великий приходит в Иерусалим (в 328 году до Р. Х.) и приносит жертвоприношения в святилище Божию. Но град Божий «не исповедывает Господа, как бы надлежало, о благих своих» и переходит из рук одних властителей к другим. Сначала Птоломей сын Лага становится властелином столицы иудейской. Филадельф обходится с нею великодушно и осыпает храм дарами. Антиох Великий (царь сирийский) отнимает ее у царей египетских и снова отдает Птоломею. Антиох Епифан овладевает Иерусалимом и в святилище ставит идола – Юпитера Олимпийского. Тогда восстают Маккавеи. Оскорбленный поруганием своей святыни, Господь подкрепляет их мышцею своею – они освобождают град Божий, очищают дом Господень. Иерусалим снова делается столицей царства Иуды свободного. Но Иерусалим не оставляет путей неправды: беззакониями готовится он все более и более к злодейству неизреченному. Маккавеи Гиркан и Аристовул спорят о короне, не помня сказанного: «И оставят языцы идолы свои и приидут во Иерусалим и будут жить в нем», призывают римлян, которые по смерти Митридата сделали властелинами Востока. Помпей, прибыв в Иерусалим, овладевает храмом; Красс отдает его на расхищение своим воинам; римляне остаются во граде Давидовом. Гиркан, под протекциею цезаря, удерживается на первосвященническом месте, но Антигон, сын Аристовула, объявляет ему войну, призывает парфян, вторгается в Иерусалим и берет Гиркана в плен. Тогда Ирод Великий, сановник двора Гирканова, делается властелином Иудеи с помощью римлян, и, взявши в плен Антигона, отсылает его к Антонию. По приказанию римского гражданина привязывают к столбу последнего потомка Маккавеев, законного царя иерусалимского и подвергают бичеванию. Ирод получает титул царя Иудеи, которою в действительности управляют римляне. «Князь от Иуды оскудел»; время

пришествия Мессии, предсказанное от века пророками, наступило: рождается Христос в царствование кесаря Августа в Риме, Ирода в Иерусалиме; а в царствование Тиверия совершается на голгофской скале величайшее в свете преступление: Сын Божий распят, – приносится и святейшая жертва: Богочеловек умирает за род человеческий!

На Агриппе, внуке Иродовом, оканчивается царство Иудейское, – Иудея становится вполне римскою провинциею. Бунтуют евреи, с которыми римляне обращаются как с невольниками. Не плачьте о Мне, говорил дочерям иерусалимским Спаситель, идя на вольную страсть, но плачьте о себе и о детях ваших, – и за несколько дней до сего Сам плакал о Иерусалиме. И вот Тит, в царствование отца своего Веспасиана, осаждает Иерусалим и овладевает им (в 71 году по Р. Х.); 77 дней длится осада; 115 000 трупов выносят только через одни городские ворота; кожа со щитов и обуви служит для осажденных пищею; а с увеличением голода едят сено, падаль, наконец мать съедает своего ребенка. У пленников римские воины вскрывают внутренности, подметив, что они проглатывают золото и драгоценности; 1 100 000 евреев погибает в самом Иерусалиме, не считая старцев, женщин и детей, умерших от голода или пожертванных огнем; 100 000 пленных обречены, как невольники, на работы или для украшения триумфа Тита. Европа и Азия дарит их улыбкой презрения в амфитеатрах, где, для увеселения народа, приказывают им убивать друг друга или безоружных пускают на борьбу с дикими зверями. Девы и юноши, моложе семнадцати лет, выставлены на продажу – 30 за один сребреник! Кровь Праведного была продана в Иерусалиме за тридцать сребреников, а народ вопиял: «пусть кровь его будет на нас и на детях наших!»

Во второй раз обширные развалины покрыли холмы, на которых стоял град Божий. Но развалины имели на себе иную, нежели прежде, печать! В их недрах скрывалось знамение Нового Завета, Крест Христов!.. Свет, который пробивался из-под груды этих камней и обломков, достигал далее, чем взоры победителей; блеском своим он разогнал тьму мира и растопил идолов древнего Рима. Прошло еще 50 лет; и опустошение Иерусалима доканчивает цезарь Адриан в войне, в которой погибают более 500 000 евреев, а 50 замков и 1000 местечек сравнено с землею. На развалинах столицы Давидовой возникает новый

город, город римский – Елия Капитолина; вход в него запрещен евреям под смертную казнь; на вратах города, ведущих в Вифлеем, вырезано изображение ненавистного им животного; и евреи золотом покупают себе право входа в Елию один раз в год, чтобы плакать на развалинах своей отчизны. Город Адриана построен на том самом месте, на котором стоит нынешний Иерусалим, и по особенному смотрению Божию скала голгофская вошла тогда в его стены. Посреди идолопоклонств и богохульств всякого рода погибает вовсе память о Иерусалиме иудейском, забывают даже, что когда-то существовал он. Во время гонения Диоклетианова один из мучеников отвечает, что он родом из Иерусалима. Префект римский полагает, что он говорит о городе, где-нибудь воздвигнутом христианами. И даже позже, когда Константин Великий ниспровергал статуи языческих богов, стоящие на Гробе Спасителя, а святая его мать украшала Святые места величественными зданиями, даже и когда Юлиан Отступник, 38 лет спустя, собирал евреев для восстановления Соломонова храма, усиливаясь доказать несостоятельность пророчеств Галилеянина, даже в царствование Юстиниана (в VI веке), когда Церковь христианская в Иерусалиме была возведена на степень Патриархата, – в мире гражданском не слышится более названия города иудейского: Патриарх Иерусалимский живет в Елии, городе римском, как о том свидетельствуют христианские путешественники до VII века.

Но вот Хозрой, царь персидский, овладевает Иерусалимом (в 613 г. по Р. Х.), а евреи покупают у него 90 000 пленных христиан и убивают всех. Рим уже давно пал под ударами варваров, ибо надлежало исполниться пророческой угрозе: «прокляты будут те, которые тебя Иерусалим ненавидели, и истреблены будут все, которые ругались над тобою». Горе орудиям кары и мести Божией! Это бичи, которые берегутся лишь, пока истребляются о биемых ими! И Восточная империя стремится к падению. Однако царь Ираклий побеждает персов (в 627 г.), возвращает из плена Древо Крестное и освобождает Иерусалим, но, увы, не надолго! Ибо вот (в 569 г.) родился в Мекке тот, которого преемники дали Иерусалиму новое название. Магомет, сын Абдаллаха, посещает Иерусалим, читает в Библии: «яко несть ин Бог Вседержитель разве Его» (Тов 13, 4), записывает этот стих в Коран и, по преданиям мусульманским, из Иерусалима же отправляется в свое воздушное путешествие. Читатели Корана признают Иерусалим за дом

Божий, град святых и чудес, за величайшую святыню и называют его Ель-Кодс. И потому на добытие святыни высылает Омар свои войска (в 636 г.); щадя город, длит осаду и приказывает начать штурм стихом из Корана, который служит им военным кличем: «войдем в Святую Землю, Богом нам обетованную». Лишенные помощи Ираклиевой, напрасно христиане сопротивлялись целые четыре месяца. Елия исчезает с карты света – Иерусалим облекается трауром, – Ель-Кодс распространяется на горах Мории и Сионе! Крест святой скрывается внутри Святого Гроба; полумесяц блестит извне на мечети Омара; смолкают звоны колоколов в Иерусалиме; муэззины в Ель-Кодсе сзывают с минаретов на молитву правоверных читателей лжепророка, – дрожит слабое царство Византийское при виде, какую силу дает вера даже в ложного пророка, – дрожит, ибо, сделавшись христианским по вере, не перестало быть римским, языческим по гражданскому устройству, роскоши и любви к зрелищам, – дрожит, видя, что заблуждение снова вызывает на борьбу истину, а только одна вера может победить его! Полумесяц становится против Креста – и открывается длинная эра преследований!

В течение двух с половиною веков сменяются в Иерусалиме поколения арабские и турецкие. Оммиады и Аббасиды, Тулуниды и Икчиды, Селевкиды и Фатимиды вырывают друг у друга Ель-Кодс. На Гробе Господнем происходит борьба неверных: то Багдад, то Египет побеждает, а Ель-Кодс принадлежит победившему калифу. Гордость неверных возрастает, – они не знают границ своему фанатизму, преследования умножаются, останавливаются странствования на поклонение Святым местам. Но Гроб Господень не может быть без стражей, – вопль миллионов: так хочет Бог, – распространяется по Западной Европе, – восстают целые народы, – тянутся сухим путем и морем бесчисленные ратники, – крест на груди служит им лозунгом и броней! При виде Иерусалима крестоносцы падают ниц, целуют Святую Землю, приветствуют Иерусалим, разбивают стан; устраивают свои ряды и с условным криком: так хочет Бог – начинают штурм.

Напрасно магометанский Ель-Кодс противопоставляет мужественное сопротивление. Так хочет Бог! – и христианские рыцари вступают в Иерусалим с Готфридом в главе, а окрестные горы долгим эхом повторяют клики о победе Креста. Но, подобно евреям, крестоносцы не исповедуются Господу «во благих своих»; они явились

в отношении своих братьев по вере – христиан восточных, как в Константинополе, так и во Святом Граде, поборниками той фанатической нетерпимости, которая и доныне отличает в Святой Земле ослепленных поборников папства. Паписты коварно величают свои преступные действия против православных христиан «победою цивилизации над варварством»; в отмщение за это ныне другая цивилизация «от мира сего» тем же самым именем величает свою победу над папством; но не желая обратиться от тьмы к свету и от лжи к истине, силится на развалинах папства водрузить знамя всеобщего нечестия и разнузданности, во имя лживого прогресса.

15 августа 1099 года пал Ель-Кодс в пяток в 3-м часу пополудни, в тот самый час, когда Христос предал дух Свой на Кресте; но не протекло еще столетия, (в 1188 г.) Саладин обратно взял Иерусалим, сбросил крест с мечети Омара водрузил на ней символ ислама – полумесяц. Напрасно одни за другими тянутся крестовые походы, сражаются и гибнут христиане; напрасно короли и рыцари с так называемым святым Людовиком спешат на помощь королевству Иерусалимскому: не того хочет Бог! Взаимная ненависть и несогласие вождей крестоносцев, фанатическое преследование восточных христиан, горшее паче магометанского ига, купеческая жадность городов итальянских, спор о титуле Иродовом губят благое по видимому начинание, ибо не того хочет Бог от христиан, и вот сыны Магомета доныне спокойно царствуют в Святой Земле.

Видно, в плане домостроительства Божья еще не кончилось предназначение Корана на востоке, и снова Ель-Кодс переходит в руки то бухарских мамелюков, то черкесских султанов из Египта; наконец рушилось царство восточное (в 1716 г.), султан Селим покорил Египет и Сирию-и Ель-Кодс обращается в турецкую крепость...

Но вот лет десять тому назад поднимаются новые крестовые походы на Иерусалим, как последняя, отчаянная попытка иезуитов поддержать обреченное на сотрание папство новыми завоеваниями душ; ученики римской пропаганды – миссионеры всех возможных орденов, сестры милосердия разных наименований, по Писанию, «преходят сушу и моря, чтобы сотворить себе единого пришельца» в Святой Земле. Против них, но и не за истину, ратуют миссионеры протестантские, преимущественно из Америки, основывая свое учение на песке человеческих мнений и не имея чем действовать на простые сердца

взрослых, ищут уловить в свои сети детей православных же христиан, предлагая им даровое, но чуждое истины просвещение. Цель этих новых крестоносцев та же, что и прежних, – завоевание Святой Земли, моральное и политическое, для чего прежде надобно «прельстить, аще возможно, и избранных». Что выйдет из этих новых крестовых походов – знает лишь Тот, Кто содержит в своей деснице судьбу царств и народов. Мы уже видели судьбу первых крестоносцев; последствия показали, что не того хотел Бог, чего желали они: послужит ли это уроком их нынешним потомкам? Как бы то ни было, а новое движение это (совпадающее с иными не менее замечательными событиями, в других классических пунктах христианского мира, – Риме и Константинополе) весьма знаменательно и не может быть чуждо интереса и для нас, поздних пришельцев на место этих действий.

С такими-то мыслями подъезжал я к Святому Граду, и, смотря на него, не видел его вовсе; он как бы исчез из глаз моих; передо мною проходили один за другим исполинские образы, из коих в каждом видна рука Божья. И исчезали эти образы один за другим, а мысль не могла их достигнуть. Кто сочтет миллионы убитых в стенах этого города, кто не задумается над вековыми событиями, пронесшимися над Иерусалимом с огнем и мечом, с потоками слез и крови, с опустошениями и пожарами?.. Шумные восклицания вокруг меня: слава Богу! мы приехали! мы в Иерусалиме! и т. п. исторгнули меня из области прошедшего и снова привели мне на память слова Писания о Иерусалиме: «языцы издалече к тебе приидут и дары носяще поклонятся в тебе Господу Богу и землю твою во святыню вменят».

Первые четыре дня в Иерусалиме русских поклонников

Размещение паломников. – Патриаршая церковь Свв. Константина и Елены. – Вечерня. – Трапеза. – Утреня. – Обряд умовения ног. – Пожертвования. – Разрешительная грамота. – Храм Воскресения Христова. – Вечерня и Литургия в храме Воскресения. – Расселение паломников. – Обедня в Гефсимании. – Георгиевский монастырь. – Пожертвования и траты паломников при посещении Святой Земли.

Во Святой Земле нет того, что мы называем у себя дома, гостиницами^[12], заезжими и постоялыми дворами. Мусульманин гостит у своего знакомого или в хане; для христианина гостиницею служит монастырь. Каждый обычно отправляется в монастырь своего вероисповедания и находит там приют и посильное гостеприимство.

С 1859 года в числе первых мер, принятых нашим правительством для улучшения быта русских поклонников Святой Земли, было устройство для них временных приютов в городах Яффе, Рамле, Назарете, где помещение дается безденежно. Приюты эти состоят в заведывании особых смотрителей, под главным надзором агентов общества Русского пароходства и торговли.

В Иерусалиме также заведены временные приюты для богомольцев, но по существующему издревле обыкновению они первые три дня своего пребывания в Святом Граде, пользуются гостеприимством греческой патриархии. По истечении же сего времени прежде размещались по греческим странноприимным монастырям (которые приличнее было бы применительно к нашим понятиям назвать «монастырскими подворьями»), а теперь каждому предоставлено на выбор: просить о помещении на весь поклоннический период в одном из русских приютов, которое дается бесплатно, или по-прежнему помещаться в греческих монастырях с установленною за сие платою.

Опишем первые четыре дня пребывания русских поклонников в Иерусалиме, согласно их собственным показаниям.

День первый

Поклонники, о числе и звании коих уже предуведомлена бывает Патриархия заранее яффским вице-консулом, под прикрытием его каваса, провожаются прямо в Патриархию, где и остаются в течение трех первых дней своего пребывания во Святом Граде до размещения по приютам или монастырям.

Прием новоприбывших в архондарике (гостином покое) со стороны греков бывает самый предупредительный и ласковый; их встречают иноки, а иногда сам епитроп патриарший, маститый старец, митрополит Петры Аравийской, преосвященный Мелетий^[13], довольно свободно объясняющийся по-русски, приходит поздравлять богомольцев с приездом. Первое угощение, по местному обычаю, состоит из глико (варенья), запиваемого холодною водою, рюмки раки (виноградной водки) и чашки кофе. А как большею частью поклонники приезжают в Иерусалим после ночлега в Рамле, под вечер, то после упомянутого угощения и необходимого краткого отдыха приглашают их к вечерне в домовую патриаршую церковь Свв. Константина и Елены, при входе в которую раздают по свече белого воска. Заметим, что при выходе свечи эти отбираются обратно, с платою за каждую в пользу церкви двух левов^[14]. Церковь Свв. Константина и Елены и теперь еще вполне соответствует описанию оной, сделанному в 1726 году известным пешеходом Барским. «Храм, – говорит он, – того ради во имя Святого Константина есть созданный, понеже быше ктитор и Велокой церкви и монастырю патриаршему и вся он созда; стоит же присовокуплен к стене великия церкви Воскресения Господня, отонудуже на стране левой есть окно (выходит на армянскую галерею) и зрится Гроб Христов и прочии места внутрь. Церковь она ащо и малая есть, но строением гладким и лепотным зиждема, и внутрь побелена вапною или известью чисто без всякого иконописания; по степеням же суть многоразличные повешены иконы, украшения ради, а местные образа обоюду царских врат стоящие вси суть серебром позлащенным покровены, кроме лиц; столп токмо един имать внутрь, имъже поддерживается, не может бо вместити больше, малости ради своей; подножие зело гладким искусным делом сочинено от таблиц мраморных троякого вида: бела, черна и червлена; что же реку о

седалище или троне патриаршем и о прочих столпцах и наложцах? Воистинну многие похвалы достойна суть, понеже вся дробным и избранным художеством, бисерным чрепокожием, то есть жемчугом, или перловою матицею и иными драгими костями от рыб морских насажденна и украшена суть»^[15]. Прибавим, что в этой церкви бывает ежедневное служение: вечерня, утреня и безрасходно обедня, (от трех часов ночи до шести утра), при которой присутствуют все члены Иерусалимского Патриаршего Синода, и сами старцы святители участвуют в этих служениях чтением и пением, а после Литургии, оканчивающейся обыкновенно на рассвете, каждый, по псалмопевцу, «исходит на дело свое и на делание свое до вечера».

По окончании вечерни ударяют в било и зовут богомольцев на вечернюю трапезу, за общий стол, который состоит из маслин, похлебки и каши из риса, или мелкой манной крупы с оливковым маслом; в промежутке блюд подносят каждому, в плоской металлической чарочке, вино домашнего изделия. Прислуживают сами иноки патриаршей обители: послушники, рясофорные монахи и иподиаконы; ужин начинается и оканчивается краткою молитвою, и после сего все расходятся на покой, в отведенные для сего общий архондарик и отдельные комнаты.

День второй

В 4 часа пополуночи ударяет колокол, призывающий поклонников к утрени в ту же домовую патриаршую церковь, которая бывает в это время прекрасно освещена, и слушают божественную службу до «Бог Господь и явился нам»; когда же начинается чтение кафизм, все вновь прибывшие богомольцы приглашаются в архондарик для умовения ног. Умилительный обряд этот совершается так: мужчин вводят в одну комнату, женщин в другую и приглашают сесть по диванам, стоящим вокруг стен. Один или два из иноков возглашает по-гречески стихиры великого четверга: «Союзом любви связуем апостоли, владычествуяще всеми себе Христу возложше, красны ноги очищаху, благовествующе всем мир» и проч. В это время входят три инока; один держит готовое белое полотенце к отиранию ног; другой, нося сосуд с теплою водой, подставив медный таз под ноги путнику, поливает их водою; третий же, преклоня колена на землю и взяв сперва правую ногу, потирает мылом и оmyвает согретою водою и, отерши полотенцем, лобызает ее, также и левую, но уже не лобызает оную; потом прыскают на руки розовою водою из узкогорлого сосуда (а женщинам оmyвают лишь одни руки). Получивший сию христианскую услугу, если он инок, благодарит умывавшего ему ноги поцелуем в плечо или камилавку. Этот умилительный обряд делается в подражание древнему восточному обычаю, повторенному в знак смирения и любви Самим Божественным Учителем нашим над Своими учениками; со стороны совершающих, как хозяев, он выражает любовь к своим гостям-богомольцам и основанную на словах Спасителя апостолу Петру благую мысль, что поклонники принесли в Святую Землю чистое сердце и имеют нужду, после путных трудов, только в омовении ног. После сего обряда поклонники возвращаются снова в церковь дослушивать заутреню, за которой безрасходно следует обедня (обычно начинающаяся после великого славословия).

По выходе из церкви идут прямо в общую трапезу, которая так же, как и ужин, состоит из обычных блюд: маслин, похлебки и рисовой или манной каши с оливковым маслом, причем угощают радушно вином.

Потом все богомольцы приглашаются в патриарший синодик, где обыкновенно в это время заседают: старший патриарший наместник

митрополит Мелетий, четыре архиерея и архимандрит, занимающий должность секретаря. Митрополит Мелетий, как умеющий объясняться по-русски, приветствует каждого из входящих, приглашая пожертвовать по своим средствам в пользу бедствующей под игом неверных и обремененной всегдашними долгами Иерусалимской Церкви, и притом записать на поминовение собственное имя и несколько имен ближайших родных, – на поминовение о здравии и за упокой.

Считаем уместным повторить нашим поклонникам добрый совет автора «Вечерних рассказов странника на родине». По этому же самому случаю он говорит: «Здесь каждый поклонник должен пожертвовать как можно более денег, потому что жертвуемая сумма употребляется на содержание храма Воскресения, всех палестинских церквей, братии монастырской и вообще всего православного духовенства, а также и на вспоможение больных и бедных палестинских христиан»^[16]. Само собою разумеется, что количество взноса не определяется никакой положительной суммой; но как во всяком деле, и здесь образовался род обычая, на который потому мы и обязаны указать: по этому вкоренившемуся от времени обычаю наименьшим взносом со стороны русских поклонников считается золотой (червонец), причем вносится в помянник два имени; одно о здравии, а другое за упокой. Отсюда само собою становится понятным, что и принимающие пожертвования, в свою очередь привыкши к такому определенному взносу, иногда не оказывают видимого сочувствия к меньшему пожертвованию (если не видят, что оно вынуждено крайнею бедностью); тем более, что некоторые из наших богомольцев, по простоте своей, не заботясь предварительно справиться, как и что принято, и положив свою лепту, например рубль или два, почитают себя вправе, как дома, наговорить сколько придет в голову имен своих близких. Растилку же каждому отдельно, в чем дело, чужеземцам недостает времени, да и совестно; из этих-то частных случаев и происходят взаимные нарекания, которые слышатся иногда со стороны хозяев и гостей. Вот почему мы сочли не излишним предупредить поклонников в назначаемых для них путеводных записках о укоренившемся обычае вносить в этом случае не менее золотого, с правом записать притом в помянник не более двух имен: оба о здравии или за упокой или одно о здравии, а другое за упокой. При желании записать большее число имен прилично увеличить соразмерно сему и приношение. При меньшей же лепте,

которая, впрочем, никогда не отвергается и не пренебрегается, достаточно будет записать лишь одно свое имя или имя того, кого особенно желаешь помянуть на молитве у Святого Гроба, и сим ограничиться. Нельзя не заметить одного обстоятельства, более всего порождающего взаимные недоумения и неудовольствия. Случается, что некоторые из наших поклонников, а чаще поклонниц, из числа так называемых «богомолок» по ремеслу, странствующих в Святой Град на собранные деньги, имеют в числе оных и такие, которые не даны им лично, но поручены для отдачи в пользу Святого Гроба, с просьбою записать на поминовение у оного имени жертвователей. Вместо же отдачи денег по назначению, богомолки по ремеслу затрачивают их, и то не по особой нужде или бедности, на покупку чётков, образков и других освященных вещей, с целью, по возвращении на родину, за эти вещицы снова выпрашивать подавание на продолжение своего странничества. Это не безызвестно Патриархии и особенно преосвященному Мелетию, который, бывши долгое время единственным духовником русских богомольцев, не мог не узнать о сем злоупотреблении доверия от некоторых из поклонников же, приносивших покаяние в израсходовании таких денег. Известность такого злоупотребления бывает поводом, что у некоторых заподозренных поклонников и поклонниц, в предостережение от увлечения ко греху утайки, греческое духовенство, при взносе или пожертвовании, вопрошает иногда: нет ли у них, сверх того, что они внесли, денег, порученных им от других для передачи в святогробскую казну; а они по незнанию языка или не поняв, в чем дело, а иные не стерпев в этом вопросе обличения, – распускают потом между собою оскорбительные для греческого духовенства слухи, что будто их обирают и т. п. Главным же образом происходит это от недостаточного понимания друг друга по языку и от взаимного незнания нравов и обычаев, знание которых бывает лишь следствием долгого опыта и наблюдения. По моему мнению, для отвращения этих недоумений можно было бы, в день собрания Синода для принятия пожертвований от каждой новоприбывшей партии поклонников, посылать в оный одного из членов Русской Духовной Миссии с обязанностью разъяснять поклонникам дело и быть посредником в немедленном устранении каких-либо случайных недоумений. В заключение каждому из поклонников выдается из рук епитропа Преосвященнейшего Мелетия

так называемая «разрешительная грамота» – печатный, большого формата (формы наших ученых дипломов и патентов) лист, украшенный широким тисненым бордюром с изображениями в клеймах: по углам четырех Евангелистов, а между ними главных евангельских событий, святых Иерусалимских Патриархов – Иакова и Кирилла. Содержание ее (см. в приложениях) подобно содержанию разрешительной грамоты, влагаемой в руки по уставу Церкви каждому окончившему свое земное странствование православному христианину во свидетельство разрешения и отпущения содеянных в жизни и заглаженных чистою исповедью и покаянием грехов.

Это свидетельство о посещении святых мест утешительно бывает показать по возвращении на родину своим ближним при рассказах о далеком странствовании; вот почему и дорожат им наши богомольцы; а как грамота эта по своему смыслу совершенно тождественна с разрешительной молитвой, по чину церковному влагаемой в руки умерших, то завещают вложить оную себе в руки, «как доброе свидетельство» доброго исповедания на Святых местах нашего искупления. Есть ли тут что-нибудь похожее на папские индульгенции или прощи, предоставляем судить всякому разумно мыслящему читателю. Тут же в синодике письмоводитель выдает и ярлык для поездки на Иордан на Пасхе в общем караване. Ярлык этот по выходе из синодика предъявляется сидящему на площадке за особым столом архимандриту, причем вносится рубль серебром на наем эскорты или конвоя и за право пользоваться от Патриархии палатками во время иорданской поездки.

Часа через три после сего, около вечерни, поклонники идут в храм Воскресения Господня. Чтобы сократить время нетерпеливого для всех ожидания, иноки Патриархии ведут поклонников сначала в церковь Св. мученицы Феклы, примыкающую к Патриархии; при входе в нее также раздаются свечи, отбираемые при выходе обратно, со взносом по два лева в пользу церкви. Здесь богомольцы поклоняются камню от Голгофской скалы, на которой отпечатлелся след стопы Спасителя.

Наконец приводят поклонников на нижнюю площадку храма Святого Гроба, пред Великие врата; при входе в них раздают свечи и с пением приличествующих стихир обводят по Святым местам, находящимся внутри оною, начиная с камня помазания и Святого Гроба, и оканчивая внутренним греческим храмом Воскресения, в

котором остаются слушать вечерню. Обход этот совершается по издревле заведенному чину, напечатанному и на славянском языке под заглавием «Сионский песнопевец»^[17]. По окончании вечерни с захождением солнца турки запирают врата храма, а новоприбывшие поклонники остаются провести в нем ночь для слушания ранней Литургии на Гробе Господнем.

Греческие иноки, живущие постоянно в храме на страже Святого Гроба, после вечерни приглашают богомольцев в свою трапезу, находящуюся во втором этаже под одним из приделов, расположенных внутри храма, позади церкви Воскресения; после трапезы богомольцы приходят в архондарик (у подножия Голгофской скалы), где так же, как накануне в Патриархии, игумен Святого Гроба приглашает их записывать для поминовения о здравии и за упокой имена близких сердцу особ, с пожертвованием посильной лепты, на содержание святогробского братства. Нельзя не сделать практического замечания, что здесь поклонники, преисполненные благоговейных чувств от посещения Святых мест, жертвуют иногда более и охотнее, чем в Патриархии. По укоренившемуся же обыкновению и здесь наименьший взнос считается русский червонец (золотой), причем записывается на поминовение два имени, хотя, впрочем, и принимают, кто что пожалует. В половине двенадцатого часа начинается утренняя в храме Воскресения; за ней (после славословия) безрасходно следует Литургия на Гробе Господнем, ибо при разделении часов служения греки старались удержать за собой право служить первыми на оном, что согласно и с правилом нашей Церкви: на одном престоле не совершать двух Литургий, – правилом, при настоящем распределении часов нарушаемом (разумеется, с нашей точки зрения) не нами, а армянами и латинами. За нашей Литургией следует армянская и наконец латинская; самолюбие армян и латин удовлетворяется тем, что входящие утром в храм посетители, при первом отвержении врат его, застают на Святом Гробе латинскую службу!..

День третий

По отверзении врат храма поклонники возвращаются в Патриархию. В этот день прежде обычно разводили поклонников по монастырям, распределяли по кельям, а остальное время употребляли на разбор вещей и устройство своего помещения, причем иноков и одиноких странников помещали преимущественно в Архангельском монастыре, семейных в Георгиевском (больничном), женщин в Феодоровском и Екатерининском, и за все время поклоннического периода (с Фоминой недели) взимали с каждого человека за помещение 60 левов (3 руб. серебром) и сверх того при самом вступлении в монастырь каждый поклонник обязан был пожертвовать в пользу церкви того монастыря 20 левов (1 руб. серебром), с записанием в помянник оной своего имени. Но с учреждением русских временных приютов в Иерусалиме порядок этот изменился; теперь вместо размещения по монастырям, от Патриархии зависящим, поклонникам предоставляется на выбор: помещаться на все время пребывания своего во Святом Граде в русских временных приютах или по-прежнему в греческих монастырях; помещение в приютах дается на весь поклоннический период, то есть от Фоминой недели до Воздвижения и от Воздвижения до Фоминой, бесплатно; если же кто пожелает остаться по окончании одного поклоннического периода еще на некоторое время или на следующий поклоннический период, то платит в пользу приюта 3 руб. серебром. О желании своем занять помещение в русских приютах поклонники заявляют в русском консульстве при явке в оное, которое и распоряжается назначением каждому приличного возмещения. Приюты эти снабжены всем необходимым для временного жительства и неприхотливых нужд русских поклонников.

Четвертый день

С вечера еще приглашают новоприбывших к обеду в Гефсиманию, а после обедни на архондарик, где предлагают обычное угощение, а после записывают в помянник имена описанным выше порядком, причем жертвуют посильную лепту на содержание сего храма. Здесь, так же как и у Святого Гроба, по принятому обыкновению, усердствуют золотой и более. Из Гефсимании провожатые от Патриархии ведут поклонников вокруг стены мимо Гефсиманского сада, близ гробовых памятников Иосафата, Авессалома, Иакова и Захарии, чрез каменный мост, перекинутый на Кедроне, и отсюда поднимаются в гору мимо заключенных ныне золотых врат и далее вдоль городских стен – Гнойными, а если они заперты, то Сионскими вратами, направляясь в Георгиевский монастырь, находящийся в Еврейском квартале. Здесь в ожидании обеда, помолясь в церкви, богомольцы могут любоваться с высоты монастырской террасы пленительными видами окрестностей Святого Града: вблизи – долины, или, лучше сказать, ущелья, окружающие Святой Град; далее – Иудейские горы с одной стороны, с другой синева тумана, указывающая на Иордан и Мертвое море, за которыми встают дикие, скалистые горы пустынной Аравии. После сытной трапезы поклонники также записывают свои имена, причем жертвуют в пользу монастырской церкви от 20 левов (1 руб. серебром) и более, по средствам и усердию, и отсюда расходятся по своим монастырям.

Из этого краткого обзора оказывается, что обыкновенный и утвердившийся временем единовременный взнос в пользу Святых мест простирается от 15 до 20 руб. серебром. Если прибавить к этому еще золотой на пожертвование в пользу монастыря Саввы Освященного и в Вифлеем, которые посещаются также вскоре по прибытии в Святой Град, то вся сумма единовременных церковных пожертвований в пользу Святых мест составит 20 руб. серебром. Следовательно эту сумму каждый из поклонников, предпринимая странствование по Святым местам, должен иметь ввиду сверх других издержек, как необходимую для того, чтобы посетить Святые места, не нищенствуя открыто и удовлетворяя вполне своему религиозному чувству. Большие же пожертвования зависят от личного усердия и не обязательны.

Мне случалось довольно расспрашивать богомольцев о их издержках, как на пути, так и в Святом Граде, и эти расспросы привели меня к убеждению, что богомольцам для совершения путешествия в Святой Град и пребывания в оном в течение одного поклоннического периода потребно не менее 200 руб. серебром или 700 руб. асигнациями. Сумму эту надобно разделить так: 25 руб. на проход с родины до Одессы и прожития здесь, 100 руб. на проезд из Одессы до Святого Града и обратно (оставляя в консульстве в Яффе не менее 50 руб. серебром на обратный путь); 25 руб. на пожертвования; 25 руб. на прожитие в Святом Граде; 25 руб. на покупку освященных вещей, как-то: чёток, крестиков, образков и т. п. С собой всех денег отнюдь не носить, а, выправив увольнительное доношение, отослать вперед 175 руб. серебром по почте в Одессу^[18].

Ночь в храме Святого Гроба

Церковные службы. – Братства трех вероисповеданий, обитающие в сем храме. – Отношения их.

Ночь не светла неверным, Христе, верным же просвещение в сладости словес Твоих.

Желающие слышать службу на Святом Гробе Господнем должны заключиться в храме с вечера, ибо представители всех трех вероисповеданий, имеющие право совершать оную, совершают ее до рассвета, а турки лишь с восходом солнца отворяют врата. Служба следует в таком порядке: в первый час пополуночи начинают Литургию греки, в третий армяне, в пятый латины.

После греческого повечерия на Голгофе, во время коего обычно поют канон Кресту, указывают вам комнаты для ночлега, или одиночные над Голгофою, или общие на хорах в западной части храма. Не раз мне случалось заключаться в храме: для служений соборных по особым случаям, для личного служения на Святом Гробе, по собственному желанию или по просьбе новоприбывших знатных поклонников, или наконец просто для того, чтобы помолиться наедине у Святого Гроба. Врата затворяются после вечерни, но самыми приятными часами пребывания в храме было для меня время от 8 до 11, ибо тогда всё стихало в храме Воскресения; богомольцы, окончив поклонение Святым местам, частью уходили на отдых в архондарик, частью составляли отдельные группы в разных приделах, опоясывающих галерею греческого собора. Издали долетали из так называемого придела темницы мерные звуки чтеца, читавшего акафист Божией Матери или правило к причащению; звуки эти прерывались от времени до времени глубокими вздохами внимающих чтению. Местами одиночные молитвенники, приютясь где-нибудь в темном уголку, изливали свои незримые слезы. Оставляя тогда свой приют над Голгофою, окруженный молчанием, я обходил поочередно святые места с Евангелием в руках и на каждом при свете неугасимых лампад читал напоминаемую тем местом часть страданий Христовых, читал и потом, отложив книгу, размышлял о читанном. Ибо вокруг вас находятся здесь все главнейшие воспоминания этих святых страстей, которые были и

будут всегда для христианина неисчерпаемым источником науки, утешения, печали по Бозе и высшей любви. Куда ни обратишь взоры, везде говорят тебе воспоминания самого высшего страдания и любви. Здесь видишь плач и печаль жен мироносиц; там созерцаешь очами веры на разных местах «скорбящую Матерь», над которой сбылось предреченное Симеоном: «и твою душу пройдет оружие». Тут как бы соприсутствуешь трогательному обряду умащения ароматами снятого со Креста тела Иисусова двумя благочестивыми и знатными мужами, которые хотя сначала и были потаенными учениками, но смерть Христова устранила все людские предубеждения, и вот они явились открытыми исповедниками Богочеловека.

Блуждая среди этих болезненных воспоминаний, взор невольно отдыхает на двух бессмертных памятниках победы над смертью и грехом, на двух святейших источниках нашего искупления, на Святом Гробе и Голгофе. Ах, Голгофа! никогда я не мог освоиться с этим алтарем всемирной жертвы, никогда не вступал без трепета на эту страшную скалу. Пробовал я читать здесь евангельское сказание о страстях нашего Спасителя, но убеждался, что легче плакать и молиться без слов, бия в перси своя, как мытарь, или вспоминая слова благоразумного разбойника, здесь произнесенные: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем!» Напрасно также стал бы я искать слов, чтобы передать вам вполне силу и новость впечатления первой ночи, проведенной в храме Святого Гроба: остаюсь уверенным, что каждый, кто сохранил в душе своей хотя искру христианского чувства, не выйдет отсюда, не омыв на Живоносном Гробе слезами покаяния грехи свои.

Около 11 часов все окончательно стихает внутри святилища, лишь слышен звон часовых курантов, отбивающих четверти в разных местах храма, да проскользнет робко, как тень, кандилловжигатель греческого или латинского братства, приходящий от времени до времени в часовню Святого Гроба и другие приделы поправлять неугасимые лампы. Прерывистый сон или, лучше сказать, минутное забытие утомившихся напряженным бдением прерывается почти в преполовение ночи (в половине двенадцатого часа) резким, сперва медленным, а потом учащенным ударением в медную току, звуки которой громко вторятся обширными сводами сумрачных галерей святилища, а последующая за тем тишина наполняется воплями

восточной молитвы. Чужды нашему уху и резки для него звуки церковного пения наших единоверцев греков, но когда произнесутся среди них знаковые слова: Иерусалим, Голгофа и другие, которые относятся к окружающим вас в эту минуту святыням, дрожь невольно пробегает по телу. Так никогда не мог я слышать без тайного умиления пение псалмов в дивной их отчизне, как, например: «Благословен Господь от Сиона живой во Иерусалиме». За полунощницей, которая для каждого вероисповедания совершается в своих приделах (для греков в Воскресенском соборе), следует утренняя. Когда по шестой песни канона начинается чтение, то служащий на Гробе очередной иеромонах, облачившись, берет уготованные на жертвеннике антиминос и сосуды со всеми принадлежностями, а перед ним идет сослужащий ему диакон со свечою, и разослав антиминос на середине Святого Гроба, на левой стороне оного (в головах), иеромонах начинает совершать проскомидию, во время коей вынимает и частицы из подаваемых богомольцами просфор (малых, плоских с изображением наверху Воскресения Христова).

В приделе Ангела, на тумбе, в которую вставлена часть камня, отваленного от Гроба, постилагается пелена и поставляется Евангелие и перед ним свеча; оно и остается здесь до входа с Евангелием. Когда начинается в соборе великое славословие, тогда вся святогробская братия, предшествуемая двумя священосцами, шествует из Воскресенского храма с пением ко Гробу Господню; за ними следуют и богомольцы. Несколько братьев входят в придел Ангела и читают помянники. По отпуске утрени в исходе первого часа пополночи начинается Литургия. Евангелие, когда бывают богомольцы, читается на двух языках – греческом и славянском; причем надобно заметить, что во весь год читаются здесь воскресные Евангелия, неотменно, хотя и случится какой другой праздник. Начальный возглас: «Благословенно царство...» произносится служащим иереем внутри пещеры Святого Гроба, но до входа с Евангелием служащие находятся более в приделе Ангела, а по входе с Евангелием, который совершают следованием на восток, противу дверей кувуклии, и по поставлении оного на Святом Гробе, остальная часть службы совершается в самой пещере Святого Гроба. Когда же присплет время большого выхода, тогда обходят вокруг кувуклии наподобие крестного хода с пением заключительных слов херувимской песни: «яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо

дориносима чинми»: впереди идут певчие, за ними пономарь с подсвечником, потом два мальчика в стихарях со свечами в руках, а за ними диакон с Агнцем, потом священник с потиром, творя поминовение по чину, и, обойдя кувуклию, теми же воротами входят внутрь погребальной пещеры.

Пред окончанием Литургии, по заамвонной молитве, священник, взяв антиминс, несет святую чашу, предшествуемый свечами, при пении «Воскресение Христово видевше», в алтарь Воскресенского храма, где и потребляются Святые Дары. А для присутствовавших при Литургии выносятся из ризницы крест с частию Животворящего Древа, коему и поклоняются при пении стихиры: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко, и святое воскресение Твое славим», а потом подходят к священнику для получения антидора. После чего присутствующие приглашаются на архондарик и бывает обычное угощение: глико с водою и чашка кофе, иногда с сухарем, осыпанным сусанновым семенем.

Литургия оканчивается к 3-м часам утра. После православных немедленно занимают гробовую пещеру для служения своего патарака (Литургии) армяне, которые большую часть службы сидят на полу на разостланных коврах. В пять часов начинают свою мшу (обедню) латины при звуках органа, так что, когда с восхождением солнца ворота храма отверзаются, входящие в него богомольцы застают окончание их службы.

Таков ежедневный порядок службы на Святом Гробе, ибо в дни нарочитых праздников порядок этот изменяется по потребности каждого вероисповедания и строго ограничен фирманами, основанными частью на взаимных условиях, частью на испрошенных и купленных у корыстолюбивого турецкого правительства правах.

Поздняя православная Литургия внутри храма Воскресения бывает в разных местах, соответственно воспоминаемым событиям; так, в воскресенье – в Воскресенской церкви (архиерейское); в понедельник – в приделе Св. Лонгина сотника; во вторник – у Св. Иоанна Предтечи (под Голгофою); в среду – в приделе успения Пресвятыя Богородицы (так называемая темница); в четверг – в приделе поругания; в пятницу и субботу – на Голгофе (в субботу служение архиерейское). Ежедневные утренняя и вечерняя всегда бывают в храме Воскресения; после вечерни поют Параклис Пресвятой Богородице: «многими

содержимь напастьми». Потом бывает ужин. После оногo повечерие на Голгофе, с канoном Кресту, акафистом Пресвятой Богородице и прочим последованием. И по окончании всего, поклонившись святыням, ложатся спать. Литии же или ежедневных вечерних с молитвословием хождений ко всем святыням, по причине утеснений от латин и армян, не бывает, но те и другие продолжают их издревле одни за другими, т. е. сперва латины, а за ними армяне.

В храме Святого Гроба живут в настоящее время три братства: греческое, армянское и латинское. Греческое состоит из иноков, пребывающих там бессменно; армяне и латине сменяются, последние через каждые три месяца.

Греческое братство Святого Гроба управляется игуменом, которым в мое время был архимандрит Амвросий (он был игуменом и прилежащего Авраамиева монастыря), постриженец обители Св. Саввы Освященного, пользовавшийся общим уважением своих и пришельцев за его подвижническую жизнь, духовную мудрость, сердечную простоту и доброту. Его помощником был иеромонах Серафим, ризничий и казначей, заступивший место о. Амвросия, скончавшегося о Господе в 1858 году; помощником его – благоговейный иеродиакон о. Авраамий. Кандилантом Святого Гроба в мое время был инок серб, о. Акакий, который при знании русского языка привлекал всех православных богомольцев своею услужливостью. В числе четырех очередных иеромонахов в мое время было двое славян: один серб, а другой болгарин, из постриженцев Зографского болгарского, что на Афоне, монастыря. Братство святогробское состоит не более как из 12 человек. Долг справедливости требует отдать честь тому усердию, которое оживляет их в постоянном, можно сказать, неусыпном труде; нередко проводя ночь в храме и участвуя по временам в ночных богослужениях, я никогда не видал между ними опоздавших на оные или заспанных, но напротив, всегда видна была готовность и собранность духа. Если францискане, три месяца проведенные в храме, считают это великим подвигом и громко похваляются им пред своими поклонниками, то что же сказать о непрерывных трудах, которые постоянно несут святогробские иноки, о ежедневно бессонных ночах, о помещении, состоящем, например, у очередных иеромонахов из низких и сырых комнат (расположенных в нижнем этаже внутренней галереи с

западной стороны кувуклии), которые днем и ночью освещает один свет – неугасимой лампы пред иконою?

Пища их круглый год постная, состоящая из чечевичной похлебки или рисового супа, неизбежных маслин, рисовой каши с маслом, овощей и плодов, сообразно времени года. О рыбе нет и помину, разве привезут когда из Константинополя скумбрии (маленькая рыбка вроде кильки) или поклонник из болгар подарит бурак дунайской икорки.

В краткий промежуток между богослужениями послушники занимаются приготовлением покрывал или саванов, во множестве разбираемых поклонниками. Это кусок бумажного полотна различной доброты и тонины, отрезанный по длине и ширине в меру верхней доски Гроба Господня или камня помазания; на нем разогретым воском наводится на одной стороне изображение Креста Господня с Адамовой головой внизу. По сторонам греческая надпись: «свет Христов просвещает всех». Эти полотна, освященные на Гробе Господнем, поклонники покупают по три и более левов за штуку и уносят в числе нескольких экземпляров в свою родину, где и берегут их для себя и ближних родных, на час смертный, дабы память Иерусалима земного и покров с его святыни провождали отходящего в Иерусалим небесный. Армянские поклонники тоже берут у своего духовенства эти покровы.

Францискане, находящиеся в храме Святого Гроба, живут в своем монастыре, пристроенном к южной стене храма Воскресения; вход в их жилище изнутри, чрез их придельную церковь «явление Божией Матери»; в углу коридора систерна. Тут же показывают окно в стене, через которое подавали им пищу и воду, когда они во время морового поветрия затворились внутри своего монастыря, отказавшись и от утешения умереть на страже Святых мест, тогда как греческое братство Святого Гроба, предавшись в волю Божию, продолжало безбоязненно свое служение. Внутри монастыря 13 келий, из коих 10 занимают сами, а три предназначены для богомольцев, желающих провести ночь или несколько дней в храме. Францисканам же принадлежит большая половина верхней галереи ротонды, за исключением нескольких покоев, находящихся во владении греков, и треть части ее (т. е. ротонды), уступленной им сперва грузинами, а от них доставшейся потом армянам. В галерее этой нет других украшений кроме портрета бывшего французского короля Людовика Филиппа, занимающего весьма невидное место, тогда как комнаты Reverendissimussa

(настоятеля францисканского иерусал. братства) уже украшены великолепным портретом императора Наполеона III. Sic transit gloria mundi! Небольшое армянское братство живет в упомянутой верхней галерее близ своего придельного храма и в нескольких кельях нижней, уступленных им сириянами. Копты имеют здесь также одну или две кельи против своей часовни.

Греки, как исконные владельцы Святых мест храма, построенного их природным императором Константином Великим, и доселе, несмотря на все козни, политические и религиозные, своих соперников, преобладают в храме. Мусульмане, арабы иерусалимские при безразличном презрении ко всем христианским вероисповеданиям, однако по укоренившемуся в них издревле убеждению настоящими христианами признают лишь православных, так что слова «христианин» и «православный» (рум) у местных арабов однозначны. Притом греки пользуются и естественным покровительством правительства, как турецкие подданные; латины же называются франками (т. е. европейцами) по преимуществу; их боятся, ибо боятся столкновения с покровительствующими им консулами, французским, австрийским и испанским; а армяне, как привилегированные банкиры турецкой империи, пользуются снисхождением и правами лишь за деньги.

По-видимому, все три братства, заключенные в стенах храма Святого Гроба, живут довольно согласно между собою; члены каждого из них при взаимных встречах приветствуют друг друга поклонами; не раз случалось видеть, как иноки всех трех вероисповеданий, когда по вечерам выходят на площадь подышать чистым воздухом, дружелюбно разговаривают друг с другом; но все это лишь по-видимому, как бывает во время перемирия между солдатами двух враждебных армий, ибо в сущности это непримиримые враги, которые зорко следят друг за другом, и неудивительно! За каждый повешенный там или в другом месте образ, за каждую лампадку либо другую самую малейшую вещь представители каждого вероисповедания должны были вести с другими ожесточенный бой; особенно же приходится иметь осторожность против постепенного присвоения мест; сначала вобьют где-нибудь гвоздь, и если та сторона, которой принадлежит это место, не вступится за это, тогда спустя некоторое время вешают образ, а там мало-помалу присваивают и все место. В этих постоянных борьбах и междоусобиях

закключаются различные союзы: против греков соединяются армяне с латинами, но чаще всего случается соединяться грекам с латинами против армян, которые не столько по религиозным предубеждениям, сколько по духу народной исключительности суть непримиримые враги греков, а втеснившись посредством подкупов во все Святые места, они и до сих пор не перестают разнообразными происками нарушать покой внутри величайшего из земных святилищ.

Вражда греков с латинами имеет характер более мягкий и происходила последнее время более от высокомерия их епископа, достойного воспитанника иезуитов, монсеньора Павла Валерги, которому мешает быть спокойным то, что нынешний Папа Пий IX вздумал почти через шесть столетий возобновить Латинский Иерусалимский Патриархат, почтил Валергу праздным титулом Иерусалимского Патриарха, дав ему притом привилегию – посвящение в рыцари Святого Гроба. Как слышно, Валерга, испрашивая себе у Папы это последнее право, имел намерение употребить это учреждение для того, чтобы увеличить число если не защитников Святого Гроба, то по крайней мере приверженцев, защитников и пособников его широко задуманного плана: политически-религиозного завоевания Палестины.

Но мы еще будем иметь случай в своем месте ближе познакомиться с иезуитскими действиями достойного прелата, а теперь перейдем к рассказу о тех нередко кровавых сценах, которых свидетелем бывает святой храм почти ежегодно. Трудно без глубокой скорби слышать и видеть это разделение и ссоры при самом Гробе вечного Царя мира и бесконечной любви; но глубже вникая в поводы их, трудно и обвинять представителей того или другого вероисповедания за то, что в избытке религиозной ревности они стараются расширить свои владения в Святых местах; для них не существует никаких других интересов, ибо все они мыслят и мечтают лишь об этих местах. Пусть себе превратится порядок всего мира, пусть царства падают и восстают, для них эта вещь посторонняя; но пусть кто-нибудь на вершок лишний займет не принадлежащее ему в храме место, тогда мысль всех тотчас же возмутится, все придет к движение и успокоится не прежде, как уничтожатся замыслы противника. Мне не раз случалось говорить об этом с греками и армянами: они даже не понимают, как европейцы могут смотреть холодно на такой важный предмет, как обладание и преобладание на

святых местах: «ревность дому твоего снеде мя», отвечают они словами пророка Давида на упрек в религиозной нетерпимости. И действительно, чтобы нам понять их, надобно или стать на их место, или по крайней мере пожить подолее в сфере волнующих Святой Град исключительно религиозных вопросов, каков, например, недавно был вопрос о покрытии полуразрушенного купола над ротондою Святого Гроба и т. п. Известно, что обладание тем или другим местом в храме, стеною или престолом, дает право на отправление там богослужения; если же другое исповедание имеет также подобное право, оно не может тогда снимать никаких украшений, находящихся на этом месте, но не принадлежащих ему. Так, в Голгофской церкви, на престоле, принадлежащем грекам на месте воздвижения Креста, латины имеют право по фирману раз в год в Великий Пяток отправлять свое богослужение. Это правило было однажды поводом к кровавой ссоре латинов с греками. Чтобы дать нашим читателям понятие об этих грустных сценах, случающихся к стыду всего христианства почти ежегодно в больших или меньших размерах, расскажем об одной из них, бывшей в 1845 году. Латины рассказывают, будто тогда поводом к ссоре был греческий ковер, разостланный пред престолом, который несмотря на их просьбы греки никак не хотели убрать и начали драку будто за то только, что францискане свернули его, чтобы отложить в сторону. Но наш паломник и писатель, о. Парфений, бывший очевидцем этого происшествия, и другие люди, достойные всякого доверия, рассказывают, что дело шло о срачице, которая осталась на греческом престоле по убрании с него верхней одежды. Латины требовали настоятельно, чтоб сняли и срачицу; напрасно греки говорили, что она по церковному чиноположению никогда не снимается и составляет как бы одно целое с престолом, ссылаясь и на фирман, в котором ничего об этом не сказано, т. е. не требуется снимать оной. Тогда гордый латинский епископ (титularный Патриарх) монсеньор Валерга, горя нетерпением и злобою, собственноручно сорвал с престола срачицу и святотатственно бросил ее на пол. Этот возмутительный поступок и послужил сигналом к началу драки: греки дрались дровами, принесенными из коридора, а латины процессиональными свечами. Турецкие солдаты бросились было разнимать, но и у них поотнимали ружья. Шум, крик и вопль увеличился еще тем, что братства всех трех вероисповеданий били в

храме тревогу, кто чем мог. Войско турецкое, усиленное свежим отрядом, окружило часовню Святого Гроба и заперло врата Воскресенского храма, чтобы предупредить расхищение часовни и храма. Драка распространилась по всей церкви. Валергу сбросили с Голгофы. Патриарший наместник старец митрополит Мелетий тщетно увещевал своих; ему отвечали: «ты, владыка, ступай в свое место, а мы все здесь умрем за свою веру; ибо нас мало, а еретиков много!» Драка продолжалась более часа, пока не пришло турецкое войско и сам паша. Потом с час продолжался совет между пашой, архиереями и консулами, после коего все разошлись по своим местам. Латины снова начали свое богослужение. По словам отца Парфения, как очевидца этого события, Голгофа была вся полита кровью, и всю утреню четыре человека мыли ее водою; трех человек убили до смерти; такого кровопролития, прибавляет он, я не видал от роду! Подобная же драка между греками и армянами происходила в храме, в бытность мою в Иерусалиме, в Великий Четверг 1859 года, о чем см. ниже. Будем надеяться, что миротворное влияние русской миссии, добрым отношением к которой столь видимо и не без причины дорожат армяне, положит навсегда конец этим плачевным сценам: и такой мирный подвиг может доставить представителю русского духовенства на востоке более чести, нежели «завоевание душ», которым заняты все помыслы Латинского Патриарха.

Храм Воскресения Господня и находящиеся внутри его Святые места

Путь ко храму и памятники на пути. – Входные врата. – Турецкая стража. – Камень помазания. – Часовня Гроба Господня (кувуклия) с приделом Ангела. – Голгофа. – Краниево место. – Придел поругания и тернового венца. – Церковь Константина и Елены. – Сведения о Кресте Христовом. – Место обретения Креста. – Придел разделения риз. – Придел Лонгина сотника. – Место уз и темницы Христовых. – Церковь Явления. – Ротонда. – Гробы Иосифа и Никодима. – Греческий храм Воскресения.

Лишь на другой день по прибытии в Святой Град получили мы вожделенное и нетерпеливо ожидаемое всеми приглашение отправиться на поклонение Святому Гробу. Пройдя через патриарший сад, отделяющий дом Русской миссии^[19] от дома построенного нынешним Патриархом Блаженным Кириллом для своего пребывания (во время посещения Святого Града), и пройдя чрез улицу, мы вступили во врата собственно так называемой «Патриархии», по лестнице поднялись во второй этаж ее и мимо устроенной на сей же террасе виноградной беседки спустились по длинной лестнице вниз – к месту второго^[20] явления Спасителя по воскресении женам Мироносицам. На этом месте построена часовня, в коей изображен Спаситель в виде вертоградяря с копаницею, а напротив часовни под деревянным навесом церковь во имя святых жен Мироносиц. На юг – арабская церковь во имя Иакова Брата Господня, бывшего первого епископа Святого Града, где каждодневно совершается Литургия на арабском языке. В этой церкви на правой стороне поставлена древняя деревянная кафедра, стоявшая прежде на Голгофе, которую некоторые путешественники считали за кафедру первого Иерусалимского епископа святого Иакова Брата Господня, но грузинские надписи, вырезанные на ней, и место, где она прежде помещалась, показывают, что кафедра эта принадлежит ко времени обладания Голгофою наших единоверцев – грузин, тем более, что это согласно с мнением самих

греков. На север – малая церковь Сорока мучеников, где погребены Патриархи Иерусалимские, как скончавшиеся в самом Святом Граде, так и вне оного. Эти три придельные церкви находятся под обширными террасами и обрушенную землетрясением 1817 года колокольню. Пройдя мимо этих церквей сквозь узкую дверь, мы вышли на каменную площадь, что пред входными дверьми во храм Гроба Господня. Из двух входных врат (южной стороны) ныне остались незаложенными лишь одни, которые запираются и ключи находятся у мусульман, а другие закладены. По преданию чрез них Мария Египетская хотела войти во храм, но сила Божия возбранила ей. В сем же самом месте от иконы Пресвятой Богородицы она услышала глас: «аще Иордан преjdeши, добр покой тамо обрящеши». Ныне к сим дверям приделана малая церковь во имя святой Елены с куполом; снаружи сделаны каменные ступени, по которым прежде был ход на Голгофу, но теперь оные заделаны: сверху придел католический, а внизу греческий параклис во имя Марии Египетской. Над обеими входными дверьми видны мраморные барельефы, изображающие вход в Иерусалим, проповедь и погребение Христа Спасителя. По сторонам ворот столбы коринфского ордена. В одном из них (с левой стороны от входа) видна трещина, из которой, по греческому преданию, накануне праздника Воскресения Христова, в день Великой Субботы, изникнул Святой огонь, когда однажды по проискам армян православным было возбранено встречать этот день на Святом Гробе. То же предание говорит, что один из неверных – воин по имени Омир, видя это чудо, спрыгнул с террасы на площадку храма в среду христиан, исповедуя свое желание сделаться христианином; и камень как воск умягчился под его стопами, но не смягчились сердца врагов имени Христова, – они умертвили исповедника, а христиане благоговейно погребли его останки; часть их и доселе хранится в монастыре «Большой Панагии».

Тяжелые железные двери храма уже были отворены настежь; у них вежливо встретили нас хранители ключей – турки в своей типической одежде, т. е. в чалме, пышных халатах, золотистых шалевых поясах. Определенная годовая плата могла бы теперь уволить храм Святого Гроба от присутствия этих мусульман, если бы не упомянутые выше несогласия христиан между собою, несогласия, которые, надобно признаться с болезненным сердцем, служат поводом к тому, что в этих представителях права сильного над слабыми – мусульман над

христианами приходится видеть не угнетателей, а щит, оберегающий промыслительно Гроб Господень от еще более возмутительных сцен, которых примеры бывают почти ежегодно. Какое грустное ручательство должного уважения к святейшему из всех святых мест! Какая строгая кара, вызванная очевидно в наказание за нарушение между христианами «союза любви», связывавшего учеников Христовых! Эта мусульманская стража при колыбели христианства – как бы напоминание языческой стражи Пилата при Гробе того же Господа! Поводом к ней было неверие, – и вот по судьбам промысла Божия донныне неверные оберегают подобающее уважение к вере!.. Дивны дела Твоя Господи!... Турки сидят важно в самой церкви, по левую сторону от двери, на диване, покрытом богатым ковром. В большие праздничные дни, во время церковных процессий наблюдают за порядком в храме, а в обычное время от нечего делать ограничиваются курением наргеле^[21], запивая кофеем, который готовится тут же на жаровне в дверях самого храма. На пороге за воротами святилища встретили нас гробовой иеромонах в облачении с крестом в руках и два диакона с кадильницами; тут же ожидал хор певчих, составившийся из русских богомольцев.

Первое, что представилось глазам нашим при входе в храм, прямо противу дверей, в нескольких шагах от оных, – это камень помазания, на котором было намащено ароматами тело Иисусово. «Моли Пилата Иосиф, иже от Аримафеа, сый ученик Иисусов, потаен же страха ради Иудейска, да возмет тело Иисусово: и повеле Пилат. Прииде же и взят тело Иисусово. Прииде же и Никодим, пришедый ко Иисусови нощию прежде, нося смещение смиренно и алоино, яко литр сто. Прияста же тело Иисусово, и обвиста е ризами со ароматы, якоже обычаи есть Иудеом погребати» (Ин 19, 38). Камень этот покрыт ныне мраморною плитою розового цвета. Над ним балдахин на четырех столбах, под покровом коего висят неугасимые лампы всех христианских вероисповеданий, имеющих свои алтари в храме Гроба Господня. По углам камень украшают бронзовые шары и большие подсвечники. Он принадлежит обще трем вероисповеданиям: греческому, армянскому и латинскому. Предание о нем двоякое: одно, что он взят из одной скалы с Голгофою; другое, что его принес собственно для помазания живоносного тела Иосиф с Никодимом и что он зеленоватого цвета; ревностные не по разуму богомольцы портили святыню, желая унести

на память хотя малую частичку дорогого камня, и это вынудило покрыть его мрамором. В то время как мы благоговейно поклонялись освященному столь трогательным воспоминанием месту, хор певчих (из богомольцев) пел приличные совершившемуся здесь событию тропари Великой Субботы (глас 2-й): «Благообразный Иосиф с древа снем пречистое тело Твое, плащаницею чистою обвив, и вонями во гробе нове покрыв положи». Слава: «Егда снизшел еси к смерти, Животе безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием божества: егда же и умершия от преисподних воскресил еси, тогда силы небесныя вопияху Ти, Жизнодавче: Господи, слава Тебе». И ныне: «Мироносицам женам, при Гробе представ Ангел вопияше: мира мертвым суть прилична, Христос же истления явился чужд». «Плащаницею чистою, и ароматы божественными тело честное, испросив у Пилата, миропомазует и полагает Иосиф в новом гробе, тем же ураныпе мироносицы жены возопиша: покажи нам, якоже предрекл еси Христе, воскресение» (Сед. дне, глас 1-й).

Налево от камня помазания в расстоянии 30 шагов внутри храма стоит небольшая часовня, кувуклия, желтого мрамора, в виде катафалка, с легким куполом, украшенная с обеих сторон полуготическими дугами; красиво высится она под огромным куполом храма. Вообще архитектура этого памятника довольно изящна; ее портит несколько лишь малая и неопрятная коптская часовенка, прилежащая извне к западной стене кувуклии. Эта кувуклия вмещает в себе нецененное сокровище – Гроб Господень. Внутренность ее состоит из двух частей: сперва входят через малые и низкие двери с восточной стороны в так называемый придел Ангела, почти квадратный. В середине небольшая подстава, в которую вделана часть того камня, который был привален погребавшими Спасителя ко входу в погребальную пещеру. «Ангел Господень сшед с небесе, приступль отвали камень от двери Гроба, и сядяше не нем. Отвещав рече женам (Марии Магдалине и другой Марии, которые пришли видеть гроб): не бойтесь вы: вем бо, яко Иисуса распятого ищите. Несть zde: воста бо, якоже рече, приидите, видите место, идеже лежаше Господь» (Мф 28). Этими знаменательными словами и ныне Ангел как бы вводит каждого в Гроб Господень. Большая часть этого камня вделана ныне в престол армянской церкви, находящейся на Сионе, на месте дома Каиафы; об этом упоминает еще католический паломник XV века князь Радзивилл

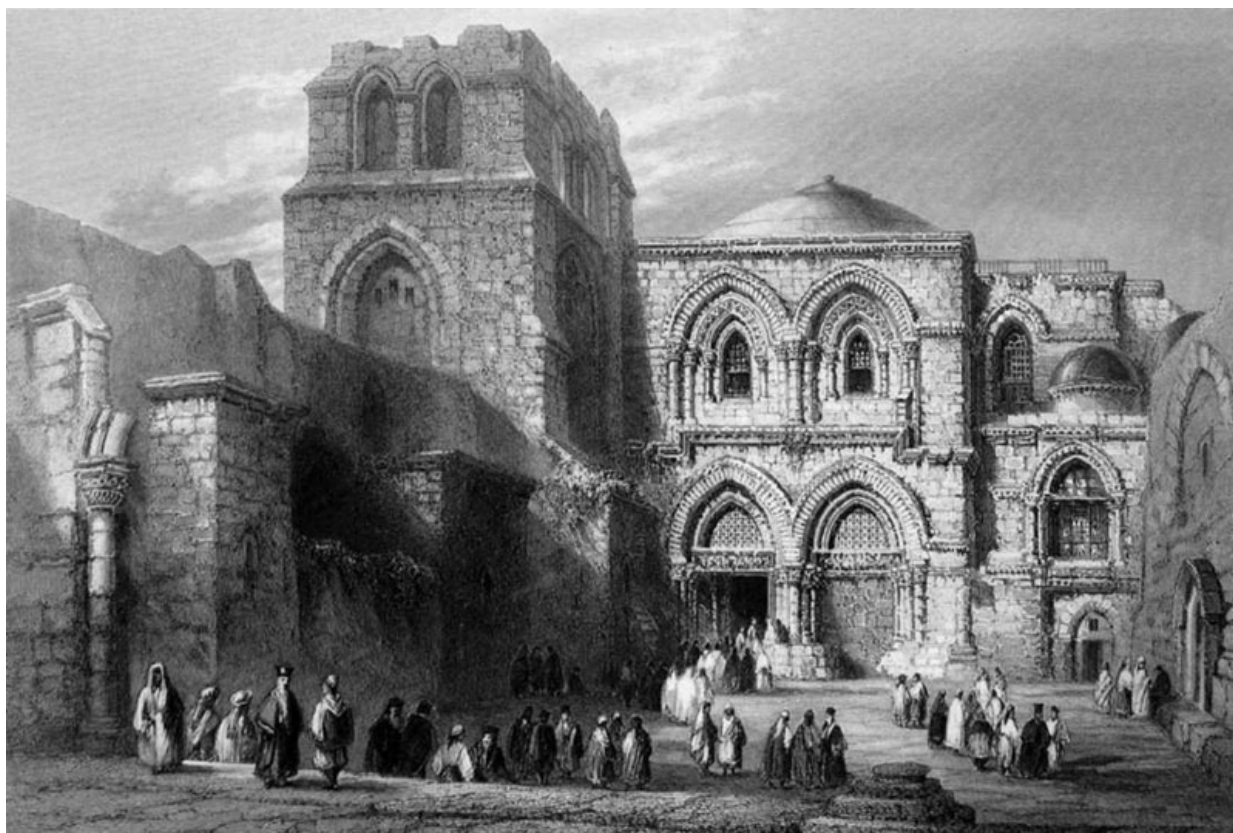
в следующих выражениях: «на великом алтаре (в армянской церкви) лежит большой камень, которым был завален Гроб Господень, – «великий зело», ибо имел в длину не менее четырех локтей, а в ширину около двух, в толщину более чем на пол локтя. Справедливо говорили жены Мироносицы: «„кто нам отвалит камень?“» ибо едва ли десять человек было бы достаточно для сего».

Из придела Ангела малые двери, в которые едва можно войти согнувшись или опустясь на колена, ведут в самую пещеру, иссеченную в скале, где был гроб. Отверстие это в том же самом направлении, как и дверь в кувуклию, то есть на восток. Внутри пещера Святого Гроба почти квадратная: три человека на коленях могут поместиться в ней рядом. По правой стороне от входа ложе, высеченное в скале. На этом каменном ложе было положено тело Господа Иисуса, по обычаю еврейскому, т. е. головою на запад, ногами к востоку. Теперь самый Гроб, стены и своды пещеры одеты мрамором, так что вовсе не видно скалы, а о том, что это ложе высечено в скале, не зная нельзя и догадаться. Без сомнения это не успокаивает благочестивого ожидания, даже больно христианскому сердцу, на которое нагота и хлад этой скалы действовали бы гораздо пламеннее; но что делать, когда это было единственным способом сохранения Святых мест через столько веков и поколений. И потому везде почти в Святой Земле поклонник встретит мраморную одежду оных.

Верхняя мраморная доска белого цвета с розовым отливом; она разделяется на две почти равные половины; есть предание, что однажды мусульмане вознамерились отобрать ее для своей великой мечети; тогда Ангел, постоянный невидимый страж Святого Гроба, видя скорбь о сем христиан, провел по доске перстом и камень разделился надвое.

Если взглянуть на юго-западный угол мраморной одежды, видно, что часть мрамора, одевающего переднюю сторону ложа и верхнего карниза, была когда-то отломана и снова приставлена. К стыду наших богомольцев, рассказывают, что этот кусок был тайно отломлен одним из них по чувству неразумной ревности. Когда пропажа эта была замечена пономарем и донесено о сем наместнику Патриарха, митрополиту Мелетию, он немедленно приказал объявить богомольцам, что если в течение назначенного времени не будет принесен к нему похищенный камень, то виновный будет предан

проклятию. Угроза подействовала на неразумного похитителя, – отбитый кусок был принесен и приклеен на свое место.

Над святым ложем, с задней его стороны сделано мраморное барельефное изображение Воскресения Христова с предстоящими Ангелами, которые закрыты двумя живописными образами: в головах латинским, а в ногах армянским, в знак права их на служение в пещере Святого Гроба. Эти иконы стоят на мраморном карнизе, идущем в виде пояса по сторонам ложа; здесь же ставятся от каждого вероисповедания подсвечники с горящими свечами, а между ними фарфоровые вазы с цветами, ежедневно меняющимися.

Один из русских поклонников по усердию к Святому Гробу, снявши в первое свое посещение меру и рисунок с барельефного изображения Спасителя и Ангелов, сделал на него серебряный высокой работы оклад, чтобы он служил постоянным украшением Святого Гроба, но в поставлении его на желаемом месте встретил со всех сторон великие препятствия и наконец вынужден нашелся безусловно подарить оный грекам, которые поставили его над входом в церковь

Воскресения, вверху, противу часовни Святого Гроба, т. е. над так называемой «царской аркой».

В потолке кувуклии, представляющем небеса, изображены: Деисус и 12 апостолов. Вся пещера сверху освещена дорогими лампадами, висящими в несколько рядов; для свободного движения воздуха сделано в потолке отверстие, над которым сверху выше крыши часовни протягивается большое полотно, представляющее также небесный свод, усеянный звездами, среди коего виден воскресший Победитель ада и смерти с хоругвию в руках. Карнизы пещеры Святого Гроба украшены греческою надписью, ибо греки были единственными возобновителями ее после пожара 1808 года.

Поверхность мрамора, одевающего посмертное ложе Источника жизни, часто умащается ароматами и окропляется благоуханиями (розовою водою); еще чаще омывается она слезами покаяния, умиления и любви, ежечасно льющимися на этот единственный Гроб, который не даст мертвеца своего в день судный. «Воста бо, несть zde... и паки приидет судити миру, егоже созда».

Имея довольно времени, чтобы собрать свои мысли, пока поклонялся святыне наш владыка, с наклоненной головою и сокрушенным сердцем вошел я в погребальную пещеру и лишь слезами покаяния и сокрушения мог выразить чувства, волновавшие меня в эту незабвенную минуту. Но где найду слов выразить, что чувствовал, прощаясь с этою великою святынею через 16 месяцев, при разлуке со Святым Градом? Не обинуюсь скажу, что если бы в то время, когда я, стоя на коленях и наклоня голову на драгоценный мрамор, прильнул к нему горящими устами, роняя на его благоухающую поверхность горькие слезы о разлуке с сею святынею, если бы кто-нибудь, говоря, в это время подойдя сзади, отделил мою голову от плеч, – последнее мое слово было бы благодарение ему, как благодетелю души моей!.. «Воистину бо яко живоносец, яко рая краснейший и чертога всякого царского показася светлейший мне, Христе, Гроб Твой, источник нашего воскресения».

Ежедневно на Святом Гробе совершаются три Литургии; первая в первый час пополуночи греческая по сказанному: «ураньше приидоша на Гроб», вторая – армянская, третья – пред восхождением солнца – латинская. Поверхность Гроба служит престолом и вместе жертвенником, но латины ставят для сего на гробный камень особый

стол, – тогда как греки и армяне совершают служение непосредственно на верхней плите Гроба, – причем левая сторона его служит жертвенником.

Во время нашего поклонения Святому Гробу певчие пели церковные песни светлой седмицы: «воскресение Христово видевши, поклонимся святому Господу Иисусу»... «Аще и во гроб снизшел еси, Безсмертне, но адову разрушил еси силу и воскресл еси яко победитель, Христе Боже, женам Мироносицам вещавый: радуйтесь, и твоим апостолом мир даруй, падшим подай воскресение». – «Яко живоносец, яко рая краснейший, воистину и чертога всякого царского показася светлейший, Христе, Гроб Твой, – источник нашего воскресения».

В заключение приведем, для сравнения с нынешним состоянием кувуклии, описание ее и Гроба Господня, начертанное первым нашим паломником игуменом Даниилом в XII веке: «Под тем же самым верхом, непокрытым, – пишет он, – есть Гроб Господень сим образом яко печерка мала иссечена в камени, двери имуще малы, якоже может человек влезти, на колену поклоншеся, в звыше есть малого мужа и всямо окачна (то есть округла), четыре лакоть в долину и в широту. Влезячи же в печерку ту дверцами теми малыми, на десной стране есть место, яко лавица засечена в том же камени печерном; и на той лавицы лежало тело Господа нашего Иисуса Христа, и есть и ныне лавица та святая покрыта досками мраморяными; а суть на стороне проделано три оконца кругла, и теми оконци видеть святыи той камень: и ту целуют вся християне. И висит в Гробе Господни 5 кандил великих с маслом с деревяным и горят безпрестани кандила та святая, не угасают их никтоже, ни в день ни в ночь. Лавица же та святая, идеже лежало тело Христово, есть в длину 4 лакоть, а в ширину два локти, а в звыше полтора локти. Пред дверьми же печерными лежит камень, 3 стоп вдале от дверец тех печерных: на том камени Ангел седя явися женам мироносицам и благовести им Христово воскресение; и есть печерка та оделана яко амбон красным мрамором и столпцы мраморяны ж около стоят, числом их 12-ть. Вверху же над печеркою тою создан яко теремец красно на столпцех, и вершек (т. е. верх) ему сперт кругло, и серебряными чешуйками позолочеными поковав; и на верху же того теремца стоит Христос сребрян сделан, яко в мужа вболей есть, и то сут фрязи сделали и поставили, и ныне есть под самым верхом тым

непокрытым. Суть же дверци трои у теремца того учинены хитро, яко крестыцы: теми бо дверцами влазят людие к Гробу Господню. Да то есть Гроб Господень был печерка та, якоже то написах, добре испытав от сущих ту издавна ведущих (т. е. заведывающих) святая си места»^[22].

От живоносного Гроба, чрез алтарь храма Воскресения Господня, прошли мы на Голгофу – место распятия Господня; но другой обычный вход на нее снизу от камня помазания направо (в расстоянии от него 20 шагов), по 18-ти мраморным ступеням с такими же перилами.

Голгофой называется небольшая церковь, устроенная в юго-восточной части храма на скале того же имени, на том самом месте, где был распят Господь наш Иисус Христос: «Неся Крест Свой, изыде на глаголемое лобное место, еже глаголется еврейски Голгофа: идеже пропяща Его, и с Ним ина два, сюду и сюду, посреде же Иисуса» (Ин 19, 17). Близость этих двух святых мест изъясняется следующим выражением Евангелия: «бе же на месте идеже распятся верт и в верте гроб нов, в немже николиже никтоже положен бе: ту убо пятка ради Иудейского, яко близ бяше гроб, положиста Иисуса» (Ин 19, 41). Но не одно это обстоятельство сближения мест Святого Гроба и Распятия удивляет нас; обыкновенно мы представляем себе «лобное место» несравненно больше и выше. В самом деле взгорье, на котором стоит часть Иерусалима, занимаемая храмом Святого Гроба, довольно высоко^[23]. Но место, на котором был распят Господь Иисус Христос, как надобно полагать, было лишь скалою на этом взгорье, за стенами города, о чем сказано и у апостола: «вне врат пострадати изволи». По разрушении иерусалимских стен Адриан, окружая новою стеною Елию Капитолину, обвел стенами и лобное место, и город таким образом расширился в ту сторону. Христиане в особенности стеснились около Святого Гроба и Голгофы, так что теперь эти места находятся почти в середине города. Скала облицована камнем, на нее входят по ступеням, а наверху Голгофы стоит церковь, разделенная аркою на две равные части, как бы две церкви, каждая с особыми сводами. Первая часть от входа, или северная, составляет место, где Крест был водружен в скалу; оно освещается светом, проникающим с запада – изнутри храма; другая часть, прошедши арку, – южная с окном напротив входа, – есть место, где Господь наш Иисус Христос был пригвожден ко Кресту. Первая принадлежит грекам; вторая латинам. В греческой части Голгофы в левой стороне близ двери, которая выходит в темный коридор (из него

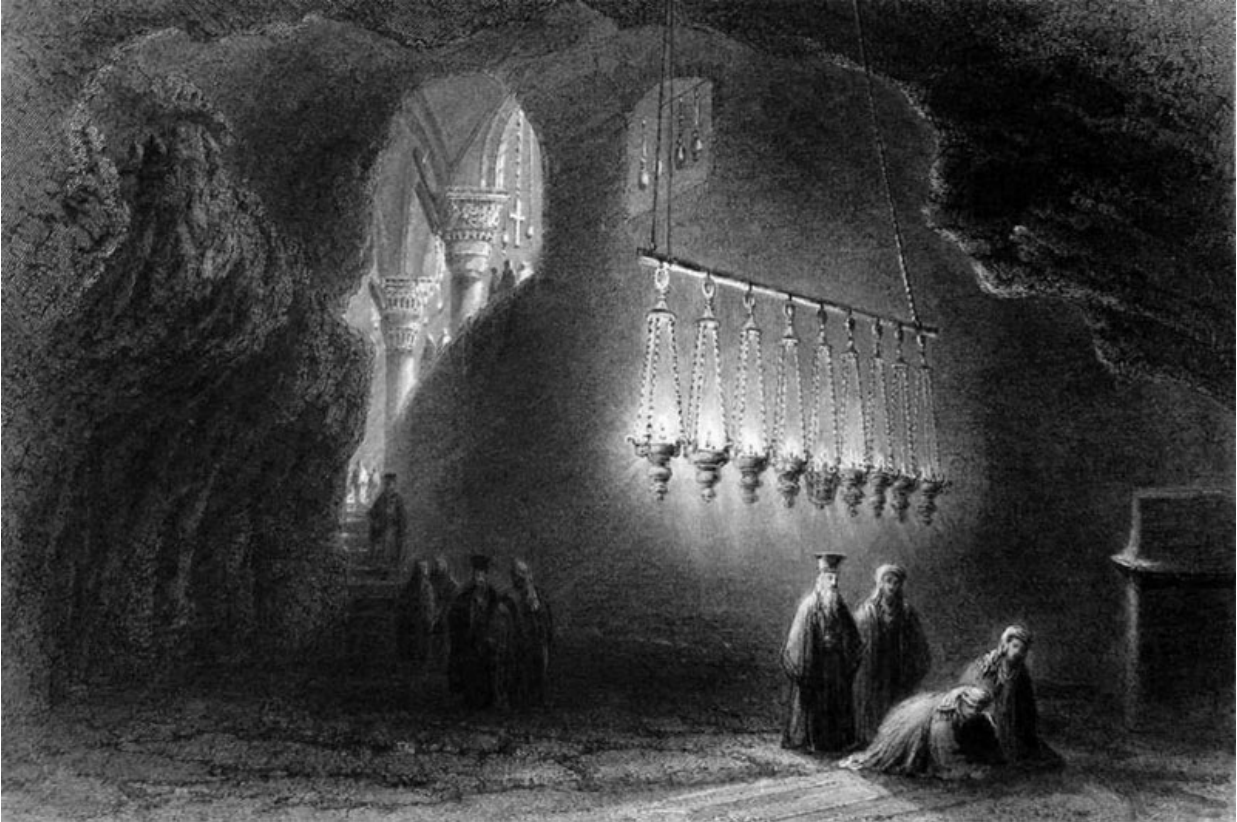
сходят несколькими ступенями прямо в алтарь храма Воскресения), устроен жертвенник. На месте, где был водружен Крест, поднятом от полу на одну ступень, стоит престол из белого мрамора; в передней стороне его сделана выемка, в которой человек, стоя на коленях, может поместиться свободно; здесь то самое отверстие, в которое был водружен Спасителей Крест: оно одето по обводу серебряным кругом, с чеканным на нем изображением страстей Христовых. За престолом поставлен большой крест, с живописным изображением на нем распятия Христова; по сторонам живописные (вырезанные по контуру) изображения предстоящих: Матери Божией и Иоанна Богослова; позади ко внешней стене прислонен иконостас, состоящий из икон, изображающих страсти Христовы. Между крестом и иконостасом довольно свободное место для поправки, освещающих оный иконостас лампад.

При пении стихир Крестопоклонной недели: «Приидите вернии животворящему древу поклонимся, на немже Христос Царь славы, волею руце распростер, вознесе нас на первое блаженство», «Днесь пророческое исполнися слово, се бо покланяемся на место, идеже стоясте нозе твои, Господи» – мы благоговейно поклонились месту, где совершилось таинство нашего искупления.

По преданию, крест благоразумного разбойника стоял на север от Креста Господа, а нераскаянного на юг, так что первый был на правой стороне Спасителя, который лицом был обращен к западу, а второй на левую сторону. Притом кресты разбойников были водружены в скалу не на одной линии с Крестом Господа, а несколько позади его на одной линии между собою. Места их водружения означены черными кругами на мраморном помосте, одевающим поверхность скалы. Кроме того места, где был водружен Святой Крест, природная скала Голгофы видна еще через продольный, нарочно для сего сделанный тут же сбоку престола в верхней мраморной ее одежде разрез. Через этот разрез видна трещина в скале широкая и глубокая, проходящая до самого низу оной, которая соответствует евангельскому повествованию, что, когда «Иисус паки возопив гласом велиим, испусти дух, и се завеса церковная раздрася на двое с вышняго края до нижняго, и земля потрясется и камение распадется...» (Мф 27, 50). Предание присоединило к числу таких скал Голгофу. Уже в IV веке при святом Кирилле Иерусалимском показывали на эту расселину скалы на том месте как на чудо,

свидетельствующее о страсти Господней. «Есть расселина та на камени том и до сего дне», – пишет игумен Даниил, наш паломник XII века. Все наиглубочайшие изыскания доказали, что расселина эта в скале образовалась вопреки всем геологическим основаниям, ибо когда расселины скал обыкновенно следуют за кристаллическою формациею составных частей, тут слои скалы и прорезывающие ее жилы треснули совершенно необыкновенным способом, подобного которому более нигде не встречается, – не вдоль слоев, а поперек их. Языческие писатели вспоминают о чрезвычайном и феноменальном трясении земли в ту эпоху. Адиссон в сочинении своем о религии христианской говорит, что «с помощью сведений математических и физических, он пришел к убеждению, что расселина в этой скале не могла быть следствием простого и натурального землетрясения. Также и действие одной природы, а тем менее действие искусства не могло произвести сего». Мондрель, другой протестантский писатель, говорит, что «расщелина эта явилась вследствие землетрясения во время страстей Христовых, в том удостоверяет предание; но простой разум достаточен для того, дабы видеть, что искусство не имело никакого участия в образовании этой трещины, ибо жилы прерваны так удивительно, и перерыв является здесь в таких чрезвычайных чертах, следует столь различным изгибам, а выпуклости так совершенно соответственны впадинам, что искусство не могло этому подражать и никакое орудие не могло этому подражать и никакое орудие не могло бы сделать этого». Подобных свидетельств принести можно бы множество.

Стены и потолок греческой части Голгофской церкви покрыты приличной живописью. Впереди престола висит ряд лампад разной величины с разноцветными стаканами. Посредине церкви, несколько вперед к западу, повешена искусной работы хрустальная лампа; сделана в виде четвероконечного равностороннего креста; пожертвована несколькими петербургскими дамами, во главе коих была супруга покойного генерал-адъютанта А. А. Кавелина; эта лампада зажигается лишь по большим праздникам. Греки и латины равно любят ее, первые с чувством радости, вторые – зависти. На той же средней линии, почти у самого входа на Голгофу с западной стороны висит мраморная лампада искусной работы, вся сделана из цельного куска мрамора и с цепями.

Над Голгофою в третьем этаже есть несколько комнат, в которые можно пройти из верхней галереи, отделяющей ее от алтаря Воскресенского храма. В этой части храма хранится святогробская ризница, составляющая глубокую тайну даже и для своих; ризничий, он же и игумен Святого Гроба, по выборе в сию должность дает присягу в присутствии Синода. Другие комнаты служат для отдыха православных

богомольцев, проводящих ночь в святом храме. Тут же и келья самого ризничего.

Латинская часть Голгофы не имеет никаких особых украшений. Живописные стены и своды весьма потемнели, но зато в среднем своде сохранилось мозаичское изображение Спасителя, единственно уцелевшее от губительного пожара 1808 года; пол также мраморный; на нем мраморным мозаичным прямоугольником означено место пригвождения ко Кресту. Престол из черного мрамора; над ним прекрасный образ, представляющий пригвождение ко Кресту; шесть огромных бронзовых подсвечников и ряд лампад служит продолжением украшающих греческую часть Голгофы, с тою разницею, что эти не так ценны и изящны и зажигаются очень редко, а те горят почти постоянно.

В арке, отделяющей латинскую часть Голгофы от греческой, есть небольшой престол, а над ним изображение Матери Божией, так называемой «Семи болезней», сердце которой пронзает меч, по предречению божественного Симеона: «и твою душу пройдет оружие». Здесь певчие пропели для нас стих Великого Пятка: «Своего Агнца Агница зрящи, к заколению влекома, последоваше Мариа простертыми власы со инеми женами, сия вопиющи: камо идеши чадо? чесо ради скорое течение совершаеши? еда другий брак паки есть в Кане, и тамо ныне тщишися, да от воды им вино сотвориши? иду ли с тобою, чадо, или паче пожду тебе? даждь ми слово, Слове, не молча мимоиди мене, чисту соблюды мя: ты бо еси Сын и Бог мой!» (Икос на повечерии Великого Пятка)

Образ «Матери Семи болезней» есть дар португальского короля и обременен разными украшениями и привесками в римском вкусе.

К латинской части Голгофы примыкает извне часовня, внутренность которой видна с Голгофы сквозь окно в стене. Латины говорят, что часовня эта построена на том месте, где Мать Божия, возлюбленный ученик Христов Иоанн Богослов и жены Мироносицы ожидали, пока можно будет приблизиться к Кресту. Но православное предание указывает место этого «стояния» там, где ныне находится греческий женский монастырь «Большая панагия»; древность этого предания подтверждает наш паломник XII века игумен Даниил. Вход в упомянутую часовню извне по узким ступеням. Сюда ежедневно приходит совершать раннюю Литургию ксендз из латинского монастыря Спасителя.

Сойдя с Голгофы, мы зашли в храмину, находящуюся под греческою частью Голгофской церкви. Здесь по православному преданию погребен Мельхиседек, царь Салимский. В глубине ее стоит престол во имя святого Иоанна Предтечи Господня и нашего праотца Адама; за этим престолом, сквозь железную решетку, при свете неугасимой лампы, видна нижняя часть Голгофской расселины; по преданию, сохраненному веками, о коем, как увидим ниже, писали многие святые Отцы, у подошвы Голгофской скалы была погребена глава нашего праотца; кровь, истекшая из ребра Богочеловека – второго Адама, – прошед сквозь расселину Голгофской скалы, омыла главу Адама первого, почему и самое место это называется Краниевым или Лобным; а согласно с этим преданием, изображая распятие, всегда помещают под крестом изображение мертвой головы, лежащей на двух крестообразно сложенных человеческих костях. Об этом предании вспоминает и первый наш паломник XII века, говоря: «Исподи же под тем камнем (т. е. под Голгофою) лежит глава Адамова, первого человека. В распятии же Господне, егда на Кресте Господь наш Иисус Христос предаст дух свой, и тогда раздрася церковная катапетесма, и камене распадесе, тогда же той камень проседесе над главою Адамовою и тою расселиною сниде кровь и вода из ребра Иисуса Христа на главу Адамлю, и омы грех рода чловека. Есть бо расселина та на камени том знать и до сего дня. Исподи же под распятием, идеже есть глава Адамля, приздана есть яко церковца мала, помещено-ж дсками мраморными, красно. Да то зовется Крайнево место, еже есть Лобное место. А гора идеже есть распятие зовется Голгофа».

Отсюда пошли мы в темную галерею, находящуюся позади греческого внутреннего храма Воскресения, где находится несколько малых приделов и сход в подземные церкви Св. царицы Елены и Обретения Креста; южное крыло этой галереи (начинающейся у камня помазания) составляет Голгофа, северное – латинская церковь Явления. Образующий сею галерею полукруг соответствует западному полукругу ротонды Святого Гроба, и все пространство между ними в длину храма занято: с запада кувуклией Святого Гроба, с востока греческою церковью Святого Воскресения.

Часть галереи от Голгофы до схода в подземную церковь Обретения Честного Креста, называется греческими хорами; здесь внизу только один придел, принадлежащий также грекам; он

называется приделом поругания и тернового венца, где под престолом находится часть столпа из серого мрамора, стоявшего в претории. При нем совершилась та часть страданий нашего Спасителя, к коей относятся следующие слова евангельские... «Тогда воины игемоновы, приемше Иисуса на судищи, собраша на нь все множество воин. И совлекше его, одеяша его хламидою червленою. И сплетше венец от терния, возложиша на главу его, и трость в десницу его; и поклоншеся на колену пред ним, ругахуся ему глаголюще: радуйся царю Иудейский» (Мф 27, 27). По преданию Христос тогда сидел на этом столпе, и потому он называется столпом поругания. Тут же в стене за стеклом и за решеткой сохраняется часть тернового венца; две неугасимые лампы освещают таинственный мрак этого придела.

Мы поклонились свидетелям страстей Христовых при пении стихир: «Днесь Владыка твари, и Господь славы, на Кресте пригвождается, и в ребра прободается, желчи и оцта вкушает, сладость церковная: венцем от терния облагается, покрываяй небо облаки; одежду облачится поругания, и заушается брэнною рукою, рукою создавый человека, по плещема биен бывает, одеваяй небо облаки, заплевания и раны приемлет, поношения и заушения, и вся терпит мене ради осужденного, избавитель мой и Бог: да спасет мир от прелести, яко благоутробен» (глас 8-й).

По выходе из придела «поругания», чрез находящуюся рядом с ним дверь, спускаются по тридцати трем широким и высоким ступеням в подземную церковь Свв. Константина и Елены. Эта церковь ископана обок Голгофской скалы этой святой царицею в то время, когда она искала здесь Святого Креста; место обширное, почти квадратное, имеет около тридцать шагов в длину и ширину. Выделанная в природной скале, подпертая четырьмя массивными колоннами, с куполом, выведенным наружу (выходит во двор жилища абиссинов), церковь эта носит на себе явные следы христианской архитектуры первых веков. Она по старым фирманам принадлежит абиссинцам, но по своей бедности они вынуждены были уступить ее во владение армянам, выговоривши себе право по временам служить в приделе «благоразумного разбойника», находящемся в левом углу. Заметим, что пожар в 1808 году не проник в эту подземную церковь и она сохранилась в первобытном своем виде; убранство ее, по неопределенности владения – бедно; оно состоит из нескольких икон

самой грубой кисти (как и все иконы армянские), из коих одна большого размера на южной стене представляет Воздвижение Креста Господня. По правую сторону главного алтаря, посвященного имени святой царицы Елены, есть каменное седалище, где по преданию находилась святая царица в то время, когда отыскивали Святой Крест; здесь в окне горят три неугасимые лампы.

Из этой церкви – направо – сходят еще глубже тринадцатью ступенями в пещеру, где оставалось погребенным в течение трех веков Древо Животворящего Креста Господня. Мать Константина Великого, томимая святою жаждою обрести подлинный Крест Господень, следила все местные рассказы, предания и обычаи. Кресты, сброшенные с Голгофы, были закапываемы со всеми орудиями, служащими к этой казни, тут же в горе. А потому, когда начались работы, скоро нашли глубокую подземную пещеру и в ней три креста, надпись (титло) I. N. R. J., копые и гвозди. Надпись лежала особо, и потому нельзя было различить Креста Господня от двух других. Известно, что по совету тогдашнего Иерусалимского Патриарха Макария искали известия о сем свыше и Господь Бог явил святой царице истинный Крест, – исцелением, а по другому сказанию – воскрешением умершей женщины, для чего на нее поочередно возлагали каждый из трех найденных крестов. Святая Елена послала часть дерева обретенного Креста своему сыну в Константинополь; другую часть прислала в Рим. Большая же часть настоящего Креста осталась в Иерусалиме – в храме Святого Гроба.

В царствование восточного императора Ираклия Хозрой II царь Персидский овладел Иерусалимом, ограбил храм и взял Крест Спасителя. Спустя 10 лет Ираклий победил персов, принудил наследника Хозроева отдать ему Святой Крест и возвратил его в храм Воскресения Господня, собственноручно и босыми ногами неся его на своих плечах по иерусалимским улицам до самой Голгофы. Это трогательное событие было торжественное повторение первого воздвижения Святого Креста, при царице Елене, которое с тех пор и доселе празднуется православною церковью 14 сентября.

Когда в 1099 г. крестоносцы вошли в Иерусалим, то, поступая с действительными обладателями Иерусалимской святыни не лучше мусульман, они овладели насильственно частью дерева Святого Креста; другая часть была скрыта Православным Патриархом, который и сам,

бегая от латинского притеснения, удалился тогда в крайнюю точку своих духовных владений – в Карак по ту сторону Иордана. Она и поныне находится во владении Иерусалимского Патриарха.

Современные западные хроники красноречиво описывают радость христиан при виде этой святыни (части доставшегося латинам Святого Креста), которая с тех пор всегда предшествовала им в боях с мусульманами. Но время показало, что обладание великой святыней без святых дел было недостаточно для привлечения крестоносцам милости Божией: как Кивот Завета, за нечестие избранного народа, впал некогда в руки врагов его, так и Древо Святого Креста за нечестие и беззаконные деяния его обладателей, их же хрониками подробно описанные, – скоро снова впало в руки неверных. В неудачной битве под Хиттином, близ Генисаретского озера, 5 августа 1187 г. Древо Креста Господня перешло к Саладину. Латинский епископ Птолемаид^[24], который нес Святой Крест, получивши смертельную рану, отдал его товарищу своему епископу Лидскому, а тот вместе с королем Иерусалимским Лузиньяном взят в плен. В истории крестовых походов Мишо приведен следующий рассказ одного из мусульманских писателей Емада-Еддина об этом событии: «большой Крест взят, за ним взят в плен и король, а многие из неверных (так он величает крестоносцев) шли защищая его. Лишь только возвышали его, неверные падали на колена и наклоняли головы; говорят, что это то самое Древо, на котором был пригвожден Христос, которому они отдают честь. Они было украсили его самым чистым золотом и дорогими камнями. Носили это Древо во дни больших праздников, а когда князья и епископы показывали его людям, всяк преклонялся пред ним с благоговением. Безбожные (то есть христиане) считали за святейшую обязанность оборонять этот крест и утрата его была для них несравненно чувствительнее, нежели взятие в плен их короля и ничто не могло их утешить»... Через 32 года после сего, одно Древо, обнаженное от всех драгоценностей, досталось обратно крестоносцам при взятии Дамиетты, где положили его неверные. Много уже из него убыло, и с той минуты оно разделилось на бесчисленное число частиц, которые разошлись по всему свету. Самые большие части, по сказанному выше, находятся теперь в Иерусалиме, в Афоне, в Константинополе и в Риме. Из Иерусалима и Константинополя перешло не мало мелких частиц по разным случаям в Грузию, Россию и

Сербию. Иерусалимская часть распределена ныне в трех крестах. Крест, в коем хранится большая часть, в оправе серебряной и вызолоченной, водружен в серебряной чаше, как бы на Голгофе, осыпан по местам крупным жемчугом и бриллиантами; оправка, как говорят, стоит до 90 000 рублей. В нем с обеих сторон за слюдой видно Животворящее Древо перцового цвету, не цельное, а составленное из маленьких частиц, наклеенных на простое дерево; ширины в нем на два пальца, а вышины шесть вершков. Кроме сего есть еще два креста: один средней величины, а другой – малый^[25].

Пещера, которая называется местом обретения Святого Креста, разделена на две части; ближайшая от входа принадлежит латинам, где устроен престол, и на нем поставлено бронзовое изваяние Спасителя с Крестом – дар недавнего посетителя Святого Града, австрийского эрцгерцога Максимилиана. Самое место обретения принадлежит православным; оно выложено разноцветным мрамором; посредине изображение креста, коему и поклоняются троекратно при пении: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение твое славим». Случалось видеть, что поклонники исполняют на этом месте положенные на них от духовников епитимии. Стена, противоположная месту обретения, состоит из природной скалы, составляющей одно целое с Голгофою, – и потому желающий может здесь яснее всмотреться в природный вид и состав священной скалы, на коей совершилось великое таинство нашего искупления, о которую сокрушились все козни врага душ наших; смотря на нее, христианин, с чувством благодарения Искупителю, может повторять победные слова великого учителя Церкви: «где твое смерте жало? где твоя аде победа? Воскресе Христос – и рыдают демоны...»

Кстати об аде: в левой стене церкви Святой Елены есть выемка замечательная посвоему акустическому устройству. Как бы тихо при ней ни произнесено было слово, – идет страшный гул. Это подало повод к суеверным рассказам, что под этим местом кроется ад, куда сходил Спаситель по воскресении из мертвых. В сущности же это явление происходит от того, что против этой выемки находится под храмом огромная ныне пустая цистерна (колодезь), принадлежащая к числу тех семи колодцев, которые были сделаны, по повелению царицы Елены, для снабжения водою людей строивших храм Господень.

Говорят, что и под всем храмом есть подземные ходы, тайны которых известны лишь малому числу избранных.

По выходе из церкви Святой Елены, продолжая путь по галерее, мы вступили в придел Разделения риз, принадлежащий православным; название этого места основано на предании, опирающемся на следующих словах Евангелия: «воини же егда пропяша Иисуса, прияша ризы Его и сотвориша четыре части, коемуждо воину часть, и хитон, бе же хитон не швен, свыше исткан весь. Реша же к себе: не предерем его, но метнем жребия о нем, кому будет; да сбудется писание глаголющее: разделиша ризы моя о себе и о иматисме моей меташа жребия. Воини убо сия сотвориша» (Ин 19, 23, 24). Одевание древних евреев состояло обыкновенно из четырех частей: род рубахи – садин; род исподняго платья – миграсим; из туники, – гетонеф, и верхняго плаща – симла. Из этих частей состоит и до сих пор одеание у большей части восточных народов, и одежда верхняя, халат или бурнус, машлак, обыкновенно бывает без швов.

Миновавши дверь, которая, как я узнал после, ведет на хоры в трапезу и кухню греческого Святогробского братства, мы вошли в придел Лонгина сотника. Сюда, как говорит предание, Лонгин, тот римский воин, который пронзил копьем ребра Иисусовы, – обратившись при виде чудес, последовавших при кончине Христовой, приходил оплакивать свой поступок. Потом он удалился в Каппадокию и там восприял мученическую кончину. Копье его принадлежит ныне Армянской Грегорианской Церкви и составляет главную святыню главного ее монастыря Эчмиадзина, что в Ериванской области (на Кавказе)^[26]. В Иерусалиме придел этот тоже принадлежит армянам; по сторонам престола изображены черты из жизни святого мученика Лонгина сотника, которого армяне считают своим соплеменником.

Поклонившись ему, при пении тропаря: «мученик Твой Логгин, во страдания своем венец прият нетленный»... мы пошли далее. Миновав еще одну железную дверь, за которой, как узнали после, находится кладовая, принадлежащая грекам, мы пришли к так называемым узам Христовым, перенесенным из городской темницы, в которые был заключен Божественный Страдалец до утра, пред отведением Его к Пилату. Узы эти находятся под престолом за решеткою и суть не иное что, как две пробоины в камне, в которые опускали ноги узников.

Недалеко от уз влево находится место, называемое темница Христова, где по преданию Господь Иисус Христос был удержан, пока были окончены приготовления к Его распятию, и где потом Мать Божия, когда повели на Голгофу Ее Божественного Сына, рыдая от скорби, терзавшей Ее материнское сердце, опустилась на землю, поддерживаемая благочестивыми женами, Ее сопровождавшими. Эта трогательная сцена изображена на запрестольном образе. Престол во имя Успения Божией Матери, а по левую сторону престол в память того, когда Господа нашего Иисуса Христа били привязанного у столба, Здесь горят три неугасимые лампы. Мы поклонились обоим сим престолом при пении крестопоклонной стихир: «Днесь, неприкосновенный существом, прикосновен мне бывает, и страждет страстию, свобождай мя от страстей, свет подавай слепым, от беззаконных устен оплеветается, и дает за плененных на раны. Сего чистая дева и мати на кресте зрящи, болезненно вещаше: увы мне чадо мое, что сие сотворил еси? красный добротою паче всех человек, бездыханный, беззрачный являешия, не имея вида, ниже доброты: увы мне мой свете, не могу спяща зрети тя, утробою уязвляюся, и лютое оружие сердце мое проходит, воспеваю твоя страсти, поклоняюся благоутробию твоему: долготерпеливе, слава Тебе!»

Оставя темницу, мы миновали место, которого столь близкое соседство с величайшей на земле святыней – часовней Гроба Господня – приводит в ужас, скорбь и негодование сердце христианина; оно есть неизбежное следствие постоянного пребывания и замкнутого положения в храме братств трех вероисповеданий; если бы между ними существовало хотя малое согласие, то конечно не трудно было бы придумать средства к тому, чтобы по крайней мере содержать это место в большей чистоте – устройством сточных подземных канав и резервуаров за стеною храма; в настоящем же его положении зловоние нередко разносится как по всей окружности галерей, так и за пределы оной.

Невдалеке отсюда – против северной стены кувуклии Святого Гроба – церковь латинская, в которую входят по нескольким ступеням. Предание говорит, что главный престол ее поставлен на месте явления Спасителя по воскресении из мертвых Своей Пречистой Матери, почему и самая церковь называется церковью явления или просто церковью Марии. По обеим сторонам главного престола два меньшие;

с правой стороны – придел Святого Креста, где хранилась некогда часть древа креста Господня, а с левой – придел бичевания, где на престоле стоит за железной решеткой часть столпа, или колонны бичевания (другая часть в Константинопольской патриаршей церкви); к столпу прикасаются посредством стоящей здесь же трости, и потом целуют конец оной. В этой церкви отправляются главные богослужения латин, и они имеют право запираеть ее. Она обширна и хорошо убрана; в западной стороне прекрасные деревянные седалища.

За церковью, несколько на запад, пристроен латинский монастырь, – вход в него изнутри храма: в нем постоянно живут около десяти человек францискан из братства монастыря Св. Спасителя, сменяющихся через каждые три месяца.

Между церковью явления и часовнею Святого Гроба на полу два мраморные круга, означающие, по преданию, место, где Спаситель, являсь по воскресении своем Марии Магдалине в образе вертоградара, сказал ей: «Марие!» При этом воззвании она тотчас узнала Искомого и в радостном восторге могла лишь только сказать: Раввунни, то есть, Учителю! Из дальнейшего рассказа евангельского видно, что она бросилась к ногам Его, чтобы в избытке радости поцеловать те самые стопы, которые прежде омыла слезами, ибо Иисус сказал ей: «не прикасайся мне, не у бо вздох ко Отцу моему». Итак, наибольшая любовь была и награждена наиболее, ибо Магдалина первая узрела Воскресшего из мертвых Господа. Чествуя это место, кто не воздохнет из глубины души, чтобы эта пламенная ученица Христа испросила ему у Него хотя малую часть своей горячей любви к Нему!

Тут же неподалеку на одной стороне латинский престол во имя сего явления, а за престолом картина, изображающая самое событие. На противоположной стороне на хорах помещен под балдахином звучный орган, который спорит то с резкими звуками медной греческой токи, то с шумным звоном армянских металлических трисолнечников, то с цимбалами абиссинцев.

Поклонившись месту явления, мы мимо часовни Святого Гроба с северной ее стороны пошли поклоняться гробам Иосифа и Никодима, составляющим крайнюю западную оконечность всего храма. Но прежде нежели войти в галерею, открывающую эти гробы, преосвященный Мелетий обратил наше внимание на ротонду Святого Гроба. Эта величественная ротонда образована восемнадцатью

пилястрами коринфского ордена в два этажа, пилястры соединены арками и на них покоится огромный купол. Верх купола не сведен и сквозь оставленное в нем отверстие свет дневной падает на воздвигнутую посреди храма кувуклию Святого Гроба. Преосвященный Мелетий, знавший храм еще до пожара 1808 года, и сам деятельно участвовавший в его возобновлении, рассказал нам о прежнем его великолепии: вместо нынешних тяжелых четверугольных пилястров, своды прежнего храма опирались также на восемнадцать столбах, из коих было двенадцать круглых разноцветного мрамора коринфского ордена, и шесть четырехугольных (пилястров); в память прежнего расположения колонн в возобновленном храме оставлено четыре круглых столба по два в одной связи и между ними одна пилястра, противу юго-западного угла часовни. На хорах (полатях) также было шестнадцать круглых столбов, «а на полатях под верхом, – рассказывает наш паломник игумен Даниил, посетивший этот храм в 1115 году, – исписаны суть пророцы святии иусиею, яко живи суть стоят. Над олтарем же написаны Христос мусиею. В олтаре же великом написано Адамово воздвижение, в самом же верху написано есть Вознесение Господне. Оба полы же олтаря (на обою столбу) написано есть святое Благовещение. А все то подписано мусиею^[27]. Верх же церковный не до конца сведен камением, но тако сперт досками и древием тесанным плотничным образом, и тако есть без верха, не покрыта ничим же; под тем же верхом самым непокрытым есть Гроб Господень (часовня)».

Кроме нарочито оставленного в куполе отверстия, ныне часть его (почти вся южная сторона, обращенная к Греческой Патриархии) светится как к реше то, ибо наружные свинцовые листы отпали и внутренняя штукатурка обвалилась; хотя во время дождей отверстия эти прикрывают циновками (матами), но это очевидно не может воспрепятствовать течи и во время периодических дождей лужи постоянно покрывают помост церкви окрест кувуклии, а отрывающиеся от штукатурки куски, падая внутрь, легко могут если не убить, то ранить кого-либо из проходящих. Спор о починке этого купола тянулся не малое число лет, и ни одно из трех вероисповеданий (православное, латинское и армянское) не хочет признать за другим право исполнить эту необходимую работу. Наконец, по окончании последней войны, турецкий султан Абдул-Меджид разрешил этот спор фирманом, в коем объявлено, что «купол будет исправлен на его счет,

через что он желает явить свое уважение к религии христианской»... Мы еще застали в Иерусалиме турецкого инженера, приехавшего для осмотра повреждения и составления сметы... Но кажется и этот фирман, как и все другие, под разными громкими наименованиями: гати-шерифов, гати-гумаюнов... ожидает одинаковая с ними участь – забвения. Арабы на сделанный им вопрос, слышали ли они о последнем фирмане, обещавшем уравнение прав, обыкновенно отвечают, улыбнувшись презрительно: ля-хальваджихегар, то есть: Эге! (нас не надуешь!) это – бумага, запачканная, – не более!»

Говорят, что будто присланный инженер рассказывал кому следует, что он видел во сне: светлого мужа, в архиерейской одежде, который сказал ему: «Ты не беспокойся, – русские починят мой храм». Имел ли он это видение, ни утверждать, ни отрицать не буду; но что он уехал, ничего не сделав, – это факт, и неизвестно, сколько еще лет пройдет, когда новые обстоятельства развяжут новый узел, запутавший это дело^[28]. Но нельзя не заметить, что и одно изъявленное султаном намерение покрыть Гроб Христа Спасителя, чтобы сохранить его от повреждения, наводит христианина на многие думы: поклонник Корана учит последователей Евангелия, что не в словах, а в делах заключается истинное уважение к религии. Турок дает пример христианам единства и согласия и постыждает их!..

В Иерусалиме более чем где-либо непонятны судьбы промысла Божия!..

Гробы Иосифа и Никодима находятся во глубине галерей; вход в это отделение – против часовни коптов; прямо против входа во мраке галереи стоит престол сирийцев; обойдя его влево, видна выделанная сбоку пещера с двумя нишами для гробов по еврейскому обычаю; отсюда есть спуск в глубину, – назначение пещеры очевидно. Предание здесь же помещает могилу еврейского законоучителя Гамалиила, «при ногу» которого воспитался апостол Павел, прежде ревнитель обрядового закона, а потом апостол языков, один из великих таинников Божией благодати.

В этой же галерее внизу по обеим сторонам сирийского придела находятся кельи очередных гробовых иеромонахов православного исповедания и несколько келий, принадлежащих армянам. А далее, противу южной стороны часовни, находится келья гробового пономаря, который при мне был сербин о. Акакий, весьма общительный и

любимый всеми богомольцами инок. Верхняя часть галереи, примыкающая ко входным дверям, принадлежит армянам; она досталась им от грузин, которые в 16-м столетии, владея всею Голгофою, не имели места для жилья внутри храма и потому променяли латинам половину Голгофы на половину верхней галереи в ротонде. По обеднении грузин эта галерея, как равно и монастырь Св. Иакова, перешла во владение армян. Ныне они имеют на этих хорах церковь для ежедневного служения и несколько тесных келий для помещения постоянно живущих в храме. Копты, уступив свои нижние кельи армянам, живут в одной тесной – на втором ярусе. Абиссинцы и сириане лишь приходят для богослужения по временам, когда отворят храм.

Из погребальной пещеры Иосифа и Никодима мы, обойдя кувуклию Святого Гроба с левой (южной) стороны, через так называемую царскую арку вступили в великолепный храм Воскресения, составляющий внутри храма Святого Гроба церковь, собственно принадлежащую грекам. Она занимает большую часть храма Святого Гроба и имеет в длину до царских врат 40, а в ширину 20 шагов. Главный иконостас мраморный четырехъярусный; местные иконы хорошего русского письма; над ними двенадцать праздники. По каменному карнизу сего яруса вырезано по-гречески: «Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия. Ликуй ныне и веселися, Сионе: Ты же чистая красуйся, Богородице, о возстании рожества Твоего». Повыше проделаны арки и в них святые апостолы резные с иконописным на лицевой плоской стороне изображением. По карнизу вырезана надпись: «Радуйся Сионе святой, мати Церквей, Божие жилище: ты бо приял еси первый оставление грехов воскресением». Потом опять арки и в них пророки также вырезные, по контуру иконописные. Пред каждым изображением лампада. На самом верху большой крест с предстоящими; еще по сторонам стоят по три резных иконописных Ангела и держат в руках по свещнику.

Позади икон к каждому ярусу изнутри алтаря приделаны хоры; в нижних против апостолов повешены медные и железные била, заменяющие колокола. Спереди над царскими вратами в апостольском же ярусе сделана кафедра, на которой по великим праздникам читают Евангелие и сказывают проповеди. Алтарь возвышен над помостом на

шесть четвертей, а престол еще на три четверти. Над престолом сделан массивный мраморный балдахин на четырех столбах, между коими повешены занавесы; навес изнутри исписан священными изображениями. На престоле стоит мраморная древняя дарохранительница и подсвечники, которые в большие праздники заменяются другими, серебряными, искусной венской работы, представляющие пальмовые деревья. По левую сторону престола жертвенник. Но правую – так называемая малая трапеза (диаконник), на которой стоят двенадцать подсвечников, которые носят пред хоругвями навстречу Патриарха. Своды алтаря освещаются окнами, находящимися в куполе, которые открыты лишь с 1820 года; своды расписаны священными изображениями; кругом надпись: «Победную песнь поюще, вопиюще... осанна в вышних». На горнем месте стоит патриаршая кафедра; на нее восходят по трем ступеням, которые продолжаются в обе стороны: на них становятся не служащие священники и иноки. Из алтаря двое врат: на правой стороне – на Голгофу, а на левой – в ризницу. Царские врата, резные, вызолоченные, увенчаны двуглавым византийским орлом, украшающим также и митру патриаршую. Перед местными иконами стоят два мраморные огромные подсвечника искусной работы, напоминающие, что дух еллинского искусства не перестает одушевлять и нынешних греков. За клиросами по обеим сторонам церкви на возвышении стоят большие резные и вызолоченные кафедры: направо патриаршеская, а налево – для его наместника. Два высокие иконостаса закрывают пространство между боковых столбов, образуя боковые стены храма. В них иконы в три ряда: в верхнем помещены изображения страстей Господних, присланные в дар после пожара 1808 года императором Александром I. На страстной седмице вставляются на их место такие же траурные иконы, шитые по темно-фиолетовому бархату золотом, – московской работы, привезенные бывшим святогробским сборщиком архимандритом Виссарионом. Выше икон стоят на каждой стороне по семи Ангелов с подсвечниками в руках. Поверх иконостаса поделаны хоры, где во время праздника Пасхи помещается много народа. Посреди храма висят три большие паникадила (хоросы) по пятидесяти свечей – все дар наших православных царей. И сверх того множество серебряных, медных, хрустальных лампад, которые имеют по 10 и 45-ти светильников, а на всех четырех стенах по железной цепи, на

каждой по 25 лампад. В торжественные дни зажигается более 400 лампад и 150 свечей, в паникадилах и кругом у икон в два ряда. Вообще искусство освещения у греков – неподражаемо; кто видел этот храм и часовню Святого Гроба в ночь Светлого Христова Воскресения, тот должен сознаться, что в Иерусалиме буквально исполняются слова похвальной песни: «ныне вся исполнишася света», чему способствует и усердие и дешевизна елея.

В середине церкви находится мраморная урна, которая по древнему преданию означает центр земли; мнение сие основано на словах псалма: «соделал спасение посреде земли», и на выражении, нередко встречающемся у древних церковных писателей: «в средоземии, – в Палестине», что не противно и географическому ее положению. Об этом мнении упоминает и наш древний паломник Даниил, говоря: «и ту есть возле стены за олтарем пуп земный, создана же под ним камора, а горе написан Христос мусиею, и глаголет грамота: се пядью моею измерил небо, а дланью землю».

Проводив читателей по святым местам, находящимся в храме Воскресения Господня в том самом порядке, в каком и сам обошел их в первый раз, – в следующей статье сделаем обозрение истории сего храма.

Общий взгляд на историю храма Воскресения

Храм Гроба Господня построен на месте, где был распят и погребен Христос Бог наш. Излишним было бы доказывать, что место это, столь драгоценное для первых христиан, было охраняемо и строго ими весьма внимательно. Тотчас по смерти Искупителя святой Иаков меньший был избран епископом Иерусалимской Церкви. Когда наступило время, предсказанное Спасителем (Мф 24, 16), время бегства, христиане, бывшие в Иерусалиме под начальством своего епископа Симеона, укрылись за Иордан и возвратились, по отшествии Тита, в иерусалимские развалины, чтобы продолжать стеречь Гроб Господень. Ряд епископов Иерусалимских продолжался непрерывно до императора Адриана. По его повелению христиане были выгнаны из Иерусалима. Но Бог хотел, чтобы в то время, когда христиане должны были удалиться от Святого Гроба, предание о Святых местах сохранилось чрез самое языческое поругание их. Ибо на местах, где были воздвигнуты христианские церкви, – на Святом Гробе и Голгофе, император Адриан, в бессильном своем гневе против Божиих определений, поставил идолы богов и в капище Венеры приносили богомерзкие жертвы. На месте, где прежде был храм Соломонов, он поставил храм Юпитеру Капитолийскому, как бы объявляя войну обеим откровенным религиям. Но он лишь утвердил этим способом предание, как ясно говорит о сем Гиббон в Истории падения Римского государства: «Христиане в течение почти двух веков должны были уступить честь стражи при Гробе Господнем идолам». Бесчисленные доказательства в пользу преданий о святых местах собраны в творениях первых христиан, заслуживающие полной веры, равно как у многих писателей языческих, которые о том вспоминают.

Блаженный Иероним долгое время остается неисчерпаемым источником доказательств. Ибо он посещал Святые места в IV веке, собирал и приводил в порядок предания, очищал их критикою, искал источников, доходил до истины и с тщательностью, достойною такой святой и возвышенной души, записал эти предания в своих творениях. Опираясь на этих преданиях, христиане, во время Константина

Великого, стали с успехом в развалинах низвергнутых языческих храмов и идолов отгребать святыне памятники, и под руководством благочестивой матери этого императора, святой Елены, был найден даже и самый Святой Крест. Вот как выражается в этом отношении протестантский писатель доктор Шуберт в описании своего путешествия по востоку: «Когда мы остановились перед храмом, началась беседа о предметах достойных внимания в храме Святого Гроба и о самом месте Святого Гроба. Я должен выразить здесь мое мнение о исторической важности этого храма. Сомнения в отношении мест Голгофы и Святого Гроба, окруженных теперь такою честью христианами, опирались главным образом на том, что места эти находятся теперь внутри городских стен. Полагали в этом обстоятельстве усматривать очевидное противоречие с Св. Писанием, равно как с обычаями древних евреев и законами, какими управлялась столица еврейская. Но сомнение это было совершенно устранено изысканиями о положении древнего города и стены иерусалимской во времена Христовы. Изыскания эти выказали самым ясным образом, что тогдашние стены имели другое направление, нежели стены нынешние, что они не распространялись от замка Давидова на запад, как нынешние крепостные укрепления, но протягивались от восточного угла замка сперва в направлении на северо-восток, а потом прямо на восток, до самых нынешних Дамасских ворот. Достаточно бросить взгляд на план Святого Града, чтобы убедиться в этом. Вследствие этого прежнего ограничения города, весь западный городской угол, который с первого взгляда кажется приставкой, противной симметрии, и в котором теперь помещается монастырь латинский, большая часть монастыря греческого и храм Святого Гроба, – находится за пределами прежних стен, а следы их необманчиво видны еще доселе при вратах Судных. В этой части нынешнего города, еще во время Иисуса Христа, стояли отдельные дома нового города, так называемая Везефа, – окруженные садами, и несомненно в царствование Клавдия, по старанию Агриппы I, окружили его стеною, составляющею третье опоясание Иерусалима. Эта перемена прежнего объема города произошла через десять лет по распятии Христовом. Кроме этих доказательств, которые я бы назвал отрицательными, но которые совершенно устраняют сомнение, есть еще весьма много других утвердительных доказательств достоверности мест Святого Гроба и

Голгофы. Любовь зоркая и ясновидящая, когда идет дело о открытии следов любимого предмета, нашла и отыскала безошибочно место Голгофы, даже посреди развалин опустошенного Титом Иерусалима. Устрашенная горсть учеников Христовых, наподобие голубей, хорошо знающих дорогу в отечество, слетелась на эти святые места и праздновала на них память величайшей победы. Император Адриан, который разумеется был весьма просвещен (но никакое просвещение не заменит при злой воле простоты христианства), желая положить конец путешествиям, постоянно совершаемым Назореями к Голгофе, бывшей уже тогда частью города Элии-Капитолины, приказал через шестьдесят лет, по опустошении Иерусалима, воздвигнуть капище Венеры на том месте, где Христос был распят, а на скале, в которой был иссечен Святой Гроб, стал идол Юпитера. Это записано у многих писателей и не подлежит сомнению. Мерзостные обряды Венеры разогнали пустынных голубей, привыкших к чистому воздуху в прозрачно голубом своде небес, но и в этом случае, как то часто бывает, вместо любви ненависть готовила пути Провидению. Не прошло двух веков, как в 326 году по Р. Х. царица Елена отправилась в путешествие в Иерусалим, снабженная полномочием от своего сына императора Константина, чтобы исполнить его волю. Она искала Святые места, чтобы почтить их построением христианских храмов. Тогда-то именно остававшиеся еще развалины вышеупомянутых римских капищ служили ей указанием в изысканиях и управляли рукою копающих работников. Лишь только очистили языческие развалины, открыли невдалеке от Голгофы пещеру Святого Гроба, соответствующую самым точным образом описаниям, заключающимся в старых книгах; а когда очистили ее при звучном церковном песнопении и триумфе христианском и освятили заново, как место, предназначенное для молитвы, тогда появилась архитектура христианская в своем первом произведении, полная юной красоты».

Нельзя пропустить здесь также весьма важного об этом предмете мнения другого протестантского писателя, доктора Шульца, известного по своим глубоким изысканиям над историей Иерусалима и топографии Святого Града. В брошюре под названием «Иерусалим» (Eine Vorlesung), которая, несмотря на свой малый объем важнее многих обширных сочинений, написанных об этом предмете, он доходит до следующего заключения: «Если хотите знать мое убеждение, то должен

объявить вам, что предание в отношении Святого Гроба кажется мне достойным веры и все принуждает меня к утверждению, что храм Гроба Господня означает то место, которое называлось Голгофой».

Можно бы привести и еще много мнений других протестантских писателей в отношении этого предмета.

Не вспоминаю писателей православных и латинских, ибо убежден, что для верующих и этих цитат достаточно; для неверующих же мнения писателей протестантских всегда имеют несравненно более цены, чем православных и латинских. Так вот почему я и указал два известные в этом отношении сочинения протестантских писателей, в которых можно найти рациональную о храме Святого Гроба полемику. Из вышеприведенных отрывков оказывается, что храм Святого Гроба не только построен на месте, где был погребен Христос, но и то, что сие относится к отдаленной древности. По мнению некоторых писателей о церковной древности, христиане в 119 году по Р. Х. получили позволение выстроить святилище на Гробе Богочеловека и заключить в нем другие Святые места; храм же этот был лишь увеличен и обновлен при Елене, матери Константина Великого. Другие писатели, опровергая это мнение, говорят, что христиане не имели права строить церквей до самых времен Константина Великого. Во всяком случае остается верным, что христиане имели довольно число домов или часовен, где публично отправляли свое богослужение, и это еще пред гонением Диоклетиановым, хотя может быть ясного права построения святынь и не имели. Но как бы то ни было, если, как упомянуто выше, язычники окружили стеною места, которые были святы для христиан, если на Гробе Христовом поставили идол Юпитера, а на Голгофе – Венеры; если лесок возле Вифлеема посвятили Адонису, – то это обещание служит лучшим доказательством чести, какой окружают эти места христиане от древнейших времен. А стояли ли на этих местах христианские храмы или нет, до этого мало нам дела.

Во всяком случае известно, что заложение храма Святого Гроба достигает времен Константина Великого, письмо которого, писанное об этом предмете Иерусалимскому епископу Макарию, сохранил Евсевий, епископ Кесарийский, очевидный свидетель освящения этого храма в 335 году по Р. Х. В этом письме император Константин выражает желание, чтобы здание это превзошло величиною и красотою все, что только было великим и прекрасным на свете, не для того, чтобы можно

было увеличить святость самых мест Гроба и Голгофы, но чтобы воздвигнуть памятник великому чуду обретения Святого Животворящего Креста. Он поручает епископу Иерусалимскому, чтобы донес ему, каких потребно для сего мраморов, каких колонн, сколько золота... и т. д. Епископ Евсевий в житии Константина Великого описывает величественность этого храма, выстроенного в продолжение шести лет и названного Мартирион (свидетельство). Освящение храма продолжалось восемь дней; песнопения христианские уже с тех пор не прекращались на этом месте, но судьбы Божии допустили разные изменения в судьбах святилища, воздвигнутого во славу Его святою Еленою.

Войско Хозроя, царя персидского, подкрепленное 26 000 евреев, пылающих духом мщения, овладело Иерусалимом в 614 году по Р. Х. 19 000 христиан погибло в это время, храм Гроба Господня ограблен и Крест взят. Но Хозроя убил сын его Сироес, заключил мир с христианами, отдал обратно Святой Крест, а храм Святого Гроба приведен в прежнее величие во время епископа Иерусалимского Модеста.

Хотя калиф Омар овладел Иерусалимом в 636 году, однако оставил христианам свободу вероисповедания и обрядов, но в одном только этом храме. Они пользовались этой свободой в течение четырех веков и достигли своего апогея при Гаруне-аль-Рашиде. Но с тех пор преследования начали усиливаться, калиф египетский Гакем, который по безумию искал божеской почести, опустошил храм Святого Гроба около 1008 года; исправили же его снова лишь через тридцать семь лет после сего, во времена греческого императора Константина Мономаха. Так продолжалось до крестовых походов.

В 1099 году вторгнулись в Палестину крестоносцы. Годфрид Бульонский взял Иерусалим, вступил босыми ногами и без оружия в храм Святого Гроба. Все христианские рыцари последовали его примеру. «Ночь почти уже наступила, – пишет Мишо в истории крестовых походов, – когда армия христианская сосредоточилась около Святого Гроба. Глубокая тишина царствовала уже тогда в городе и на стенах, весь Святой Город дрожал от песней и покаянных псалмов и повторялись слова Исаии: вы, которые любите Иерусалим, утешайте друг друга». Но исконным владельцам храма – грекам и обращенным ими православным арабам от этого не стало легче: крестоносцы

овладели всеми Святыми местами и начали тотчас преследовать православных.

Патриарх вынужден был бежать на край своих владений за Иордан в Карак, желая лучше жить с неверными, нежели с еретиками. Только личная доброта первого короля, которым был избран брат Годфрида Балдуин, несколько смягчала преследования за веру, но при преемнике его она возобновилась.

О состоянии храма в это время мы имеем сведения из описания нашего первого паломника игумена Даниила, посетившего Иерусалим при Балдуине около 1115 года. Не прошло еще века, как Саладин в 1187 году отпраздновал свой триумфальный въезд в Иерусалим и 100 000 крестоносцев вышло из Святого Града, оставивши Святой Гроб и Голгофу, как говорится, на власть Божию. Но удаление крестоносцев из Иерусалима вовсе не было таким несчастьем для него, как силятся доказать это латинские писатели, доселе основывающие, на временном владении крестоносцев Иерусалимским храмом, свои права на него. Саладин, по примеру Омара, пощадил святой храм и отдал его законным его владельцам, то есть православным грекам и арабам. Арабский писатель Емад-Еддин, описывая события того времени, говорит: «Христиане плакали, и слезы падали из их очей, как капли дождя из тучи. Несколько усердных мусульман советовали Саладину, чтобы он разрушил их храм, утверждая, что если Гроб Мессии будет уничтожен и место, на котором стоит храм, вспахано, христиане не будут иметь более причин ходить к этим местам на поклонение. Но другие были такого мнения, что надобно сохранить этот памятник, ибо не храм, но Голгофа и Гроб побуждают христиан к почитанию этих мест; что даже и тогда, если бы земля с небом сошлась, еще народы христианские не перестали бы стремиться к Иерусалиму; наконец, что калиф Омар, который был верным чтителем Корана и в первом веке исламизма овладел Ель-Кодсом, позволил христианам в нем жить и почтил их храм». Вот что писал о Святых местах мусульманин за семь веков до нашего времени. Во время владения Иерусалимом египетских султанов копты, как египетские подданные, и абиссинцы имели случай войти внутрь Святого Гроба: первые с тех времен пристроили себе и молитвенницу (часовню) с престолом к западной стене храма; место же абиссинцев, пользуясь их оскудением, заняли армяне, поселившиеся в Иерусалиме уже в турецкие времена; они, вступив в общение с

абиссинцами и служа попеременно на их жертвеннике, как евтихиане, — умели постепенно лишить их всего ими владеемого в храме. Армяне также заняли место православных грузин.

По прошествии более трех столетий турки отняли Иерусалим у египтян и с тех пор (если не считать кратковременного владения Сириею и Палестиною египетского паши Мегмет-Али в 1832 году) владеют им доселе. В их владычество, с помощью золота и подкупов, армяне и латины утвердились и расширили свои владения внутри святого храма и на других Святых местах. Но здание великого Константина пережило все эти изменения: в нем произошло много перемен, присоединено к нему несколько Святых мест, но главное здание осталось то же самое. Несмотря на опустошения, которым подвергся Иерусалим, а с ним и храм Святого Гроба под ударами варваров монголов орды хоразмийцев в 1243 году, все-таки до самого 1808 года каждый поклонник мог любоваться по крайней мере в главных чертах святилищем, воздвигнутым в IV веке.

Но в 1808 году в ночи с 11 на 12 июня сделался пожар в армянском приделе (в южной части первой галереи храма). Францисканский пономарь, который бодрствовал в это время, поправляя свои лампы, первый заметил огонь и начал звать на помощь. Но огонь быстро расширялся, встречая пищу себе в множестве горючих материалов, а средства к помощи были недостаточны. В продолжение двух часов обрушился купол над ротондой Святого Гроба, увлек за собою галерею, повалил колонны и приделы, в ней расположенные, и даже часть стен. Долго не могли угасить пожар; однако никто не погиб. Уцелели только украшения входной стороны храма (южной), которые видны и до сих пор, — камень помазания и Гроб Господень, в котором чудесно сохранилась хрещатая деревянная дверь, стоящая ныне в патриаршем синодике; весьма мало пострадали придел Ангела и латинская церковь Явления. Пламень пощадил часовню коптов и правую половину Голгофы; не повредил почти нимало придела колонны поругания, и разделения риз, и вовсе не коснулся подземной церкви Св. Елены. Как всегда бывает в подобных случаях, пожар слагали то на неосторожность, то на злобу и ненависть представителей одного или другого вероисповедания. Оплакав ничем вознаградимые потери, греки, вспомоществуемые щедрою милостынею из России, испросив позволение у Порты и преодолевая тысячи препятствий, восстановили

храм, если не в первобытной красе, то строго соблюдая те же размеры, – словом, сделали, что могли.

Красноречивейшее, а может быть и точнейшее описание храма Святого Гроба оставил нам Шатобриан в своем *Itinéraire*; он был одним из последних европейских путешественников, которые навещали его пред этим несчастьем. По этому описанию архитектура носила печать века Константина: украшения и колонны были коринфского ордена. Несмотря на то, что некоторые столпы и колонны были или очень тяжелы, или очень тонки, словом, что вообще не соответствовали вышине святилища, несмотря на то, что хоры греческие были ниже притвора, что неприятно действовало на глаз, прерывая вид свода, – все-таки храм был величествен, здание в прекрасном стиле и видны были следы великой пышности в украшениях. Соображаясь с этим описанием видно, что дело реставрации (восстановления) после пожара 1808 года, хотя поручено было архитектору, не отличавшемуся особенным вкусом, исполнено добросовестно по прежнему плану: не только сохранилось то же самое основание, но даже держались самым тщательным образом прежнего плана и в подробностях, пользуясь оставшимися стенами. Столпы еще тяжелее, нежели пишет Шатобриан, – купола возвышены менее, чем прежде; но разделение церквей то же самое, что прежде, и, где случится попасть на древний остаток или карниз стен, пробивается стиль византийский.

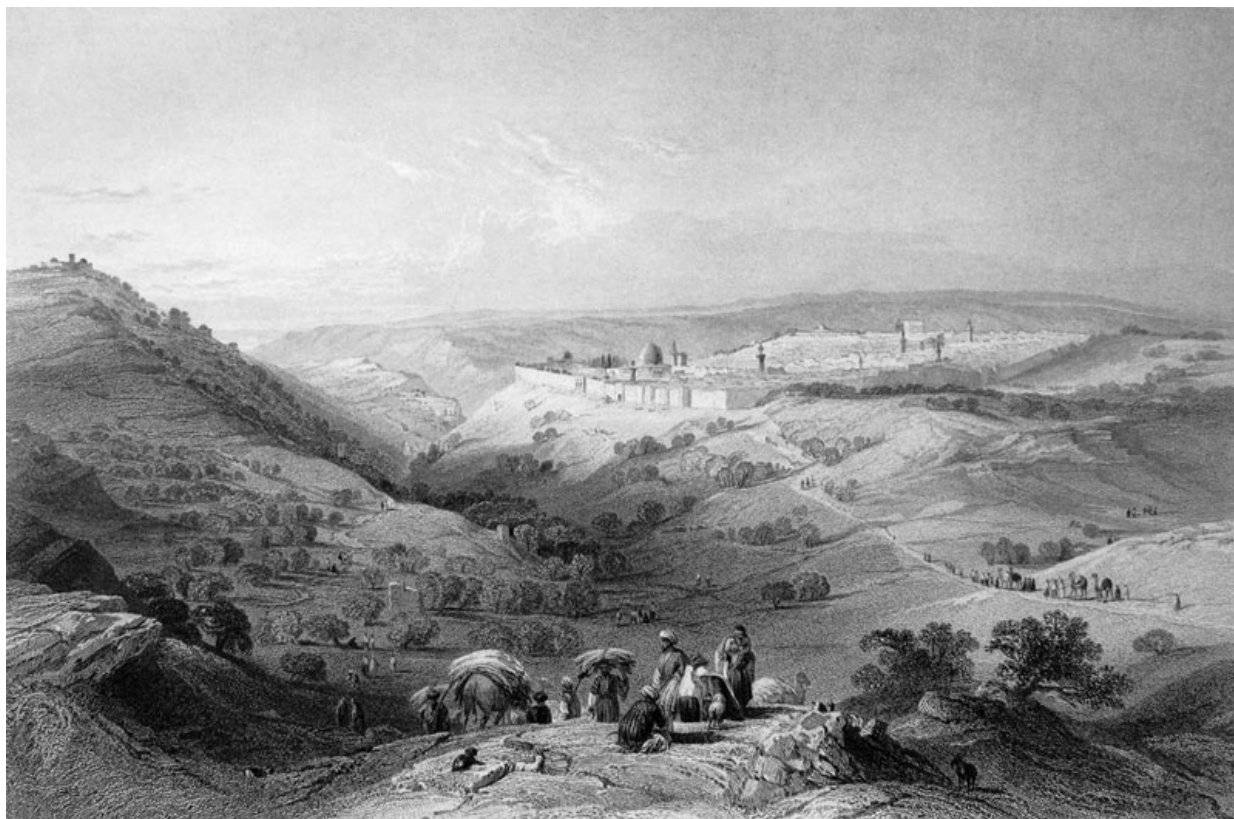
Храм Святого Гроба много бы выиграл, если бы царствовала в нем большая чистота; но вследствие отношений, в каких живут в нем разные вероисповедания, при соседстве соединенных с ним зданий, как-то монастырей греческого и латинского и других прилегающих турецких зданий, поддержание чистоты становится вещью почти невозможной. И потому в некоторых частях, особенно в северной, грязь неописанная и вонь столь нестерпимая, что долгое в них пребывание почти невозможно.

Во всяком случае храм Гроба Господня если ныне и не может назваться прекрасным, но все же отличается некоторою величиною в размерах и древностью в стиле. Все еще он носит печать здания от времен Константина, ибо в отношении фундамента, стен и плана есть та же самая святыня. Никогда храм этот не был разорен совершенно и глас хвалебных песней на святых местах не умолкал в нем со времени

обретения животворящего древа и восстановления с подобающею честью Голгофы и пещеры Святого Гроба.

Описав довольно подробно Святые места, заключающиеся в храме Святого Гроба, самый храм и его историю, над которою столько веков трудились критики, разбирая каждый отрывок в авторах, размеря каждую пядь земли, каждое расстояние одного места от другого, доискиваясь справедливости каждого предания, – окончу мое описание словами Шатобриана: «Счастливы были древние паломники, – пишет он в своем путешествии, – что не имели надобности вдаваться в критику; ибо имели дело с людьми, религия которых никогда не спорит о правде, из которых каждый имел убеждение, что для того, дабы видеть край таким, каким он есть, надобно смотреть на него сквозь стекло его преданий и воспоминаний! В самом деле по Святой Земле надобно странствовать с Библией в руках и с Евангелием в сердце!»

Тому же, кто хочет путешествовать по Иудее с духом отрицания и сомнения, можно сказать, что не стоит ездить так далеко!

Иерусалим и Елеонская гора. Вид с северо-востока

Иерусалим

Общий вид Иерусалима. – Долины и горы вокруг его. – Места древних стен Иерусалимских. – Нынешнее протяжение Иерусалима. – Врата его. – Кварталы – христианский, магометанский и еврейский. – Народонаселение в древности и ныне. – Число поклонников. – Улицы и площади. – Вид домов. – Собаки и нищие. – Общие обычаи жителей Иерусалима. – Вакуфы.

Невзирая на то, что я прочел почти все, что было у нас писано о Иерусалиме, прежде чем сподобил меня Бог увидеть его, не могу не сознаться, что я представлял себе вид его совершенно иным, нежели каков он есть в действительности, а чувство, наполнившее душу вследствие этого разочарования, можно сравнить лишь с тем ощущением, которое вероятно испытывал каждый, кому случалось возвращаться в родительский дом, оставленный им еще в детских летах: все в нем кажется нам мало и бедно в сравнении с теми представлениями, которые сохранились в детской памяти. То же самое чувство испытывается и здесь. Великие события, которые совершились в Святом Граде, сильно действуют на сердце каждого христианина, и невольно воображаешь, что и место этих действий должно соответствовать им своим внешним видом и положением. Вспоминая о событиях земной жизни Спасителя, по свойственной человеку немощи, мы все более склонны мечтать о Фаворе, то есть о славе Креста, нежели помышлять о Голгофе, которая служит символом «досады Креста», напоминая о страданиях, истощании и смерти Богочеловека. Вот почему и нынешнее уничиженное состояние Святого Града производит в душе нашей скорбное чувство: невольно забывается, что «вся слава дочери Царевой внутри ея», а вспоминаются лишь «преславная, яже глаголашася о граде Божиим». Охотно вспоминается торжественный въезд в него нашего Спасителя при восторженных кликах: «осанна сыну Давидову, благословен грядый во имя Господне Царь Израилев», и забывается, что спустя лишь несколько дней тот же самый народ, будучи подущен фарисеями и книжниками, вопиял: «возьми, распни, распни Его... кровь Его на нас и на чадех наших». Невольно

вспоминается слава храма первого, и как-то не верится, чтобы храм второй – храм преславного Христова Воскресения, в столице христианства, мог в чем-нибудь уступать ему, а меж тем кто не ужаснется, видя уничиженное состояние его? Забывается плачь Спасителя о древнем Иерусалиме, от которого не осталось уже камня на камне, и Его определение о судьбе настоящего, что он будет предан на поправление язычников, пока не окончатся времена язычников; как-то забывается все это, и смотрящему на позорный плен этой колыбели христианского мира, царицы чудес и матери народов, становится грустно, невыразимо грустно и кажется, что одними лишь словами плача Иеремиина можно выразить то, что чувствует сердце в эти минуты. «Что мне сказать тебе, – вопиет этот пророк, как бы созерцая перед глазами нынешний Иерусалим, – с чем сравнить тебя, дочь Иерусалима? чему уподобить тебя и чем утешить тебя, девица, дочь Сиона? ибо страдание твое велико, как море; кто может исцелить тебя? Пророки твои пророчествовали тебе ложное и нелепое, а беззаконие твое не раскрывали. Руками всплеснут о тебе все проходящие путем, свиснут и покачают головою о дочери Иерусалима: это ли город, который называли верх красоты, веселие всей земли?» (Плачь 2, 15).

Состоя в числе членов Иерусалимской духовной миссии, я въезжал в Иерусалим 2 февраля 1858 года. Несмотря на чрезвычайную усталость, с возрастающей все более и более сердечною тревогою, приближался я к месту, где Иерусалим первый раз представляется очам пилигрима. Солнце уже почти заходило и рассыпало золотистые краски по горизонту, когда мы достигли взгорья посреди большой плоскости, совершенно обнаженной и пустой на несколько верст, вокруг обставленной горами. На одной из них, на левой руке в отдалении, показалась группа зданий среди масличных деревьев, – то была священная вершина Елеона, а здания на ней – мусульманская мечеть и арабская деревушка. Подвинувшись еще несколько вперед, внезапно увидели мы перед собою город, – это Иерусалим, город, самими мусульманами называемый Ель-Кодс (Священный).

Общий вид Иерусалима, по сказанному выше, суров и печален; дома и другие здания, как бы слитые в одну сплошную массу, своим серовато-пепельным цветом почти не отличаются от окружающих их стен и от обожженных солнцем гор. Почти совершенное отсутствие растительности внутри города лишает его главного украшения других

восточных городов; лишь изредка высятся между зданиями несколько вечнозеленых кипарисов и две-три пальмы. Вокруг стен природа также мертва и печальна: до 1859 года ничто не отделяло Святой Град от прилегающей к нему пустыни^[29]. Никакой шум не прорывается изнутри наружу; не видно живущих ни по горам, ни по долинам; не слышно пения птиц; ложе потока Кедрского высохло; домашние животные не имеют тут себе пастбища; и кажется, что лишь смерть и скорбь могли населять эти уединенные окрестности, и невольно приходят на память слова пророка Иеремии: «о сих горах подымлю стон и вой и о степных пастбищах плачевную песнь. Потому что они опалены, так что никто там не ходит, и не слышно блеяния стад; от птиц небесных до скота, все разбежались, ушли» (Иер 9, 9).

Среди диких и обнаженных гор возвышается довольно высоко скалистая плоскость, прерываемая небольшими холмами, окруженная с трех сторон глубокими и узкими долинами, между скалами. На этой-то плоскости расположен Иерусалим. Долина Иосафатова весьма глубокая, служит вместо исполинского рва с востока, долина Силоамская с юга, долина Рефаим с запада, но с севера примыкает к городу скалистая равнина, постепенно возвышающаяся по мере отдаления от городских стен.

Вид Иерусалима с подъезда от Яффы

Над целым городом господствует Елеонская (Масличная) гора, которая составляет бок долины Иосафатовой; далее на юг гора Соблазна и гора Злого Совещания возносят свои вершины; с запада и севера, за небольшой равниной, возвышается гора Гигонская. Таким образом, положение нынешнего Иерусалима совершенно соответствует древнему, ибо точно так же и теперь можно воскликнуть с Давидом: горы окрест Иерусалима и Господь окрест людей своих. Разница в расположении древнего Иерусалима от нынешнего заключается в том, что прежде гора Сион к югу вся входила внутрь города, а теперь большая часть ее находится вне оногo. Говорят, что султан Солейман (при котором построены нынешние городские стены, около 1534 года) приказал опоясать и эту гору стенами и что архитектор за нарушение этого приказанья был казнен смертью. От замка Давидова на западе и до Судных врат к северу древняя стена^[30] шла ломаною линиею, минуя Голгофскую скалу, ибо эта скала и все то место, на котором ныне стоит храм Воскресения и окружающие его здания, то есть весь северо-восточный угол города (нынешний Христианский квартал), был

включен в обвод городских стен впервые, при возобновлении Иерусалима под именем Елии римским кесарем Адрианом. Сверх того, по свидетельству еврейского историка Иосифа Флавия, прежние стены заключали в себе, начиная от Дамасских врат, всю северную площадь до королевских гробов, называвшуюся Везефою. Эта топография, которой следы еще уцелели отчасти доселе, исследована в новейшее время и означена подробно в сочинении с планом одного немецкого ученого доктора Шульца; она оказалась совершенно согласно с нашими преданиями о Святых местах и свидетельством Св. Писания, из коих видно, что Иисус «вне врат пострадати изволил» (Евр 13, 12). Нынешний Иерусалим имеет протяжение в длину от востока на запад, не более четверти мили, а в ширину, с севера на восток, не более 1600 шагов. Он раскинут на трех холмах, или возвышенностях: Сион, самая высокая из них, на юге, – на ней расположен верхний город; Акра на севере, где нижний город, а между ними Мориа или гора Храма (Соломонова) на востоке. К этим трем возвышениям надобно присоединить Голгофу, которая, по вышесказанному, вошла внутрь городских стен впоследствии. Возвышения эти незначительны; раздолы между ними или умышленно были засыпаны, как между Сионом и Мориею, или время, при помощи развалин, уменьшило их глубину: однако несмотря на сие в городе можно считать две долины: одну под Акрой, а другую под Мориею. Нынешние стены содержатся довольно хорошо: своею огромностью и видом, при первом взгляде на Иерусалим, они обращают внимание и тотчас переносят воображение к нашим древним Кремлям. Обвод этих стен весьма неправильный, ибо кроме одной стены, восточной (со стороны Иосафатовой долины), тянущейся в прямой линии, все прочие составляют ломаные линии, образуя кривизны и углы. Однакож, невзирая на это, можно принимать всю окружность города за четверугольник, несколько суженный на западе (900 шагов); северная сторона его самая длинная: она занимает 1435 шагов, восточная 1005, южная 1290. В час или полтора легко можно обойти вокруг города. Стены сложены из тесаного камня, верх их увенчан зубцами и стрельницами, а четверугольные башни и полубашни, которых всех насчитывают до 66, возносятся высоко над этую каменною массою; городских ворот только четверо и две калитки.

С запада, при самом замке Давида, находятся под огромной башней врата, называемые посему Давидовыми, Вифлеемскими или

Яффскими, ибо через них идет дорога в Вифлеем и Яффу. Над этими воротами видна на мраморе арабская подпись выпуклыми литерами, которая, по переводу знающих арабский язык, означает: «Величайший царь, могущественнейший князь, владыка народов греческих, арабских и персидских, султан Сулейман, султана Селима сын (да защитит и сохранит Бог его царство), повелел 1-го... 1536 года воздвигнуть сии стены. Да будет мир их основателю». Но несмотря на эту надпись известно, что Сулейман не опоясал тогда вновь стенами город, а лишь приказал поправить древние, и только там воздвигнуть новые, где прежние вовсе были разрушены. На этой западной стороне находятся только одни эти Яффские врата, которые также называются воротами поклонническими, ибо ими издревле исключительно входили в город вновь прибывающие в него поклонники. Идя к северу, встречаем врата Дамасские, самые красивые: две больших башни соединены смело перекинутым сводом и на нем разные арабески и надпись: «год 1553, врата глубины», – может быть потому, что проход довольно глубоко тянется под сводом. Во времена еврейские называли их воротами Ефраимскими; чрез них-то возвращался с поля в город Симон Киринейский, когда позвали его нести крест за Спасителем. На той же северной стороне, по правую руку Дамасских врат, видны древние врата Иродовы, или Зари, но они закладены наглухо.

На востоке, против Елеонской горы, находятся врата Гефсиманские, врата Марии, потому что ведут к Гробу Матери Божией, к Гефсиманской пещере. Они также называются воротами Св. Стефана, ибо за ними находится место, на котором святой мученик был побит камнями. Во времена еврейские их называли воротами Вениаминовыми и Овчими. В той же самой линии видны совершенно заложенные извне, так называемые, Златые врата. Они делились на две части аркою, которая видна доселе и украшена разною резьбою. Через эти врата, как известно, торжественно въезжал в Иерусалим Спаситель, «грядый на вольную страсть», при кликах «Осанна сыну Давидову, благословен грядый во имя Господне». Мусульмане замуrowали эту стену вследствие существующего у них предания, что через эти врата должен вступить в Иерусалим какой-то царь франков (общее имя всех европейцев).

Северо-восточный угол стены, от Златых врат до поворота ее, обращает особенное внимание огромностью камней, из которых

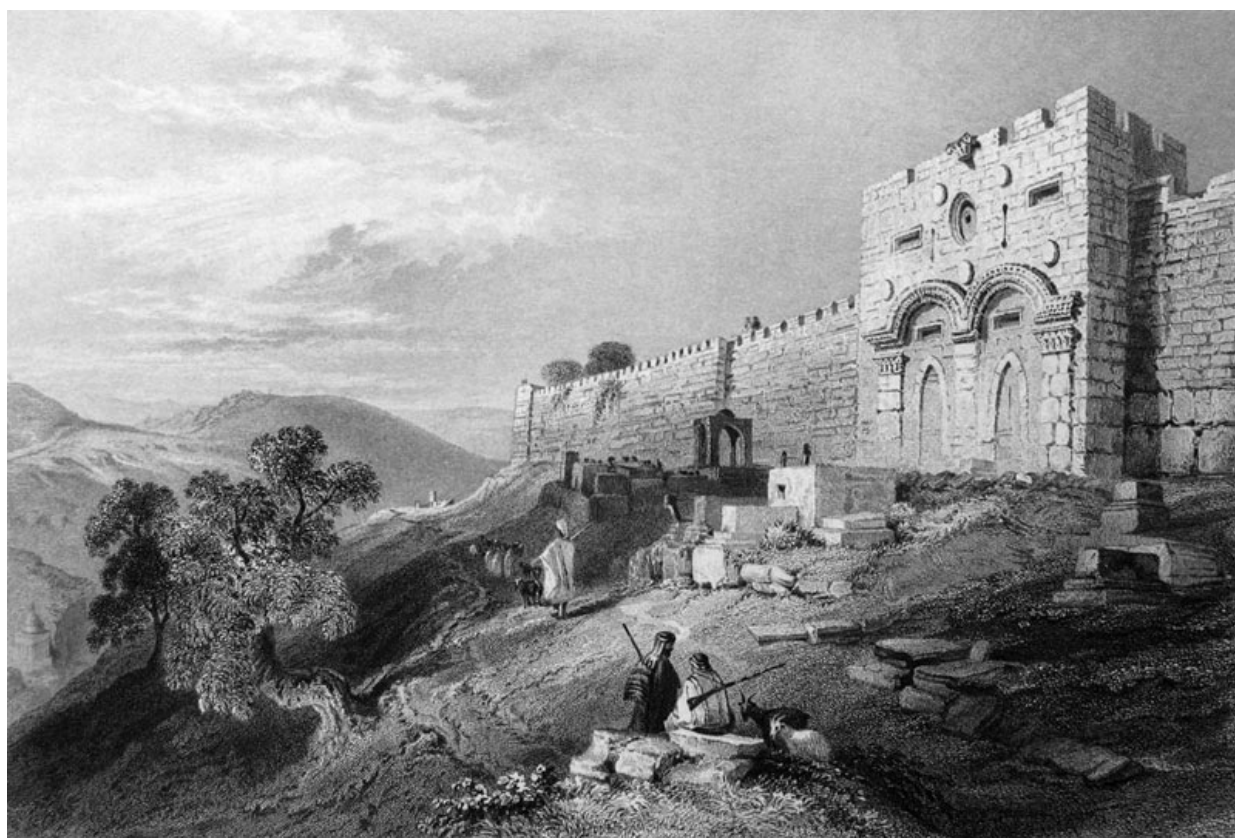
сложена нижняя часть этой стены; тут виден довольно глубокий ров, высеченный в натуральной скале.

С южной стороны, недалеко от поворота за угол, находятся следы других древних врат, называвшихся вратами Гнойными, потому что в них выбрасывали сор и нечистоты со двора Соломонова храма. Это те самые врата, через которые Господа нашего Иисуса Христа, взятого в саду Гефсиманском, вели к первосвященнику Анне. Теперь они заложены, оставлена только небольшая калитка, ведущая в ограду Омаровой мечети. Называются теперь в переводе с арабского «вратами Мавров» (Варварийцев); и наконец на той же южной стороне находятся врата Сионские, ибо стоят на горе Сион; по-арабски же называются баб-ель-неби-Дауд (пророка Давида), ибо находятся против мечети сего имени.

Из других врат, упоминаемых в истории древнего Иерусалима, уцелели лишь двое. Врата Судные (не вдали от Голгофы к северу), которыми прерывается так называемый Страстной путь, по коему вели Спасителя на Голгофу. От Судных врат, в направлении от севера к югу, идет крытая улица, по которой видны довольно приметно следы (целые колонны) того, что прежде в этом направлении шла древняя городская стена; вторые уцелевшие ворота сей стены, железные, находятся почти на одной линии с первыми, на южной стороне обширного пустыря, часть коего занимает греческий монастырь Св. Иоанна Предтечи, – между им и домом евангелиста Марка (сирийский монастырь). Железные врата упоминаются в Деяниях апостольских в главе двенадцатой, в которой повествуется о заключении в темницу святого апостола Петра, и о чудесном изведении его из оной Ангелом. Темницу эту показывают на северной стороне упомянутого пустыря в подземелье красивых развалин здания, принадлежавшего Тамплиерам (рыцарям храма), недалеко от храма Воскресения. Вот слова апостола: «Прошедша первую стражу и вторую, приидоста ко вратом железным, вводящим во град, яже о себе отверзошася им», – и в последующих стихах: «смотрев же прииде в дом Марии матери Иоанна, нарицаемого Марка, идеже бяху мнози собрани и молящеся». Из относительного положения между собою места, занимаемого бывшей темницей, и домом евангелиста Марка и из буквального смысла апостольского сказания становится ясно, что древние стены Иерусалима следовали другому направлению, обозначаемому взаимным положением Судных и

Железных врат. А новые изыскания, особенно ученого доктора Шульца, подтверждают это предположение, разрешив окончательно вопрос: почему Голгофа и Гроб Господень находятся ныне внутри стен, тогда как известно, что Иисус «вне врат пострадати изволил» (Евр 13, 12). Это учинено при построении второй стены во время возобновления Иерусалима под именем Елии Капитолины римским кесарем Адрианом.

Городские ворота в Иерусалиме при захождении солнца (чем оканчивается счет часов восточного дня) запираются на всю ночь, отворяясь с начала дня, которое определяется восхождением солнца. В пятницу же городские ворота отпираются лишь после полудня, ибо в это время мусульманские власти города по случаю своего праздника бывают на молитве в мечетях. Побуждением к затворению в это время ворот служит между прочим чье-то предсказание, что в это время христиане покусятся овладеть Ель-Кодсом (Святым Городом), так как и сами мусульмане овладевали христианскими городами преимущественно во время церковных праздников, когда христиане были в храмах на молитве.

Золотые ворота Иерусалима

Нынешний Иерусалим делится на четыре квартала – Гарет (Hareth). Первый квартал – Христианский около церкви Гроба Господня, или квартал франков, подобные которому находятся во всех восточных городах; второй квартал – Армянский на горе Сион; третий – Еврейский, на склонах горы Сион к горе Мории; наконец, четвертый квартал Мусульманский, обширнейший всех, который заключает в себе горы Морию, Акру и всю северо-восточную часть города.

О народонаселении жителей древнего Иерусалима трудно сказать что-либо утвердительное. По историку Иосифу, оно во времена Александра Великого простиралось до 150 000. Цифра эта, кажется, в последствии еще увеличилась. Однако все-таки, принимая даже в соображение следы самых отдаленных стен (на севере – до Королевских гробов, а на юге – окраину Сиона), нельзя сравнивать Иерусалим с большими столицами нынешнего света, ибо столица Давидова никогда не была столицей большого народа. Она вмещала по временам в стенах своих значительное число людей, но это было лишь временное скопление, преимущественно по случаю еврейского праздника Пасхи. Только этим обстоятельством можно объяснить себе огромную людность Иерусалима, о которой упоминают историки. Страдания Христа Спасителя нашего также совпали с праздником Пасхи, и через 38 лет в ту же самую пору случилось взятие Иерусалима Титом. Притом для объяснения, откуда стекло такое большое число людей во время этой осады, можно заметить, что пред наступающими легионами римскими весь народ теснился в столицу, чая найти себе здесь безопасность. А потому-то и собралось тогда в Иерусалиме, по сказанию римского историка Тацита, 600 000, как будто Господь Бог нарочно созвал сюда Богоубийственный народ для исполнения на нем зывающих об отмщении на небо слов: «кровь Его на нас и на чадех наших» (Мф 27, 25).

Теперь народонаселение Иерусалима не более 20 000 человек. По статистическим данным евреев должно быть до 8000; мусульман до 7000, не включая в то число гарнизона, который простирается до 1000 человек. Христиан до 5000. Между ними считают православных 2500, латин – 1000, армян до 400, коптов 100, сирийцев около 50, абиссинцев столько же, протестантов до 100 и наконец несколько человек греко-

униатов, число которых (как совращенных лестью и обманом), благодарение Богу, не прибывает, а уменьшается. Как в древности, так и теперь людность Иерусалима увеличивается в известное время, а время это, как прежде, так и теперь, есть праздник Пасхи, только не еврейской, а христианской. Число прибывающих тогда поклонников всех вероисповеданий бывает неравно и простирается вообще от 3000 до 10 000 человек, изменяясь смотря по политическим и другим благоприятным или неблагоприятным обстоятельствам.

В 1858 и 1859 году, во время моего пребывания в Иерусалиме, после заключения мира, окончившего войну России с Турцией и ее европейскими союзниками, число поклонников доходило до 10 000; в том числе наших русских было около 800 человек: 500 женского и 300 мужского пола, – тогда как прежде число их и в благоприятные годы не превышало 400 человек; такому быстрому увеличению способствовало, кроме заключения мира после войны, прервавшей на несколько лет возможность посещения Святых мест, отправление в Иерусалим Духовной миссии в увеличенном составе, а главное – облегчение сообщения учреждением Общества русской торговли и пароходства. – Все разнородное народонаселение живет в вышепоказанных кварталах, которые однако не имеют ясного разграничения, равно как нет и закона, который бы запрещал жить в той либо другой стороне города.

Улицы в Иерусалиме узки, неровны^[31], некоторые – крытые и потому темные (исключение составляет лишь часть крытой улицы, идущей от Греческой Патриархии к храму Гроба Господня, которая по ночам освещается в нескольких местах висячими фонарями), всегда почти грязные и, исключая нескольких главных, по большей части пустые. Как во всех восточных городах, они не имеют надписей, но названия их сохраняются лишь по преданию между жителями, и то по-арабски, и заимствуют оное от своего положения или какого-либо примыкающего к ним здания. Так, «Тарик баб-ель-Амуд», улица колонны, ведущая от Дамасских ворот почти через весь город с севера на юг; «Сук-ель-Кебир», улица большого базара, идет в направлении от запада на восток; «Тарик-ель-Аллам» – улица или дорога скорби, «Страстной путь», начинается у Гефсиманских ворот, проходит мимо претории Пилата и австрийской странноприимницы и оканчивается у Судных врат; «улица Патриаршая», которая, начинаясь от угла бывшего патриаршего дома, идет в направлении от севера на юг, до улицы

большого базара; часть ее, в которой соединяются здания, покрыта сводом; ею же проходят из монастыря греческого и латинского на площадку Гроба Господня. Это самая людная улица в период поклоннический; ибо на ней преимущественно сосредоточивается в это время городская торговля как привозными товарами, так и местными произведениями. В ней кроме лавок находится наиболее известная в Иерусалиме немецкая гостиница с общим столом, в которой останавливаются европейские путешественники; тут же недалеко городская, так называемая Патриаршая баня, далее греческий монастырь Св. Иоанна Предтечи, почти незаметный со входа.

Площадей в городе мало (самая большая против дома Давидова, на границе Армянского квартала с Христианским), но зато немало развалин, особенно в Мусульманском квартале. Исключая торговых мест, или базаров, в городе незаметно того движения, которое придает другим местам торговля и промыслы: этому отчасти причиною и различие народонаселения по вероисповеданиям. В Иерусалиме только четыре рабочих дня, общие для всех жителей, ибо пятница, суббота и воскресенье уважаются как дни праздничные: пятница – мусульманами, суббота – евреями, а воскресенье – христианами. В пятницу до полудня все городские ворота бывают заперты, как выше упомянуто, из опасения, что, по преданию мусульман, во время их молитвы в мечетях христиане будут покушаться овладеть внезапно святым городом. Это предание имеет, очевидно, связь с тем, по которому заложены Златые врата, ибо чрез них должен некогда вступить во Святой Град один из европейских царей, а по другим царь северных народов.

Дома каменные, низкие, квадратные, часто без дверей и окон на улицу, а если где и есть окна, то небольшие, заслоненные толстыми деревянными или железными решетками; с виду дома более похожи на тюрьмы, нежели на обыкновенные жилые здания. Почти все без исключения имеют, вместо кровлей, террасы, хотя и не совершенно плоские, как в Сирии, ибо из середины каждой террасы выступает небольшой вышины сферический купол, который, будучи выбелен, представляет вид опрокинутой чашки. Смотрящему на Святой Город откуда-нибудь с высоты вид Иерусалима по причине этих куполов кажется совершенно отличным от других восточных городов. Эти воздушные террасы не прихоть, а составляют существенную необходимость здешней жизни по причине знойного климата:

мусульмане отправляют на них свои молитвы, жида – праздники, европейцы прогуливаются и наслаждаются вечерней прохладой, а местные жители спят на них в знойную пору года.

Мостовой в Иерусалиме нет почти нигде^[32]; там же, где она пришлась случайно, она так скользка, что лошадь должна ступать с большою осторожностью, тем более, что все улицы идут или на гору, или под гору. Группы собак, не знающие хозяев, так же как и во всех восточных городах, бродят и здесь по улицам. Они строго держатся своих городских кварталов и редко переходят из одного в другой; единственная польза, доставляемая ими, состоит в том, что они помогают поддержанию в городе кой-какой чистоты, ибо пожирают с жадностью все выбрасываемое на улицу. Без них, очевидно, царствовала бы еще большая неопрятность. Днем они обычно лежат на солнце по сторонам или в углах домов; зато ночью караулят свои кварталы и улицы, и встреча с ними тогда не очень приятна, особенно если кто отважится выйти без фонаря, что как везде, так и здесь запрещено, ибо как здесь, так и везде в турецких городах улицы не освещены. Однако и несмотря на фонари собаки нередко и смело нападают на прохожих, словно происходят в прямой линии от тех псов, которые на поле Изреельском съели тело Иезавели.

Излишне было бы говорить, что в народонаселении столь разнородном, как иерусалимское, нельзя усмотреть ничего однообразного, что все смотрят в нынешнем Иерусалиме чужеземцами, пришельцами. Турок, араб, грек, армянин, копт, абиссинец, жид, бедуин, европеец, – не перечтешь всех. Впечатление поистине удивительное и единственное на свете! Везде бродит немалое число нищих, а особенно на площади храма Святого Гроба и на ближних к нему улицах, рассчитывая преимущественно на русскую тороватость. Многие из них выучили по несколько слов, особенно «здравствуй, матушка», с которым обращаются безразлично к проходящим русским обоего пола богомольцам. Нигде не видно пышности: ни в домах, ни в одеждах, ни в мебели; даже базар несравненно хуже, чем в других городах.

Однако же, несмотря на видимое различие, обычаи всех этих народностей разного происхождения и вероисповедания, соединенных в нынешнем Иерусалиме, суть обычаи восточные: то же самое разделение дня и счет часов от восхода солнца, обычай полуденного

кейфа, отдельность женщин, которой держатся и туземцы христианской веры. У женщин обычай сурьмить брови и ресницы господствует и здесь. Обычай этот может служить указанием, как неизменны вообще обычаи восточные; он существовал здесь за 3000 лет до нашего времени, ибо в IV книге Царств читаем, что когда приехал в Иерусалим Ииуй, Иезавель, услышавши о въезде его, покрасила очи. Не так же ли и ныне дочери Иерусалима сокровенно смотрят с своих террас на торжественный въезд и иные церемонии, для чего в верхних стенках, ограждающих домовые террасы, устроен ряд круглых глиняных трубок, сквозь которые находящиеся на крыше женщины могут видеть, что происходит снаружи на улицах, не быв видимы сами.

Все эти различные племена, составляющие население Иерусалима, живут в нем, приспособляясь к обычаям восточным, но живут скрытно, отдельно, в непримиримой ненависти и подозрении друг к другу. Если поддерживается какой-либо внешний порядок, то единственно при помощи страха. Да и трудно было бы придумать какой-нибудь другой узел, иную связь для народонаселения, большую часть которого действительно можно считать за кочующих. Мало кто проживает долго в Иерусалиме, кроме евреев. Житель Европы, поклонившись Святым местам нашего искупления, с сердцем преисполненным скорбью, если не горечью, от всего виденного здесь, возвращается, обычно по кратком пребывании, в Европу. Турок, высланный для того, чтобы охранять спокойствие в этом центре беспокойства, порождаемого взаимною интригою и завистью, чувствует себя в положении не сына, а любодейчица в отечестве истинных сынов дочери Сиона и с радостью, при первой возможности, спешит возвратиться в чародейский Стамбул. Араб, разбивая шатер в Ель-Кодсе (Святом Городе), почтивши кажущееся могущество своего пророка в величественной мечети Омара и брося взгляд фанатического презрения на гяуров и жидов, возвращается в пустыню, где свободнее дышит его грудь. Купец грек или армянин не находит здесь ни барыша, ни приманки, какую имеет для него весь остальной восток. Одним словом – Иерусалим почти не имеет постоянных жителей, – он имеет только пришельцев. Христианам же в особенности все напоминает в нем, что и сам он есть только прообраз Иерусалима небесного, по сказанному в Писании: «не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем».

В другом месте мы рассмотрим подробно условия временной жизни в нынешнем Иерусалиме, а теперь обратимся к обозрению его. А как Иерусалим для всех своих жителей, несмотря на различие вероисповеданий, есть город святой, то и все замечательные в нем места составляют принадлежность духовных учреждений того или другого вероисповедания, и самая поземельная собственность разделена в нем на вакуфы, составляя большую часть принадлежность храмов и мечетей. Так Вакуф-ель-Гарам, – поземельная собственность, принадлежащая великой мечети (Омаровой); Вакуф-Руми – собственность монастыря православного (Греческой Патриархии); Вакуф-Франджи – монастыря латинского; Вакуф-ель-Такиджег – собственность госпиталя Св. Елены. Другие поземельные участки составляют имущество вечное – Мулк-мокуфы, что значит собственность мертвой руки (наше выморочное), – которое по прекращении фамилии владельцев в мужской линии должно обращаться в вакуфы. Собственности же частной (мулк) весьма мало, и то она не личная, а собирательная и даже принадлежащая не одному семейству, а чаще нескольким в совокупности. Такое распределение городских имуществ в соединении с исключительным значением Иерусалима, как города святого, побуждает нас разделить обозрение заключающихся в нем мест по их принадлежности тому или другому вероисповеданию. Общая христианская святыня – храм Гроба Господня – нами уже рассмотрена. Перейдем к подробному обозрению частных владений каждого вероисповедания, начиная с здания Греческой Патриархии.

Греческая патриархия в Иерусалиме

Место древних патриарших палат. – Права греков на владение святыми местами. – Нынешние здания Патриархии. – Пять церквей внутри ее. – Кельи. – Патриарший Синодик. – Патриарший дом. – Должностные лица. – Библиотека. – Нравы и степень образованности обитателей Патриархии.

Греческая Патриархия, или патриарший монастырь Свв. равноапостольных царей Константина и Елены, по местному преданию, занимает ныне место Никодимова вертограда. Православные Патриархи, как законные блюстители главной иерусалимской святыни, созданной равноапостольными царями восточной империи Константином Великим и матерью его Еленою, – первоначально (до времен завладения Иерусалима крестоносцами) жили близ самого храма. Древнейший наш паломник-писатель игумен Даниил, описывая греческую церковь Воскресения Господня, говорит: «суть же у нея палаты просторны, и в тех палатах живет горе Патриарх». Когда же Православный Патриарх вынужден был при нашествии крестоносцев, от их насилий, тысячекратно горших мусульманского ига, удалиться в константинопольские пределы, – тогда горние палаты его были заняты Патриархом Латинским, назначенным Папою... Впоследствии же, когда Божьим Промыслом, положен конец владычеству крестоносцев в Палестине, а с тем вместе кончилось и властолюбивое и себялюбивое обладание иерусалимскою святынею латинского духовенства, завоеватель Иерусалима Саладин (по свидетельству восточных писателей) возвратил храм Гроба Господня его законным владельцам грекам и православным арабам; но древние патриаршие палаты, как и прочие здания, находившиеся во владении латинян, обратились в частную собственность завоевателей. Дом этот, называемый Хате, главный фасад которого выходит на улицу, ведущую от Судных врат вверх к латинскому монастырю, и до сих пор привлекает своею величием и носит на себе очевидную печать древности. Часть нижнего этажа его, поддержанная тяжелыми контрфорсами (с южной стороны), обращена в городские хлебные магазины, где ссыпают

окрестные арабы десятину от всего засеваемого ими жита, испытывая как при сборе, так и сдаче множество притеснений, на которые нет суда на земле. Вверху над магазинами несколько пустых огромных зал, обитаемых дикими голубями, а далее в покоях, примыкающих к самому куполу Гроба Господня, обитает один из арабских эфенди (почетных местных жителей). Между куполами Гроба Господня и греческою церковью Воскресения втеснился один из его покоев, занимаемый гаремом. Еще в недавнее время из этого покоя был свободный выход на верхнюю террасу храма, но бывший наместник Патриарха митрополит Мисаил, усиленным ходатайством у местных турецких властей понудил заложить этот ход и теперь из покоев этих выходит на южную часть террасы, принадлежащую греческому монастырю, лишь несколько небольших окон. По городским слухам, владелец не прочь бы продать эту привлекательную для христиан собственность, но, понимая ее важное значение, просит неприступную цену; но более вероятно то, что турецкое правительство не позволит продать ее, зная, что это породит новые затруднения в религиозной распре.

Мне случилось быть в вышеупомянутой комнате, – она четвероугольная, продолговатая, с одним небольшим окном на юг, по турецкому обычаю уставлена вдоль стен диванами, которые служат ночью ложем для живущих в ней. Владелец дома во время нашего посещения без церемонии восхвалял свою гостеприимность, уподобляя себя в этой добродетели Аврааму, и говорил, что справедливость его слов может засвидетельствовать весь город. Сущность дела состоит в том, что он дает у себя приют магометанским хаджи, вознаграждая даровой прием нескольких бедных достаточным вознаграждением с богатых.

Дом этого эфенди с примыкающим к нему минаретом занимает место по правую сторону храма Гроба Господня (на северной). С другой же стороны храма (южной), близ гефсиманского подворья, есть другая мечеть, также с минаретом. Таким образом храм, заключающий в себе Гроб Господень и Голгофу, видится между двух мусульманских мечетей и минаретов: вид невольно напоминающий Распятого на Голгофе между двух разбойников. Предание говорит, что со временем, «когда исполнятся времена язык», владелец дома, занимающий в отношении к храму место креста благоразумного разбойника, обратится ко Христу, а

мечеть, стоящая ошуюю храма (на месте Омарова намаза), пребудет до конца памятником ожесточения в виду вовек пребывающей истины.

Споры латинян о правах своих на святыни иерусалимские, споры, о которых невольно придется услышать нашим пришельцам во Святой Град, побуждают нас коснуться слегка вопроса: на чем основывают греки права свои на владение Святыми местами?

Из истории иерусалимского храма мы видели, что ктиторы его были святые равноапостольные Константин и мать святая царица Елена. Латины не признают святым великого императора, не любя его за то, что он перенес свою столицу из Рима в Царьград, названный по его имени Константинополем. Вот первое и ничем неоспоримое право греков, как потомков древних византийцев, на владение Святыми местами, – оно, так сказать, право наследственное. Со времен Константина и до начала крестовых походов римляне постоянно являются в Иерусалиме как пришельцы, как гости, принимаемые настоящими хозяевами до разделения церковей братски, дружелюбно, а по разделении – терпимые лишь по необходимости. Крестовые походы, начавшиеся в исходе XI века, положили начало тому праву, которое упорно продолжают оспаривать латины у греков, – праву завоевания. В 1093 году, одушеваясь восклицанием: «так хочет Бог», крестоносцы овладели Святым Градом и по вступлении в него первым их распоряжением было избрание своего Патриарха из римского клира. Законный Иерусалимский Патриарх Симеон принужден был удалиться и умер изгнанником в Каире; епископы греческие также были заменены латинскими, а законные пастыри были изгоняемы силою из своих епархий. Последующие за Симеоном Иерусалимские Патриархи, до изгнания крестоносцев из Иерусалима, имели пребывание в Царьграде^[33].

Из православных обителей только одна лавра Св. Саввы, как позже наша Свято-Троицкая лавра, оставалась незыблемым оплотом православия, и игумен ее, как видно из сказания нашего первого паломника-писателя Даниила, по удалении из Святого Града Православных Патриархов и епископов, был единственным представителем православных при первых иерусалимских королях, начиная с Готфреда.

Историк крестовых походов Вильгельм епископ Тирский красноречиво описывает крайнее развращение нравов так называемых

рыцарей креста, честолюбие и интриги высшего духовенства, ссоры Патриарха с рыцарями храма, – словом, все то, о чем уже никак нельзя было сказать: «так хочет Бог» – и действительно, «Бог отмщений не обинулся есть». Не прошло еще 100 лет со времени завоевания Иерусалима крестоносцами (88), он снова подпал под власть магометан: в 1167 году султан Саладин вступил в него, а крестоносцы вышли, предшествуемые Латинским Патриархом Ираклием со всем клиром, унося с собою церковную утварь Святого Гроба и сокровища, цену которых знал один Бог, как говорит араб-летописец. Христиане православного исповедания из греков и сириан вступили снова во владение Святыми местами и пользовались при Саладине гораздо большею свободою в отправлении богослужения, нежели при латинских королях, которые стесняли православных в угоду своему латинскому клиру.

Третий крестовый поход породил новые смуты: в 1204 году крестоносцы овладели Константинополем, взяв его приступом, и предали его огню и мечу. Святые храмы были расхищены; собор Софийский и другие храмы ограблены и некоторые обращены в конюшни; законный император с Патриархом удалились в Никею. Балдуин граф Фландрский, назначенный в императоры, венчан в Софийском храме новым Латинским Патриархом Фомою, венцом греческого императора, на царство византийское. После чего около полувека держалась латинская империя в Царьграде. Иерусалим также достался на время в руки крестоносцев и также немедленно был изгнан из него Православный Патриарх и водворился Латинский. Но владычество латин во Святом Граде продолжалось недолго, – Иерусалим вскоре снова был «предан на поправление языков» и с XIV века и донныне промыслом Божиим остается во владении неверных, «дондеже окончатся времена язык». Святой Град с этих пор лишь видел замену одного мусульманского владычества другим. Султаны мамелюкские утратили свою силу в междуусобии, продолжавшемся два с половиной века, и наконец царство их пало под ударами войска оттоманов, власть которых прочно утвердилась на обломках священной империи Константина. Первый завоеватель Сирии и Палестины из оттоманов султан Селим, посетив Святой Град и будучи встречен в воротах града Православным Патриархом Досифеем со всем духовенством, ласково беседовал со святителями и старцами

иерусалимскими: он дал им от себя ахтинаме, или завет благоволения, который определил, чтобы все обители и церкви были во власти Патриарха, и он бы первенствовал во всех духовных обрядах над прочими исповеданиями, а все духовенство было бы изъято от поголовной подати – харач^[34]. Это подтверждается и свидетельством латинского современного паломника кармелита Николы Гюена, посетившего Святой Град в 1487 году. Он говорит, что греки и в то время были многочисленны в Святом Граде и владели, как и ныне, пещерою Святого Гроба, соборным храмом и многими другими святынями. Братство же латинян состояло всего из 24 иноков, которые жили тогда в своем монастыре на Сионе. Хотя сын Селима султан Солиман и подтвердил Православному Патриарху Досифею и духовенству благоприятные указы отца своего, но по свидетельству историка Святого Града Патриарха Досифея, духовенство православное со времени падения Царьграда (в 1453 году) находилось в бедственном положении. Самые Патриархи и епископы избирались тогда из туземных арабов, которые по своей неопытности в делах и крайнему необразованию привели церковь палестинскую в совершенный упадок. Бедность доходила до такой степени, что богослужение совершалось в полотняных ризах, с железными трикириями и медными сосудами, и сановники церковные должны были питаться трудами рук своих. К этому-то времени и относится уступка многочисленных обителей, принадлежавших православным, в руки иноверцев, и вторжение сих последних внутрь заветных православных святыниц путем подкупов корыстолюбивых турецких властей – вот вторая опора того права, на которое ныне опираются в своих притязаниях латины и армяне. Красноречиво описывая этот период, автор истории Иерусалима говорит о тогдашнем состоянии православного общества в Иерусалиме так: «Местные арабы, завидуя грекам, опасались, чтобы они не овладели исключительно Святыми местами, и пользуясь их упадком, после того, как прекратилось для них покровительство императоров византийских, строго наблюдали, чтобы никто из греков не был посвящен не только в Патриархи, но даже в епископы. Такое положение продолжалось около ста лет, до святительства Германа, уроженца морейского. Изучив в совершенстве язык арабский в Египте, он принят был диаконом в монастырь патриарший, где его почли сперва за природного араба, а потом, по необычайным дарованиям, избрали

единодушно на кафедру Святого Града, преемником Патриарха Дорофея. Герман начал опять мало-помалу посвящать епископов из греков в течение долгого своего святительства и со смертью последнего члена синода иерусалимского из местных арабов, постановил за правило, чтобы и впредь не смели посвящать в епископы иерусалимского престола кого-либо из арабов. Правило сие соблюдается с тех пор с такою строгостью, что и поныне не только епископы, но даже все иеромонахи и иеродиаконы родом греки; местным жителям Сирии не вверяется никакая хозяйственная должность по монастырям палестинским. Для укрепления сего правила Герман постановил также, чтобы наследство духовенства греческого в Иерусалиме всегда оставалось Святому Гробу (то есть не переходило к родным). С избранием Германа, единоплеменные ему греки стали опять посещать во множестве Святые места и обогащать их своими приношениями; он сам ходил в Константинополь и другие места за сбором милостыни, посещал часто и заиорданские области, принадлежавшие его пастве, ибо туда, а именно в укрепленный город Карак, укрылась большая и богатейшая часть православных жителей иерусалимских, в правление мамелюков»^[35].

Из преемников Патриарха Германа замечательны: Софроний, предпринимавший с успехом многие странствования для сбора милостыни в пользу Святых мест; Досифей, написавший историю Иерусалимской Патриархии; Хрисанф, племянник его, при котором посетил Палестину наш известный путешественник Василий Барский; Поликарп, возобновивший храм после пожара 1808 года, и наконец Афанасий, предшественник нынешнего Патриарха (Кирилла), – все они своими трудами и неусыпной заботой поддержали православие в Святой Земле и при помощи Божьей успели сохранить драгоценное достояние его – Святые места, борясь постоянно с интригами и кознями иноверцев.

Нынешние здания Греческой Патриархии образовались постепенно. Они заключались первоначально в тесных стенах монастыря Св. Феклы и, распространяясь понемногу во все стороны, успели снова примкнуть к заветному святилищу со стороны западной – чрез полуобрушенные здания соборной колокольни, которая находится в их непосредственном владении. Главные врата, ведущие внутрь зданий Патриархии, находятся в небольшой улице, через которую

недавно переброшена арка, соединяющая главное здание Патриархии с собственно так называемым «домом Патриарха», построенным нынешним Патриархом Кириллом; он отделяется от другого дома, который до 1864 года был занимаем русскою духовною миссиею – довольно обширным и лучшим в Иерусалиме патриаршим садом, в котором довольно фруктовых деревьев, несколько виноградных беседок, цветы и благовонные растения. Часть зданий Греческой Патриархии, примыкающая к святогробской колокольне, соединяется с центральным зданием, сводом перекинутым через всю улицу на протяжении нескольких сажен; этот проход, еще недавно увеличенный в длину, днем освещается несколькими фонарями.

Большая часть домов так называемой «Патриаршей улицы», примыкающих с юга к главному зданию Патриархии, – также принадлежит ей, равно как и большая часть домов Христианского квартала в северо-восточном углу города, составляя вакуф-ель-руми (то есть, собственность православных). Ей же принадлежит место противу северной стены замка Давидова. Место это называется Вирсавия: на нем выстроено греками в недавнее время (1860–1863) новое двухэтажное здание, предназначенное для госпиталя. Постройка здания была прервана известием о отобрании князем Кузою имений у молдовлахийских, посвященных Святому Гробу, монастырей. По преданию здесь находился дом мужа Вирсавии злополучного Урии^[36] и засыпанный ныне пруд, в котором увидел ее моющуюся царь Давид с верхней террасы своего дома.

Внутри зданий нынешней Патриархии находится пять церквей – две верхних и три нижних:

- 1) Свв. равноапостольных Константина и Елены, домовая патриаршая, возобновлена Патриархом Софронием (1579), для вечной памяти своих родителей; иконостас и царские врата того времени ныне находятся в лавре Св. Саввы, в пещерной церкви Св. Николая. Украшена благолепно: иконы хорошего иконного письма, некоторые образа в окладах; клиросы, аналои и кафедра Патриарха убраны наклейной мозаикой из орехового дерева, перламутра и слоновой кости; пол разноцветный мраморный; довольно люстр и лампад. Из икон этого храма заслуживает особого внимания древняя икона Божией Матери Иорданской, перенесенная из упраздненного Иорданского монастыря аввы Герасима; изображение сего святого находится на задней стороне

иконы. Об этой иконе, как чудотворной^[37], упоминает еще наш паломник XII века игумен Даниил, который поклонялся ей еще в Иорданском монастыре аввы Герасима, построенном, по его сказанию, на месте, где по преданию имело ночлег Святое Семейство во время своего бегства из Вифлеема в Египет. Икона эта была главной святыней сей пустынной обители, а посему вероятно, что и время написания ее восходит к началу самой обители, а следовательно к V веку. Она имеет басменный серебряный оклад, не уступающий древностью иконе. Греки не знали настоящей цены этой иконы, пока не открыл ее, так сказать, вторично (после Даниила) наш незабвенный паломник А. С. Норов, указав им на древнее русское свидетельство об ее значении. За левым клиросом есть окно внутрь храма Господня; из этого окна чрез армянскую галерею видна кувуклия Гроба Господня. В этой церкви собираются на ежедневное служение епископы и иноки Греческой Патриархии; обедня бывает безрасходно вслед за утреней. Епископы сами участвуют в чтении и пении. После молитвы, которою таким образом встречается день, все расходятся на дела своего звания, собираясь опять в свое время к вечерне.

2) Церковь Св. равноапостольной Феклы, принадлежавшая прежде монастырю того же имени, не заключает в себе ничего особенно замечательного.

Три остальные церкви находятся внизу на западной площади храма Святого Гроба; к ним сходят с средней террасы Патриархии по длинной каменной лестнице.

3) Церковь Св. Воскресения или жен Мироносиц без кровли; посреди ее небольшая белая мраморная часовня, указывающая, по греческим преданиям, место явления Христа по воскресении святой Марии Магдалине, в виде вертоградяра, когда Он сказал ей: «не прикасайся Мне, не у бо вздох ко Отцу Моему», что изображено на западной стене часовни. Средина церкви сверху открыта, а над восточную часть сделан небольшой навес для прикрытия иконостаса.

4) Вправо церковь во имя святого Иакова брата Господня и первого иерусалимского епископа, довольно поместительная и убранный не скудно иконами, между которыми есть несколько древних. – Обе вышеупомянутые церкви служат приходскими для арабов православного исповедания, для которых и совершается здесь

ежедневное служение на арабском языке, священниками из природных арабов и все требы.

5) Церковь Сорока мучеников под колокольнею. Колокольня эта сперва была разрушена землетрясением 1817 года, а потом из опасения, чтоб не обрушилась вовсе, разобрана еще до половины своей прежней высоты. В этой церкви обычно погребаются Иерусалимские Патриархи.

Внутренность Патриархии состоит из террас, обстроенных кельями. Помещения, начиная с занимаемого патриаршим наместником, самые неприхотливые, состоят из небольшой одной, а много двух, но отдельных комнат, с выходом на террасу, небольшим окном и двойною дверью: первая собственно для запора во время отсутствия хозяина, а вторая (решетчатая) в его присутствие для свободного движения воздуха. Стены обставлены низкими турецкими диванами, покрыты коврами; каменные полы также покрыты у одних коврами, а у других матами или пальмовыми и тростниковыми циновками. Трапеза готовится общая, но не запрещается брать пищу и готовить ее и по кельям. Остатками ежедневной общей трапезы питается довольно число бедных арабов православного исповедания, которые притом получают от Патриархии сверх помещения в принадлежащих ей домах по семи хлебцев в неделю.

Патриарший Синодик, в котором бывает заседание иерусалимского Патриаршего Синода, прием официальных почетных лиц и вновь прибывших поклонников для записывания имен их и сродников их на поминовение, с пожертвованием в пользу Святого Гроба, – состоит из продолговатой комнаты с одним окном на юг и с балконом внутри нижней церкви Св. Иакова брата Господня; старинная хрещатая дверь этой церкви, ведущая на этот балкон, принадлежала прежде часовне Гроба Господня и чудесно уцелела во время пожара 1808 года, среди всеобщего разрушения, а посему ее берегут как святыню. За дверью стоят два деревянных посоха и зеркальце в деревянном мозаическом футляре – память того убожества, до которого доведена была Иерусалимская Патриархия, во время управления оною Патриархов из природных арабов (до 1550-х годов).

Собственно «Патриарший дом» построен нынешним Патриархом Блаженнейшим Кириллом чрез улицу на север от главного здания Патриархии – насупротив оною, соединяясь с ним посредством перекинутой через эту улицу арки; он имеет хороший вход, с чистою и

широкою каменною лестницею, которая приводит прямо в столовую, увешанную на стенах изображениями знатнейших предшественников Патриарха; тут же висят портреты: султана и его премьеров (великих визирей) Фуад-паши и Али-паши. Из столовой налево вход в обширный фондарики или приемную комнату, освещенную большими окнами, выходящими в сад; стены уставлены низкими турецкими диванами; из приемной комнаты дверь влево ведет в опочивальню и вместе кабинет иерусалимского святителя; в боку одного еще небольшой фондарики внутренний для приема домашних. Позади этого дома патриарший сад, один из лучших в Иерусалиме, обильный фруктами (апельсины, лимоны, гранаты и миндаль), виноградниками, цветами и бальзамическими растениями; им заведывает старичок-монах, как заметно, хорошо знающий свое дело.

На одной линии с домом Патриарха на той же улице с западной стороны в течение лета 1859 года выстроен почти заново (надстроен второй этаж) каменный же корпус, нарочито для приема августейшего паломника, Великого Князя Константина Николаевича с супругою и сыном; убран в европейском вкусе с заботливостью и вниманием, достойным сего незабвенного события, под личным надзором самого Патриарха.

Монашествующих отцов в Иерусалимской Патриархии в бытность мою там было более 100 человек. Главные между ними – архиереи: два патриарших наместника, митрополит Петры Аравийской Мелетий и архиепископ Лиддский Герасим; архиереи члены синода: Лиддский Неофит, Наблусский Нафанаил, Филадельфийский Никифор; епископы: Газский Филимон, Неапольский Самуил, Вифлеемский Иоанникий, Фаворский Неофит и Филадельфийский Прокопий. Архиереи в храме Святого Гроба по праздничным и воскресным дням отправляют очередное богослужение и присутствуют в иерусалимском синоде, в котором председательствует наместник и епитроп Блаженнейшего Патриарха. Письмоводителем у них и вместе библиотекарем в мое время был архимандрит Никифор, помощник его иеродиакон Анфим; первый драгоман – архимандрит Софроний, второй – простой монах^[38]. Синод собирается в определенные времена или по возникшей надобности; тогда приглашаются в него и все находящиеся в Иерусалиме архиереи и несколько синодальных архимандритов, в присутствии коих рассуждается о деле.

Остальные должностные лица Патриархии:

Казначей (камарассий) имеет у себя ключ от залы собрания и отпирает дверь, когда ему о том дадут знать; он ожидает прибытия синодальных членов и сам стоит вне собрания у дверей. Хранению его поручены все драгоценности и утвари Патриархии, равно как и все то, что посылается извне Блаженнейшим Патриархом или кем-либо другим в пользу православного общества и монашествующих. Ему все вручается по описи, как хранителю, и от него, по описи же, все принимается и употребляется для нужд храма наместниками; казначей не может располагать сам собою ни одною полушкою. По сей причине он, до вступления в должность, приводится к присяге в присутствии синода.

Наместнику подчинен игумен Святого Гроба, – он же и ризничий, с помощником своим. В мое время игуменом Святого Гроба был Амвросий, скончавшийся в 1858 году; место его занял помощник его о. Серафим, а помощником его сделан благоговейный иеродиакон Авраамий (из болгар, 30 лет находящийся в братстве Святого Гроба)^[39]. Ризничий хранит все приношения и имеет большую власть, собирает доходы, издерживает что нужно на украшение храма и содержание святогробского братства. При нем есть письмоводитель, два или три очередных иеромонаха, три иеродиакона, три пономаря, эконома и несколько послушников. Если случится какой-либо беспорядок со стороны армян, или латин, или своих монахов, то он доносит о том немедленно наместникам, которые принимают против того надлежащие по обстоятельствам меры.

В Патриархии имеется богатая библиотека, состоящая из рукописей харатейных и бумажных и из старопечатных греческих книг; в числе рукописей есть несколько и славянских.

Все монашествующие Греческой Патриархии, имея перед глазами благой пример своих владык, одеваются просто, имеют рясы и прочее одеяние одинакового покроя и исключительно черного цвета, из недорогих шерстяных материй. Ходят всегда в камилавках; покрывало употребляют лишь во время выхода в храм или для почетного посещения кого-либо. В служении архиереи надевают панагию и наперсный крест, но вне служения оных не носят. Кельи владык малым чем отличаются по своему внутреннему убранству от кельи каждого простого монаха. В обращении своем они просты, не церемонны,

впрочем без нарушения своего достоинства, обходительны и приветливы, без натяжки и изысканной учтивости, трудолюбивы и если не могут похвалиться книжной ученостью, зато не отменяются делами от того, что исповедуют устами, твердо держась догматов, преданий и уставов единой, Святой Соборной и Апостольской Церкви. Нельзя не отдать чести их похвальной любознательности. Знание нескольких языков между ними не редкость: так, по-арабски могут объясняться почти все. Преосвященный Мелетий, кроме греческого языка, свободно объясняется по-арабски, болгарски и по-русски. Митрополит Назаретский Нифонт и письмоводитель о. Анфим говорят по-французски и первый свободно. Епископ Филадельфийский владеет арабским языком как природный араб. С водворением в Иерусалиме русской миссии многие принялись прилежно за изучение русского языка, и в короткое время несколько иеродиаконов уже были в состоянии говорить по-русски целые ектении. Патриархия содержит на свой счет, кроме богословского училища в Крестном монастыре (о коем будет упомянуто ниже), приходское училище для детей православных арабов, которые обучаются здесь письму, чтению на своем и греческом языке и начальным основаниям закона Божия, счетоводства, а также и церковному пению. Книгами снабжаются из типографии, заведенной нынешним Патриархом, Кириллом, в которой печатаются книги на греческом и арабском языках.

Православные монастыри внутри Святого Града

Мужские: Патриарший. – Авраамиев. – Гефсиманское подворье. – Архангельский. – Георгиевский. – Никольский. – Дмитриевский. – Предтеченский. – Харлампиев. – Еще Георгиевский

Женские: Феодоровский. – Васильевский. – Екатерининский. – Евфимиевский. – Малой Панагии. – Большой Панагии.

Для читателей (не бывавших в Святом Граде) прежде всего надобно заметить, чтобы, услышавши слово: монастырь, они не составляли себе понятия о монастырях палестинских по тому, что видят на своей родине.

В Иерусалиме монастырями называются дома, по внешнему виду ничем не отличающиеся от прочих городских зданий, а некоторые и даже большую часть по самому назначению своему следовало бы называть не монастырями, а странноприимницами, ибо они исключительно служат для помещения богомольцев. Начальники таких странноприимных домов, из иноков Патриархии, именуются игуменами, имея в помощь себе одного или двух послушников и служителей из наемных арабов. Странноприимницы эти отдаются в полное распоряжение своих начальников, с уплатою в Патриаршую казну положенной с каждого такого странноприимного дома суммы, смотря по тому, сколько каждый может вместить в себе богомольцев; плата же за помещение во всех странноприимных монастырях одинаковая: с каждого лица по 60 левов (3 руб. серебром) за весь поклоннический период. Сверх того каждый вносит единовременно, вступая в странноприимный монастырь, 20 левов в пользу начальника оной; сумма, составляемая из сих взносов, остается в непосредственном распоряжении игумена, для ремонта зданий и вещей, как-то: мебели, матов, посуды, содержания привратников, очистки нечистот и т. п.

Нельзя не заметить, что смешение названий странноприимницы и монастыря служит нередко, в глазах наших богомольцев и туристов, поводом к нареканиям, которые сами собою устраняются при названии предмета свойственным ему именем.

а) Мужских монастырей в Иерусалиме девять и одно подворье: 1) патриарший Свв. Константина и Елены, 2) Авраамиев, 3) Гефсиманское подворье, 4) Михаила Архангела, 5) Георгиевский монастырь, 6) Николаевский, 7) Дмитриевский, 8) Св. Иоанна Предтечи, 9) Харлампиев, 10) еще Георгиевский монастырь.

1) Патриарший монастырь свв. Константина и Елены уже описан нами выше.

2) Авраамиев, или жертвы Авраама, примыкает своим боковым фасадом к южной стене храма Воскресения, а именно к Голгофе. Главная церковь сего монастыря, находящаяся в верхнем этаже, по преданию, построена на том месте, где отец верующих Авраам намеревался, в знак своей покорности Богу, принести в жертву своего сына Исаака и вместо него принес овна (Быт 22, 7, 8, 13). Место этого прообразовательного жертвоприношения означено посреди церкви мраморным кругом. Близость этой церкви к Голгофе (от которой она отделяется лишь стеною и построена на окраине Голгофской скалы) и, таким образом, соединение в одном месте прообраза ветхозаветного с событием, совершившимся в Новом Завете, места жертвоприношения Агнца бессловесного взамен Исаака с местом, на котором пожерт был Агнец Божий за грехи всего мира, – умирительно действует на чувства благоговейного поклонника святыни. В память того сада «Савек», в котором Авраам узрел овна для всесожжения, на верхней монастырской террасе посажен развесистый куст. Другая монастырская церковь, во имя «Дванадцати апостолов», сохраняет память о монастыре сего имени, развалины коего находятся позади Авраамиева монастыря. Строение монастыря сего связано тесно, кельи и службы расположены в три этажа, не по порядку. Звание игумена Авраамиева монастыря, как ближайшего к храму, обыкновенно принадлежит иеромонаху, управляющему братией Святого Гроба, а потому в нем находится келья его и святогробского письмоводителя.

Во время Великого поста здесь, так же как и в прочих монастырях, помещаются богомольцы. Нижний этаж не весь принадлежит грекам. К северу от монастырских (входных) дверей в стене находится церковь

Св. Иоанна Богослова, кою владеют армяне. Они завладели этим местом, испросив позволение у одного из авраамиевских игуменов поставить в бывшей здесь кладовой свои запасы. Далее в углу через дверцы между стеною Великой церкви и двумя молитвенницами, коптской и абиссинской, – проход на подворье абиссинское, которое помещается в развалинах бывшего монастыря Свв. Апостолов, имея здесь несколько келий или, лучше сказать, темных и сырых чуланов.

Монастырь Авраамиев отделяется узким проходным переулком от Гефсиманского подворья, занимающего большую половину южной стороны той площади, которая находится перед храмом Святого Гроба. Ключ от калитки, ведущей из этого переулка на площадь, находящуюся пред храмом Святого Гроба, – находится в ведении гефсиманского игумена. В этом переулке находятся с одной стороны (южной) развалины готического здания, принадлежавшего во время крестоносцев рыцарям святого Иоанна Иерусалимского, главный вход коего заложен камнями (мы опишем эти развалины в своем месте), а левая сторона переулка до 1858 года была занята кожевенными заводами (Табахана), зловоние которых в течение долгого времени оскорбляло физические и еще более моральные чувства христиан, и больших трудов и хлопот стоило Иерусалимской Патриархии приобрести это место в собственность Патриархии; мы были свидетелями той шумной радости, с которою православные иерусалимские христиане весною 1858 года приняли полученное из Константинополя известие, что место это сделалось собственностью Греческой Патриархии и иерусалимский паша получил приказание, дозволявшее грекам снести находившиеся здесь кожевенные заводы, заражавшие нестерпимым зловонием воздух окрестных святых мест. Сотни православных арабов, вооруженных лопатами и ломом немедленно явились по зову Патриарха и под наблюдением каваса пашы и солдат, охранявших их безопасность от мусульманского фанатизма, с радостными восклицаниями и песнями в несколько часов срыли издавна ненавистные им лавки мусульманских кожемятников... А как событие это случайно совпадало с прибытием в Иерусалим Русской Духовной Миссии, то многие из православных жителей, привыкшие искони возлагать большие надежды на покровительство единой верной России, – видели в этом деле первое оправдание своих пылких надежд, рассказывая, что все это выхлопотал русский мутран

(архиерей), который может сделать все, чего только ни пожелает душа его. Теперь здесь помещаются лавки, сдаваемые греками своим соплеменникам; позади их «русское городское место», имеющее выход в этот переулок через одну из угловых лавок. Оно на запад граничит с Авраамиевым и абиссинским монастырями; с востока заграждено турецкими лавками, выходящими на улицу Колонн; на север граничит с мыльным заводом Башкатиба и в углу имеет выход на улицу Колонн; на юг с греческими лавками и имеет выход через угловую лавку в улицу Паломников. Внутри видны следы развалин, принадлежащих к портикам древнего храма Воскресения; заметны остатки колонны с капителями; на одной высечен четырехсторонний крест.

3) Гефсиманское подворье – как выше упомянуто – занимает южную сторону площади, бывшей некогда под портиками храма Святого Гроба. Здесь живет игумен гефсиманского подземного храма и несколько его помощников из послушников. На открытой террасе второго яруса разведен небольшой цветник; рядом с игуменской кельей небольшой параклис (церквица), в коем имеет постоянное помещение икона Успения Божией Матери, ежегодно с торжественностью переносимая отсюда накануне праздника Успения Богоматери в Гефсиманию в честь сего великого праздника. Икона эта представляет вырезанную по контуру фигуру Божией Матери, возлежащей во гробе, и с обеих сторон обложена серебро-позлащенным окладом; венеч украшен драгоценными камнями; есть довольно привесок. Риза на ней – дар русской Мелании, графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. В этом параклисе служащие в Гефсимании вычитывают вечерню и утреню, отправляясь после сего прямо в Гефсиманию для служения Литургии. Хорошую копию с упомянутой иконы желающие могут видеть в девичьем Аносинском монастыре, находящемся в Звенигородском уезде; она принесена в дар этой обители одною из русских паломниц, принята с верою и благоговейно чествуется обителью и ее посетителями; икона сия богато украшена усердием одного из благодетелей обители. С запада к этому подворью примыкает древняя мусульманская мечеть, обновленная в 1858 и 1859 годах; она построена на том месте, где первый мусульманский завоеватель калиф Омар на разостланном ковре совершил свое моление (намаз), объяснив Патриарху, что он совершил свою молитву вне храма для того, чтобы преемники его не отняли оный у христиан. Ибо

мусульмане присваивают себе право обращаться в мечети все те места, где молились их калифы.

4) Архангельский или Св. Архангела Михаила находится по соседству с латинским монастырем против дома, занимаемого Русскою Духовною Миссиею (до 1864 года), в улице, ведущей к Судным вратам и к храму Гроба Господня. Монастырь этот основан сербским кралем Стефаном Милутиным около 1303 года для паломников славянского племени^[40]; в половине же XVI столетия, когда иноки этой обители испросили себе у греков лавру Св. Саввы Освященного, покинутую сими последними по случаю утеснения от бедуинов, – Архангельский сербский монастырь сделался городским подворьем (около 1504 года) Саввинской лавры и оставался в ее ведении до удаления сербов из этой лавры в 1630-х годах.

Любопытен рассказ об этой обители паломника XVI века, московского купца Трифона Коробейникова, с которым царь и великий князь Иоанн Васильевич в 1582 году послал из Москвы в Царьград, в Антиохию, в Александрию и во Святой Град Иерусалим, в Синайскую гору и в Египет милостыню по сыне своем, убиенном им, царевиче Иоанне Иоанновиче. Трифон в записках своих, веденных во время этой поездки, рассказывает о монастыре Архангела Михаила так: «в том монастыре живут старцы Саввина монастыря, и в том монастыре трапеза была каменная, коей верх разоривши, турки долгое время не допускали заделать оного. В лето же по Рождестве Христове 1552 посланы были в Москву два монаха – к государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея России и к митрополиту Макарию, кои просили всероссийского государя, дабы он благоволил подать милостыню на сооружение трапезы; государь, пожаловав множество злата, к которому еще несколько присовокупил и митрополит Макарий, отпустил сих двух монахов; а они, прияв с благоговением злато, оставя Москву, прибыли в Царьград, где, давши оного турецкому султану, требовали позволения, дабы он повелел заделать верх означенные трапезы. Султан, принявши от сих монахов злато, приказал им дать грамоту к Санчаку, которую взявши, прибыли они в монастырь. По сем показав Санчаку означенную грамоту и приняв от него позволение, приступили к деланию верха трапезы и собственными своими руками с превеликим трудом окончили оный. Санчак же, может быть досадуя на то, что не получил из дара царева части злата, а для того презрев

султанскую грамоту, приказал своим подчиненным вторично разломать верх трапезы, что видя иноки, и не могли сему воспротивиться, оплакивали горестное свое состояние и, с сими слезами представ пред образом Архистратига Михаила, просили сего Бесплотных Сил Начальника о прекращении Санчаковой злобы. Сей небесный воин, вняв их усердному молению, чудесным образом умертвил сего злобствующего Санчака; ибо в ту же ночь, пришел к сему начальнику, покоящемуся с своею женою, неизвестный человек, и поднявши его с ложа, сошел с ним со двора так, что не только люди, в покоях находящиеся, но и самые стражи, у ворот стоящие, не могли видеть ни того, ни другого. Но как скоро по наступлении дня узнали, что их начальник в продолжение ночи неведомо куда сокрылся, то в ту же минуту по разным местам начали искать Санчака, коего наконец и нашли мертвого, лежащего пред воротами монастыря Архистратига Михаила, изъязвленного мечом. Сыскавши же и взирая на Санчака, удивлялись, каким образом возмог он, утаясь от стражи, сойти с своего двора. Наконец положили, что монахи, отмщая ему за разорение верха трапезы, его умертвили. Утвердясь в таковых мыслях, решились омыть смерть Санчакову кровью иноков тогда, ежели у них какое-либо найдено будет смертоносное орудие. Посем, вступивши в монастырь и взошед в самый храм, увидели молящихся иноков, коих обыскавши и не нашед никакого смертного орудия, вострепетали и, исполнившись превеликого страха, в ту же минуту оставили монастырь, не препятствуя уже более монахам в заделании верха трапезы, которая с того времени даже и доднесь молитвами святого Архистратига Михаила стоит в целости»^[41]. Подтверждением этого предания кроме местного образа, на коем изображается Архистратиг, попирающий лежащего навзничь «Санчака», служит отчасти и то, что из всех иерусалимских церквей лишь на куполе церкви Архангельского монастыря водружен четвероконечный металлический крест, держимый Архангелом. Монастырская церковь уютная и опрятно содержимая, особенно с тех пор как предоставлена во временное пользование Русской Духовной Миссии для ежедневного служения (до 1864 года). Кроме вышеупомянутого местного образа святого Архангела Михаила в ряду местных же икон изображение преподобного Саввы Освященного. В этой церкви на правой стороне есть небольшой параклис без иконостаса, с прислоненным к стене

престолом, во имя святого Иоанна Златоустого, устроенный, как можно полагать, дарами русского царя Иоанна IV в память его царской щедрости. На древней иконе большого размера, висящей на южной стене, изображен святой с именованным благословением, и вообще иконы сей церкви имеют печать древности.

Ныне Архангельский монастырь, не завися от лавры Преподобного Саввы, служит для помещения русских богомольцев мужского пола, духовного чина и бессемейных мужчин; заведует им, как и прочими монастырями, особый игумен из славян.

5) Георгиевский, так называемый больничный, в одной улице с Архангельским рядом с арабской школой латинского монастыря. Монастырская церковь небольшая и не заключает в себе ничего особенно замечательного. Здесь до учреждения русских временных приютов помещались обыкновенно семейные богомольцы.

6) Никольский, построен кахетинскою царицею Еленою, в иночестве Елисаветою. При нынешнем Патриархе в нем устроена типография на два станка, в коей печатают духовные греческие и арабские книги и тут же переплетают их. Когда я посетил впервые эту типографию с ее образованным и весьма обязательным справщиком и корректором о. Кириллом, учителем греко-арабской народной школы, в то время в ней набирались сочинения Евгения Булгара, известного своими учеными трудами и в нашем отечестве. Монастырская церковь трехпрестольная с приделами во имя преподобного Антония Великого и святой великомученицы Варвары. В главном иконостасе местные образа российского иконного письма, пожертвованные Иерофеем архиепископом Фаворским (ныне Антиохийский Патриарх), бывшим за сбором в Москве в 1851 году. В левом приделе обращает на себя внимание другая древняя икона великомуч. Варвары. По стенам довольно старинных икон, из которых некоторые служат обличением мудрований наших мнимых старообрядцев, как относительно безразличия перстосложения, так и формы крестов, держимых мучениками и мученицами: они большею частью шестиконечные (без подножия); перстосложение у одних изображено не ясно, у других прямо именованное. Мы еще будем иметь случай возвращаться по местам к этому предмету при осмотре иерусалимских церквей.

7) Монастырь Дмитриевский, древняя метохия лавры Св. Саввы Освященного (в которой останавливался во время своего пребывания в

Святом Граде наш паломник XII века игумен Даниил), с большим помещением для богомольцев; здесь преимущественно помещаются болгары, которые, как известно, составляют главную массу православных поклонников в Иерусалиме. Церковь монастырская не имеет в себе ничего особенно замечательного. В том же монастыре особый параклис во имя святого великомученика Георгия. Здесь болгарские священники из поклонников с дозволения Патриарха невозбранно совершают службу на славянском языке. Я познакомился с одним из них из Тернова, который прибыл на поклонение Святому Гробу с матерью и сыном, и из его простодушных рассказов узнал довольно грустные подробности о состоянии православных в древней столице Болгарии.

8) Монастырь Св. Иоанна Предтечи Господня – в конце главной и лучшей улицы Христианского квартала. Как на другом конце этой улицы, стоящие по обеим сторонам ее здания Патриархии соединяются между собою перекинутою через улицу аркою, так и здания этого монастыря соединены перекинутою через улицу аркою, с зданиями, находящимися на другой стороне улицы, которая, заметим, почти вся занята домами, принадлежащими Греческой Патриархии; они большею частью отдаются в наем; тут лучшие иностранные магазины и немецкая гостиница, если не единственная, то пока лучшая в городе. С верхней террасы ее открывается вид на храм Святого Гроба и противоположный большой пустырь, на коем были во время крестоносцев здания иерусалимских рыцарей святого Иоанна (Иоаганнитеров), госпитальников; орден этот возобновлен не без особых целей Пруссиию.

Передний фасад этого пустыря, обращенный к улице, занят турецкими лавками, так называемою «Патриаршею банею» и частными домами. Они построены так, что верхняя площадь пустыря равняется с плоскими крышами и куполами этих зданий. Остальная часть пустыря в ширину составляет груды развалин, верхняя площадь которых выровнена и покрыта слоем пыльной земли и кучами сора; к северу пустырь этот почти примыкает к храму Гроба Господня, отделяясь от Авраамиева монастыря и абиссинского подворья узким переулком (в коем были прежде кожевенные заводы Табахана). В северо-восточном углу пустыря развалины церкви и палаты (о которых будет сказано в своем месте); с юго-востока он ограничен базарною улицею; тут же

неподалеку (через улицу) древние «железные ворота», принадлежавшие древней городской стене и упоминаемые в Деяниях апостольских, а в юго-западном углу монастырь Св. Иоанна Предтечи с древней церковью, от которой уцелела лишь алтарная стена, остальное обновлено в 1836 году. Саладин, овладев Иерусалимом в 1167 году, раздраженный против латинян, тогда же отдал Святые места во владение православных, а здания, принадлежавшие иерусалимским рыцарям святого Иоанна (странноприимникам), сравнял с землей и на месте их госпиталя построил дом умалишенных. Крестоносцы, овладев снова Иерусалимом, разорили здания, воздвигнутые Саладином, но, как известно, и сами не успели укрепиться в Святом Граде и с тех пор место это находится в запустении доселе, служа приютом единственным ночным стражам Иерусалима – собакам^[42]. Противу Табаханы (бывших кожевенных заводов) есть живописные остатки госпиталя рыцарей святого Иоанна Иерусалимского. Главный вход заложен, а внутренность состоит из двух больших дворов, с крытыми в несколько ярусов по сторонам галереями; в первом дворе видны остатки церкви (алтарная часть). Находящееся тут же подземелье латинское предание называет «темницею святого Петра», откуда он был чудесно изведен Ангелом. Греческое же предание указывает ее в другом месте.

Нынешний греческий монастырь Св. Иоанна Предтечи восстановлен в 1836 году: полукружие алтарное и часть стены древние. Под всю церковь есть подземный ход, спуск в него в юго-западном углу; подземелье, открытое при обновлении церкви, состоит из двух отделений: в первом сестерна, а в нише с правой (восточной) стороны каменный престол; верхняя доска цельная; напротив окно; при расчистке этой части нашли два черепа, которые лежали тут же на престоле; в другом отделении такая же ниша, но без престола и в конце видно продолжение подземного хода на север по направлению к храму Святого Гроба, оставленное без исследования, как выходящее из пределов монастырских. Из соседних садов также открыты подземные ходы, которые, как надобно полагать, имели связь с этим и с теми таинственными ходами, о которых носят темные, но не лишенные основания слухи, что они идут под весь храм Святого Гроба и известны лишь одним возобновителям храма после пожара 1808 года – грекам. Эту подземную церковь греки почитают «темницею святого Петра», а

положение ее близ «железных врат» как нельзя более подтверждает это предположение. Западные писатели, напротив, говорят, что церковь эта построена на месте дома святого евангелиста Иоанна и Заведая отца его, но мы увидим далее, что дом святого евангелиста Иоанна Богослова православное предание правильно указывает на Сионе.

По сторонам церкви кельи в два яруса с галереями; двор большой. Здесь, так же как в Дмитриевском и Харлампиевом монастырях, помещаются преимущественно поклонники из болгар. Церковь обширная, иконостас нового письма; в ней главная святыня – часть лобной кости святого Иоанна Предтечи Господня, вделанная в круглую золотую оправу. Она была подарена восточным императором грузинским царям, откуда перешла в Валахию; а Патриарх Досифей добыл часть этой святыни для своего патриаршего монастыря, о чем значится в его истории. Каждый вторник в этом монастыре бывает служение, к которому сходятся православные поклонники и из других монастырей.

Я был в этом монастыре на служении в праздник Рождества святого Иоанна Предтечи Господня. Литургию совершал преосвященный Неофит Фаворский с игуменом и двумя священниками. Пели на два клироса. Апостол читали по-гречески и арабски. По приглашению игумена Евангелие по-славянски читал иеродиакон нашей миссии о. Христофор, а меня пригласили прочесть вслух Символ веры и Отче наш, которые по общему обычаю Восточной Церкви не поются, а читаются, иногда и кем-либо из почетных мирян. Некоторые ектении также были возглашаемы по-славянски. После Литургии владыка в облачении сел у дверей церковных на дворе и раздавал выходящим антидор. После, разоблачившись, был у игумена, где по обычаю угощались глико и кофеем; богомольцев была полна церковь.

Во время осмотра сего монастыря игумен сделал мне приятный сюрприз: перейдя на другую сторону улицы по перекинутой через нее арке и пройдя еще несколько коридоров и переходов, мы пришли в пустую и сырую комнату, окно которой выходило на большой водоем вроде пруда, заключенный со всех сторон зданиями: с запада дом Латинского Патриарха, с севера коптский хан, с востока дома, принадлежащие Греческой Патриархии, с юга здание монастыря Иоанна Предтечи. Этот водоем называют исторически водоемом Езекии, или проще «Беркет гамам-ель-батрак» (водоем патриаршей

бани). Водоем летом почти высыхает, стены зданий обращенных к воде покрыты зеленой плесенью и вьющимися растениями. Несмотря на то, что вид этот не представляет ничего особенного, но в безводном Иерусалиме для северных жителей, привыкших считать воду необходимою принадлежностью всякого человеческого жилья, вода этого полуиссохшего водоема была так отрадна, что я не раз впоследствии приходил сюда любоваться им.

9) Монастырь Харлампиев построен вновь в 1840-х годах. Он находится на одной улице с Архангельским монастырем внизу близ Судных врат. В церкви иконостас простой, – иконы посредственной работы. На западной стене обращает внимание икона ведения Спасителя на распятие; Он окружен воинами; позади Его Симону Киринейскому задевают понести крест; толпа народа и жены издалеча зряще; впереди видна Голгофа. Возле монастыря недавно куплено Патриархом древнее здание времен крестоносцев и также переделяется для помещения поклонников: болгар и греков.

10) Монастырь Св. Георгия в Еврейском квартале. Он находится позади армянского монастыря Св. Иакова. Прямо против ворот в глубине двора возвышается беседка с навесом, по которому вьются виноградные лозы; пред входом в нее две развесистые маслины. На левой стороне двора церковь небольшая; в алтаре на горнем месте замечательны три большие древние иконы из числа перенесенных в иерусалимский монастырь из иорданских, после их упразднения.

С верхней террасы монастырской открывается восхитительный вид на Елеонскую гору, Иорданскую долину и Мертвое море; горы скалистой Аравии ограничивают горизонт с этой стороны.

По сказанию грузинского архиепископа Тимофея (1758 года), монастырь этот выстроен князьями Дадианами и тут же находились их надгробные памятники, но теперь нет и следов их.

б) Женские обители:

1) Феодоровский монастырь, назначенный для помещения русских поклонниц; им заведывает в звании игуменьи мать патриаршего грамматика (секретаря) о. Павла, обучавшегося в Афинах. Монастырь велик и удобен. Церковь небольшая. На храмовой иконе изображены Феодор Тирон и Феодор Стратилат совместно. Этот монастырь служил некогда для помещения царственных поклонников из Трапезунта. Сад монастырский на второй террасе; в нем систерна и каменный водоем,

возле которого растет столетний певк (род нашей сосны); корни его проходят далеко вниз.

2) Неподалеку от Феодоровского монастыря и в соседстве с латинским находится небольшой монастырь Васильевский, тоже, по свидетельству вышеупомянутого архиепископа Тимофея, грузинской постройки; в нем ныне проживают несколько стариц. Церковь маленькая, но весьма чисто содержимая. Жасминовые деревья, растущие на террасе, благоуханием своих цветов наполняли эту лепообразную церковь, когда мы ее посетили; рядом с нею фондарик. Монастырь поддерживается попечением эконома патриаршего и состоит под его наблюдением.

Монастыри: 3) Екатерининский, 4) Св. Евфимии и 5) Малой Панагии (Сретенский). Эти три монастыря расположены почти рядом недалеко от монастыря Архангельского и дома русской миссии (бывшего до 1864 года). Монастырь Св. Екатерины грузинской постройки; церковь небольшая. Храмовая икона святой великомученицы Екатерины русского письма, украшена привесками; две лампы работы похужей на встречающихся в наших старинных крестах-тельниках (сквозных). Между прочими иконами есть две иконы русские: святителей Димитрия и Митрофана. В этом монастыре, так же как и в Георгиевском, более помещаются семейные русские поклонники.

Монастырь Евфимиев древней постройки служил некогда подворьем лавры Св. Евфимия (развалины коей обращены в мечеть турецких дервишей и называются Неби-Муса). Нас встретила старица игуменья 68 лет; она в этом монастыре 58 лет и более 40 лет игуменьей. Она родом из Фессалии (близ Лариссы). Пришла в монастырь 10 лет с матерью и сестрой; мать скончалась монахиней в этом монастыре, а сестра еще жива. Под ее окормлением подвизаются 12 стариц; все живут трудами рук своих, получая малое вспоможение от Патриархии. Церковь маленькая и тесная, с низкими сводами, от коих веет древностью. Она обновлена, как значится в надписи по иконостасу, в 1838 году. По сторонам иконостаса обращают внимание иконы преподобного Евфимия Великого и Феоктиста (поясные) и большая икона Иорданской Божией Матери древнего письма. Напротив ее икона «Достойно есть» арабского письма. Притом на стенах есть большие иконы в рост преподобного Евфимия письма 1710 года и преподоб.

Саввы Освященного письма 1752 года и древняя икона святого Иоанна Предтечи Господня, похожая на Саввинскую (в церкви святого Иоанна Дамаскина). Св. Иоанн изображен с крыльями. Монастырь Малой Панагии, Сретенский или Сайданая так называется от иконы Матери Божией; эта икона по преданию будто бы пришла в Святой Град из дамасской женской обители Сайданая и, отнесенная туда обратно, снова чудесным образом явилась в этой обители, где и остается доселе. В последствии времени икона эта была украдена из церкви, но так же чудесно исчезла от похитителя и явилась паки в церкви на своем обычном месте; похититель же впал в расслабление и, покаявшись, получил молитвами Богоматери исцеление и в знак признательности украсил чудодейственную икону серебряною ризою. Теперь она стоит в особой нише за проволочную решеткой в приделе Всех Святых; Икона небольшая, имеет форму складной: на средней доске изображена Мать Божия, держащая на коленях предвечного Младенца. На правой дверце сверху: пророк Исаия и Ангел, внизу Василий Великий и Антоний Великий; на левой сверху: царь и пророк Давид и Благовещение Пресвятой Богородицы; внизу: святые Иоанн Златоуст и Иоанникий Великий. Главный престол во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Местные иконы хорошего русского письма. На правой стороне церкви в особом отделении в симметрии с левым приделом стоит русская икона, так называемой Елецкой Божией Матери; об этой иконе рассказывают следующее: она открыта в Ельце, по видению, бывшему одной больной девице в старом приделе одной из городских (елецких) церквей. Писана на холсте, хорошего письма. Мать Божия изображена во весь рост стоящею; на руках держит Младенца. На иконе риза шита по бархату жемчугом и убрана камнями, между коими есть и настоящие бриллианты. Занесена сюда одной русской монахиней из дворян Улитой, которая достигла глубокой старости – около 120 лет. Игуменья-гречанка, девяностолетняя старица, уважаемая за свое благочестие; под ее окормлением проживает 20-ть сестер и обитель по-видимому благоустроена.

б) Монастырь Большая Панагия находится неподалеку от Патриархии и храма Святого Гроба, против коптского хана (подворья).

Этот монастырь есть также один из древнейших в Иерусалиме и составляя издавна собственность православных, служа приютом девиц

и жен, посвятивших себя на служение Господу на месте Его страдания и славного воскресения.

По сказанию нашего паломника Даниила, самое место, занимаемое этою обителью, ознаменовано воспоминанием священных событий, о чем он говорит так: «и есть же распятие Господне (Голгофа) и Гроб и вся святая места на удольном месте; есть бо возгорье от запада над Гробом Господним и над Распятием. Место идеже плакася святая Богородица, то место есть на пригории том. На то место притече скоро святая Богородица, тцашебося текуще в след Христа. И прииде на место то святая Богородица и узре с горы тоя Сына своего распинаема на кресте, ужасеся вельми, и согнувся седе, печалию и рыданием одержима бяше. И ту сбьтсся пророчество Симеона, яко рече о святей Богородице прежде: се лежит на падение и на возстание многим во Израили; тебе же самой душу пройдет оружие, то-есть, егда узрит Сына своего распинаема. Ту стояху мнози на месте том друзи и знаемии издалече зряще: Мария Магдалина, Мария Иаковля и Соломия, те стояху вси, иже от Галилеи пришедше, со Иоанном, с Матерью Иисусовой и зряще издалеча, якоже пророк Давид глаголет о том: друзи же мои и ближнии мои прямо мне приближишася и ближнии мои отдалече мене стаща. А то место подальше от Распятия Христова, якоже полтараста сажен далее на запад от Распятия, а имя месту тому Спудия, еже протолкуется тцание Богородично. И есть на месте том монастырь во имя святыя Богородицы, а в нем церковь добра, создава клетцки, верх есть сперт».

Коротко знакомый с топографией Святого Града не затруднится сказать, что это описание включает в себе прямое указание на место, занимаемое ныне монастырем Большой Панагии (всесвятой, чем и упраздняется предание латин, которые приурочивают описанное событие к часовне, пристроенной к Голгофе, тогда как эта часовня, по древнему описанию, служит лишь указанием того возвышенного места или трона, где святая царица Елена производила суд над иудеями при изыскании святыни животворящего древа Господня.

Но возвратимся к монастырю Большой Панагии; нынешнее его название происходит от древней Богородичной иконы сего имени, обретенной в пепле храма Святого Воскресения (после пожара 1808 года), нимало не поврежденной с лицевой стороны; икона большого размера; на ней риза серебро-позлащенная. Икона помещена в

церковном притворе на стене противу входа в церковь. Кроме сего есть часть мощей святой Иулиты и кости бывшего турчанина Омара, умученного своими за исповедание Христовой веры при виде чуда. Они хранятся в ковчежцах и выставляются для чествования посетителям храма. По преданию, в этом самом монастыре подвизалась в лике дев, знаменитая своими добродетелями и милостынею Мелания Римляныня. Из церкви есть подземный ход в пещеру, где она проводила свою подвижническую жизнь; пещера небольшая, продолговатая; каменное ложе – место седалища и отдохновения после труда и молитвы. В церкви указывают место ее гроба, но мощи увезены крестоносцами в Венецию.

В церкви показывают древнее харатейное Евангелие, которым инокини весьма дорожат, относя его ко временам преподобной Мелании; надписи, сделанные на полях, указывают на позднейшие времена – XV и XVI столетия. На нем сребро-позлащенный оклад и надпись вязью, также никем еще не разобранный. Игуменью хвалят за кроткий нрав и благорассудное управление. В монастыре до 30 сестер, между коими одна русская монахиня Евгения из купеческого сословия Тамбовской губернии, по фамилии Аносова. Она живет здесь около десяти лет. Патриаршая ризница обязана ей щедрыми пожертвованиями.

Религиозные общины в Иерусалиме: армян, коптов, абиссинцев и сириан (яковитов)

Последователи секты евтихианской, составляющей в настоящее время четыре частные общины: армян, коптов, абиссинцев и сириан (яковитов), все имеют своих представителей в Святом Граде. Секта евтихианская, как известно, получила свое наименование от Евтихия, настоятеля одного из константинопольских монастырей, который, восстав с ревностью против лжемудрования Нестория, по невежеству стал распространять, а потом и защищать противоположную ему ересь, говоря, будто в Иисусе Христе божеское и человеческое естества так слились между собою в воплощении, при ипостасном соединении, что последнее из них утратило все свойственное ему, кроме видимого образа, что в Нем посему явилось и жило на земле собственно Слово, под видом только плоти, и что Слово именно и страдало и было погребено и воскресло.

Заблуждение Евтихия, несмотря на поддержку его Диоскором епископом Александрийским, было окончательно осуждено на вселенском соборе, составившемся из 630 епископов, собравшихся в 451 году в Халкидоне. Этот собор произнес анафему на Евтихия (уже лишенного сана и отлученного от церкви на поместном Константинопольском соборе в 448 году) и осудил его к изгнанию несмотря на его старость. Вместе с ним осужден и поддерживавший его Диоскор, епископ Александрийский. Но александрийцы возмутились и не приняли Халкидонского собора. Преследуемые гражданской властью, еретики разбрелись по разным странам Востока, где и начали распространять свое лжеучение среди еще не утвержденных в вере племен. Таково происхождение секты евтихианской, последователи которой однако же и до сих пор тяготеют более к православной восточной, нежели латинской западной церкви.

Армяне

Армяне составляют самую богатую и сильную общину в Иерусалиме. Пространство, занимаемое их монастырями и другими принадлежащими им домами, по своей величине именуется Армянским кварталом.

По вероисповеданию армяне называются восточными христианами из секты евтихиан^[43], живших некогда только в Армении, а в настоящее время рассеявшихся по разным странам света. Число армян весьма значительно: в одной Армении насчитывают их около 50 000 тысяч. Армяне в духовном отношении состоят под управлением Католикоса, живущего в пределах России (в армянской области) в монастыре Эчмиадзине близ Еривани; он имеет титул архиепископа Эчмиадзинского, Патриарха Араратского, Католикоса всех армян, наследника святого апостола Фаддея и святого Григория просветителя Армении. Иерусалимские армяне-григориане (так называется большинство армян в отличие от армян-католиков, состоящих в унии с Латинскою Церковью), хотя и управляются особым Католикосом или Патриархом, но он, так же как Константинопольский и прочие их Католикосы, носит сие титулы лишь для почести; в делах, подлежащих их разбирательству, эти Католикосы служат более посредниками между пашами и своею паствою, вступая в должности не иначе как по фирманам султана. Известно сказание о посольстве Авгаря, одного из царей Армении, к Господу нашему Иисусу Христу и о нерукотворенном образе воплотившегося Сына Божия, изображенного на убресе, посланном к нему в подкрепление его веры^[44]. После вознесения Иисуса Христа на небо явился с проповедью о Нем к армянам святой апостол Фаддей (от семидесяти), к которому присоединились потом святые апостолы Варфоломей и Иуда Левий, и все трое запечатлели эту проповедь своею кровью. В конце третьего века прибыл в Армению святой Григорий, крестил царя ее Тиридата (в 301 году), утвердил насажденное в ней святыми апостолами христианство и стал известен в истории церковной под именем «просветителя Армении». В святительство одного из преемников его Исаака (390–440), Армения подпала под иго персов и подверглась гонению. По политическим и военным обстоятельствам она не могла принять участие в

Халкидонском четвертом вселенском соборе, рассмотревшем и осудившем ересь Евтихия, и через то вскоре отпала от союза с Православною Церковью. Поводом к тому послужила ложная мысль, рассеваемая последователями Евтихия, будто Халкидонский собор, отвергнув ересь монофизитов, принял и утвердил ересь Нестория, прежде того осужденную на третьем вселенском соборе (в 431 году). В 491 году армянский Католикос Пабкен составил из своих епископов собор в Агаршабаде, на коем отверг собор Халкидонский. С этого времени армяне остаются в разрыве с Православною Церковью, и хотя были частные попытки воссоединиться с нею, но они не привели к желаемой цели, более всего по племенной вражде, разделяющей их с греками, которая, к сожалению, особенно сильно и резко проявляется в Святом Граде, – так что почти ни один праздник Св. Пасхи не проходит без столкновения между двумя племенами, и ареною им, – тяжело вымолвить, – чаще всего служит храм Святого Гроба; посредники в примирении – турки, а средством к сему хлысты и ружейные приклады, а иногда и штыки. Такова, например, драка, происходившая в навечерии Великой Субботы 1858 года (равно великой и для армян, ибо Пасха празднуется ими одновременно с православной). По тщательном и разностороннем расспросе дело происходило так: накануне великой субботы храм по обычаю увешивают лампадами, с особым же тщанием украшается часовня Гроба Господня; духовенство трех вероисповеданий, греческого, армянского и латинского, имеет право на совершение в ней службы. Ссора началась из того, что одна из ножек лестницы греческого пономаря пришлась на пространство, принадлежащее армянам; один из армянских послушников с грубостью стал требовать, чтобы тот ее отодвинул; пономарь отвечал, что исполнит это, лишь только поправит лампаду; но тот, не дожидаясь сего, с досадою выдернул из-под греческого пономаря лестницу, от чего сей последний упал на каменный помост и ушибся. Видя напрасную обиду, единоверные пономарю греки из поклонников заступились за него; началось с бранных слов, потом армяне взяли за дрова, которые, как оказалось по турецкому расследованию, были запасены заранее и с умыслом. Скоро завязалась в храме всеобщая драка. По первому о ней известию прибыл в храм со стороны греков наместник митрополит Мелетий, а со стороны армян сам Патриарх; но увещания их действовали слабо на ожесточенных взаимными оскорблениями.

Между тем кто-то из злонамеренных армян дал знать в свой монастырь, что будто Патриарх убит греками; тогда более 400 человек, вооруженных дрекольями, бросились к храму. По счастью турки, усилив караул, успели занять единственный узкий вход с западной стороны на площадь храма и встретили вооруженных армян прикладами и штыками. Только эта мера остановила драку, грозившую обратиться в кровопролитный бой. Будем надеяться, что посредство Русской Духовной Миссии, расположения которой весьма заискивают армяне, успеет предотвратить подобные сцены, смягчив по возможности характер взаимных отношений духовных представителей двух враждующих племен.

Армяне владеют в Иерусалиме обширным монастырем во имя святого Иакова Алфеова, который, по согласному свидетельству греческих и грузинских писателей, принадлежал прежде грузинам. Последние пишут, что монастырь этот выстроен царем их Георгием Куропалатом. Самое внутреннее устройство церкви, разделенной по православному обычаю на три отделения, показывает, что храм некогда принадлежал православным. Монастырь построен в виде укрепленного замка и со всех сторон обнесен высокою стеною; внутри разделяется на множество дворов и заключает в себе до 700 келий, которые ежегодно все бывают заняты армянскими поклонниками, стекающимися со всех концов света на поклонение Святым местам; число их доходит до 5000 человек, т. е. в половину против православных. Главная церковь во имя святого апостола Иакова обширна и светла; стены одеты цветными кафлями (синими по белому полю) и увешаны иконами особого, отличного от всех других армянского стиля живописи (это искусство находится у них на первой степени развития, ниже нашего суздальского письма); все эти изображения отличаются совершенным отсутствием перспективы и мутно-водянистым цветом красок. Бросив общий взгляд на храм, по указанию проводника, мы повернули налево, где в стенной нише (палатке) сделан открытый престол на месте усекновения главы святого апостола Иакова брата Господня; место сие обозначено под престолом мраморною, умащенной благоуханиями плитою, к которой и прикладываются поклонники; место это освещено повешенными под престолом лампадами. Главный алтарь храма находится на возвышенности, значительно поднятой над помостом, открытый, без иконостаса, который заменяется завесою.

Во время первого посещения монастыря нашим епископом он был встречен у ворот его диаконами в стихарях и с курильницами, а на дворе двумя архиереями (без облачения), в сопровождении которых из церкви, по поклонении месту усекновения главы святого Иакова, наш епископ со свитою прошел прямо в обширные покои Патриарха, недавно построенные. По широкой и чистой лестнице мы пришли в предсеню, а отсюда прямо в длинную и широкую залу, освещенную с запада большими окнами, выходящими в сад. Патриарх вышел к нам навстречу в преддверие и принял нашего преосвященного в свои объятия. Патриарху Иерусалимскому Иоаннесу на вид около 60 лет; лицо его умное, выразительное; одет был, как и все армянские иноки, в рясе одинакового с греческою покроя, в остроконечном клобуке (похожем на наш схимнический кукуль); на шее он имел панагию, полученную еще в сане епископа от покойного государя императора; на руке перстень, как у латинских епископов. Комната убрана портретами Лазаревых; над ними небольшой портрет покойного государя императора Николая Павловича, которого в своих беседах Патриарх не раз называл «благодетелем армянского народа». Усадив нас на диване, Патриарх сел по-восточному, поджав под себя ноги. Вместе с беседою через переводчика, которым служил один из его монахов о. Филипп, могущий довольно свободно объясняться по-русски, начались обычные угощения: подавали глико, потом кофе; между прочим Патриарх показал нам книгу на армянском языке, родословную Лазаревых, украшенную портретами замечательных лиц их фамилии. Провожание происходило с тою же церемониею. Патриарх на прощание снова заключил владыку в объятия, прося посещать его запросто. Справедливость требует заметить, что и на деле армяне (говорю о том времени, в которое я был в миссии) оказывают всей русской миссии самое предупредительное внимание, показывая, что они помнят, что большая часть бывшего Армянского царства находится под скипетром русского монарха и, благодаря нашей веротерпимости, они наслаждаются у нас полною свободою в отношении своих духовных прав.

Армянский Патриарх служит лишь несколько раз в год; одно из таких служений бывает на второй день Пасхи. Любопытствуя его видеть, я с своим товарищем И. Ю. в назначенный час отправился в монастырь Св. Иакова. По принятой в отношении нас армянами

политике – всевозможной предупредительности и вежливости, – едва был замечен Патриархом наш приход, он приказал пригласить нас войти на возвышение, на коем находится алтарь, откуда мы могли лучше видеть и его служение и следовавшую за оным процессию. Патриарх служил один (т. е. без сослужащих); только несколько диаконов прислуживали ему при совершении Литургии (Патарак). Я следил за ее подробностями, имея в руках перевод Литургии на русский язык армянского архиепископа Иосифа (из князей Аргутинских-Долгоруких). Она в главных чертах сходна с нашею, отличаясь в частности некоторыми особенностями. Так например: а) по открытии завесы совершается каждение святых икон, в сопровождении диаконов с рипидами и хоругвями, при пении священной песни; б) апостол и Евангелие читают, обратившись лицом к народу; в) Литургия совершается непременно в сандалиях, которые, так же как и митра, снимаются по выносе Даров, и священник остается без всякой обуви до причащения. Но главное различие заключается в том, как мы уже заметили выше, что у армян употребляется один только опреснок, приготовляемый всегда самим священником при чтении псалмов и молитв; наверху этого опреснока изображено Распятие с обычными надписями по сторонам. Во время важнейших моментов Литургии диаконы потрясали круглыми рипидами, из коих к каждой по обводу круга укреплено по несколько колокольчиков. В конце Литургии Патриарх причащал несколько человек из богомольцев; причем заметим, что таинство преподается под обоими видами, но не лжицею, как у нас, а служащий перстами извлекает из потира омоченные Святою Кровью частицы и влагает в уста причащающихся.

После Литургии начался крестный ход вокруг храма (в ходу участвовало духовенство коптское и абиссинское): шли шесть пар архиереев в богатых вакхасах (навыйники, род продолговатых и широких воротников, прикрепляющихся поверх фелони, вокруг выи священника) и в митрах, имеющих форму ветхозаветного кидара или латинской тиары; десять пар иеромонахов и десять пар вартопедов (степень, равняющаяся архимандриту) в митрах нашей формы. Диаконы также в митрах, одни с кадильницами предшествовали процессии, другие несли балдахин над Патриархом, некоторые предшествовали ему; все священники несли в руках ковчеги разной формы (например в форме руки) с частицами святых мощей; несколько

пар диаконов шли с кацеями, и в конце всей процессии шел под богато убраным балдахином (малинового бархата с золотыми кистями) сам Патриарх с открытою головою, держа Животворящий Крест в руках. Обойдя один раз вокруг церкви с процессиею, Патриарх взошел на алтарное возвышение, уступив свое место под балдахином (для продолжения хода) почетному своему гостю архиепископу эчмиадзинского синода Макарию, который навестил Иерусалим на возвратном пути из Константинополя, куда ездил приглашать от лица эчмиадзинского синода вновь избранного в Католикосы всего армянского народа Матфея – Патриарха константинопольских армян. Причем было два ассистента (телохранителя), одетых в нарядные красные кафтаны грузинского покроя. Процессия, обойдя трижды внутри галереи собора, подошла к алтарю. Епископы и вартопеды поднялись на алтарное возвышение; внизу выстроилось порядно все остальное духовенство. Патриарх в кругу архиереев и вартопедов прочел, обратясь лицом к народу, одно из отделений Евангелия от Иоанна, чем всегда оканчивается Литургия у армян, и осенил крестом (с частью животворящего древа) народ. После окончания службы Патриарх с церемонией возвратился в свои кельи, где и раздавал посетителям и богомольцам частицы освященного опреснока (антидор). Церковь Св. апостола Иакова была в этот день убрана с особенным тщанием. Вверху на полках вокруг всей церкви была выставлена лучшая церковная утварь: митры, церковные сосуды, Евангелия, облачения патриаршие и прочего духовенства блестели золотом и драгоценными камнями.

Армянское духовенство в Иерусалиме живет общежительно, т. е. ежедневно все собираются за общую трапезу, по чину монашескому, – что, к сожалению, опущено у греков; по праздникам участвует в сей трапезе и сам Патриарх; во время стола бывает обычное чтение.

Против армянского монастыря через улицу, в ширину до самой городской стены, а в длину равняясь лицевому фасаду всего монастыря, разведен самый обширный в Иерусалиме сад, в коем поражает своею величественною красотой высокий развесистый кедр, единственный в Иерусалиме, а может быть и во всей Палестине. В саду кроме масличных и плодовых деревьев (апельсинных, лимонных, миндальных) разведены бальзамические кустарники и целебные травы, а между деревьев огородные овощи. Ибо здесь сады не имеют того

назначения, какое у нас служат для прогулки; это одними признается ненужным вовсе, а для других служат этой цели обширные террасы; желающие же пройтись в некоторой тени могут отправляться в Никифорию (публичное городское гульбище) или на кладбища, окружающие город со всех сторон, не забывая однако посматривать на солнечный диск: ибо вместе с заходом солнца запираются все ворота, и опоздавшие рискуют быть ограбленными или растерзанными собаками.

В соседстве с главным монастырем недалеко от врат Сионских есть другой армянский, женский монастырь, церковь коего построена на месте дома первосвященника Анны. Она украшена во вкусе собора Св. Иакова, хотя и гораздо его менее. Тут показывают снаружи алтаря отрасли того дерева (маслины), к которому по преданию был привязан Господь наш Иисус Христос на дворе архиерейском; это небольшое дерево огорожено наглухо решеткою; а внутри церкви показывают то место, где Он, будущий грозный и неумытный Судия, Сам предстал судилищу судии несправедного и где, безмолвенно внимая лживым обличениям, претерпел заушение в ланиту. В женском монастыре от десяти до двенадцати монахинь.

Наконец, третий небольшой монастырь армянский находится на самом Сионе за Сионскими вратами и не вдали от них. По преданию, он занимает место дома Каиафы. Это здание обнесено со всех сторон высокою стеною; вход с юга через низкую железную дверь. При входе внутрь представляется чистенький вымощенный плитою дворик; на левой стороне небольшая церковь. Высокий алтарь основан на большей части камня, отваленного от Гроба Господня Ангелом; но камень этот заделан и только небольшая часть его поверхности оставлена для лобзания поклонникам. На правой стороне близ алтаря тесная квадратная палатка: в ней престолом означено то место, которое служило темницею Господу Иисусу в ночь, предшествовавшую Его страстям. Снаружи в нише церковной стены указывают место, где апостол Петр отрекся от Христа, и напротив сего места старую и рослую виноградную лозу, высоко поднимающуюся на террасу; говорят, что корень этой лозы современен событию и что здесь-то петел возгласил трикраты... Двор монастырский состоит из надгробных плит над погребенными здесь армянами большею частью духовного звания. А на северной стороне у стены в крытой галерее видны особые места,

некоторые с саркофагами и надписями, указывающими место погребения армянских Католикосов (Патриархов) иерусалимских. Рядом с последними почившими приготовлена могила и для настоящего. Вид ее составляет несомненно одно из поучительных для него напоминаний о тщете земного величия. Напротив входа разведен небольшой садик, а вокруг кладбище армянское и других христианских исповеданий, но без крестов, не допускаемых мусульманским фанатизмом. В этом монастыре живут несколько человек, более для его сохранения, в галерее, окружающей церковь с северо-восточной стороны.

Возвращаясь в город Сионскими вратами, увидите по правую сторону их вдоль городской стены «жилища прокаженных», похожие скорее на собачьи конуры, нежели на человеческие жилища. В них обитают около пятидесяти человек этих несчастных, из мужчин, женщин и детей. Число их увеличивается через позволение вступать между собою в брак; дети, рождающиеся от сего, до юношеского возраста не имеют проказы, но после известного термина она с силою действует на члены, покрывая их белыми струпями, цвет которых и подал повод к сравнению в книгах Священного Писания проказы со снегом (Числ 12, 10). С отвертием городских врат прокаженные, выходя за город для сбора милостыни, располагаются на главных более людных Иерусалимских путях (в городе им запрещено просить милостыню, кроме своего квартала). Выезжая из Яффских ворот, вы всегда увидите на дорогах Яффской и Вифлеемской группу прокаженных, лежащих на солнце и прикрытых лохмотьями своей абы (шерстяного плаща); перед ними стоит лукошко и они, не трогаясь с места, сильным голосом умоляют проезжих и проходящих о сострадании. По субботам поутру вы увидите их на дороге в Гефсиманию на мосту, перекинутом через Кедронский поток, ибо они хорошо знают, что в это время толпы русских богомольцев стремятся на слушание Литургии ко гробу Матери жизни, и не один лев (паричка, наша копейка серебром) перепадет в их лукошки от помнящих блаженство милостивых. Во время владычества христиан хижины прокаженных были вне города. Императрица Евдокия построила для них госпиталь, в котором находилось 400 прокаженных. Болезнь эта не переводится в Азии, и прокаженные встречаются во всех городах азиатской Турции до ворот самого Константинополя, где можно

встретить прокаженных на кладбище Скутари. Учреждение на общем иждивении всех христианских вероисповеданий за городом госпиталя для призрения этих несчастных было бы делом достойным гуманной Европы, но кто возьмет на себя обязанность согласить к этому общество, разделенное долговременной враждой, интригами и побуждениями, лишь прикрытыми личиной христианства или явно антихристианскими? Кстати заметим, что корыстолюбивая турецкая полиция облагает и этих несчастных известною податью за право собирания милостыни и позволение жить в городе. Как ни возмутительно это известие, но оно по тщательном расспросе у туземцев оказывается справедливым. Русские поклонники оказываются в отношении подаяния милостыни, как прокаженным, так и нищим, щедрее всех других, особенно женщины, и потому слово «матушка» сделалось между ними однозначным со словом: «подайте», и они преследуют им проходящих европейцев без различия национальностей и полов. Повествуют, что когда берега Мертвого моря были доступны для безопасного их посещения, прокаженные проводили там дни и ночи, купаясь в воде его, и получали исцеление. Теперь некоторые пользуются купаньями в теплых минеральных водах близ города Тивериады на берегу Тивериадского озера, в одной из древних, запустевших купален и, как свидетельствуют местные евреи, получают облегчение.

Копты

Коптами называются африканские последователи древнего евтихианства, живущие исключительно в Египте, под управлением своего самостоятельного Патриарха, имеющего кафедру в Каире. Название коптов одни производят от слова *κοπτεῖν* «обрезать», на том основании, что копты обрезаются, а другие – от испорченного в произношении слова «египтянин». Последнее достовернее, ибо копты, как показали новейшие исследования, потомки древних египтян. Известно, что христианская вера между обитателями Египта насаждена была еще во времена святых апостолов и, по преданию, была проповедуема им святым евангелистом Марком, который был епископом в Александрии, где и скончался. Когда Евтихий и Диоскор были осуждены вселенским Халкидонским собором, некоторые из александрийских епископов, державшиеся их ереси, убедили свой клир и паству, будто собор сей, осудив Евтихия и Диоскора, принял под свое покровительство ересь Нестория, и тем обольстили их. Несмотря на усилия восточных императоров возвратить обольщенных в недра православной церкви, последователи Евтихия и Диоскора из египтян, избегая преследования, в большом числе удалились в верхний Египет. Помогая калифам сарацинским в завоевании Египта, они тем самым приобрели их покровительство и обеспечили себе на время свободу вероисповедания. Говорю: на время, ибо впоследствии они не раз попадали жестоким гонениям от неверных, особенно в царствование калифа Гакема (996–1026), выдававшего себя сперва за Мессию, а потом за Бога; гонение повторилось с силою в XIV веке в царствование Ибн-Калауна. Тогда многие из коптов погибли насильственной смертью; большая часть их церквей на пространстве всего Египта была обращена в мечети, а другие разрушены. Такие гонения, повторяясь неоднократно, значительно уменьшили число коптов или совратили их в магометанство. В настоящее время считается коптов около 200 000, а церквей и с монастырскими у них 130. Главное поселение их в городе Фаиуме в верхнем Египте. Богослужение у них совершается на древнекоптском языке, который есть отрасль древнего египетского и который понимают не все и из их священников. На сем же языке имеют они и священное Писание. Коптов-латин в Египте около 5000.

Копты имеют в Иерусалиме два монастыря; один близ храма Воскресения на север, а другой на западе близ греческого монастыря Св. Димитрия, и еще подворье или так называемый «Коптский хан», который с 1859 года до 1864 года отдавался внаймы русскому консульству во временный приют для помещения наших богомольцев. В обоих монастырях есть церкви. Кроме того им же принадлежало до 1859 года место позади храма Воскресения Господня, которое в этот год формальным образом продано русскому правительству. В здании Авраамиева монастыря внизу принадлежит им церковь во имя святого Архангела Михаила, через которую есть проход в молитвенницу и оттуда на подворье абиссинов и на вышеупомянутое принадлежавшее коптам место. В церкви этой иконостас украшен наборною мозаикою из дерева, перловой матицы и слоновой кости, так же как и кафедра их епископа. Образа большею частью греческой посредственной живописи.

Монашествующих коптских проживает в Иерусалиме до пятидесяти человек, которыми заведует епископ. Одевание все черное; головная повязка подобна той, какую носят православные арабские священники.

Абиссинцы

Абиссинцы (хабежи или эфиопы, как они себя называют), африканские последователи древнего евтихианства, живущие преимущественно в абиссинии или эфиопии, составляют отдельное христианское общество под верховным управлением митрополита, которого посвящает и присылает к ним из Александрии коптский Патриарх, когда они о том его просят (но этим только и ограничивается влияние на них сего иерарха). Начало христианства в Абиссинии также восходит ко временам апостольским; можно полагать, что абиссинцы приняли его от апостола Матфея, который проповедовал Евангелие в Эфиопии. Но окончательно насадил его здесь святой Фрументий, египетский путешественник, абиссинский пленник, архивариус индейского царя, правитель Абиссинии по смерти царя Абрега и напоследок (329 г.), абиссинский епископ, посвященный в этот сан святым Афанасием Александрийским^[45]. Проповедь евангельская была принята здесь мирно и принесла вскоре самые вожделенные плоды. Абиссиния украсилась множеством храмов христианских и получила название Царства христианского. Но будучи разобщена с востоком преградами естественными, она не долго оставалась живым членом церкви вселенской. В VI веке абиссинские христиане, пославши в Александрию своего Патриарха, впали в ересь евтихианскую под влиянием коптов. Усилия некоторых царей ее войти снова в общение с Православною Церковью не увенчались успехом. Опасение остаться вовсе без епископов вынудило абиссинцев в эпоху смут и колебаний церковных (в VIII столетии) принять митрополита от коптского Александрийского Патриарха, занимавшего тогда кафедру православного Александрийского Патриарха; и хотя с половины X и до XV века абиссинцы не раз обнаруживали желание иметь не коптского митрополита и даже пытались образовать у себя отдельную иерархию, но успели достигнуть лишь того, что в настоящее время церковными их делами заведывает синод; в догматическом же и обрядовом отношении, по крайнему необразованию своему, еще не избавились от тех заблуждений, которые усвоились долгим временем и разобщением с православными. Латинские проповедники начиная с XVI века постоянно покушались привлечь на свою сторону абиссинцев, но

доселе имеют мало успеха в этом. Протестантские покушения были еще менее удачны; заслуги протестантов состоят главнее в том, что они, особенно г. Гобат (нынешний протестантский епископ в Иерусалиме), познакомили Европу с малоизвестною доселе странюю. Абиссинцы сверх заблуждений, общих всем евтихианам, соблюдают некоторые из обычаев еврейских, как-то: обрезание, празднование субботы; пляска духовенства почитается у них за священную. Крещение детей мужского пола совершается в сороковой, а женского в осьмидесятый день от рождения; причащение мирян не ранее двадцатипятилетнего возраста. Священное Писание существует у них на языке тигрийском; богослужение, состоящее в чтении Св. Писания и раздаянии Св. Причастия, совершается в круглых, построенных на высотах, при реках, и обсаженных кедрами церквах, при входе в которые каждый обязан снять обувь, а стоя в них, отнюдь не должен плевать. Благочестие их заслуживает внимания. В прошлом столетии в столице абиссинской Гондаре считалось до ста церквей и не было ни одной лавки; посол английский Гаррис свидетельствует, что в Абиссинии больше церквей, нежели в каком-либо другом краю света.

Абиссинцы – самая бедная из всех религиозных общин в Иерусалиме. Их единоверцы, армяне, поселившись в Иерусалиме в турецкие времена, служа попеременно на их престолах и пользуясь оскудением их общины, умели лишить их всего ими здесь владеемого, как пишет о сем подробно Досифей Патриарх Иерусалимский^[46]. В настоящее время только копты имеют (в храме Святого Гроба) свои престолы, прислоненные к западной внешней стене часовни Святого Гроба; подземельную же церковь Св. Елены, которая по фирманам принадлежит абиссинцам, армяне присвоили себе; равно как и принадлежащие им в галерее кельи, за что обязались снабжать их ежедневно пищею, состоящую из небольшой булки и похлебки (чорбы); но вытеснив абиссинцев из храма и удерживая крепко за собою завлажденные ими таким образом места, обязательство, соединенное с сим, исполняют неохотно и пользуют бедных своих единоверцев такую пищу, о которой не выдавши не можем составить себе никакого понятия, и сие навлекает на армян справедливый упрек в нечеловечности.

Абиссинцы со времен водворения в Иерусалиме Русской Духовной Миссии, всячески ищут сближения с нею – как бы чувствуя свое

духовное сиротство. Так, абиссинский игумен, не зная, чем изъяснить свое расположение к начальнику нашей миссии, прислал ему однажды свой жезл (род тонкой трости с медною ручкой). Преосвященный решился отблагодарить за сей подарок посылкою игумену на престольного серебряного вызолоченного креста с финифтяными изображениями, осыпанными стразами, и поручил отнести этот подарок мне. Это было в августе месяце 1858 года. Часов в 12 отправился я в сопровождении драгомана г-на Фадлаллы Саруфа в абиссинское монастырское подворье, расположенное в развалинах древнего монастыря Свв. Апостолов, позади алтаря храма Воскресения Господня и Авраамиева монастыря. На площадку двора абиссинцев выходит купол с окнами подземного храма Св. Елены и тут же в садике в юго-восточном углу находится каменный голубец над местом обретения Креста. Церковь же их находится в здании Авраамиева монастыря внизу, смежно с коптскою церковью, с которою соединена темным коридором. Пройдя через двор, мы вошли в келью начальника, расположенную в юго-западном углу монастыря в древних развалинах. Это лучшая келья во всем подворье, своим состоянием ясно изображающая бедственное положение абиссинцев. Начальник их принял нас так ласково, как умел; он был одет в синей ряске с низкою камилавкою (афонского покроя) такого же цвета. Вскоре явился монах, умевший кое-как объясняться по-арабски, и при его-то посредстве устроился разговор, хотя и не без затруднений, ибо наш драгоман видимо затруднялся в понимании его беседы. Лицо абиссинского начальника кроткое, задумчивое, речь внятная и положительная, обличающая человека, получившего начатки духовного образования, манеры скромные; тут же было двое иереев, одетых в рясах и камилавках с повязкою (как у арабских священников). Келья начальника могла быть названа кельею разве по своей относительной величине, но была так же сыра, бедна и неопрятна, как и остальные, которые приличнее можно назвать чуланами, ибо свет в них проходит только через отверстие, служащее дверью. По стенам игуменской кельи висели кожаные и плетеные сумки, служившие футлярами к священным и богослужебным книгам, и тут же на веревках были развешаны без порядка церковные облачения. Я попросил позволения осмотреть их. Дьяконские облачения вроде наших стихарей из разных материй; оплечья вышиты шелками со священными изображениями,

наприм. Матери Божией с предстоящими, а на плечах Ангелов священные фелони без рукавов, вроде плаща, облегают плотно около шеи. Лучшие фелони из красного штофа. Игумен на мои вопросы о состоянии их церкви отвечал мне, что она управляется синодом, состоящим из митрополитов и епископов, что особа, сопровождавшая их наследного принца в путешествии в Иерусалим, есть посредник между духовенством и правительством. В столице их Годурасе ныне 44 церкви и вообще в государстве довольно церквей и при каждой есть школа для первоначального обучения детей прихожан закону Божию. Есть монастыри мужские и женские. Бедность абиссинцев выразилась еще ярче в их хлопотах о обыкновенном угощении кофеем; не вдруг мы догадались, в чем состоит главное затруднение: оказалось, что у них всего одна чашка, тогда как нас было двое. Это объясняется кроме бедности еще и тем, что они находятся на содержании у армян, которые за право владения принадлежащими им престолами и кельями в храме Гроба Господня обязались доставлять им дневное продовольствие и, пользуясь их безответностью, кормят их хуже, чем добрый хозяин собак: на каждого человека они получают в день по небольшому ячменному хлебу и порцию похлебки, похожей на помой.

Исполнив поручение, я просил игумена показать мне их церковь. Надобно было со двора спускаться вниз по нескольким ступеням. Церковь продолговатой формы, алтарь обращен на восток, темный и отделен от остальной части храма глухой перегородкой, служащей иконостасом, украшенным, как и у коптов, деревянною наборною мозаикою, перемешанною с перламутром и костью. Вход в алтарь через одни царские двери. На престоле под покровом доска в виде бруса мерою в пол-локтя длины и четверти полторы ширины (заменяющая антиминос); кроме сего на престоле лежал небольшой деревянный четвероконечный крест и еще какая-то точеная из дерева фигурка (о назначении которой дознаться не мог). Солея около иконостаса отделяется от остальной части храма замкнутою со всех сторон сквозною деревянною решеткою. Евангелие печатано в Лондоне (издание Английского Библейского Общества); остальные богослужебные книги писаны на пергамене. На иконостасе в беспорядке развешаны разные иконы, некоторые старинного греческого письма, другие армянского. А на том месте, где у нас помещается обычно образ Христа Спасителя, поставлено изображение Его,

писанное бывшим иеромонахом Русской Духовной Миссии (ныне епископ) о. Феофаном. На южной стене две больших иконы греческого письма: одна изображает Спаса Вседержителя, сидящего на престоле, а по углам символические изображения четырех Евангелистов; другая – святого Архангела Михаила. Для женщин отгорожена решеткою западная часть храма. Между этою церковью и коптскою, расположенною рядом с нею, в темном коридоре, в нише за решеткою, поставлен образ Божией Матери Кесарийской; пред оным теплится неугасимая лампада. Когда мы проходили этим коридором, мимо иконы, то застали неподвижно стоящего пред нею абиссинца, закутанного в белое покрывало, перекинутое через плечо. Не раз в последствии времени случалось мне встречать подобные же фигуры абиссинцев, с кротким, как бы страдальческим выражением лица, стоящих на молитве, в разных местах храма Святого Гроба, особенно же на Голгофе. Прислонясь к какой-либо колонне, они стоят неподвижно по несколько часов сряду, походя более на припаянную к колонне кариатиду, нежели на живое существо; удивляясь их терпению, молча проходил я мимо их, стараясь не замечать их, дабы не помешать их сосредоточенной молитве, и жалея в душе, что столь кроткие и бедные овцы Христова стада силою обстоятельств оставлены блуждать вне Истинной Церкви; это достойно сожаления тем более, что они чувствуют свое духовное сиротство и заметно ищут общения с православными, для которого пока главную преграду составляет взаимное незнание языка. Некоторые из иноков саввинской лавры еще помнят то время, когда в братстве их постоянно были по одному и по два абиссинца, что и дало возможность некоторым из любознательных иноков ознакомиться с разговорным абиссинским языком. Таков был нынешний настоятель саввинской лавры о. архимандрит Иоасаф; по ревности своей к православной вере, он не раз порывался идти в абиссинию на проповедь слова Божия, но был удержан от сего силою обстоятельств, ибо Провидение готовило его служить духовным нуждам своих православных собратий – иерусалимских христиан, которым он светит доселе светом своих иноческих подвигов и мудростью духовных советов. Три раза он достигал Каира с целью проникнуть оттуда на проповедь в Абиссинию, но каждый раз встречал к тому неодолимые препятствия; последний раз, заболев смертельно в

Каире, выздоровел лишь тогда, когда дал обет возвратиться в свою обитель и пребывать в ней неисходно.

В заключение скажем, что абиссинцев в Иерусалиме сорок человек (в том числе тринадцать женщин); в числе их живет один бывший придворный царя Феодора, отличающийся от других красным плащом и белою повязкою на чалме, старик лет шестидесяти. Они получают некоторое вспомоществование от своих единоверцев, но по поводу междуусобий, терзающих постоянно это несчастное государство, вспоможения эти, постепенно оскудевая, в последнее время и совсем были прекратились. Приезд в Иерусалим их наследного принца, снова оживил надежды этой бедной общины. Турки, требующие от всех имеющих с ними дело прежде всего денег, на не могущих поддержать свои права ежегодными взносами смотрят с презрением. Так, однажды в мою бытность в Иерусалиме паша посадил в тюрьму абиссинского игумена за то, что кто-то из его паствы праздновал свадьбу с музыкой, а это почему-то не всем дозволено. Но на сей раз благовременное предстательство о нем нашего епископа ускорило его освобождение.

В саду абиссинского подворья, на восточной его стороне, примыкающей к месту, приобретенному нами у коптов, есть небольшое двухэтажное здание, выстроенное в недавнее время (в 1860-х годах) для приема поклонников их нации. В том же саду одно из старых деревьев все обвешано лоскутами из разноцветных материй; очевидно, что они придают этому дереву какое-либо религиозное значение.

Сириане (яковиты)

Сириане (яковиты) – последователи евтихианства из жителей Сирии; название яковитов они получили от Иакова Занзала, Едесского епископа в 541 г. Ныне их Патриарх имеет свою резиденцию в Кара-Амиде (Диарбекире). Яковиты имеют в Святом Граде свой монастырь, церковь коего, по преданию, построена на месте дома святого евангелиста Марка; дом этот упоминается в Деяниях апостольских: в нем по вознесении Господнем собирались апостолы на молитву; сюда-то и направил свои стопы святой апостол Петр, будучи чудесно изведен из темницы Ангелом. Монастырь сирианский расположен недалеко от армянского на пути к нему от древних железных врат, что также подтверждает справедливость предания о месте сего монастыря.

При первом посещении сей древней обители нашею миссиею епископ сирийский, узнав, что мы прошли прямо в церковь, вышел к нам навстречу; он человек лет пятидесяти, с проседью, глаза умные, живые; одет в рясу коричневого цвета, одинакового покроя с греческой; полукафтаные подпоясано широким цветным кушаком; на голове камилавка, обвитая черною повязкой, подобно тому как у православных арабских священников. Церковь небольшая, но украшена очень благолепно. Главный алтарь на возвышении, открытый, как в церквях армянских. На нем стоит древняя икона греческого письма, по преданию, одна из тех, кои писаны святым евангелистом Лукою. В южной части храма у стены устроена сень и престол, а посреди храма купель, закрытая серебряною крышкою. По преданию, в этой купели крестили первых христиан. У той же стены ближе к главному престолу сделана другая сень и престол, на месте, где, по преданию, сидела мать Божия во время собрания здесь апостолов на молитву. Над престолом икона, изображающая сие событие. На противоположной стороне (северной) в нише, род шкапа, где хранятся богослужебные книги. По моей просьбе епископ показал нам рукописные их книги на древнем сирском языке: два Евангелия в четвертую долю листа в серебряном окладе, писанные на пергамене. По словам епископа, они относятся к отдаленной древности. Из церкви, по приглашению епископа, должны были посетить его. Когда мы вошли в его приемные покои (архондарик), уже застали его сидящим на полу на ковре, а как

дивана в комнате не было, то пришлось поневоле и нам последовать примеру хозяина, что по непривычке было очень неудобно. Перед ним стоял низменный столик, на котором лежало несколько книг; на полках, расположенных по стене, и на одном из окон тоже книги и все рукописные. Он показал нам некоторые, называя толкованием на Св. Писание. Тут же были двое молодых людей из его клира; он показал нам труды одного из них (краснописца) – рукопись, написанную мелким и красивым почерком. Епископ достал из стола Евангелие миниатюрного размера, писанное донельзя мелким шрифтом, которое, по его словам, написано за 1100 лет, что означено надписью на книге, равно как и то, кто и где писал эту рукопись. По его словам, другая подобная древняя рукопись послана была их Патриархом в дар покойному государю императору; так как это сведение сообщалось при официальном визите, то любопытно было бы знать, правда ли это и где и у кого находится этот подарок? В заключение всего наш любознательный хозяин достал из того же стола сверток, накатанный на палку, на котором изображено, как принимали и встречали его их индейские единоверцы в Малабаре. Тут изображена сперва его высадка на берег и почетная встреча; потом – как несли его на носилках; впереди шел хор туземной музыки; конвой стрелял непрерывно из пушечек и ружей; наконец изображено прибытие гостя к храму, который по внешнему виду походит на обычную индейскую пагоду, отличаясь от ней лишь крестом.

Сириане имеют в храме Святого Гроба свой престол, который находится в нижней галерее, окружающей кувуклию (часовню) Святого Гроба, против коптской часовни, пристроенной, как известно, к западной наружной стене кувуклии. На второй (верхней) галерее есть и келья, принадлежащая сирианам, но они, по своей бедности, уступили ее армянам; постоянно в храме не живут; службу на своем престоле отправляют изредка, пользуясь отвержением врат храма для других вероисповеданий. Клир их епископа состоит не более как из 10 человек, да и те с трудом имеют насущное пропитание от своих поклонников, посещающих от времени до времени Святой Град.

Латины (католики)

Францисканская миссия в Иерусалиме. – Ее история. – Латинский Патриарх Валерга, его отношение к консулам католических держав и францисканам. – Заведения францискан в Палестине. – Латинские богомольцы. – Загородный замок Валерги. – Греко-униатский Патриарх. – Рыцари Гроба Господня.

Католики в Святом Граде обычно называются латинами. Говоря о них, православные греки и арабы никогда не употребляют слово «католик», считая это название также неправильно присвоенным ими, как нашими раскольниками название старообрядцев; греки употребляют слово: «католики», в применении к латинам в ином значении, – произнося его раздельно, они говорят: като-лики, что значит в переводе с греческого: «прочь, волки!»

Представителями латинских интересов в Иерусалиме после крестовых походов и до нашего времени были исключительно францискане, прибывшие, по словам историков их ордена, в Святой Град босыми и с крестом в руках, в то самое время как рыцари, овладевшие им с помощью огня и меча, вынуждены были теми же самыми средствами оставить его. Франциск из Асизи (город Неаполитанского королевства) в 1219 году высадился в Птолемаиде (нынешней Акре) в сопровождении двенадцати монахов основанного им ордена, и основал королевство, несравненно сильнейшее королевства Готфрида Бульонского. Умирая, он оставил множество учеников в Акре и Иерусалиме. Те и другие нашли смерть: одни в храме Гроба Господня, другие в Птолемаиде в 1291 году. Таким образом началась францисканская миссия в Палестине. В том же году пало латинское государство в Палестине, а с ним и незаконный Латинский Патриархат Иерусалимский и его четыре архиепископства – в Кесарии, Назарете, Караке и Тире – и девять епископий: в Лидде, Хевроне, Бейруте, Птолемаиде, Сидоне, Панее, Севастии, Тивериаде и в Синае – и множество монастырей женских и мужских, которые густою сетью оцепили всю Святую Землю с целью отторгнуть от православия ее древнее достояние. Ученики Франциска (почитаемого Латинскою

Церковью за святого) спешили заступить место изгнанных крестоносцев и в 1299 году получили некоторые права. Турки, по внешним регулам их ордена принимая их за дервишей, оказывали им некоторое внимание, уступили им жилище на Сионе и позволили нескольким человекам пребывать и в храме Гроба Господня. Папа Климент, внимательный, как и все Папы, ко всем частным усилиям последователей своей религии и не скупившийся на благословение всего, что служит к расширению папского влияния, подтвердил их духовные права особой буллой 1342 года. Санха, супруга сицилийского короля Роберта, приказала построить на горе Сионе прекрасный монастырь и пожертвовала на его содержание двенадцать монахов и трех братьев. Вот краткая история утверждения францискан в Иерусалиме. Нельзя не отдать им справедливости, что они преследовали свою цель с терпением и искусством, несмотря на многие неудачи и препятствия, общие для всех христиан. Так, в 1368 году турки вырезали их поголовно. Новая колония из братии того же ордена заступила место убиенных. Турки убили четырех из них в 1391 году. В 1482 году убили Иоанна Калабрийского, монаха Сионского монастыря, а в 1537 году собрали всех их и заперли частью в Дамаске, частью в замке Пизанском в Иерусалиме. Католический паломник писатель Шатобриан собрал порядочный список францискан, сделавшихся жертвою своей привязанности к Святой Земле. В 1551 году под предлогом, что гора Сион командует над городом и всякое здание на нем могло бы послужить христианам для нападения на оный, равно как и потому, что не следует, чтобы «псы гяуры» владели гробом Давида, к которому турки питают большое уважение, – францискан выгнали из Сионского монастыря. Предание о гробе Давида на горе Сион служило лишь видимым предлогом для овладения монастырем; церковь его немедленно обращена в мечеть, а монастырь заняли сантоны.

По другим преданиям, изгнание францискан из Сионского монастыря приписывают проискам жидов в отмщение за то, что латины не пустили одного из них на поклонение ко гробу Давидову; оскорбленный таким отказом, богатый еврей поклялся отмстить латинам и, поехав в Константинополь, ценою золота купил их изгнание из заветного святилища.

Однако францискан не выгнали вовсе из города: турки взамен отнятого у них на Сионе монастыря, уступили им за небольшую сумму

церковь и монастырь Спасителя, который прежде принадлежал грузинам, как и многие другие иерусалимские монастыри, и по обеднении грузин пришел в запустение. В то время искусственно возбужденный в западной Европе жар к завоеванию Св. мест уже охладел и никто из западных государей и не думал о Святых местах. Карл IX царствовал во Франции, Елизавета в Англии, Фердинанд I в Германии, а Солиман II в Константинополе. Реформация мстила латинству в Европе за его гнёт умственный и религиозный: целые области одна за другой отпадали от уз, скреплявших их с папским тронem. Но таково свойство папства во все периоды его истории: в то время когда ему рубят одну голову, у него растет другая. В то время как папство теряло в Европе, францискане, не требуя от святого отца ничего другого, кроме благословения на вся и имея его, повидимому забытые всеми, кроме Испании и отчасти Неаполя, трудились усердно над расширением власти папской на Востоке: стерегли Святой Гроб, соединяли воедино свое рассеянное по Палестине стадо, утверждали его в религии, строили церкви и монастыри и с течением времени, когда о них вспомнила наконец политика, приготовили сильный элемент, если не для преобладания, то для уравнивания латинян с православием.

Только в начале XVII века Франция впервые вспомнила о праве своего протекторства над Святыми местами – титул, который признала так называемая столица апостольская – Рим за Людовиком XIV, но которого исключительность не была признана никогда ни европейскими державами, ни даже Оттоманскою Портою. И хотя дух XVIII столетия и наступившая вследствие оногo французская революция снова отвратили внимание от вопроса о Святых местах, но латинские монахи продолжали постоянно пользоваться этим протекторством, употребляя его то как угрозу, то как протест против православной греческой общины, поддерживаемой влиянием России. Впрочем, влияние России, которому французские писатели приписывают в вопросе о Святых местах слишком много с целью уменьшить заслуги греков, ограничивалось по большей части лишь денежною помощью, и то не от правительства, а, как и ныне, посредством частной благотворительности собираемою. Францискане, почти оставленные Франциею в XVIII столетии относительно политической и денежной поддержки (ибо, по словам их писателей,

Франция почти со времени Людовика XV не посылала им ни людей, ни денег), в то же время продолжали получать поддержку от других католических держав: Австрии, Испании и Неаполя. Такое положение дел продолжалось до 1849 года. Восточная война изменила его вовсе: нота, поданная французским посланником в Константинополе в конце 1849 или в начале 1850 года, вызвала так называемый вопрос о Святых местах, который, составляя лишь часть доселе не разрешенного восточного вопроса, имеет значение более политическое, нежели религиозное, и не трудно предвидеть, что срок его разрешения, сколько ни стараются по-видимому отдалить его, приближается. Рим давно уже предвидел это и на восстановление в Иерусалиме Патриархата (возникшего при крестоносцах и окончившегося вместе с их изгнанием) можно смотреть как на духовное средство к разрешению вопроса о Святых местах. Не трудно догадаться, что побуждением к восстановлению Патриархата со стороны Папы было желание объединить и слить в одно целое влияние государств католических в Палестине, а поставлением своего представителя устранить всякий антагонизм между католиками, усилить их согласием и сильнее подкрепить их общие интересы. Но последствия не соответствовали ожиданиям. Столь восхваляемый своими и чужими Иерусалимский Латинский Патриарх понял свою миссию не с той стороны, что зависит от его личного характера. При замечательном уме, способностях и научном образовании (он знает несколько восточных языков и вполне приготовлен к настоящему служению прежними опытами миссионерского служения), он обладает непомерным честолюбием, которое не дает ему покоя и побуждает к действиям, которые противоречат дальновидным расчетам столицы апостольской. Удивляться нечему, – недаром же сказано: уловляет Бог хитрых в лукавстве их, а хитрее монсеньора Валерги в Святом Граде трудно найти человека. Как истинный иезуит, он не устает применять их коренное правило: «разделяй и царствуй» – для утверждения своего личного влияния, пользуясь для применения его несогласиями между собою католических держав. Франция не желает поступиться для мира ни одной из своих привилегий, прежде добытых; так, например, в храме Гроба Господня только один французский консул имеет кресло (при богослужении), а консулы других католических держав не могут иметь их в том же самом (переднем) ряду; далее, все возникающие в

Иерусалиме человеколюбивые учреждения должны носить название учреждений французских, хотя бы средства к их поддержанию доставляли и другие католические державы и т. д. А через это происходит постоянное соперничество между консулами французским и австрийским. Так, граф Пиццомани (австрийский консул) никогда не бывает при служении у Гроба Господня и в церкви Бичевания, чтобы не сидеть позади французского консула де Баррера. Нежелание австрийского правительства, чтобы жертвуемые им на благотворительные заведения суммы шли во славу, ежели не на помощь той стране, которая сама меньше всех участвует в денежных пособиях, заставило австрийского консула действовать отдельно.

Вообще же австрийцы жалуются, что Латинский Патриарх со времени своего поступления на это место оказывает явно свои симпатии к Франции и дает ей во всем первенство. А французы с своей стороны полагают, что этому так и быть следует. Таким образом возник в латинской среде вопрос о Иерусалимском Патриархате, имеющий, как и все вопросы на свете, своих защитников и противников, другая сторона которого, сторона материальная, еще несравненно запутаннее. Положение Латинского Патриарха в Иерусалиме требует, чтобы он мог иметь в своем распоряжении значительные суммы для поддержания своего громкого титула как перед другими вероисповеданиями, так и перед турками. А как столица апостольская, благословляя своего питомца Валергу на вся в честь и славу папства, положительно объявила ему, что снабжать его нужными для сего деньгами не может, то он и нашелся вынужденным испросить себе у Папы благословение пользоваться из казны францисканских монастырей Святой Земли, которые, как известно, сами содержатся ежегодными милостынными подаяниями Австрии, Испании и Неаполя.

Прежде эти пособия главным образом шли от Испании: она присылала до 300 000 франков ежегодно. В последние годы цифра эта, уменьшаясь постепенно, доходит лишь до 20 000 франков. Португалия, которая высылала прежде 200 000 франков на поддержание латинских учреждений в Палестине, с некоторого времени не присылает ничего. Франция, некогда столь щедрая на религиозные пожертвования во время Карла X, присылала ежегодно лишь по 2000 франков, но и то не всегда исправно. Государи Италии, исключая Рим, также уменьшили свои подаяния. Неаполь и Сардиния, которые прежде отличались

обильными дарами, в последнее время (пред объединением Италии) присылали гораздо менее. Австрия от 1755 до 1782 года выслала 113 264 дуката. Иосиф II упразднил комиссариат Святой Земли в Вене и запретил пересылку подаяний за границу. Это запрещение продолжалось полвека. В 1842 году император Фердинанд восстановил комиссариат и позволил пересылать милостыню, которая в том году простиралась на сумму 64 249 рейхсталеров. Словом, в течение 1849, 1850 и 1851 годов сумма ежегодных подаяний, входивших в казну францисканских монастырей, простиралась до 500 000 франков (125 000 руб. серебром). Расходы превышали эту сумму, а ежегодный дефицит простирался до 25 000 франков. Итак, доходы, которых обыкновенно недоставало на покрытие огромных нужд латинских благотворительных заведений в Палестине, на милостыню, плату турецким властям и т. д., теперь должны еще покрывать расходы Патриарха и его свиты (из иезуитов). Различные платы турецким властям (бакшиши), хотя вследствие ближайшего влияния французского консульства значительно уменьшились, но все еще довольно значительны. Кроме всего этого не могло быть, конечно, приятно францисканам и ослабление их исключительного шестивекового влияния в Святой Земле властью духовного сановника, окруженного иезуитами, которым справедливо не сочувствуют францискане наравне со всеми другими монашескими орденами Латинской Церкви. Следствием всего этого было то, что Австрия перестала посылать свои пожертвования прямо в монастырскую кассу, а поручила непосредственное распоряжение ими консульству, которое уже выдает их собственно на монастырские нужды. Вероятно, по этому же поводу Испания назначила в Иерусалим особого консула и поставила монастырские доходы под его контроль. Таким образом Патриарх Латинский относительно вещественных средств по необходимости поставлен в полную зависимость от светской власти и поневоле должен будет служить ее политическим целям, чего не было во время исключительного влияния францискан. – В таком-то состоянии была в мое время латинская миссия в Святом Граде.

Теперь остается сделать краткий обзор всех заведений, от нее зависящих:

I. В Иерусалиме – монастырь Спасителя, церковь, гостиница (Casa Nuova), 28 ксендзов^[47], 32 брата, 940 прихожан мужского пола

католиков, школа для мальчиков, состоящая из двух отделений с 68-ю учениками. С 1851 года заведена и школа для девочек, состоящая под руководством трех монахинь Св. Иосифа. В храме Гроба Господня 10 или 12 ксендзов для стражи Святых мест и богослужения; число это удваивается во время нарочитых празднеств.

Латинский монастырь Спасителя в Иерусалиме – здание обширное и древнее. Церковь находится на первом этаже, также и библиотека и кельи монахов. Нижний этаж весь состоит из комнат под сводами, занятых главными складами хозяйственных вещей. Ворота железные совершенно соответствуют чрезвычайной толстоте стен, которые в случае надобности могли бы выдержать внезапную осаду и нападение. Заметим, что почти все латинские заведения в Святой Земле построены этим способом, то есть вроде укрепленных замков, – предосторожность нелишняя, по крайней мере против туземцев и черни. В монастыре Спасителя в Иерусалиме живет начальствующий над всеми латинскими монастырями в Святой Земле. По уставу ордена (францисканского) он должен быть непременно из итальянцев и, если не ошибаюсь, даже из папских подданных. Он зависит от генерала своего ордена, который имеет пребывание в Риме, и от Пропаганды. Он именуется префектом миссии в Сирии, Кипре и Египте, стражем горы Сионской и Святого Гроба, блюстителем Святой Земли, имеет право служить как епископ (*in pontifici calibus*), титулуется отцом реверендиссимусом. Второе лицо в монастырской иерархии – викарий реверендиссимуса; по статуту ордена это место должен занимать француз, но по неимению до 1852 года в братстве францисканском монахов из французов место это занимал также итальянец, а в 1852 году монсеньор Валерга с целью иметь опору в своем влиянии на монастырь или, проще говоря, с целью прибрать к рукам его денежные средства, пользуясь упомянутою статьей статута, посадил на это место француза Иосифа Арезо. Третью степень в монастыре Спасителя занимает генеральный прокуратор. Он исправляет обязанность казначея и занимается внешней и внутренней администрацией ордена. На этом месте должен быть всегда испанец.

Начальником 10 человек францискан, пребывающих посменно (через каждые три месяца меняются) в храме Святого Гроба, в мое время был по происхождению немец; он носит титул президента. Орден имеет 10 духовников, которые могут принимать исповедь на всех известных языках. Согласно статуту ордена, францискане Святой Земли могли

прежде возвращаться в свое отечество (Италию и Испанию) по истечении трех лет службы на Востоке; но с 1841 года термин этот продолжен для рядовых братьев до шести, а для миссионеров до двенадцати лет. Архив монастырский заключает в себе послужные списки всех реверендиссимусов; от водворения ордена в Иерусалиме число их от 1226 года по 1850-й простирается до ста семидесяти.

II. В Вифлееме – монастырь, церковь, гостиница, десять ксендзов, шесть рядовых братьев, 1500 прихожан и школа с девятьюстами учениками.

III. В Горней (близ Иерусалима): монастырь, гостиница, церковь на месте рождения святого Иоанна Крестителя, три ксендза, двое братьев, несколько прихожан.

IV. В Назарете – монастырь с особою (т. е. вне монастырских стен) гостиницею для пилигримов; несколько Святых мест; десять ксендзов, семь братьев; 600 прихожан латинского исповедания и 400 маронитов; школа мужская с восьмьюдесятью учениками и женская с шестьюдесятью ученицами.

V. В Тивериаде – церковь, монастырь для приема чужестранцев, один ксендз и несколько прихожан.

VI. В Дамаске – монастырь, церковь, два ксендза, один брат; 5000 прихожан разных обрядов; школа на 100 детей, кроме школы лазаритов.

VII. В Гаррисе на Ливане – монастырь, предназначенный собственно для миссионеров, прибывающих из Европы с целью обучения арабскому языку.

VIII. В Алеппе – монастырь, церковь; пять ксендзов, трое братьев; 600 прихожан.

IX. В Рамле – церковь, большой монастырь для богомольцев, пять ксендзов, двое братьев, несколько прихожан.

X. В Яффе – церковь, монастырь, гостиница, по латинскому преданию, стоящие на месте дома Симона усмаря; три ксендза, двое братьев, 200 прихожан, школа с двенадцатью учениками.

XI. В Акре – монастырь, церковь, гостиница, два ксендза, один брат, 1200 прихожан, почти все марониты.

XII. В Саиде (древнем Сидоне) – монастырь, церковь, гостиница, два ксендза, один брат, 500 прихожан.

XIII. В Бейруте – монастырь, церковь, гостиница, три ксендза, один брат, 3000 прихожан.

XIV. В Триполи – монастырь, церковь, гостиница, два ксендза, 500 прихожан.

XV. В Латакии, древней Лаодикии – монастырь, церковь, один ксендз, несколько прихожан латинского исповедания, 260 Маронитов, школа на 200 детей.

XVI. В Никосии (на острове Кипре) – монастырь, церковь, два ксендза, школа с двадцатью пятью учениками.

XVII. В Ларнаке (на острове Кипр) – монастырь, церковь, два ксендза, несколько прихожан.

XVIII. В Каире – монастырь, церковь, шесть ксендзов, три брата, 1200 прихожан, школа для мальчиков из двух отделений на 200 учеников, школа для девиц под руководством монахинь «Доброго пастыря» с шестьюдесятью восьмью ученицами.

XIX. В Александрии – монастырь, церковь, пять ксендзов, три брата, 4000 прихожан, школа с тридцатью учениками.

XX. В Файуме (в Нижнем Египте) – гостиница, один ксендз, несколько прихожан.

XXI. В Розетте – то же самое, что и в Файуме.

Из этого списка, составленного в начале 1850-х годов, видно, что в 21 стане, принадлежащем францисканской миссии в Святой Земле, или, как они себя именуют, «в миссии отцев Святой Земли», числилось 97 ксендзов, 67 рядовых братьев, а всего 161 человек; 16 приходов, 10 школ, учеников и учениц в них 694, а прихожан до 12 000 человек мужского пола. Сверх стражи над Святыми местами францисканам вверено вообще духовное попечение о всех католических общинах в вышеупомянутых местах и отправление духовных треб, как собственно для католиков, так и для всех состоящих в единении с Латинскою Церковью, как-то: маронитов, мельхитов, а также и униатов из числа коптов, армян и яковитов и несториан.

Если из вышеозначенного числа исключить тех, которые живут в Египте, Сирии и на острове Кипре, то на всю Палестину останется не более 4000 прихожан католического исповедания. Детей, посещающих устроенные орденом школы, монастыри снабжают не только учебными предметами, но и пищею, а нередко и одеждою. Один монастырь Спасителя (в Иерусалиме) содержит около восьмидесяти убогих старцев, вдов и сирот, живущих в городе, в домах, принадлежащих

монастырю. Больных пользует монастырский врач (из братии); услуга и лекарства даровые.

Богомольцы не доставляют францисканским монастырям больших доходов; притом же их бывает очень мало, и то по большей части бедных. Князь Радзивилл (XVI века) приводит в своем сочинении список десяти пилигримов, которые были одновременно с ним у Святого Гроба в 1583 году. Шатобриан приводит в этом отношении цифры тоже неутешительные для латин: в 1589 году было всего семь богомольцев латинского исповедания в Иерусалиме. Зеетцен был единственный латинского исповедания поклонник, посетивший Иерусалим на праздник Пасхи в 1806 году. Отец Жерамб пишет, что в 1831 году было четыре католических богомольца на 4000 богомольцев греческих, а именно: портной поляк из Одессы с женою, другой тоже поляк и он сам (о. Жерамб). Монсеньор Мислин (Misline) вспоминает в своем сочинении, что в 1848 году находилось в Иерусалиме кроме его шесть чужеземцев латинского исповедания, но зато в том числе было разом три католических прелата. В 1853 году на Пасху было до сорока богомольцев католиков. Но с тех пор по мере улучшения способов сообщения с Иерусалимом число богомольцев и латинских заметно увеличивается с каждым годом; во Франции образовались компании, облегчающие для желающих посещение Святой Земли. Австрийское правительство, заметив, что его католические подданные (из славян) останавливаются в греческих странноприимных домах, где сближаются с своими единоплеменниками, русскими и турецкими славянами, поспешило устроить свой странноприимный дом для ближайшего наблюдения за своими богомольцами.

Сделав очерк деятельности францисканского ордена в Святой Земле, теперь посмотрим, что сделал здесь Патриарх Латинский с 1848 года, то есть со времени водворения своего во Святом Граде? Находя его тесным для своей лихорадочной деятельности, он во время так называемой Восточной войны захватил сплою участок земли в православном арабском селении Беджала, лежащем между Иерусалимом и Вифлеемом. Бедные феллахи осадили временное жилище Латинского Патриарха и отомстили ему за свою обиду личным оскорблением. Он не преминул воспользоваться этим для окончательного завладения занятой землей в виде удовлетворения за обиду. А по окончании войны воздвигнул на столь достохвально

приобретенном месте готический замок и большую часть времени летом проводит в нем с своим клиром, посещая Иерусалим лишь изредка наездами. В своем замке он немедленно основал замкнутое училище для двенадцати арабов-католиков, из которых под руководством своих собратий иезуитов prepares будущих пособников для осуществления своих религиозно-политических целей. Но Разоряющий советы князей едва ли будет способствовать широко властолюбивым целям одного из князей Римской Церкви. Палаты Латинского Патриарха, как рассказывают посетившие оные, довольно представительны. «Мы были приняты, – пишет один католический поклонник, – в длинной зале, уставленной по обычаю восточному вокруг стен диванами. Патриарх, родом из Генуи, имеет на вид от 40 до 50 лет, высокого роста и величественной фигуры; черты лица его благородны, глаза голубые, быстрые; борода темно-рыжая, чрезвычайно длинная, упадает весьма красиво на фиолетовое одеяние; драгоценный крест на золотой цепочке украшает его грудь. Он говорит по-французски свободно, как француз; все восточные языки знакомы ему хорошо. Будучи еще молодым, он исходил Азию вдоль и поперек и отличался в миссиях энергиею и мужеством. Два раза в пустыне впал в руки туркменов, которые, поразивши его копьем, оставили полумертвым, и потому во всей фигуре монсеньора Валерги проглядывает миссионерская смелость и уверенность». Что касается до внешности г. Валерги, – этот портрет верен.

Его иерусалимский дом боковым своим фасадом выходит на главную иерусалимскую площадь, а с другой стороны отделяется узкою улицею от дома греко-унитского Патриарха Климента^[48], который в конце моего пребывания в Иерусалиме, т. е. в 1859 году, был вынужден, по поводу смут происшедших между греко-унитами (мельхитами) от насильственного введения у них латинского (григорианского) календаря, сперва сложить с себя звание Патриарха и удалиться в монастырь, а потом приехал в Иерусалим, откуда монсеньор Валерга повез его обратно в Дамаск водворять на пошатнувшейся кафедре. Вследствие этого волнения часть греко-унитов с несколькими епископами отделилась от своего Патриарха и стала было помышлять о воссоединении с Православной Церковью; но племенные неудовольствия против греков не позволили им сделать это безусловно. Торжественная поездка начальника русской духовной миссии в Дамаск

и свидание с ним некоторых отложившихся от своего Патриарха греко-унитских епископов возбудили у них и их паствы надежду иметь в русских посредников своего воссоединения с Православной Церковью. Дело это, как известно, кончилось лишь присоединением одного архимандрита Джибарры с небольшою паствою, для которой пособием русской миссии устроена в Бейруте небольшая церковь, и хотя обратившиеся доселе еще нуждаются в опоре духовной и материальной, не пристав к грекам и не получив всего того, что обещано русскими, но в свое время дело это сильно встревожило и Валергу, и иезуитов, и французского консула, а дамаская резня подоспела очень кстати, чтобы уничтожить опасения латин и надежды греко-унитов.

Дом греко-унитского (мельхитского) Патриарха в Иерусалиме построен прочно и удобно. Церковь большая, с открытым алтарем. В приемной комнате, убранной по-восточному диванами, висит портрет первого греко-унитского Патриарха Максима, который, отделившись от Греческой Церкви (в XVIII столетии) по желанию образовать самостоятельную арабскую иерархию и войдя для сего в унию с Римом, в продолжение всего долгого управления своего действовал так умно и уклончиво, что ни под каким предлогом не допускал латин вмешиваться ни прямо, ни косвенно в дела своей паствы. Латины терпеливо переносили это, но едва умер Максим, на место его был назначен из Рима духовною главою образованной им иерархии нынешний Патриарх Климент, воспитанный в иезуитской коллегии, человек недалекий по способностям, с слабым характером, который и сделался таким образом покорным орудием в руках Рима и его клеветов. История унии везде одна и та же!.. Лесть вначале, потом терпеливое выжидание благоприятных обстоятельств и наконец насилие.

Папа при назначении монсеньора Валерги в звание Латинского Иерусалимского Патриарха дал ему привилегию посвящать в рыцари Гроба Господня. Как слышно, прелат этот имел намерение употребить это средневековое учреждение для того, чтобы увеличить число если не защитников Святого Гроба, в которых он теперь не нуждается, то по крайней мере защитников папства, о чем так усердно хлопочут все иезуиты и вместе и каждый порознь. В этом духе он изменил статут этого ордена, почему главные обязанности новопосвященных рыцарей

ныне состоят в следующем: слушать Святую Литургию сколь возможно чаще и подвизаться явно и мужественно в защите Латинской Церкви и ее духовенства; вразумлять (?) всех касательно вопроса о Святых местах и прав (?) латинов в Палестине: избегать дуэлей, ссор, споров и поступать в духе христианской любви и послушания. Обряд принятия в звание рыцарей Святого Гроба описал подробно Шатобриан и по следам его наш паломник А. Н. Муравьев; обряд отправляется и теперь тем же самым порядком в нескольких шагах от Гроба Господня и с тем же самым мечом в руках, принадлежавшим вождю первых крестоносцев Готфриду Бульонскому, от которого, по свидетельству самих латинских историков, так рознились последующие. Что же сказать о нынешних рыцарях, посвящаемых монсеньором Валергою? Не похоже ли это посвящение скорее на кощунство, мало приличное времени и вовсе не приличное месту, где оно совершается? Впечатление же, производимое зрелищем этого латинского иезуитского представления, малым чем разнится от впечатления, производимого комедийным зрелищем так называемого плача иерусалимских евреев у останков ограды Соломонова храма (о чем см. ниже). Но авторы обоих этих зрелищ имеют в виду лишь один эффект, а до остального им нет дела!

Мусульманской квартал в Иерусалиме

Мечети Омарова и Ель-Акса. – Место Омаровой мечети. – Судьба иерусалимского храма, воздвигнутого Соломоном, восстановленного Зоровавелем и возобновленного Иродом. – Основание Омаровой мечети. – Обращение ее в христианскую церковь при крестоносцах. – Упразднение церкви при Саладине. – Трудный доступ к мечети. – Наружный и внутренний вид ее. – Пещера. – Мечеть Ель-Акса на месте древней христианской церкви. – Подземельная часть мечети. – Ворота золотые и красные. – Замок Антония.

Иерусалимские магометане или мусульмане живут главным образом около своего заветного святилища – мечети Омара, как известно, построенной на месте древнего Соломонова храма; это большею частью пришельцы, перемешанные с природными арабами, но с течением времени вовсе переродившиеся в арабов. Число их по вышеписанному равняется числу евреев – от 8 до 10 тысяч.

Сошед с Сиона, вступаете на гору Морию, славную – как показывает самое название, которое означает «видение Господа» (Быт 22, 14), – место, соответствующее древнему Салиму Мельхиседека, указанное, по преданию, Аврааму на тот конец, дабы здесь он принес в жертву сына своего Исаака, хотя другое предание переносит вышеупомянутую жертву то на Голгофу, то на гору Гаризин, то на гору Фаворскую. Но как бы ни было, известно положительно, что мечеть Омарова стоит на том самом месте, которое некогда было указано Господом Давиду для построения храма, что было исполнено лишь Соломоном.

Соломон, обратившись к Хираму, царю Тирскому, получил позволение рубить ливанские кедры, призвал в Иерусалим финикийских мастеров и зодчего для управления работами: 10 000 человек ежемесячно трудились на Ливане, 60 000 свозили и сносили материалы к месту их назначения, 80 000 ломали камень для фундамента; камни эти имели до 70 футов (10 сажень длины). Все доставлялось уже совершенно готовое на гору Морию: там не было ни

стука молота, ни визга тесла или пилы, ни ударов секиры, словом – не было слышно никакого железного орудия. Работою заведывал Хирам, уроженец тирский: мастерские были устроены в Иорданской долине, где и теперь еще указывают огромные выемки и насыпи глины, из которой делали формы для сосудов храма. Фундамент храма заложен за 1008 лет пред Рождеством Христовым, а строение его продолжалось семь лет.

Вершина горы, на которой воздвигалась святыня, имела 1025 футов в квадрате; теперь она имеет 1500 футов длины и 900 ширины. Вся площадь храма была окружена стеною в шесть локтей вышины и толщины. С каждой стороны величественный портик приводил в первое отделение, назначенное для язычников и нечистых из евреев. Во втором отделении Израиль отправлял свои молитвы; в нем (вокруг всего храма) шли колоннады и галереи. Третье исключительно было назначено для левитов. За сим уже следовал самый храм – каменный, стоявший в направлении с востока на запад, длиною в 60 локтей, шириною 20, вышиною в 30; он состоял тоже из трех частей: притвора, Святая и Святая Святых. В Святая входили священники два раза в день для каждения; в Святая Святых мог входить лишь один первосвященник и то только однажды в год. Там стоял Кивот Завета. Все части этого здания были выложены кедром пышной резьбы; полы мраморные; внутренние украшения отменной работы, блистали золотом. Вот в кратких чертах храм Соломонов на горе Мории, обстоятельное описание которого сообщает нам Св. Писание в третьей книге Царств в V главе.

Он простоял 400 лет. Пророк Иеремия предсказал его опустошение, ибо евреи поставили идолов в дому, в котором возглашалось имя Иеговы, и тем осквернили дом сей. Пророчество это сбылось в 588 году пред Рождеством Христовым, когда Навузардан, военачальник войска царя вавилонского Навуходоносора, прибыл в Иерусалим и сжег дом Господень. Народ еврейский был отведен в плен, в котором оставался 70 лет. Только Кир, царь персидский «повеле проповедати во всем царствии своем и писаньми, глаголя сия глаголет Кир царь Персский: вся царства земная даде мне Господь Бог небесный, и той повеле ми, да созижду ему дом в Иерусалиме, иже в Иудеи. Кто в вас от всех людей его? и будет Бог его с ним, и да въздет во Иерусалим, иже в Иудеи; и да созиждет дом Богу Исраилеву. Той есть Бог, иже во

Иерусалиме. И всяк оставшийся от всех мест, идеже той обитает, и да помогут ему мужи от места его серебром и золотом, и сосуды и скоты, с добровольными обещаниями приесут в церковь Божию, яже во Иерусалиме» (1 Езд 1, 1–4). И вторично евреи начали созидать святыню Господню на горе Мории, и снова Ливан доставил им кедры, а Тир ремесленников, и опять воздвигнулось святилище, но Святая Святых уже не вмещало в себе Кивота Завета, ибо Иеремия сокрыл его в пещерах горы Небо, или, как утверждает Талмуд, он был сокрыт в потаенных пещерах горы Мории; во всяком случае место его сокрытия осталось неизвестным. Языческие писатели свидетельствуют, что при взятии Иерусалима Титом святейшее место было пусто. Второй храм был посвящен Иегове в шестой год царствования Дария, а следовательно в 516 году пред Рождеством Христовым.

Сие-то вторично воздвигнутое святилище посетил Александр Великий около 332 года пред Р. Х. Он осаждал Тир и послал к евреям, призывая их к покорности и присылке подкреплений. Первосвященник Адуй отговорился присягою на верность персам. Но для Александра было недостаточно такого ответа: он овладевает Тиром, входит в Палестину, низвращает все на своем пути и является под стенами Иерусалима. Тогда первосвященник, одетый в белые ризы, увенчанный цветами, окруженный священниками и народом, приказывает отворить городские ворота и отправляется в стан победителя. Едва Александр увидал первосвященника с кидаром на главе, на котором блестело вышитое золотом имя Иеговы, он поклонился пред ним. «Я отдаю честь не человеку, но Богу», – сказал он своей свите. Вступив в город, он отправился в святилище и принес жертвоприношение Богу сообразно с иудейским законом; а потом двинулся далее с своим войском, дозволив иудеям жить по своим законам и освободив от подати в годы субботние. В истории встречается прекрасное повторение этой великой сцены в 452 году христианской эры, когда пред святым Папою Львом преклонился дикий вождь гуннов Аттила!... Но по смерти Александра Македонского иудеи много терпели от его преемников, царей египетских и сирийских. Антиох Епифан, царь Сирийский, «взыде на Израиля, и на Иерусалим в народе тяжце. И вниде во святилище с гордынею, и взя олтарь златый, и светильник свещвый и вся сосуды его... и сокруши вся... и сотвори убийство великое в людях и осквернил святилище и поставил в нем идолов» (1 Мак 1, 21–25, 37,

45). Идол Юпитера заступил место Иеговы на горе Мории, пока по долгих войнах не очистил ее Иуда Маккавей.

Наконец Помпей, взявши Иерусалим в 63 году пред Рождеством Христовым, вошел со свитою своею в святилище и даже во Святая святых: «вошел, – пишет Тацит, – по праву завоевателя, но не нашел в нем никакого Бога (разумея кумира): там было совершенно пусто». Он позволил евреям воздавать честь Иегове по своему закону.

И стояло святилище, построенное по возвращении из плена Вавилонского, 497 лет, т. е. до 19-го года пред Р. Х., до 18-го года царствования Ирода. В это время Ирод, желая угодить евреям, обновил его с таким богатством и светлостью, что не осталось почти ничего из дела Зоровавеля. Площадь, на которой оно стояло, расширил, окружил гору Морию тройною стеною и употребил на это камни в 40 локтей длины. О них-то сказал Христос, что не останется здесь камня на камне (Мк 13, 1). На служение этому святилищу посвятили родители трехлетнюю Марию: в этом святилище позже Мария принесла пару горлиц в жертву за Сына своего, а святой старец Симеон, взявши Его на руки, благословил Господа за то, что позволил ему узреть Спасителя мира. В этом святилище бывал на Пасхе отрок Иисус с Своими родителями; в нем он учил учителей закона, будучи дванадцатилетен. На кровле этого святилища был искушаем от диавола; из этого святилища выгнал бичом продающих и покупающих; здесь простил жену блудницу; здесь постыдил фарисеев, которые думали уловить его вопросом о дани; здесь обратил внимание на лепту вдовицы; сюда наконец имел торжественный вход за несколько дней пред Своей крестною смертью...

И стояло это третье (обновленное Иродом) святилище 77 лет. Тит, взявши северную часть Иерусалима, хотел пощадить храм по причине его величия. Пожар от горы Акры уже достигал портиков. Тит приказал его погасить. Римляне бросаются на помощь. Евреи, которые укрылись во святилище с приближением легионов, не зная о сущности их намерения и обороняя святое место, вступают с ними в отчаянную борьбу. Тогда один из воинов, «покорствуя силе Божией», как пишет сам историк еврейский Иосиф, бросает горящую головню через окно внутрь святилища. Огонь попадает в одну из самых внутренних комнат, ширится с невероятною быстротою и вскоре обращается в огромный пламень. Прибегает сам Тит с вождями и войском, сам распоряжается

защитой храма и, полагая, что огонь еще не проник внутрь, врывается в святилище во главе солдат, разгоряченных битвою и пылающих мщением. В это самое время пламень уже объял внутренность храма; множество евреев, спасаясь от огня, с отчаянием бросаются на солдат; возникает неслыханная резня, пока все святилище не рухнуло с шумом страшным, как гром исполнившегося пророчения...

Протекло 1130 лет с того времени, как Соломон начал созидать дом Божий, и не прошло 40 лет с тех пор как Христос сказал: «аминь глаголю вам: не мимо идет род сей, дондеже вся сия будут» (Мф 24, 34). И точно, в эпоху осады Тита были люди в Иерусалиме, которые еще помнили Христа и видели разрушение храма, и между ними святой Симеон, тогдашний Иерусалимский епископ. С того времени гора Мориа, покрытая вторично развалинами, стала частью города Елии Капитолины. Но через триста лет после Тита вздумалось цезарю Иулиану пойти против предречений Божиих и возобновить храм Иерусалимский. По приказанию богоотступника правитель Иерусалима Алиний сзывает евреев в Иерусалим и помогает им всем могуществом, которое доставляли римлянам богатство, науки, сила и антихристианский фанатизм цезаря: все напрасно. Напрасно евреи начали воздвигать здание с отличающим их терпением, напрасно жены их и дочери бросали в общую сокровищницу все свои драгоценности для достижения столь дорогой для их сердца цели; напрасно старцы и даже дети трудились в этих развалинах; сами языческие писатели, и между ними Аммиан Марцеллин, военачальник в службе цезаря Иулиана, подтверждают, что ужасные явления – огни, выходившие из развалин и обломков, землетрясения, поглощавшие разом по несколько работников, – вынудили отступить от сего намерения. Отступник Иулиан принужден был в минуту смерти воскликнуть: ты победил, Галилеянин!

Так в течение с лишком шести веков оставалось в запустении место бывшей святыни Соломона, ибо евреям не удалось восстановить святилище, а христиане поставили церковь лишь в той части горы Мории, где Богоотроковица Мария была посвящена на служение Богу, – церковь, занимающую южную сторону Иродова храма.

Лишь в 636 году, когда мусульмане овладели Иерусалимом, очищены развалины, занимавшие гору Морию. Калиф Омар прибыл в Ель-Кодс в виде странника – хаджи, одетый плащом из верблюжьей

шкуры. Он посетил святые места: в самый полуденный час был в храме Гроба Господня. Требовал от Патриарха Софрония, который сопровождал его, чтобы тот показал ему место, где бы он мог совершить свою молитву – намаз.

– Здесь, великий вождь, здесь преклони колена и воздай хвалу Богу, – отвечал Патриарх.

Омар отклонил это предложение и вышел из храма. Под открытым небом сбросил с себя плащ, и опустясь на колени молился на нем. Когда же окончил молитву, сказал Патриарху:

– Я не хотел молиться в твоём храме. Везде, где молился Калиф, мусульмане ставят свою мечеть. Они бы отобрали у тебя место, которое я хочу тебе оставить. Прикажи показать мне камень, на котором почивала голова Патриарха Иакова во время его чудесного видения.

Места этого нельзя было указать в Иерусалиме, ибо, насколько сохранялось предание о нем, оно находилось в Вефиле в окрестности Сихема, нынешнего Наплуза; но ему указали на гору Морию и на ней место прежней святыни Соломона; ибо по еврейским преданиям камень

тот был перенесен в святилище и на нем стоял Кивот Завета во Святая Святых. Смутился Омар, видя такое место покрытым развалинами и сметием; тотчас же приказал его очистить и воздвиг мечеть, одну из прекраснейших во областях Ислама. Назвал ее Ель-Сакраг, то есть скала, вероятно в честь камню Иаковлеву. Мечеть эта пользуется у мусульман известностью и почитанием наравне с мечетями в Медине и Мекке. Наследники Омара окончили здание Ель-Сакраг. Когда крестоносцы овладели Иерусалимом, они обратили великолепную мечеть Омара в христианскую церковь, и легат Папы Иннокентия II освятил ее в начале двенадцатого века. В это время и посетил сей храм наш паломник, игумен Даниил, который в своем «Страннике» оставил верное и любопытное описание его. «А святая святым, – пишет он, – от Воскресения Христова (то есть от храма Гроба Господня) вдаль яко двою дострелит муж. И есть церковь Святая Святым дивно и хитро вельми создана, и красота ее несказанна: есть бо кругла образом, и страшно видети, и мусиею изовну исписана дивно несказанно, стены ее помощены досками мраморными драгого мрамора, красно вельми. Столпов же имать под верхом (под куполом) стоящих 12 облых, а под полатами 12 облых же, а задних (т. е. пилястров) восемь. Двери же имать четыре побиены медью злаченою. Под верхом же тем самым есть пещера в камени иссечена: в той пещере убит бысть пророк Захария: ту гроб его бысть и ныне же несть его ту. Ин камень есть близ пещеры тоя, под верхом (т. е. под куполом). На том камени Иаков спал, и ту сон видел: и лествица, утверждена бяше на земли, еяж глава досязаше до небеси и Ангели Божии восхождаху и нисхождаху по ней, Господь же утверждашеса на ней; туж убо брался Иаков со Ангелом: воста Иаков и рече: се место дом Божий и врата небесныя суть. На том же камени пророк Даниил виде Ангела стояща со оружием нагим и секуща люди Израилевы. И влезь Давид в туж пещеру, плакась горько молясь к Богу: „Господи, не овца согреши, но аз”. Есть церковь та всямо окачна (округла) сажень 10-ть поперег в ширину и в длину и в пещерке подле, входы ж четыре имать. Ветхая церковь Святая святым разорена есть от поганых, и несть ничтоже ветхого здания Соломонова знать, но токмо ров церковный, еже почат было пророк Давид созидати. Она ж пещера и камень, иже под верхом (куполом)^[49] церкви, то есть ветхого здания только. А сию церковь нынешнюю создал старейшина от Срацын именем Амир (Омар)».

В 1187 году, когда крестоносцы были изгнаны из Святой Земли и Иерусалим снова впал в руки неверных, Саладин, по свидетельству мусульманских писателей, вошел в Ель-Сакраг и, взявши в руки метлу, сам начал выметать храм. Потом все стены его были обмыты розовой водою, и все здание, как извне, так и изнутри, приведено в прежнее состояние. На куполе мечети стоял большой золотой крест. В день штурма Иерусалима несколько мусульман взобрались наверх, чтобы его сбросить оттуда. «В эту минуту, – пишут арабские хроники, – остановилась борьба и глаза всех христиан и мусульман обратились в одну сторону, – все взгляды сошлись в одном пункте. Крест упал, – один крик пронесся по городу и окрест его, крик радости и триумфа у читателей Ислама, – страха и отчаяния у христиан, – и эхо этого крика было ужасно; казалось, что вселенная потряслась в основаниях своих»...

С этого времени и доселе непрерывно блещет полумесяц на горе Мории; с этой эпохи и доступ к мечети Омара воспрещен христианам под угрозой смерти, в знак чего пред двумя воротами, ведущими на ее двор из города, над самою главою проходящих, висят на шнурках камни. Только фирман падишаха из Стамбула отворяет в нее вход для знатных или богатых посетителей Иерусалима, – но до недавнего времени и посещение с фирманом не обходилось без приключений.

Так рассказывают, что когда посещавший эту мечеть, по фирману из Царьграда, принц жуанвильский еще медлил внутри ее с несколькими адъютантами, паша иерусалимский, сопровождавший его с видимою неохотою, сказал:

– Теперь, как ваше высочество все осмотрели, мне не остается ничего более как исполнить то, о чем фирман падишаха позволяет мне догадываться.

– Что же это такое? – спросил принц.

– Фирман говорит только о допущении в мечеть, но умалчивает о том, имеет ли нога гяура, которая преступила порог Ель-Сакраг, право выйти из нее, – сказал суровым голосом турок.

Смущение адъютантов принца легко себе представить. Несколько из них схватились за свои шпаги. Их движению отвечал скрип затворявшихся врат мечети.

Принц жуанвильский не потерял присутствия духа. Он остановил знаком руки порывистый жест своих товарищей.

– Успокойтесь, господа, – сказал он, обращаясь к ним, – я здесь под высшею протекциею, нежели та, которую могли бы мне доставить ваши шпаги. Меня защищает честь султана и имя Франции.

– Вы совершенно правы, принц, – сказал турок, поглаживая обложенную драгоценными камнями рукоять дамасской сабли, – ибо на французскую шпагу отвечала бы мусульманская сабля: им уже не раз приходилось встречаться на этом месте. Но не относись ни к чести султана, ни взывай к имени Франции. Не помогло бы тебе ни то, ни другое. Помни, что то не в Египте у Мегмета-Али, которым помыкает Франция. Честь – это праздное слово наряду с Кораном. Но сам Коран защищает принца. Ты в дому Аллаха, а Магомет пророк его, принимал тебя, как своего гостя. – И по данному знаку отворились врата мечети.

Вероятно, что анекдот этот или придуман весь, или приукрашен наполовину мусульманскою похвальбою; передаю его, как слышал от одного из иерусалимских мусульман; но что посещение христианами мечети Ель-Сакраг не нравится ее стражам, это не подлежит никакому сомнению. Я имел редкий случай побывать в мечети во время посещения ее нашим Великим Князем Константином Николаевичем в 1859 году. С ним проникли в заветное святилище мусульман не только все русские богомольцы, но едва ли не все христианское население города и даже жида. Это последнее обстоятельство очень оскорбило правоверных. На возвратном моем пути из Иерусалима (в том же 1859 году) ехал на нашем пароходе один из мулл этой мечети, провожавший царственного гостя при ее обозрении. Я вступил с ним в разговор, в котором он относительно посещения христианами их мечети выразился так: «Это бы еще ничего, что христиане посетили наш храм, – они освятились через это, но досадно, что с ними вместе пробрались и евреи. Это мы им никак не простим, и первый раз, как что-нибудь случится в Иерусалиме, мы перебьем их всех». До последней войны России с Турциею многие из европейских путешественников получали и в самом Иерусалиме позволение посещать Омарову мечеть. Но во время самой войны союзники Турции англичане и французы слишком злоупотребляли их снисходительностью в этом отношении (например расхаживали с сигарками); это разожгло фанатизм улемов и было причиною, что по восстановлении мира вход в мечеть сделался снова труднодоступен.

Однако и теперь мечеть Омара можно видеть удобно издали с Елеонской горы, а вблизи с верхней террасы здания, стоящего на том месте, где был прежде дворец Пилата. В этом здании ныне казармы турецкой пехоты и квартира командира турецкого гарнизона в Ель-Кодсе. В нашу бытность должность эту занимал полковник, который был в плену в России, будучи взят под Карсом, и потому знает несколько русских обыденных фраз; от него наши богомольцы легко могут получить дозволение входа на террасу через посредство драгомана консульства или миссии. Вот что вы увидите оттуда: Ель-Сакраг стоит на обширной площади, имеющей около 500 шагов в квадрате. Двенадцать портиков, в разных и неравных расстояниях поставленных, ведут к мечети. Портики эти состоят из нескольких аркад, и на них иногда другой ряд колонн. Мечеть занимает самую средину площади и стоит на возвышении, вымощенном мраморными плитами, на которое со всех четырех сторон вступают по восьми мраморным же ступеням. Обок мечети систерна или водоем, служащий мусульманам для их законных омовений перед молитвою. Несколько вековых деревьев, кипарисов и маслин, местами разбросаны между портиков, – вот общие черты этого малодоступного для христиан места. Форма самой мечети восьмигранная, с трибуном или фонарем, тоже восьмигранным, имеющим по одному окну в каждой грани; она накрыта куполом, который прежде был из позлащенной меди, а теперь оловянный. Легкий минарет, оканчивающийся полумесяцем, как бы стремится в высоту. Каждая из восьми стен мечети имеет 32 шага, вышина же всего здания около 90 футов. Стены извне обложены мраморными разноцветными плитами, которые украшены арабесками и позолоченными стихами из Корана. Издали все цвета сливаются в один и все здание представляется окрашенным в темно-голубой цвет. Двери с северной стороны украшены портиком из восьми мраморных колонн; в три другие входят прямо с верхней площадки. Эта мечеть по легкости и изяществу своей архитектуры несомненно принадлежит к лучшим остаткам арабской архитектуры. Вся верхняя платформа (на которой стоит мечеть и на которую всходят со всех сторон по крыльцам о восьми ступенях) выложена блестящим мраморным полом, который в лучах полуденного солнца отливает каким-то фантастическим блеском и бросает особый отсвет на небесно-голубой цвет мечети.

Издравле желание проникнуть в эту мечеть составляло предмет особого любопытства для европейцев, и многим смельчакам, хорошо знакомым с обычаями востока, удавалось это с помощью бакшишей и переодевания. Но все они утверждают (и справедливо), что мечеть Омара несравненно любопытнее для глаз извне, чем внутри, с чем соглашаются и сами турки. Каждый вход имеет украшенные пышною резьбою двери и за ними шесть колонн мраморных и порфировых с пьедесталами и капителями. Вся внутренность выложена мрамором, даже и помост состоит из разноцветных мраморных плит, большая часть которых, равно как колонны и даже олово, употребленное на покрытие купола мечети, взяты мусульманами из Вифлеемского и других ограбленных мусульманами христианских святилищ. В помосте храма под самым куполом (т. е. в самой середине храма) виден огромный многоугольный камень как бы из черно-серого мрамора, несколько возвышающийся над поверхностью пола (в рост человека) и имеющий два с половиной фута в квадрате. Камень этот огражден золоченою решеткою, и на нем в разных местах помещены предметы священные для поклонников лжепророка, например: щит Магомета, знамя и огромный меч Али, копье Давидово (?), подлинная рукопись Корана, седло кобылицы Ель-Борак и т. п. В самом камне видны 23 дыры, в которых, как заметно, прежде были вбиты гвозди; два из них остались и до сих пор. На что они могли служить, то неизвестно и самим мусульманам. По мусульманским баснословиям этот камень послужил ступенью для их лжепророка Магомета, когда он прибыл из Аравии в Иерусалим в своем (мнимо) воздушном путешествии в Рай на кобылице ель-Борак, чтобы в беседе с Аллахом устроить дело Ислама. При посещении Омаровой мечети муллы не преминут обратить внимание христиан на пещеру, находящуюся под одним из более выдающихся углов вышеописанного камня. При входе в пещеру камень поддержан с двух краев двумя малыми колоннами из белого мрамора; они утверждены косвенно в пол и камень. Такое положение камня (служащего своим выдающимся углом потолком для этой пещеры) и подало повод к известной мусульманской басне, будто бы этот камень держится на воздухе сам собой. Сход в пещеру по восьми ступеням из белого мрамора. Пещера эта, называемая магометанами сходом в подземное царство душ, есть не что иное как квадратная комната шагов в восемь пространства и немного выше человеческого роста; она грубо

оштукатурена, кроме потолка, который образован камнем. При самом ходе, направо, показывают выделанное в скале седалище Гаруна или Аарона, брата Моисеева, и над ним впадину в потолке, сделанную будто бы головою Аарона, который по своему росту не вмещался в пещере; тут же показывают место Авраама, Давида, Соломона, Архангела Гавриила и святого Иоанна (по мусульманским преданиям, очевидно заимствованным у евреев). Наш игумен Даниил сообщает предание, что в этой пещере был убит Захария, сын Варахиин. В этой пещере хранится священная для мусульман одежда Фатимы, дочери Магомета.

В самом юго-западном углу ограды двора Омаровой мечети возвышается другое большое здание, а именно мечеть Ель-Акса (отдаленная); это древний христианский храм во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Ибо, согласно церковному преданию, известно, что родители трехлетней отроковицы Марии по обету ввели ее во храм и что она была там воспитана. Константин Великий построил этот храм, который позже перестроил и украсил Иустиниан. Храм этот имеет форму базилики, т. е. образует расположением своих частей правильный четверосторонний крест; внутри он разделен мраморными колоннами на три части, из коих боковые ниже средней; крыша свинцовая; потолок храма из негниющих ливанских кедров. Над перекрестием возвышается большой и красивый купол. Словом, и по наружному своему виду, и по внутреннему расположению частей храм этот много походит на Вифлеемскую базилику, и уже одно это свидетельствует о его древности. Однако все это массивное здание много проигрывает, будучи прижато к самой оградной стене; стоя близ легкой арабской мечети, оно кажется в сравнении с нею тяжелым и мрачным. На месте древнего христианского алтаря стоит миграб – мусульманская кафедра резная из дерева; за ее сквозною перегородкой в стене две ниши (углубления). На исподи первой ниши, что на правой стороне, напечатлены на простом камне следы одной стопы человеческой, а во второй нише камень, носящий отпечаток двух малых стоп. Первая, по местному преданию, есть след одной стопы Господа нашего Иисуса Христа (по-мусульмански пророка Исы), перенесенный сюда (мусульманами) с вершины горы Елеонской, где остался отпечаток другой Божественной стопы. Другие два следа, по преданию,

принадлежат Пресвятой Деве отроковице Марии (Мариам), здесь обитавшей до своего обручения Иосифу.

При посещении этой мечети (в 1859 году в бытность здесь Великого Князя Константина Николаевича) меня особенно заняла подземная часть бывшего храма, старания проникнуть в которую оставались для многих тщетными. Мне удалось это, и я прошел до самой восточной стены здания; это подземелье длиною и шириною своею соответствует длине и ширине храма, хотя и находится не непосредственно под ним, а сбоку его среднего отделения: в него сходят сперва по ступеням, а потом они прекращаются и начинается пологий земляной спуск.

Два ряда массивных гранитных колонн поддерживают своды, разделяя и подземелье, как верхний храм, на три части; стены и колонны обелены известью; толщина колонн увеличивается по мере приближения к южной (поперечной) стене храма, в которой находятся два монолита толщиной более двух охватов, несомненно принадлежащие к еврейскому периоду. Имеет ли это подземелье боковые ветви и связывается ли с теми, которые по слухам находятся под всею площадью двора Омаровой мечети, утвердительно сказать не могу; ибо, дойдя свободно до южной стены подземелья в полумраке, назад мы должны были возвратиться почти бегом, услышав за собою скрип тяжелых дверей, которые тщетно осаждала толпа любопытных. Ревнивые мусульмане, кроме нескольких человек (в числе которых был и я) более не пустили никого в подземелье и тотчас по выходе нашем заперли двери. Впрочем, проходя вдоль подземелья, ни по сторонам его, ни в восточной стене никаких дверей, ведущих в какие-либо боковые отделения, мы не заметили. Это однако не мешает считать несомненным существование подземных водохранилищ под площадью Омаровой мечети, о которых вспоминает наш Даниил паломник, вероятно видевший их, говоря: «ту воды многи суть исподи»; мусульмане же хранят их в глубокой тайне, а наипаче от христиан. Воды эти проведены из так называемых «Соломоновых прудов», и желающему нетрудно проследить и вблизи самого Иерусалима направление подземного водопровода, доставляющего их в ограду Омаровой мечети.

По выходе из мечети Ель-Акса царственный посетитель (В. К. Константин Николаевич с супругою, сыном и большою свитою), а за

ним и вся группа сопровождавшего его народа направились к так называемым Золотым воротам, которые находятся против восточных дверей Омаровой мечети в городской стене. Мусульмане называют их вечными; они заложены наглухо еще при Омаре, в силу обращавшегося между магометанами предания, что в эти ворота некогда войдет христианский победитель мусульман. Это предание распространилось, вероятно, потому, что, как известно, через эти врата въехал в Святой Город при кликах «осанна сыну Давидову» Царь славы Христос – победитель не только мусульманского лжеверия, но и всех прочих заблуждений. Кто знает, может быть и действительно суждено чрез них же войти некогда в Святой Град и другому победителю «от мира сего», который в завоевании Иерусалима будет иметь не политическую, а религиозную цель, чтобы на развалинах мусульманского владычества основать царство мира, любви и свободы, не лжеименной, а христианской. А такого победителя доселе не перестает чаять весь восток, поработенный турецкому фанатизму, европейским интригам и корыстолюбию! Во время владычества крестоносцев ворота эти открывались лишь один раз в году, а именно во время вербного Воскресения для процессии «входа в Иерусалим», ежегодно повторявшейся в память сего события с тою пышною обстановкою, которая перешла было и к нам на север в период патриаршества.

Посетивший Иерусалим в начале владычества крестоносцев, наш игумен Даниил оставил нам описание «златых врат» в следующих чертах: «те врата пророк Давид сотворил и хитро-ж суть сделаны, медью позлащенной были покованы, изну подписаны были хитро по меди, изовну железны покованы были твердо; двери суть 4-е у врат тех. Та бо суть врата осталось только ветхого здания, да столп Давида, а ино все есть ново здание». Мы прибавим к этому, что в воротах сих двойной свод, освещаемый сверху; он поддерживается древними мраморными колоннами и разделяет ворота на две половины, из коих одна служит для въезда, а другая – для выезда. С правой стороны их у стены мусульмане показывают место трона Соломонова. Место же трона Давидова находится, по их указанию, против восточных дверей мечети Омара и означено красивой восьмигранной часовней во вкусе мечети, с полукруглым куполом, поддерживаемым двумя рядами колонн коринфского ордена^[50]. Под куполом водоем, который служит

для религиозных мусульманских омовений перед входом в мечеть на молитву.

Из трех остальных ворот, ведущих в ограду Омаровой мечети, замечательны ворота, называемые красными или апостольскими. Они также накрыты длинным, но одиноким сводом и ведут на двор Омаровой мечети с северной стороны, изнутри города. С ними соединяется воспоминание о том, как апостолы Петр и Иоанн исцелили сидевшего в них нищего, хромого от рождения, сказав ему: «злата и серебра не имамы, а еже имеем, даем: во имя Господа Иисуса Христа, встань и ходи». Против сих ворот находятся развалины башни Антония, напоминающей времена римского владычества; под сводом, соединяющим ее со зданиями, которые окружают с северной стороны двор Омаровой мечети, проходит улица, ведущая к городским Гефсиманским воротам. Упомянутая башня или замок построена первосвященником Гирканом Маккавеем: он жил здесь сам и хранил в особом покое одежду первосвященническую, а оттуда и произошло предание, что будто и Ирод и римляне, даже до Тиверия кесаря, хранили в этом замке первосвященническую одежду. Ирод обновил, увеличил, укрепил и украсил этот замок Гиркана и назвал его в честь своего друга, триумвира Марка Антония, замком Антониевым. Он был обведен со всех четырех сторон стеною и имел посреди несколько башен, над коими высилась одна средняя (остатки-то ее и существуют поныне), с которой можно было видеть весь двор храма. Во время владычества римлян здесь постоянно находился крепкий гарнизон, который в пору еврейских празднеств значительно усиливался и бдительным оком наблюдал за действиями народа, собравшегося на дворе храма, будучи готов на немедленное уничтожение всякого покушения к бунту против римлян; восстаниям же этим наиболее всего благоприятствовало большое стечение народа к празднику Пасхи. Турки наблюдают ту же политику и в отношении христиан, усиливая всегда иерусалимский гарнизон к празднику Пасхи, из войска, в Дамаске расположенного. – Остальные примечательные места в Мусульманском квартале мы обозрим при описании Страстного пути, большая часть которого проходит по этой части города.

Протестанты иерусалимские

Храм для членов англо-прусской епархии. – Александр и Гобат, англо-прусские епископы в Иерусалиме. – Обращение евреев и издание Библии. – Отношение к английскому консульству. – Успехи американской миссии. – Прусское консульство. – Протестантские секты в Иерусалиме. – Характер вечерних собраний протестантского общества. – Отношение Иерусалимской миссии к партии гай-чёрчменов.

Напротив так называемого «дома Давидова» или турецкой цитадели «Ель-Калаг» находятся протестантская церковь и английское консульство. Когда Англия и Пруссия предприняли мысль прислать в Иерусалим епископа, как бы общего представителя протестантизма, то получили позволение от Порты построить церковь для духовных нужд английского консульства. В силу этого разрешения воздвигнут храм большой и величественный, для которого все, даже и самая крыша, привезено из Англии с большими расходами. Этот храм, или лучше сказать молитвенный дом, заключает в себе ту особенность, что он не принадлежит исключительно ни одному из тех вероисповеданий, на которые разветвилось протестантство, но предназначен к помещению всех членов англо-прусской епархии. И в самом деле он так велик, что в нем могло бы поместиться в десять раз более народа, чем сколько протестантизм в Иерусалиме может доставить. Протестантский храм, на самом въезде в Иерусалим, обращает на себя внимание совершенно особенным образом: он стоит одиноко, отдельно, на малом Сионе; и тогда как все другие вероисповедания христианские стараются издревле сколько можно окружить Святое место, для этого храма, построенного как бы только вчера, выбрано место, которое предание, основываясь на свидетельстве историка Иосифа Флавия, уступает развалинам дворца Иродова, – дворца, откуда, по всей вероятности, вышел приказ избиения младенцев вифлеемских. Но зато храм стоит на открытом месте и на свежем воздухе, а английская миссия, школа и госпиталь, находящиеся за храмом, устроены весьма комфортабельно.

Реформация долго миновала Палестину. Прошло около четырех веков со времени появления Лютера (1483 г.), как наконец

протестантизм вспомнил о жидах и отправился на взыскание их в Иерусалим, тогда как он имел их несравненно более под рукою у себя в Европе и даже в самом Лондоне и Берлине. Как бы то ни было, но верно то, что для протестантизма в этом случае шло дело не о Гробе Господнем, не о пещере Гефсиманской, не о яслях Вифлеемских, не о другом каком-либо памятнике жизни и смерти Богочеловека, ибо все это для него не более как поддельные камни без всякого значения и цены также и теперь, как в первое время реформации. Один из западных паломников (1831 года) Жеромб справедливо заметил на сей счет: «Поистине удивительная вещь! Греки, католики, армяне, копты, словом все христианские народы имеют в Иерусалиме своих представителей, голос которых возносится непрестанно к небесам в благодарных мольбах за Божественное послание на землю Искупителя; один только голос не соединяется там с ними в сладчайшем имени Христа, – голос протестанта»...

Первым англо-прусским епископом в Иерусалиме был некто Александр из обращенных евреев. Он положил основание еврейскому прозелитизму и, как говорит общая молва протестантов, был остановлен в своей деятельности иезуитами, которые будто бы отравили его. Успехи миссии остановились было совершенно с его смертью; но для политики протестантских держав нужна была во что бы то ни стало своеобразная почва в Иерусалиме: и вот в 1840 году по взаимному соглашению Англии и Пруссии отправлена туда новая протестантская миссия и во главе ее поставлен англиканский епископ г-н Гобат, родом швейцарец, бывший абиссинский миссионер. Деятельность этой пропаганды доселе ограничивается раздаванием Библии и обращением в христианство евреев. Лавочка, в которой продают Библии и другие издания лондонского Библейского Общества на всех европейских и восточных языках, находится между домами английского епископа и Латинского Патриарха, а площадка перед нею уже не раз служила ареною для ссор и драк между Иерусалимскими латинянами и протестантами, источником и началом которых были религиозные споры. На другие христианские вероисповедания протестантская пропаганда не имеет и вряд ли может иметь какое-либо влияние. Случается, может быть, иногда ей смутить бедную душу угнетенного бедностью феллаха-араба, но убедить не приходится никого. Большая часть православных богомольцев, оставляя

Иерусалим, и не знают вовсе, что есть в нем англиканский епископ, да еще и женатый, а иные, слыша об этом, прямо принимают за плохую шутку. С мусульманами трудно иметь дело: пропаганда в отношении их запрещена под смертною казнью, и так на долю миссии остаются лишь изгнанники из древнего Сиона, то есть евреи. Но и здесь миссия г-на Гобата, ежели судить по тому, что рассказывает о ней в слухах сам английский консул г. Финн, пожинает очень бедные плоды. Правда, ежегодно посылает она рапорты лондонскому Библейскому Обществу о новообращенных евреях и отчет о числе розданных Библий. Книг она, без сомнения, раздает много, хотя нигде их не видать, ибо например Греческая Патриархия, отобрав от своих прихожан в разное время до 30 000 экз. греческих и арабских Библий лондонского перевода, предала их публичному сожжению как еретические (по доказанной неправильности перевода); так же поступают с этими изданиями латины и армяне. Что же касается до новообращенных евреев, число их пока еще невелико; а сверх того, по словам г. Финна, эти обращения почти без исключения чистая спекуляция: как только неопит получит прибыль, какую по его предварительному расчету должно ему принести Евангелие, он возвращается снова к Талмуду. Бывали примеры несколько раз повторявшегося обращения одного и того же лица; отступничество новообращенных имело место даже в самый час их смерти, даже в самом английском госпитале. Для того, чтобы иметь право поступить в него, жид делался протестантом, но видя, что смерть неизбежна, звал раввина, чтобы вынесли его оттуда жидом и похоронили в Иосафатовой долине. Да и нечему дивиться: в Иерусалиме можно сражаться верою, преданием, даже фанатизмом; но оружие, которое употребляет прозелитизм протестантский, взятое из арсенала философии, скептицизма и индифферентизма, – слишком слабо для Востока. Ко всему этому можно добавить, что посылка г. Гобата в Иерусалим и вся его миссия встретила весьма сильную оппозицию в известных английских сектах, которая отразилась даже в парламентских прениях. Спор об этом был употреблен как оружие против министров и еще не раз может повториться. Каждый шаг г. Гобата следят весьма внимательно, и это обстоятельство полагает строгие границы его миссионерской ревности. Он должен, как выразился один протестантский писатель, прежде чем начнет действовать, иметь в виду, как бы устранить «горячие уголья

политической ответственности, которая лежит на нем». Несмотря на это надобно полагать, что г. Гобату легче бывает выходить из затруднений политических, нежели религиозных, ибо он по общему отзыву человек разумный, ученый, знает хорошо Восток и его обычаи, говорит на нескольких восточных языках. Он женат, имеет четырех дочерей, которые известны в Иерусалиме как отличные наездницы.

Отношения епископа с английским консулом весьма странны, чтобы не сказать более. Последний, очевидно, плохо верит в его епископские права, а чтобы показать ему свою власть, однажды арестовал его домашним арестом от имени английской королевы. В другой раз, когда г. Гобат не хотел венчать какой-то свадьбы, консул послал к нему своего драгомана напомнить ему, что он, г. Финн, сам доктор богословия, а это значило, что если г. Гобат не обвенчает, то он, г. Финн, сам обвенчает особ, о которых шло дело.

Гораздо успешнее, ибо независимее, действуют миссионеры – протестанты американские, в которых и православные и латины имеют сильных соперников, ибо эти действуют не столько силою убеждений религиозных, сколько силою денег, которые расточают щедро, помогая единично и целым селениям и городам. Большая часть этих миссионеров сами техники, доктора, учителя и т. п.

Прусский консул, г. Розен, особенно благоволит к евреям и показывает отеческую о них заботливость. Под его покровительством находится община диаконисс, содержащая на средства какой-то центральной немецкой миссии и помещающаяся вместе с школою в доме, устроенном за городом на юго-западном склоне Сиона; близ дома на обделанной нарочито для сего террасе помещается протестантское кладбище, на коем погребен предместник г. Гобата, первый протестантский епископ, упомянутый Александр. Над могилою его поставлен красивый памятник. В доме прусского консульства устроен небольшой приют для бедных немецких ремесленников, проживающих в Иерусалиме.

Несмотря на относительную малочисленность протестантов в Святом Граде, здесь можно встретить представителей едва не всех сект, на которые распался протестантизм с течением времени. Больше других – субботников, которые, числясь протестантами (дабы пользоваться имущественным покровительством англичан), втайне празднуют субботу и придерживаются других еврейских обрядов; между

последователями этой секты, кроме прозелитов из евреев, есть и природные немцы. Перекрещенцы (анабаптисты) также имеют здесь своих последователей. Недавно появилась здесь новая секта так называемых аминщиков, которые считают особенно важным в Евангелии лишь то, что подтверждается повторением слова аминь. Основателем ее был некто г. Пик. Он прибыл в Иерусалим с мыслию основать для своих последователей колонию в древней Моавитской земле – за Иорданом (которая, по его толкованию одного места из пророческих книг, лишь одна спасется в наступающий день Страшного суда), но убедясь на месте, что это невозможно, пропал без вести; а меж тем увлеченные его бреднями несколько немецких семейств из нижнерейнских провинций прибыли в Иерусалим и за свое легкоеверие едва было не поплатились голодною смертью. Но немцы находчивы: поосмотревшись вокруг, они, протаясь с своими религиозными мечтами, обратились к действительности и открыли в Иерусалиме кондитерскую. Один сумасшедший и вместе богатый англичанин, поселясь недалеко от англиканской церкви в совершенном одиночестве и считая себя посланным на созвание в Иерусалим евреев со всех четырех сторон света, – в знак своего посольства ежедневно выходит на крыльцо своего дома и трубит в трубу, а чтобы более уверить евреев в своей симпатии к ним и сблизиться с ними, этот господин обрезаю по закону еврейскому.

Бывшие на вечерах г. Финна имели случай видеть иерусалимское протестантское общество. По их рассказам, на эти вечера сходится около сорока мужчин и женщин; собрание их разительно походит на английские собрания пиетистов, так что с первого взгляда можно даже забыть, что это в Иерусалиме. Каждый из лучших городов Англии имеет подобные собрания. На всех столиках разложены Библии разных изданий; беседы обращаются постоянно около предметов библейского содержания; рассуждения и диспуты следуют тому же самому направлению, о чем, впрочем, сердечно соболезнует, во-первых, сам хозяин дома, человек веселого характера, который всю цель миссии, как в отношении пришельцев, так в отношении евреев, трактует весьма легко и шутливо. Прибавьте к этому убийственную монотонность, отличающую английские общества, и вы будете иметь полное понятие о вечерних собраниях иерусалимских протестантов. Прусский консул г. Розен (из немецких евреев) несравненно более г. Финна занят евреями и

нередко посещает Наплуз, древний Сихем, по поводу еврейских празднеств.

Протестантская церковь и дом епископа, по вышесказанному, занимают то самое место, где стоял прежде дворец Ирода и три башни, которые он же построил вблизи своего жилища в честь Гиппия, своего друга, Фазаэла, своего брата, и Марианны, из рода Маккавеев, своей жены, которую он впоследствии погубил. Тит по взятии Иерусалима приказал пощадить эти три башни, чтобы они свидетельствовали о могуществе еврейского народа; судя по этому они должны были быть величественными; но во исполнение пророчества, что не останется в Иерусалиме камня на камне, башни эти наравне с прочими городскими зданиями сделались добычею пламени, вопреки воле победителя, и теперь нет и следа их.

В заключение скажем еще несколько слов об отношениях нынешней иерусалимской англо-прусской протестантской миссии к партии гай-чёрчменов в Англии. В то время как отправлялась в Иерусалим новая англиканская миссия под начальством г-на Гобата (в 1842 году), глава партии гай-чёрчменов доктор Пюзей, профессор Оксфордского университета, питая подобно всем членам этой партии высокое уважение к Православной Церкви, в письме своем к архиепископу Кентерберийскому умолял своего примаса не давать этому епископу полномочия обращать православных в англиканство и даже не принимать тех, которые сами вздумали бы перейти в него. Весьма замечательны слова его по этому поводу, в которых он выражает свое горячее желание соединения с Православною Церковью. «Каждая попытка к обращению, – говорит он, – или всякое посягательство на принадлежащих к Православной Церкви, в которой они крещены, будет неизбежно расстраивать всякое намерение к соединению с этою Церковью. Мы знаем сами, как горька потеря наших детей, которых у нас похищает наша соперница (т. е. Римская Церковь). Можем ли мы думать, что другая мать, видя своих детей также похищаемыми, чувствует эту глубокую скорбь менее, чем наша? Между тем мы должны иметь в виду свои собственные цели. Наш епископ не может в одно и то же время содействовать и единению и расколу; мы не можем и желать приобрести мать и похищать ее детей, не можем быть и друзьями и врагами. Нельзя считать в одно и то же время Православную Греческую Церковь и православною и

инославную; одна только ересь могла бы объяснить отделение от нее чад ее. Возобновленное сношение с Востоком есть кризис в истории нашей Церкви; это волна, которая должна унести нас вперед или, если мы не сумеем воспользоваться ею, страшно отодвинуться назад. Если путь, предлагаемый нам Господом, будет пренебрежен, то долгое время мы тщетно станем усиливаться достичь собственными силами того, что так легко могло бы совершиться при Его помощи. Богатство милости, которая оказывается нам, должно возбуждать тревожное опасение, чтобы не потерять ее; сердце трепещет при мысли, что должно открыться такое событие, каково воссоединение нашей Церкви со здоровою ветвью Церкви Кафолической. Ах, если мы посмотрим, что мы такое в самом деле, то нельзя не опасаться за успех дела; ведь этот разрыв братского единения нельзя уврачевать при господствующем среди нас самодовольстве^[51]; нет, он может быть исцелен только слезами – во вретнице и пепле. „И открылся Иосиф братьям своим, и напад на выю Вениамина брата своего плакася над ним; Вениамин плакася на выи его. И облобызав всю братию свою, плакася над ним” (Быт 45, 15). Но во всяком случае для нас достаточно было бы увидеть это соединение когда-нибудь, лишь бы только не наши заблуждения были виною этой отсрочки. А препятствия и козни сатаны, нужно думать, будут тем сильнее, чем больше и выше самый дар^[52]. Заметим, что еще в 1844 году насчитывалось в Англии до 9000 одних духовных, усвоивших оксфордские начала, равно как и большая часть лиц из высших кругов общества. Но говоря собственно о иерусалимской англо-прусской протестантской миссии, справедливость требует заметить, что там начала эти еще не успели проникнуть, да и самая цель миссии «политически-религиозная», где политика занимает первое место, а религиозная цель служит щитом ее, – не представляет почвы для высшей, сердечной цели партии гай-чёрчменов. Но если суждено восторжествовать в английском обществе началам оксфордской школы, то можно ли искать лучшего места для осуществления этих целей, как Сятой Град, где находится мать Церквей – Православная Церковь Иерусалимская? И каких благоприятных результатов можно было бы ожидать для Православного Востока от такого счастливого события, как соединение Церкви Православной с Англиканскою, но соединение искреннее, на твердых канонических началах основанное, а не то, легкое и призрачное, которое предлагается нам ныне и которым легко

могла бы воспользоваться английская политика для закрепления искусственно поддерживаемого ею доселе рабства и ига наших собратий – восточных христиан! До настоящего времени на Востоке еще не сделано ничего англичанами, чтобы расположить в свою пользу Православную Церковь и ее бедствующую паству; вероятно, потому-то и иерусалимская англо-прусская протестантская миссия преследует лишь одни политическо-религиозные цели и ищет своих сил, чуждаясь не только соединения, но и братски христианского общения с представителями Православных Церквей Греческой и Русской, которые и в свою очередь не могут быть вполне мирны к ней ввиду тех ее действий, от которых своевременно предостерегал ее сердечный голос доктора Пюзея.

Иерусалимские евреи

Число их. – Наружность. – Образ жизни. – Три еврейских общины. – Госпиталь. – Место плача иерусалимских евреев.

Напротив описанных выше хижин прокаженных (в Армянском квартале) лежит Еврейский квартал Гарет-ель-Шуд, стесненный между горою Сионом и местом, где прежде стоял храм Соломонов. Рассчитывают, что если бы весь город был населен так густо, как этот квартал, то Иерусалим имел бы до 100 000 жителей. Но вопрос, сколько жидов в Иерусалиме, разрешить в точности нельзя. В Турции нет народных переписей, а хотя бы и были, известно, что точная цифра еврейской численности остается доселе неуловимою, при всех стараниях правительства определить ее. Итак, по самым точным сведениям, какие можно было собрать на месте, оказывается, что во всей Палестине находится от восьми до десяти тысяч евреев, большая часть которых проживает в Иерусалиме. Доктор Шульц предлагает следующую таблицу еврейского народонаселения: в Иерусалиме было их несколько лет тому назад 7120; в Хевроне – 400; в Сафете или древней Бетулии – 400; в Тивериаде – 300; в Наплузе, древнем Сихеме – 150; в Шавраме – 75; всего 8445 мужского пола. Коль скоро потомки Израиля умели, даже на севере, так хорошо сохранить свой тип, то надобно бы ожидать, что на Востоке он еще сильнее должен бросаться в глаза, как сохранившийся во всей своей силе и чистоте. Это и действительно так, но сие заметнее в Каире, нежели в Иерусалиме: здесь черты лица евреев не отличаются особым единообразием, как там. Это происходит отчасти оттого, что евреи иерусалимские вовсе не потомки первоначальных обитателей Иерусалима, но почти все пришельцы. Сюда стекаются евреи из всех концов света обыкновенно уже в старых летах, для того, чтобы, как говорят они сами, умереть на земле отцов своих и быть погребенными в долине Иосафатовой.

Они ходят в той самой одежде, в какой прибыли сюда, пока она не износится совершенно, что обыкновенно продолжается довольно долго, – тогда только надевают восточное платье. Все соглашались с тем, что им не везет в Иерусалиме, что нет здесь ни торговли, ни заработков. Большая часть их живет вспоможением, присылаемым

единоверцами и родными тех стран, из коих они переселились, и за немногими исключениями вообще бедны. А однакоже твердят все и единогласно, что уже не возвратятся, ибо пришли умереть здесь, в земле им обетованной.

Некоторые паломники-писатели справедливо замечают, что евреи в Иерусалиме как бы изменяют свою натуру: они не шныряют здесь взад и вперед по целому городу, и почти не увидишь их нигде более, как только в их квартале, да и тот несмотря на густоту своего населения в обыкновенное время походит на пустыню; редко появится фигура изможденного годами и горем старца, или худой как скелет женщины в нищенских рубищах, или группа грязных донельзя ребятишек, беспечно играющих у порога полуразвалившейся лачуги. На этих узких улицах царствует нечистота во всей своей силе: кучи навоза, разная падаль, сор и другие нечистоты окружают бедные хижины, а местами попадаются пустыри и развалины, поросшие тернием. – Иерусалимские евреи разделяются на три общины: 1) Сафардим, – евреи испанские, которые считаются коренными иерусалимскими евреями, хотя время их переселения в Иерусалим известно в 1500 году; 2) Ашкеназы – еврей-переселенцы из Польши, западных губерний, из Пруссии, Австрии и других государств Германского союза и, наконец, 3) Еврей-караимы. Каждая из этих общин имеет свои отдельные синагоги, и не говоря уже о караимах, которых весьма немного, и две первые общины различаются между собою некоторыми религиозными верованиями. Испанские евреи зажиточнее ашкеназов, почему и синагога их отличается лучшим устройством. Она состоит из нескольких отдельных больших комнат; посреди каждой возвышается место вроде кафедры, окруженной балюстрадой для учителей закона; кругом скамьи; у передней стены место для хранения «книг закона» (Пятикнижие Моисеево), между которыми, как слышно, есть и весьма древние списки. Они накатываются на особую скалку с ручками. Одно из этих книгохранительных отделений отделано лучше и богаче других на счет какого-то благотворителя.

Ашкеназы строят большую синагогу с куполом наподобие храма; она уже окончена вчерне, но внутри остается еще не отделанною по недостатку средств; место под нее приобретено ими при помощи бывшего русского генерального консула Сирии и Палестины г. Базили. Есть также две или три семьи караимов, которым по проискам прочих

евреев турецкое правительство не позволяет доселе строить синагоги снаружи, и они имеют подземную, которую относят к отдаленной древности. Они, как и у нас в Крыму живущие, отличаются от талмудистов чрезвычайною опрятностью и меньшим фанатизмом в отношении к христианам. Караимы, подобно армянам, признают своим покровителем Российского Императора и во время своих богослужений возносят за него молитвы, которые я сам видел напечатанными в русском буквальном переводе в их молитвенниках (книги венского издания), а на стене алькова, служащего для приема почетных гостей, в квартире их раввина на первом плане красуется портрет нашего Государя Императора и Императрицы.

Из еврейских благотворительных заведений заслуживает внимания по своему устройству госпиталь Ротшильда. Он находится в заведывании медика из русских (виленских) евреев, служившего некогда ординатором в одном из наших русских военных госпиталей в Царстве Польском, – а потому и этот новоустроенный госпиталь внешним порядком и опрятностью весьма походит на Русские военные

госпитали, не имея при том их общеизвестных недостатков. Больница эта помещается в самой глубине Еврейского квартала; путь в нее лежит мимо старой еврейской синагоги, стоящей на единственной площади этого квартала; неподалеку от нее – больница. Войдя в ворота, вы очутитесь на открытой площадке, защищенной сверху от солнечных лучей парусинным навесом; площадка эта служит для прогулки больным, которые и проводят на ней большую часть дня; на нее выходят непосредственно двери из разных отделений или комнат, составляющих больницу. Мы были введены доктором сначала в небольшую продолговатую комнату; на середине ее письменный стол, на котором лежат отчетные книги; из них видно не только все прошедшее, но и настоящее состояние госпиталя. Рассматривание этих книг может доставить истинное удовольствие любителям порядка; у стен этой комнаты поставлены шкапы, в которых хранятся полные принадлежности всего необходимого для родильниц и детей, пожертвованные госпожою Ротшильд в пользу бедных евреек. Против дверей шкаф с книгами для чтения больным. Налево от входа у двери Арон, род шкапа на ножках, в коем хранится свиток Пятикнижия Моисеева, написанный на пергамене, и книга Есфирь, которую обыкновенно читают в богослужebные собрания евреев. Эта комната служит в одно и то же время и канцелярией, и библиотекой, и хранильницею вещей, и синагогой. Тут же на стене висит таблица, на которой написаны имена членов дома Ротшильдов, поминаемые во время молитвенных собраний как благотворителей больницы. Отсюда мы были введены в одну из палат, где лежат больные: чисто, светло, опрятность удивительная, заслуживающая тем большей похвалы, что неопрятность домашняя составляет, как известно, характеристическую черту еврейского быта. По обеим сторонам комнаты по четыре кровати на каждой. Крайнюю от входа занимал старик почтенного вида, – по справке оказалось, что это еврей из Алеппо; по левую сторону из четырех кроватей три были заняты русскими евреями: двое из Каменец-Подольской губернии; из них один выбыл из России уже 30 лет тому назад, но еще довольно чисто говорит по-русски и показывал непритворную радость, что имеет случай беседовать с русскими. Кровати железные складные; каждая снабжена тюфяком, двумя подушками, чистым бельем и фланелевым одеялом; у каждой кровати столик или низменный шкафчик по образцу наших военных госпиталей;

на столе стоит вся оловянная посуда, для каждого больного особая, и две бутылочки: для наружного и внутреннего лекарства. Род болезни написан мелом на жестяной дощечке, привинченной к изголовью кровати; сверх того у каждой кровати написано имя того из семьи Ротшильдов, на чей счет содержится кровать (больница всего на 18 кроватей). На наружной и внутренней стороне дверей надписи из книг Ветхого Завета, например: «аз Господь твой поражу и исцелю». В женской половине больницы царствуют та же чистота и порядок. Рядом с женской палатой помещается аптека; ею заведует аптекарь также из русских евреев, учившийся в Марселе во Франции. Кухня с плитой также содержится в неукоризненной чистоте, и наконец комната для прислуги. Осмотрев госпиталь во всех подробностях, мы возвратились в комнату, с которой начат был осмотр, здесь доктор предложил нам заглянуть в настольную книгу, в которую записывается подробно, сколько в течение года было в госпитале человек больных, откуда, какого возраста, звания, рода занятий, болезнь; сколько и чего именно издержано по госпиталю. Словом, желающий может видеть из этой книги, ведущейся с немецкою аккуратностью, состояние госпитального хозяйства во всех мельчайших подробностях. Минутному посетителю, конечно, нельзя судить о достоверности сообщаемых такою книгою сведений; но одно уже то, что все эти сведения налицо и с обязательною готовностью предлагаются любознательным посетителям, заслуживает благодарность и возбуждает желание, чтобы и другие благотворительные заведения последовали этому примеру. Тут же лежит и другая книга, для записывания имен посетителей и их отзывов о состоянии больницы. Книга эта испещрена английскими и немецкими подписями. Больница содержится на проценты с 15 000 франков суммы, внесенной на этот предмет братьями Ротшильдами. Заведует ею доктор, получающий кроме квартиры 1000 руб. серебром жалованья; больных бывает в год средним числом от 500 до 600 человек, в том числе собственно русских евреев до 160 человек.

Нам остается упомянуть еще об одном замечательном месте Еврейского квартала. Это место так называемого плача иерусалимских евреев. Дело в том, что один из углов Еврейского квартала, где здания его примыкают к зданиям, окружающим Омарову мечеть, сохранилась часть стены, по мнению евреев и по наружным признакам принадлежащей к ограде древнего Иерусалимского храма.

Действительно, если не вся стена, то два нижних ряда камней, из которых сложена она, несомненно принадлежат к числу камней древней еврейской постройки; некоторые из них длиною более сажени. Иерусалимские евреи дорогой ценою купили себе у турецкого правительства право собираться (по пятницам) к этой части стены, чтобы здесь оплакивать и свое древнее величие, и свое настоящее уничтожение. Посетив однажды из любопытства это место в уреченное время, я застал на нем толпу евреев обою пола: одни из них жадно целовали заветные камни, другие ударялись в них головою, третьи стояли или сидели неподвижно у заветной стены, вперив в нее взоры, большая же часть, раскачиваясь и толкая в стену, пели псалмы голосом, в котором слышалась безнадежная печаль... Над всею толпою носился раздирающий душу гул, который слагался из воплей, рыдания и громко произносимых молитв. Но справедливость требует заметить, что далеко не все участвовавшие в этом обряде были одушевлены равным чувством: старцы действительно казались проникнутыми воспоминанием дней давноминувших и проливали слезы, в искренности которых нет особой причины сомневаться; но многие другие, раскачиваясь, толкая в стену и участвуя голосом в общем пении, в то же время, закинув назад голову, посматривали на посетителей, и таким образом очевидно было, что большинство участвующих в этом заказном плаче исполняет лишь обязательный обряд.

Но как бы ни было, а все тяжело смотреть на это исполинское горе отверженного (хотя и не до конца) народа; становится грустно и невольно хочется обратиться к этой толпе с словами одного современного проповедника: «О Израиль! Неверие соделало тебя убийцею Христа; оно рассеяло тебя между народами, – и только вера, вера в Распятого тобою Назарянина может ввести тебя в твое древнее наследие и возратить ему первобытный блеск и величие» (Карл Спуржон)^[53]. И точно больно сердцу слышать эти раздирающие вопли, зная, что им не суждено быть услышанными там, куда они стремятся, хотя и мы верим, что «останок Израиля спасется», но не через пришествие ожидаемого им Мессии, а через общение с нами верою в Пришедшего, Страдавшего, Погребенного и Воскресшего в третий день по писаниям...

Не одни иерусалимские евреи оплакивают свою древнюю славу: «О Сион! – взывает один из лучших еврейских поэтов раввин Бен-Егуда, – когда оплакиваю твой упадок, то плачу гробовым воем шакала... а когда мечтаю о возвращении из плена, то звуками арфы, которая некогда вторила твоим божественным песням... Ах, отчего же душа моя не может носиться над теми местами, где Бог явился твоим пророкам?.. Дай мне крылья, и я понесу к твоим развалинам остатки моего сердца... обниму немые скалы... оботру челом святой прах!.. О, как бы приятно было ступать необувленными стопами по развалинам твоего храма, – там, где некогда отверзлась земля для принятия в свое лоно ковчега завета с его херувимами... Сорву с головы моей эти ничтожные украшения и прокляну судьбы за то, что они рассеяли по лицу земли неверных, твоих благочестивых читателей... Могу ли отдаться наслаждениям этой жизни, видя, как псы терзают твоих львенков, – очи мои убегают от дневного света, чтобы не смотреть на вранов, расклёвывающих трупы твоих орлят... Чаша страдания уже исполнена, – дай отдохну хотя на одну минуту, ибо все жилы мои наполнились желчью... Остановись! дай вспомнить Околу (Самарию), и dokonчу горький напиток; позволь еще хоть кратко помечтать о Околибе (Иерусалиме), и тогда осушу чашу до самого дна ее...»

Страстной путь

Пилатов дом. – Место бичевания. – Арка «Се Человек». – Место первого падения под Крестом Искупителя. – Австрийский странноприимный дом. – Место домов евангельского богача и Лазаря. – Место встречи Божественного Страдальца с Симоном Киринейским. – Место второго падения Спасителя. – Судные врата. – Место плача дочерей иерусалимских. – Предание о Веронике. – Место третьего падения Божественного Страдальца. – Восточный конец улицы, называемой Страстным путем. – Развалины монастыря Св. Марии Магдалины. – Церковь Иоакима и Анны. – Баня. – Овчая купель.

Посетитель Иерусалима, помолившись в храме Воскресения Господня Гробу Живодавца и почтив благоговейным поклонением другие Святые места, спешит пройти так называемым Страстным путем, по которому некогда шел на Голгофу Господь наш Иисус Христос, облитый потом и кровью, под тяжестью Креста, ради нашего спасения подъятого. Этот путь проходит по улице, ведущей от ворот Св. Стефана или Гефсиманских к храму Святого Гроба, и начинается от бывшего дворца Пилатова.

Дом Пилата примыкает с севера к священной ограде мечети Омара. Древние поклонники могли видеть здесь более нас. Так, некоторые из них вспоминают о лифостротоне, называя его возвышенным крыльцом, выложенным мрамором, – крыльцом, на котором, по свидетельству святого евангелиста Иоанна, воссел Пилат на судище для выслушания обвинений, возводимых лжесвидетелями на Иисуса, – а теперь нет и следа этого места. Дворец Пилата был подвержен многим переменам. В прежние времена жили в нем санджаки или правители Иерусалима; потом обращали его попеременно то в конюшню, то в магазин, и наконец он запустел. Теперь в нем помещаются казармы турецкой пехоты, и часовой на верхней площадке крыльца, ведущего во внутренность дома, невольно напоминает проходящим о римских воинах, которые троекратно влекли сюда Господа нашего Иисуса Христа.

Для этих казарм дом был весь перестроен: крыльцо, выходившее на улицу, было сломано, стены выбелены, но внутри еще показывают ту комнату, в которой, по преданию, происходил суд над неповинным Праведником. Прежний вход, с улицы, бывший как раз напротив этой комнаты, ныне заделан, но место прежнего крыльца отмечено снаружи в стене дома малым треугольным отверстием; видна также и нижняя часть крыльца – порог, состоящий из больших камней, полузасыпанных землей. Здесь некогда было 28 ступеней из белого мрамора, по которым восходил наш Спаситель; но эти ступени во время крестоносцев перевезены в Рим, где находятся ныне в базилике Св. Иоанна Латеранского в особой каплице (часовне), именуемой Scala santa (Святая Лествица). В двенадцати шагах от дома Пилатова на другой стороне улицы, то есть правой, если идти от ворот Гефсиманских, находится место бичевания. Прежде здесь был дом воинов Пилата, а потом святая царица Елена, как говорит предание, воздвигнула тут церковь, которая во время владения крестоносцев была обновлена; но по изгнании их это здание служило жилищем для людей или конюшнею. А с 1838 года, по просьбе бывшего французского короля Людовика Филиппа, место это передано во владение францискан, которые построили или, точнее, обновили бывшую на нем древнюю церковь. Прямо с улицы сквозь низкую дверь входите на небольшой дворик, вымощенный камнем, – на нем систерна. Самое здание низкое, состоит из двух частей, соединенных между собою под прямым углом. В первой части над входом тянется чрез всю стену латинская надпись из Евангелия: Пилат взял Иисуса и бичевал. Внутри церковь также низка, продолговата и со сводом, в котором еще можно видеть остатки прежних колонн и капители коринфского ордена, – доказательство, что построение первой церкви на этом святом месте восходит ко временам греческого владычества. На месте бичевания алтарь открытый; под ним на мраморном помосте отмечено черным кругом место, омоченное бесценною кровью нашего Спасителя. Стены церкви убраны картинами испанской и итальянской кисти. Другая часть церковного здания имеет над входом латинскую же надпись из Евангелия: и сплетше возложиша на Него терновый венец... Внутренность и этой части здания также состоит из продолговатой комнаты, где Царь вечной славы был предан поруганию воинов и черни (Ин 19, 2, 3).

Далее, подымаясь вверх по той же улице в ста сорока шагах от места бичевания, вы видите арку, перекинутую через всю улицу, арку, которая прежде соединяла дом Пилата с другим домом, бывшим на противоположной стороне. При отъезде моем из Иерусалима (в 1859 году) место это приобретено для французских сестер милосердия с намерением построить здесь дом и церковь. На вышеупомянутой арке находится крытая галерея в три шага ширины, с одним окном в сторону Голгофы и с двумя со стороны горы Елеонской; сколько можно судить по способу кладки и по капителям, помещенным внизу ее, построение этой арки смело может быть отнесено ко временам святой Елены. По преданию, арка эта означает то место, с которого Пилат, показывая народу Спасителя, обливаемого кровью и одетого в багряницу поругания с терновым венцом на главе, сказал: се человек! Надобно полагать, что эта галерея, по восточным обычаям, служила правителям Иерусалима местом для оглашения приговоров или выслушивания просьб народных. Древние поклонники говорят, что на арке была надпись: «Се Человек!» и: «Возьми, возьми, распни его!» но теперь ее не видно. Пилат, убедившись в невинности Господа Иисуса, по видимому желал отпустить его, и что же он делает для этого? Он приказал бичевать невинного, чтоб этою карою насытить ненависть народную и видом окровавленного человека побудить к состраданию. Но возбужденный фанатизм не знает этого чувства, а вид крови часто и у людей, как у хищных зверей, лишь возбуждает жажду оной, и вот слышатся голоса: распни, распни его! Теперь в этой галерее, на которую всходят по лестнице, помещающейся в боковом здании, спокойно живет убогий дервиш, который за небольшую плату охотно пускает осматривать внутренность своего жилища, и вся арка именуется аркою «Се Человек!»

На той же улице, пройдя 200 шагов от арки: се человек, лежит большой обломок колонны, полусасыпанной землею: он означает место первого падения нашего Искупителя под тяжестью Креста... В том же месте выходит из-за дома Пилата небольшой переулок. Прекрасное и вполне согласное с природою человека предание, подтверждаемое притом свидетельством нескольких святых отцов и писателей церковных, говорит, что Матерь Божия, не успев в своем намерении ходатайствовать за Сына у Пилата, по выходе от него поспешила этим переулком, как кратчайшим путем, навстречу своего возлюбленного

Сына и, видя Его окровавленного и падшего под тяжестью несомого им Креста сама лишилась чувств, через что и исполнилось впервые предреченное Симеоном: и тебе же самой душу пройдет оружие (Лк 2, 38). На этом месте на углу существовала в древности церковь, построенная святою Еленою, – ныне развалины, – сквозь окна которой видно, что в последнее время она была занята банею. Но недавно и это место уже куплено армянами-католиками, ибо с некоторого времени стало заметным, что христианские племена различных исповеданий спешат захватить внутри Святого Града что только можно, как бы в предчувствии грядущих событий.

Напротив этих развалин на склонах Везефы (северной холмистой части Иерусалима) высится ныне уже вполне оконченное здание австрийского странноприимного дома. Оно в настоящее время справедливо может называться лучшим зданием в Иерусалиме и драгоценно для австрийцев в прямом смысле этого слова, ибо, по сознанию достроившего оное архитектора, сумма, употребленная для очистки места и фундамента, если не превышает, то равняется тому, что употреблено на возведение самого здания (кроме его отделки). Впрочем, место куплено недорого – за 100 000 левов (лев равен пяти и трем четвертям копейки серебром), особенно если принять в соображение, что на нем найдено шесть древних систерн, устройство которых вновь так дорого обходится в Иерусалиме. Здание двухэтажное из тесаных камней. В то время, когда еще был выведен нижний этаж, оно стоило уже 1 100 000 левов или пиастров, а по совершенном окончании будет стоять, как слышно, до 5 000 000 пиастров. В подвальном этаже магазины и погреба; в нижнем и верхнем этажах помещения для поклонников, разделенные коридором на две половины, с отдельными комнатами, из коих каждая будет иметь печь. Столовая общая, церковь в два света; в верхнем этаже больница с хорами в церковь для больных. Здание будет окружено оградой, на дворе разведен сад. С верхней террасы открываются восхитительные виды: на запад городская стена и врата Дамасские, на восток соседняя Омарова мечеть со всеми окружающими ее зданиями; на юг – храм Воскресения и весь город с его домами и бесчисленными куполами.

С этой улицы, на которую выходит австрийский странноприимный дом, Страстной путь поворачивает направо мимо красивого дома евангельского богача (в котором недавно жил мусселим) с одной и дома

Лазаря с другой стороны^[54]. Дом богача стоит поперек той улицы, которая проходит далее под аркою, проделанною в нижнем его этаже; фасад его обращен к Дамасским воротам и расписан разными узорочьями. Предание о месте этих двух домов основывается на том, что, по замечанию святых отцов, притча о богатом и убогом есть действительное событие, случившееся во времена Спасителя. Как часто здесь предание объясняет Св. Писание и дает лучше узнать красоту и возвышенность слов евангельских!

Пройдя не более восьми шагов после поворота вправо и поднимаясь все в гору, увидим в стене камень отличного от нее цвета, с углублением, означающий то самое место, на котором последовала встреча Господа нашего Иисуса Христа с Симоном Киринейским. Сей последний шел в город с поля, то есть от Судных врат, и воины, ведшие Иисуса, принудили его разделить с Спасителем тяжесть Его ноши. Этот человек, помогающий Богочеловеку нести Крест искупления, кажется припоминает ту великую истину, что и мы должны точно так же нести крест скорби, если хотим, чтоб это святое орудие вольных страданий Сына Божия сделалось для нас Древом искупления, как еще прежде Своей страсти Он поведал нам сие, говоря: кто хочет последовать мне, пусть возьмет крест свой и по Мне грядет.

Почти начиная от поворота до самой Голгофы Страстной путь идет в гору. Шагов восемнадцать от места, где «задеша понести Крест Симону Киринейскому», указывают дом, который называется по латинскому преданию домом Вероники, через сто два шага отсюда лежит под стеною колонна, а наверху ее огромный камень, – это все означает место второго падения Спасителя.

В девяносто пяти шагах отсюда находятся остатки так называемых Судных врат: здесь во время Иисуса Христа оканчивался город с западной стороны, а Голгофа была за стенами, – и тут обычно читали приговор осужденным на смерть. Предание утверждает, что в этом месте был оглашен приговор и нашему Спасителю, и до сих пор на память этого события у стены ближнего дома стоит колонна, к которой, как говорят, был прибит приговор. Эта колонна прислонена к стене дома, занимаемого французским консульством.

В сорока шагах от Судных врат, идя тою же самою улицею в гору, увидите вделанную в стену древнюю капитель, означающую место, где Спаситель, обратясь к следовавшим за ним с плачем женам, сказал оное приснопамятное слово: «Дщери иерусалимские, плачите не мене, но себе плачите и чад ваших!» Эти женщины под влиянием чувствительности женского сердца смотрели на Господа Иисуса как на простого человека, утесненного насильем и не имеющего ниоткуда помощи, и по тому самому не понимали ни Его вольного страдания, ни великих причин Его смерти, ни всей великости совершаемого их согражданами преступления. Их плачи и вопли были лишь выражение земной печали. Господь наш Иисус Христос не хотел оставить

печальных без назидания и высшего утешения даже у самой подошвы Голгофы. В вышеупомянутых словах Он обратил внимание последовавших ему жен на их собственные грехи, научая оплакивать их в покаянии; ибо если этот Невинный Агнец, это Зеленое Древо, эта Масличная Ветвь мира понес столько страданий за грехи всего мира, то несомненно – и сами грешники должны понести заслуженное ими наказание. И вот не прошло еще 40 лет, а уже пришли для евреев предвещанные Праведником дни, в которые точно можно было благословить неплодных и взывать к горам и холмам: «падите на ны, чтобы скрыться от кровожадных, алчных и всё разрушающих римлян».

Через тридцать шагов от вышеописанного места находится лежащая у стены колонна и под нею огромный камень, с древнею капителью; это означает место, где Христос отер лицо покрывалом Вероники. Впрочем, это предание латинское, которого если не отвергают вконец, то и не подтверждают греческие путеводители. Первые рассказывают о сем так: Спаситель шел покрытый потом и облитый собственной кровью, капавшею из-под тернового венца. Вероника (дом которой стоял на Страстном пути), находясь в числе жен, к которым была обращена упомянутая выше речь, будучи проникнута сердечною жалостью, сняла с головы свое покрывало, какие и доселе носят восточные женщины, и, не боязненно приблизившись к Божественному страдальцу, подала ему оное. Господь наш Иисус Христос, чтобы вознаградить ее доброе чувство и поступок, обтерши пот и кровь с чела, оставил на покрывале свое Божественное изображение и отдал его благочестивой женщине. Это покрывало, прибавляет предание, находится ныне в Риме, в Ватикане. Известно, что Восточная Церковь о нерукотворенном Образе имеет другое предание, повествующее, что Христос послал Свое изображение на полотенце (убрусе) Едесскому царю Авгарю, – оно находилось в Царьграде и по ограблении его крестоносцами в 1207 году досталось вместе с другими сокровищами венецианскому дожу Дандоле, но корабль, везший его в Венецию, потонул в Мраморном море; место это и доселе известно греческим мореплавателям, о чем упоминают и наши древние паломники.

Далее нельзя идти по Страстному пути, ибо он теперь застроен домами, но надобно обходить вокруг до той площадки, на которой находится купол подземной церкви святых Константина и Елены. Там

направо за латинским домом, называемым Принчипе, видно тотчас около другого дома, принадлежащего коптам, который занял (преградил) Страстной путь, поверженную на земли колонну, означающую место третьего падения Спасителя. Оттуда в пятнадцати шагах находится храм Воскресения Господня с Голгофою внутри оною.

Как часто случается, живя в Иерусалиме, беспечно проходить по Страстному пути, тогда как надобно бы было скорее ползти по нем на коленях! Тяжело подумать, в каком грустном запущении находятся ныне эти следы нашего искупления. Разные обломки и развалины служат для узнания главных моментов страстей Господних, тогда как драгоценные и горделивые мавзолеи возносятся в память богачей, проведших жизнь свою подобно богачу евангельскому, в память кровопролитных сражений, погубивших сотни тысяч людей, или так называемых великих маленьких людей.

На той же самой улице, которая называется Страстным путем, недалеко от ворот Гефсиманских (на восточной стороне Иерусалима) есть несколько замечательных в христианском отношении мест: так, идя от бывшего двора Пилатова вниз и не доходя до развалин Антониевой башни, от прямой улицы, ведущей к Гефсиманским воротам, отделяется улица влево: она вся застроена домами мусульман; между ними указали нам дом арабского эфенди, главного хранителя ключей от храма Воскресения Господня. Когда мы проходили, он сидел у ворот с чубуком и ласково раскланялся с нами. Подымаясь вверх по этой улице мимо развалин бывшего дома Ирода, мы пришли к находящимся невдалеке от городской стены развалинам монастыря во имя святой Марии Магдалины. В развалинах келий бывшего монастыря поселились арабы, занимающиеся деланием горшков; мимо их склада мы взобрались наверх развалин и осмотрели остатки бывшего алтарного полукружия; внутри между камнями росли в изобилии капорцы, покрытые цветами палевого и фиолетового колера, и какая-то трава с стручками, которая служит местным жителям лекарством от глазной болезни. Из этих развалин видны Дамасские ворота и весь северо-восточный угол города, обильный развалинами. Кельи со сводами уцелели хорошо и могли бы быть легко возобновлены. Монастырь этот, по местному преданию, был воздвигнут на месте дома Симона фарисея, в коем Мария Магдалина омыла миром и слезами ноги Спасителя и отерла их власами главы своей^[55]. В развалинах

церкви указывают следы человеческой стопы, отпечатлевшейся на камне. Предание называет это следом ноги Спасителя, оставленным здесь на память Его милосердия жене грешнице, дабы этим примером возбудить и других к покаянию.

По миновании Красных ворот, ведущих на двор Омаровой мечети, от Антониевой башни вплоть до Гефсиманских ворот тянется улица, обе стороны которой занимают развалины, поросшие индейскими фигами (кактусом). На левой стороне за забором на небольшом возвышении стоит церковь Св. праведных Богоотец Иоакима и Анны, – на месте, где, по преданию, был дом их, в котором родилась Пресвятая Дева Мария. Свв. Иоаким и Анна долго не имели детей, что у евреев было великим несчастьем, ибо признавалось за неблагоговение Божие. Однажды святой Иоаким хотел во время праздника принести свою жертву в храме Иерусалимском; но священники по его бездетству возбрали ему исполнение этой обязанности; огорченный сим Иоаким удалился в пустыню и, пребывая там в посте и молитвах, умолял Бога о даровании ему потомства^[56]. В то же самое время жена его Анна понесла оскорбление от своей служанки, которая в глаза упрекнула ее в неплодстве. Святая Анна, погруженная в печаль, вышла в сад на молитву и, возведя вверх очи, увидела над своею головою на лавровых ветвях птичье гнездо, из которого выглядывали птенцы; это зрелище еще более усилило ее печаль, и она просила Бога подать ей то, в чем Он не отказывает даже и малейшему творению. Когда она молилась о сем, явился ей Ангел и утешил обетованием рождения от нее Пречистой Девы, которую позже она и родила в этом самом месте. В развалины этой церкви, находящиеся как раз против Овчей купели, входят сквозь ворота, ключ от которых в руках французского консула, ибо после Крымской войны она подарена султаном союзнику его французскому императору Наполеону III. Французское правительство уже приступило к обновлению этого замечательного по архитектуре храма и намерено содержать при ней свой национальный клир, что весьма не нравится Латинскому Патриарху Валерге, не любящему чьего бы то ни было совместничества. Величественное здание это, по всей вероятности, относится к первым временам восточной империи: архитектура храма очевидно древняя: он имеет форму базилики; шестью красивыми пилястрами он делится на три равные части; алтарь отделен от храма пилястром же. Есть предание, что в этом самом доме, обращенном впоследствии в церковь, отошли ко Господу и погребены родители Пресвятой Девы на двенадцатом году ее жизни. Это предание слышал еще наш паломник игумен Даниил; описывая эту церковь в своем «хождении», он говорит: «и есть ту печерка в камени иссечена исподи

под олтарем, в той пещере родилась святая Богородица и в той пещере гробы Иоакима и Анны». Мы спустились в это подземелье, еще не совершенно очищенное от земли и мусора. Но гробы свв. Иоакима и Анны ныне указывают в Гефсимании; более вероятно, что они лишь скончались здесь, погребены же в своей родовой усыпальнице, где впоследствии была погребена и Матерь Жизни – Пресвятая Дева.

Местное предание также утверждает, что мусульмане, овладев Иерусалимом, напрасно старались обратить храм этот в мечеть и устроить при ней себе жилище. Их муллы не могли жить спокойно в этих священных стенах, устрашаемые грозными видениями, и вскоре умирали, и потому они нашлись вынужденными сперва оставить храм в запустении, а потом и вовсе уступить его гяурам-франкам. В восточной части церкви действительно видно начало обращения ее в мечеть, по постройке миграба; но попытка эта осталась недоконченной. Близ церкви, не доходя Гефсиманских ворот, есть другое старинное здание – баня, в которой указывают на камне отпечаток младенческой стопы; предание говорит, что это след стопы Пресвятой Девы-младенца. Здание это недавно приобретено греками.

Напротив двух вышеописанных зданий (церкви и бани) у самых Гефсиманских ворот находится знаменитая Овчая купель, передняя ограда которой тянется во всю длину улицы. Название свое она получила оттого, что здесь обмывали овец и других животных пред принесением их в жертву. Царь Соломон вырыл этот водоем и окружил его пятью притворами, почему Иосиф Флавий и называет ее Соломоновой. Ангел Господень, как повествует святой Иоанн евангелист, в известное время сходил в купель и возмущал в ней воду, и кто первый входил в купель по возмущении воды, делался здоровым, какими бы недугами одержим ни был. По сей-то причине в притворах, окружающих купель (водоем), лежало множество больных, хромых и расслабленных, чающих движения воды, почему и самая купель называлась по-еврейски Вифезда, или дом милосердия. Трудно без особого чувства осматривать этот почтенный остаток древности, который несомненно есть дело Соломона. Овчая купель примыкает к священной ограде Омаровой мечети или двора древнего Соломонова храма. Теперь остался лишь сухой продолговатый дол, имеющий от востока на запад не более 50 сажень длины, а от севера к югу 14 сажень ширины; о глубине же купели судить нельзя, ибо почти наполовину она

засыпана развалинами и заросла тернием, индейскими фигами, гранатовыми и другими деревьями. Видны еще каменные ступени, по коим сходили к воде по мере того, как она подымалась или понижалась. Прежде эту систерну наполняла дождевая вода, стекавшая в нее каналами; четыре стены этого водоема сложены таким образом: сперва идут ряды из больших тесаных камней, скрепленных железом, потом ряды кирпичные и наконец ряды мелких камней. В некоторых местах эта древняя одежда уже пообвалилась. Со стороны улицы купель открыта, ибо место между этой улицею и купелью служило некогда площадью для скота, вгоняемого в купель. Паломники XVI века еще видели несколько портиков целых; теперь остались лишь две арки с западной стороны; около систерны видны фундаменты древних притворов. Но меня не столько занимал этот славный памятник времен Соломона, сколько сладкие воспоминания неизреченной благодати нашего Спасителя; ибо здесь поверженному на одре долголетней болезни и не имеющему человека, который бы ввергнул его в купель, – всемогущее Слово рекло: «встань, возьми одр твой и ходи!» За этот милостивый поступок вместо благодарности фарисеи и книжники исполнились зависти и ненависти, порицая сие дело милосердия за то только, что оно совершено в субботу, за то, что Он в субботу приказал ему «взять одр свой». Невольно вспомнились мне при этом наши мнимые старообрядцы, отлучившиеся от своей матери Церкви ради одной обрядовой внешности и фарисейски ненавидящие пастырей церковных за небуквальное соблюдение некоторых форм закона церковного, забывая сказанное Спасителем: суббота человека ради, а не человек субботы ради!

Гефсимания

*«В Гефсиманстей веси погребите тело мое,
Ты же, Бог и Сын мой, прими дух мой!»
Светилен праздника Успения Богоматери.*

Путь в Гефсиманию: место побиения святого первомученика Стефана. – Предание о монастыре на месте нападения жидовина на гроб Богоматери. – Спуск в подземелье гроба Богоматери: престолы в память Иоакима и Анны, Св. Иосифа Обручника, Св. Стефана первомученика. – Часовня гроба Богоматери. – Предание об успении, погребении и взятии Ее на небо. – Придел сирийцев. – Архондарик. – Празднование в Гефсимании всечестного Успения. – Место моления о чаше. – Масличные деревья.

Из всех окрестных мест Святого Града самое любимое и наиболее посещаемое нашими богомольцами есть Гефсимания или подземный храм, в котором находится погребальная пещера Матери жизни, в успении своем нас не оставляющей.

Описывая это по справедливости досточтимое место, наш древнейший паломник игумен Даниил выражается об нем так: «Гефсимания есть село, идеже есть гроб святыя Богородицы, близ града Иерусалима на потоце кедрстем во юдоле плачевне». В субботний день, едва забрезжит утро и отворятся Гефсиманские врата в восточной стене, по Страстному пути из всех городских монастырей, занятых русскими поклонниками, спешат молчаливо, обгоняя друг друга, русские богомольцы, чтобы застать Литургию в Гефсиманской церкви, начинающуюся так рано, как только позволяет время, определяемое отвержением городских врат. Некоторые усердные богомолки приходят к воротам еще до их отвержения и своим появлением как бы напоминают полусонной турецкой страже ее обязанности. От ворот до нижнего моста, перекинутого через поток Кедрский, пролегает широкая недавно разделанная дорога; на этом пути ныне указывают лишь одно замечательное место, находящееся в самом низу почти против моста:

это место побиения камнями первомученика Стефана; оно означено большим плоским камнем, вросшим в землю, который благоговейно лобызают поклонники. Недалеко от него сухая систерна, в которую, как говорит предание, было брошено убийцами тело мученика и после извлечено христианами для честного погребения.

Но игумен Даниил указывает на этом пути еще и другую замечательность: «и есть, – говорит он, – близ Иерусалима меж востоком летним и зимним от врат градных сажень 50, до места, идеже жидовин Афония хотел соврещи со одра тело святой Богородицы, егда несли и апостолы погребсти в Гефсиманию, отъяж ему Ангел Господень руце обе мечом пламенным. Есть на месте том монастырь женский и нынеж разорен бысть от поганых». Это подтверждает слышанный мною рассказ, что при обделании дороги или спуска в Гефсиманию на углу, где стезя эта заворачивает направо, открыли подземную церковь, но поспешили засыпать вход в нее, боясь подозрительности турецких властей. Одни полагают, что это нижняя часть церкви во имя святого первомученика Стефана, о которой тоже упоминает Даниил, а другие – что это подземелье принадлежит одному из древних монастырей, может быть тому самому, о коем упоминается выше. А оттуда до гроба святой Богородицы, продолжает Даниил, сажень сто. Далее следует описание самого гроба и пещеры. Но мы прежде еще должны описать подземелье, ибо самая пещера с гробом Богородицы составляет лишь часть его.

Поклонясь месту убиения Стефана и перейдя древний каменный мост, перекинутый чрез иссохшее русло потока Кедрского, из глубины которого с обеих сторон возвышаются деревья и кустарники, осеняющие этот почтенный остаток древности, и оставивши вправо площадку, посреди которой возвышается развесистый теревинф, вы спускаетесь по каменным ступенькам «на удольное место», как выразился Даниил, и останавливаетесь на нижней площадке, перед входом в подземелье. Лицевой фасад этого входа во вкусе византийском; двери его украшены небольшими колоннами и оканчиваются прекрасною огивою (остроконечною аркою), украшенною резьбой. Но что особенно удивляет своим величием – это входная лестница: пятьдесят мраморных ступеней, шириной от одной стены до другой на тринадцать локтей, ведут во внутренность подземелья; над ними возвышается свод из больших гладко тесанных

камней, и так понижаясь постепенно, этот сход приводит вас в подземное святилище, вид которого мало-помалу проясняется при таинственном блеске лампад, подобно звездам небесным освещающих его сумрачные своды; атмосфера этого подземелья пропитана благоуханием кадильным. Мусульмане, почитая это место наравне с христианами, говорят, что в этом храме обоняется райское благоухание. Через пять ступеней с правой стороны от входа видны заложенные двери, которые вели в церковь женского монастыря, находившегося наверху, так что гробовая пещера приходилась под алтарем ее. Уже наш паломник Даниил (XII века) упоминает об этой церкви в прошедшем времени, говоря: «а прежде того была церковь создана вверху над гробом святой Богородицы во имя Успения, и ныне же разорена есть от поганых, и гроб Богородицы был под алтарем той церкви». Через пятнадцать ступеней находятся на обеих сторонах два почти противоположных покоя. Правое отделение заключает в себе два престола – один на восток Св. Иоакима, другой на север Св. Анны; эти престола, по преданию, находятся на гробах родителей преблагословенной Девы Марии. Оба эти алтаря принадлежат грекам. С другой стороны покой равной величины вмещает в себе престол во имя святого Иосифа Обручника, устроенный, по преданию, над его гробом; говорят, что прежде был тут и престол над гробом Симеона Богоприимца. Это отделение принадлежит армянам.

Это подземелье, как говорит Никифор, обделано еще во времена свв. царей Константина и Елены; стены и своды выкладены из тесаного камня; тотчас по сходе на правой стороне у стены престол во имя святого Стефана первомученика: он, так же как и находящийся на другой стороне у стен же, принадлежит грекам. Во время служения у гроба Богоматери у этих приделов становятся их певчие. От придела Св. Стефана начинается верхняя ветвь пещерного креста (так как вся пещера представляет собою форму правильного четырехстороннего креста), и во глубине этой ветви находится главная святыня – погребальная пещера с гробом Богоматери. Во мраке подземелья блеск ламп и свечей изнутри вертепа, как путеводный светоч, указывает дорогу ко гробу Матери жизни, Царицы и Девы. Он иссечен в натуральной скале совершенно таким же способом, как Гроб Спасителя, то есть составляет внутри подземного храма особую часовню (кувуклию). Со внешней ее стороны по левую сторону от

входа прислонен алтарь армян, которые постепенно втеснились в это подземелье: получив сперва позволение повесить здесь три лампы лет 30 тому назад, они потом с помощью золота разделили с греками владение погребальной пещерою, получив право служить вслед за ними на самом гробе Божией Матери.

Через маленькие двери полусогнувшись можно войти внутрь пещеры, половину которой занимает гробовое ложе, вытесанное в той же скале у восточной стены, покрытое доскою из белого мрамора с синими жилками, – здесь-то лежало тело Царицы неба и земли. Ложе гробовое в три локтя длины служит престолом для греков и армян. Двадцать неугасимых лампад горят внутри пещеры, которая как внутри, так и снаружи остается в своем натуральном виде, но изнутри стены ее завешаны шелковыми тканями.

Известно, что возлюбленная Мать Еммануилева и наши со святым своим телом взята на небо; но подробности сего сказания, сохраненные церковным преданием, не всем известны; и хотя Церковь не придает одинаковой значительности всем этим преданиям, однакож, полагаю, верующим приятно будет знать, что именно говорят предания об этом чудесном взятии на небо Матери жизни. По вознесении Господа нашего Иисуса Христа Богоматерь пребывала на Сионе в доме возлюбленного его ученика Иоанна. Часто ходила она на Елеонскую гору, особенно любимую Спасителем, чтобы на месте вознесения Его на небо возноситься мыслию к небу, и, в любви превысшая самих Херувимов, жаждала скорейшего разрешения от уз плоти и соединения с возлюбленным Сыном и Богом. Однажды, когда она таким образом проводила время в молитве на Елеоне, предстал перед нею Архангел Гавриил и возвестил, что чрез три дня она будет вознесена превыше ликов Ангельских, и подобно Сыну, сказал ей Архангел, одержишь победу над смертью, ибо только уснешь на мгновение, а пробудившись узришь бессмертную в блистании лица Господня жизнь и услышишь гласы радования и хваления. В знак этой победы Архангел Гавриил подал Пречистой Деве ветвь райской пальмы, сияющую небесным светом, как бы некий луч благодати, взятый у самого подножия высочайшего трона. Когда исчез Архангел, Дева Мария, проникнутая неизреченною радостью, воспела благодарственную песнь, и когда в смирении духа она склонила чело свое перед Богом, тогда поклонились Пренепорочной все масличные деревья, преклонив к земле свои

вершины. Еще пред успением святейшей Девы все апостолы, разошедшиеся по всему свету, собрались чудесным образом во Иерусалим, шествуя на облаках, дабы проститься с Матерью рода человеческого. Сладким сном, среди райских видений, улетела благословенная душа Марии, в хоре Архангелов, Херувимов и Серафимов, в присутствии возлюбленного Сына, Утешителя Духа и предвечного Отца. апостолы, опрятав честное и святое тело, понесли его с пением ко гробу в долину Иосафатову, где уже почивали останки ее родителей. Все христиане шли около возлюбленной Матери; над телом ее неся венец из ясных облаков, на которых невидимые Ангелы райскими напевами утешали печаль верных и наполняли небесным утешением богобоязненные души. Старцы еврейские – фарисеи и книжники, видя, с какою торжественностью христиане провожают святые останки, выслали множество людей, чтобы отобрать и сжечь честное тело святой Девы; но венец из облаков, носившийся вверху погребального шествия, внезапно окружил собою всех христиан, а чрезвычайный блеск от этого круга или венца поразил нечестивых слепотой. Таким образом христиане беспрепятственно продолжали свое шествие, а венец облачный снова светил в воздухе над ними; тогда проходивший мимо жидовин Афония бросился ко гробу с намерением опрокинуть его, но едва коснулся одра, пораженные пламенным мечом Архангела обе руки его внезапно усохли; обращенный этим наказанием, он просил о прощении и за молитвы апостолов был исцелен, не только он, но и все ослепшие получили прозрение, ибо в день победы над смертью Матери милосердия и всяких щедрот даже и злые дети сделались причастниками ее неизреченной благодати. Через три дня по положении во гроб пречистого тела прибыл апостол Фома и, неутешный от печали, что опоздал на погребение, хотел по крайней мере почтить поклонением святое Тело; но когда апостолы, собравшись, отверзли гроб, уже не нашли в нем святого Тела и в удивлении не знали, что подумать, что предпринять, как вдруг святой Фома по выходе из пещеры узрел возносящуюся на воздухе пренепорочную Деву, сияющую всем блеском вечной славы и окруженную хором Ангелов, воспевающих песнь хваления. Апостол в восторге сыновней любви простер длани к возлюбленной Матери, и тогда для услаждения его печали преблагословенная Мария бросила ему с высоты свой пояс. Большая часть этих подробностей вошли и в

состав церковных песней, которыми мать наша Церковь так трогательно ублажает Матерь Жизни в день Ее преславного успения: «егда изшла еси, Богородице Дево, ко из тебе рождшемуся неизреченно, баше Иаков брат Божий, и первый священноначальник, Петр же честнейший верховник, богословов начальник, и весь Божественный апостольский лик, явленным богословием песнославяще Божественное и страшное Христа Бога смотрения таинство, и живоначалное и богоприятное твое тело погребше, радовахуся, Всепетая, превыше же пресвятая и старейшая Ангельския Силы, чудеси дивящися, приникше друг ко другу глаголаху: возмите ваша врата восприимите рождшую небесе и земли Творца, славословленми же воспоем честное и святое тело, вместившее нами Невидимого и Господа; темже и мы память твою празнующе, вопием ти, препетая: христианский род вознеси, и спаси души наша». – «Яко на облаце, Дево, апостольский лик носимь к Сиону от конец (земли), служити тебе облаку легкому собирашеся, от неяже вышний Бог сущым в тме и сени праведное возсия солнце». – «Лик богословов от конец (земли), свыше же Ангел множества к Сиону идяху, всесильным мановением, достодолжно, Владычице, твоему погребению служаще. Постиге руце досадательныя дерзого, усечением суд нанес, Богу сохраншу честь, одушевленному кивоту, славою Божества, в немже Слово плоть бысть».

По выходе из погребальной пещеры боковой дверью (южной) увидите прислоненный к стене придел сирийцев. Отделение, находящееся позади часовни Гроба Богоматери, принадлежит исключительно грекам; там находится престол и жертвенник, на котором обычно совершают проскомидию при служении Литургии на самом гробе; тут хранится ризница, тут же небольшая систерна (у северной стены). С южной стороны гробной пещеры отведено особое место для молитвы мусульман, которые, особенно женщины, чтут Пречистую Деву – Мариам, как мать великого Пророка Исы... Нередко случается, что набожные мусульманки просят у греческого пономаря освященного масла и ваты как лекарства для больных детей, поведая, что к сему побуждают их примеры многих исцелений... Ежели где, то на востоке вполне сбылось пророческое слово самой Приснодевы: «отныне ублажат мя вси роди». Здесь имя Марии чтится без различия всеми племенами и всеми исповеданиями; но не то видим на западе, где жалкое заблуждение Лютера отторгло от молитвенного прибегания к «Заступнице усердной и теплой молитвеннице нашей»

столько тысяч душ... В северной ветви храма устроен греческий архондарик (приемный покой), где почетные богомольцы бывают угощаемы после Литургии кофеем и записывают для поминовения свои и родителей имена. В мою бытность гефсиманским игуменом был о. Нафанаил из болгар (в последствии епископ Иорданский), человек обязательный и весьма расположенный к русским богомольцам, которые, впрочем, и заслуживают сего, ибо они преимущественно пред другими поклонниками усердны к посещению гроба Матери Божией и считают за грех пропустить субботнее служение в Гефсимании, кроме разве тяжкой болезни.

Остается поведать, как празднуется в Гефсимании у гроба Богоматери праздник всечестного Ее успения: накануне сего великого праздника бывает торжественное служение в Гефсимании при собрании всех православных христианских поклонников. Мне случилось участвовать в празднестве этого поистине веселого в духовном смысле дня в 1864 году. В 9 часов утра собрались в зеленую палатку, раскинутую под тенью развесистого теревинфа на верхней площадке против устья Гефсиманского вертепа, – все греческие архиереи и уселись по-восточному на диванах в ожидании прибытия Патриарха. Вскоре прибыл Патриарх с небольшою свитою. Тогда все поднявшись пошли в храм, уже преисполненный народом. Позади часовни гроба Богоматери была уготована плащаница, торжественно перенесенная сюда руками священников из Гефсиманского подворья, следуя через Сион, по тому самому пути, которым был некогда несен руками апостолов погребальный одр Богоматери. Плащаница эта имеет вид одра на четырех ножках, на коем под балдахином возлежат двустороннее изображение Богоматери (фигура обрезана по контуру) в серебропозлащенном окладе с обеих сторон и в венцах, сияющих драгоценными камнями; эти украшения – дар русской Мелании – графини А. А. Орловой. Эта икона утверждается на одре ребром, так что со всех сторон видно изображение Приснодевы, возлежащей на одре со скрещенными на груди руками. По углам балдахина восемь Ангелов: четыре внизу с крестами в руках, имея лицо обращенное к Богоматери, четыре наверху с хоругвями, лица их обращены наружу. Верх балдахина оканчивается короною, украшенною живыми цветами; ими же и ароматическими травами усыпан не только весь одр, но и путь шествия. Началось облачение; к выносу плащаницы наместник

Патриарха облачился в полное облачение, два архиерея возложили поверх мантии малые омофоры и епитрахили; архимандрит и иеромонах, назначенные для несения плащаницы, надели фелони и епитрахили. По выносе плащаницы на средину храма (из-за часовни) началось отпевание на три статьи, на двух языках, греческом и арабском; между статьями ектении возглашались по-славянски нашим иеродиаконом. В числе певчих пел одушевленный восторгом народный греческий поэт-слепец Тандалидес, занимающий поныне место профессора словесности в Константинопольском высшем духовном училище на острове Халке. Его умильный голос проникал до сердца, а избыток чувств выражался слезами, катившимися обильно из потухших очей, как посильная дань любви к Царице неба и земли. В начале каждой статьи было архиерейское каждение. По великом славословии и хвалитных плащаницу донесли по ступеням входной лестницы до самого верха ее, и тем кончилось служение в память погребения Божией Матери на месте самого события. Всенощная была в свое время и продолжалась почти через всю ночь. Литургию в день успения на гробе Богоматери служил преосвященнейший Мелетий с архимандритами греческим Виссарионом и арабским Софронием, причем по обычаю читано Евангелие, делались некоторые возгласы и произносились целые ектении по-славянски, ради поклонников сего языка.

Сколько раз ни случалось мне посещать гефсиманскую погребальную пещеру, всегда я уносил в душе моей самые отрадные впечатления. Не раз, пользуясь расположением о. игумена, как славянина к славянину, я совершал Литургию на гробе Богоматери и все богомольцы при этой вести спешили толпами в погребальную пещеру подышать ее райским воздухом, колеблемым звуками родного, гармонического языка. Певчие (самоучки из русских же богомольцев) от полноты сердечного усердия ликуя воспевали: «побеждаются естества уставы в тебе, Дево чистая...», и невольно приводили в сочувствие со своим настроением всех предстоящих; болгары крестясь говорили: «а то лепо есть», а арабы: «таиб москов, катерхере» — хорошо, московцы, благодарим.

Рядом с Гефсиманскою погребальною пещерою с юго-восточной стороны ее находится другая пещера, которая состоит в исключительном владении латинян. Они называют ее «гротом агонии»

(истощания), указывая, что будто здесь место последней земной молитвы нашего Спасителя, которая, как известно, была в саду Гефсиманском; сад же Гефсиманский находится далее на юг. В той же пещере они указывают место, где уснули спутники Иисуса в то время, как он «поклонь колена, молящися». Одним словом, из желания усвоить исключительно принадлежащему им месту одно из важнейших евангельских событий, францискане затруднились, вопреки исторической точности, соединить в нем указания на события, которые, по самому буквальному смыслу евангельского сказания, относятся к разным местам, что мы и докажем ниже. Вход в пещеру имеет железную дверь, ключ от которой находится у сторожа Гефсиманского сада. Внутри пещера эта довольно обширна и содержится в большой чистоте; стены оставлены в натуральном виде. В восточной стороне пещеры небольшой алтарь, над которым картина, изображающая «Моление о чаше», а наверху латинская надпись из Евангелия от Луки: «Быв в подвизе, прилежнее молящися; бысть же пот Его яко капли крове каплющия на землю»^[57].

Но православное предание, издревле существующее, называя эту пещеру местом, где оставались апостолы в то время, когда Иисус, «поем Петра и оба сына Заведеова», пошел помолиться уединенно, – указывает «место моления о чаше» далее от нее «на вержение камене», а именно противу юго-восточного угла ограды так называемого «Гефсиманского сада», под которым ныне разумеется небольшой участок земли, где растут восемь старинных маслин, купленный латинами и с 1848 года обнесенный четырехугольной стеною. Назначаемое же православным преданием место «моления о чаше» до 1848 года не принадлежало никому исключительно и осталось вне ограды, сделанной в этом году латинами, именно потому, что высокое значение, издревле усвояемое сему месту, и общая известность его в Иерусалиме не позволяли православным уступить оное в исключительное владение латинян, хотя они этого и домогались.

Священнейшее по соединенным с ним воспоминаниям место это обозначено стенами из камней, составляющих фигуру в виде буквы П. В основании поперечной стены лежит большой самородный камень с жилами красноватого (кровяного) цвета, как бы в напоминание относящегося к сему месту изречения Евангелия: «бысть же пот его, яко капли крове каплюция на землю» (Лк 22, 44). Две продольные невысокие стенки образуют узкий проход к упомянутому большому камню, ограждая самое место; по правую сторону и позади его высятся маслины, не вошедшие в ограду так называемого ныне латинами Гефсиманского сада (известно, что этим именем во времена Спасителя называлась вся долина, лежащая у подошвы Елеонской горы и Гефсиманской пещеры), но выросшие на той же самой земле, которая была орошена слезами и потом ее Создателя, а потому простые православные богомольцы, не желая одолжаться латинами (которые пускают в свой огражденный сад не во всякое время и притом «зрят на лица»), нередко обламывают нижние ветви этих деревьев, унося их в свою далекую родину на память о священном месте. Одна-то из таких веточек вдохновила нашего поэта написать известные стихи: «Ветка Палестины». В награду ему эти мелодичные стихи невольно вспоминаются здесь тому, кто хотя однажды читал их:

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины

Ты украшением была?
Заботой тайною хранима,
Перед иконою святой
Стоишь ты, ветвь Иерусалима,
Святыни первый часовой.

У самой подошвы Елеонской горы, против восточной стены Гефсиманского сада, «яко вержением камени» от упомянутой выше пещеры, принадлежащей латинам, показывают, также согласно древнему преданию, место, где, отягощенные сном, опочили три апостола – Петр, Иаков и Иоанн – во время духовной предсмертной борьбы Иисуса; там уступ и выемка скалы представляют удобность к успокоению.

В подтверждение древности православного предания о месте «моления о чаше» мы можем сослаться на свидетельство нашего древнейшего паломника игумена Даниила; он пишет: «а от гроба Богородицы до пещеры сажен 10-ть, идеже предан был Христос от Иуды на 30 сребренник жидом, и ту есть место близ пещеры тоя, яко довержет муж камнем малым, при горе Елеонстей, идеже помолись Отцу своему в нощи, в нюже предан бысть на распятие Иудеем и рече: Отче, аще возможно, да минет чаша сия от мене. И есть на месте том создана церковь мала»^[58]. Это свидетельство подтверждается и местным православным преданием, которое говорит, что на месте моления о чаше была в древности церковь. Сообщаемое же Даниилом предание, что пещера, принадлежащая ныне латинам, считалась местом предания Иисуса воинам, подтверждается и позднейшими паломниками. Так, неутомимый наш пешеход Барский, посетивший Святые места в 1726 году, говорит: «вне церкви Гефсиманской абие, не далече одесную, есть место, идеже глаголют, яко Иуда лобзанием Христа предаде Иудеем, и тыя возложше нань руце, яша Его; тамож де и пещера, идеже скрышася апостолы страха ради Иудейска»^[59]. То же подтверждает и саровский иеромонах Мелетий, посетивший Святые места в 1794 году: «Вверху от врат пещерных, прямо возле стены за востокополуденным углом, находится пещера, которья верх поддерживается столпом, стоящим в середине. Здесь, сказывают, скрывались апостолы страха ради Иудейскаго»^[60]. Место же моления о

чаще он указывает согласно с греческим преданием: «место сие, – говорит он, – находится при подошве Елеонской горы, средней ее вершины или холма. Оно назначено на самородном камне крестом. Здесь поклонники наставляемы бывают прочитывать молитву Господню: «Отче наш»^[61]. Надеемся, что приведенных нами свидетельств достаточно для того, чтобы убедить наших читателей, что не зависть греков к исключительному обладанию латинами пещерою (как выразился один из наших новейших паломников, писателей), в которой или близ которой дано нашему Спасителю адское лобзание Иудею в знак Его предания воинам, заставила греков отвергать придуманное латинами, единственно вследствие исключительного обладания этою пещерою, предание, будто бы здесь место предсмертной молитвы нашего Спасителя; ибо православное предание, указывающее это последнее событие у подошвы средней вершины Елеонской горы, существует издревле, как сие видно из описания нашего паломника XII века, посетившего Иерусалим в то время, когда все Святые места были во власти крестоносцев и некому было оспаривать у них права называть все их своими.

Поклонившись месту Моления о Чаше, зайдем и в так называемый Гефсиманский сад взглянуть на древние маслины, оберегаемые его оградой. Небольшая железная калиточка в том же юго-восточном углу ведет внутрь огражденного пространства. Оно почти квадратное, 22 сажени в ширину и 23 в длину. Еще зеленеют восемь древних маслин – маститые остатки древнего обширного Гефсиманского сада, и поклонники всех вероисповеданий оказывают им достоподобное уважение, ибо даже и те, которые не признают, чтобы эти самые деревья были свидетелями предания нашего Спасителя, не могут отвергать, что они растут на земле, орошенной слезами и кровавым потом Его последней молитвы.

«Масличные деревья (пишет западный паломник г. Мишо в письмах своих с востока), находящиеся на этом месте, были свидетелями всех переворотов, через какие проходил Иерусалим. О них вспоминают самые древние хроники, древнейшие пилигримы. В XVII веке их было еще девять, теперь (в 1820 году) осталось только восемь; их окружает лишь простая стенка из камней, но редко кто осмелится протянуть руку к плодам, которые они производят; из них делают только священные предметы (святое масло, а из косточек четки), и все

имеют их в большом почтении, как свидетелей Божиих и современников Иисусу Христу». Некоторые писатели возражали против этого, что Тит приказал вырубить все деревья в окрестностях Иерусалима; но известно, что масличное дерево возрождается не только от пня, но и от оставшегося в земле корня. Ежели в XVII веке было только девять масличных деревьев в этом саду, то надобно полагать, что в предшествовавшие столетия было их несравненно более. На эту мысль наводит то, что древние паломники не обозначали их счетом, замечая лишь просто, что у подошвы Елеонской горы много масличных деревьев. Так, например, наш паломник Барский, посетивший Иерусалим в начале XVII столетия, пишет: «начахом абие восходити на гору Елеонскую между садами масличными», не делая никакого особого замечания о ныне огражденных деревьях^[62]. Что же касается до древности этих деревьев, к вышеприведенным замечаниям историка крестовых походов (г. Мишо) красноречивый Шатобриан прибавляет: «Масличное дерево почти бессмертно, ибо оно возрождается от пня. В Афинской цитадели сохранилось масличное дерево, которое достигает эпохи основания города. Масличные деревья Гефсиманского сада достигают по крайней мере эпохи Восточной империи, на что имею следующее доказательство. В Турции каждое масличное дерево, которое застали мусульмане в то время, когда овладели краем, платит только один медын в казну, тогда как с каждого дерева, посаженного после овладения краем принадлежит султану половина плодов. Восемь масличных деревьев Гефсиманского сада обложены таксою в восемь медынов подати...». Разница в этом собирании подати, вероятно, происходит от того, что оливковые деревья, достигнув известного возраста, дают менее плода, и то очень редко. Деревья Гефсиманского сада с 1840 года в течение восьми лет вовсе не давали плодов. Следовательно, плохая была бы прибыль казне, если бы собирать с них подать натурою; денежная подать с таких деревьев очевидно вернее и составляет определенный доход. Деревья эти показались достоверно древними даже и таким сомнящимся писателям, каков маршал Мармон; «Еще стоят, – пишет он в своем путешествии, – восемь масличных деревьев, вероятно из числа тех самых, которые были во времена Иисуса Христа. Два из них имеют по десять с половиной аршин в обхвате. Известно, как долго живет масличное дерево, как легко растет и развивается. Под этими-то деревьями, вероятно, не раз Христос

отдыхал и беседовал с учениками, среди этих деревьев был, вероятно, взят, когда оставили Его ученики...». Но особенную цену имеет мнение о них доктора Шуберта, протестанта, как известного ботаника. Он посещал это место еще в 1837 году и пишет о нем следующее: «Есть в этом саду несколько масличных деревьев, принадлежащих отдаленной древности, к которым даже турки имеют большое почтение. Вид их, особенно когда принять во внимание век, до которого могут дойти эти деревья, подтверждает предание, относящее их к глубокой древности. Они дуплисты и изнутри истлели; для того чтобы ветер не мог сломить их, дупла их наполнены мелкими камнями; пни также обложены камнями для укрепления...». Но особенно красноречиво описал их Ламартин в своем «Путешествии на восток», хотя и ошибся в счете, ибо видел их только семь, тогда как их восемь. «Недалеко от Гефсиманской пещеры, – пишет он, – есть малый уголок земли, отененной еще семью масличными деревьями, на которые народное предание указывает как на те самые, под которыми плакал и молился Христос. В самом деле деревья эти на своих пнях и бесчисленных корнях носят выразительную печать веков, которые протекли от той великой ночи. Огромные их пни, подобно как у всех старых масличных деревьев, состоят из большого числа толстых отраслей, которые как бы срослись в дерево под одною корой и образуют связку колонн, соединенных вместе. Ветви их, почти высушенные, производят однако же по несколько маслин. Мы подобрали лежавшие на земле под деревьями, стрясли еще несколько с религиозною осторожностью и собрали их как священную память с этой земли для своих приятелей. Я понимаю, как сладко должно быть для души христианской молиться, перебирая в руках зерна маслин с этих деревьев, которых корни утучнил Иисус, обливая их Своими слезами, когда в последний раз молился на этой земле. Ежели это и не те самые деревья, то несомненно отрасли тех самых священных деревьев. Ничто однако не доказывает, чтобы это были не те самые деревья. Я посетил все части света, где растет масличное дерево. Оно живет целые веки, и нигде не встретил я масличных деревьев более толстых, как в Гефсиманском саду, хотя они стоят в грунте скалистом...»

Мы прибавим к этому описанию, что не каждый так счастлив, как г. Ламартин, чтобы мог найти маслины, просто валяющиеся на земле. Ни трясти, ни обрывать их нельзя, даже «с благочестивою

осторожностью»; отламывать ветки также, – словом, всякое повреждение дерева запрещено под угрозой церковного проклятия. Один только страж сада и его владельцы – францискане имеют позволение уделять посетителям сухие веточки или несколько маслин, которых деревья по старости своей дают мало, и те употребляются на святое масло, а из косточек делают четки, которые ценятся недешево для посторонних отцами Святой Земли. Около деревьев на всей окруженной стенами площадке разведен садик с несколькими дорожками, содержимый весьма старательно. Благоухающие цветы, различные кустарники и бальзамические травы растут у подножия деревьев и заслоняют от солнечного жара простирающиеся на несколько сажен по земле обширные их корни.

В северо-восточном углу построен небольшой домик – жилище огородника. Твердое канапе, служащее вместе и ложем, стол, лавка, деревянные полки с глиняными сосудами, малая кухонька в углу и большое Распятие над дверями составляют все украшение кельи стража Гефсиманского сада. Какая почетная стража может сравниться со стражею в саду Гефсиманском!.. Какая высокая честь, но вместе какое и самопожертвование!.. Всякий почти раз, когда я был на Елеонской горе, заходил и в Гефсиманский сад; добродушный итальянец, сменивший в 1859 г. сурового испанца, принимал меня всегда очень ласково, дарил веточки от священных маслин, цветы и семена, за что, конечно, всякий раз получал благодарность. Однажды застал я в Гефсиманском саду целую компанию арабских шейхов, которые, сидя на коврах в беседке, составленной из покрытых благоухающими цветами роз, наслаждались благим кейфом, потягивая благовонный дым из своих наргиле. Испанец усердно хлопотал, угощая кофеем своих гостей. Такое знакомство, как поведал он, обеспечивает отчасти безопасность его пребывания в безлюдной местности, вне городских стен, от ночных посетителей.

Гора Елеонская или Масличная

Предания о Богородице. – Место плача Спасителя о Иерусалиме. – Гробы пророческие. – Место происхождения молитвы Отче наш. – Место предсказания кончины мира. – Место вознесения. – Вид с вершины Елеонской горы. – Гора соблазна. – Малая Галилея. – Пещера преподобной Пелагии.

Каменистая и довольно крутая стежка ведет на Елеонскую гору и при самом вступлении на нее над Гефсиманским садом виден ровный беловатый камень, на котором, по преданию, имела обычай отдыхать Мать Божия, когда, живя на Сионе, посещала эту любимую гору, где все напоминало ей ее Божественного Сына. На том же самом месте она стояла, как говорит предание, во время побития камнями святого Стефана и своим присутствием и молитвою за него способствовала подвигу первомученика. Если нельзя утверждать подлинность этого предания, то вместе трудно и не чувствовать благодарности за его сохранение. Это беспрестанное соединение воспоминаний нежнейшей Матери и Божественного Сына есть чувствительное доказательство человеческой благодарности, и потому все предания о пренепорочной Деве заслуживают тщательного сохранения, хотя и нельзя представить точного о них свидетельства.

Далее на той же стежке шагов шесть повыше есть камень, на котором, по преданию, стоял апостол Фома, когда Царица небесная, явившаяся на воздухе, бросила ему оттуда свой девственный пояс; падая на камень, он оставил на нем следы, которые показывают и доселе.

Почти в половине Елеонской горы видна полуразвалившаяся мечеть среди прекрасной группы маслин: это место, где Господь плакал о Иерусалиме в день своего торжественного въезда в оный, то есть в Вербное Воскресенье. Спаситель с прилежащего селения Вифсфагии приближался к Иерусалиму, среди многочисленной толпы народа взывавшего: «осанна сыну Давидову», и узрев отсюда город, прозрел в своем Божественном всеведении всю несчастную будущность этого ослепленного города и плакал над ним, прорицая: «приидут дние на тя и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и обьмут тя отвсюду.

И разбьют тя и чада твоя в тебе, и не оставят камень на камени в тебе, понеже не разумел еси времени посещения твоего» (Лк 19, 43, 44). И как страшно исполнилось это предсказание на Иерусалиме! Но святые слезы доказывают любовь Спасителя к своей земной родине, хотя столь неблагодарной. – С этого места бросается в глаза мечеть Омарова, занявшая место древнего храма Соломонова; она поражает своею величиною и красотой; далее масса из желто-белых зданий с террасами и куполами сливается в одно целое; из них выдаются купола храма Воскресения и Гроба Господа, австрийский странноприимный дом, Замок Давидов и армянский монастырь вправо; влево видна часть Сионской горы и на ней место Тайной Вечери – мечеть Неби-Дауд; горизонт ограничивается с этой стороны горами пустынной Аравии, вечно покрытыми красно-сизым туманом от испарений Мертвого моря. Ежели теперь отсюда прекрасный вид на Иерусалим, то прежде, когда город был богат и полон великолепных зданий, это место действительно могло быть лучшим пунктом для обозрения Святого Града одним взглядом.

Поднимемся выше, идя поперек горы к южной стороне ее для осмотра гробов пророческих: их найти одному без провожатого довольно трудно. Смотря на вход, можно подумать, что это какая-нибудь высохшая систерна; круглое отверстие, высеченное в скале, открывает не совсем удобный спуск в глубокое подземелье, но спустившись в него, чему отчасти способствуют набросанные на дне камня, увидим круглую залу, а около нее идет большой круглый коридор, также высеченный в скале, из которого в разные стороны отделяются столь низкие коридоры, что если кто желает войти в них, то может сделать это лишь ползком; в них встречаются и одинокие гробовые ниши, и несколько больших пещер. Хотя эти гробы, может быть, самые обширные в Иерусалиме, но самой грубой работы, ибо иссечены в скале попросту, без всякого определенного плана; внутри чрезвычайная духота, а неприятное ползание со свечью скоро выгоняет оттуда самого любопытного. Иосиф Флавий, еврейский историк, называет эти пещеры голубятником, потому что здесь в его время размножились дикие голуби. Неизвестно, каких пророков остатки погребены здесь, однако самое предание о могиле этих вдохновенных мужей уже достаточно вознаграждает труды, подъятые при посещении этих мало известных и мало посещаемых гробов.

Несколько далее, идя в гору, встретите разоренную систерну, от которой остались лишь стены, выкладенные в земле, и несколько разрушенных арок. Наш паломник XII века игумен Даниил, описывает это место так: «Ту есть церковь вельми создана; исподи-ж, под алтарем, есть печера велика, в той печере научи Христос ученики своя пети: Отче наш, иже еси на небесех. То место так зовется Отче наш». Весьма правдоподобно, что здесь, на пути из Вифании, где жили Мария и Марфа, в Иерусалим, остановился Спаситель для научения апостолов молитве Господней. Нужно ли говорить, как сладко повторять молитву Отче наш на месте ее происхождения, откуда этот глас прошения, благодарения и славословия разошелся по всему свету? Латинское предание говорит, что в этой пещере двенадцать апостолов, прежде чем они разошлись с проповедью Евангелия по вселенной, составили здесь исповедание веры, названное посему «Апостольским», а место «Отче наш» переносят (латыне) на несколько шагов далее, где лежит небольшая колонна; но мы, как выше упомянуто, будем следовать местному преданию Православной Церкви. В каких-нибудь тридцати шагах отсюда, поднявшись выше в северную сторону, показывают то место, где Спаситель предсказал кончину мира. Там еще видны следы фундамента церкви, которая стояла здесь прежде. Читая на этом месте, в виду Иерусалима, Евангелие о конце мира и о Страшном суде, трудно не испытать сильного впечатления. Спаситель, выйдя из храма Соломонова, пошел на Елеонскую гору. У ног его расстился величественный вид древнего Иерусалима. Тройные стены города поражали своею огромностью, а над ними возносились башни, как бы отлитые из одного куска белого мрамора, – так искусно они сложены из больших, часто в двенадцать локтей длины белых тесаных камней. Внутри стен теснились пышные дворцы и портики со множеством колонн; но все это затмевал своею красотою храм, который возвышался на сто локтей, как казалось, смотря на него издали, горою поразительной белизны. Мраморные камни, входившие в состав его украшений, часто были длиною в пятнадцать локтей, а стены отовсюду имели врата, окованные чешуею из золотых блях. Множество дверей, окованных серебром и золотом, отражали восходящее и заходящее солнце и некоторые из них были вышиною в семьдесят локтей; кроме того над каждой дверью были различные украшения из золота и серебра, а особенно славилась виноградная ветвь, золотые грозди

которой были величиною в рост человека. Все карнизы были покрыты золотом, а самая крыша святилища заканчивалась золотыми заостренными шпильками, дабы не могли садиться на нее птицы. Около этого здания шли двойные галереи, опираясь на колонны в двадцать локтей вышины каждая, сложенные из цельных кусков белого мрамора^[63]. Таким величественным видом восхищены были апостолы; еще при выходе из храма один из них воскликнул: «Учителю, посмотри, какие камни, какие здания! а Христос отвечал, что придут дни, когда от всего этого не останется камня на камне». Простые евреи, какими были апостолы, полагали, что храм Иерусалимский будет существовать до скончания света, а потому слова Спасителя произвели на них чрезвычайное впечатление, и по восшествии на Елеонскую гору они снова стали спрашивать, когда это будет? Спаситель предсказал им конец света и опустошение города: «егда узрите обстоим Иерусалим вои, тогда разумейте, яко приближися запустение ему... и Иерусалим будет попираем языка, дондеже скончуются времена язык» (Лк 21, 20–24). Это предсказание, которое, по своему точнейшему исполнению, скорее может назваться историческим свидетельством, служит нам ручательством верности другого предсказания – о кончине света. Голод, мор, землетрясения, неслыханные утеснения, затмения солнца и луны, ниспадение звезд, движение сил небесных – вот грозные предвестники кончины мира, с наступлением которых люди будут изнывать от страха. Знамение Сына Человеческого, то есть крест, явится на небе, и тогда как молния, пролетающая мгновенно от востока до запада, явится Сын Божий на облаках со славою и силою многою, и пошлет Ангелов с трубами и гласом великим собирать всех людей от четырех стран света. И сядет на престоле величества Своего, окруженный верными слугами своими, и поставит добрых одесную, а злых ошуюю Себя, и тогда возгремит приговор неизменный на всю вечность. По таком предсказании Спаситель старается возбудить нашу осторожность, и с этою целью рассказывает на том же самом месте притчу о десяти девах, о приемших таланты, а наконец остерегает нас сими словами: блюдитесь, да не когда отягчают сердца ваши объядением и пьянством и внезапно найдет на вы день той... Читая все это обширнее в Евангелии и сидя на месте самого предсказания в виду страшной Иосафатовой долины, невольно чувствуешь трепет, тайную тревогу, и смотришь вокруг, уже не появились ли на небе и на земле эти грозные знаменья,

ибо по сказанному, небо и земля прейдут, но слова Господни не прейдут.

Обозрев святые места по скату Елеонской горы, наконец вступаем и на самую ее вершину, где Спаситель в присутствии учеников окончил дело искупления всеславным Вознесением на небо. Развалины, оставшиеся от нынешнего храма, воздвигнутого на этом месте святою Еленою, показывают, что он был круглый, имел около пятидесяти шагов в диаметре; изнутри шла вокруг колоннада, подставы (базисы) которой остались еще доселе; самый верх купола не был сведен, как вспоминает о сем Иероним и многие другие, ибо утвердилось мнение, что нельзя никогда свести купола на том месте, где вознесся на небо Спаситель. Теперь самые стены великого храма почти все разрушены; в середине двора над самым местом Вознесения стоит небольшая часовня, изнутри круглая, а извне восьмигранная, которая еще и теперь выказывает прежнее величие здания: она украшена вокруг колоннами коринфского ордена, из хорошего мрамора, с прекрасною резьбою разных центавров; но и этот остаток старины испорчен, а повреждения, происшедшие от времени, залеплены попросту глиною. Игумен Даниил, который видел храм Вознесения в всей красе его, говорит, что и эта восьмигранная часовня не имела покрова, ибо не хотели замыкать пути Вознесения Спасителя; однако теперь совершенно покрыта. В абсиде храма, то есть в дугообразном закруглении при великом алтаре, была прекрасная мозаика, изображавшая ниспослания на апостолов Духа Святого. Часовня имеет извне окружность двадцать четыре шага. При входе в двери виден по правой стороне след стопы Господа Иисуса, оттиснутый в натуральной скале, и этот след обложен мрамором в квадрат, но стопа видна хорошо. Прежние богомольцы старались отделить от этого следу камушек на память, однако след сохранился в целости, отчего и произошло предание, что он постоянно прирастает. Даниил видел здесь еще две стопы (в XII веке), но позже мусульмане высекли из скалы одну стопу и перенесли ее в мечеть Ель-Акса или древнюю церковь Введения Божией Матери, где этот след и сохраняется поныне. След, оставшийся на горе Елеонской, принадлежит левой ступне, которая обращена на север, следовательно и при Вознесении лицо Спасителя было обращено к северу, чем Он как бы призывал наших предков к Своей спасительной науке^[64]. Кроме мусульман только одни латины имеют право совершать свое

богослужение внутри этой часовни. Алтари же прочих вероисповеданий устроены на дворе церковном возле часовни: с востока алтарь греческий, потом сирийский, армянский и наконец коптский. В день Вознесения Господня и в Лазареву субботу собирается сюда духовенство разных вероисповеданий для торжественных служений и народ толпами покрывает эту святую гору.

С Масличной горы, которая есть самая высокая и красивая из гор, облегающих Иерусалим (и особенно с высоты минарета построенной на ней мечети), открываются восхитительные виды: внизу Иерусалим, растянутый длиною полосой; на восток чрез вовсе обнаженные, пустые горы взор достигает в долину Иорданскую до самого Мертвого моря, которое от преломления в нем солнечных лучей кажется издали массою растопленного металла. Далее видны горы песчаной Аравии, отделяющие пустыню древней земли моавитян от нынешней пустыни Земли Обетованной. Гора Небо ясно рисуется посреди множества гор и притом лишенных всякой растительности. Только один Иордан с деревьями и кустами, которые растут над его берегом, составляет зеленую полосу в этой картине; на север горы Ефраимские протягивающиеся к Самарии, и между ними высится гора Самуила с гробом этого пророка. На запад у подножия горы Елеонской долина Иосафатова с бесчисленным множеством гробовых памятников. Весь Иерусалим представляется отсюда так ясно, что можно нарисовать каждый дом; на земле нигде не заметно жизни и почти никакой растительности, исключая несколько скудных пальм, масличных деревьев, печальных кипарисов да напаловых кустов; в воздухе кружатся вдали вороны над горою Морию и мечетью Омара, красивейшим зданием нынешнего Иерусалима. На юг виды еще диче и суровее. Нет ничего ужаснее гор, окружающих Вифлеем: пустыня во всей своей наготе. Кедрон исчезает в глубоких ущельях, ведущих к монастырю Св. Саввы, и на месте древнего царства Иуды видны только пустые скалы, развалины и опять развалины. А главный фон картины желто-белый глинистый; отражение на нем лучей солнечных сильно действует на зрение.

Известно, что Масличная гора была любимой Господа нашего Иисуса Христа. По свидетельству Евангелистов, Он часто посещал ее; здесь окружал Его народ или апостолы и на просторе слушали божественную проповедь. Днем, как пишет святой Лука, Он учил в

церкви, а ночью пребывал на этой горе. Сколько святых молитв Его возлетело отсюда к небесному Отцу! В глубине долины у подножия горы, как жертва искупления, взяв на себя грехи всего мира, Он подвизается в молитве до кровавого пота; далее освящает всю ее, то молитвами, то предсказаниями, то проповедью, а самую вершину избирает трон для Своего вознесения на небо. И здесь же узрим второе пришествие Христа, уже не как Спасителя, но как грозного, неумытного Судии.

Все народы оказывают великое почтение этой горе, которая разделяется на три вершины: средняя называется местом Вознесения на небо, южная – горою Соблазна, потому что на ней Соломон поставил идолов (в угождение своим женам-идолопоклонницам) Астарты Сидонской, Хамоса Моавля и Молоха Аммонитского (3 Цар 11, 7; 4 Цар 23, 13), а северная вершина носит название малой Галилеи, или горы мужей Галилейских, потому что по преданию здесь был дом, в котором обыкновенно гостили пришельцы Галилейские и в котором также часто проживали апостолы. Отсюда же, по преданию, смотрели на Вознесение Господа ученики его и были утешены словами Ангела: «мужие Галилеистии, что стоите зряще на небо? сей Иисусе вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте его идуща на небо». Здесь же Христос по воскресении имел свидание с учениками во исполнение слов Ангела женам Мироносицам: «рцыте Петрови и прочим, яко варяет вы в Галилеи». Здесь прежде была церковь, ныне же кроме места, на котором она стояла, и сухой систерны, ничего не видно. Алтарь означен священными знаками, и христиане, приходя сюда, справляют свои моления.

Близ самой церкви Вознесения Господня, на юге находится пещера преподобной Пелагии. Вот история этой жены. Восемь епископов прибыло к Патриарху Антиохийскому для совещания о делах церковных. В величественном храме Юлиана совершается торжественное богослужение. Нон, епископ Бальбекский, славный ученостью и благочестием, проповедует в присутствии церковных пастырей и народа; в это время прошла через церковь гордая язычница, вся в жемчугах, драгоценных камнях и золоте, окруженная многочисленною свитою девиц и юношей, одетых в пышные одежды, с золотыми цепями на шее; но все затмевало ее дивная красота, смотря на которую люди не могли насытить своих взоров. Ее ничем не закрытое

лицо, ее обнаженные плечи уже доказывали ее всецелую преданность чувственным наслаждениям, если бы о том и не было известно из предшествовавших слухов. Выходя из храма, она наполнила его атмосферу ароматическими благовониями. Епископы при появлении этой женщины, по чувству стыдливости, опустили долу взоры, но епископ Нон смотрел на нее внимательно и потом вдруг, залившись слезами, взял из ее примера, из ее старания нравиться свету тему для своей проповеди о необходимости украшать с равной заботливостью нашу душу для снискания любви вечного Жениха и Невестохраниителя душ наших. На другой день снова богослужение; опять Нон проповедует: он говорит о Страшном суде, и снова язычница во всей пышности и блеске посещает святилище; но слово Божие падает на ее сердце, пагубная веселость исчезает и обильные слезы орошают ланиты. И вот в первой весне жизни, уязвленная сокрушением, она падает к стопам епископа Нона. Народ теснится около, привлеченный видом столь дивной благодати Святого Духа. И вот черная земная голубица, омытая в водах крещения, выходит убеленною паче снега. Потом Пелагия внезапно исчезла и никто не знал, куда она девалась... Тысячи пилигримов, прибывающих из отдаленных стран в Иерусалим, спешат за благословением к пустыннику и затворнику, водворившемуся на горе Масличной, а пастыри Церкви и сам Патриарх ищут совета у этого мужа, полного Духа. Самый род его жизни наполняет удивлением пришельцев, ибо более тридцати лет он живет безвыходно в каменном затворе, питаясь лишь хлебом и водою, которые подают ему чрез единственное малое окно его затвора. Постоянная молитва и разные суровые подвиги наполняли дни его. Но этот отец Святого Града, который преподавал верующим столько благословений, уделил столько спасительных советов, утешил столько печальных, возбудил своим огненным словом столько грешных к покаянию, – уже пошел за вечной наградой. Весь город с духовенством собирается к пустынной пещере, но когда открыли вход в эту добровольную темницу и начали опрятьывать честное тело к погребению, тогда напал на всех великий страх и удивление, ибо узнали, что этот пустынник была преподобная Пелагия.

По левую сторону, т. е. на север, от храма Вознесения Господня видны основания огромного монастыря и церкви армян. Армяне в 1840 году, получив от Порты позволение воздвигнуть это здание, надеялись сделаться исключительными владельцами Святой Горы. Греки и латины, соединившись на сей раз, повели дело так, что не только не допустили армян занять вершину Елеона, но еще выхлопотали повеление разорить вовсе начатую армянами постройку, что и исполнили с усердием.

Ныне на развалинах этого монастыря уже возникло небольшое селение Зейтун, населенное арабами-мусульманами. Идя далее на север по гребню вершины, увидите небольшую часовню, которую мусульмане посвятили памяти каких-то 40 мучеников. Еще далее на север, недалеко от стежки, показывают место, на котором Ангел, возвестив Божией Матери о вознесении на небо Ее Божественного Сына, дал Ей ветку райской пальмы. Тут видны следы разрушенной часовни.

В древние времена пещеры и башни Елеонской горы были наполнены пустынножителями, о чем упоминает Иероним, писатель IV

века. По свидетельству нашего первого паломника Даниила и в его время (около 1115 года) близ Вознесения Господня «на полдни лиц... ту близ есть столпник муж древен и страшен видом и стар деньми». Теперь все гроты, пещеры и полуразвалившиеся башни пусты как гробы. Францисканский инок, страж Гефсиманского сада – единственный пустынный монах на горе Елеонской. Впрочем, ошибся, есть еще и другой: это муэдзин мусульманской мечети на развалинах храма Вознесения Господня. Первый у подножия горы стережет памятник начала страстей Христовых, другой на ее вершине стережет памятник высшей Его славы. Высота средней вершины Елеонской горы над поверхностью моря 2557 футов (351 сажень). Она господствует над Иерусалимом, ибо высший пункт его, латинский монастырь Спасителя, имеет лишь 2475 футов, гора Сион 381, а Мориа 2280 футов.

Прогулка вокруг городских стен

Долины Иосафатова и Царская. – Источник Богородицы. – Купель Силоамская. – Кладезь Иоава. – Долина Гинномская. – Село Скудельниче и гора Злого совещания. – Южная сторона Иерусалима. – Дом Тайной Вечери. – Мечеть Неби-Дауд. – Гроб Давида по мусульманским преданиям. – Развалины дома Иоанна Богослова. – Дом Каиафы. – Христианское кладбище на Сионе. – Пещера Св. Петра.

По обозрении вершины Елеонской горы снова спустимся в долину Иосафатову, которая в своем продолжении носит разные названия; так, от севера до моста, ведущего к Гефсиманскому погребальному вертепу, она называется долиною Кедронскою; самая широкая часть – противу северо-восточного угла городской стены шагов тысяча, далее, где еврейское кладбище, она называется собственно долиною Иосафатовой или долиною Суда, далее долиною Силоамской или Царской. Весь вид долины мрачный, ибо со стороны города громоздятся во всю ширину волны беловатых и обнаженных скал, а с другой стороны также дикие скалы, изредка поросшие маслинами. В самой глубине ее извивается высохшее ложе Кедронского потока шага в три ширины, которое лишь в зимнее время наполняется дождевою водою красновато-мутного цвета. Название его производят не от кедров, а от еврейского слова «кедар» (темнота), отсюда Кедрон (темный), ибо протекает в темной (мрачной) долине. Это скалистое ущелье тянется далеко и считается заодно с плачевною юдолью Св. Саввы, оканчивающеюся у Мертвого моря. Когда первый раз увидишь долину Иосафатову, сердце наполняется невольной тревогою, возбуждаемою гласом Божиим: «соберу все народы и приведу их на долину Иосафатову и буду там судиться с ними». Предание, что на ней должен быть последний суд, произошло от пророчества Иоиля, который говорит устами Иеговы вышеупомянутые слова (Иоиль 3, 2). В Деяниях апостольских Ангел, по вознесении Господнем говоря ученикам, что Иисус придет тем же образом, каким они видят Его восходящим на небо, – дает подразумевать, что и второе пришествие будет на том же месте, где

совершилось преславное Вознесение, то есть близ долины Иосафатовой. К этому присовокупляют, что в день Страшного суда на Иосафатовой долине потечет огненная река, основываясь на словах пророка Даниила: «Престолы поставишася и Ветхий деньми седе... река огненная течаше исходящи пред Ним^[65] (Дан 7, 9, 10). Но и независимо от этого вся обстановка долины вызывает печальные чувства и размышления. В ней царствует ужасная мертвенность и пустота, как бы жизнь природы около ней прекратилась; город, который над ней господствует, как бы построен из несчастий; поток, который ее прорезывает, давно уже иссох; горы, в которых она замкнута, обнажены и покрыты развалинами; скалы, составляющие бока ее, изрыты и обожжены; надгробные камни, которыми она усеяна, поломаны и разбиты; несколько деревьев, которые могли бы служить ей украшением, опалены солнечным жаром. Кладбище, надгробные памятники пророков, мучеников, истощание Сына Божия в саду Гефсиманском, начало муки Спасителя – все это проникает душу, волнует и поражает.

Предание о конце света и последнем суде, на долине Иосафатовой быть имеющем, так действует на наше воображение, что мы привыкли представлять себе долину Иосафатову в огромных размерах, и потому настоящий вид ее не удовлетворит нас: вся ее длина около Иерусалима не превышает четверти мили; исключая северной части, напротив возвышенности Везефы, где она несколько пространнее (около тысячи шагов), она суживается чрезвычайно и в продолжении своем имеет не более двухсот шагов ширины. Будучи засыпана белым камнем, среди скал того же цвета она похожа более на ущелье, чем на долину. Глубина ее также невелика: ложе Кедрона возвышается над поверхностью моря на 2140 футов, а как вершина горы Мории имеет вышины только 2280 футов, то долина Иосафатова лишь на сто сорок футов ниже того места, где стоял храм Соломонов.

От древнейших времен долина Иосафатова была кладбищем, и теперь видны там могилы еврейские с тысячами надгробных камней, ибо со всех сторон света стремятся израильтяне сложить здесь свои кости и дорого оплачивают такое позволение. Это еврейское кладбище в самой глубине долины Иосафатовой начинается древними мавзолеями, которые сразу обращают внимание пришельца. Между этими памятниками прежде всего встречаем так называемый гроб

Иосафата. Это совершенное подземелье, которого двери только, иссеченные в скале, находятся на поверхности, да и те вполовину так засыпаны, что желающим войти внутрь надобно ползти. Двери украшены наверху резьбою, представляющею треугольник, в середине коего вырезаны цветы; стиль резьбы простой, но чистый и полный истинного вкуса. За входом в гроб находится довольно большой квадратный покой с ровным полом, но так гладко высеченный в скале, как будто бы был отлит из металла. Впрочем, из Св. Писания известно, что Иосафат был погребен вместе с отцами своими во граде Давидове (3 Цар 22, 50); другие говорят, что Иосафат приказал иссечь этот гроб, и потому он называется Иосафатовым. В четырех шагах от гроба Иосафатова находится гроб Авессалома, который весь находится на поверхности земли. Над ним высятся почти отвесные скалы. Он имеет квадратную форму и есть не что иное, как обломок скалы. По колоннам памятник этот принадлежит к архитектуре греческой: капители ионические, пьедесталы закрыты кустарниками. Наверху памятника, который теперь не выше десяти футов, лежит кровля тяжелая, каменная, остроугольная, похожая на сахарную голову. Внутри этой глыбы находится гладко вытесанный малый четырехсторонний покой, вход в который не с лицевой, но с противной стороны. Внутри видны груды мелкого камня и ниша в стене, где, вероятно, лежало тело. Памятник этот не носит вовсе признаков еврейской эпохи и, по мнению всех археологов, едва ли достигает до времен Константина. По сказанию Св. Писания, Авессалом был убит за Иорданом и брошен в лесу в глубокий дол, «и наносили на него большую кучу камней». Но там же читаем, что Авессалом еще при жизни своей «взя и постави себе столп в юдоли царстей... и нарече столп именем своим и нарече его, рука Авессаломля, даже до днешняго дне» (2 Цар 18, 18). А равнины утверждают, что Давид, оплакивая утрату хотя и недостойного своего сына, приказал перенести тело его в этот гроб, приготовленный им себе еще при жизни. Предание весьма вероятное. В течение тысячелетий люди, которые проходят мимо этого памятника, без различия пола, возраста и вероисповедания, считают своею обязанностью бросить на гроб Авессалома камушек, как бы с проклятием на этого неблагодарного сына, восставшего против любившего его отца, сына, от которого принужден был уходить Давид и переходить Кедрон, как говорит Писание, босыми ногами и с покрытой головой, ища убежища

в пустыне с малым числом верных слуг своих... Брошенный камень отскакивает от скалы, катится обратно в ложе Кедрона, и так мертвая глыба дает жизнь вековому преданию! С третьим из гробовых памятников также соединено предание, хотя и не столь древнее. Это теперь просто грот, высеченный в скале, в котором, по преданию, укрылись апостолы по взятии Христа в саду Гефсиманском. Позже погребли здесь, как говорят, святого Иакова брата Господня, когда жиды свергнули его с крова церковного.

Наконец, четвертый гробовой памятник весьма похож на описанный выше гроб Авессалома; это также четверугольный обломок скалы, украшенный высеченною вокруг галерею с колоннами и также покрытый остроугольным верхом. Это гроб Захарии и, как полагают, сына Варахиина, убитого между церковью и алтарем.

Вся возвышенность над этими памятниками и далее к югу покрыта новыми гробами или камнями и называется «еврейским кладбищем». Для того, чтобы получить несколько пядей земли на этих скалах для своих посмертных останков, евреи в большом числе ежегодно оставляют страны, где родились и выросли, и проводят остаток жизни нередко в крайней нужде. Итак, на покатости долины Иосафатовой под самыми городскими стенами кладбище мусульманское, а на противоположной стороне кладбище еврейское. Евреи и магометане верят, что в этом месте будет «последний суд», и потому усиливаются быть как можно ближе к этому месту. Юго-восточный угол городской стены приходится почти напротив гроба Захарии. Не вся гора Мориа занята стенами; часть ее клином подается далее на юг между долиною Иосафатовою и долиною Тиропеон, которая отделяет гору Сион от Мории и, входя в город воротами Гнойными, простирается до Еврейского квартала. Весь этот клин горы Мории называется взгорьем Офел, что значит «возвышенное место». Оно не раз упоминается в Св. Писании: во время Соломона монетный двор был на возвышенности Офел, а при Манассии оно все находилось в стенах Иерусалима. И потому, продолжая наше обозрение, не будем следовать направлению южных стен нынешнего Иерусалима, но по следам древних его стен, т. е. далее на юг, долиною Иосафатовою.

В нескольких стах шагах от юго-восточного угла стен у подножия Офела встречаем «источник Богоматери», называемый арабами «Аин-ум-ель-дередж», единственный источник живой воды в Иерусалиме.

Источник этот турки имеют в большом почтении, отправляя при нем свои молитвы. Он находится глубоко в скале; вход украшен резьбою; спускаются к воде вниз по 26 обширным и довольно удобным ступеням; воды в нем довольно, вкус ее несколько солоноватый, но не противный. Трудно прийти к этому источнику так, чтобы не застать возле него арабских женщин из деревни Силоамской, лежащей насупротив источника; а эти мегеры обычно встречают чужеземцев не только неприязненными взглядами, но и бранью, ибо считают этот источник своею исключительною собственностью и Святым местом. Во время оскудения воды внутри города (в систернах) они привозят воду этого источника на продажу в город в бурдюках или мехах.

Предание утверждает, что Мать Божия, живя в Иерусалиме, черпала здесь воду и мыла белье; посему не только христиане, но и мусульмане весьма почитают этот источник, который прежде назывался источником Драконовым, потому что в нем водились угри или рыбы, похожие на змей, (вьюны), или по крутому извилистому бегу этого ручья из источника. Источник Марии соединяется с Силоамским подземным в скале каналом, простирающимся на 250 сажен. Вся противоположная сторона долины Иосафатовой, начиная от источника Марии до Силоамской купели, составляет отвесную и высокую скалу, наверху которой видно арабское селение, называемое Силое, по-арабски Кефр Сильван. Там живут феллахи, то есть оседлые арабы-мусульмане, известные своею дикостью и воровством. Они живут в бедных хижинах, пристроенных кое-как к гробовым пещерам. В том месте, где кладбище еврейское соединяется с селением Силоам, лежащим у подножия горы Соблазна, видна площадь капища Молоха, некогда воздвигнутого Соломоном. Ныне загоняют на нее по ночам деревенских верблюдов и коз. На той же горе указывают место, где повесился Иуда, недалеко от дороги, ведущей в Иерихон.

В нескольких стах шагах за источником Дракона показывают остатки древних ворот Гнойных, а на краю возвышенности Офел, там, где долина Иосафатова соединяется с долиною Тиропеон, находится славный источник Силоамский и купель Силоамская. К ней-то Христос послал слепорожденного, которого хотел исцелить: «иди и умойся в купели Силоамской, что значит послан» (Ин 9, 7). Отсюда название купели Силое. Источник же, который доставляет ей воду, называется Драконов. Епифаний говорит, что во время осады Иерусалима при царе

Езекии источник этот доставлял воду только для евреев, а когда приближались язычники, вода вовсе исчезала. Иосиф, напротив, пишет, что при осаде Тита римляне всегда заставляли воду, а пред евреями она исчезала. «Фонтан Силое, – пишет Мишо в истории крестовых походов, – бьющий от времени до времени, не мог угасить жажды множества воинов. В иссушенных окрестностях, под огненным небом, армия христиан была выставлена на все ужасы жажды». Напротив пещеры источника Силоамского находится купель (водоем) Силоамская: это четырехсторонняя каменная систерна, двенадцать шагов длины и восемь ширины; на дне глубокого ложа виден мраморный помост и базис (подставы) древних колонн, которыми была обставлена купель. Вода сплывает сюда подземным каналом из источника Силое. Древле в этой купели еврейские первосвященники черпали воду золотым кубком и, смешавши ее с вином, обмывали алтарь в праздник Кущей. Желая обратить иудеев от обрядового обыкновения к источнику воды живой – благодати Святого Духа, Господь наш Иисус Христос в последний день этого праздника, присутствуя в храме во время совершения вышеупомянутого обряда, воззвал: «Аще кто жаждет, да грядет ко мне и да пьет» (Ин 7, 37). В этой-то купели на память совершившегося здесь чуда исцеления слепорожденного христианина и мусульмане умывают глаза. В древние времена здесь стояла башня или столп, к которой относятся слова Спасителя, сказанные при известии о внезапном падении этого столпа: «или вы думаете, что те восемнадцать, на которых упал столп силоамский и побил их, были грешнее всех в Иерусалиме? Говорю вам: нет; но если не покаетесь, все также погибнете» (Лк 13, 4, 5). Впоследствии в память чуда, совершенного Спасителем, здесь была воздвигнута церковь, развалины которой видны и доселе вокруг купели: обломки колонн и больших тесаных камней.

Многие утверждают, что купель Силоамская выкопана по приказанию Соломона, и ссылаются в этом отчасти на книгу Ездры, где она названа «Царским прудом», также и на историка Иосифа, который попросту называет ее прудом Соломона. Вода из Силоамской купели утучняет единственные огороды, какие существуют в окрестности Иерусалима, на том самом месте, где были царские сады, и тянутся на юг по так называемой «Царской долине»; среди их зеленеют масличные и другие деревья (смоквы, гранаты) как остатки древних царских садов.

Близ купели Силоамской показывают место, называемое «гробом пророка Исаии». Там растет шелковичное дерево, обложенное вокруг камнями; пень его наполовину раздвоен, что почитают за чудесное знамение образа смерти пророка Исаии. Мусульмане часто отправляют на этом месте свои молитвы, и все народы почитают это место, считая его гробом пророка. Предания еврейские и христианские согласны в том, что Исаия погребен под дубом у «кладезя Рогель». Он понес мученическую смерть за смелые обличительные речи к нечестивым современникам. Его перепилили надвое деревянною пилою по повелению царя Манассии в начале его царствования. Такова судьба

большей части великих людей: сперва замучат, а потом ублажают! Кто останется холодным при самой мысли о гробе этого богоглаголивого пророка, евангелиста Ветхого Завета, как справедливо называют его по силе и ясности его предсказаний о пришествии Спасителя и Его страданиях, как например: «Се Дева во чреве приимет и родит Сына и нарекут ему имя Еммануил, еже есть сказуемо с нами Бог», или: «Той язвен бысть за грехи наши и мучен за беззакония наши, наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы исцелехом»?

На самом конце Силоамской долины встречаем кладезь огня или Неемии, который издали походит на малую мечеть. Еврейские левиты, когда повели евреев в Вавилонский плен, взявши священный огонь с алтаря, сокрыли его потаенно в долине, где был глубокий и сухой кладезь. По возвращении из плена Неемия, зная о сем из преданий, послал в этот кладезь за огнем, но вместо огня нашли лишь грязь, которую Неемия приказал черпать и облить ею жертвы, положенные на костер. Когда было исполнено это и показалось солнце, сперва скрывавшееся в облаках, вдруг, к общему удивлению, дрова загорелись (2 Мак 1). Колодезь этот весьма глубок, но не сух, и содержит в себе хорошую воду. Арабы называют его кладезем Иоава, по имени известного военачальника Давидова. Находится же он на малой равнине; покров его и отчасти обделка полуразрушены, но вид померанцевых, масличных и других деревьев и свежей зелени удивляет и радует пришельца, который привык видеть здесь или нагие скалы, или редко растущие сухие и бледные маслины. Источник довольно обилен и после весенних дождей иногда поднимается так, что изливается чрез край, оплодотворяя окрестную равнину. Это обстоятельство служит для Иерусалима признаком хорошего урожая, и потому оно празднуется радостно собранием вокруг кладезя всего городского населения. Хорошая вода и роскошная зелень деревьев делают это место как бы единственным оазисом в скалистом Иерусалиме, привлекая сюда почти ежедневно, особенно весною, довольно число жителей на любимую прогулку к этому кладезю, и там, в тени растущих на месте древних царских садов деревьев, они предаются вполне наслаждению восточного кейфа, то есть курят наргиле и смотрят на пускаемый в воздух дым. При этом кладезе кончается Иосафатова долина в соединении с Царскою, которая служит ей продолжением.

Напротив самой вершины горы Соблазна на запад от нее протягивается между горами Злого совещания и Сионом на равном расстоянии от южной стороны городских стен широкая долина, известная в Св. Писании под названием Геенна, долина сынов Гинномовых. Она начинается со стороны долины Иосафатовой (точнее, ее продолжения – Царской) местом, называемым Тофет. Название это производят от идолопоклоннических празднеств на ней совершавшихся, ибо «тофет» значит бубен. На этом месте совершались величайшие беззакония иерусалимлян; здесь было самое высшее оскорбление Иеговы, здесь чтили Молоха и Ремфана и приносили им кровавые жертвы: «создаша требище Тавефу, еже есть в юдоли сына Енномля, да сожигают сыны своя, и дщери своя огнем, егоже не повелех им, ниже помыслих в сердце моем» (Иер 7, 31); и исполнились слова пророческие: «сего ради се дние грядут, глаголет Господь, и не рекут ктому требище Тавефово, и юдоль сына Енномля, но юдоль закланых; и погребутся в Тавефе, занеже несть место. И будут трупие

людей сих в снедь птицам небесным и зверем земным, и не будет отгоняющего. И упраздню от градов Иудиных, и от путей Иерусалимлих глас радующихся, и глас веселящихся, глас жениха и глас невесты, во опустении бо будет вся земля (сия)» (Иер 17, 32, 31). В долине сынов Гинномовых (Геенской) предание, следуя рассказу историка Иосифа, назначает место встречи Авраама и Мельхиседека, «царя правды и мира». Но гораздо памятнее осталось то, что здесь существовало требище Молоху и что в медную раскаленную внутренность этого идола, в жертву ему, бесчеловечные родители повергали своих младенцев, а жрецы звуками тимпанов заглушали стоны невинных жертв. На память таких злодеяний долина эта стала столь страшною, что жиды самый «ад» прозвали «геенною», что перешло по употреблению и в книги Нового Завета, где «геенна огненная» и «ад» – слова однозначные. Долина Тофет и прилежащие склоны горы Злого совещания покрылись гробами и до сих пор представляют лишь один обширный некрополис. Посреди их гроб первосвященника Анны, иссеченный в скале, так же как и другие открытый; камни, на которых кой-где еще можно разглядеть следы надписей, – поломаны и разбиты. Над этими гробами несколько правее видно поле, называемое ныне Акелдама или «Село крови», – «Земля горшечная», «Село скудельничее», то самое, которое было куплено за те 30 сребренников, которые были возвращены Синедриону Иудею Искаротским (Мф 27, 7; Зах 11, 13). Место Акелдама до сих пор заключает в себе глину, пригодную для горшечных работ, какой не находится нигде более в окрестностях Иерусалима, исключая этого поля, и в небольшой и опустелой деревне Абу-вер, лежащей далее к западу. Весь скат горы изрыт погребальными пещерами. Между ними еще уцелели остатки большого здания или усыпальницы, построенной, по преданию, святою царицею Еленою. Оно сложено из толстых тесаных камней, верх закрыт большим сводом, опиравшимся на пилястрах, с несколькими отверстиями, чрез которые проходил свет и вносились мертвые тела. Над усыпальницею была церковь. Эти развалины в то время, когда здесь еще погребали странных, принадлежали и греческому монастырю Св. Онуфрия. Недалеко от этой усыпальницы в полугоре сохранилась древняя пещерная церковь этого монастыря, принадлежащая и доселе грекам. Церковь небольшая, была вся украшена фресками, следы которых еще видны сквозь копоть, а

лики, по обыкновению, искажены мусульманским изуверством. За церковью и на покатосях горы видны древние запустелые кельи отшельников. В субботу четвертой недели Великого поста в церкви Св. Онуфрия совершается Божественная Литургия и по окончании оной в гробнице панихида за усопших. С начала текущего столетия все христиане хоронят своих мертвецов на кладбище Сионском. Наш паломник иеромонах Саровской пустыни Мелетий осматривал село Скудельничее в 1794 году, когда еще на оном погребались странные и бедные; он описывает его так: «Гробовая пещера ископана в горе четвероугольником. Вход в оную чрез малое отверстие или скважину, так что только человеку пролезть и протащить мертвое тело. Внутри пред оным порожнее место, около же трех сторон в шести отделенных стенами камерах высечены тринадцать гробов без крыш. В сии гробы полагаются тела умерших. И когда оные совсем истлеют, останутся одни кости, то, вынувши их из гроба, кладут в той же пещере в две сбоку сделанные ямы. В бытность тогда нашу (16 генваря 1794 года) в трех гробах, незадолго до прихода нашего положенных, лежало по человеку, из которых одна была русская женщина, которая жила в одном из иерусалимских девичьих монастырей. Мы в то время, не имея у себя свеч, в темноте не могли ясно тел осмотреть» (стр. 102, 103). Марта 18 в субботу четвертой недели поста, в которую на селе Скудельничем совершается в церкви Св. Онуфрия Литургия, а после оной в вышепомянутой погребальной пещере панихида за усопших, о. Мелетий снова посетил эту пещеру и рассказывает по сему случаю следующее: «До обедни прошед внутрь кладбища, мне пропели с возженными свечами по умерших заупокойную литию, а потом смотрели в трех гробах на тела, о которых было выше упомянуто. Они еще вовсе не истлели и состав человеческой не разрушился. Но мокрот уже никаких и запаху не было. Итак, – прибавляет он, – не знаю почему один западный путник (князь Радзивилл) пишет, что земля здесь имеет такое свойство, что положенный на оную труп истлевет совершенно, как я сам очевидным, говорит он, был тому свидетелем, в 24 часа и из оных ничего более не остается кроме только костей». А между тем этот вымысел князя Радзивилла, опровергнутый так ясно очевидцем же, был не раз повторен и после того западными писателями-паломниками.

Окончим обозрение села Скудельничего свидетельством о нем нашего древнего паломника игумена Даниила: «Туж, – пишет он, – под

горою тою Сионскою есть село Скудельниче, иж куплено село Скудельниче ценою Христовою на погребение странных. Суть ту пещеры многи, на стороне в горе каменной иссечены; в тех пещерах гроби мнози и до сего дни устроены дивно и чудно; ту погребают пришельци странники, не даючиж ничто от места того святого; искуплено бо есть кровию Христовою место то». Так неизменны обычаи палестинские, что свидетельства паломников XII и XVIII столетия служат лишь подтверждением одно другому! Прибавим, что еще святая Елена нагрузила корабли каменистою землею «села крови», чтобы ею посыпать кладбище своей столицы. В позднейшее время привозили отсюда землю на могилы в Париж, Пизу и другие места Европы.

Гробницы эти простираются почти до самой вершины горы Злого совещания. Взойдя на нее, увидите значительные развалины, которые, как говорят, составляют остатки монастыря Св. Модеста (Патриарха Иерусалимского). Так или иначе, но название горы Злого совещания дано этому месту потому, что во время Спасителя здесь находился загородный дом Каиафы, где собравшиеся старцы иудейские – архиереи и книжники «сотворили совет» взять Иисуса. Грустные по своим воспоминаниям и виду, эти развалины осенены развесистым теревинфом. Латинские монахи говорят, что это дерево растет на том самом месте, где повесился Иуда; но греческое предание дает этому событию другое место: мрачный овраг позади Силоамского селения на Иерихонской дороге.

Оставивши места, омраченные навсегда столь тяжелыми воспоминаниями, места, которые и во внешнем своем виде как бы доселе носят на себе печать отвержения, перейдем на противоположную сторону Гигонской долины – на ту часть Сионской горы, которая осталась вне городских стен. Тут на самом высоком месте Сиона, на южной стороне его, встречаете прежде всего группу зданий, среди которых высится купол мечети Неби-Дауд (гроб Давидов). В стенах этих зданий под именем «дома Тайной Вечери» предание указывает место горницы, где Господь наш Иисус Христос праздновал в последний раз Пасху, совершил Тайную Вечерю, т. е. Таинство Евхаристии, умыл ноги учеников, где Он явился по воскресении собранным ученикам, уверил неверного Фому и где наконец Дух Святой сошел на апостолов в виде огненных языков. Вот какие

священные для верных воспоминания заключены в этих дорогих стенах, находящихся ныне во владении неверных! Святой Епифаний говорит, что по взятии Иерусалима императором Адрианом все было сравнено с землею, кроме нескольких бедных синагог и небольшой церкви, которая была построена на развалинах того дома на Сионе, в котором Господь наш Иисус Христос вкушал с учениками последнюю вечерю и в котором Дух Святой сошел на апостолов. Эту-то Церковь Сиона, оставшуюся по опустошении Иерусалима, обычно отцы называли первою церковью и матерью всех церквей христианских: «от Сиона изыде закон... Радуйся Сионе святыи, мати Церквей, Божие жилище, – поет Христова Церковь, – ты бо приял еси первый оставление грехов воскресением». Здесь святой апостол Иаков брат Господень был поставлен первым Иерусалимским епископом и здесь же был первый апостольский собор, первообраз вселенских соборов. Святая Елена распространила это здание, и по свидетельству святого Кирилла Иерусалимского оно изначала делилось на нижнюю церковь и верхнюю, в воспоминание того, что Дух Святой сошел на апостолов в верхней части Сионской горницы. Святыня, воздвигнутая Еленою, была разрушена и на ее-то развалинах на том же самом месте один из королей Сицилии воздвигнул церковь, а в 1330 году усердием Санхи, жены Роберта, другого короля Сицилии, устроен при этой церкви небольшой монастырек для францискан, но по прошествии 229 лет мусульмане по приказанию Сулеймана Великого в 1559 году отобрали у францискан дом Тайной Вечери и обратили его в мечеть, под тем предлогом, что предание помещает здесь же гробы Давида, Соломона и других иудейских царей, почитаемых ими. С тех пор и доселе турки спокойно владеют драгоценным местом невыразимого таинства.

В разных отделениях этой мечети предание указывает разные события евангельские, хотя в этом разделении нет неоспоримой достоверности, потому что храм несколько раз был разрушаем и переделан. Прежнее деление церкви на верхнюю и нижнюю сохранилось и в мечети, – она двухэтажная. Самый низ состоит из двух покоев или горниц: первый имеет 24 шага в длину и ширину со сводом, опирающимся на двух квадратных пилястрах; предание называет эту горницу местом умовения ног по вечери; а в другом покое, имеющем двадцать шагов в длину и четырнадцать в ширину, также со сводами, указывают то место, куда вошел Спаситель по воскресении дверем

затворенным в собрание учеников и сказал им: «Мир вам»! По лестнице, устроенной внутри здания, входите во второй этаж, который также делится на два покоя равной величины с нижними. Первый покой есть собственно «место Тайной Вечери»; он со сводами, опирающимися на двух красивых мраморных колоннах: вверху в замке сводов изваяние «агнца», в память таинственного Агнца, преподанного здесь апостолам в ночь, в нюже Христос был предан, паче же сам себя предал на заклятие за живот мира. Это изваяние Агнца составляет единственное украшение дорогого для христиан места; стены грязны и измараны красками и углем; в восточной стене мусульманская ниш (миграб); с юга три большие окна освещают горницу. Но прежде весь покой был украшен мозаикою и фресками, как свидетельствует наш паломник XII века игумен Даниил. Против входной двери, у противоположной (северной) стены показывают место Тайной Вечери, огражденной деревянною решеткою. Мы упомянули выше, что предание указывает место умовения ног в нижнем покое, но с евангельским сказанием согласнее полагать, что это совершилось в том же самом покое, где и Тайная Вечеря.

При посещении этой горницы невольно теснятся в душу воспоминания тех событий, которых место это было свидетелем. Двенадцать апостолов возлежат вокруг стола по восточному обычаю, среди них занимает место их Учитель. То был день Пасхального агнца, который предоизображал Агнца, вземлющего грехи мира. «Желанием возжелех ясти Пасху сию с вами, прежде моей страсти» – это были первые слова во время этой трапезы любви, слова, выражающие жажду Спасителя к облаженствованию людей! Какая печаль разлита вокруг! Господь, возлежа как бы на смертном ложе, возвещает, что Он в последний раз вкушает земную пищу. По всеведению, свойственному Его божественной природе, Он ясно предвидит предательство, но возмущается духом, яко человек; ученики опечалены мыслию, что между ними таится предатель. Иоанн, любимый Господом ради своей детской невинности, преклоняется на перси Спасителя и вопрошает: Господи, кто есть предавая тя? Среди этого святого общества сидит с диаволом в сердце мрачный Иуда, которого не могло сокрушить и страшное слово: «горе человеку тому», излетевшее из уст Христа Бога! – Как кратки и просты слова, утверждающие навеки бескровную жертву и таинство высшей любви, то таинство, к неосужденному

принятию которого руководят нас вера, надежда и любовь, основанные на глубочайшем смирении, по сказанному: «верую и любовью приступим, да причастницы жизни вечные будем»! «Верую и исповедую, яко ты еси воистину Христос Сын Бога живого, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз». Какою любовью дышат слова Избавителя к Своим ученикам: «дети, еще мало аз с вами есмь»! Кто без слез может вспомнить и всю вечерю любви и это поучение о взаимной любви, которым окончилась последняя и святейшая трапеза!

Прежде христианам нельзя было даже и приближаться к дому Тайной Вечери; издали смотрели они на священные стены и приносили свои молитвы; но времена переменились, и теперь несколько пиастров живущим здесь мусульманам доставляет свободный вход в заветное святилище. Другой покой верхнего этажа считают за место, где было сошествие Святого Духа на апостолов.

Мусульманские и еврейские предания указывают в том же самом здании место гроба Давидова. Известно, что Соломон устроил своему

отцу Давиду величественный гроб, но об месте его «во граде Давидовом» известны лишь одни предположительные предания. Говорят, что Соломон заключил в нем большие сокровища, что их нашел первосвященник Гиркан во время осады Иерусалима Антиохом. По истории Иосифа, Ирод знал о месте гроба Давидова и хотел последовать примеру Гиркана. Он отправился в пещеру тайно ночью с своими поверенными, но уже не нашел сокровищ, но много богатых украшений. Однако прежде чем он достиг покоя, где были сложены кости Давида и Соломона, показалось из пещеры пламя и двое из спутников царя лишились жизни. Устрашенный Ирод спасся бегством, приказал заложить пещеру и при устье ее поставил памятник из белого мрамора. Памятник этот, вероятно, был уничтожен, как и многие другие, и не осталось после него никакого следа; а предание о месте гроба Давидова сохранилось главным образом в словах апостола Петра, который, говоря евреям о пророке Давиде, выразился так: «гроб его находится между нами (т. е. или вообще в Иерусалиме, или в частности около той сионской горницы, близ которой произносил свою речь апостол Петр) до сего дня» (Деян. Апост. 2, 29), а также и в словах блаженного Иеронима, который в письме к святой Павле выражает горячее желание, дабы он мог еще раз получить счастье войти во гроб Иисуса Христа и молиться в мавзолее Давида. Под мавзолеем Иероним, вероятно, понимает здание, стоящее на месте, о котором сохранилось доселе предание. Во времена крестовых походов один из тогдашних летописцев пишет под 1173 годом, что в бытность его в Иерусалиме упала стена на горе Сионской и работники, посланные для того, чтобы возвести ее вновь, отвалив камень, увидели вход в подземелье. Двое смельчаков спустились в открывшееся отверстие и нашли дворец с мраморными колоннами и украшениями из золота и серебра. Тотчас же по входе внутрь увидели золотую корону и такой же скипетр, нашли также там урны, но что в них заключалось, по темноте рассмотреть не могли. Хотели идти далее, как вдруг обхватил их какой-то вихрь, повалил на землю и так они без чувств пролежали до самого вечера; тогда лишь очнувшись услышали голос, который приказал им немедленно удалиться. Вся эта легенда очень походит на арабские сказки из Тысячи и одной ночи. Вероятно, это отголосок истории Ирода, сохранившейся в предании Иосифа, ибо трудно допустить, чтобы в XII веке могли найти в гробе Давидовом золотую корону и

скипетр, особенно после осмотра Гирканова. Турки буквально сохраняют предание о недоступности гроба Давидова. Они не позволяют никому сходить в подземелье, находящееся под мечетью, ни даже мусульманам, утверждая, что большое несчастье должно постигнуть того смельчака, который бы решился приблизиться к этому святому месту, что будто бы недавно еще при починке мечети, лишь только один из работников, увлекаемый любопытством, пробил мотыгой щель, чтобы заглянуть в пещеру, тотчас ослеп. Только раз в год отваливают камень, заграждающий устье гробового входа, чтобы бросить в него подарки, присылаемые из Константинополя, обычно богато вышитые ковры. Впрочем, тайна эта перестала быть тайною, если верить писателям, которые посещали эти места тогда, как они еще были в руках христиан в XV и XVI веке. Они утверждают, что от гроба Давидова не осталось ничего кроме этого входа; своды пещеры обвалились и все подземелье засыпано. Таково мнение францискан, которые так долго владели домом Тайной Вечери и тою частью горы Сионской, где теперь стоит мечеть Неби-Дауд. То, что мусульмане показывают почетным посетителям под именем «гроба Давидова», есть небольшая комната, имеющая вокруг стен каменные лавки; а в северной стене напротив входных простых дощатых дверей находится в углублении каменный саркофаг двенадцать футов длины, обмазан глиною и покрыт старою шелковою зеленою материею. Это верхний голубец так называемого гроба Давидова, относительно которого лишь одни жида убеждены, что и доселе как он, так и другие гробы их царей таятся в глубине Сиона, украшенные золотом и серебром, и вмещают в себе бесчисленные сокровища, которые сила Божия бережет до того заветного часа, когда придет Мессия и воцарится в дому Давидове и царствию Его не будет конца... Возле стены дома Тайной Вечери показывают место, где был дом святого Иоанна Богослова, в котором по преданию 23 года жила Матерь Божия и окончила свою земную жизнь; три креста на мраморе, изображающие древний герб Святой Земли, и несколько больших тесаных камней означают это святое место. Некоторые же указывают жилище Матери Божией под комнатою, где была Тайная Вечеря.

Против ворот мечети Неби-Дауд, шагов на тридцать впереди ее находится небольшая церковь и монастырек, принадлежащий армянам; он обведен вокруг высокою стеною. Эта церковь, по преданию,

построена на том месте, где был дом первосвященника Каиафы. Тотчас по входе через небольшую железную дверь вступаете на мощный камнем дворик длиною двадцать пять, а шириною десять шагов; на правой стороне толстая виноградная лоза означает то место, у которого, при разложенном на дворе Каиафы костре, Петр, обличаемый служанкою, отрекся от своего Божественного Учителя, и «абие петел возгласи». Напротив виноградной лозы дверь в церковь, которую мы уже описали, говоря об армянах. К западной стороне стены, окружающей дом Каиафы, прилегает кладбище христиан всех вероисповеданий, ближе – к армянской церкви армянское, а далее к юго-западу греческое, на котором хоронят и русских богомольцев, отошедших ко Господу во Святой Земле. В стене, отделяющей православное кладбище от земли, принадлежащей мечети Неби-Дауд, с запада находится большой древний камень с высеченным на нем крестом (четвероконачным). Здесь погребаются православные епископы и прочее духовенство. У этого камня обычно служат и литии по усопшим. На западной оконечности всей Сионской площади, на особом холмике погребаются русские пришельцы, окончившие дни свои во Святом Граде. Недалеко от этого русского уголка находится устье подземной усыпальницы, в которую, по палестинскому обычаю, складывают кости, оставшиеся по истлении тел, когда потребуется место для новой могилы. Туземные христиане хоронятся без гробов; только русские делают исключение из сего обычая. Члены всех вероисповеданий провожают своих покойников через город с крестами, хоругвями и с пением. Но жаль, что по мусульманскому фанатизму кладбище христианское лишено лучшего своего украшения – крестов. Над некоторыми могилами кладутся каменные плиты с краткими надписями, а иногда с изображением, напоминающим то ремесло, которым занимался покойник. На армянских могилах более плит с надписями, чем на других.

Третье здание, находящееся на Сионе, это дом, принадлежащий англопрусской протестантской миссии; он построен на юго-западной покатости Сионской горы, в два этажа уступами; рядом с ним на обделанной красиво площадке устроено протестантское кладбище и разведен садик; там поставлены надгробные памятники над могилою Александра, первого англиканского епископа из обращенных евреев, который, если верить иерусалимским сказаниям, отравлен иезуитами.

На границах армянского и православного кладбища находится кладбище американской миссии, обнесенное стеною.

Вот все, что находится ныне на Сионе! Кроме дома Каиафы, старой мечети Давидовой и нового протестантского дома, нет ничего – лишь пустые развалины и гроба; покатоности же Сионской горы вспаханы и засеяны, как бы в исполнение пророчества Михея: «Сион, яко нива изорется». Адриан не заключил Сиона в черту нового города и с тех пор он навсегда остался за стенами. О Сион, украшение края, утеха всей земли Израилевой! где часы твоего веселья и славы, когда на воззвание Царя пророка, людие обступали тебя («обидите людие Сион и обымите его»), дивуясь на твои бесчисленные башни, присматриваясь к твоим столпостенам и дворцам, отененным пальмами и кипарисами, чтобы возвестить славу векам грядущим? Или никогда более не разовьются твои знамена? Или трубы твои умолкли на век? С сожалением взирают на тебя очи наши, ибо только глас плача слышен на Сионе (Иеремия). Гнев Господень, гнев отмщения излился на тебя и ниспроверг основания твои. Теперь красный Сион обратился в пустыню и орется яко нива (Михей) и печально смотрит на бедный город. Но ты, Господи, воскрес, ущедри Сиона; яко время ущедрити его, яко прииде время возвестити в Сионе имя Господне! (Пс 101). Но когда ищу тебя, о святая гора, которая некогда представляла целый народ в своем названии и была сладким символом райской отчизны, истинного жилища Божия, тогда обращаю тоскующие взоры мои к небу, ибо туда, по исполнении прообразований, сокрылась ты с этой земли. О, если бы возмог взойти я на твою вершину, вечный и небесный Сион!

Как бы в напоминание того, что путь к Сиону небесному лежит среди терний, – на земном Сионе встречаются кусты терновника, из которого, легко может статься, был сделан и венец нашего Спасителя. Блуждая нередко по Сиону, я срезал один из таких кустов и, сплетя из него два венка, привез их на память о Сионе в мою убогую келью. Несмотря на то, что срезанный куст был еще молод, иглы его были довольно тверды, длиною в пол вершка и более. Эта находка устраняет мнение тех писателей, которые подобно монсеньору Мисленю, говорят, что в окрестностях Иерусалима нет терновника, и потому полагают, что терновый венец нашего Спасителя был сделан из ветвей колючего дерева, растущего на поле Иерихонском.

На покатости Сионской горы с восточной стороны в довольно далеком расстоянии от дома Каиафы находится красивый грот (пещера), осененный при входе масличными деревьями. Предание говорит, что в этой пещере святой Петр, изшед вон со двора Каиафы, после троекратного отречения от своего Божественного Учителя, в сокрушении сердца «плакася горько». Игумен Даниил говорит, что пещера эта была очень глубока и что в нее спускались по ступеням, а над пещерою возвышалась в его время большая церковь во имя святого Петра. Но теперь нет ступеней, а пещера весьма не глубока, и нет следов бывшей церкви. Теперь эта пещера за городом, уединенная и осененная бледною зеленью олив, удивительно совпадает с состоянием сокрушенной души, и охотно верится, что здесь проливались горькие слезы того, в чьем лице самонадеянность получила столь поучительный для человеческой слабости урок! Невольно просится здесь на уста молитва: «даждь ми слезы, яко Петрови, да плачуся дел моих горько».

Западные и северные окрестности Иерусалима

Долина Гигонская. – Нижний и верхний водоемы Гигонские и соединяющий их водопровод. – Никифория. – Подземная церковь Св. Георгия. – Мамилла, или место монастыря Св. Вавилы, где погребены христиане, избитые при Хозрое. – Легенда из времен крестоносцев. – Городская таможня и карантин. – Мейдамская площадь и русские странноприимные здания. – Везефа. – Пещера пророка Иеремии. – Гробы царей и судей израильских. – Древние подземные каменоломни.

Спустясь с Сиона мимо дома протестантской миссии (занят школою; здесь же живут прусские диаконисы), выходим на западную сторону Иерусалима в довольно широкую, но не глубокую долину, которая называется долиною Рафаим, то есть долиною великанов, а иные называют ее долиною Гигонскою по имени двух сохранившихся здесь водохранилищ. Одно есть библейская водотечь нижняя, лежит у подножия Сиона, длиною в двести десять, а шириною во сто пять шагов на поверхности, ибо сходами, иссеченными по обеим сторонам в скале, она постепенно суживается и имеет весьма узкое дно; ступени эти служили для приближения к самой воде, когда она опадала или возвышалась; бока этого водоема перегорожены стеною из больших тесаных камней. Хотя в Иерусалиме нельзя не освоиться с этим кроением скал, однако вид этого водоема, как остатка еврейских времен, при мысли об исполинском труде, подъятом при его сооружении, невольно удивляет пришельца. На перекинутой через него плотине, по которой идет дорога в Вифлеем, устроен фонтан (ныне сухой, как и вся водотечь) с арабскою надписью. Арабы называют этот водоем Беркет-ель-султан. По мнению доктора Шульца, развалины водопровода, видные около этого водоема, принадлежат к водопроводу Пилатову, одному из самых длинных, который, проходя около горы Злого совещания, соединяется с подземными трубами, проводившими воду из так называемых прудов Соломона (близ Вифлеема), вплоть до

этого водоема. Сколько подумаешь, трудов и издержек было употреблено на снабжение водою Святого Града! Нынешние владельцы его держат в большом секрете направление водопровода, снабжающего подземные систерны горы Мории на дворе древнего храма Соломонова, где ныне высится мечеть Омара.

Противу Вифлеемских ворот внизу, по правую сторону дороги, ведущей к Крестному монастырю, на окраине турецкого кладбища находятся остатки верхнего водоема Гигонского, имеющего около 300 футов в длину и 150 в ширину; глубина была прежде значительнее. Источник Гигонский еще не иссяк, но он наполняется лишь от зимних дождей, а в остальное время года дно его покрыто грязью: полуразрушенный водопровод соединяет его с водоемом Езекии, находящимся внутри города за коптским ханом (гостиницею).

По другую сторону Гигонской долины против нижнего водоема находится дача банкира Монтефиоре, окруженная стеною; за нею выстроена ветряная мельница и начато построение еврейской больницы. Рядом с дачею Монтефиоре – Никифория, место, так называемое по имени своего владельца, греческого архимандрита Никифора. Это большой участок земли, насажденной тузовыми деревьями и виноградом, который щедростью владельца предоставлен общему пользованию. Середина участка прорезана широкою аллею, обсаженною деревьями, ветви которых похожи на нашу рябину; греки называют это деревцо «Пасхалие», вероятно потому, что оно покрывается зеленью как раз к Пасхе. Место это, быстро разросшееся, составляет украшение Иерусалима и по близости своей к Яффским воротам, а следовательно к Христианскому кварталу, служит любимым местом вечерних прогулок туземцев и поклонников. За час или два до захождения солнца (т. е. до затворения ворот) толпы народа обоюго пола спешат в Никифорию подышать чистым воздухом; летом в ней разбиваются палатки и некоторые живут в них постоянно от жара; но подобное кочевье не совсем безопасно от хищничества бедуинов. В саду кофейня, возле которой всегда можно застать неподвижных мусульман, наслаждающихся «благим кейфом». Позади Никифории есть еще несколько подобных дач и в том числе дача английского консула г. Финна. Одним словом, эта сторона обещает со временем сделаться загородным Иерусалимским парком. На южной оконечности Никифории между нею и дачею Монтефиоре скромно притаилась

подземная церковь Св. Георгия, как сказывают, чудесно открытая в 30-х годах текущего столетия. Участок земли, на которой она находится, принадлежит одному из вифлеемских арабов. Церковь, по предположению, заключает в себе гробы святых иерусалимских мучеников; названа же она церковью Св. Георгия отчасти потому, что в числе найденных в ней образов был образ святого великомученика Георгия (на коне), а более потому, что это единственный из христианских святых, к которому мусульмане имеют почтение и потому принимают под свое покровительство храмы, посвященные его имени, что увидим ниже при описании загородного Георгиевского (беджальского) монастыря.

Араб сделался ктитором обретенной им в земле церкви и уже исходатайствовал разрешение правительства и благословение Патриарха на построение и верхней церкви. В пещерной же все бедно, но все дышит глубокою древностью, перенося мысли посетителя к тем временам, в которые христиане страха ради гонения вынуждены были собираться для славословия Божия в вертепах и пропастях земных, «лишени, скорбяще, озлоблени»... И ныне для наших восточных единоверцев еще не совсем миновалась эта необходимость, и убогие пещерные церкви гораздо безопаснее, нежели храмы открытые и богато украшенные. События сирийские показали, что турецкий фанатизм не исчез, а только притих до поры до времени. Ктитор-араб, провожая нас по своей церкви, обратил внимание наше на каменную лавицу в виде гроба, которая, по его словам, составляет верхний голубец гробовой пещеры, где погребены тела неизвестных мучеников; но он пока боится проникнуть в эту пещеру, чтобы не навлечь на себя неприятности от подозрительности турок.

Подойдя к Яффским воротам, лощина Гигонская вдруг поворачивает налево и потом идет в том же северном направлении далее. Тут под горою вправо от верхнего водоема Гигонского и по всей лощине вокруг его разбросано турецкое кладбище. Место это называлось в библейские времена «полем белильным», что видно из IV книги Царств: «и приидоша, – пишется в ней о войске Сеннахарива, осаждавшего Иерусалим при Езекии, – и сташа у водотечи купели вышняя, иже есть на пути села белильнаго» (4 Цар 18, 17), потому что здесь красильники растягивали и сушили свои сукна и материи; здесь же Исаия предсказывал рождение Мессии от Девы: «и рече Господь

Исаии: изыди во сретение Ахазу, ты, и оставшийся Иасув сын твой, к купели горяго пути села белилнича». И по встрече Исаии с Ахазом на сем пути «рече Исаия: сего ради даст Господь сам вам знамение: се Дева во чреве зачнет и родит Сына, и наречеши ему имя Еммануил» (Ис 7, 4. 13). Здесь Соломон по приказанию Давида помазан на царство при громе труб и кликах народа: «да здравствует царь Соломон» (3 Цар 3, 34). Ныне все это пространство от городской стены до водоема Гигонского и далее на запад называется туземцами Мамилла, а самый водоем – Биркет-ель-Мамилла. Под этим именем место сие было известно и во времена нашего паломника игумена Даниила (XII века). Мамилла есть испорченное Вавила, потому что здесь по христианским преданиям был в древности монастырь во имя этого святого, в котором были погребены кости христиан, убитых в царство Ираклиево, во время пленения и разорения Святого Града Хозроем, царем Персидским. Нашествие Хозроя на Иерусалим случилось по летописям в июне 614 г. Тогда погибли многие тысячи клириков, иноков и инокинь под мечом персов; опустошены и сожжены были церкви и самый храм Святого Гроба; расхищены все священные сосуды, взято даже и Честное Древо Креста Господня, а по ненависти же к христианам иудеи откупили несколько тысяч христиан у персов, для того только чтобы их умертвить, так что число всех погибших простиралось до 90 000. Подобные бедствия не испытывал Иерусалим со времени разорения римского. Монастырь Св. Вавилы принял в свои тогда же разрушенные стены посмертные останки невинных страдальцев. Ныне один из участков этого места в 3000 кв. сажен достался покупкою сперва графу Кушелеву-Безбородко, а у него куплен правительством; при очистке места найдено здесь несколько древних систерн – несомненные признаки древнего посела; это и дает право предполагать, что упомянутый монастырь находился на этом самом месте; а зная священное значение места, нельзя не видеть в совершенно случайном, по-видимому, переходе этого места во владение русских, особого действия Промысла Божия, передавшего им оное для честного хранения. На этом отдельном участке прилично было бы устроить русское кладбище для отходящих во Святом Граде на вечный покой русских с часовнею во имя святой Вавилы.

История крестовых походов вспоминает о монастыре Св. Вавилы по поводу следующей легенды, которая также указывает на его место. В

одной неудачной для крестоносцев битве между верхним водоемом Гигонским и городскими стенами полегло множество христиан. Крестоносцы не успели собрать трупов своих воинов и отступили в лагерь, находившийся при водоеме Гигонском. Усмотрев это, мусульмане сложили эти трупы тут же под стенами города, чтобы наутро обесчестить их и выставить на позор и страх христианам. Между тем ночью пришел лев и все трупы по одиночке переносил в древнюю усыпальницу, находившуюся в лагере христиан вблизи водоема. С тех пор усыпальница эта прозвалась львиною. Усыпальница эта, как упоминают те же хроники, принадлежала древнему монастырю Св. Вавилы, а указание на близость ее к водоему Гигонскому совпадает с настоящим положением русского участка, составляющего часть места, известного и поныне под именем Мамилла. На этом же месте мусульмане празднуют свои праздники Байрам и Рамазан; здесь же они приветствуют пилигримов, возвращающихся из Мекки. На покрывающем большую часть этого места турецком кладбище есть древний памятник, ныне мечеть, которую предание называет гробом Ирода Агриппы, того самого, который приказал посадить в темницу святого Петра и приказал убить святого Иакова. В самом же северо-западном углу городской стены видны развалины прежней башни, называвшейся замком Голиафа.

Вдоль стены, протягивающейся от Яффских ворот до этого угла, близ самых ворот построено здание городской таможни с открытой галереею и кофейною, в которой целый день сидят любители кейфа, слышится стук костей (шахматы), звон чашек и вьются клубы табачного дыма. Но ни таможни, ни досмотрщиков в настоящем смысле этого учреждения нет; все это отдано на откуп армянам, которые, не смея дотронуться до европейца, вымещают с лихвою свои права на бедных феллахх, останавливая у ворот несущих в город дрова, зелень, живность, и за неимением у них денег отбирают часть натурою. Не раз случалось быть свидетелем самых возмутительных сцен по поводу такого патриархального способа собирания пошлин... У самых Яффских же ворот на подъеме к ним Вифлеемской дороги стоит небольшой домик, огражденный стеною, – это городской карантин. Против него на холме сваливается всякая нечистота, которую от времени до времени сжигают, и эта мера составляет, кажется, единственный признак заботливости правительства о народном

здравии. Поддержание чистоты внутри города предоставлено исключительно уличным псам.

Итак, на пространстве нескольких сот шагов, ибо вся западная сторона городских стен простирается лишь на 900 шагов, мы встретили новое кладбище, поле, посвященное библейским воспоминаниям, еврейский водоем, развалины водопровода и башни – коснулись события из Св. Писания и пророчеств, раскрыли кровавую страницу из иерусалимской летописи и рассказали легенду из времен крестоносцев, – словом, на пространстве нескольких сот шагов, занятых развалинами, пробежали листы из истории 3000 лет от Давида до нынешнего турецкого Байрама. Такие-то неисчерпаемые сокровища скрывают в своей суровой меланхолии окрестности Иерусалима!..

Нам остается теперь обозреть северную часть Иерусалима. Против северо-западного угла городских стен в недалеком от них расстоянии встречает нас обширная площадь, лежащая на высоком гребне полосы, разделяющей две караванные дороги, Яффскую и Напрузскую. На этой площади начато с 1860 (окончено в 1864 году) года возведение русских странноприимных заведений на земле, частью приобретенной покупкою от разных владельцев, частью подаренной турецким правительством. Последний участок называется Мейдамская площадь, так как на ней доселе производилось учение войскам турецкого иерусалимского гарнизона. Мейдамская площадь (15 709 кв. сажень) расположена замечательно счастливо и красиво: воздух и вид там превосходные, а картина, открывающаяся с возвышеннейшей ее точки, в полном смысле великолепна, ибо она обнимает обширный горизонт от Заиорданья и Аравийских гор до Вифлеема, имея весь Иерусалим у своего подножия. Площадь наполнена отличным для построек камнем и даже мрамором; она довольно ровна, без глубоких рытвин, так что не предстоит больших работ для уравнивания местности; предпринятые постройки будут расположены удобно и весьма красиво уступами от гребня к северо-восточному скату, лицом к Иерусалиму, Елеонской горе и Заиорданью.

На этой площади и примыкающих к ней участках предполагено возвести (и возведены) следующие постройки:

1) Соборный однопрестольный храм во имя Святыя Живоначальныя Троицы (предположено освятить в текущем 1871 году).

2) Дом для помещения русской духовной миссии и приходящих в Иерусалим на поклонение русских иноков, с домовою церковью во имя святой мученицы царицы Александры.

3) Странноприимный дом для 300 поклонников.

4) Странноприимный дом для 500 поклонниц.

5) Госпиталь на 60 кроватей.

6) Помещение для консула и драгомана.

7) Необходимые к сим зданиям службы.

8) Каменную оградную стену вокруг всего русского владения, на коем расположены вышеупомянутые здания.

Но как все эти постройки возникли уже после написания этих записок, то посему подробное описание оных и не входит в состав их. Нельзя не заметить, что они украсили собою вид Иерусалима, особенно мрачный доселе с севера.

От северо-западного угла, то есть от развалин замка Голиафа, новые стены (императора Адриана, в обвод которых тогда вошла Голгофа и другие Святые места) обращаются почти под прямым углом на восток и составляют северную сторону городских стен. При каждом изгибе стены построены крепкие четверугольные башни с бойницами и сверх того во многих местах полубашни. Высота стен неровная, потому что часто природные скалы входят в состав их, служа им подножием. Эта сторона, как самая открытая, постоянно подвергалась осаде и штурмам. На этой плоскости постепенно разбивали свои лагери ассирийцы, римляне, крестоносцы и мусульмане.

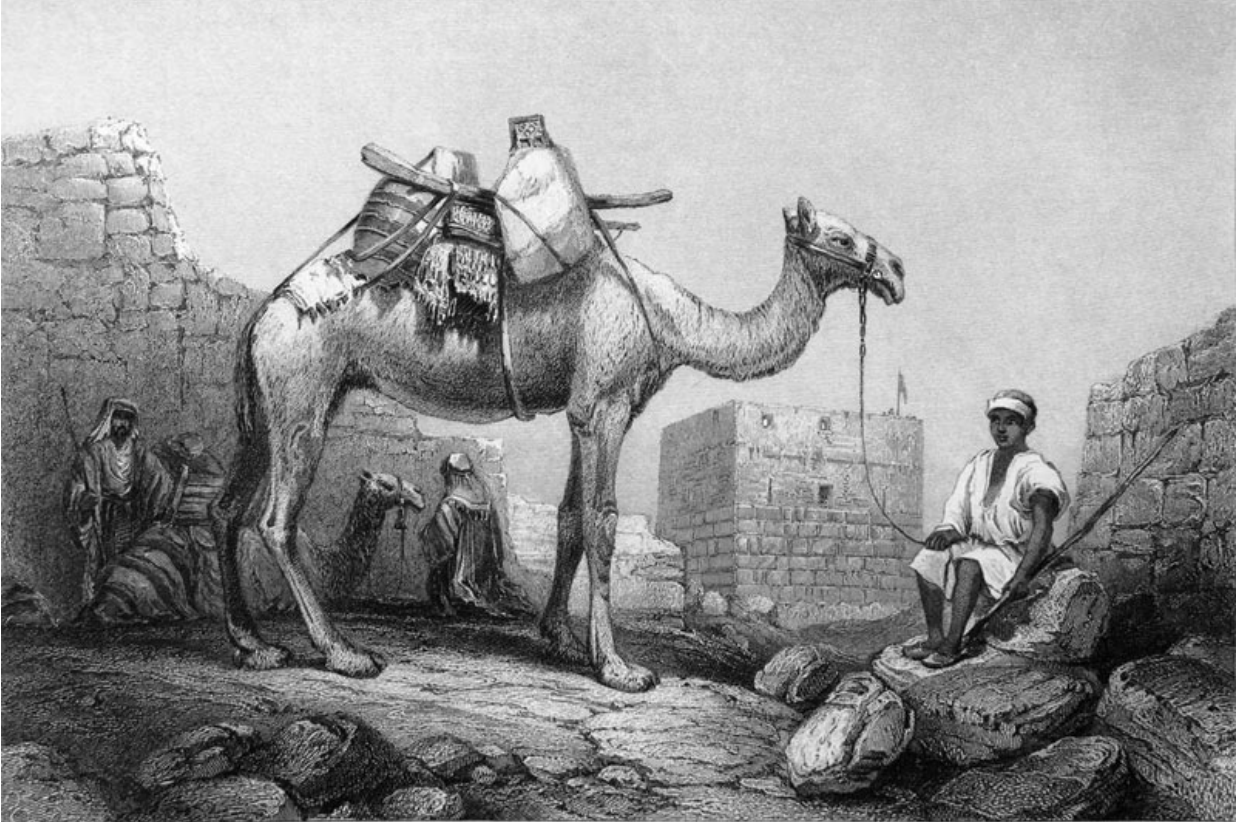
При обозрении города мы имели случай упомянуть, что северо-западный угол его, в котором помещается храм гроба Господня и почти весь Христианский квартал, во время римского владычества находился вне города; это была, по словам Иеремии, юдоль мертвых; тут же «вне врат» находилась и Голгофа, на которой по пророчеству смертью смерть. В северо-восточной же части Иерусалима, начиная от Дамасских врат, городская стена во время римского владычества обнимала собою всю возвышенность – Везефу, которая ныне находится вне городских стен. При крестоносцах здесь было главное поле битвы.

Вообще же северная сторона Иерусалима представляет более предметов для любознания, нежели для благоговейного чествования поклонников Святого Града. Тут находятся: пещера Иеремии, гробницы царей и судей Израилевых и, наконец, древние каменоломни или подземные ходы под городом.

Недалеко от городских стен почти против Дамасских ворот находится скала и в ней большая пещера Иеремии. Ныне пещеру эту занимает турецкий дервиш, который, заградив вход в нее поперечной стеной, пускает туда любопытных не иначе как за плату (бакшиш), потчюя притом посетителей кофеем. Войдя внутрь через малую дверь, вы очутитесь на небольшом дворике, на котором разведен садик, и отсюда вид самой пещеры чрезвычайно живописен. Внутри пещера неправильной формы, в длину и ширину около 30 шагов, а вышиною около трех сажень; свод ее опирается на двух в той же скале грубо иссеченных столбах. При самом входе, который обращен лицом к городу, находится на левой стороне как бы лавица, засеченная в той же скале, которую называют «ложем Иеремии». Предание говорит, что здесь обыкновенно пророк почивал и оставил на скале отпечаток своего

тела, и действительно что-то наподобие следа лежащего человека видно на скале. Здесь, по преданию, Иеремия оплакивал опустошение Святого Града и излил печаль своего сердца в трогательном плачевопльствии. Мрачный вид этой пещеры, высеченной в скале вроде жилища, весьма соответствует этому преданию, и невольно припоминаются слова плача, здесь написанного: «насыти мя горести, напои мя желчи, и изъя камением зубы моя, напитана мя пепелом. И отрине от мира душу мою: забых благоты. И рех: погиге победа моя, и надежда моя от Господа. Помяня нищету мою и гонение мое. Горесть и желчь мою помяну, и стужит во мне душа моя. Сия положу в сердцы моем, сего ради потерплю» (Плач 3, 15–21).

В одной окружности с этою пещерою, в стене прилегающей к ней скалы видны две другие пещеры одна над другою, как бы дом о двух этажах. Верхняя пещера внутри носит знаки не рядового искусства: прекрасный свод верхней пещеры опирается на круглой колонне; в этой пещере высечен сход в нижнюю обширнейшую пещеру, дно которой покрыто дождевой водой, ибо пещера эта служит систерною дервишу; своды ее опираются на четырехгранную колонну, которая у верха обращается в огиву или закругление свода и образует с ним одно целое. Предание называет эту пещеру «темницею Иеремии», или той самой систерной, в которую приказали опустить его князи израильские на веревках, а тогда систерна эта называлась кладезем Мельхииным, «в рове же не бяше воды, но тина» (Иер 38, 6, 7). Никифор говорит, что святая Елена украсила эту систерну чудной работой, следы которой приметны до сих пор. Читая в этой пещере Плач пророка, будто видишь сцены, им оплакиваемые; особенно же поражает «сбытие словес», которым не хотели внять своевременно «цари и князи людстии»!

За возвышением или скалою, в которой находятся вышеописанные пещеры, по левой стороне Дамасской дороги протягивается большое мусульманское кладбище Турбет-ель-Захара, а на несколько сот шагов далее по правой стороне дороги встречается возвышенность, называемая Сафа или Скопос по причине далеко открывающегося отсюда вида. Место это указано в Истории иерусалимских войн как отстоящее на семь стадий от города: на нем Цестий и Тит остановились с войском, когда пришли осаждать Иерусалим. Тут также, по преданию, сохраненному Иосифом, происходило свидание первосвященника Адуя с Александром Великим. Следуя далее вверх по Дамасской дороге, мы достигаем наконец Гробов царских, называемых у арабов «Кубур-ель-Мулук». Это без сомнения один из прекраснейших остатков еврейской древности в окрестностях Иерусалима. Гробы эти находятся в 250 сажень от стен Иерусалима. У подножия скалы иссечена арка, чрез которую вступаете на квадратный двор, окруженный со всех четырех сторон стенами, гладко высеченными в природной скале. Поверхность этого дворика по причине развалин не ровна, а с восточной стороны он имеет несколько футов возвышенности. На той же восточной стороне в

отвесной скале находится иссеченная с большим искусством широкая галерея, которую прежде подпирали две колонны, высеченные в той же самой скале, так что эта галерея составляла одно целое с гробовой пещерою. Над галереею на лицевой стороне этой стены тянется длинный пояс (фриз), вырезанный с особенным и отличным вкусом. Средину этого фриза занимает виноградная ветвь – девиз Обетованной Земли. По правую и по левую сторону от нее представлены в симметричном порядке: тройная пальма прекрасного рисунка, венец, триглифы (орнаменты из трех выемок на плоском выступе) на перемену с круглым щитом. Под этим поясом высечены в той же скале богатые гирлянды из листьев и плодов, спадающие по обоим углам входа в галерею. Правая сторона этой резьбы сохранилась лучше. Над верхним поясом архитрав с нежною, но очень поврежденною резьбою, возвышающийся до самой вершины этой скалы. Широкая трещина, пересекающая наискось архитрав и фриз галереи, показывает ясно, что во время землетрясения были обрушены две колонны, поддерживавшие вход. В глубине этой скалы за галереей находятся на левой стороне низкие входные двери, чрез которые теперь можно лишь вползти внутрь подземелья: это вход в гробовые пещеры. Как эта наружная дверь, так и все внутренние двери гробовых покоев были искусно высечены из одной скалы со стенами; от толчка извне они отворялись легко, но предоставленные самим себе, затворялись так, что изнутри нельзя было отворить их. За первыми такими дверями находится квадратная зала; в этой зале трое дверей: одна в западной и две в южной стене. Эта зала, кажется, составляет лишь сени, ибо не заключает никаких гробов, а имеет в стенах три треугольных ниши для помещения гробовых ламп, следы которых ясно видны в копоти. Двери западной стены ведут в небольшой также квадратный покой, который имеет вокруг обширную каменную лавицу. Все три стены, кроме той, в которой входные двери, имеют по три полукруглых отверстия, из которых среднее больше боковых. Эти шесть меньших отверстий суть места для шести гробов, а три средние служат дверями для трех других покоев, устроенных следующим образом: по правой и левой стороне они имеют по каменному ложу под арками; в стене противоположной входу есть подобное же ложе, высеченное в дугообразном своде во всю его ширину. В нижнем покое, в который входят через один из трех вышеупомянутых, только одно гробовое ложе, что указывает на его

особенное назначение. В этой комнате лежала крыша саркофага, украшенная чудесной резьбой, которая увезена во Францию и помещена в Лувре. Всех комнат семь, а гробов девятнадцать: в первых пятнадцати, по мнению Соси, погребены Иудейские цари, начиная от Давида до Иосии, в шестнадцатом, первосвященник Иодай, что г. Соси доказывает свидетельствами, выбранными из Библии, а три были только приготовлены, но не заняты. Важнейшее и первое место, по его мнению, принадлежало царю Давиду, который был погребен в самом дальнем отдельном покое. В шести гробах первого покоя, ближайшего к саркофагу Давида, и во втором покое погребены: Соломон, Ровоам, Авия, Аса, Иосафат, Охозия и другие иудейские цари.

Одни оспаривают название «гробов царских», другие считали их гробами династии Иродовой или Елены Адиабенской и ее сына, но г. Соси, опровергая все эти предположения, доказывает свидетельством Св. Писания, что именно в этой пещере погребены все цари израильские, начиная с Давида и Соломона. Возражения относительно места погребения последних он опровергает так: хотя и существует древнее предание, что гроб Давида должен быть на горе Сионской, но подтверждения сему мы не находим ни в Св. Писании, ни у Иосифа. Если Св. Писание и помещает этот гроб во «граде Давидовом», то через сие оно еще не означает Сиона, а Иосиф, который сам видел эти гробы, свидетельствует, что они были вне Иерусалима. Обычай евреев не позволяли иметь гробов внутри города. Ирод, говорит Иосиф, желая приохотить евреев, чтобы они жили в Тивериаде, сам построил дома и раздавал земли даром, ибо знал, что против закона и обычая евреев жить в подобном месте, при построении коего уничтожено много гробов; а закон оглашает нечистыми в течение семи дней тех, которые бы заселили подобные места. Мы знаем, что Соломон держал жену свою, дочь фараона, за Сионом, чтобы не профанировать его. Как же бы мог он похоронить там своего отца? Мечеть Неби-Дауд, скажут мне, мнится обладать гробом Давида; но известно, что мечеть эта была прежде христианским храмом построенным на месте дома Тайной Вечери; а где показывают теперь мнимый гроб Давидов, там был приготовлен Пасхальный агнец. Ученый Кварезмий свидетельствует, что латинские монахи, которые прежде занимали это место, нигде не видали там никаких гробов. Мусульманские же предания не заслуживают особой веры, как видно из того, что они гроб Моисея

указывают в окрестностях Иерусалима – в развалинах лавры Св. Евфимия – Неби-Муса.

Резьба, украшающая Гробы царские полна вкуса и для многих казалась делом греческого искусства; но знатоки архитектуры вовсе не приписывают грекам изобретение дорического и ионического орденов. Начальные предания самих греков показывают, что они заняли искусство и науки у египтян и финикийцев. Евреи, далеко прежде их воспитавшие свой вкус среди памятников Египта и живя в соседстве с финикиянами, легко могли позаимствоваться от этих народов в зодчестве и резьбе. Украшения фриза (пояса) гробов царских, как-то: ветви пальм, листья и овощи, упоминаются в Библии в числе резных украшений зданий Соломоновых.

Вениамин Тудельский слышал, что двое работников открыли случайно вход ко гробу Давидову, где нашли покой, выложенный золотом и серебром, а также стол с короною и скипетром Давида. Рабочие донесли об этом главному раввину, и тот приказал снова закрыть вход в подземелье. Нет надобности опровергать эту очевидную басню, тем более, что раввин уже издавна, а тем более во времена сарацинов, не мог властно распоряжаться в Иерусалиме. Таким образом все убеждает, заключает г. Соси, что предание недаром назвало упомянутое подземелье «Гробами царскими», ибо это действительно гробы царей иудейских от Давида до Иосии. Соси насчитал пятнадцать гробниц, которые по всем признакам были заняты мертвецами. Наш известный паломник А. С. Норов, соглашаясь отчасти с мнением г. Соси, указывает в подтверждение оногo на сказанное в Библии: «и успе Озия со отцы своими, и погребоша его со отцы его в поли царских гробов». Иосиф Флавий также помещает гробницы царей возле стен Ирода Агриппы на севере от них.

Гораздо далее за час езды от Иерусалима, более к западу, находятся так называемые Гробы Судей Израильских. Однако это предание очевидно не может относиться к тем, которые назывались по преимуществу Судьями Израилевыми, то есть: Гедеон, Самуил и другие, ибо в книге Судей и Паралипоменон ясно сказано, что из тринадцати Судей Израилевых восемь погребены в их собственных уделах; место же погребения семи остальных хотя неизвестно, но трудно допустить, чтобы было отступлено от однажды принятого в сем отношении обычая. Многие утверждают, что позже назывались судьями

члены Синедриона и что это были их гробы. Во всяком случае они относятся к отдаленной древности. При виде скал, выглаженных извне и обсеченных отвесно, невольно изумишься. Особенно величествен вход в гробы судей, ибо в гладкой скале высечены большие ворота, которые сверху украшены треугольником, середина коего занята прекрасной резьбы цветами. Во всем этом видна простота, соединенная с истинным искусством и смелостью гения. За этими воротами следует довольно обширный двор, иссеченный с исполинским трудом; далее видна галерея, также иссеченная в скале; в ней двери, над которыми опять треугольник с резьбою внутри. Со свечою входят в четверугольный большой покой, через гладкие вытесанные долотом двери с плоскою крышею; вокруг идут катакомбы, весьма похожие на наши киевские пещеры. Двое дверей ведут в два четверугольные покоя с такими же нишами, а из этих покоев есть покатые сходы в два других покоя, помещающиеся под первыми, и таким способом образуется двухэтажный дом в скале. Жиды почитают эти гробы, хотя, как мы уже упомянули, известно положительно, что ни один из судей Израилевых не опочивает здесь. Надобно полагать, что в этой стороне вообще были гробы богатых сынов Иуды, ибо кроме так называемых «Гробов Судей» видно здесь много других, с равным трудом и искусством иссеченных в скале (одна пещера носит название «школы сынов пророческих») и обыкновенно состоящих из передней квадратной залы, в которой с трех сторон три двери ведущие в три меньшие покоя, и везде видите те же гладкие стены, одни и те же украшения и исполинские труды, так что достаточно видеть одну, чтобы иметь точное понятие обо всех других. По местам еще уцелели еврейские надписи. Принимая в соображение длину гробовых ниш, как в этих, так и в других пещерах, убеждаешься, что от самых древнейших времен евреи не сжигали трупов, но бальзамировали и клали их в катакомбах. Теперь здесь нет никаких остатков после мертвых, только сор и нечистота наполняют эти гробовые покои в скалах. Гробы эти находятся на большом поле, пересекаемом небольшими скалами, между которыми слабо зеленеют виноградные леторосли, растущие по местам маслины и дикие яблони (китра), да видны древние иссеченные в каменистой почве систерны. Жители утверждают, что прежде здесь были виноградники и сады, и очень вероятно, ибо Св. Писание подтверждает, что прежде часто хоронили мертвых среди садов.

Невдалеке отсюда идет долина (которую оканчивается та единственная плоскость, которая прикасается к иерусалимским стенам с севера) и видны новые каменоломни, – одна из них послужила для добывания камня австрийцам, при построении недавно оконченного по внешней отделке их странноприимного дома. Они подвозили камень отсюда в город частью на верблюдах, а частью на особо устроенных двухколесных тележках, в которые впрягали лошадей. Эта каменоломня доставляет камень для русской постройки к которой она ближе, чем к австрийскому зданию.

Могущим и желающим остается для довершения обозрения иерусалимских окрестностей с северной стороны осмотреть древние каменоломни, находящиеся под городом, в которые единственный вход с этой же северной стороны на пространстве между северо-западным углом и Дамасскими воротами, недалеко от того места, где находится нынешняя бойня (содержимая евреями), по левую сторону Дамасских ворот. Но без опытного и надежного проводника нельзя пускаться в этот путь, как по затруднительности его, так и по опасности заблудиться, быть ограбленным или погибнуть в этих мрачных лабиринтах, которые несомненно принадлежат к первым временам Иерусалима. Ходы эти, по слухам, простираются преимущественно под Мусульманский квартал, где соединяются с подземельем бывшего Соломонова храма; просачивающаяся по местам сверху вода доказывает, что выше их находятся водохранилища, которые владельцы Ель-Кодса (Иерусалима) держат в большом секрете. Вода в них проходит из Соломоновых прудов по водопроводу, направление которого, впрочем, известно, до самой горы Злого совещания. Несмотря на все современные усовершенствования в области механики, нельзя не удивляться при виде следов исполинских трудов, понесенных при кроении этих огромных каменных глыб, и особенно тому, как они извлекались отсюда и доставлялись на место построек, – это остается и, может быть, еще долго останется неизвестным! Часть этих каменоломен уже обрушилась, другие нависли так грозно, что кажутся с минуты на минуту готовы подавить своею тяжестью смелое любопытство. В этих-то подземельях, вероятно, скрылась во время осады Иерусалима римлянами, часть иерусалимского гарнизона принужденная впоследствии голодом отдаться в руки победителей для того, чтобы, избегнув смерти одного рода, подвергнуться другой более

мучительной, или влачить в рабстве жалкие дни свои. Но кто постоит и какое место скроет от гнева Господня? Поистине если люди умолкнут, сии камни возопиют о страшных событиях, свидетелем которых был Иерусалим в течение своей тысячелетней жизни...

Вифания

«И оставив их, изыде вон из града в Вифанию и водворися ту.»

(Мф 21, 17).

Вифсагия и место проклятой смоковницы на пути в Вифанию. – Место дома Симона Прокаженного и место дома Лазаря. – Три жены, помазавшие Господа. – Гроб Лазарев. – Камень беседы. – Вид Вифании.

К числу окрестностей Святого Града, посещаемых поклонниками пешком, в виде прогулки, принадлежит и Вифания, ныне небольшое арабское селение Ель-Лазарие, отстоящее на полчаса пути от Иерусалима. Путь к нему лежит через ворота Святого Стефана мимо Гефсиманского сада у подножия Елеонской горы и поднимается на гору Соблазна^[66] по ее северному скату. За селением Силоам почти смежно с ним вправо от дороги вам укажут небольшие следы селения Вифсагии, принадлежавшего некогда иудейским левитам, где паслись овцы, предназначенные для жертвоприношения и откуда предвечный Агнец, от века предназначенный в жертву за грехи всего мира, был с торжеством введен во храм или совершил Свой так называемый царский вход^[67] в Иерусалим. На пути из Вифании в день настоящего Вербного Воскресения, придя в Вифсагию к горе Елеонской, Он повелевает двум ученикам Своим идти в противулежащее селение – «в весь яже прямо вама», и привести оттуда осли и жребя и аще кто вама речет: почто отрешаета их? отвечать: Господь требует. Ученики беспрекословно исполняют волю Господа; равно и владелец осли и жребяти, покорный велению Его, беспрекословно дозволяет ученикам исполнить волю Господа. Затем следует покорное служение Господу осли и жребяти, на неже никто от человек вседе. Далее вход истинно царский, ибо «множайшии народи постилаху ризы своя по пути; друзии же резаху ветви от древ и постилаху по пути. Народи же предходящи Ему и вследствующии зваху глаголюще: осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев, осанна в

вышних!» Господь входит в Иерусалим, и здесь Его царская власть является в безропотной покорности Ему продающих и купующих, которые по воле Его тотчас удаляются из храма. Царский вход Его запечатлевается всемогущею Его властью над законами природы: приступиша к Нему хромии и слепии в церкви, и исцели их. Так все повиновалось и служило Иисусу Христу при последнем входе Его в Иерусалим, как своему Творцу, Господу и Царю. Одни книжники среди всеобщего торжества Сына Давидова, видя Его Божественныя чудеса, негодоваша (Мф 21, 5), яко мир по нем идет (Ин 12, 19).

Проехав гору Соблазна, на полдороге в Вифанию, вы увидите место, где прежде на малой равнине близ дороги росло смоковничное дерево, проклятое Спасителем. Господь наш Иисус Христос, возвращаясь из Вифании в Иерусалим, взалкал и, увидав росшую при дороге смоковницу, подошел к ней и, не найдя на ней ничего, кроме листьев, сказал: да не будет же впредь от тебя плода вовек. Рано поутру, когда возвращались они из Иерусалима в Вифанию, ученики увидели, что дерево засохло от самого корня, и дивились сему, говоря: как это вдруг засохла смоковница? Иисус же сказал им в ответ: истинно говорю вам: если будете иметь веру и не усумнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею, но если и горе сей (может быть, Елеонской) скажете: двигнись с места своего и ввергнись в море, – будет (Мф 21, 19–21). Часто встречаем в Евангелии подобное поощрение к высшей вере; Господь наш Иисус Христос и при исцелении больных обычно говорил: вера твоя исцелила тебя. Этим Он дает нам познать нецененную важность веры и учит нас стараться усердно во всю жизнь о приумножении этого сокровища. Как хочешь себе суди и разбирай, а человек с верою сильнее и выше тех, которые не имеют этого чувства. Только одна вера есть источник великих дел и событий, а разум, взятый отдельно (справедливо так называемый «голый разум»), имеет едва ли не исключительное влияние на усовершенствование внешних удобств жизни, часто с ущербом для духовной жизни. Даже в обыкновенных предприятиях (т. е. не имеющих прямого отношения к религии), как говорит в слове о вере святой Кирилл Иерусалимский, сила убеждения и вера в то, что мы хотим делать, есть главное условие хорошего исполнения всякого дела, а недостаток их ничто заменить не может. Ныне на месте иссохшей смоковницы нет никакого следа дерева, а только лежащий здесь камень означает оное. Христос Иисус

иссушением бесплодной смоковницы хотел дать знать Израилю его страшную будущность. И действительно вскоре Иудея засохла в корне, а сухие ветви ее, разбросанные бурей, до сих пор валяются по целому свету. Трудно при этом воспоминании не почувствовать некоторого опасения; ибо если Господь наказал дерево, не приносящее плодов, то что будет и с нами, если у нас праведный Судья не найдет ничего кроме ничтожных листьев – гордости и легкомыслия?

Через час по выезде из Иерусалима увидели мы внизу на покатости горы (Елеонской) несколько хижин: то была Вифания, одно имя которой уже наводит на столько приятных и чувствительных воспоминаний. Господь наш Иисус Христос во время своего пребывания в Иерусалиме сколь часто удалялся для молитвы на гору Елеонскую, столь же часто приходил в Вифанию на отдых среди счастливой любовью Его семьи друга своего Лазаря. Таким образом Вифания открывает нам дорогие черты из частной жизни нашего Господа. Согласно с древними описаниями, прежде всего увидите вы здесь дом Симона Прокаженного. Он возвышается над всеми прочими зданиями на покатости горы, и обыкновенно зовут его замком. На месте этого дома Симона во время крестовых походов Мелизенда, королева Иерусалимская, построила женский монастырь под названием «аббатство Лазаря», а сестра королевы была в нем начальницею. Теперь от всего здания остались лишь две стены, остальное лежит в развалинах, не принадлежащих исключительно никакому вероисповеданию.

На месте бывшего дома Лазаря и сестер его Марфы и Марии, по местному преданию, святая царица Елена построила прекрасную церковь, которая подверглась общей судьбе всех здешних зданий, – она полуразрушена, уцелел лишь один передний фасад ее, весьма красивый. Ныне эта святыня служит мечетью для арабов-мусульман. Наш древний паломник игумен Даниил еще видел церковь в целости; он говорит: «есть посреди того городка (Вифании) церковь велика создана, а вверху исписана была вельми». С этими двумя зданиями (т. е. домом Лазаря и домом Симона Прокаженного) соединено воспоминание о двух вечерах, бывших для Христа в Вифании: одна прежде шести дней Пасхи в доме Лазаря, как повествует святой Иоанн Богослов, говоря: «за шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там

приготовили ему вечерю, и Марфа служила, а Лазарь был один из возлежавших с Ним. Мария же взяв фунт нардового чистого, драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его, и дом наполнился благоуханием от мира» (Ин 12, 1–3). Принесла же сие миро в дар учителю, как Богу, и в благодарение за оживление брата, а потому и не обещается ей за то воздаяние. Иуда ропщет на нее за это, как любостяжатель, говоря: для чего бы не продать это миро за триста динариев (на наши деньги около 25 руб. серебром) и не раздать нищим? Другая же вечеря была за два дни до Пасхи, когда еще Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного: «и приступила к Нему жена грешница, возливая на главу Его драгоценное миро», как повествует о сем святой Матфей, приводя при сем слова Христа к ученикам: «вы знаете, что через два дня будет Пасха», и потом присовокупляя: «когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему жена грешница с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову» (Мф 26, 1, 6, 7). Согласно с Матфеем говорит о сем и Марк: «через два дня надлежало быть празднику Пасхи и опресноков и когда был Он в Вифании, в доме Симона прокаженного и возлежал, пришла жена грешница с алавастровым сосудом мира из нарда цельного, драгоценного; и разбив сосуд, возлила Ему на голову» (Мк 14, 1, 3). За этот поступок на жену грешницу, не зная ее мыслей, негодуют и все ученики, находя неуместною ее щедрость: «можаше сие на трех стех пенязь продано быти», сказали они; но Сердцеведец Иисус упрекнул их, говоря: что труждаете жену? и присовокупил: «на погребение Мя сотвори сие». Ей обещано и воздаяние за усердие: «истинно говорю вам, сказал Иисус, где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, скажется в память ея и о том, что она сделала». «И вот, – пишет Златоуст, – умолчано о подвигах бесчисленных царей и полководцев, которых надгробные памятники доселе еще сохраняются; неизвестны ни по слуху, ни по имените, которые построили города, соорудили стены, одержали победы на войнах, воздвигли трофеи, покорили многих народов, поставили статуи, издали законы; но то, что жена блудница излила елей в доме некоторого прокаженного в присутствии двенадцати мужей, воспевают все во вселенной»^[68] По мнению того же отца Церкви святого Иоанна Златоустого, в евангельских сказаниях надобно различать двух жен:

одну «жену грешницу», упоминаемую у трех евангелистов: Матфея, Марка и Луки, а другую «Марию сестру Лазареву», житием чистым светящуюся, которая за сие была любима Христом; а также и две вечера, обе в Вифании: одна за шесть дней до Пасхи в доме Лазаря, где Мария помазала ноги Иисусовы и отерла их власами главы своей, а другая в Вифании же в доме Симона прокаженного, на которой помазала Ему главу некая жена грешница. От двух вышеупомянутых жен, помазавших Иисуса незадолго до страдания, должно отличать, согласно с мнением большинства церковных писателей, жену, которая помазала Иисуса Христа в середине Его проповеди, и которая именуется блудницею и грешницею, и помазание сие учинено не в доме Симона прокаженного, а Симона фарисея. Когда она изливала миро на ноги Христовы, Симон фарисей соблазнился ее поступком, думая про себя: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и каковая жена прикасается Ему. Сердцеведец Господь даровал ей оставление грехов, сказав: «вера твоя спасла тебя; иди с миром». Об этой жене повествует только один евангелист Лука в своем Евангелии в середине оного (Лк 7, 37–50). И после повести о ней тотчас же добавляет: «после сего Он проходил по городам в селениям, проповедуя и благовествуя царствие Божие» (Лк 8, 1), из чего ясно видно, что это было не во время страданий (страстей) Господних. Притом место этой вечера указывают, как мы уже имели случай заметить, в самом Иерусалиме.

Вопреки преданию нашей Православной Церкви, в латинских преданиях смешиваются все эти три лица: Мария Магдалина, Мария сестра Лазарева и жена грешница, и выдаются иногда за одно и то же лицо. Из этого можно видеть, до какой степени различны предания обеих Церквей о Святых местах и как осторожно надобно пользоваться указаниями латинских писателей и чичероне.

Третья и наиболее сохранившаяся святыня Вифании есть гроб Лазаря, находящийся в нескольких стах шагах от дома Симона прокаженного, по правой стороне Иерихонской дороги. В каменистой Иудее все гробы были иссечены в скалах, а Лазарь был человек богатый и потому ему иссечена была отдельная пещера, в которую теперь спускаются по двадцати шести ступеням. Спустившись по ним при свете зажженных свеч, вы вступаете в грот наподобие небольшой комнаты, в углу которой находится складенный из камней алтарь; поверхность его покрыта большим камнем, вероятно тем самым,

который некогда замыкал гроб Лазаря и был отвален по слову Христа Спасителя. На этом алтаре францискане два раза в году служат Литургии.

Из этого первого покоя через низкое и тесное отверстие по пяти или шести ступеням можно спуститься в пещеру, аршина в два ширины и четыре длины, и там увидите на левой руке иссеченный в скале гроб, в котором был погребен четверодневно Лазарь. Прежде белый мрамор украшал гроб Лазаря и прекрасная церковь покрывала эту пещеру; теперь гроб совершенно оставлен, и кроме нагой скалы, грубо отесанной, да сору и развалин, не видно ничего иного. Здесь останавливаются посетители для прочтения евангельского сказания о воскресении Лазаря, и слыша под сводами опустелой пещеры эхо, повторяющее слово Богочеловека Иисуса: «Лазаре, гряди вон», невольно переношишь мыслью в то время, когда Сам Богочеловек предстал гробу Лазареву, «уверая нам, – как поет Церковь, – два существа своя: якоже человек вопрошал: где погребесе? и якоже Бог воскресил четверодневнаго». (В субботу Ваий Утренняя на хвалитех).

Невдалеке от Вифании близ дороги Иерихонской показывают большой камень (округлый, вроде мельничного жернова). Предание утверждает, что Спаситель остановился здесь и разговаривал сперва с Мариною, а потом с Марфою, прежде чем пришел ко гробу Лазаря. Идя от Иордана, Он восходил, под самую Вифанию, на эту большую (Елеонскую) гору и потому мог отдыхать на этом камне с апостолами, когда уведомленная о Его приближении Марфа, как хозяйка дома, вышла к нему навстречу и сказала Ему: «Господи! если бы ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог. Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение (мертвых), в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, не умрет во век, Веришь ли сему? Она говорит ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир. Сказав это, пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: Учитель здесь, и зовет тебя. Она, как скоро услышала, поспешно встала и пошла к Нему. Пришедши же туда, где был Иисус, и увидев Его, пала к ногам Его, и сказала Ему: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» (Ин 11, 20–32). Обе сестры говорят одинаково, ибо обе имели одинаковую веру к Учителю, но Мария, как сильнее любящая, ищет утешения у ног Его, тогда как Марфа длит беседу. Так, чем сильнее любовь, тем она покорнее. Камень этот называется камнем беседы. Он не велик, формы несколько овальной, гранитный и весьма твердый; он окружен по обводу меньшими камнями, крепко вбитыми в землю. Мусульмане и христиане равно имеют этот камень в почтении; больные приходят сюда и ложатся на нем, чтобы таким способом получить выздоровление, и получают оное по вере своей.

Поклонники, которым по твердости камня нельзя отбить часть его, ограничиваются тем, что сметают с него пыль и уносят ее на память о Святом месте. Здесь кстати будет сказать несколько слов о страстной охоте, развитой в особенности между русскими богомольцами, – об отбивании от разных Святых мест камушков на память о них, страсть, которая хотя проистекает из доброго чувства, но служит причиною порчи и истребления многих памятников древности. Не говорю о тех, которые делают это с целью принести на родину камушек на память того или другого Святого места; эти ограничиваются малым, и может быть среди их найдутся и такие, которые за свое смирение, подобно

святому Давиду Гареджийскому, уносят вместе с камнем Святой Земли и частицу ее благодати^[69], – но разумею тех странников и странниц, которые делают из этого род спекуляции и усердно собирают камни, чтобы по возвращении на родину, пользуясь легковерием земляков, менять эти камни на рубли и червонцы. Я сам видел одного из таких странников, который ходил по Святым местам с молотком и усердно отбивал куски мрамора и камня от Святых мест, потом врезывал их в доску, и на вопрос: на что это? отвечал улыбаясь: «помилуйте-с, да ведь это наши деньги»... Известен в Иерусалиме рассказ о том, как один из наших поклонников тайно отбил кусок мрамора от плиты, покрывающей Гроб Господень; когда же было донесено патриаршему наместнику о таком похищении, он приказал объявить поклонникам, что того, кто посягнул на такое святотатство, он запрещает, т. е. отлучает от Церкви, пока не покается. Угроза эта подействовала на виновного, он возвратил отбитый кусок, который тогда же и был приклеен к своему месту. Желательно, чтобы, ходя по Святым местам вместе, благоразумные поклонники удерживали прочих от таких неразумных или умышленных действий, за которые нареkanie падает вообще на русских поклонников.

Прежде Вифания была довольно известным местечком, которое принадлежало колену Вениамина. Местоположение ее довольно красивое. С севера заслоняет ее гора Елеонская, и оттуда, хотя и близко до Иерусалима, но не видно самого города, разве взойдя на гору. Земля весьма плодородна и здесь прекрасно растут маслины, фиги, виноград, миндаль, гранаты, пальмы и хлеб. Прежде, во времена иудеев, все это местечко было роскошным садом, откуда доставляли плоды в Иерусалим. Потому оно и называлось Вифания, т. е. Дом фиников, ибо всего более росло здесь пальм, которых теперь не видно вовсе. Долина и горы, по которым были раскинуты дома местечка, будучи осеяны садами, представляли восхитительный оазис близ скалистого Салима. В этом-то затишье любил уединяться Иисус, исходя почти ежедневно из шумного города на молитву на гору Елеонскую, а оттуда на отдых в Вифанию. Теперь не осталось и следов ее прежнего значения. Около 20 хижин низких, плоских и грязных лепятся на покатости горы, но мало деревьев украшают этот бедный поселок арабов-феллахов, между которыми немного христиан, но большинство мусульман, – все равно убоги, оборваны и с исхудалыми лицами. Обработка земли почти

совершенно оставлена; при виде этой нужды не обращаешь и внимания на благоприятное положение селения, тем более, что сухое лето пожигает все, и только просвечивает серая и беловатая земля или обнаженная скала; однако весною селение это имеет вид довольно веселый.

Крестный монастырь

*«Радуйся треплаженное Древо, на немже
распяся Христос, Царь и Господь!»*

Местоположение и история его. – Возобновление его. –
Лотово знамение. – Мученики из грузин. – Рукописи. –
Селение Мальха.

Крестный монастырь, в котором находится высшее духовное Иерусалимское училище Греческой Церкви, отстоит на четверть часа езды от Иерусалима, расположен в лощине и окружен масличною рощею. Дорога в эту обитель разделана так широко и хорошо, что можно было бы проехать в европейском экипаже; выйдя из Вифлеемских ворот и пересекши Яффскую дорогу, она спускается вниз к верхнему водоему Гигонскому; по левую сторону дороги видны остатки каменного водопровода, соединяющего этот водоем с водоемом Иезекии (внутри города); на правой, при спуске на библейское поле Белильное, увидите большой, развесистый теревинф, а далее обширное турецкое кладбище, где ежедневно под вечер собираются группы мусульманских женщин, закутанные с ног до головы в белые покрывала и потому похожие на привидения, которыми пугливое воображение населяет места вечного покоя. Противу кладбища тутовая плантация, называемая по имени своего владельца Никифорию: за нею такие же обработанные, но меньшие по величине, участки разных владельцев, и между ними загородная дача английского консула. Летом некоторые из иерусалимских жителей перебираются в палатки, раскинутые на открытом воздухе в Никифории, под тенью деревьев; но жизнь в этих воздушных дачах еще далеко не безопасна, если не от прямого грабежа, то от мелкого воровства!

Церковь Крестного монастыря основана первоначально, по греческому преданию, святою царицею Еленою; а по грузинским преданиям монастырь этот основан первым христианским царем Грузии Мирианом (318 г.), который по совету просветительницы Грузии святой Нины ходил на поклонение в Иерусалим и с дозволения императора выбрал для постройки монастыря место так называемого

Лотова знамения (см. ниже). Крестным монастырь сей называется потому, что он основан на месте, где, по преданию, росло дерево, промыслительно употребленное на Крест, на коем был распят Господь наш Иисус Христос. Место, где был корень сего дерева, поныне видно в пещере под святым престолом соборного храма. Крестный монастырь неоднократно был разоряем и снова возобновлялся от щедрот грузинских царей. Воинственный Вахтанг, завоевав в исходе V века всю Палестину и Иерусалим, построил здесь много и других монастырей, которые долго оставались во владении грузин, будучи охраняемы их воинами, будто бы оставленными здесь для этой цели Вахтангом. Крестный монастырь, как и другие, был неоднократно разоряем во время неприятельских нашествий. По грузинским хроникам, в половине XI века он был восстановлен царскою щедростью Баграта III, почему некоторые и считают сего царя настоящим ктитором обители, которая с тех пор долго служила исключительно пристанищем грузинским поклонникам. В конце XII века соборный храм Крестного монастыря был поддержан и расписан внутри Шотою Руставелем, казнохранителем знаменитой царицы грузинской Тамары. Последнее известное обновление этого храма, до перехода его во владение греков, было произведено мингрельским владетелем Львом Дадрианом и супругою его Нестан-Дареджаною; в XVI столетии они оба написаны на стенах храма. Исполнителем сего поручения был настоятель метехский Николай, к монашеству Никифор, и он также написан здесь вместе с преосвященным Феодосием Манглиским. Такова краткая летопись этого монастыря под владением грузин, сообщаемая в путешествии к Святым местам грузинского архиепископа Тимофея (1757–1758). После обеднения Грузии, когда монастырь был занят греками (за долги) в XVII столетии, он долго оставался в небрежении и только при нынешнем Патриархе Блаженнейшем Кирилле возобновлен и украшен новыми зданиями, для помещения высшего духовного училища, устроенного в истекшем десятилетии по образцу Константинопольского Халкинского училища.

Соборный храм, впрочем, остался почти в том же виде, как был при грузинах. На стенах его написаны изображения (фрески) грузинских царей: Мириана, Вахтанга, Баграта III, карталинской царицы Марии, урожденной княжны Дадриановой, Шоты Руставеля, мингрельского владетеля князя Льва Дадриана с супругою, нескольких

преосвященных (Католиков, грузинских и абхазских), преподобных отцов Грузинской Церкви и достойных особой памяти настоятелей сего первенствующего из грузинских, иерусалимских монастырей; словом, фрески этого храма представляют целую живописную летопись из истории многострадальной и вместе верной православию Грузинской Церкви. Желательно, чтобы кто-нибудь из грузинских князей, по ревности к своей национальной старине, снял верные фотографические снимки с этих изображений, которых уже коснулась отчасти разрушительная рука времени. Греки неоднократно указывают на это русским посетителям, говоря, что если кто-либо из могущих не возобновить уже значительно попорченную стенную живопись, они будут вынуждены закрасить ее вовсе. Тут же изображено сказание о происхождении Крестного Древа, или о так называемом «Лотовом знамени», послужившее поводом к основанию обители во имя Святого Креста Господня. Это начертание указывает на древний источник легенды, а внесение ее по частям в Палею – лицевую библию, в хронографы и другие произведения древнерусской письменности достаточно говорит о влиянии ее на умы наших предков. Легенда эта имеет несколько различных между собою редакций. Избираем ту из них, которая более соответствует живописному изображению ее на стенах соборного храма Крестного монастыря, а следовательно и древнее. Крестное Древо, рассказывается в легенде, вынесла из рая Тигр-река, и лежало оно на песке. Когда Сиф вздумал помянуть отца своего Адама, Ангел показал ему то дерево, повелев сотворить в нем неугасимый огонь на реке Вавилоне, в память Адаму. И горит то дерево непрестанно, и лютые звери стерегут огонь. Когда согрешил Лот и пришел к Аврааму на покаяние, ужаснулся Авраам содеянного им, и рассудив, что так как Лот согрешил смертно, то должен смертью и загладить свой грех, послал его с этою мыслию за огнем к Вавилону-реке. Пошел Лот, и видя, что звери спят, взял три головни и принес к Аврааму. Увидел Авраам и удивился, и заповедал Лоту посадить те головни на указанном ему месте и поливать водою до тех пор, пока произрастут головни, и это будет ему знаком, что он прощен в своем грехе. Вода же была далеко от того места, а демоны, желая помешать произрастанию древа, в виде прохожих всегда встречали на пути несущего в кувшине воду и употребляя во зло добродушие старца, выпивали всю воду, и он должен был снова возвращаться к источнику,

так что только трижды в день успевал он принести воду. Делали и другие пакости, но старец все препобеждал терпением, при помощи советов и молитв Авраама. Плодом же его послушания и терпения было то, что проросли головни и взошли и возросло дерево пречудное и прекрасное (из которого и был сделан впоследствии Крест Господень, после рассказанных ниже сего превращений). Святой Димитрий митрополит Ростовский в беседе своей о четвероконечном кресте передает сказание о кресте и дереве так: Крест святой, на котором был пригвожден Христос, был сделан из дерева пальмового (финикового), кедрового и кипарисного. О дереве этом повествуют церковные сказатели, что Адам, когда разболелся к смерти, послал сына своего Сифа к дверям рая просить от Ангела врачевства ради соблюдения здоровья и продолжения своей земной жизни. Ангелы дали ему три зерна. Сиф, взявши их, возвратился к отцу своему Адаму и уже не застал его в живых, но умерша и погребена. Тогда он посадил эти три зерна при гробе отца своего, и от тех зерен прозябли три леторосли: пальмовая, кедровая и кипарисная. Потом эти леторосли срослись вместе в одно великое дерево, и дерево это стояло на своем корне до дней царя Соломона^[70]. Когда же царь этот приступил к созданию бывшей в Иерусалиме церкви Святая Святых, для чего были привозимы отовсюду лучшие деревья, было срублено и это прекрасное дерево и принесено в Иерусалим к зданию, но Божиим смотрением не было употреблено в здание церковное, оказавшись в одном месте длинно, в другом коротко. Почему и было положено на Овчей купели вместо моста, так что можно было переходить купель по этому древу. Когда же царица Савская пришла в Иерусалим слышать Соломонову премудрость, она, идя к церкви и увидевши на Овчей купели это дерево, не восхотела идти по нем, но пророчески духом прорекла, что на этом древе должен умереть Бог, облеченный в человеческое естество. Почему дерево это и было тогда же закопано глубоко в землю, при той же Овчей купели, чтобы оно никогда не досталось в руки человеческие; но оно по многих летах вышло из земли и плавало по воде Овчей купели^[71].

Ради этого-то древа Ангел Господень на всякое лето сходил в купель оную и возмущал воду, омывая сие дерево, причем подавалось исцеление тому болящему, который первый входил по возмущении в купель. Когда же Христос Господь наш, приняв на себя человеческое

естество, «на земли явился и с человеки поживе», евреи, взявши Его и предав на распятие Пилату, искали для креста самого тяжелого дерева, чтобы тем отяготить более Христа; увидев же вышеупомянутое дерево, пропитанное водою Овчей купели и потому весьма тяжелое, извлекли его оттуда и отдали на сделание из него Креста, который потому и оказался столь тяжелым, что потребовалось, дабы кто-нибудь помог Иисусу в несении оною. «И задели Симону Киринейскому понести крест Его».

Пол храма выложен каменной мозаикою; на ней показывают кровавые полосы; по преданию, это следы крови избитых здесь сарацинами иноков. Время этого события положительно неизвестно, но еще доселе совершается в монастыре Св. Креста общая память святых мучеников из грузин, бывших в Иерусалиме и разновременно пострадавших там за православную веру; имена некоторых из них внесены в прологи Грузинской Церкви, каков, например, один из настоятелей Крестной обители священномученик Лука из рода князей Абашидзе, который, будучи взят турками по некоторому маловажному происшествию, случившемся в его монастыре, и отказавшись принять предлагаемые ему почести, богатство и звание эмира, если он отречется от веры, по многих истязаниях был усечен мечом во главу.

В одном из соборных (упраздненных) приделов хранится собрание грузинских рукописей (остаток древней монастырской библиотеки), между которыми без сомнения есть драгоценные материалы церковной, а может быть и исторической письменности; они свалены грудю на каменном полу, без всякого порядка, покрытые пылью веков. Роясь в них из любопытства, с разрешения моего проводника, я отыскал здесь две-три славянские рукописи и между ними одно на пергамене Четвероевангелие Апракос XIII века, болгарского письма; ближайшим следствием моего внимания к этой рукописи было то, что она получила более сохранное место в библиотеке Крестного училища, которая состоит из нескольких сот номеров книг преимущественно греческих.

Под престолом в полу сделано отверстие (рупа), обложенное серебром, к которому прикладываются богомольцы, а сквозь него показывают место, где росло дерево, посеченное на Крест Господень; желающие сходят со свечами в самую пещеру, находящуюся под алтарем, но там кроме камней, означающих то место, ничего не видно.

Во втором ярусе устроены вновь здания, служащие собственно для помещения духовного училища: классы, комнаты для занятий вне классов и спальни воспитанников отдельные, большая зала для экзаменов и актов и столовая. Все заведение содержится в неукоризненном порядке и чистоте, по точному образцу Халкинского богословского училища, один из воспитанников коего и заведывает училищем в звании ректора оно; ему помогают трое учителей, из которых один вместе и помощник его по надзору за воспитанниками, число коих не превышает сорока человек. Все они одеты в подрясники, рясы и камилавки, как наши рясофорные послушники, потому что все готовятся и действительно поступают на служение Церкви. Большинство воспитанников состоит из природных греков, но есть между ними и несколько арабов. Преимущество в пользу греческих юношей объясняется стремлением к национальным интересам, как и в Константинополе, хотя нельзя не заметить, что здесь оно извинительнее, чем там. Если арабы не могут забыть, что Иерусалимский Православный Патриархат был некогда в руках их племени, то и греки справедливо могут ссылаться на то, что время это было самое бедственное в его истории. По неискусству в делах церковного управления и от злоупотреблений, проистекавших из права наследства в имуществе духовных лиц их родственников, при врожденной как бы арабскому племени алчности к деньгам, – арабский Патриарх и их клир довели святогробскую казну до крайнего оскудения, которым не преминули воспользоваться латины и армяне; к этой-то бедственной эпохе относится отторжение у православных разных Святых мест, из которых одни с тех пор и остались навсегда во владении латин и армян, а возвращение других стоило грекам больших усилий и тревог. Это-то и понудило одного из греческих Патриархов Святого Града (Германа) обязать своих преемников клятвою не принимать в Патриархи иноков арабского племени.

Такая исключительность хотя и готовит в будущем Иерусалимской Греческой Патриархии те же самые затруднения, в каких теперь находится Константинопольская Патриархия (по причине ее распри с болгарями), но зато, повторим, причины, на которых основана она здесь, более справедливы: она оправдывается, как мы видели, историческим опытом, тогда как в Константинополе она не оправдывается ничем, кроме своекорыстных стремлений греков к

церковному преобладанию в пользу своего племени и несбыточными мечтами о восстановлении Византийской империи, – идея, могущая назваться скорее обширною, чем великою.

Из Крестного монастыря можно проехать в селение Мальха, близ которого в плодородной долине у подошвы горной цепи, идущей от Вифлеема, расположены виноградник и розовые плантации, принадлежащие Греческой Патриархии. Жители прилежащего арабского селения Мальха нанимаются у греков для обрабатывания этой долины роз и виноградников. Из роз греческий монастырь ежегодно извлекает большой запас розовой воды, обычно употребляемой на окропление и омовение Святых мест. А из здешних виноградных лоз выделяется знаменитое иерусалимское вино, которого, впрочем, нет в продаже.

Здесь пролегает прямой путь из Иерусалима чрез Газу к границе Египта. По преданиям Пресвятая Дева с Младенцем Иисусом на возвратном пути из Египта останавливалась в здешней роще, у источника, и провела здесь ночь. Здесь же Иосиф, «услышав, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода отца своего, убоился итти туда, но получив повеление во сне, удалился в пределы Галилейские». (Мф 2, 22).

Горний град Иудов и пустыня Иоаннова

«Иде Мариам в горняя со тщанием во град Иудов и вниде в дом Захариин и целова Елисавет»

(Лк 1, 39).

Приют для русских поклонников в горнем Граде Иудове. – История и местность его. – Францисканский монастырь. – Жители селения, на месте града Иудова. – Храм Рождества святого Иоанна Предтечи. – Источник Марии. – Камень святого Предтечи на пути к его пустыне. – Пещера Св. Иоанна. – Предания. – Вид со скалы.

Из всех ближайших окрестностей Иерусалима, горний град Иудов чаще других любят посещать наши русские богомольцы, хотя и нет там для них русского приюта, и что особенно прискорбно, православные не имеют участия во владении тамошнею святынею, – ею почти исключительно завладели латины. Правда, развалины дома Захарии не принадлежат никому исключительно, но на месте Рождества Предтечи Господня высится латинская обитель, а в числе жителей селения нет ни одного православного семейства. Русские паломники находят себе приют в дом одного зажиточного араба-католика, по имени Стефан. Изучив язык и нравы русских богомольцев, он успел утвердить за собою монополию их приема и никто из посетивших горний град Иудов не минует Стефана, у которого найдется и русский самовар и возможное удобство для отдыха; он же покажет вам и все замечательное здесь, а на прощание убедит вас купить у него образок его изделия из красноватого камня, добываемого около Крестного монастыря, или из кости единорога, изделия его брата, живущего в Иерусалиме.

Град Иудов отстоит от Иерусалима, к юго-востоку от него, на один час с четвертью езды. Дорога туда, выходя из Вифлеемских врат, идет мимо Крестного монастыря, у которого поворачивает направо. Через три четверти часа от Иерусалима начинается подъем на первый хребет Иудейских гор, покрытый маслинами и виноградом; влево в

обработанной долине видно описанное выше селение Мальха и почти тотчас после того открывается плодоносная долина горного града Иудина, где теперь селение Св. Иоанна. В Библии оно было известно под названием Иута, Иутта (Нав 15, 55). Это небольшое местечко было уступлено коленом Иуды сынам Аароновым из рода Левиина, и потому в еврейские времена жили здесь священники и левиты, а между ними и святой Захария, который также был священником. Местоположение селения красивое и веселое; на плодоносном взгорье высится монастырь и храм, а около теснятся домики арабов-феллахов и сбегают на крайние покатоности глубокой и чрезвычайно плодоносной долины, которая зеленеет садами и виноградниками; далее за этим удолием встают вокруг высокие скалы. Селение состоит не более как из семидесяти домов, а жителей не более 500 человек. Из числа их несколько семейств христиан латинского вероисповедания; дети их учатся в монастырской школе и поют в церкви; остальные же – мусульмане, занимаются преимущественно земледелием, особенно разведением огородных овощей, ибо эта сторона главным образом снабжает иерусалимские базары овощами, зеленью, молоком, цыплятами и проч. живностью. А монастырь Св. Иоанна занимается выделкою из здешних виноградных лоз церковного вина, которым снабжает все здешние францисканские монастыри. Словом, селение Св. Иоанна для францискан то же, что Мальха и Беджалский монастырь Св. Георгия для Греческой Патриархии. Жители селения не пользуются добрым мнением и с первого взгляда на них можно видеть, что они горды, дики, а более всего хищны. Монастырь, как говорят, платит им ежегодно около 1000 пиастров, будто бы за покровительство; кроме того платит за покупаемую у них ежедневно провизию и за услуги, как-то за перевозку тяжестей, обработку виноградников и другие работы.

На месте Рождества святого Иоанна Предтечи издавна был воздвигнут храм, построение коего, по обыкновению, местное предание приписывает святой царице Елене. Греческий писатель XII века Фока и наш паломник игумен Даниил застали здесь замок: «Есть место то городом оделано каменным, – говорит Даниил, – и церковь над пещерою или местом, где родился Иоанн Предтеча». Во время крестоносцев этою святынею овладели латины. По изгнании их церковь была обращена в конюшню и в таком положении оставалась более 300 лет. По описанию одного из паломников XVI века, еще в 1581 году

стены храма были совершенно целы и раз в году в день рождества святого Иоанна бывала здесь божественная служба. Так продолжалось до 1621 года. Около этого времени прибыл в Иерусалим новый кадий или судья, который, как и все его собратья, скоро прославился своею продажною и грабительством. Францисканский монастырь выслал для переговоров с ним о уменьшении налогов одного из своих членов отца Фому из Наварры, который скоро успел особенно понравиться и войти в особую доверенность кадия. Пользуясь сим, отец Фома просил его уступить францисканам место рождения Иоанна Крестителя, – тот обещал. За словом последовало дело. Собравши к себе мусселима (градоначальника), муфтия и знатнейших эмиров, кадий склонил их к обещанной уступке с тем однако условием, что еще рассмотрят дело на месте. Тогда с большой свитой он двинулся в Горнюю и, осмотревши развалины, возвратился к «источнику Марии», где под тенью фигов, олив и между кустами роз, сидя на мягком диване, начал свой суд. Он позвал о. Фому с несколькими монахами и объявил им в присутствии мусульман, что во славу и честь такого великого пророка лучше отдать это место христианам, чем быть в нем конюшне, а потому он и отдает эти развалины с прилежащею площадью в вечное владение францисканам с обязанностью выстроить для жителей особую конюшню. Несмотря на неудовольствие мусульман за такое явное покровительство гяурам, место было очищено и обнесено стенами в том же самом году, церковь оправлена на сумму, присланную из Испании, и главный иерусалимский монастырь в благодарность испанцам за их пожертвование предоставил новосозданный монастырь в исключительное владение своих собратий из этого народа, и до сих пор гвардиан или начальник монастыря выбирается непременно из испанцев. Храм не велик, но содержится в большой чистоте; все здание запечатлено византийским стилем и бросается в глаза соразмерностью своих частей. По примеру всех древних церквей оно делится пилястрами на три части с красивым куполом на середине, окна которого проливают обильный свет во внутренность храма. Главный алтарь посвящен имени Захарии; запрестольный образ представляет его в ту минуту, когда явился ему Ангел, возвестивший рождение святого Иоанна. На правой стороне от входа придел во имя святой Елисаветы, где запрестольный образ представляет свидание ее с Девою Мариною, а по левой стороне пещера, или место рождения Предтечи. Через

позлащенные дверцы спускаются туда по восьми ступеням и под мраморною доскою престола увидите шесть серебряных неугасимых лампад над вырезанною из мрамора же в полу звездою, около которой начертана следующая латинская надпись: *Hiс praecursor Domini natus est*, то есть «Здесь родился Предтеча Господень». Под престолом же вокруг на стенах находится пять рельефных изображений из белого мрамора в черной оправе из того же камня, представляющих: рождение святого Иоанна, приветствие Елисавете Девы Марии, проповедь Иоанна Крестителя в пустыне, крещение Христа Спасителя от Иоанна и усекновение Предтечи. Эти изображения – древний подарок неаполитанского короля. Своды и стены этой пещеры обложены мрамором и покрыты богатою материею, а пол украшен разноцветною мозаикою. Здесь кстати будет заметить, что все важнейшие события евангельские совершились в пещерах, хотя бы по нашим обыкновенным понятиям и нельзя было ожидать этого. Так, Благовещение, Рождество Пресвятой Богородицы, Рождество Спасителя, плач апостола Петра, Рождество святого Иоанна Предтечи Господня, все эти события произошли в пещерах. Надобно обратить внимание на то, что в этой скалистой стране при каждом доме были всегда пещеры и почитались за приятнейшие убежища от дневного зноя, где по тому самому и совершались важнейшие события, требующие тишины и уединения. Но возвратимся к храму. Все картины, его украшающие, древней и хорошей кисти испанской школы. Изображение святого Иоанна в пустыне по рассказу монахов принадлежит кисти славного Мурильо. Главный престол, по преданию, находится на том месте, где счастливый отец излил известную песнь благодарения: «благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем своим и воздвиге рог спасения нам, в дому Давида отрока своего, якоже глагола усты святых сущих от века пророк Его...» (Лк 1, 67 и далее).

Пол в церкви состоит из плит белого и черного мрамора, попеременно кладеных. Самый храм находится на месте далеко низшем, чем монастырь, и потому в него сходят как бы в подземелье; через это церковные стены не превышают монастырских и только купол храма высится над ними для того, чтобы служить проводником в него дневного света. Монастырь велик и построен крепко, может поместить около 30 человек; кельи обширные и удобные; словом, везде

проявляется достаток и знание хозяйства. При самом монастыре есть небольшой сад, а все здание окружено высокими стенами с воротами, окованными железом. Из-за стен высятся стройные кипарисы и другие деревья, служащие еще издали украшением общего вида на горный град Иудов.

За монастырем на конце селения виден под тенью смоковничных деревьев водоем, называющийся «источником Марии», ибо, говорит предание, Пресвятая Богородица, во время трехмесячного пребывания у своей родственницы Елисаветы, ходила сюда почерпать воду. Тут всегда можно застать несколько жителей селения, которые, сидя на каменном возвышении около водоема, курят свои трубки и презрительно посматривают на проходящих мимо поклонников. Без крайней нужды не советуем останавливаться у водоема, чтобы не получить какого-либо оскорбления.

Загородный дом Захарии и Елисаветы, где происходило описанное в Евангелии свидание, находится на скате горы, прилежащей к этому источнику, и к тому дому ведет отсюда особая дорога. Развалины сего дома арабы называют Аин-Карим. Войдя во двор, вы увидите посреди его красивый развесистый платан; корни его и дуплистое основание обнесены кругом двумя каменными уступами для отдыха. Напротив, на каменной платформе со сводами, возвышаются значительные развалины; стены нижнего этажа сложены из огромных камней; под сводами устроен престол. Предание повествует, что возле этого открытого свода и каменного крыльца, ведущего к верхнему зданию, происходила трогательная встреча Елисаветы с Пресвятою Богородицею, описанная в Евангелии: «и бысть, яко услыша Елисавет целование Мариино, възграся младенец во чреве ее, и исполнися Духа свята Елисавет. И возопи гласом велиим и рече: благословена ты в женах, и благословен плод чрева твоего. И откуда мне сие, да приидет Мати Господа моего ко мне. Се бо, яко бысть глас целования твоего во ушию моею, възграся младенец радощами во чреве моем. И блаженна веровавшая, яко будет совершение глаголаным ей от Господа. И рече Мариам: величит душа моя Господа, а возрадовася дух мой о Бозе Спасе моем, яко призре на смирение рабы своея, се бо отныне ублажат мя вси роди, яко сотвори мне величие Сильный, и свято имя Его» (Лк 1, 41–49).

Вдохновенная песнь эта невольно просится здесь на уста, и наши поклонники не упускают случая пропеть ее хором, как общеизвестную по частому церковному употреблению. Верхнее здание принадлежит, как говорит предание, монастырю, основанному святою Еленою, а по другим – царицею Евдокиею. Развалины осеяны густыми деревьями и обвиты плющом. Напротив высится новый каменный двухэтажный дом драгомана французского посольства, своею белизною и новизною составляющий разительную противоположность с древними развалинами.

Дорога в так называемую пустыню Св. Иоанна от выше описанных развалин идет по окраине глубокой лощины, которая, начинаясь у самого монастыря Св. Иоанна Предтечи, в селении занята огородами, а далее виноградниками и маслинами. После часа довольно трудного пути по скользким ребрам скалы, оживляемого, впрочем, прекрасным и разнообразным видом, особливо на долины и низшие покатости горы, покрытые пышными садами, – вы достигаете пустыни Предтечи. На половине пути сюда от горного града Иудова покажут вам белый камень, довольно возвышенный над поверхностью земли, вроде небольшого холма; на этом камне, согласно преданию, еще в молодости Предтеча поучал народ. Не входя в глубокое исследование этого предания, приятно заметить, что народ помнит о святом Иоанне на месте его рождения и начальной жизни. Все арабы имеют этот камень в большом почтении и рассказывают о нем множество легенд. Между прочим сказывают, что мусульмане из презрения к христианам, отколовши часть этого камня, положили в печь для выжигания извести, но по разведении огня печь разорвало и многих из них убило; тогда другие испугавшись собрали остатки камня и отнесли его в церковь Св. Иоанна Предтечи. Заметим, что подобные легенды о Святых местах действительно охраняют многие из них от мусульманского фанатизма. Пустыня Св. Иоанна называется так потому, что здесь Предтеча Господень в пещере и в уединении провел все утро своей чудесной жизни. Трудно найти место столь прекрасное и веселое, как эта пустыня: пред вами тянется огромное, глубокое, длинное и довольно широкое ущелье, и на левой его стороне от Иерусалима, в береговой скале, в самой верхней части ее находится пещера, а над нею наверху скалы высятся значительные из белого камня сложенные остатки древнего храма и монастыря, которые время украсило так хорошо

растениями и деревьями, что смотря на эти красивые стены, по которым цепляются теревинфы и рожковые деревья, не только дивишься красивому виду, но невольно впадаешь в какую-то задумчивость. С вершины этой скалы с обеих сторон развалин ведут вниз к пещере крутые стежки, и хотя они имеют высеченные в скале ступени, однако от времени они стерлись в мягком камне и надобно спускаться весьма осторожно. Самая пещера невелика, имеет всего восемь шагов длины и четыре ширины. В позднейшее время она очевидно была разделана рукою человеческою. Кроме дверей, прекрасно отесанных, есть еще два окна, одно маленькое круглое, другое довольно большое квадратное, за которым в скале высечен род галереи с прекрасным видом на долину. Прежде над эту галерею был свод вроде кровли, но теперь видны лишь остатки его. Напротив дверей в самой глубине пещеры небольшой выступ скалы обделан в виде престола; на этом камне, по преданию, отдыхал Илия Нового Завета. Около пещеры иссечены лавочки вроде наших завалинок при избах. С вершины скалы выходит источник, который малой струей, ширины вершка в два, сочится по скале и у самых дверей пещеры собирается в каменное овальное ложе, а потом бежит журча в глубину долины. Предание поведает, что святой Иосиф Обручник, предуведомленный во сне чрез Ангела о намерении Ирода умертвить детей во всей этой окрестности, известил о сем Елисавету пред своим бегством в Египет. Вот подлинные слова этого поэтического предания: «Елисавета услышавши, что ищут Иоанна, взяв его, отправилась на гору, и осматривала, где бы скрыть его, но не было скрытного места. И возстенав Елисавета великим гласом сказала: гора Божия, приими мать с сыном, и тотчас расступилась гора, и приняла ее (в свои недра). И просвечивал им свет, и был с ними Ангел Господень, сохраняя их»^[72]. Передавая то же самое предание при описании пустыни Иоанновой, наш древний паломник Даниил добавляет к сему: «слуги же Иродовы, иж гнаху в след ея, пришедши до места того, и не обретоша ничтоже, и паки возвратишася посрамлены. Есть место то знати на камени и до днешняго дне... ту воду пила Елисавет со Иваном, ту сущи в горе той, Ангел бо я набдяше»^[73]. Предание повествует, что мать Иоанна вскоре (через полгода) умерла и он остался сиротою, но Матерь Божия послала Ангелов из Египта для погребения тела сродницы своей святой Елисаветы на той же самой горе и для охранения младенца-

пустытника, и что Ангелы ежедневно приносили Иоанну часть пищи, оставшейся от трапезы Младенца Иисуса, и это продолжалось до семи лет, а потом он уже сам промышлял о пище, только источник был чудесно изведен для него Ангелом из скалы. Нет сомнения, что предание это значительно украшено воображением, но зато как оно прекрасно! Эта опека Ангелов над младенцем-пустынником, эта связь с Святым Семейством в Египте, это употребление одной и той же пищи с Младенцем Иисусом не только восхищает своею мыслию, но, если вникнуть глубже, и опирается на правду, ибо разве Младенец мог бы пребывать в пустыне без особенной и чудесной опеки Божией? Здесь-то пребывал Иоанн до тридцатилетнего возраста, как свидетельствует евангелист Лука: «отроча же растяше и крепляшеся духом и бе в пустынях до дне явления своего ко Израилю» (Лк 1, 80). Явился же он миру, по прекрасному выражению одной из церковных песней, «как горлица пустыннолюбная, возвещая божественную весну, ибо с его явлением престала лютая зима безбожия; как денница солнца, ибо за Предтечею, как предвозвестником света, последовал свет истинный» (Служба Рождества Иоанна Предтечи 24 июня). И точно, глядя на эту восхитительную пустыню, нельзя не сравнить ее с гнездом райской птички, укрытой в кустах роз и гранатов, пока не выросли у ней перья, пока не укрепилась для воспевания песни, известующей весну нашего спасения.

Я посетил очаровательную пустыню Иоаннову в августе месяце 1858 года. Мы застали в ней вифлеемского араба-католика, которому недавно присвоившие себе в исключительное владение эту пещеру латины поручили ее охранение. У него мы нашли овечий сыр и молоко; у нас с собою был хлеб и несколько апельсинов. Подкрепивши свои силы этим легким завтраком и напившись чистой воды из святого источника, долго любовался я очаровательным видом, оживленным библейскими воспоминаниями, ибо долина, составляющая дно глубокого каменного ущелья, на обрыве которого сидел я, была славная долина теревинфов: виноград, фиги, оливы, рожки, теревинфы и другие деревья богато одевали очаровательное ущелье. Стада коз и овец, которых гнали внизу на водопой к единственному здесь источнику, оживляли долину. Прямо против святой пещеры на высокой горе виднелось селение Сатав, увенчанное рощею маслин и померанцевых деревьев; далее на север высилась островерхая скала, увенчанная

развалинами. То был богатырский Модин, а под ним построенное из его развалин селение Зуба весело глядело на всю окрестность с самой высокой здесь горы. В таком-то очаровательном местоположении «отроча, – как говорит Евангелист, – росло и укреплялось духом, пребывая в пустынях!»

Источник Св. Филиппа

«Ангел же Господень рече к Филиппу глаголя: востани и иди на полудне, на путь сходящий от Иерусалима в Газу, и той есть пуст»

(Деян 8, 26).

Дорога к источнику Св. Филиппа. – Крещение евнуха царицы Кандакии. – Развалины над фонтаном. – Окрестный вид.

Так называемый источник Св. апостола Филиппа находится на пути в Газу на юг от Иерусалима. Дорога к нему идет мимо Крестного монастыря через розовые плантации селения Мальха, от которого он находится на три четверти часа езды. Некоторые посещают его на обратном пути из пустыни Иоанновой, от которой он отстоит на два часа пути, или наконец на возвратном пути из Вифлеема в Иерусалим через Беджаллу.

Предание говорит, что здесь святой Филипп, вышедший по приказанию Ангела «на полдень, на дорогу идущую из Иерусалима в Газу», встретил эфиопа, начальника над всеми сокровищами эфиопской царицы Кандакии, который, сидя на колеснице, читал книгу пророка Исаии. На вопрос же Филиппа, понимает ли он, что читает, мурын отвечал: как могу понимать без объяснения? Место же, которое он читал у пророка, было следующее: «яко овча на заколение ведеса и яко агнец прямо стригущему его безгласен, тако не отверзает уст своих. Во смирении его суд его взятся, род же его кто исповестъ» эфиоп спросил Филиппа: скажи мне пожалуй, о себе самом говорит это пророк или о ком другом? Апостол обратил эфиопа в христианскую веру, и когда они проезжали мимо этого источника, новообращенный сказал апостолу: «се вода, что возбраняет ми креститися»? Они оба сошли в воду, и святой Филипп крестил эфиопа, а потом вдруг исчез из глаз его, ибо Дух Божий перенес его в Азот. Мало мест в окрестностях Иерусалима столь живописных, как источник Филиппа. Водоем построен из камней желтоватого цвета, в виде ниши, украшенной по сторонам двумя

пилястрами коринфского ордена с капителями в богатой резьбе виноградных листьев. В середине арки, или как бы алтарной сени, находится окно, украшенное четырьмя огивами. Из-под самого нижнего карниза вытекает обильный источник и, вырвавши снизу несколько камней, скачет с приятным шумом малыми каскадами по карнизам и разбросанным камням. Местами по стенам этого фонтана вьется плющ и другая зелень, а самая вершина его, также покрытая растениями и зеленью, оканчивается развалиною, ибо уцелела лишь небольшая часть свода вроде крыши, висящей над источником.

Смотря на этот живописный обломок, нельзя согласиться, чтобы это были развалины фонтана; широкая стена, стороны которой в развалинах, разбросанные у воды колонны и камни, и наконец ясно видные следы другой стены такой же постройки дают повод заключить, что здесь был храм во имя святого Филиппа и что уцелевшая стена есть остаток главного алтаря, выходя из-под коего источник протекал по храму в мраморном ложе. Теперь этот фонтан в диком ущелье у подножия скалы, несмотря на развалины, восхищает своею красотою. Кругом растут деревья и кустарники. Ручей, образуемый источником, бежит по долине Сорек. По дороге от источника к Горнему граду Иудову, которая идет через горы и долины, на первой горе видно довольно большое селение, окруженное садами, которое также носит имя святого Филиппа, и в нем видны развалины древней церкви. Далее проезжают через красивое селение Дзюра, которое разбросано среди садов на покатости высокой горы. Вся эта сторона, несмотря на каменистую и скользкую дорогу, веселит сердце и взоры цветущим видом виноградников, олив, гранатов, миртов и разных благовонных кустарников. Вдали видны гора Модин, напоминающая подвиги Маккавеев, и Абугош – евангельский Еммаус, и еще несколько с безыменными развалинами на вершинах.

Вифлеем

Сравнение Иерусалима с Вифлеемом. – Дорога в Вифлеем. – Долина Рафаимов. – Место дома Симеона Богоприимца. – Селение Беджалла и замок Латинского Патриарха Валерги. – Предание о теревинфовом дереве. – Кладезь трех волхвов. – Монастырь и церковь Св. пророка Илии. – Вид на Вифлеем. – Впечатления. – Исторические воспоминания. – Дом Патриарха Иакова. – Поле гороха. – Гроб Рахили. – Жители Вифлеема. – Святой Вертеп.

Только два часа пути разделяют Вифлеем, место Рождества Спасителя, от Иерусалима – места Его страданий, смерти и воскресения, но разница между ними, как справедливо заметил один из паломников, такая же как между колыбелью и могилою. Тогда как там (в Вифлееме) всё цветет, улыбается, всё манит к себе взоры красотой сельской природы, воспоминаниями детства, невинности, простоты, – тут (в Иерусалиме) всё вокруг мрачно, сурово, всё носит образ смерти, печать кары Божией за совершившееся здесь беспримерное преступление... Там все напоминает благословения и обетования, здесь невольно памятуются лишь одни прещения, угрозы и проклятия и только мыслию о небесном Иерусалиме успокаивается сердце, смущенное грустным видом Иерусалима земного.

Вифлеемская дорога по справедливости может назваться лучшею из всех, по каким случится вам ездить в Палестине; она была бы доступною и для экипажей при самом небольшом исправлении; мысль об устройстве шоссейной дороги сама собою приходит в голову и уже обращала на себя внимание европейцев. По этой дороге можно ехать и шибко, но кто станет спешить, проезжая в первый раз дорогу от гроба до колыбели Христа Спасителя, дорогу, которою столько раз проходило Святое Семейство, которая соединяет места, освященные величайшими в мире чудесами, на которой почти каждый шаг заключает какое-либо воспоминание? Большая часть наших паломников посещают Вифлеем первый раз пешком ради подвига. Проедем и мы эту дорогу, останавливаясь с подобающим вниманием на всем, что дорогого

сохранили на ней воспоминания целых столетий и сказания многих поклонников.

По выходе из Иерусалима Яффскими воротами дорога в Вифлеем тотчас спускается в Гигонскую долину и идет мимо Сиона по берегу верхнего Гигонского водоема с одной стороны и каменной ограды дачи английского банкира (еврея) Монтефиоре с другой, потом снова подымается на взгорье и мимо горы Злого совещания следует через долину Рафаимов (долину Великанов), славную в Священном Писании тем, что на ней Давид и его преемники не раз сражались с филистимлянами. Это почти единственный клочок земли вблизи Иерусалима, на котором можно видеть обработанные поля. На обработанных полях кроме посевов видны местами плантации тутовых и масличных деревьев.

Проехав некоторое расстояние от горы Злого совещания, увенчанной развалинами, которые местное предание называет монастырем Св. Модеста, вы увидите в левой же стороне от дороги старую квадратную наполовину разрушенную башню. На этом месте, говорят, стоял дом праведного Симеона, которому было обещано не видеть смерти, пока не увидит Христа Господня. И вот приведенный Духом во храм Иерусалимский, куда в сороковой день Младенец Иисус был принесен Матерью, старец Симеон взял его на руки и воспел ту пророчески возвышенную песнь, которая повторяется нашею церковью при каждом вечернем богослужении: «ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей, свет во откровение языков, и славу людей твоих Израиля». Эту вдохновенную песнь мне было также мило повторять у этих развалин, как, сидя под вечер на Елеонской горе, воспевать другую трогательно-возвышенную песнь вечернего богослужения: «Свете тихий, святые славы... видевшие свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа Бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными», – песнь, которая, по преданию, излилась здесь впервые из сердца престарелого Патриарха Иерусалимского Софрония, снедаемого скорбью о пленении Святого Града. В башне, стоявшей на месте дома Симеонова, была прежде церковь во имя святого Симеона Богоприимца. По правой стороне дороги несколько поодаль находится глубокий и довольно широкий дол, одетый зеленью и деревьями, а на покатостях прилежащей горы

виднеются славная долина Теревинфов и селение довольно людное Беджалла, место своего рода подвигов нынешнего Латинского Патриарха г. Валерги, плодом коих было насильственное завладение участком земли, принадлежавшей православным жителям этого мирного селения, и построение на этом участке замка, зубчатые стены и островерхая крыша которого резко напоминают феодальные замки рыцарских времен, может быть по сходству подвига г. Валерги с хищно-рыцарскими наездами средневековых баронов. Окруженная виноградниками, вилла Патриарха Латинского высится так же гордо, как он сам на чуждоименном троне. Здесь он отдыхает, утомленный интригами, окружающими его в Иерусалиме, и здесь же пребывают постоянно воспитанники арабско-латинского высшего духовного коллегиума, на которых Патриарх возлагает особые надежды в исполнении глубоко задуманного им плана: духовно-политического завоевания Палестины. Воспитанники этого коллегиума (число их пока еще не велико) находятся под бдительно зорким надзором своих наставников-иезуитов. Заведение – замкнутое для прочнейшего усвоения тех ложных начал, которым воспитанники должны будут следовать в своей будущей миссионерской деятельности, преходя сушу и море, чтобы сотворить хотя единого пришельца... Мне, как нередко проезжавшему Вифлеемскою дорогою, не раз случалось видеть переодетых в европейские костюмы клириков г. Валерги, которых в тот же день случалось видеть на городских улицах в сутане. Такое переодевание тоже считается в числе средств, оправдываемых целью, которая состоит в совращении православных жителей Палестины в латинство всевозможными средствами и ухищрениями.

Дорога из Иерусалима в Вифлеем

Тяжелые мысли, на которые наводит вид этого замка, далеко видного отовсюду, много портят приятное впечатление Вифлеемской дороги для знающих хищническую историю его построения (см. выше в статье «Латины»). Русские простые поклонники называют Беждаллу по-своему «село Бежалово» и посещают ее на пути из Вифлеема в православный Георгиевский монастырь, находящийся по ту сторону горы.

Недалеко от башни праведного Симеона, по сказанию паломников-писателей XVI века, росло теревинфное дерево. Предание говорит, что Божия Мать, идя со святым Иосифом в Иерусалим для посвящения Богу своего Единородного Сына, ибо по закону еврейскому «всяк мужеский пол ложесна разверзая свят Богу», отдыхала под этим деревом и кормила Богомладенца и что во время отдыха здесь Святого Семейства дерево, склонивши вниз свои ветви, образовало над ним беседку и совершенно укрыло его от палящего зноя. Нет никакой нужды утверждать достоверность этого предания, но нельзя пройти его молчанием, как прекрасный образ природы покорной и услуживающей

Божественному Младенцу – Творцу своему. Тевенот говорит, что дерево это было сожжено турками за три года перед его прибытием в Палестину. Позже здесь посадили маслину, но теперь нет и ее и только простой камень означает это место.

Далее возвышаются понемногу по обеим сторонам дороги два небольшие каменные холма; как бы умышленно расступились они, чтобы дать дорогу спешащим в Вифлеем на поклонение Божественному Младенцу. По правой стороне дороги у самого подножия горы находится древняя систерна округлой формы и сверху обделанная камнем. Она называется систерною (кладезем) трех волхвов или звезды, ибо в этом месте, по словам предания, появилась снова на небе звезда, провожавшая волхвов до Вифлеема, которая скрылась во время их пребывания в Иерусалиме. Остатки развалин свидетельствуют, что прежде над этим кладезем была часовня.

Несколько далее на той же самой стороне, на покатости скалистой горы, видны развалины; это – место, на котором, по преданию, Ангел восхитил пророка Аввакума, несшего обед жнецам, и перенес его в ров львиный, куда был ввержен Даниил.

Далее начинается подъем на гору, покрытую по обеим сторонам дороги прекрасными маслинами, среди которых на левой стороне возвышается греческий православный монастырь с церковью во имя святого пророка Илии, а на правой также в тени олив и других деревьев – загородный дом, который служит в летнее время убежищем семейству иерусалимского паши, хотел было сказать – нанимающего оный у греков, но вспомнил, что в Турции считается за счастье, если начальник удостоит воспользоваться собственностью подчиненного бесплатно.

На правой же стороне дороги против самых ворот монастыря показывают камень, называемый ложем пророка Илии. Это камень довольно большой в форме седалища, на котором виден как бы вытисненный след лежавшего человека; маслины и другие деревья роскошно осеняют этот древний камень, а журчащий близ его, под навесом каменной часовни, источник, который также носит имя Илии, довершает восточный образ места приятного отдыха. Предание соединяет с этим камнем воспоминание о следующем библейском событии: пророк, бегая от мстительной Иезавели в пустыне, прибыл именно туда, где ныне стоит упомянутый монастырь (Св. пророка Илии), и сядши на камне под шелковицею в печали, желал себе

смерти. Утруженный путем, он уснул под деревом, и вот Ангел Господень коснулся его и сказал: «встань, ешь и пей». И когда он осмотрелся вокруг себя, увидел у возглавия своего теплый опреснок и ковш воды и восстав подкрепил себя пищею и питием и уснул снова. И Ангел Господень вторично коснулся его, говоря: «встань, ешь и пей, ибо предстоит тебе дальний путь». И восстав он ел и пил и, подкрепясь таким образом, шел 40 дней и 40 ночей до горы Божией Хорив и обитал там в вертепе, быв собеседником Господу Богу, который явился ему «во глазе дыхания тонка» (3 Цар 19, 2). Этот оттиск на камне предание называет оттиском Илии, прибавляя к библейскому сказанию еще то, что пророк, отдыхая здесь, смотрел на Вифлеем и Иерусалим, которые действительно можно отсюда видеть, и пророческим духом прозирал сквозь тьму веков рождество и смерть Мессии. Монастырь Св. пророка Илии – древнее здание, построенное в виде замка, как и все монастыри Святой Земли. Он возобновлен и переделан почти заново в 1858 и 1859 годах заботливостью второго патриаршего епитропа архиепископа Герасима, скончавшегося в 1860 году. Время основания этой обители положительно неизвестно. Греческий писатель Фока в 1185 году говорит, что здесь в его время был весьма древний храм, но в землетрясение совершенно развалился. Потом Мануил Комнин воздвигнул вновь монастырь во имя этого пророка, память которого из всех имен Ветхого Завета наиболее живет в преданиях народа. Церковь пространна и хорошей архитектуры, но убога; на левой стороне ее у стены гробница; в ней почивают остатки Иерусалимского Патриарха Илии (из числа Патриархов арабского племени), которого местные христиане-арабы почитают святым. Над гробом его древнее изображение (икона) пророка Илии, питаемого враном в пустыне, а в иконостасе есть древний образ сего святого. Над дверьми извне церкви находится прекрасный обломок древней резьбы, представляющий два венца. Монастырь этот находится в ведении казначея Патриархии архимандрита Вениамина; он, как и прочие иерусалимские городские монастыри, лишь носит имя монастыря, но монахов в нем нет. Проживает лишь один иеродиакон и несколько служек для присмотра за зданием, а главное за окружающею его масличною рощею, которая дает значительный доход.

Вид Вифлеема с подъезда от Иерусалима

Древняя базилика Рождества Христова

Поклонники, проходящие в Вифлеем, бывают приглашаемы в монастырь и по обычном угощении приглашаются внести в пользу церкви свою лепту. Подкрепясь пищею, стоит взойти на верхнюю террасу, полюбоваться окрестными видами, и особливо на Вифлеем, который виден отсюда весь: он лежит на высокой, округлой горе, одетой весело роскошным и непрерывным садом фиг, олив, гранатов и виноградников. Храм Вифлеемский со святой пещерою высится отдельно от селения, на самом краю горы с восточной ее стороны, и огромные стены древнего монастыря издали походят на укрепленный замок. На запад от него по той же самой горе раскидывается селение почти полукругом и издали представляется очень красивым и не бедным городком, ибо видно около ста каменных двухэтажных домов, и притом вся окрестность дышит свежестью и каким-то весельем, ибо куда ни взглянешь, везде видны горы и долины в зеленой одежде садов, а в разных местах среди деревьев высятся сторожевые башни, что весьма украшает веселую родину Божественного Младенца. Удивительно, как в этом краю самое местоположение соответствует

евангельским воспоминаниям. Все богомольцы, идущие в Вифлеем, испытывают это на себе. Иерусалимская грусть оставляет вас скоро, уступая место детскому веселью: едва переступите Яффские ворота, тотчас дышится как-то вольнее, мысли развлекаются и душа заранее настраивается в один тон с веселыми впечатлениями веселых видов, вас окружающих; улыбающаяся природа вызывает улыбку, а глаза наслаждаются желанным видом зелени, тогда как в Иерусалиме они встречают лишь обнаженную, каменистую и суровую пустыню. Тут страдал, а здесь родился наш Спаситель. Этот уголок земли первый приветствовал воплощенного Бога! Кажется, что Вифлеемская страна, которая в радостном трепете, при веселом пении ликов Ангельских, наполнилась высшим весельем во время пришествия своего Искупителя, – до сих пор еще дышит этою невыразимою веселостью, до сих пор еще с ее светлого чела не исчезла благодатная улыбка восторга, известующая радостную весть, что еще до сих пор она не перестала вторить сладкой, полной чувства Ангельской песни: «слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение».

Особенное распоряжение Промысла Божия видно и в том еще, что место рождения нашего Искупителя, не будучи никогда славно блеском славы человеческой, тем не менее было всегда известно. Все воспоминания его тихие, сельские, полные невинности и патриархальной простоты. Там протекает счастливая жизнь одного из судей израильских Есевона, который, окруженный тридцатью сынами и тридцатью дочерьми, семь лет судил Израиля, спокойно умер о Господе и погребен бысть в Вифлееме (Суд 12, 8–10). Там видим моавитянку Руфь, собирающую за жнецами колосья для прокормления старой своей свекрови, которую она любила как мать, и Бог награждает Руфь за самопожертвование и добродетель тем, что богатый Вооз берет себе в жену бедную моавитянку. Вся эта история, случившаяся на поле Вифлеемском и во вратах этого городка, невольно переносит вас в пастырские времена. Там внизу на долинах Вифлеемских пас стадо отца своего прекрасный юноша Давид; там Дух Господень почивал над ним, там он играл на арфе и ощущал в душе своей тот священный восторг, который потом так возвышенно просто излился в его псалмах. Там видим, как пророк Самуил при жертве мира избирает из восьми сыновей старца Иессея молодого пастыря Давида и помазует на царство, и этот быстрый переход от пастырства к трону переносит вас в

какие-то золотые века. Во всем Ветхом Завете не видим здесь кровавых сцен, никаких убийств, но сельское спокойствие и пастушеская тишина осеняют это гнездо дома Давидова и будущего Пастыря душ наших. Во всем этом видим какое-то близкое отношение, какую-то нить, соединяющую пришествие Мессии, Князя покоя и мира, с образами сельской тишины и жизнью пастырей и земледельцев. И вот этот скромный сельский Вифлеем своим ясным, тихим блеском затмевает яркий блеск богатейших столиц, ибо кто же, смотря на это малое местечко, не повторит слов пророка, которые произнес он за шесть веков до пришествия Господня: «и ты Вифлееме, земля Иудова, ничем же меньше еси во владыках Иудовых: из тебе бо изыдет вождь, иже упасет люди моя Израиля». Вспоминая все это, вы бросаете взгляд то на Вифлеем, то на Иерусалим, которые оба видны отсюда. Но какая огромная разница между этими городами! Вифлеем цветет жизнью, зеленью, веселостью. Иерусалим чернеет среди обнаженных скал, как бы один огромный гроб, наводящий, правда, на возвышенные, но мрачные и страшные думы. Измеряя глазом это небольшое пространство между местом рождения и смерти Спасителя, кажется видишь образ жизни каждого человека: небольшой промежуток времени отделяет нашу колыбель от гроба; молодость наша также зеленеет роскошными надеждами, пока позже все в этой жизни почернеет, увянет, пока утомленные этою жизнью сойдем во гроб.

Почти через четверть часа пути от монастыря Св. Илии, стоящего на половине дороги в Вифлеем, увидите вы на поле остаток старых стен, которые называют «домом Патриарха Иакова», ибо здесь жил он некоторое время, здесь же умерла прекрасная и достойно любимая им жена его Рахиль – мать Иосифа и Вениамина. Прежде на этом месте были монастырь и церковь, развалины которых видны и доселе.

Там же недалеко от этих развалин находится так называемое поле гороха, ибо в одном только этом месте находят маленькие камушки, совершенно подобные окаменелому гороху. Народное предание объясняет эту игру природы следующим образом: Матерь Божия шла однажды в Иерусалим и увидела здесь человека, что-то сеющего; она спросила его, что такое он сеет; тот с насмешкою отвечал: камни, и вот горох, который он сеял, тотчас же окаменел. Достоин удивления, что с древнейших времен толпы поклонников собирают на память этот

каменный горюх и он никогда здесь не переводится; отсюда произошло в народе мнение, что будто бы горюх этот ежегодно нарождается.

Несколько далее, спустившись в долину, на правой стороне дороги, которая здесь делает небольшое колено, видите гроб Рахили. Это здание совершенно вроде мусульманских мавзолеев, без всякого сомнения построенное читателями Корана в виде малой квадратной часовни с четырьмя пилястрами и куполом наверху. Евреи обновили ее, побелили и исправили; она ограждена стеною; в этой ограде находятся их могилы, и эти гробы бедных странников, теснящиеся вокруг Рахили, своей матери, трогают пришельца. Внутри самой часовни находится каменный гроб, снаружи оштукатуренный и выбеленный. Прежде купол над ним просто опирался на четырех столпах без стен. Во владении христиан здесь была церковь; турки переделали ее в мечеть, а теперь приобрели ее в собственность евреи. Нередко случалось мне видеть у этой ветхозаветной могилы остановку еврейских караванов, следующих на богомолье из Иерусалима в Хеврон или обратно, и шумный говор детей Израиля невольно заставлял забывать на минуту, что они теперь такие же пришельцы в земле отцов своих, как и мы. В 1859 году целый такой караван евреев, состоявший из сорока или более человек, был ограблен у могилы Рахили двумя бедуинами, и Иерусалимский меджлис не без презрительного смеха выслушал жалобу трусливых евреев и их рассказ, каким образом двое ограбили сорок человек.

Гробница Рахили

Новая мусульманская часовня не возбуждает никакого сомнения о месте погребения Рахили, ибо турки поставили ее над старою могилою. Сам Моисей двукратно вспоминает, что Рахиль погребена на дороге в Вифлеем и что Иаков поставил над нею памятник, который существовал при Моисее. За гробом по правой стороне его тянется ущелье, в котором видны развалины древней Рамы, так недалеко, что в ней, если бы кто ночью плакал у гроба Рахили громко, так было бы слышно, что и напоминает пророчество Иеремии, исполнившееся при избиении вифлеемских младенцев: «глас в Раме слышан бысть, плачь и рыдание и вопль мног; Рахиль плачущися чад своих, и не хотяше утешиться, яко не суть». Рахиль, мать целого народа, представляется здесь пророку как бы живая и в самой могиле разделяет все скорби и несчастья своих детей.

Начиная от гроба Рахили окрестность постепенно оживляется, чаще встречаются оливы и другие деревья и страна все более и более становится живописною. У самого Вифлеема дорога вьется у подножья горы с одной стороны и глубокого покрытого роскошною

растительностью оврага с другой, но города все еще не видно, пока не подъедете к нему на самое близкое расстояние. Надобно проехать почти весь Вифлеем, прежде чем достигнете монастыря, расположенного в некотором от него отдалении на краю горы. Дома вифлеемские, которые издали выглядели так хорошо, вблизи представляют ту же неотрадную картину, как и иерусалимские, то есть нагромождены без особого порядка, местами видны и развалины. Но все-таки здесь заметно более жизни, чем в мертвенном Иерусалиме: сквозь открытые двери долетают звуки инструментов: это вифлеемиты трудятся над обдελыванием перламутровых раковин или чётков, что составляет главный их промысел. На городской площади видны толпы народа, между коими заметны и бедуины из дикого племени тамаритов, кочующего в окрестностях Вифлеема и находящегося в дружеских сношениях с вифлеемитами, как такими из числа феллахов-арабов (оседлых жителей арабского племени), которые в случае крайнего притеснения от турецких властей, так же как и они, умеют постоять за себя, ибо они вообще воинственнее и смелее других феллахов-арабов.

В монастырь входят чрез узкие железные двери, и тотчас же все прибывшие спешат в Святой Вертеп поклониться месту Рождества вашего Спасителя. Вас проведут туда прямо со входа; несколько мраморных ступенек, вниз ведущих, пройдены, и внезапно объемлет вас священный мрак, рассеваемый, как и в Гефсиманской пещере, лишь светом лампад, привешенных к сводам подземелья. Священный мрак этот как нельзя более соответствует напоминаемому местом чудесному событию, провидя которое из глубины веков, древний мудрец взывал: «тихому молчанию содержащу вся, и ноци во своем течении преполовляющейся всемогущее Слово твое (Господи) с небес от престолов царских в средину погибельных земли сниде» (Прем. 18, 14, 15). В то время, когда вы поклоняетесь под открытым престолом, освященным тускло горящими лампадами, месту воплощения Бога-Слова, ваши спутники пропоют тропарь: Рождество твое Христе Боже... и Дева днесь... а арабский священник или сам настоятель греческого монастыря прочтет Евангелие, соответствующее событию.

После поклонения месту Рождества и яслей, находящихся тут же напротив в нескольких шагах, вас пригласят на отдых в греческий монастырь; пользуясь этим временем, расскажу вам историю

Вифлеемского храма, после чего займемся и подробным обзором его и других святых мест в Вифлееме и окрестностях.

Вифлеемские Святые места

История вифлеемского храма. – Описание сего храма и Св. Вертепа. – Место Рождества, Ясли и прочие Святые места в сей пещере. – Пещера блаженного Иеронима. – Пещера Млечная. – Св. Паства или долина и селение Пастырей. – Церковь в долине Пастырей. – Село Св. Саввы.

В Святой Земле промыслительно Господь соединил воспоминание важнейших событий евангельских с вертепами для прочного сохранения памяти Святых мест. Таков Вертеп вифлеемский. С самого начала христианства он был в особом почтении и во все времена множество людей приходило сюда для поклонения Божественному Младенцу. Адриан, желая воспрепятствовать собранию христиан на богомолье в этом месте, поставил на месте Рождества Христова статую идола Адониса, которая и стояла здесь до прибытия в Палестину святая Елены, промыслительно охраняя от забвения святое место. Эта великая чтительница Спасителя и следов Его странствования на земле, очистила Святые места от идолопоклонства и украсила вертеп Рождества драгоценным мрамором (как свидетельствует о том церковный историк Евсевий), а поверх его воздвигнула храм, который обновил и украсил Юстиниан. Во время крестовых походов один из вождей крестоносцев Танкред занял Вифлеем особым отрядом, чем и предохранил храм этот от участи, которой подвергались тогда многие христианские святыни вследствие раздражения против христиан мусульманского фанатизма.

Впоследствии, по изгнании крестоносцев из Палестины, храм этот снова поступил во владение местных христиан православного вероисповедания.

В XVII и XVIII столетиях вифлеемский храм и находящаяся под ним Святая пещера не раз были предметом ожесточенных споров латин с греками, о чем подробно повествует Патриарх Досифей в своей «Истории». О латинских кознях относительно вертепа он рассказывает между прочим следующее: «Во дни Патриарха Софрония (1579–1608) греческий кандиложигатель в великую субботу, отходя в Иерусалим, по своему простодушию отдал ключи от пещеры франкскому кандиложигателю на сохранение до своего возвращения. Но когда

пришел и стал их у него требовать, то прочие франкские монахи не только не велели отдавать, но и ругали его как им было угодно и после, отнесясь к туркам и давши им денег, присвоили себе святую пещеру, которою и владели до Патриарха Феофана (1608–1645). Что же франки Патриарху Феофану сделали, – слышите: однажды он пришел в Вифлеем с христианами 24 декабря праздновать Рождество Христово. Франки, не пуская его в церковь, отвечали, что они еще обедают; отобедав же говорили, что тот, у кого ключи от дверей, отошел в Иерусалим. Итак Патриарх со скорбью возвратился в свой иерусалимский монастырь и объявил о сем приключении градским судиям. Немедля же за Патриархом и франки пришли в Иерусалим и просили пашу, дав ему много денег, чтобы он посадил Патриарха в тюрьму и умертвил его. За деньги паша заключил Патриарха в замке, называемом Давидовым. Узнав о сем, градские судьи пришли туда с военной силою и, освободив Патриарха из заключения, проводили его в монастырь. И он тогда из оного никуда не выходил. Франки, опасаясь, не уехал бы Патриарх тайно к султану жаловаться на них, снова просили пашу, дабы он приказал убить Патриарха. Феофан, известясь о сем, сокровенно вышел из монастыря в женской одежде и бежал из Иерусалима. Паша, услышав о его побеге, послал вслед за ним одного евнуха, дабы он догнавши его умертвил. Но сей посланный, настигнув Патриарха на Кармильской горе, поелику был христианского племени, пощадил и не убил его, однако взял с него сто червонцев выкупа»^[74]. Патриарх сел на корабль и, приплыв в Царьград, вступил там опять в прение с франками, уже пред Диваном Порты. По силе древних хризовул, приобрел он законное свое достояние: всю Голгофу, камень помазания Господня и Святой Вертеп вифлеемский с южным притвором храма, на что и получил хаттешериф, т. е. собственноручное определение султана. Но и после этого приходилось сему Патриарху бороться с происками франков за обладание Святым Вертепом. Так он запечатан ими во время отсутствия Патриарха за сбором, пока наконец он не прибыл из Константинополя в Иерусалим в сопровождении султанского аги и был формально и торжественно введен во владение Святою пещерою. С тех пор около полувека они оставили в покое православных в Вифлееме. Патриарх Нектарий (1660–1669) устроил в соборном храме вифлеемском богатый иконостас, а преемник его Патриарх Досифей (1669–1707) в начале своего правления с большим

трудом исходатайствовал фирман на обновление вифлеемского собора и совершил оное, несмотря на все препятствия от местных властей, делаемые по проискам латин и армян. Но в конце того же XVII столетия франки, пользуясь благоприятными для них политическими обстоятельствами (после Карловицкого мира), снова завладели Святым Вертепом и храмом. Тогда греки, вытесненные из главного святилища, устроили себе монастырь внутри бывшей колокольни, где устроили и малую церковь во имя Рождества Христова. Вифлеемский храм находился еще во владении франков в посещение его пешеходом Барским в 1724 году. Но в 1757 году, по прошению, поданному султану Осману Патриархом Святого Града Парфением, подкрепленному общему просьбою православных жителей Царьграда, само турецкое правительство возвратило грекам древние права их на владение Святыми местами, в том числе и всем вифлеемским собором, а в Святом Вертепе местом Рождества Христова, хотя впоследствии (в 1811 году) они и принуждены были допустить армян к участию в служении на месте Рождества Христова и уступить им северное крыло Вифлеемского храма.

Однако владея Святым Вертепом, Святыми Яслями, латины не преставали наносить православным разные оскорбления. Так, например, саровский иеромонах Мелетий в 1694 году, слушая обедню в вифлеемском Вертепе, был свидетелем случая весьма встревожившего православных: францискане, отслужив у Яслей на своем престоле несколько тайных мшей (обедней) и тем не удовольствовавшись, еще во время греческой Литургии, совершаемой на месте Рождества Спасителя, пришли к Яслям отправлять громкую мшу с пением, мнясь службу совершати Богу оскорблением и обидою ближних. Игумен за сие с огорчением им выговаривал; жалоба доходила до Епитропа, но последствия неизвестны^[75]. В 1847 году похищена была неизвестно кем из Святого Вертепа с места Рождества Христова древняя сребропозлащенная звезда с латинскою надписью здесь родился Иисус Христос от Девы Марии. Эта кража была поводом новых неудовольствий между греками и латинами и даже отчасти пробудила в 1848 году «вопрос о Святых местах». Украденная звезда заменена новою, которую приказал сделать на свой счет, по точному образцу прежней, султан Абдул Меджид, желая устранить предлог к ссоре между обеими враждующими сторонами.

Вифлеемский храм принадлежит к числу прекраснейших святынь востока; он пережил немало опустошений, поправок, однако и теперь поражает своею величественностью и священной лепотою. Храм Вифлеемский своею формою разительно походит на иерусалимский храм Введения Божией Матери (ныне мечеть Ель-Акса); это базилика, имеющая форму четвероконечного креста, которую скрывают несколько два крыла, находящиеся при продольной его ветви; но как они более чем наполовину ниже средней галереи, то крыша храма представляет совершенный крест. Все четыре ветви креста оканчиваются выпуклыми полукружиями. Пройдя двор, где находится пять великих дверей, но открыты лишь одни средние, ибо другие заложены (из опасения арабских вторжений), вы вступаете в богатую и обширную колоннаду, состоящую из четырех рядов колонн, которыми храм делится как бы на пять отделений: среднее самое широкое и составляет продольную ветвь креста, ибо два ряда колонн по обеим ее сторонам делят каждое низшее крыло этой ветви на два отделения и в то же время подпирают собою выше возносящиеся стены среднего отделения наподобие карниза весьма высокого, что производит прекрасное впечатление, ибо, идя по середине, видишь эти стены как бы на воздухе, и в них помещены окна, дающие свет этой части храма. В каждом ряду находится по 12 колонн от дверей до поперечника рамен креста; колонны цельные, мраморные, с богатыми коринфского ордена капителями; каждая имеет в поперечнике два с половиной, а вышины восемнадцать футов. Прежде на каждой колонне было изображение какого-либо святого, а теперь кое-где остались лишь неясные следы этих изображений. Отсутствие в этом храме сводов поражает непривычный глаз, ибо прямо на стенах среднего отделения положены кедровые балки, а потом идут стропила, украшенные резьбою, на которых лежит крыша, покрытая оловом. Но в закругленных концах креста находятся своды, соединенные с зданием. Особенно портит величественный вид этого храма преграда, отделяющая нижнюю ветвь креста от его боковых рамен и предалтарной части. Преграду эту вынудило построить утеснение мусульман и самих вифлеемских арабов-христиан. Ибо прежде путешествующие турки и арабы останавливались здесь на ночлег, располагаясь как в караван-серае; посему-то и вынуждены были устроить помянутую перегородку, чтобы избежать таким образом профанации святилища. Прежние поклонники

свидетельствуют, что мусульмане не только обратили отгороженную ныне часть храма в заезжий дом, но еще обязывали монахов кормить непрошенных, но могущественных гостей. Вифлеемиты считают храм и монастырь своею городскою крепостью, а потому во всех неудовольствиях с правительством они переносят сюда свои пожитки, приводят детей, жен и домашний скот и тогда уже выступают в дело против своих притеснителей. За помянутою преградой (простая стена из камней, обмазанная глиною) видится два рамена и вершина креста, где устроены четыре алтаря. Главный алтарь в самой главе креста во имя Рождества Христова с иконостасом принадлежит грекам, а по левой стороне от входа два алтаря, из коих ближайший к главному принадлежит также грекам и называется алтарем «трех царей», ибо здесь, как говорит предание, они вынули свои дары и вообще приготовлялись ко входу в пещеру; другой, далее к северу, принадлежит армянам. На правой стороне только один алтарь греческий во имя Обрезания, ибо по преданию здесь был совершен этот обряд над Спасителем. Все эти алтари кроме главного бедны и без всяких особых украшений. Нижняя часть продольной ветви креста, отделенная преградой, считается принадлежащею всем трем вероисповеданиям; она пуста и доселе служит сборным местом для жителей и пришельцев, особенно в праздник Рождества Христова. За четвертой колонной от входных дверей на правой стороне стоит древняя восьмигранная крещальня из белого мрамора; на ней видна греческая надпись: «в память, упокоение и оставление грехов О. Н. И. Богу известны сии имена».

Пол состоит из плит белого мрамора, между которыми видны и простые каменные. Прежде стены также были выложены мрамором, который мусульмане забрали на украшение Омаровой мечети в Иерусалиме. Тут же показывают одну колонну, испорченную у подставы, и говорят, что поначалу турки хотели лишить храм и колонн, но огромный змей выполз из-под одной колонны и прогнал рабочих; вероятнее, что они не могли забрать колонн, опасаясь, чтобы после того не рухнул весь храм, что не входило в их расчеты. Стены и своды великого алтаря мозаические и представляют главные евангельские события, как-то: Благовещение, Рождество, Введение во храм, Вход в Иерусалим, Преображение и Вознесение Господне. Мозаика частью уже опала, однако в некоторых местах еще сохранилась. Около образа

Преображения Господня находится весьма поврежденная греческая надпись, которая определяет время этой работы и читалась прежними учеными так: «совершив сей труд живописцем и мозаиком Ефремом в царствование великого Императора Еммануила Порфирогенета Комнина и во дни великого короля Иеусалимского Аммория и святейшего епископа Вифлеемского Раулинета». Еммануил I Комнин вступил на престол в 1143 году; итак, мозаические украшения имеют без малого 700 лет давности. Алтарь возвышен на несколько ступеней над церковным помостом. Везде по стенам видны следы византийской мозаики. Особенно бросается в глаза огромное дерево с бесчисленными ветвями, на которых изображены пророки с надписями на хартиях изречений, относящихся к пришествию Спасителя. Мозаика раскладывалась по золотому полю. На стенах среднего отделения нижней ветви креста изображены по правую сторону Семь вселенских соборов, а по левую – поместные; но мозаика в большей части изображений отпала и места эти забелены. Вся церковь имеет сто шагов длины и пятьдесят ширины и довольно светла, ибо имеет сорок окон.

По обеим сторонам главного алтаря два схода ведут в Святой Вертеп, из которых левый принадлежит латинам, а правый грекам и армянам. По пятнадцати порфиловым ступеням сходите из храма в Святой Вертеп или пещеру. Эта Святая Пещера представляет как бы коридор, семнадцать шагов длины и пять ширины и почти в сажень вышины, где под самым великим алтарем есть углубление с полукруглою нишей. Это место – Рождества Христова! Вся эта сень выложена внизу мрамором, а сверху мозаикою, частью уже осыпавшеюся. По сторонам сени находятся две колонки, на которые опирается мраморная доска, служащая престолом. В самом низу между этими колоннами помост выложен ляписом и в нем утверждена серебряная звезда с четырнадцатью лучами, которые некогда были украшены драгоценными камнями. Внутри этой звезды серебряный круг, на окраине которого начертана на латинском языке надпись: «Nis de virgine Maria Iesus Christus natus est», то есть: здесь родился Иисус Христос от Девы Марии. Над этою звездою висит 16 неугасимых лампад, а именно 6 греческих, 6 армянских и 4 латинских. На престоле стоит 6 небольших греческих икон за железною сеткою. Над ними во время совершения здесь Литургии ставилась прежде постоянно большая металлическая икона, которую можно видеть в соборном

алтаре; она представляет Рождество Христа Спасителя и другие события, имеющие к нему ближайшее отношение; украшена искусно цареградскою финифтью. Ныне эта икона, по случаю бывших в последнее время споров между греками и латинами, хранится в большом алтаре и ставится на прежнее место лишь по праздникам. На престоле, что над местом Рождества Христова, имеют право совершать Литургию лишь греки и армяне. Латины похваляются тем, что звезда, положенная (на место украденной) в 1847 году по приказанию султана Абдул-Меджида, имеет латинскую надпись, и на этом основывают свои притязания на владение всем Святым Вертепом.

Святой Вертеп не имеет извне никакого света; его освещают лишь 32 неугасимые лампы, повешенные на его своде. Стены Вертепа обтянуты шелковыми и парчовыми тканями. К югу от места Рождества Христова в семи шагах от него виден другой малый грот, как бы часовня, примкнутая к Вертепу. В нее сходят по двум ступеням; направо у стены большой кусок белого мрамора, возвышенный над землею на одну четверть, выдолбленный в форме колыбели, означает место, где Христос Иисус был положен в ясли. «Когда же они были там (в Вифлееме), наступило время родить ей. И родила Сына своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лк 2, 6, 7). Этот кусок мрамора заменил настоящие ясли, которые перевезены в Рим и поставлены в базилике Santa Maria Maggiore; где во время праздника Рождества Христова бывают выставляемы на поклонение под названием Praesepere. В этих мраморных яслях положена восковая фигура, изображающая Младенца Иисуса, пред которой горит пять неугасимых лампад. За этою колыбелью у стены поставлен небольшой образ за стеклом в богатых серебряных рамах, хорошей кисти, представляющий поклонение вифлеемских пастырей предвечному Младенцу. Место Яслей находится в исключительном владении латин. В двух шагах напротив Яслей находится престол, также принадлежащий латинам, на том месте, где Мария показывала Младенца Иисуса троим волхвам, пришедшим к Нему на поклонение. Здесь видите запрестольный образ, изображающий поклонение волхвов, испанской кисти. При посещении Святого Вертепа наши поклонники имеют обыкновение покупать ленты и бумажную тесьму, которыми обвязывают на короткое время один из трех столбов, поддерживающих своды Святой пещеры, к которому по

местному преданию будто бы прикасалась Богородица при рождении; потом сняв кладут оные в Ясли и на место мытья пелен, наконец омочают в реке Иордане и берут в свое отечество для подпоясывания оными беременных женщин перед родами. Также из горящих на месте Рождества Христова лампад берут в приготовленные заранее жестяные сосудцы святое масло и обожженные свечи.

Поклонившись месту Рождества и Яслей, богомольцы со свечами в руках обходят остальную часть Вертепа, принадлежащую исключительно латинам и отделяющуюся от первой дверями, ключ от которых находится у францискан; но они не препятствуют желающим посетить ее. Эта часть пещеры весьма походит на наши киевские: она состоит из узких коридоров, иссеченных в скале, которые, проходя почти под всем храмом, образуют род лабиринта. В некоторых местах скала иссечена глубже и обширнее и образует род келий, очевидно служивших убежищем для какого-либо святого пустытника, который пожелал провести свою жизнь вблизи места Рождества Христова. Теперь в этих местах сделаны престолы. Первый направо престол Св. Иосифа воздвигнут в 621 году. Верные хотели почтить опекуна Христова на месте, где родился Христос, там, где, по сохранившемся преданию, отдыхал святой Иосиф Обручник в течение нескольких дней своего пребывания в Вифлеемском Вертепе. Рядом с престолом Св. Иосифа престол святых младенцев; по преданию большая часть этих невинных жертв брошена в эту пещеру. Затем следует престол одного из латинских святых Евсевия Кремонского, погребенного в этом месте. Далее опять находятся два престола, стоящие друг против друга: один означает место гроба святой Павлы и дочери ее Евстохии, а другой – гроб блаженного Иеронима с запрестольным изображением его. Первые две были римские матроны из знаменитого рода Гракхов и Сципионов. Они последовали в Святую Землю за Иеронимом и основали в окрестностях Вифлеема несколько монастырей, которыми и управляли. Павла умерла в 404 г. на ложе своей дочери мирною кончиной. Евстохия умерла пятнадцатью годами позже, погребена в том же самом гробе. Она была так привязана к своей матери, что их никогда не видали порознь. Во время болезни Павлы она оставляла ее лишь на краткое время, чтобы у колыбели Спасителя просить Его милости лечь с нею в одном гробе; смерть и соединила их навеки. Картина над их гробом представляет обеих умерших лежащими рядом в одном гробу.

Прекрасна мысль, пишет Шатобриан, вдохновившая художника придать им совершенное сходство в чертах лица. Дочь можно узнать лишь по молодости и по белому на голове покрывалу. Путь одной по этой юдоли плача был короче, другой – длиннее, но обе счастливо достигли цели. Иероним сделал надпись на их гробе.

Пещера блаженного Иеронима кончает ряд этих пещер. Она самая большая после Вертепа Рождества Христова, квадратная, освещена окном сверху. Иероним жил 38 лет в Вифлееме, где скрылся и затворился от света, оплакивая грехи свои и ожидая последней минуты. На этом-то месте, называемом *Oratorium Hieronimi*, этот муж, именуемый в Римской Церкви святым и в восточной блаженным, черпал вдохновение у самого источника Христовой веры. Там он трудился над латинским переводом Библии, который Западная Церковь признала за достовернейший для себя под названием Вульгаты. Там трудился он день и ночь, учил детей страху Божию и грамматике; там обучался сам разным языкам; отсюда писал письма ко всем известным людям своего века; отсюда громил еретиков и писал изъяснения на творения отцов Церкви. Он умер в 420 г. по Р. Х. на 82 году от рождения. Над престолом, который находится в этой пещере и посвящен имени бл. Иеронима, так же как и над его гробом, поставлено художественное изображение достопамятного старца, задумавшегося над своим переводом Библии.

Описывая свое пребывание в тихом Вифлееме одной из своих учениц, оставшейся в пышном Риме, блаженный Иероним делает замечательное сравнение жизни светской и уединенной: «В Риме, среди богатства, могущества и обширности этого города, ты должна принимать других и сама видаться с ними, слушать или говорить, и невольно окружать себя людскою толпою; а все это не согласуется с решимостью посвятить себя тихой и уединенной жизни. Ибо одно из двух: или мы видим приходящих к нам и должны прервать молчание, или, не приняв их, подвергнуться осуждению в гордости. А потом для отдания визитов идем в пышные портики и среди подстрекающего шепота слуг входим в позлащенные двери... А в селе Христовом – в Вифлееме – царствует сельская простота. Ничего не слышим кроме псалмов, везде тихо и спокойно. Куда ни обратишься, там или земледелец воспевает «аллилуйя», идя за плугом, или покрытый потом жнец поет псалом, или садовник, подрезывая кривым ножом гнилую

леторосль, поет что-либо из Давидовых песней... Такова-то поэзия этого затишья: она свирель пастуха, она услада и помощь поселянина в обработке земли» (из письма Иеронима к римлянке Марцелле).

Из кельи Иеронима проход темнее других ведет к лестнице, по которой поднимаются в латинскую церковь Св. Екатерины. Здесь совершаются все латинские богослужения, и она считается приходскою вифлеемских христиан латинского исповедания. Малые двери, открытые впервые по приказанию принца Жуанвильского (при посещении им Святой Земли), ведут из этой церкви в большой храм, а чрез него и к вертепу Рождества Христова. Между картинами, которыми увешаны стены церкви Св. Екатерины, заслуживают особого внимания две, находящиеся у престола, высокие и узкие (по размеру): одна из них представляет «Поклонение волхвов», а другая «Обрезание Господне». В этой же церкви находится источник чистой воды, доставляющий немалую выгоду помещению францискан. К церкви примыкает просторная и в порядке содержимая ризница, в которой проводник не упустит случая показать вам прекрасного воскового младенца, которого во время праздника Рождества Христова латины кладут на горнее место на парчовой подушке, осыпанной благоуханными цветами.

На южной стороне храма находятся монастыри греческий и армянский. греческий занимает юго-восточный угол, где находилась колокольня. В то время когда латины присвоили себе исключительное право на владение храмом и Святым Вертепом, греки, не желая вовсе лишиться пребывания у столь святого места, сосредоточились в здании бывшей колокольни, устроив себе здесь церковь во имя Рождества Христова вверху, и другую внизу во имя святого великомученика Георгия, рядом с главным алтарем соборного храма. Ныне к этому помещению принадлежит и большой двор, обстроенный со всех четырех сторон в два этажа кельями, которые выходят на внутреннюю галерею. С верхней площадки бывшей колокольни, где теперь помещается настоятель Вифлеемского греческого монастыря, открываются превосходные виды на окрестности Вифлеема: в одну сторону веселая, дышащая миром и тишиною долина Пастырей, горы, покрытые зеленью дерев и виноградниками с сторожевыми среди их башнями; в другую сторону горы и вертепы, обнаженные от всякой растительности, за которыми скрывается бездна Мертвого моря...

Армянский монастырь находится в юго-западной части ограды, но в нем ничего примечательного нет. Каждый монастырь имеет свой садик; сад греческого монастыря примыкает непосредственно к полукружью главного алтаря вифлеемского собора.

Поклонившись святым местам вифлеемского храма, отслушав утреню в большем соборном храме, а Литургию в Святом Вертепе на месте Рождества Христова, – поклонники отправляются для обозрения других святых мест в самом городе и его окрестностях. Недалеко от монастыря в восточной стороне есть так называемая Млечная пещера, небольшая, шагов десять длины и ширины. Предание повествует, что святой Иосиф, предуведомленный Ангелом об опасности, угрожающей Богомладенцу, «яко ищут души отроцате», спрятал в этой пещере Пречистую Матерь с Ее Божественным Сыном, пока приготовился к бегству в Египет. Внутри находится простой алтарь, сложенный из камней и без всякого украшения. Несколько далее видно в скале малое углубление, где, по преданию, сидела Матерь Божия и кормила Божественного Младенца грудью и где из ее груди несколько капель млека упало на эту землю и придало ей лечебную силу. В этом углублении есть камень, местами белый, а частью красноватый и чрезвычайно мягкий, и отсюда-то богомольцы и местные жители всех вероисповеданий берут землю, которая, по их согласному свидетельству, помогает родильницам к легчайшему разрешению от бремени, а матерям противу потери молока; кроме того ею же вылечивают лихорадки и другие болезни, давая землю эту вместо лекарства не только людям, но и домашним животным. На престоле, здесь находящемся, всегда найдете несколько глиняных каганцев с маслом, ибо благочестие народа поддерживает здесь неугасимый огонь и каждый больной или выздоравливающий ставит лампу.

Нельзя утверждать, чтобы этот мягкий глинозем имел в себе натуральную силу лечения, если принять во внимание, что множество людей находят здесь облегчение в болезнях; ибо не только местные христиане, но и мусульмане из самых дальних сторон приходят за этою землею, а богомольцы ежегодно уносят ее в разные части света. Всего легче объясняется это чудо живою верою болезнующих. Вифлеемиты готовят себе лекарство из этой земли следующим образом: сперва толкут белый камень в мелкий порошок и в сосуд с этим порошком наливают чистой водой, которая становится белой как

молоко; воду эту сливают в особый сосуд, а осадок еще два раза наливают водой и снова побелевшую воду переливают в особый сосуд, и когда в нем белый порошок через две или три минуты совершенно осядет на дно, тогда, сливши чистую воду, делают из белой массы лепешечки с разными оттисками и сушат на солнце. В болезнях бросают такую лепешку в воду через что она делается белою как молоко, и употребляют оную вместо лекарства. Вот то млеко Богородицы, которое упоминается в надписях на старинных русских крестах-тельниках наряду со святыми мощами и другою святынею (Святая Земля из разных мест, камень от горы Голгофы, от Гроба Господня...). Надпись эта вызывает у многих улыбку неверия только потому, что они не знают, да и не хотят знать благочестивых народных преданий и их основания.

Млечная пещера принадлежит латинам, и по временам на престоле ее они совершают Литургию. Прежде за вход в эту пещеру платили туркам бакшиш. Наверху пещеры был приходский храм во имя святителя Николая, а теперь нет и следов его. Спустившись вниз с покатости, на которой расположен вифлеемский храм, и следуя к востоку от него, мы прибыли на малый уступ, образующий как бы другую небольшую гору, на которой расположено селение Вифсагур или деревня Пастырей. Наши богомольцы попросту называют ее деревня Пастушки... Предание утверждает, что здесь жили те пастыри, которые первые имели счастье приветствовать родившегося Спасителя. До сих пор селение это населено лишь одними пастырями православного исповедания. Около сорока домиков составляют это пастушеское селение, и каждый имеет под собою или при себе пещеру иссеченную в мягком камне, в которую пастухи зимою загоняют свои стада. Почти на самой середине селения находится колодезь называемый «кладезем Марии», ибо, согласно местному преданию, Божия Мать, проходя здесь однажды, хотела утолить жажду, но не было чем достать воды из глубокой систерны; тогда вода сама поднялась до края, чтобы напоить Мать милосердия и всяких щедрот. Как милы эти народные предания, в которых вся природа оказывает глубокую честь Творцу и Промыслителю нашему и Его приснодевственной Матери!

У подножия этого селения расстилается обширная долина, принадлежащая пастырям, частью засеянная, а частью обращенная в пастбище для скота. Среди ее в версте расстояния от селения находится

место довольно обширное, обнесенное каменной оградой. Несколько десятков маслин роскошно зеленых на этой плодоносной земле оживляют живописные развалины бывшего храма, построенного на том месте, где некогда Ангел Господень явился бодрствующим в ночи пастырям и возгласил им радостную весть о рождении Богочеловека. Место это называется агиа пимена, то есть святая паства. Теперь от бывшего храма, построенного по преданию святою Еленою, осталась лишь алтарная часть; остальное представляет груды развалин, под которыми находится довольно большая пещера; в ней-то, как говорит предание, спала часть пастырей, тогда как другая бодрствовала над стадом. Издавна пещера эта обращена в церковь, и теперь еще есть следы мозаики в помосте, а из разбитых колонн и богатой резьбы капителей можно заключить, как богато было вначале украшено место отдохновения счастливых пастырей. Эта пещерная церковь служит приходскою для христиан пастырей, жителей Вифсагура. Когда богомольцы посещают эту бедную церковь, их непременно встречает и провожает здешний арабский священник. При входе в пещеру он разворачивает Евангелие и читает место, относящееся к совершившемуся здесь событию (от Лк 2, 8–21): «В той стороне были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь, я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям. Ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь. И вот, вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях. И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение. Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь. И поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях. Увидев же, рассказали о том, что было возвещено им о Младенце сем. И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи. А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем. И возвратились пастухи, славя и хваля Бога за все то, что слышали и видели, как им сказано было». Радостно воспевая Ангельскую песнь: «слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение», оставляют

богомольцы пещеру и, поблагодарив священника, иногда по приглашению его заходят на обратном пути к нему в дом на чашку кофе. Их принимают в здании (в виде сарая), служащем деревенскою школою и сборным местом жителей селения для совещания и отдыха.

Нельзя довольно налюбоваться этою милостивою и плодоносною долиною, которая притаилась между горами Вифлеема, покрытыми зеленью деревьев и виноградников. Здесь Иаков разбил шатры свои около башни Адер или стад и пас скот свой. Здесь, согласно преданию, было поле Вооза, на котором Руфь сбирала колосья. Здесь младой Давид стерег отцовское стадо, играя на арфе. Протекло столько веков, произошло столько перемен на белом свете, а на этой благословенной долине все осталось по-прежнему. И теперь ее засевают, и теперь живут здесь пастыри, и теперь поле служит им пастбищем, и теперь ночью порою пастыри попеременно бодрствуют над своими стадами, как в ту приснопамятную ночь, когда Ангелы возвестили пастырям рождение Божественного Младенца. Как все это трогательно!

Наш первый паломник писатель игумен Даниил, посетивший это место в XII столетии, застал его в том самом виде, в каком оно находится и теперь: «А оттуда есть, – пишет он, – место на восток лицом, версты вдаль от Рождества Христова; на том месте благовестиша Ангелы пастухом Рождество Христово. И есть ту пещера, над тою пещерою создана была церковь во имя святого Иосифа Обручника Мариина. Ту был монастырь добрый, и ныне же разорено место то от поганых^[76]. Есть же место то поле красно вельми, и нивы многи, плодны масличием, многи плоды висяще и то ся зовется: агиа пимена, еже претолкуется: святая паства». Остановим внимание на последнем замечании Даниила. Нынешний настоятель Саввинской обители о. архимандрит Иоасаф приобрел недалеко от пещеры пастырей участок земли, на которой развел виноградники, уже доставляющие монастырю годовой запас прекрасного церковного вина. По приглашению старца мне случилось раза два посетить этот виноградник по пути из обители Св. Саввы Освященного в Вифлеем. Сторожевая трехъярусная башня укрыла нас от палящего зноя в стенах своих; в башню эту влазят чрез окно нижнего этажа по приставной спускаемой изнутри лестнице; в этом этаже находится сестерна; в среднем комната, служащая местом отдыха хозяевам винограда или стражам оного; близ окна столик, на коем лежало несколько

богослужебных и духовных книг, ибо святой старец, посещая по часту летом свой любимый виноградник, от трудов телесных переходит к молитвенным и наоборот, вкушая лишь самый краткий отдых на разостланной на полу циновке. Приобретая этот участок земли под виноградник и сад, старец вовсе не знал, что некогда было здесь «село Св. Саввы», и когда я показал ему эту заметку нашего древнего паломника, лицо его просияло неземною радостью. «Да, – сказал он, – это святой Савва возвратил чрез меня грешного своей обители ее древнее достояние!» Случай действительно весьма замечательный. Осматривая святые места, не раз я имел утешение убедиться, что заметки Нестора наших паломников игумена Даниила разъясняют самые темные места и решают самые спорные вопросы позднейших паломников-писателей, особенно западных, пристрастные сказания которых затемнили многое в истории Святых мест для позднейших исследователей.

Возвращаясь из долины Пастырей в Вифлеем, на горе, отделенной лишь долиною от вифлеемского храма, можно видеть развалины, которые принадлежат латинам; они называют их развалинами женского монастыря Св. Павлы, ученицы Иеронимовой. Из развалин арабы слепили себе домик, а прекрасный сад из смоковниц живописно украшает развалины, под которыми остались пещеры и ходы и кроме того уцелели еще две систерны. Оттуда через горы можно выехать на Иерусалимскую дорогу и следовательно попасть или обратно в Вифлеем, или в Иерусалим. Мы избрали первое, чтобы посетить окрестности Вифлеема, лежащие на другой стороне его. Заметим, что пред монастырем и храмом Рождества Христова (с западной стороны) есть большая площадь, выложенная камнем; часть ее занята православным кладбищем, которое остается неогражденным, потому что чрез него проходит тропинка от задней калитки латинского монастыря и латины по этой ничтожной причине не позволяют оградить священное для православных место. В мою бытность в Палестине за это произошла ссора между арабами двух исповеданий; дело доходило до оружия и по обыкновению кончилось ничем. На площади перед храмом находятся две систерны: в одну из них упало случайно арабское дитя и за это три монастыря вынуждены были заплатить правительству 800 пиастров штрафа. Главные двери, ведущие в монастырь и церковь, низкие и узкие, так что, входя в них, надобно

согнуться, скованы толстыми железными полосами; это сделано для того, чтоб турки не въезжали в монастырь и храм прямо верхом на лошади, как бывало прежде.

Вифлеем и его окрестности

Судьба Вифлеема. – Занятия его жителей. – Их отношение к вифлеемским Святым местам. – Систерна Давидова. – Соломоновы водопроводы. – Вертоград заключенный. – Пруды Соломоновы. – Караван-серай. – Источник запечатленный. – Монастырь Св. Георгия: история его и настоящее состояние. – Селение Беджалла. – Водворение в Беджалле Латинского Патриарха. – Торжественное служение в вифлеемском храме в праздник Рождества Христова.

Вифлеем, лежащий почти в середине Иудеи, назывался градом Давида, потому что отсюда происходили его предки и здесь была его родина. Первоначально он назывался Евфрафа (Быт 35, 19), то есть плодоносный, от плодонося земли своей. От этого же плодонося произошло имя этого местечка Вифлеем, или дом хлеба. В отличие от другого Вифлеема в Галилее нижней (Нав 19, 15), оно называлось Вифлеемом Иудейским. Прошло несколько тысяч лет с тех пор как существует это местечко. Какая столица может похвалиться такою древностью? Это долгое существование маленького города, который видел возникновение и исчезновение не только городов, но и многих народов и который верно переживет славнейшие города, кажется ясно показывает особенное покровительство Божие над этим благословенным местом.

Ровоам, царь иудейский, возвел крепостные сооружения в Вифлееме (2 Пар 11, 6). Во время Византийской империи Вифлеем украсился храмом и монастырями. При сарацинах он обратился в пустыри и развалины, уцелел лишь один храм. Когда в 1099 году крестоносцы стали под Иерусалимом, тогда один из вождей их Танкред по просьбе вифлеемских христиан отправился в сумерки из Еммауса и в самую полночь Рождества Христова водрузил хоругвь креста на стенах Вифлеема. И хотя Вифлеем никогда не славился величиною и знатностью, однако прежде был несравненно богаче, красивее и обширнее. Теперь кроме храма и огромного монастыря тут нет ничего заметного: дома построены квадратом с двумя некрасивыми

отверстиями, которые называются дверьми и окном, и при совершенно плоской кровле могли бы почесться за развалины и пустыри, если бы выглядывающие там и сям жители не выводили из ошибки. Мне случалось навещать жилища вифлеемских арабов и везде я находил убожество и восточную неопрятность. В одной большой избе помещается целое семейство со всем своим хозяйством, скарбом, а часто и скотом, исключая коней, ослов, мулов и верблюдов, для которых особая конюшня иссечена в скале под домом и едва ли не выгоднее людского жилища. Редко можно было найти постель, – она обыкновенно заменяется шерстяными матрасами, которые разложив на земле спят вповалку. В Вифлееме однако кроме обыкновенного убожества не найдешь поразительной нужды, и при такой плодородной почве жители были бы даже богаты, если бы неразумное восточное правительство не отталкивало от всякого труда высокими налогами на все земледельческие произведения; притом способ собирания так называемой десятины – отдавание ее на откуп – ведет к систематическому грабежу в пользу алчной турецкой администрации. Народонаселение Вифлеема, по свидетельству духовенства трех исповеданий, состоит из трех с небольшим тысяч мужеского пола, то есть православных 1600, латин 1500, армян 50 душ. Прежде было здесь еще 150 мусульман, но в 1834 году они подняли бунт против Ибрагим-паши, который разорил их дома и вырубил в пень принадлежащие им сады. Жиды также не живут в Вифлееме и, странная вещь, – этот народ издавна выселился из места Рождества Христова. Ибо еще Тертуллиан спрашивал упорных потомков Израиля: «как вы ожидаете Мессию, когда вас нет в Вифлееме?» Здесь, как и во всей Сирии, домашним хозяйством занимаются женщины; жена должна не только наносить воды, насобирать дров, но на ней же лежат содержание лошадей, мулов и всего скота, работы в саду, в виноградниках и собирание маслин. Мужчины занимаются немного земледелием, иногда каким-нибудь промыслом, иногда войною с соседями, а всего чаще проводят время в праздности. Впрочем, около Вифлеема горы и долины обработаны, и это местечко принадлежит к немногим в Иудее, которые зеленеются прекрасными садами. Вообще земледелие, скотоводство и садоводство находятся в Вифлееме если не в цветущем состоянии, то по крайней мере не в совершенном пренебрежении. Главный промысел вифлеемлян составляет делание костяных и масличных четок и изделия из

перламутра: крестов, крестиков, образков, моделей Святого Гроба и Святого Вертепа и других тому подобных вещей. Деланием четок занимаются исключительно арабы православного исповедания, а резьбою на перламутре – арабы латинского исповедания. Вообще говоря, эти изделия не очень изящны, особенно резьба святых изображений; но есть два или три мастера, которые могут считаться художниками в этом роде. Один из них, по имени Соломон, работает за годовую плату исключительно для латинского монастыря в Иерусалиме и ценит не дешево свои изделия. Так, благословенный крест его работы выложенный резьбою с обеих сторон продается не менее русского червонца; крестики маленькие по 25 и 30 коп. серебром, а образки овальной формы вершка в два в диаметре с изображением одного из двенадцатых праздников стоят от 30 до 60 пиастров (от одного с половиной до трех рублей серебром). Эти цены высшие, остальные понижаются соответственно величине изделий и искусству в резьбе, чистоте и цвету раковин и т. п. Промысел этот приносит жителям более дохода, чем можно думать, ибо толпы православных и армянских поклонников раскупают с охотою эти произведения и в довольно большом количестве. А как правительство берет пошлину со вносимых в Иерусалим изделий, то и покупаются они несколько дешевле в самом Вифлееме. В латинском Иерусалимском монастыре есть магазин этих изделий, откуда они расходятся по всей южной Европе.

Вифлеемиты известны своею отважностью, и потому окрестные бедуины племени тамаритов находятся с ними в союзе, а жители других селений боятся вступать с ними в явную ссору или ищут их союза в случае ссоры между собою. Довольно взглянуть на их прекрасные и смелые фигуры, дабы убедиться, что они не легко снесут утеснение и обиду. В прежние времена они не раз мужественно сопротивлялись хищности дамасских пашей и иногда поголовно выступали в поход. Монастырь и храм вифлеемский служили им крепостью. Множество подобных случаев рассказывают жители и путешественники. Ныне правители Иерусалима стараются быть в мире с вифлеемитами, а в случае замешательства в окрестностях Святого Града спешат занять военным постом храм и монастырь, как это было в 1859 году, по поводу возмущения союзных вифлеемитам тамаритов, о чем скажем ниже. Можно себе представить положение бедных иноков вифлеемских монастырей во время этих замешательств; им тогда часто

случалось платить то той, то другой стороне, не говоря уже о личных обидах и опасностях. Сами вифлеемиты нередко утесняли монастыри своим домогательством, и надобно было много терпения и любви к святому месту, чтобы выдержать столько преследований, утеснений, которыми наполнена история вифлеемских обитателей. И теперь жители, хотя при большем влиянии на Святые места европейских консулов не дерзают пускаться на явные насилия, не перестают однако пускаться на разные изобретения, чтобы как-нибудь выманить деньги от иноков. Смотря на их нескромное поведение в храме, где они свободно разговаривают и смеются между собою, можно бы счесть их за безбожников, но это будет вовсе не справедливо. Никогда вифлеемиты не ограбили храма, никогда не прибили ни одного монаха, хотя считали нипочем стращать их всякими способами для того, чтобы вынудить денежную помощь. Не раз раскладывались костры и острились мечи, чтобы сжечь начальника того или другого монастыря или отрубить ему голову, но всегда эти угрозы оканчивались ничем. На востоке вообще в храмах Божиих, когда нет в них богослужения, жители ведут себя как дома, ничем не стесняясь; но надобно видеть их во время молитвы; тогда самое выражение на их лицах святого восторга не может не удивить пришельца. В мирное время вифлеемиты всегда относятся к монахам своего исповедания с большим почтением и любовью, составляют как бы одну с ними семью и видят в них своих отцов в благодетелей. Но жаль, что несогласие между собою трех исповеданий всегда почти отражается и в населении соответственными чувствами неприязни и чаще из-за сущих безделиц.

Кроме пещеры Пастырей и пещеры Млечной, окрестности Вифлеема имеют много других священных памятников. Так, в стороне от Иерусалимской дороги близ города есть систерна, которую жители называют Давидовой, потому что Давид не стал пить из нее воды. Во время войны с филистимлянами с горстью храбрых он скрылся в пещере Одоллам. Жар был несносный. Царь объявил, что его мучает жажда и он охотно бы напился воды из вифлеемской систерны; но Вифлеем был занят неприятелем. Несмотря на это трое из его храбрых воинов пробрались чрез лагерь филистимлян и с опасностью жизни принесли царю воды, которой желал он. «Да помилует меня Бог от того, чтобы я стал утолять жажду кровью этих храбрых», – сказал Давид, – и

пожертвовал воду Богу заступнику «возлия ю Господу». (1 Пар 11, 17–19).

Кроме ближних окрестностей, каковы: Млечная пещера и долина Пастырей, большинству русских поклонников удастся еще посетить Соломонов пруд. Проводниками в этой прогулке обыкновенно бывает кто-либо из вифлеемских арабов по рекомендации игумена. Дорога идет на юг. Проезжая Вифлеем, увидите развалины домов вифлеемских турков, разрушенные Ибрагимом пашой. Далее видны старые посеченные маслины. Сады христиан, жителей Вифлеема, сохранивших спокойствие, остались целы; среди их высокие башни украшают общий вид; теперь они служат для склада овощей или для летнего житья, а прежде служили и обороною против бедуинов, ибо в башни проникнуть нельзя, и с них меткими выстрелами можно помешать разграблению садов. Далее дорога к Соломоновым прудам идет по окраине горы, следуя направлению славного Соломонова водопровода. Соломон ли, как говорит весьма похожее на правду предание, или кто другой устроил этот водопровод, но во всяком случае в этой работе очевидны знаки еврейской древности и особенного искусства. Это не римские водопроводы, которые шли в прямой линии чрез горы и долины высокими аркадами стен и оттого подлежали порче, не могли притом укрыться от глаз неприятелей во время нападений. Напротив, водопровод Соломона – совершенно закрытый и нелегко может быть испорчен. В твердых скалах, составляющих эту окрестность, устроена труба или канал; он иссечен в камне, а сверху покрыт огромными камнями, которые со внутренней своей стороны обделаны желобом, но снаружи вовсе не отесаны и ничем не разнятся от остальных скал и так соединены между собою цементом, что не видно вовсе следа спайки, и вы никогда бы не догадались, что тут идет водопровод, если бы довольно часто оставляемые продушины для сохранения свежести воды не указывали на этот мудрый и огромный труд. И какого большого знания этого искусства надобно было для того, чтоб без аркад и срезывания скал можно было провести воду в Иерусалим! Хотя от «источника запечатленного», откуда течет вода, по прямой линии до Иерусалима не более 14 верст, однако водопровод вьется на протяжении почти 60 верст, ибо, так как для него нужен постепенный склон, держится боков скал, обходя долины и высокие горные вершины. Вода, по рассказам жителей Иерусалима, стекает и до сих

пор в огромные подземелья Омаровой мечети, а сверх того и пруд Иезекииля, всегда полный воды, свидетельствует, что водопровод действует исправно. Во всю дорогу, где только встречался нам этот памятник Соломоновой мудрости, вода была совершенно чистая и свежая.

Через полчаса пути мы прибыли к узкому и довольно глубокому ущелью, в котором находился «вертоград заключенный». Это узкая и продолговатая лощина, длиной почти на две версты; по бокам ее поднимаются две крутые горы, а поперек преграждает ее стена нижнего пруда, а прежде и противоположная сторона долины также была замкнута подобною же стеною, отчего и произошло название «вертоград заключенный». Ныне место это сделалось собственностью одного из евреев-протестантов, который сперва содержал его по найму, а потом присвоил его вовсе себе, опираясь на покровительство английского консульства; вследствие этого весьма много потеряли арабы-феллахи, но также много выиграли иерусалимляне, ибо нынешний владелец этой долины развел здесь овощи и плодовые деревья и так украсил это ущедренное самою природою место, что один взгляд на него невольно переносит вас во времена Соломона. Вся земля разделена на участки, превосходно обработанные и обильно орошенные водою от ручья, бегущего по долине во всю длину ее. Померанцы, фиги, оливы, гранаты, виноград, сикоморы, тамарины, розовые, миртовые и другие благоуханные кустарники украшают эту долину Соломона. Посреди ее построена красивая дача в европейском вкусе, но с плоскою кровлею. На покатоности горы лепится селение арабов-мусульман; им принадлежало это ущелье, но они не умели им пользоваться, а теперь, после тщетных усилий возвратить потерянную навсегда собственность, они рады быть работниками нынешнего владельца. Впрочем, они не оставляют попыток если не отобрать свое достояние, то по крайней мере отомстить за хитрое завладение оным, не понимая в своем простодушии, что всякая такая попытка лишь более укрепляет права нового владельца покровительством всемогущего английского консульства. Так, в 1859 году летом они подговорили соседей своих бедуинов из племени тамаритов осенью расхитить плоды «заключенного вертограда»; предприятие удалось, но со стороны хозяев последовала жалоба в консульство, оттуда в иерусалимский меджлис. Немедленно посланы были башибузуки для наказания виновных. Они

схватили на вифлеемском рынке несколько тамаритов и повели в иерусалимскую тюрьму; дорогой тамариты сделали засаду и, будучи многочисленнее военной стражи, смело потребовали выдачи товарищей. Охраняя свою честь, башибузуки отказали; произошла стычка, в которой один из башибузуков был убит и несколько человек ранены; пленные были освобождены. Боясь последствий этого дела, паша послал немедленно занять Вифлеемский монастырь военным постом, чтоб прекратить сношение тамаритов с Вифлеемом, откуда они получают свое продовольствие, а в случае общей опасности имеют в вифлеемитах союзников. Тамариты, опасаясь мщенья паша, обратились в бегство: они немедленно откочевали со всеми своими пожитками в пещеру Одолла, находящуюся на берегах Мертвого моря, которая известна своею недоступностью и может в своих лабиринтах вместить целое население. Сношение с вифлеемитами поддерживалось через женщин и детей. По прошествии некоторого времени правительство успело однако залучить несколько тамаритов в иерусалимскую тюрьму. Дело, как слышно было, кончилось выкупом и перемирием, ибо довести до крайности бедуинов правительство турецкое, чувствуя свое бессилие, боится.

Самое живописное место заключенного вертограда есть то, где из скалы стремится с шумом в долину источник, и около него высятся развалины какого-то древнего здания, которое арабы, здесь поселившиеся, называют «дворцом Соломона». Может быть, и действительно это остатки здания, сохранившиеся от времен мудрого царя, так же как сохранился и его водопровод. Известно, что Соломон, ущедренный мудростью и богатством, любил часто уединяться в этой долине, обильной водою и тенью. Покатости гор, между которыми заключено это место, были одеты виноградниками и разными деревьями: сюда по воле его были собраны отовсюду благовонные деревья, кустарники и травы. Посреди саронских роз и лилий, посреди гранатов, кипарисов, алое, нардов, шафранов, киннамонов, мирр и бальзамов он прохаживался по этим горам, и весь сад при малейшем движении ветра дышал благовониями. Тут возносились палаты из кедрового дерева с серебряными колоннами, полом, выложенным золотом, и стенами, одетыми пурпуром. Прохаживаясь и теперь в этой долине, кажется, слышишь, как изображаемый в книге Соломона Песнь Песней жених с приближением весны вызывает свою возлюбленную на

прогулку по этому саду: «востани, – говорит он, – прииди ближвья моя, добрая моя, голубица моя. Яко се зима прейде, дождь отъиде, отъиде себе: цветы явишася на земли, время обрезания приспе, глас горлицы слышан в земли нашей. Смоквь изнесе цвет свой, винограды зреюще даша воню» (Песн 2, 10–13). Здесь сиживал Соломон под тенью пальм и вкушал плоды дерев своих; или, вставши рано, шел в сад и смотрел, цветет ли винная леторосль, образуется ли гроздь и цветет ли граната, или приказывал ловить малых лисиц, которые портили виноградник. Однако этот эдем и услада Соломона вовсе не успокоили его. Наша бессмертная душа, предназначенная к высшим и особенным наслаждениям, хотя и легко пленяется образом земного счастья, никогда не находит в нем полного успокоения. Еще пока издали смотрим мы на эти вещи, тогда манит нас прекрасная надежда, но едва дотронешься до них рукой, они вянут и бледнеют. Послушаем, что говорит об этом сам древний мудрец: «Возвеличих творение мое, создах ми дома, насадих ми винограды. Сотворих ми вертограды и сады и насадих в них древес всякого плода. Сотворих ми купели водныя (пруды), еже напяти от них прозябение древес. Собрах ми злато и серебро и имения царей и стран; сотворих ми поющих и поющия и услаждения сынов человеческих, виночерпцы и виночерпицы. И возвеличихся, и приложихся мудрости паче всех бывших прежде мене во Иерусалиме: и мудрость моя пребысть со мною. И все, егоже просиста очи мои, не отъях от них, и не возбраних сердцу моему от всякого веселия моего, яко сердце мое возвеселися во всяком труде моем: и сие бысть часть моя от всякого труда моего. И призрех аз на вся творения моя, яже сотвористе руце мои, и на труд, имъже трудихся творити: и се вся суета и произволение духа, и несть изобилие под солнцем. Смеху рекох: погрешение и веселию: что сие твориши?» (Еккл 2, 4–12). Не забудем, что в вертограде заключенном царь-поэт написал те вдохновенные песни, в которых пророчески воспеваает он Церковь невесту Христову под образом смуглой суламитянки.

При долине «заключенного вертограда» есть узкое ущелье между двумя огромными скалами, которое соответственно наклонности скал понижается к садовой долине. В этом каменном ущелье видите три огромные пруда, высеченные большею частью в скале, в небольшом один от другого расстоянии, занимающие всю покатость ущелья, в прямой линии один за другим. Хотя в Палестине глаз легко свыкается с

кроением скал, однако вид этой исполинской работы не может не возбуждать удивления. Все три пруда четвероугольной формы, имеют одинаковую ширину, то есть 90 шагов. Верхний пруд – самый малый, почти квадратный, и имеет длины 150 шагов; я застал его полным воды; этот водоем самый мелкий и в значительной части сложен из больших камней. Второй пруд ниже первого, более иссечен в скале, имеет 175 шагов длины и глубже первого, но воды в нем меньше. Третий, самый нижний и больший пруд имеет 230 шагов длины и самый красивый, ибо почти весь иссечен в натуральной скале, и вокруг спускаются в него гладко вытесанные ступени, шириною около двух аршин, а вышины на пол аршина. Все это сделано для купанья, чтобы каждый мог купаться и сойти глубже или мельче. Нижний пруд самый глубокий, ибо имеет 50 обыкновенных сходов в прямой линии до самого дна, что составит почти двадцать пять аршин глубины. Через эти иссеченные в скале ступени каждый пруд суживается на дне и расширяется вверх. Частью насыпь, частью натуральная скала составляют границу между прудами, но все соединяет подземный канал, и когда вода наполнит верхний водоем, тогда ее пускают в средний, а потом в нижний, который оканчивается отвесною стеною, сложенною из огромных камней во всю глубину долины «заключенного вертограда». Через малое, нарочно оставленное в стене отверстие вода падает отсюда и образует в долине ручей. От «источника запечатленного» вода течет каналом в верхний пруд, но одна она не могла бы наполнить столь огромных систем и потому подземные водопроводы провозжат воду из всех ближних источников, которых есть несколько; а сверх того огромные скалы, образующие это ущелье, имеют в боках своих малые ровики или пруды, высеченные с таким искусством, что вся вода дождевая стекает с гор в эти пруды и из них в большие водоемы.

Трудно представить то впечатление, какое производит вид исполинского дела и этой воды, искрящейся посреди скал, растрескавшихся от зноя. Воспоминание об этих водоемах в Библии, свидетельство Иосифа Флавия и талмудистов подтверждают непрерывное предание, что это дело мудрого Соломона. Но если бы не было даже никаких исторических свидетельств, самый вид этого труда достаточно убеждает в его древности. Жаль, что этот прекрасный памятник еврейского времени, представляющий сочетание

поражающего величия и силы с поразительной простотою, остается в совершенном небрежении.

Недалеко от верхнего пруда над самою дорогою в Хеврон возносится опустевшее здание, которое народ называет «замком Соломона». Это четверугольное здание укреплено по четырем углам башнями, а пятая над самыми воротами. Стены высокие толстые и вверху зубчатые. По всей вероятности это не что иное как арабский хан или караван-серай, где останавливались на ночлег караваны. Вокруг этого четверугольника комнаты для путешественников, но теперь вовсе запущены, ибо торговля упала. Замок, по преданию вифлеемитов, построил какой-то богатый купец. Теперь в обширной развалине находятся несколько хижин, в которых живут несколько арабских семейств для стражи прудов, а в особенности «источника запечатленного».

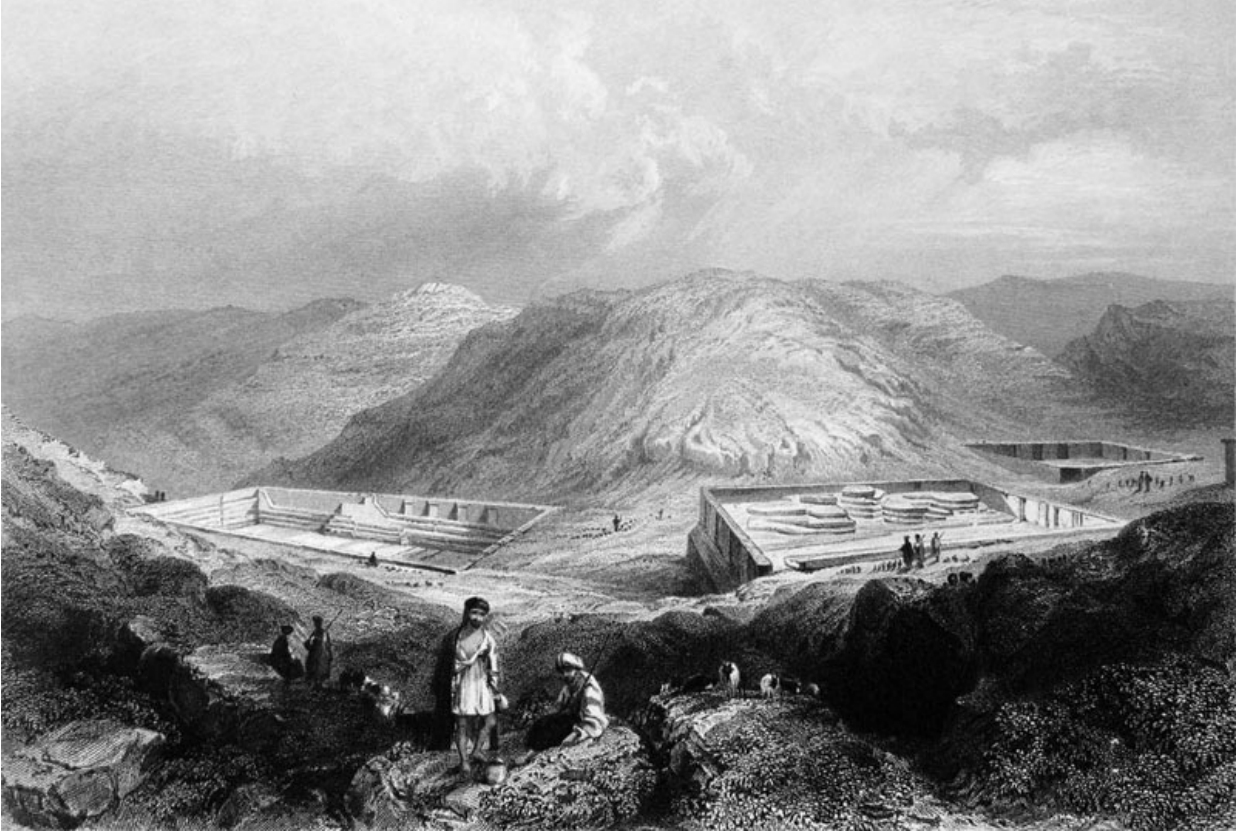
Оттуда в 70 шагах на равнине под горою находится знаменитый «источник запечатленный», о присутствии которого никто бы не догадался, ибо на поле не видно ничего, кроме небольшого отверстия в земле, заложенного камнем. Зажегши свечу, не без труда спускаетесь вы в узкую яму. Там были правда прежде какие-то сходы, но теперь они так завалены камнем и так испорчены, что по крайней мере полторы сажени надобно спускаться в это подземелье почти отвесно. Спустившись, сперва очутитесь в большом покое, который был с готическими сводами; далее следует такой же точно покой древней работы, длинный и узкий, где сбоку выходят из земли три источника чистой как слеза и приятной для питья воды, а несколько поодаль находится и четвертый источник. На середине подземелья небольшое четверугольное каменное ложе, в которое собирается вода чрез особенные каменные каналы из всех источников, а потом течет из этого ложа в три водопровода, то есть один направленный в верхний пруд, другой в Иерусалим, третий в упомянутый выше караван-серай. В самом конце длинного подземелья находится как бы лавка для сиденья, сделанная из земли, а при ней колодезь, полный воды, но не выходящий из берегов и не соединяющийся с источниками. Смотря на это здание, которого стены стройно сведены в красивые аркады, словно отлитые из одной каменной лавы, и обращая притом внимание на особую простоту, которая как бы пренебрегает всяким добавочным украшением, легко согласиться с преданием, что и это подземелье устроено Соломоном.

На востоке все здания, украшающие или охраняющие источники, могут существовать чрезвычайно долго, ибо их все восточные народы имеют в почтении, готовы даже по временам исправить и поддержать такого рода памятники. Источники в длинном подземелье были запечатываемы царскою Соломоновою печатью, и именно при том небольшом на поверхности земли отверстии, которое теперь закладывается камнем, чтобы никто внутри не портил водопровода и не выбирал воды, которая нужна была для царских прудов и водохранилищ Иерусалима. По сей-то причине все эти подземные источники и назывались «источником Запечатленным» и отсюда берет Соломон сравнения, когда говорит: «сестра моя возлюбленная – источник запечатленный». Прежде над этим подземельем, вероятно, было какое-либо здание, но теперь нет и малейших следов его.

На четверть часа пути от Соломоновых прудов находится церковь и монастырь Св. Георгия Беджалского. Об основании сего монастыря рассказывают следующее предание: один купец был в этом месте обкраден ночью арабами и только на рассвете заметил свою убыль. Имея всегда особое благоговение к святому великомученику, он и в этом несчастье просил его о помощи; во время молитвы прибыл какой-то путешествующий воин на белом коне и, узнавши о случившемся, приказал купцу ехать за собою, и вскоре в глубоком ущелье они наехали на грабителей, делящих свежую добычу. При виде хорошо вооруженного воина сильный страх напал на арабов и, оставивши добычу, они разбежались в разные стороны. Когда же обрадованный купец хотел поблагодарить своего благодетеля, воин на белом коне внезапно исчез с глаз его. Догадавшись, что это был святой великомученик Георгий, и проникнутый благодарностью к нему, купец дал обещание выстроить на том месте, где он явился ему первый раз, церковь и монастырь во имя его. Между тем демоны – предвидя великий себе ущерб от этого предприятия, ибо и молитва, приносимая на этом месте, долженствовала быть всегда услышана и бесноватые должны были получать здесь свободу и здравие, – старались всемерно помешать предприятию и потому ночью всегда разрушали то, что было сложено днем. Долго купец боролся с этими кознями, но не мог помочь горю, ибо, как ни крепко были спаяны камни, ночью стена разваливалась сама собою. Тогда явился ему тот же воин на белом коне и, очертивши копьем довольно большой круг, воткнул его на середине.

Этим способом огражденное от нападений врага место купец мог украсить монастырем и храмом, который по этой легенде и назван «Копьем святого великомученика Георгия». Монастырь по разорении от агарян долго был в запустении; один из паломников еще в 1830-х годах видел здесь четырех русских монахов, которые, согласившись между собою и испросив дозволение у Патриархии, заняли опустевшую обитель. Один из них ежегодно отправлялся в путешествие на Синай, в Вавилон и в другие страны, которых еще не видал; по возвращении его в монастырь на смену ему отправлялся странствовать другой и т. д. Они хорошо были знакомы с краем и всеми арабскими поколениями, у шейхов которых часто проводили целые месяцы, пользуясь их гостеприимством. Памятью их пребывания в Георгиевском монастыре осталось несколько славянских богослужебных книг. Теперь монастырем заведует диакон из Патриархии, а настоятелем считается экононом оной. Вблизи монастыря есть обширные хорошо обработанные виноградники. Церковь не велика и не богата; в ней у западной стены есть несколько цепей, которыми приковывают снаружи бесноватых и сумасшедших, и этим способом, как говорят, возвращают им здоровье. Монастырь этот пользуется громкою в этом отношении известностью у окрестных арабов всех вероисповеданий и содержится их приношениями. В мое двукратное посещение этой обители однажды я видел одного из больных, прикованного к стене цепью, проходившею изнутри церкви, – он сидел на полу на соломе; а в другой раз застал здесь толпу арабов-мусульман, празднующих по-своему выздоровление подобного же больного жертвоприношением барана; в то же время монастырь получил от них в дар несколько баранов и козлят и пук свечей. Храм и монастырь обведены вокруг высокой каменной стеной. В алтаре этой церкви вставлены в стену три камня, составлявшие цельную доску престола, на котором один из священников близлежащего селения Беджаллы, во время совершения святой Литургии пролил на престол, сделанный по восточному обычаю из одного цельного камня, Святую Кровь по освящении Даров; в ту же минуту престол этот чудесною силою разломился натрое, впитав в себя Святую Кровь и окрасившись ее цветом.

Напротив церкви, на монастырской земле, живет несколько арабских семейств, которые занимаются обработкой полей и виноградников исполу, продавая или меняя на необходимые предметы причитающуюся им в уплату половинную долю сбора.

Из Георгиевского монастыря можно возвратиться в Иерусалим через Беджаллу, селение, которое издревле так любят посещать наши поклонники вместе с деревнею Пастырей, называя последнее «деревня Пастушки», а первое «село Бежалово». Еще наш знаменитый пешеход – Барский распространяется в похвалах жителям этого селения, восхваляя их усердие к Церкви и любовь к Православной вере. В бытность его здесь все жители были «христиане веры греческой и ни единого между ними не было либо римлянина, либо турка, либо коего иного»; и притом рассказывает и доселе сохранившееся предание, что в этом селении не может жить человек не христианской религии и если поселится турок, то он на третий день умирает. Это предание, утвердившееся между арабами, вообще довольно суеверными, делает то, что турки минуют Беджаллу, как бы зачумленную, и оттого жители ее сравнительно наслаждаются большею свободою и спокойствием.

Беджалла, будучи живописно раскинута по скату горы на солнечной ее стороне, обращенной лицом к Вифлеему и Иерусалиму, вся тонет в садах и виноградниках. Плодородие земли, красивое местоположение и притом усердное занятие земледелием и садоводством делают это селение чрезвычайно приятным и здоровым местопребыванием.

У подошвы горы, на склоне которой рассыпано селение, протягивается длинная долина, на которой против селения растет оливковая роща. Предание согласно с Библией утверждает, что на этой долине высланные Моисеем соглядатаи земли обетованной отрезали ветвь с гроздом винограда, которая была так велика, что они на шесте донесли ее в пустыню Кадес. Тут есть источник, называемый ныне «источником Богоматери», а недалеко от него был взят этот гроздь. На этой долине находились славнейшие в Иудее виноградники, и вино, выделываемое из этого винограда, имело сладкий вкус и желтоватый цвет. До сих пор эта плодоносная долина покрыта зеленью садов и виноградников, некоторые грозди которого, по свидетельству очевидцев, достигают такой величины, что один человек с трудом может поднять их.

Беджалла или Пецалла до последней Восточной войны (в 1853 году) наслаждалась полным спокойствием; но в этом году над мирными жителями ее неожиданно разразилась гроза, стоившая им многих скорбей, которые окончились водворением среди их надолго самого немирного соседа, латинского лжепатриарха Валерги, который посягает на драгоценнейшее их достояние – веру. Встретившись с важными затруднениями для своей энергической деятельности в Иерусалиме со стороны францискан, Валерга решил перенести на время центр своих действий (имеющих главной целью мирное завоевание Палестины под власть Папского престола) в окрестности Святого Града, и избрал для сего Беджаллу, где, как мы видели уже, до нынешнего столетия не было ни одного латинца, а до 1853 года лишь незначительное меньшинство жителей принадлежало к Латинской Церкви. В этой-то деревне Патриарх Валерга предположил основать свою латинско-арабскую духовную академию, устроенную наподобие лазарийских заведений для молодых арабов, чтобы под руководством иезуитов из окружающего его клира образовать себе будущих пособников для преднамеряваемого им окатоличения жителей Палестины. Дело началось с того, что в 1853 году Валерга купил у одного из жителей

Беджаллы латинского исповедания дом для устройства в нем церкви. Покупка дома сделалась тайно, но когда для приготовления к водворению здесь Валерга выслал в Беджаллу одного из своих клиентов, православные жители Беджаллы восстали против постоянного его водворения в селении, грозя смертью, если он поселится среди их. Узнавши об этом, Патриарх отправился сам в Беджаллу, и в то же время французский консул принес жалобу на Беджалыцев паше. Но беджалыцы не испугались и Валерги; лжепатриарх был просто выгнан силою, подвергся побоям, его влачили за бороду, одним словом, ему досталось порядком, но как иезуит он привык не отступать ни от каких препятствий в деле завоевания душ. Возвратившись поруганный в Иерусалим, Валерга вскоре оставил и Святой Град и водворился в Яффе, заявив чрез посредство французского консула иерусалимскому паше и Порте, что он вернется в Иерусалим не прежде, пока не будет торжественно введен во владение беджалыцким участком. Участие, принятое в этом деле французским посольством, имело следствием, что новый иерусалимский начальник Якуб-паша получил от великого визиря письмо с приказанием, чтобы он сам отвел Валерге участок земли в Беджалле, а если будет настоять надобность, то пусть купит таковой и отдаст латинам, а также, что он обязан оказать зависящую от него протекцию в построении латинской церкви в Беджалле, ибо, как гласил о сем султанский фирман, дружеские сношения с Франциею побуждают падишаха дать позволение на устройство в Беджалле латинской церкви. Как бы то ни было, а в конце 1854 года Валерга имел торжественный въезд в Иерусалим, а через несколько дней после этого началось построение в Беджалле латинской церкви, которая окончена и освящена в 1858 году. Церковь эта лишь составляет часть загородного дома, в котором живет летом Патриарх и помещается основанная им латино-арабская академия на двенадцат человек молодых арабов с их наставниками иезуитами. Недалеко от пышного дома Латинского Патриарха, напоминающего видом своим особенно издали рыцарский замок средних времен, находится убогая греческая церковь во имя святителя Николая и рядом с ней сельская школа для детей арабов православного исповедания, близкое соседство которой с латинской академией нельзя считать выгодным для школы. Беджалла отстоит от Иерусалима на полтора часа езды к юго-западу.

В день Рождества Христова ежегодно бывает в вифлеемском храме торжественное служение. Для сего накануне под вечер выезжает из Иерусалима патриарший наместник с двумя архиереями и многими духовными лицами. Им предшествует конная стража паши (башибузуки) с литавриком впереди, разыгрывая во время пути свои обычные «фантазии», что называется по-арабски джигитовка и метание копий (джириды). На половине пути около обители Св. Илии встречаются поезд архиерейский все вифлеемские шейхи в красных нарядных плащах (аба) на статных лошадях и толпы пеших христиан обоих полов, выражая свою радость мужчины – выстрелами, а женщины – причитаниями, оканчивающимися пронзительным хорovým возгласом. В виду стен вифлеемского храма шум этот смолкает, уступая место церковной церемонии. Митрополит и свита его на площади спешиваются; навстречу ему выходят: настоятель вифлеемского монастыря с крестами и хоругвями; священники и диаконы в облачениях с кадильницами в руках следуют за хоругвями и при каждых девяти шагах останавливаются, чтобы кадить архиереев. И так крестный ход, двигаясь медленно, вступает внутрь великолепного храма вифлеемского; пройдя сквозь узкие двери, он тянется по широкой колоннаде и, склонившись еще раз для прохода чрез узкие двери преграды, отделяющей нижнюю ветвь креста от остального храма, вступает на его средину. Здесь патриарший наместник восходит на свое место и начинается вечерня. Шум разносоставной толпы, часть которой бывает привлечена одним любопытством, не позволяет спокойно внимать пению и чтению. В этот и последующий день за упомянутой выше преградой образуется род базара, что собственно и вынудило греков отделить эту часть от остального храма, предоставляя таким образом эту часть в жертву укоренившемуся временем и поддерживаемому тесными обстоятельствами обычаю и тем спасая от профанации остальное. Напрасно некоторые образованные паломники обвиняют греков в потворстве этой дикой толпе; она дика и необузданна, но достаточно заметить, что она принадлежит к разным исповеданиям, дабы понять, что влияние духовенства одного вероисповедания на это сборище бессильно. Притом, как мы заметили выше, в характере арабов совмещаются самые странные противоположности, и кто бы вздумал по этому шуму за перегородкой заключать о их неуважении к Церкви вообще, тот бы крайне ошибся;

всмотритесь пристальнее в лица молящихся – и вы убедитесь в верности этого замечания.

Но перейдем к рассказу о служении заутрени. Во время полиелея архиереи облачившись идут, предшествуемые крестами и хоругвями из главного алтаря в Вертеп Рождества для чтения Евангелия на месте самого события. Хор певчих воспевает: «приидите вернии, да видим место, идеже Христос раждается, и путеводимые звездой волхвов со Ангелами и пастырьми возгласим: слава в вышних Богу и на земли мир». После благоговейного поклонения месту, «идеже родися Христос», наместник читает на престоле Рождества Евангелие об Ангелах и пастырях, как более знаменательное.

Вся пещера в это время горит огнями и блеском священной утвари невольно напоминает внимательному поклоннику величественную песнь: «Таинство странное вижу и преславное: небо – вертеп, престол херувимский – Дева, ясли – вместилище, в нихже возлеже невместимый Христос Бог». И все это здесь вокруг вас – и тот самый Вертеп, который стал вторым небом, и Ясли, вместившие Невместимого. Нет сомнения, что престол херувимский – Дева невидимо присутствует при этом светлом празднестве, осеняя верных молящихся Ей честным своим омофором, как однажды видел сие ясно наш соплеменник Андрей блаженный в церкви Влахернской.

За престолом в этот день поставляется великолепная икона венецианской работы, изображающая как самое празднуемое событие Рождества Христова, так и другие, имеющие ближайшее к нему отношение. Икону эту в обыкновенное время можно видеть в алтаре соборного храма, где она хранится постоянно после того, как и армяне приобрели себе за деньги право служить на престоле Рождества; святые изображения искусно эмальированы и украшены дорогими камнями. Эта икона составляет один из лучших образчиков финифтяного дела, процветавшего некогда в Царьграде и оттуда перенесенного и в Венецию в XVI столетии.

После окончания полиелея при громком пении первого ирмоса рождественского канона «Христос раждается славите, Христос с небес срящите; Христос на земли, возноситеся» – духовенство вышло из Святого Вертепа, чтобы идти крестным ходом вокруг всего храма, между столбов. Арабы, снимая свои чалмы, почтительно преклонялись перед шествующим с пением клиром, а водворившееся в это время

среди этой пестрой толпы благоговейное безмолвие показывало, как сильно воздействовало на нее строгое величие и вместе трогательная простота обрядов православной Церкви. Крестный ход тоекратно обходит вокруг церкви по великолепной колоннаде и возвращается в алтарь оканчивать служение.

В Святом Вертепе на самом месте празднуемого события совершается ранняя Литургия, и очень часто на славянском языке в утешение русских поклонников, которых и в это время бывает не мало и многие причащаются за Литургией Тела и Крови Христовой. Перед обедней, по местному обычаю, пока служащий совершает проскомидию, певчие поют ирмосы рождественского канона и потом: «Слава в вышних Богу». Эта песнь приводит в восторг сердце при воспоминании приснославного события, при котором она была воспета небожителями и пастырями, соединяя таким образом земная с небесными.

Едва оканчивается ранняя Литургия в Вертепе, поверх его (в храме) начинается служение поздней Литургии, на которой (вместо причастна) воспевается та же знаменательная песнь: «слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». Эта поздняя Литургия совершается обычным порядком. Апостол и Евангелие читаются на трех языках: греческом, славянском и арабском. После Литургии в греческом монастыре бывает обычное угощение для поклонников, которые после краткого отдыха возвращаются на ночь в Святой Град; шумное ликование арабов продолжается чрез всю ночь, хотя к чести их надобно заметить, что оно и не омрачается сценами, которыми изобилуют наши сельские ярмарки, бывающие в праздничные дни, ибо арабы не преданы пьянству.

Пустыня Святого Града

*«Коль добри доми твои, Иакове, и кущи твоя
Израилю»*

(Числ 24, 5).

(Сии слова пророка Валаама произнесены императрицею Евдокиею в духовном восторге при виде лавры Преподобного Евфимия).

Краткая история пустыни Святого Града. – Обители, бывшие в пустыне Святого Града в эпоху ее процветания в IV, V и VI веках, с показанием их местонахождения по древним источникам. – Поездка к развалинам Фаранской лавры преподобного Харитония. – Лавра Преподобного Саввы Освященного. – Обитель Преподобного Феодосия Киновиарха. – Поездка к развалинам иорданских монастырей Св. Герасима и Св. Иоанна Предтечи, из обители пр. Саввы Освященного. – Развалины лавры Евфимиевой (Неби-Муса). – Ночлег в пещере Магара, посещение Каstellи и возвращение в лавру Пр. Саввы.

Краткая история пустыни Святого Града

Все лавры и монастыри в окрестностях Иерусалима, то есть в Иерихонской долине, над Иорданом, в Сорокадневной пустыне, около Фекуи и Мертвого моря, составляли одно целое, одну отдельную пустыню, которая на соборах Никейском, Константинопольском и у всех древних писателей была известна под именем пустыни Святого Града. Основание в этой пустыне множества лавр и монастырей в строгом значении слова было делом Божиим. Оттого-то в самое краткое время, почти вдруг, не только заселилась, но и процвела, яко крин, эта святая пустыня. Святые мужи были невольными основателями этих училищ богомыслия. Отшельник, полный живой, сердечной веры, предпочитающий всему любовь Божию, удаляясь в дикую пустыню, чтобы иметь возможность в уединении и безмолвии внимать лишь своему собственному спасению, вовсе не помышлял об основании монастыря, потому что такие люди, по своему глубокому смирению, искренно признавали себя неспособными руководить других. Но вот благодать Божия просвещает и освящает его, соделывает своим избранным сосудом, совершая чрез него многообразные чудеса; слава о нем быстро растет, и многие приходят, изъявляя желание усовершенствовать себя духовно под его руководством; напрасно он отказывается: слезами, просьбами, а нередко и неотступным домогательством собравшиеся вынуждают святого мужа сделаться их наставником. Так возникли лавры и монастыри; здания в них улучшались жертвами людей благочестивых, внимание которых было привлечено чудесами и примерами святой подвижнической жизни иноков. Смирение и удаление от славы человеческой наполняли сердца святых основателей, и именно эти самые качества дивный во святых Своих Господь употребил для умножения приютов благочестия. Ибо святой муж, будучи вынужден указанным выше способом положить основание иноческой обители и убегая от молвы и славы человеческой, спешил удаляться в глубочайшую пустыню; но вскоре и там принужден бывал силою тех же обстоятельств, лучше же сказать, промыслительно, основывать монастырь для желающих сожителствовать с ним. Вот самая верная история основания в этой пустыне всех жилищ отшельников и монахов. Число их простиралось от 10 до 14 тысяч, то

есть было вдвое более того числа, которое составляет ныне население Святой Афонской Горы, наследовавшей в Православной Церкви славу пустыни Святого Града. По причине такой людности, для удержания единообразия и порядка Иерусалимские Патриархи назначали особенных предстоятелей над всей пустынею Святого Града, в сане архимандритов. Таким был в патриаршество Саллюстия преподобный Маркиан (начальник киновии близ Вифлеема); а далее, при ясно обозначавшемся разделении братьев на отшельников и киновиятов, стали поставлять двух предстоятелей, из коих один, как преподобный Савва, был настоятелем всех лавр, а другой, как его друг и спостник преподобный Феодосий, – настоятелем (архимандрит) всех киновий пустыни Святого Града^[77]. Не обратившие внимания на эти обстоятельства, позднейшие описатели Святой Земли, насчитывали в одной (в Плачевной юдоли) лавре Св. Саввы от 10 до 14 тысяч отшельников, тогда как это число надобно относить ко всему населению пустыни Святого Града. Пересматривая остатки старины, составляющие источник сведений об этом предмете, нельзя не задуматься над тем, как все ясно носит на себе печать божественного происхождения. Среди такого числа иноков нас не столько приводит в удивление первоначальная ревность их к духовным подвигам и высокое их совершенство, а отсюда и дар различных чудотворений, сколько то, что в течение двухсот лет и более продолжается это цветущее состояние подвижничества, что не единицами или десятками, а целыми сотнями появляются мужи необыкновенные. Нельзя не видеть в этом руки Божией, которая произвела это великое чудо для пользы Церкви и как бы создала новый и совершенный свет, в котором ряд чудес наполняет два века, в котором подвиги божественной ревности, одушевления и высшего созерцания составляют его обыкновенное явление. Смотря на обширные и достоверные свидетельства об этих золотых веках Иерусалимской пустыни, мы должны убедиться в особой милости Божией, которая для нашего усовершенствования благоизволила сохранить такую славную летопись деяний человеческого духа. Промысел Божий избрал для этого двух великих мужей, полных высокого духовного совершенства и необыкновенной учености, которые перед вторжением исламизма посвятили всю свою жизнь на изучение и собрание памятников этого чудесного света. То были блаженный Иоанн Мосх и святой Софроний.

Иоанн Мосх жил в монастыре Пр. Феодосия Киновиарха. Там же Софроний Софист сделался его учеником. Но вскоре этот учитель основал, выражусь так, «монастырь странников», ибо с двенадцатью своими учениками он посетил все жилища отшельников и монахов в Сирии, Египте, на Синайском полуострове, в Греции и Италии, и там, присматриваясь к жизни и собирая предания о состоянии современного ему пустынножительства (в VI веке), написал (около 622 года) сочинение под заглавием «Луг духовный», ибо разные благочестивые предания действительно украшают эту книгу, как цветы луг. Книга сия, проникнутая духом высокого благочестия, как нельзя более обрисовывает дух времени и весьма полезна для успеха в духовной жизни. Что же касается до самых фактов, в ней собранных, то истину их подтверждают достоверные жизнеописания святых, историческая верность которых не может быть заподозрена никакою благоразумною критикою. Но обратимся к историческому очерку пустыни Святого Града.

Рука Божия уже начинала тяготеть над Палестиною. Хозрой, царь персидский, вторгнулся в Палестину; в 614 году взят был Иерусалим; Животворящее Древо Креста Господня досталось в руки неверных и отправлено в Персию. Большая часть обителей пустыни Святого Града были разорены. Из иноков одни умерщвлены, а другие взяты в плен и посланы в тяжелую неволю. По миновании этой грозы снова начали оживляться лавры и киновии, пока наконец меч Омара совершенно не подчинил себе этой страны. Именно в это злосчастное время Иерусалимским Патриархом был ученик блаженного Иоанна Мосха Софроний (с 629 года), который не упал духом в несчастии, но смелою защитою умел умиловить Омара и тем сохранить христианство от конечного истребления. Но вместе с тем его чувствительная и богобоязненная душа не могла перенести того позора, что святейшие из святых мест достались в руки мусульман, и он вскоре умер от печали. Если остановимся над его удивительною ревностью в защите православной веры противу еретиков, над глубокой и основательной ученостью, от которой так и веет искреннее и высокое благочестие и набожность (как можно видеть в дошедших до нас отрывках из сочинений этого святого и ученого мужа); если взвесим этот совершенный образец добродетели, эту неустрашимую смелость, какую он оказал, с опасностью собственной жизни, защищая пред Омаром

свою веру и паству, то справедливо можем положиться на мнение церковных историков, что святой Софроний принадлежит к светилам восточной Церкви и по праву занимает почетное место в ряду ее прославленных иерархов.

Владычество сарацинов (арабов) над Палестиною вначале не было тяжело, и потому лавры и монастыри более или менее процветали по-прежнему. Чудеса, подвиги и ученость венчали как бы тройным венцом эту пустыню Святого Града; ибо мы видим, что и под владычеством сарацинов славились в ней святой Иоанн Дамаскин, Стефан Чудотворец, Косьма, Федор и Феофан, начертанные и другие ученые и богобоязненные мужи. Хотя эта уступчивость сарацинов время от времени уменьшалась и исламизм расширяясь вытеснял частями христианство, однако же все шло еще кое-как, пока не завладели Палестиной турки. Во время арабского владычества, хотя мы и не видим в пустыне Святого Града «монахов множество», но оставалось еще несколько монастырей, известных благочестивою жизнью своих иноков и в XII веке, как свидетельствуют о сем современные очевидцы: наш паломник игумен Даниил и греческий писатель того же века Фока. Они упоминают не только о лавре Св. Саввы, но и о монастыре Феодосиевом, о лавре аввы Харитона (близ Фекуи), о монастыре Евфимиевом и Феоктистовом, о лавре Хозевитской, о трех монастырях над Иорданом, то есть: Предтечеве, Златоустове и преподобного Герасима иорданского. По свидетельству нашего паломника, жизнь иноческая продолжала процветать лишь в хранимой особым промыслом Божиим лавре Пр. Саввы Освященного и только длилась в других обителях. Так, в монастыре Пр. Герасима игумен Даниил нашел только двадцать иноков. О населении других виденных им монастырей наш паломник не упоминает вовсе; о монастыре Пр. Евфимия замечает: «прежде был сделан городом», то есть огражден, «и ту же был монастырь Феоктистов, ныне же разорено все от поганых». Фока, описывая посещение лавры Хозевитской в конце того же века, выражается так: «мы нашли в этой обители многих мужей, замечательных святостью их жизни». Все уцелевшие до позднейшего времени монастыри, как видим из их описаний, были построены довольно единообразно: то есть были обведены стенами и вооружены башнями для защиты от внезапных нападений; на середине двора возвышался соборный храм, под которым нередко находилась пещера с

гробом основателя обители, а около него ютились гробы его учеников; по сторонам двора около стен размещались кельи и прочие монастырские здания, обыкновенно в два (с подвальным этажом), а нередко и в три яруса. Над монастырскими воротами устраивалась башня для наблюдения за безопасностью монастыря от внезапных нападений хищников.

Владычество крестоносцев в Святой Земле, как известно, не слишком благоприятствовало процветанию православных обителей в Святом Граде и его пустыне, и только индифферентизм королей-рыцарей несколько смягчал или сдерживал ревность не по разуму Латинского Патриарха и его клира, спешивших всем завладеть и всех олатинить в завоеванной рыцарями Палестине. Впрочем, в XIII, XIV и XV столетиях, как можем догадываться, еще продолжалась иноческая жизнь в некоторых восстановленных от первого варварского разорения обителях пустыни Святого Града. Так, например, в одном Иерусалимском сборнике Саввинской обители, в приписке, читаем замечание, что в 1316 году присланы из Крита в монастырь Св. Иоанна Предтечи, что на Иордане, шесть миней при императоре греческом Иоанне II Комнине; следовательно, монастырь этот тогда еще был населен. При арабских Патриархах монастыри, уцелевшие в пустыне Святого Града, были поддерживаемы благочестием грузин и потом королей сербских, особенно монастырь Св. Саввы, где в XVI столетии стихия славянская является преобладающею, что продолжалось до самого последнего запустения этой обители в начале XVII столетия. Под железною и жестокою дланью старых Османов увял окончательно этот духовный луг, исчезли цветы, а в глухой и немой пустыне поросли травой забвения и самые следы прежних высоких подвигов и духовного просвещения.

Только дочь Плачевной юдоли, лавра Преподобного Саввы Освященного осталась, как одинокая сирота, для грустного воспоминания о прошлом величии пустыни Святого Града. По счастью, дух великого ее основателя не перестает оживлять доселе его «малое стадо» (шестьдесят человек), послав ему достойного руководителя в лице ее нынешнего игумена семидесятидвухлетнего старца о. Иоасафа, который в свое тридцатипятилетнее управление обителью успел возвести ее на возможную степень благоустройства материального и

духовного. Это единственный отрадный оазис в совершенно запустевшей в конце XVI века пустыне Святого Града.

Обители, бывшие в пустыне Святого Града в эпоху ее процветания в IV, V и VI веках, с показанием их местонахождения по древним источникам

Первоначальником иноческого жития в Палестине обыкновенно почитается преподобный Иларион, ибо до него, как свидетельствуют древние писатели, не было в Палестине монастырей, и никто прежде в Сирии не видал монахов. Под влиянием этого светлого примера появилось не мало монастырей, иноки которых удивили Василия Великого чрезвычайным воздержанием в пище и питии, постоянным трудом и бодростью в непрестанной молитве. Впрочем, монастыри, устроенные преподобным Иларионом или по его примеру, сосредоточивались лишь в окрестностях Газы^[78]. Но в то же самое время, то есть в начале IV века, является в Палестине преподобный Харитон, который и был основателем монастырей собственно в пустыне Иерусалимской. Святой Харитон Исповедник, пострадавший при императоре Аврелиане, идя помолиться в Святой Град, был на пути взят в неволю разбойниками и увлечен в Фаранскую пустыню, в дикую пещеру, служившую им убежищем. Гнездившийся здесь змий отравил своим ядом вино, и разбойники вместе с вином выпили смерть, а преподобный Харитон, сделавшись свободным, решил в благодарность за чудесное избавление остаться в этой самой пещере служить Господу. Вскоре молва о его святой жизни и чудесах собрала к нему учеников; пещера была обращена в церковь и основалась знаменитая лавра Фаранская, первоначальная из всех обителей в пустыне Святого Града.

Вторая лавра была основана им же близ Иерихона (вероятно, в пещерах Сорокадневной горы) и потому называлась Иерихонскою; наконец, третья на потоке Сукка, между Фекуею и Мертвым морем, и потому носила название Сукки по-сирски или Старой лавры по-гречески. В этой последней лавре преподобный Харитон дожил до глубокой старости, но последние дни своей земной жизни пожелал окончить в первой своей обители – лавре Фаранской, где и погребен.

Впрочем, во время преподобного Харитона пустыня Святого Града еще мало была известна в мире христианском; в V и VI веках она достигла известности и почитания, ибо много всяких мужей прославили ее святостью жизни и дивными чудесами. В главе этих мужей стоит преподобный Евфимий, который, как Антоний Египетский, был отцом всех палестинских пустынножителей.

При обозрении обителей, основанных самим преподобным Евфимием и многочисленными учениками и подражателями его святой жизни, мы будем иметь повод обратиться к сказанию лично о каждом из них, а теперь сделаем исчисление обителей, бывших в пустыне Святого Града в эпоху ее духовного процветания, и определить местонахождение каждой из них, руководствуясь теми указаниями, которые встречаются у писателей того времени: блаженного Иоанна Мосха и Кирилла Скифопольского. Все обители, которые составляли так называемую пустыню Святого Града, лавры и киновии, по их местонахождению можно разделить на две группы: к первой относятся обители, расположенные в горной части пустыни, ко второй принадлежат обители в Иерихонской и Иорданской долине. В числе первых известны:

1) Лавра Фаранская, получившая свое название от близлежащего селения Фаран. Место этой обители указано в житии преподобного Евфимия следующими словами: «прииде (Евфимий) в лавру, нарицаемую Фара, отстоящую в расстоянии шести миль от Святого Града.

2) Лавра Сукка (по-сирски) или Ветхая лавра (по-гречески), развалины которой видны доселе близ Фекуи в Уади-Харитун.

3) Монастырь Феоктистов, названный так по имени друга и спостника Евфимиева, преподобного Феоктиста, бывшего первым начальником этого монастыря. Основан им же по выходе из лавры Фаранской, в той же пустыне Святого Града. Место монастыря Феоктистова доселе в точности не определено. Для отыскания его служит путеводною нитью следующее указание из жития преподобного Евфимия: явившись во сне сыну старшины сарацинского Аспевета Теробону, старец сказал: «я Евфимий и живу в восточной (стране) пустыне, при потоке, протекающем на южной стороне дороги, ведущей в Иерихон, в десяти милях от Иерусалима». Живших при этом потоке отшельников первые открыли лазарийские (вифанские) пастухи. Они и

теперь служат лучшими проводниками для разыскания места древней обители, потому что развалины ее находятся доселе вблизи их пастбищ. В том же житии (преподобного Евфимия) расстояние Феоктистова монастыря от лавры Пр. Евфимия определяется пространством трех миль; он называется нижним по отношению к лавре Пр. Евфимия, конечно потому, что был построен на дне потока, а лавра среди возвышенной долины, на холме.

4) Лавра Пр. Евфимия, обращенная по его кончине в киновию, чрез что и уцелели до позднейшего времени ее развалины. Турки по овладении Палестиною обратили ее в свой монастырь, вероятно из уважения к местному преданию о благодеяниях, оказанных святым мужем, здесь погребенным, для окрестных жителей. Монастырь этот мусульмане (привыкшие искажать христианские предания) назвали по своему монастырем пророка Моисея, Неби-Муса. Нельзя сомневаться, что он стоит на развалинах знаменитой обители, промыслительно сберегая от конечного забвения гроб святого отца иночествующих этой пустыни.

5) Монастырь в пустыне Зиф (на юго-восток от Хеврона), между Абарасом (Адорим?) и селением Аристовулиадою, в окрестностях тех пещер, в которых укрывался Давид от гонения Саула^[79], как сказано в житии преподобного Евфимия. Место это доселе еще никем не было исследовано.

6) Монастырь Мартириев, основанный аввою Мартирием, учеником преподобного Евфимия (был впоследствии Иерусалимским Патриархом,) в пятнадцати стадиях от лавры Пр. Евфимия, при небольшой пещере. В житии преподобного Евфимия монастырь этот называется «великим и славным». Развалины его указывают в стороне от дороги, ведущей из Иерусалима к лавре преподобного Евфимия (Неби муса), в виду лавры (сходно с указанием в одном месте из жития преподобного Евфимия), на месте, называемом арабами Ель-Мелааб (от неровности места, обставленного со всех сторон холмами). Самые эти развалины арабы называют Хан-Ахмар – красный хан, вероятно, по коричневому цвету полей, его окружающих, которые принадлежат вифанским феллахам.

7) Монастырь Пр. Феодосия, друга и сподвижника преподобного Саввы Освященного, основанный около той пещеры, в которой, по преданию, ночевали волхвы, возвращаясь из Вифлеема иным путем

(т. е. не чрез Иерусалим) во страну свою. О месте сего монастыря в житии преподобного Саввы упомянуто в следующих словах: «Авва Феодосий жил к западу от лавры расстоянием стадий около 35 и там, при содействии Христа, основал весьма славную киновию».

8) Лавра или келья Хузивы, построенная, как говорит предание, на том месте, где постился Иоаким «неплодства ради». Здесь, сказано в житии преподобного Саввы, в его время сиял добродетелями святой Иоанн Хозевит, основатель этой обители, впоследствии епископ Кесарии Палестинской. Развалины этой обители находятся в потоке Куттилийском (который в верховьях своих, протекая чрез пустыню Фаран, называется Фара), не далеко от Иерихонской дороги. Испытав общую судьбу обителей пустыни Святого Града, то есть будучи разорена от варваров, лавра Пр. Хозевита в XVI столетии была временно восстановлена какими-то двумя любителями безмолвия, но вскоре опять запустела. Любопытные развалины ее, с хорошо сохранившимися фресками и надписями в усыпальнице, по своей недоступной местности редко бывают посещаемы путешественниками. Ниже лавры, в том же потоке, видны небольшие развалины, которые называются, по преданию, скитом Георгия Хозевита.

9) Лавра Преподобного Саввы, существующая поныне. Из обителей, основанных в пустыне, вблизи этой лавры самим преподобным Саввою и его учениками упоминаются:

а) Новая лавра, основанная вышедшими из Великой лавры по неудовольствию на преподобного Савву, недалеко от Фекуи, к югу при Фекуйском потоке. Место этой лавры в точности еще не исследовано, но найти его кажется нетрудно, следуя указанию Евфимиева жизнеописателя инока Кирилла, который сам жил в этой лавре по изгнании из нее иноков, зараженных учением Оригена.

б) Пещерная киновия, в потоке, расстоянием от лавры Пр. Саввы на пятнадцать стадий, недалеко от Кастеля к западу (а от киновии Иеремии в пяти стадиях на юг). Здесь в северном утесе большая пещера, которая была обращена в церковь, а при ней образовалась так называемая пещерная киновия. Место это в точности не известно.

в) Киновия Кастеллийская. Холм Кастеллийский лежит от лавры к северо-востоку, расстоянием около двадцати стадий. Место известно, видны следы церкви и мозаического ее пола.

г) Киновия Схолариева (названа так по имени первого ее настоятеля, ученика преподобного Саввы, Иоанна, из схолариев) обращена в киновию из башни или замка, построенного императрицею Евдокиею на высочайшей во всей восточной пустыне горе, от пещерной киновии на запад, от лавры Св. Евфимия в тридцати стадиях. Место инокам саввинским известно. Относительное положение трех вышеупомянутых киновий между собою и лаврою Пр. Саввы определяется в житии преподобного Саввы следующим образом: пещерная киновия лежит от великой лавры к северо-востоку; с восточной стороны ее находится Каstellийская киновия, и с западной (на расстоянии почти пяти стадий) киновия Схолариева.

д) Лавра Семиустная (Гептастом). Начало этой лавры положено по своеволию одним монахом Великой лавры – Иаковом, при озере Семиульном, из которого преподобный Савва в начале устройства своей лавры брал воду, – в расстоянии пятнадцати стадий от лавры. Когда же поставленные здесь Иаковом кельи были, по приказанию Патриарха, разрушены, то преподобный Савва построил вместо их другие в пяти стадиях расстояния от прежних к северу и назвал основанную таким образом обитель Семиустною.

е) Киновия Иеремии, в сухом потоке к северу от пещерной киновии, около пяти стадий расстоянием от нее. Следы этой обители саввинские иноки указывают при пути из лавры к Иордану.

ж) Киновия для новоначальных была на север от лавры не в дальнем от нее расстоянии, при верховьях ущелья плачевной юдоли.

з) Киновия блаженного Иоанна в пятнадцати стадиях от лавры к югу, образовалась из пустынной кельи, построенной некогда самим преподобным Саввою. Место не известно.

и) Киновия Перикапарвариха (др. Кафар-Баруха), в окрестностях Хеврона, основанная учеником преподобного Саввы Северианом, в Енгадди. Место это не известно^[80].

К этой же группе следует присоединить три обители близ Вифлеема: киновию аввы Маркиана, который был до преподобного Саввы и Феодосия общим начальником всех обителей пустыни Святого Града; монастырь Св. Сергия, называемый Кедропотам, находившийся в двух верстах от Вифлеема^[81]; а также монастырь Анастасиев, процветший в VII веке под управлением аввы Иустина. Развалины его показывают на северо-восток от Вифании на половине часа пути от нее.

Из монастырей второй группы, то есть расположенных на Иерихонской долине над Иорданом, упоминаются древними писателями следующие:

1) Лавра и монастырь Пр. Герасима. Место их указывает блаженный Иоанн Мосх, говоря, что она отстоит почти на одну милю от Иордана. Кирилл в житии преподобного Евфимия об основании этих обителей пишет: «Великий Герасим, житель и покровитель иорданской пустыни, построив там великую лавру не менее как для семидесяти отшельников, устроил на середине ее монастырь и установил, чтобы только вступившие в монастырь (новоначальные) жили в монастыре». Видимые ныне на Иерихонской долине развалины суть остатки этого монастыря Герасимова, в котором наш игумен Даниил, паломник XII века, еще застал двадцать монахов.

2) Лавра Каломон или Каломонская, по толкованию одних, значит тростниковая, а по другим доброе пристанище, потому что была построена на месте, где останавливалось Святое Семейство, во время бегства в Египет (через Иерихонское поле пролегает дорога из Галилеи в Газу). Блаженный Иоанн Мосх ясно различает эту обитель от обители Пр. Герасима даже самым определением ее места, говоря о лавре Герасима: «около Иордана», а о лавре Каломон: «близ Иордана», то есть на самом берегу священной реки. Но позднейшие писатели, начиная с Фоки, постоянно смешивают эти две обители, на том основании, что преподобный Герасим назывался так же Каломонитою. Более чем вероятно, что название это усвоено преподобному Герасиму потому, что он положил основание лавре Каломон, или просто жил в ней временно до основания своей собственной обители, подобно тому как преподобный Евфимий до основания своей лавры жил в лавре Фаранской, или наконец потому, что лавра Каломонская присоединилась к лавре Пр. Герасима после одного из опустошений пустыни Святого Града, и с тех пор обитель эта стала именоваться безразлично то одним, то другим именем. Это последнее предположение кажется нам всего вероятнее. Наш паломник игумен Даниил говорит, что лавра Каломонская находилась при самом устье Иордана, т. е. при впадении его в Мертвое море. По моему мнению, место ее указывает довольно определенно высокий холм, находящийся недалеко от устья Иордана, на самом берегу его, и, видимо, покрывающий какие-то развалины. Во всяком случае свидетельство

блаж. Иоанна Мосха, ясно различающего эти две обители (лавиру Каломонскую и лавру Пр. Герасима), не может быть оставлено без внимания.

3) Лавра Пиргов (башен), основанная учеником преподобного Саввы, блаженным Иаковом, у Иоанна Мосха называется «Иорданской обителью», след. также была на Иерихонской долине. Следы ее указывают на северо-восток от монастыря Пр. Герасима.

4) Лавра аввы Петра, по свидетельству Иоанна Мосха, была также близ Иордана.

5) Лавра Коприта, в долине Иорданской, что видно из 90-й главы «Луга духовного», где повествуется, что авва Георгий отшельник, придя с своим учеником Фалалеем во святой Град и поклонившись Святым местам, оттуда пошел на Иордан, где ученик его преставился, и старец похоронил его в лавре, именуемой Коприта.

6) Лавра Ильинская, названная так в честь святого пророка Илии, основанная аввою Антонием, также была на берегах Иордана, что видно из сказаний Иоанна Мосха, имевшего близ этой лавры свою отшельническую келью (см. Луг духовный. Гл. 133).

7) Лавра Несклерова, основанная на берегах Иордана учеником преподобного Саввы, блаженным Юлианом, по прозванию Киртом (согбенным), как о том упоминается в житии преподобного Саввы.

8) Иерихонские монастыри, основанные Патриархом Илиею (494–513), близ Иерихона.

9) Монастырь скопцов или евнухов находится близ Иордана, что видно из главы 15 «Луга духовного». Этот монастырь образовался при Патриархе Петре чрез разделение вышеупомянутых иерихонских монастырей Патриарха Илии, по случаю принятия в них евнухов из Константинополя (см. о сем в житии преподобного Саввы).

10) Киновия Марии Богородицы, так называемая Новая, которая также называлась монастырем аввы Константина, по имени ее настоятеля, а может быть и основателя. Место этой киновии ясно не указано; надобно полагать, что также была в долине Иорданской, ибо из сказаний Иоанна Мосха видно, что больных из этой киновии отсылали в иерихонскую больницу.

11) Киновия Пентуклы (Пентаклии) или киновия Плача, близ Иордана, построена, по преданию, на том месте, где сыновья Иакова на пути из Египта с мощами отца своего, перейдя Иордан, остановились и

сотворили плач велий. Киновия эта находилась на самом берегу Иордана; ибо на старца ее святого Канина (был потом игуменом этого монастыря, как видно из 15 главы Луга духовного) было возложено особое послушание крестить приходящих от иноверия к Православной Церкви; крещение же это, как известно, в древности (да и поныне) всегда совершалось в Иордане (см гл. 136. Луга духовного). Видимые ныне на берегу Иордана развалины XII века известны под именем монастыря Св. Иоанна Предтечи Господня. А как у писателей V и VI века вовсе не упоминается о монастыре Св. Иоанна Предтечи, то мы и полагаем, что лавра Пентукла, находившаяся над Иорданом, старцы которой проходили служение Предтечи, и нынешний монастырь Св. Иоанна Предтечи есть древняя одна и та же обитель, чему не противоречит и то предание, что монастырь Св. Иоанна Предтечи построен на самом месте крещения Спасителя мира. По греческим преданиям обитель эта была обновлена Мануилом Комниным в 1150-х годах.

12) Монастырь во имя святого Иоанна Златоустого, так же как Предтечев, не был известен под этим именем у писателей V и VI века; вероятно, это название вторичное, данное по обновлении развалин одной из древних обителей; развалины этого монастыря, ясно виденные еще в XII веке, ныне едва заметны и находятся на пути от Мертвого моря к Иерихону, на левой стороне от дороги, в виде груды разбросанных камней и небольшого холма. По преданию, церковь в Саввинской лавре во имя святого Иоанна Златоустого построена в память этой обители, по конечном ее запустении.

Все эти обители окружены были садами, которые орошаемы были водою из водопроводов, – следы их доселе сохранились. А ныне тяжелое впечатление производит эта сухая, поистине мертвая равнина...

Сверх вышеозначенных монастырей у писателей V и VI века упоминаются еще пещеры Иордана (см. Гл. 10 и 19 Луга духовного), которые не составляли отдельной обители, были постоянно обитаемы любителями глубочайшего безмолвия. По ту сторону Иордана было также несколько монастырей, из которых особенно замечателен монастырь на месте названном Саисас, устроенный при пещере, в которой некогда жил святой Иоанн Креститель. Место этой обители определяется в сказании об ее чудесном основании. Блаженный Иоанн

Мосх (см. Гл. 1 Луга духовного) пишет, что один старец с учеником своим, пойдя из Иерусалима на поклонение в Синай, едва перешел Иордан «и отшедши от него, яко поприще едино», заболел так, что не мог продолжать пути, почему и вошел в упомянутую пещеру. Здесь явился ему в сонном видении святой Иоанн Креститель и, возвратив старцу здоровье, обязал остаться на постоянное жительство в этой пещере, говоря, что она значительнее Синая, потому что сюда не раз приходил посещать его сам Господь наш Иисус Христос. Пещера существует поныне, и место ее известно Саввинским инокам.

Гора Сорокадневная или гора Испытания, на которой, по преданию, провел в сорокадневном посте и молитве Сам Началовождь нашего спасения и был искушаем от диавола, – эта гора вся покрыта пещерами, иссеченными в ней еще аморреями (во время войны с израильянами); она с самых первых времен пустынножительства, во время процветания пустыни Святого Града в V и VI веках и долго еще после ее упадка, по свидетельству очевидцев, представляла подобие большого улья, в котором любители безмолвия не переставали с опасностью собственной жизни вырабатывать духовный мед, упражняясь в священном трезвении и непрестанной молитве. Некоторые из них, подобно блаженному Елпидию (см. Лавсаик. Гл. 91 и 93), поселясь в пещере, не сходили с горы до самой кончины. Об этом столпе терпения писатель Лавсаика поведает, что он жил среди собравшейся к нему братии, как матка пчелиная, и населил эту святую гору как город, еще в конце IV века по Р. Х. ^[82].

Из всех известных в V и VI веке лавр и монастырей пустыни Святого Града до нашего времени уцелели лишь развалины следующих из вышепоименованных обителей: 1) лавры Фаранской, 2) лавры Суква, 3) монастыря Феоктистова, 4) лавры Евфимия, 5) монастыря аввы Мартирия, 6) лавры Пр. Саввы с некоторыми из ее монастырьков, 7) монастыря Пр. Феодосия Киновиарха, 8) лавры Пр. Иоанна Хозевита, 9) монастыря Пр. Герасима Иорданского. Число невелико, но утешительно заметить, что с именами этих уцелевших развалин бывших обителей связано воспоминание именно о тех святых мужах, которые наиболее прославили пустыню Святого Града, каковы: преподобный Харитоний, Евфимий, друг и спостник его преподобный Феоктист, ученик его Патриарх Мартирий, преподобный Савва, друг и спостник его преподобный Феодосий Киновиарх, преподобный

Иоанн Хозевит и преподобный Герасим Иорданский. Обозреть развалины этих обителей значит то же, что проследить от начала до конца всю славную летопись пустыни Святого Града в эпоху ее высшей славы (в V и VI веках), что мы и намерены сделать, при помощи Божией, начав с знаменитой лавры Фаранской.

Подвижническая жизнь отшельников и монахов пустыни Святого Града в общих чертах описана у церковного историка Евагрия (Кн. 1. Гл. 21). Слава об этой святой жизни была так велика и стремление подражать ей было так сильно, что некоторые из современных епископов, подобно святому Иоанну Молчальнику (епископ Колонийский), при первой возможности оставляли свои епископские кафедры, чтобы скрыться от мира в уединенной келье той или другой лавры пустыни Святого Града и сделаться собеседниками земных Ангелов и небесных человеков, которыми были исполнены обители этой пустыни. Но чаще случалось и наоборот, что пустынники, как мужи духа и силы, были вынуждены, повинувшись воле Божией, оставлять свое уединение для занятия не только епископских, но и патриарших кафедр. Так, игумен лавры Фаранской Григорий был возведен на престол Патриархии Антиохийской при императоре Юстиниане II. По свидетельству Иоанна Мосха, его украшали добродетели милосердия, непамятозлобия, умиления; он имел великое сострадание к грешным. Модест из архимандритов Феодосиева монастыря был сперва местоблюстителем Патриаршего престола, а потом Патриархом Святого Града. Святой Софроний из иноков того же монастыря был Патриархом Иерусалимским во время завоевания Святого Града калифом Омаром (622 г.). Василий из архимандритов монастыря Саввы Освященного был Патриархом Иерусалимским (800 г.). Из той же обители вышли Косма, епископ Маиумский, Феодор, епископ Едесский (в царствование Михаила и матери его Феодоры, около 829 г.), Феодор начертанный, митрополит Никейский. Из учеников пр. Евфимия двое: Мартирий и Илия с честью занимали престол Патриаршества Иерусалимского, о чем прозорливый авва предсказал еще при своей жизни задолго до самого события. Мартирий, родом из Каппадокии, правил Иерусалимскою Церковью восемь лет (482–490). Блаженный Илия, родом араб, был Патриархом Иерусалимским после Саллюстия, с 494 по 513 г. Император Анастасий за твердость в православии низвел его с престола. Современник

преподобного Саввы – преподобный Иоанн Хозевит сперва отшельник Фиваидский, а потом основатель лавры Хозевы, был поставлен Патриархом Илиею в епископы Кесарии Палестинской, но потом, оставив престол во время бывших смятений, снова удалился в свою любимую пустыню, где и скончался. Авва Авраам, настоятель обители Св. Марии, Новой, на Иордане, был митрополитом Ефесским. Ученик преподобного Евфимия Косма управлял 30 лет паствою Скифопольскою (см. Житие преподобного Евфимия), Инок лавры Пр. Евфимия Леонтий был епископом Трипольским. Кто желает ближе ознакомиться с честными добродетелями и подвигами старцев пустыни Святого Града, тому рекомендуем внимательное чтение «Луга духовного» в русском переводе (второе издание 1870 г.).

Поездка к развалинам Фаранской лавры преподобного Харитония

Первый обративший внимание на отыскание следов Фаранской лавры, согласно указаниям древних писателей, был известный автор «Писем с востока» 1849–1850 годов. Но труды его не увенчались успехом, хотя, судя по его описанию, он был неподалеку от ее местонахождения и на том самом потоке Фара, которому мы обязаны сохранением до нашего времени памяти о знаменитой обители. Рассказ о неудавшемся поиске автор «Писем с востока» оканчивает добрым желанием: «пусть, – говорит он, – другие изыскатели лучше меня определяют местность сей знаменитой обители»^[83]. Это было и моим давним желанием, которое я твердо решился привести в исполнение при первом свободном времени. Прежде всего я начал с проверки предположений о местности древней обители. В житии преподобного Евфимия ясно сказано, что он, поклонившись святым местам в Иерусалиме, пришел оттуда в лавру Фаран, «на шесть миль от города Иерусалима отстоящую». В другом месте того же жития читаем: «лежит к востоку одно селение, отстоящее от лавры Фаран на десять стадий и называющееся так же Фараном. Думаю, прибавляет к сему Кирилл, писатель жития, что не оно получило наименование от лавры, но само дало ей». В Духовном Луге Иоанн Мосх повествует, что в его время в лавре Фаранской жил некто авва Авксанан, которого, когда он заболел смертельно, перенесли в Иерусалим в патриаршую больницу. Когда же он скончался, то его перенесли в ту же Фаранскую лавру и там похоронили (гл. 41). В 44-й главе той же книги поведается о затворнике, жившем на Елеонской горе, который, находясь в недоумении от случившегося с ним искушения, объявил о сем «на следующий день» авве Феодору, жившему в лавре Фаран. Эти сказания вполне убедили меня в истине того предположения, что следов лавры Фаранской надобно искать в бывшей пустыне Святого Града и притом вблизи от Иерусалима, а определение этого расстояния в шесть миль (около девяти наших верст) заставляло обратить преимущественное внимание на верховья потока Цади-Фара, протекающего в диком ущелье, в

нижней части которого находятся развалины другой древней обители: лавры преподобного Иоанна Хозевита.

Остановившись на этом предположении, я однажды в небольшой компании выехал из Иерусалима поутру в половине шестого часа, взяв с собою провизии на сутки, ибо намеревались провести в Цади-Фара целый день. Все мы ехали на лошаках, быв предупреждены о том, что на лошаках легче будет достигнуть искомого места. Проехав вдоль всей северной стены Иерусалима, против северо-восточного угла его мы повернули налево на дорогу, проходящую вдоль восточного склона Везефы, мимо растущих по скату садов. Спустившись вниз, переехали долину Кедронскую в том месте, где она почти под прямым углом поворачивает с востока на север; в этом углу она привольно расширилась во все стороны и представляет ровное поле, покрытое развесистыми масличными деревьями. На скатах, окаймляющих ее с севера, белеется несколько загородных домов с садами. Дорога, ведущая сюда от Гефсиманских ворот по правому берегу Кедронского потока, как я заметил, составляет любимое место прогулки мусульманской аристократии Иерусалима, может быть потому, что на этой прогулке легче уединиться от франков (европейцев), гуляющих обычно за Яффскими воротами, по дороге к нижнему водоему и Крестному монастырю.

По переезде чрез Кедронскую долину дорога наша, направляясь на северо-восток, пошла в гору, пока мы не поднялись на возвышенную плоскость, называемую Скопус. Здесь мы остановились на несколько минут, чтобы полюбоваться видом Иерусалима. Это лучший пункт для обозрения Святого Града, после того места Елеонской горы, где плакал о нем Господь; но оттуда Святой Град представляется как с птичьего полета, и все здания сдвинуты вместе как город, тесно населенный; а с этой высоты он виден во всю длину своего протяжения и каждое значительное здание обрисовывается в отдельности. Наши же русские постройки, сливаясь в одно целое с городом, увеличивают достоинство картины; на переднем плане ее выступает масличная роща, покрывающая Везефу, а из среды ее выглядывают местами белые стены домов и верхи сторожевых башен.

Подвигаясь все в том же направлении, мы через три четверти часа проехали мимо деревни Исавие, расположенной в стороне от дороги у подошвы гор в лощине, покрытой веселою зеленью фиговых и

гранатовых деревьев. Отсюда, после небольшого спуска, дорога вилась между полями по равнине, приметно возвышавшейся, пока мы достигли деревни Анаты (древнего Анафофа), родины пророка Иеремии, книга которого начинается так: «Слово Божие еже бысть ко Иеремии, иже обиташе во Анафофе, в земле Вениаминов». И нынешняя Аната находится именно там, где был удел Вениаминов. Деревня эта расположена весьма красиво на возвышенном холме, занимая его вершину, тогда как скаты покрыты садами. Все постройки, между которыми отличается своею величиною дом шейха, сбиты в одну кучу и потому представляют вид крепости. Предосторожность, впрочем, не лишняя, потому что эта деревня на самой окраине пустыни Святого Града, которая уже несколько веков, вместо мирных отшельников, служит приютом вольным, как ветер, бедуинам, всегда готовым воспользоваться оплошностью феллахов (оседлых жителей), по их мнению жалких рабов, достойных лишь одного презрения.

У самого въезда в деревню стоит развесистый теревинф, а под сенью его необходимая принадлежность всякой горной деревни – систерна, иссеченная в камнях. Въехав в деревню, при повороте из первой улицы мы увидели на деревенской площади кучу феллахов, важно сидевших под тенью своих домов с трубками в руках, и среди их какого-то турка в халате темно-коричневого сукна, с белою чалмою на голове и с письменным прибором за поясом. Оказалось, что это был шейх. Мы обратились к нему с просьбой дать нам вооруженного провожатого для посещения верховья Цади-Фара; чрез несколько минут по выезде из деревни, вместо одного, нас окружили четыре или пять человек и, не обращая внимания на наше приглашение возвратиться назад, они продолжали сопровождать нас, говоря, что у них уже такой обычай и проч. Впрочем, последствия показали, что эти люди были вовсе не лишние.

По выезде из Анаты (которой мы достигли через полтора часа езды из Иерусалима) открылась пред нами возвышенная равнина; справа виднелись вертепы скал и через них взор достигал котловины Мертвого моря. Дорога наша, уклоняясь к востоку, шла около трех четвертей часа среди прекрасно обработанных полей, принадлежавших феллахам Анаты; влево, вдали, на скате противулежащих гор виднелась небольшая деревня Гизма. А через час езды по весьма удобной дороге начался постепенный спуск по окраине небольшой лоцины

(Уади) к потоку Фара. Через четверть часа езды надобно было сойти с лошаков, потому что тропа совершенно терялась между плитами дикого цвета, которыми как бы искусственно была устлана вся поверхность спуска; из расщелин местами пробивался зеленый мох, и между ними-то извивалась едва заметная стезя. Спустившись пешком на дно ущелья, мы увидели поток Фаранский, тихо струившийся между огромными камнями, в рамке разнообразной зелени травы, тростника и благоухающих кустарников дикой мяты (лигурии); местами виднелись и дикорастущие фиговые деревья. В том месте, где мы спустились к потоку, он, вытекая из ущелья с западной стороны, почти под прямым углом поворачивает на северо-восток и, следуя этому направлению до слияния с Уади-Тувар, склоняется к востоку. Оставив здесь лошаков и служителей с приказанием следовать с одним из провожатых к верховью потока и, расположившись там, ожидать нас, мы в сопровождении каваса и двух анатотцев, пошли вдоль потока по правому его берегу, вниз по течению, желая осмотреть развалины, которые по моему соображению должны принадлежать селению Фаре или Фаран, давшему свое название знаменитой лавре. Довольно удобная стежка вилась по гладким береговым камням, стеснявшим течение потока, который, местами расширяясь, образовал довольно глубокие водоемы или, встречая непреодолимые препятствия, робко пробирался между каменными расщелинами, а иногда на некоторое время и вовсе терялся под землю. Выше нашей стези на скате береговой осыпи виднелись следы древних водопроводов и водохранилищ, местами обнажались устья прокладенных в земле каменных труб. Пройдя с четверть часа, мы перешли на противоположную сторону потока, в том месте, где впадало в него устье небольшого сухого потока. На мысу, образуемом этим соединением двух потоков, находится довольно пространный круглый холм, на котором видны развалины значительного посела и между грудями камней основание древней стены, сложенной из больших тесаных камней. Судя по расстоянию этих развалин от найденных нами позже следов лавры Фаранской, место это можно утвердительно признать за развалины селения Фаре или Фаран, давшего, по замечанию писателя жития Евфимиева, свое имя лавре и находившегося от нее в расстоянии десять стадий (менее версты). Осмотрев эти развалины, утомленные ездой и усиленным жаром

(было уже более 9 часов), мы поспешили вернуться в свой стан, к верховью потока. На дороге встретил нас греческий иеродиакон Парфений, приехавший по условию разделить с нами удовольствие прогулки. Едва мы вступили в боковое ущелье, в котором скрывается верховье потока, как я был поражен суровым величием высящихся по обеим сторонам его скал, в которых повсюду виднелись устья недосыгаемых пещер, то природных, то очевидно искусственно иссеченных в скалах, с правильными отверстиями, служившими вместо дверей и окон. Чем далее подвигались мы в глубь ущелья, тем скалы становились выше и число пещер увеличивалось. Внизу у потока тоже встречались на каждом шагу признаки человеческой деятельности. Так, сперва пересекла нам дорогу арка водопровода, перекинута с одного берега на другой, в виде моста, между двумя массивными камнями, правильно обделанными; недоставало лишь креста над аркой, чтобы вполне напомнить подобные же ворота, заграждавшие и открывавшие путь в ущелье перед монастырем Пр. Антония Великого (в Египте), изображение которых хорошо сохранилось в моей памяти, и потому, увидав эту арку, я не мог скрыть радостного чувства при мысли, что мы вступаем этою аркою в священную область Фаранской лавры. Через несколько сажень наше внимание привлекли следы древней мельницы, цилиндрически иссеченной в береговой скале. Обойдя ее, мы достигли наконец, не без труда, своего стана, расположившегося на площадке, составляющей дно древнего водохранилища, под сенью развесистого фигового дерева, листья которого на наше счастье уцелели от прожорства прилетавшей месяц назад саранчи, обнажившей все деревья от украшавших их листьев. Жалко было смотреть на многочисленные плоды, обременявшие голые сучья, и обреченные без листьев на раннюю гибель. Это образ добродетелей человеческих, не осененных покровом смирения, которые потому и не достигают зрелости. В том самом месте, на котором мы расположились для отдыха, с правой (южной) стороны потока на полого спускавшейся к его берегу земляной осыпи, покрытой грудой камней, высились отвесно обсеченные скалы в несколько десятков сажень вышины, темно-желтоватого цвета, и в них ясно обозначались семь правильно иссеченных (в один ряд) отверстий, очевидно служивших окнами и дверью большой пещеры. Недалеко от этой пещеры, вниз по течению потока на той же стороне, зияло устье другой большой пещеры, а над

нею в скале видно было несколько окон – признаки внутренних пещер. Противоположная (северная) сторона потока представляла почти такой же вид: отвесно обсеченные и как бы выровненные и выполированные с лицевой стороны скалы были изрыты пещерами там и сям, на разной высоте, иссеченными в камнях; у некоторых пещер еще заметны были следы искусственных передовых стенок, напоминавших лучше других сохранившуюся пещеру в Плачевной юдоли, преподобного Иоанна Молчальника. Словом, все вокруг нас ясно говорило не только сердцу, но и глазам, что Бог благословил полным успехом наше желание и мы находимся на самом месте знаменитой лавры Фаранской великого Харитония, основанной для всех палестинских обитателей. Спросивши одного из провожатых, что означают виденные нами высоко в скале семь отверстий, я получил в ответ, что там «большая пещера». Более мне ничего не было нужно; я не сомневался, что это та самая пещера, в которой в память своего чудесного избавления от смерти преподобного Харитон устроил церковь, послужившую началом сей лавры. Однакож усталость не позволила нам тотчас отправиться для осмотра пещеры. Полюбовавшись ею издали, мы подкрепили себя горячим чаем; наш повар Ханна отрядил часть провожатых для ловли в потоке раков, а одного из них послал в Анату за свежими яйцами и маслом для приготовления пустынного обеда; а мы между тем, отдохнувши, собравшись с свежими силами, в сопровождении каваса и одного из провожатых направились к давно уже манившей нас пещере. Не без труда взобрались мы к подножию отвесных скал по земляной осыпи, тянувшейся вверх от самого берега потока. Осыпь эта образовалась из развалин, пристроенных некогда на скале монастырских зданий, чему ясным доказательством служат как самые камни, по ней разбросанные, так и куски найденной нами мозаики, не только простой, но и цветной, вероятно украшавшей церковный помост. Поднявшись наконец на самый верх осыпи, мы очутились на небольшой площадке: над нашими головами висел выдавшийся из скалы каменный навес; в восточном углу было проделано круглое цилиндрическое отверстие, в котором виднелось несколько скользких ступеней или уступов для подъема наверх. Для достижения этого отверстия было приложено к подошве скалы несколько больших камней; наш провожатый араб вскочил с них в отверстие с ловкостью и быстротою газели, но нам нельзя было попасть туда иначе, как доверяясь его ловкости и силе мускулов,

потому что, и ставши на упомянутые камни, головы наши не достигали начала отверстия. Предприятие было очевидно не совсем безопасно, но быть так близко к цели и отказаться от ее достижения не хотелось. Кстати к нам подоспел еще один из провожатых. Скинув для облегчения себя обувь, мы с одним спутником решились, призвав на помощь преподобного Харитона, во что бы то ни стало подняться в его пещеру. Цель эта была достигнута нами поодиночке следующим способом: взобравшись на каменные приступки и доверив обе руки арабу, утвердившемуся кое-как в цилиндрическом отверстии на его скользких зарубках, мы поднялись с приступок на плечи стоявшего внизу близ них другого араба, а оттуда спешили утвердиться коленами на первом уступе отверстия. В это самое время сидевший в нем араб, не выпуская наших рук, сам ловко поднимался к вершине отверстия и, утвердившись там, втаскивал нас за собою на верхнюю площадку, давая нам время опираться на уступы отверстия. Этим способом сперва взобрался наверх мой спутник и, осмотрев пещеру, стал было передавать мне сверху о ее внутреннем расположении, но вместо того, чтобы отвратить меня этим рассказом от небезопасного подъема, только усилил мое любопытство, и чрез несколько минут я благополучно поднялся наверх.

По выходе из отверстия я очутился на площадке в полсажени ширины и несколько сажен длины. По внутренней окраине этой площадки у подошвы скалы шла каменная лестница о шести или семи ступенях, которая привела к двери, иссеченной в скале. Эта дверь ввела меня в пещеру, правильно обделанную в виде комнаты в пять с половиною шагов длины и четыре ширины, вышиною в обыкновенный человеческий рост, на стенах которой заметны следы штукатурки. Рядом с этою комнатою с левой (восточной) стороны расположены еще два отделения (комнаты), а с правой (западной) одно. Все эти четыре отделения пещеры сообщаются между собою посредством дверей, правильно иссеченных в разделяющих их стенках. Второе отделение пещеры (на левой стороне от входа) длиною в шесть, шириною, так же как и первое, в четыре шага. В юго-восточном углу этого отделения сделана ниша вроде жертвенника треугольной формы; основание треугольника примыкает к задней (южной) стене отделения; вершина касается стены, разделяющей два смежных отделения; а бока обращены в оба отделения пещеры, так что поверхность этого треугольного

возвышения могла служить одною половиною своею престолом, а другою жертвенником бывшего здесь, по всей вероятности, придельного храма. Это второе отделение пещеры освещается одним окном на север (к потоку); другая дверь его ведет в третье отделение пещеры (крайнее на восток) длиною в восемь, шириною в пять шагов, два окна на север; бывшая между ними перемычка выломана. Крайнее западное отделение – самое большое из четырех отделений пещеры, в длину двенадцать, а в ширину десять шагов, в высоту более несколько человеческого роста, освещается тремя окнами, также обращенными на поток. В восточной стене две ниши, из коих одна указывает на бывшее горнее место, а другая с правой стороны служила или жертвенником, или для разведения огня; видны следы и штукатурки, а на западной стене в углу начертано изображение креста, вероятно, кем-либо из позднейших случайных посетителей. Стены и потолки всех четырех пещерных отделений закопчены дымом, вероятно от укрывающихся здесь по временам пастухов. Из всех отделений пещеры последнее, по своей обширности и другим признакам (две ниши на восточной стене), всего вероятнее могло служить церковью; в крайнем восточном отделении могла храниться ризница, а два средние если не составляли придельной церкви, то, будучи украшены фресками, служили для стояния лаврской братии во время церковных собраний. Наше предположение о том, что западное отделение этой пещеры служило церковью, подтверждается еще и тем, что у северной стены оно в полу проделан спуск в усыпальницу, находящуюся как раз под этим отделением. Пропев в бывшей церкви тропарь преподобному Харитону, мы захотели проникнуть в его усыпальницу, В усыпальнице видны несколько человеческих костей; над входом в нее растет куст благоуханной травы, почти совершенно покрывая и как бы оберегая собою вход. Это небольшая овального вида пещера, в сажень ширины и в полторы сажени глубины, обмазана глиной, очевидно, в позднейшее время; боковые ниши, служившие входом в отдельные погребальные пещеры, закладены. Здесь-то, по всей вероятности, покоится преподобный Харитоний среди сонма духовных чад своих. Ибо, как видно из жития его, достигнув глубокой старости в пещере близ лавры Сукка, основанной им неподалеку от развалин Фекуи, и чувствуя приближение своей кончины, на вопрос братии, где он завещает погребсти себя по преставлении, смиренномудрый старец отвечал им:

«дадите персть персти, где хотите, Господня бо земля и исполнение ея». Они же отвечали: «нет, отче, ты устроил три обители (лавру Фаранскую, Иерихонскую и Суккийскую) и собрал в них три стада; каждое желало бы иметь у себя твои мощи, а потому, чтобы не вышло между нами чрез это распри, ныне завещай, где положить твои мощи». Он же, исполняя их желание, завещал погребсти себя в первом своем монастыре, в той пещере, где он был взят разбойниками и чудесно избавился от них благодатью Божьею, а следственно в пещерной церкви Фаранской лавры. С благоговением облобызали мы вход в эту усыпальницу, послужившую местом упокоения стольким святым мужам и промыслительно ограждаемую чрез столько веков самую недоступностью места. Сорвав на память себе от куста благоухающей травы, мы еще раз пропели тропарь преподобному Харитонию: «слез твоих теченьми пустыни неплодное возделал еси», и не без труда спустились обратно тем же способом на нижнюю площадку. Здесь мы осмотрели находящуюся на этой площадке систерну (для стока в нее дождевой воды с вершины скал искусно иссечена вдоль всего утеса небольшая ложбина, приметная лишь вблизи), а отсюда пошли вправо для осмотра другой большой пещеры, находившейся в отношении первой в нижнем ярусе береговой скалы. На пути к ней нам пришлось проходить под сенью большого навеса, образовавшегося выдавшимся из скал слоем гладких камней. Верхняя площадка этого природного навеса, очевидно, служила прежде выпрерней стезею для отшельников бывшей лавры. Пещера, которой мы достигли, имела десять шагов ширины и двадцать длины, вышиною в два человеческих роста; стены не обделаны, а задняя (южная) стена состоит из громоздящихся один на другом каменье и глыб, в расщелинах которых видны полуобрушившиеся ходы в верхний ярус пещер, существование которых снаружи обличает несколько малых оконцев, обращенных на поток. В противоположность верхней пещере, воздух которой легок и приятен, нижняя вся пропитана удушливыми миазмами и закопчена дымом, ибо служит приютом от летнего зноя и зимнего холода пасущимся здесь стадам. Вероятно, и во время существования лавры она служила для подобных же назначений, о чем можно заключить по ее огромности и стенам, оставшимся в своем природном виде. На северной стороне потока, в скалах немало также пещер, из которых одна привлекает особое внимание, напоминая своим внешним видом и

положением пещеру преподобного Иоанна Молчальника в Плачевной юдоли. К ней ведет снизу крутая стезя сперва по земляной осыпи, а потом по иссеченным в живой скале ступеням. Но до самого устья пещеры достигнуть без помощи лестницы нельзя, посему мы и отложили это до одного из будущих посещений.

Возвратясь в стан, в виду посещенной нами пещерной церкви, я прочел из «Духовного Луга» те места, в которых блаж. Иоанн Мосх воспоминает о современных ему старцах-подвижниках Фаранской лавры. По его свидетельству, игумен лавры Григорий, украшавшийся всеми иноческими добродетелями, в 569 г. был возведен, по воле императора Юстиниана II, на престол Патриаршества Антиохийского (Гл. 138). Той же лавры старца авву Косму евнуха он изображает истинным монахом, православным, ревностным и весьма сведущим в Божественном Писании (Гл. 39); авву Павла – мужем святым, прилежным в служении Богу, послушливым, постником, довольствовавшимся одною церковною просфорю и стяжавшим такое умиление, что ежедневно проливал слезы, ни с кем не беседуя. Он вел такую жизнь 50 лет. Авву Авксанона называет мужем милосердым, безмолвным и постником, который вел такую строгую жизнь, что в четыре дня съедал лишь одну небольшую просфору, а иногда довольствовался ею и целую неделю. Упоминает также об авве Феодоре и авве Феофане как о мужах высокой духовной жизни, к которым ходили для исповедования своих помыслов и для духовных советов из других монастырей.

После духовной пищи настало время подкрепиться пищею вещественной: наш пустынный обед состоял из ракового супа, привезенных с собою пирогов (с русской гречневой кашей), яичницы и свежего козьего молока. После нас обедали кроме служителей погонщики лошаков и наши провожатые анатотцы; всем достало и все остались весьма довольны нашим угощением. Пред отъездом (часу в пятом пополудни), когда начал спадать жар, походивши еще в окрестностях бывшей лавры и вверх по потоку, который начинается не более как в тридцати шагах вверх от святой пещеры, мы выкупались в одном из его водоемов, напились чаю и отправились в обратный путь. До вершины горы мы шли пешком. Это отняло времени более четверти часа, но несмотря на это в 8 часов вечера уже были дома, благодаря Бога, что Он исполнил во благих желание сердца нашего отыскать

следы первой палестинской обители. Вскоре после того случилось мне видеться с Саввинским старцем о. Иоасафом. Сей муж с радостью выслушал мой рассказ, как утвердивший его собственное предположение о местонахождении Фаранской лавры, которой он до сих пор не имел случая посетить, и убедительно просил меня продолжать дальнейшие разыскания о местах других древних обителей пустыни Святого Града, обещая свое содействие. – Надеемся, что настоящее исследование и описание местоположения Фаранской лавры прибавит для любознательных посетителей Святого Града еще одну приятную поездку к тем обычным, которые предпринимаются ими в исторических окрестностях Иерусалима, представляющих еще обширное поле для исследований. На лошаках три, а на лошадях два часа езды, ровная и удобная (до самого спуска к потоку) дорога, безопасность, вполне ограждаемая двумя или тремя вооруженными провожатыми из д. Анаты, взятыми за умеренный бакшиш, запас с собою для обеда или возможность проездом чрез эту деревню достать материалы для скромной трапезы, и на самом месте, кроме удовольствия видеть следы древней обители, свежий воздух, древесная тень и поток с бассейнами для купанья – все это обещает сделать эту поездку для каждого, кто ее предпримет, одним из самых приятных воспоминаний о Святой Земле.

Лавра Преподобного Саввы Освященного

Из всех монастырей, которыми внезапно процвела яко крин пустыня Святого Града в V и VI веках христианства, до наших дней особым устроением Промысла Божия уцелела лишь одна лавра Саввы Освященного и до сих пор тихо и одиноко красуется она в пустыне на удивление всему свету, как памятник древнего пустынножительства и вместе как развесистая пальма в обширном оазисе, под тенью которой доселе находят надежное убежище опаленные зноем страстей и обремененные житейскими скорбями и напастями.

Лавра Саввы Освященного находится всего в трех часах пути от Иерусалима. Наши богомольцы посещают ее несколько раз во время пребывания в Святом Граде, первоначально, по особому приглашению из лавры, целым караваном. Туда привлекает всех православных поклонников не одна особенность местоположения этой обители, в аскетическом отношении не имеющего себе ничего подобного в целом свете, но и личные достоинства ее нынешнего настоятеля – аввы Иоасафа, достойного по всему преемника преподобного Саввы, Иоанна Дамаскина и других древних отцов ее. Отец Иоасаф – общий духовник всех греческих владык и вообще Греческой Патриархии. Наши соплеменники болгары считают за обязанность побывать у него на духу и глубоко ценят его духовные наставления, проникнутые опытностью в духовной жизни и растворенные любовью и смирением.

Дорога в лавру Пр. Саввы одна из удобнейших в окрестностях Иерусалима; выезжая в Вифлеемские ворота, вы огибаете Сионскую гору, спускаетесь в лощину, лежащую между этою горою и гробовыми пещерами села Скудельнича, любуетесь открывающимся у кладезя Иоавля видом Царской долины, зеленью разведенных на ней огородов и садов, составляющих такую разительную противоположность с сумрачным видом горы Соблазна и прильнувшей к ней деревни Силоамской, и начиная от Силоамского источника едете по правую сторону иссохшего ложа Кедронского потока. Дорога на четверть часа езды идет между масличных и смоковничных садов, но наконец растительность исчезает, горы сдвигаясь принимают более грозный и дикий характер. Выбравшись на возвышенность левого берега Кедронского потока и полюбовавшись на Святой Град, видный сквозь

ущелья и похожий отсюда более на крепость, едем далее. Дорога скоро опять спускается в долину Кедрона и уже не расстается с ним до самой Плачевной юдоли. На половине пути под скалою глубокая систерна, но вода ее годна лишь для лошадей и лошаков и то если есть чем достать ее; наконец ближе к монастырю, если это зимою, увидите табор бедуинов племени Мар-Саба, т. е. монастыря Св. Саввы; полунагие ребяташки окружают вас с криком: «хаджи-ля! хаджи-ля!»! в ожидании, что вы бросите им какую-либо монетку. В этом месте соединяются три долины (уади): одна пошла к Мертвому морю, другая к монастырю, а третья к Иерусалиму; отсюда же можно, поднявшись на гору, пройти прямо к развалинам монастыря Пр. Феодосия киновиарха, которые находятся между Вифлеемом и обителью Пр. Саввы.

Место это называется Монашеским базаром; ибо здесь в цветущие времена лавры собирались раз в неделю отшельники для продажи своих рукоделий или, точнее сказать, для обмена их на необходимые потребности своей умеренной жизни. Отсюда же начинается то грозное и суровое по виду ущелье, которое называется Плачевною юдолюю; с обеих сторон потока встают отвесные скалы, темно-желтые ребра которых изрыты пещерами, зияющими своими полуразрушенными входами, точно звериные логовища. Дорога к монастырю, подымаясь в гору, лепится по самому карнизу правого берега потока; она ограждена со стороны пропасти каменною стенкою и разделана так широко в сторону горы, что можно ехать совершенно безопасно; устроена же на сумму, пожертвованную на сей предмет одним из иноков лавры, и надобно признаться, что трудно было бы найти полезнейшее употребление своих средств в этой местности, и теперь каждый посещающий пустынную обитель благословляет благодетеля обители как своего личного благодетеля. Медленно подвигаетесь вы вперед, любуясь видом глубокого ущелья и смотря на пещеры, вспоминаете, что эти ныне опустевшие ульи были некогда населены пустынными пчелами. Но вот и последний поворот дороги, из-за которого показался и монастырь с двумя высокими башнями, построенный на самой покатости ущелья, имеющего здесь глубины около шестидесяти сажень. Сомневаюсь, чтобы на всей земной поверхности существовало какое-нибудь человеческое жилище в месте более диком и ужасном, нежели то, где воздвигнута эта уединенная обитель. Проехав мимо башни, построенной еще при Юстиниане, мы

по шоссированной дороге спустились к монастырскому конному двору и сошли у низменной его калитки с лошадей; между тем по данному с башни сигналу начался в монастыре звон, приятно поразивший наш слух в этой отдаленной пустыне, и мы пошли пешком к другой калитке, столь же низкой, все из предосторожности от внезапного нападения кочевых арабов-бедуинов. Едва отворилась эта дверь, нас встретил старец, одетый в рясу толстого синего сукна, с открытым и загорелым лицом; мы думали, что это вратарь, но проводник шепнул мне: это сам настоятель о. архимандрит Иоасаф. Он приветствовал нас русским «Добро пожаловать!», и повел в церковь. После поклонения местным иконам при пении «Достойно есть» и ектении о здравии пришельцев идут в стоящую тут же, против западных врат церкви, на середине дворика часовню, где поклоняются гробнице преподобного Саввы, мощи коего, как сказывают, увезены крестоносцами в Венецию. Отсюда приглашают поклонников в архондарик (гостиную комнату), где следует обычное угощение, состоящее из рюмки раки (виноградной водки), смокв и чашки кофе, а после краткого отдыха приглашают поклонников в братскую трапезу, где предлагают им пустынное угощение: похлебку из чечевицы или боба, лук, маслины, стакан виноградного вина и душистый мед.

Пользуясь временем отдыха, прежде обозрения монастыря расскажем вкратце жизнь его святого основателя. Преподобный Савва был родом из Каппадокии; он происходил от знаменитых родителей. На восьмом году своей жизни он ушел в монастырь и там упражнялся во всех спасительных и благопотребных обучении. Уже в эти лета первой молодости он прославился благочестием и видимым покровительством ему Божественной благодати. На восемнадцатом году своей жизни он прибыл в Иерусалим и, привлекаемый славою преподобного Евфимия, хотел вступить в его лавру, но по молодости его лет преподобный Евфимий отослал его в монастырь своего ученика Феоктиста; это было в половине V века. Двенадцать лет провел он под руководством преподобного Феоктиста и служил примером для других. Позже преподобный Евфимий позволил ему проводить пустынное житие в пещере недалеко от монастыря; в течение пяти дней он не выходил никуда из пещеры, проводил время в посте и молитве и плел в день по пяти пальмовых кошниц, а в субботу рано приходил в монастырь с кошами и там с братиею присутствовал при церковной службе и

подкреплялся горячею пищею, а в воскресенье вечером снова возвращался в свою пещеру, и таким образом провел пять лет. Видимое постоянство и успех в пустынножизни и монашеской жизни привлекли к нему великую любовь всех славных благочестием пустынников, а в особенности великого аввы Евфимия, который в это время брал его с собою в пустыню для препровождения в ней сорокадневного поста. Таким-то способом и так долго, состоя под руководством известных отцов и наставников, возрастал он в добродетели, возвышая свой дух от земного к небесному; это был, как называл его преподобный Евфимий, «молодой старец», ибо действительно украшала его седина духовной мудрости. По смерти великого Евфимия он пробыл в безмолвии четыре года около Иордана, а потом пришел в эту самую пустыню и недалеко от Плачевной юдоли на каменной горе, где была башня императрицы Евдокии, проводил целую ночь на молитве, и в это время беседующий с Богом пустынный имел видение светлого Ангела, который показал ему юдоль плачевную и пещеру на восточной стороне ее и в ней приказал ему поселиться. С рассветом дня Савва вступил в каменное ущелье и с большим трудом достиг до указанной ему пещеры, потому что доступ к ней по причине крутой скалы был труден. Сначала он кормился здесь одними зелиями, которые росли по скалам в окрестностях пещеры, но потом четыре сарацина (араба), которые открыли его жилище, стали приносить ему хлеб, сыр и смоквы. Так прожил он пять лет совершенно один в святом богомыслии. Между тем слава его жизни и чудес, которыми Бог благоволил прославить верного раба своего, привлекла к нему много благочестивых людей, которые желали единственно того, чтобы посвятить себя Богу под его руководством. Савва всех охотно принимал, назначая прибывающему пещеру, и вскоре собралось около него до семидесяти учеников, между которыми много было мужей, просиявших потом благочестием и основавших разные обители. Братия постоянно умножались и число их возросло до ста пятидесяти человек; тогда на противоположном берегу юдоли построили несколько хижин, разбросанных на скале, и небольшую церковь на сухом потоке, и все это названо лаврою. Молва о стольких пустынниках под начальством святого наставника быстро разошлась в самые дальние страны; отовсюду приходили сюда для молитвы и совета духовного и делали щедрые пожертвования, на которые позднее воздвигнута была церковь и другие здания лавры. Патриарх Иерусалимский Саллюстий освятил

жилище пустынников и возвел преподобного Савву в сан священства. В то же время по смерти родителей преподобного Саввы ему досталось богатое наследство, которое он употребил на милостыню убогим и украшение лавры. Господь Бог для испытания слуги своего и чтобы распространить в других странах иноческие обители, которые бы светили людям светом веры и добрых дел, попустил преподобному Савве разные искушения, по причине которых он должен был временно оставить свою лавру, ища убежища в других местах. Таким образом основались славные некогда монастыри недалеко от Скифополя и Никополя. Сверх того вблизи своей лавры он основал еще монастырьки: Кастель, Схоларию, Тептастом, новую лавру и многие другие с больницами и странноприимницами для поклонников. Но между всеми этими монастырями преимущественно блистала лавра юдоли Плача, называемая «Великою лаврою», и одна только имела честь носить имя своего святого основателя. В защищении православия против евтихиан он был деятельным участником. Вся империя восточная отдавала ему дань глубочайшего почтения и удивления. Эти высокие стены и башни его лавры, которые доселе удивляют поклонников, построены иждивением императора Юстиниана, охотно повергавшего весь свой блеск у ног святого старца. Когда преподобный Савва по просьбе Иерусалимского Патриарха, посетил Константинополь для ходатайства за утесняемых, император Юстиниан встал с своего престола и вышел навстречу пустыннонику. Удовлетворив его просьбу, он сверх того дал ему позволение устроить в Иерусалиме больницу для поклонников Святого Гроба и обнести лавру стеною, которая могла бы служить ей защитой от нападения варваров.

После этого путешествия еще довольно пожил святой старец, но наконец заболел смертельно, и когда Иерусалимский Патриарх Петр навещал больного, он застал старца, гласу которого все покорялось, в темной пещере, на бедном твердом ложе и лишенного всяких удобств; пред ним лежало лишь несколько стручков и немного полуизгнивших смокв. Но как велика была сила духа при таком убожестве! Преподобный умер 94 лет; это был муж дивной доброты и простоты, исполненный даров Божией благодати и известный даром чудотворений, а его любовь ко всем была чиста и искренна.

Тотчас по входе внутрь лавры вы увидите небольшой выложенный каменными плитами двор, а среди этого двора стоит каменная

восьмигранная часовня с куполом, – это гроб преподобного Саввы. Но мощи его, как мы сказали, увезены крестonosцами в Венецию. Это святотатство поражает невольно: тот, который был так привязан отеческою любовью к своей лавре, что почти умирая уже приказал перенести себя из Иерусалима в пустыню из опасения, чтобы не быть погребенным в каком-нибудь другом месте, по смерти был святотатственно выкраден из своего родного гнезда. В часовне нет никаких особых украшений; над гробницею икона, изображающая погребение преподобного, совершаемое Патриархом Петром со всем иерусалимским клиром и сонмом пустынножителей. На стенах изображены замечательнейшие из отцов пустыни Святого Града, современных преподобному Савве: Евфимий великий и преподобный Феоктист, Феодосий киновиарх, духовный друг Саввы, преподобный Герасим Иорданский, и позднейшие отцы лавры: Иоанн Дамаскин, Иоанн Молчальник, преподобный Аркадий и Иоанн и отец их по плоти преподобный Ксенофонт. Окрест часовни обширное подземелье, служащее усыпальницею обитателям лавры древним и новым; сход в него через люк или отверстие, заложенное камнем с железным кольцом и замурованное известью. Отверстие это отмуровывается лишь тогда, когда понадобится спустить туда усопшего. Он кладется на один из каменных одров, находящихся в усыпальнице, и остается на этом месте до тех пор, пока потребуются открыть вход для нового покойника; тогда, если тело прежнего уже истлело, кости омывают по чину и складывают в особый закром, находящийся в углу той же усыпальницы, а череп помещается на полке в ряду других. Прекрасна мысль помещения детей вокруг могилы их общего отца и молитвенника за них у престола Отца небесного!

Со всех сторон этого двора тянутся здания. Прямо напротив часовни высится довольно большой соборный храм с куполом (построенный при императоре Юстиниане и реставрированный при Иоанне Кантакузене). Внутри все просто и скромно, но размерами своими храм громко напоминает венценосного строителя. Иконостас резной с позолотою в приличных местах, походит на иконостас Вифлеемского собора, из которого, как говорит предание, он и был перенесен сюда на время, когда завладели Вифлеемским храмом совершенно латинцы, после чего и остался здесь навсегда; на карнизе верхнего яруса весьма искусно сделаны драконы, держащие в пастьях

круглые клеймы с иконами. Местные иконы русского иконного письма, принесены из Москвы постриженником Саввинской лавры русским иноком отцом Продромом (предтеча). Стены все расписаны, но слишком пестро и ярко; на правой стороне от входа в церковь есть ход в небольшую монастырскую церковную библиотеку, в которой хранятся избранные из главной монастырской библиотеки (в Юстиниановой башне) рукописи и книги; между первыми показывают несколько писанных рукою свят Иоанна Дамаскина; не ручаемся за справедливость этого сказания, но уже одно имя великого отца Церкви исполняет благоговением, напоминая о незабвенных трудах его. Алтарь своим простором и освещением соответствует величине храма; в северном отделении его просторная ризница, в которой покажут вам дары нашего незабвенного московского архипастыря митрополита Филарета, имя которого с глубоким уважением произносится на востоке, как неусыпного стража чистоты церковного учения и благоустройства и щедрого благотворителя восточных церквей и обителей. Рядом с соборным храмом на северной стороне его находится обширный притвор, в котором совершаются домашние богослужения в те дни, когда не положено совершать Литургии по чину лавры. Над этим притвором построен архондарик для упокоения почетных посетителей обители; южные окна его обращены внутрь храма, и потому можно оттуда удобно слышать и видеть совершаемую в оном службу.

В правую сторону от часовни Пр. Саввы (стоя лицом к ущелью или юдоли) увидите другую, меньшую церковь пещерную с двумя престолами; это та великая пещера, которая пред построением главного храма служила единственною церковью, устроенною еще самим преподобным Саввою. Он жил в пещере на противоположной стороне потока или ущелья (восточной), и однажды ночью ходил по юдоли и тихо воспевал псалмы Давидовы, а между тем на другом берегу юдоли, над самой крутизною ее, выступил огненный столб дивного блеска. Святой Савва, не прерывая молитвы, долго стоял и смотрел на чудесное явление; с наступлением дня все исчезло; когда же он пошел для обозрения места, над которым видел столб, то обрел богозданную пещеру, как бы иссеченную в скале совершенно в виде храма; здесь-то он и устроил первую церковь и возносил вместе с собравшейся к нему братиею молитвы Господу Богу. В приделе этой пещерной церкви,

углубленном в скалу, на южной стороне оно, находится особое отделение ее: за железною решеткою сложены груды черепов и костей святых отцов лавры, избитых в разные времена от неверных. Несколько черепов положены на выступе окна для чествования поклонникам.

До нас дошло обширное описание разных утеснений, понесенных в течение веков этою славною лаврою. Персы в 614 году напали на лавру и долго мучили иноков, думая, что иноки скрывают от них большие сокровища; наконец, потеряв надежду овладеть мнимыми богатствами, сорока четырем инокам отсекали главы на одном камне, а кельи их ограбили и разорили. Позже, в 792 году, во время управления монастырем игумена Василия, сарацины также ради сокровищ, которых не было, замучили двадцать иноков. Впрочем, под владычеством арабов христианские монастыри еще продолжали кое-как существовать, но после покорения Палестины турками при султани Селиме II, упали совершенно. Однако еще и в царствование этого султана было в пустыне Святого Града, по сказанию одного из западных паломников того времени (князя Радзивилла), до 1000 иноков, которые, следуя восточному обычаю, однажды пришли с своими бедными дарами поздравлять нового санджака или иерусалимского градоначальника. Увидевши такое большое число людей в одинаковой одежде и узнавши, что это христианские пустынножители, санджак признал множество их небезопасным для себя и, отобравши из них двадцать человек, которых отослал в лавру, остальных приказал умертвить немилосердно. Что касается до самого факта, то это дело очень возможное, но Радзивилл ошибается, относя 1000 монахов к этой лавре, потому что в ней никогда не было их столь много, в самые цветущие времена число их едва достигало до 200 человек. Вероятно, в указанном случае и из других окрестных монастырей собрались иноки под предводительством настоятеля монастыря Св. Саввы, как начальной обители, для поздравления санджака.

В юго-восточном углу церковного двора есть еще несколько пещер, иссеченных в натуральной скале, высящейся над рукотворными зданиями лавры и как бы нависшей над ними. Часть этих пещер называется пещерою Святых мучеников, с закопченными от дыма сводами, в память задушенных здесь дымом иноков лавры. В одно из своих вторжений в лавру сарацины загнали в эти пещеры монахов

столько, сколько могли собрать, и, разложивши в ней огонь из влажного тростника, старались томлением дыма принудить их выдать им мнимые сокровища, и так по нескольку раз вводили и выводили их из пещеры, пока не задушили дымом восемнадцать иноков.

Во внутреннем отделении этих же пещер показывают каменный уступ, служивший ложем преподобному Савве, который, по преданию, жил в этой пещере, когда он переместился из первой своей пещеры (на противоположной стороне ущелья), чтобы быть ближе к церкви. Здесь же у восточной стены была устроена небольшая церковь, ныне упраздненная, потому что чрез алтарные окна ее (обращенные в ущелье) неоднократно врывались внутрь монастыря хищники – бедуины. На пути к этим пещерам в узком проходе или террасе, огражденной со стороны ущелья стеною, у самой подошвы скалы разведен на насыпной земле трудами иноков небольшой садик; среди его растет молодая пальма уже достигшая средней величины, и несколько стволов сахарного тростника. С этой террасы поднимаются к вышеописанным пещерам по каменной лестнице; против нее небольшой архондарик для приема посетителей из иноверцев и тут же особая кухня для приготовления пищи по их желанию и вкусу. Эта кухня – крайнее здание лавры в ее юго-восточном углу.

На противоположном северо-западном углу есть также садик на верхней террасе из нескольких плодовых деревьев (гранаты и лимоны) и бальзамических трав, почти у подножия Юстиниановой башни (несколько вбок от нее); а на нижней террасе той же стороны растет одинокая пальма, выросшая как бы чудом из недр обнаженной скалы. Это дерево, по преданию, посажено здесь рукою преподобного Саввы, и плодам его приписывают силу разрешения неплодства, подобно как плодам виноградной лозы, прозябшей из гробницы преподобного Симеона Мироточца в Афонском Хиландарском монастыре. Богомольцы из всех стран света осаждают просьбами иноков лавры Пр. Саввы уделить им несколько фиников от чудодейственного дерева, а присылаемые за то впоследствии дары монастырю свидетельствуют, что надежда, верою споспешествуемая, не осталась тщетною. Неподалеку от этой пальмы, прикованной к скале цепью для опоры против ветра, на крайнем углу лавры находится также небольшая пещерная церковь во имя святого Иоанна Златоустого, престол которой прислонен к стене, обращенной к ущелью. Посетителю лавры

естественно желать поскорее увидеть какие-либо следы пребывания здесь святого Иоанна Дамаскина, ученейшего мужа своего времени, который в VIII веке украшал собою христианство и вполне заслужил быть причтенным к лику отцов Церкви. Преподобный Иоанн Дамаскин родился от богатых и знатных родителей в Дамаске и там при необыкновенных способностях усовершенствовался в богословии и философии под руководством ученого и благочестивого инока Косьмы. По смерти отца был назначен от калифа Дамасского на место правителя города и уже тогда отличился не только способностями к управлению, но и в особенности ревностью по вере, защищая своими писаниями иконопочитание. Вскоре тоскующая по Боге душа наскучила мирскими заботами и тогда он удалился в лавру. Ни один из старцев не осмелился взять под свое руководство столь славного, знаменитого и ученого мужа; наконец один пустынный, исполненный опытной христианской мудрости, той мудрости, которая по слову святых отцов есть плод не учения, а искушений, – решился быть учителем такого ученого ученика. Сперва он возбранил ему писать послания, сочинения и песнопения, запретил даже беседовать о науках и заниматься исследованием о каких-либо важных предметах, словом, устранил его от всякого ученого занятия и приказал все время проводить в молитве, внимании к себе и в простых послушаниях монастырских. Потом поручил ему – отнести на продажу в Дамаск кошницы (корзины), которые сам плел, а цену им назначил почти вдвое против их действительной стоимости. Святой Иоанн в убогой одежде прибыл пешком в тот самый город, где еще недавно блистал он второй особой по калифе; долго напрасно ходил с своими кошницами по торгу, потому что все, видя высокую цену их, смеялись и ругались ему, пока наконец прежний слуга его сжалившись купил у него корзины. После этого послушания, которым, как поведает древний его жизнеописатель, он убил демона самохвальства и гордости, случилось, что у одного из его сотоварищей-инокков умер брат и тот был весьма опечален этим, а святой Иоанн старался его утешить; иноку так пришились по сердцу его слова, что он долго заклинал его написать ему такое песнопение, повторением которого он мог бы излечиться от своей скорби. Иоанн наконец дал себя уговорить и написал превосходную песнь о блаженстве умирающих о Господе. Но едва узнал о сем его наставник, тотчас же выгнал его из своей кельи. Напрасно заступались за него

другие старцы, пока наконец суровый наставник положил условием прощения ученика немедленное очищение всех отхожих мест лавры. С величайшим удовольствием смиренный Иоанн принялся за исполнение эпитимии; старец же, видя его искреннее послушание, пал со слезами к нему на выю и с этого времени не только разрешил, но и заповедал ему писать во славу Божию и на пользу ближних. Так совершился великий акт духовного возрождения, подобный возрождению к жизни посеянного зерна: «не оживет, аще не умрет», то есть ничто в нас не оживет Богу, если сперва не умрет греху; «аще кто хочет душу свою спасти, должен прежде погубить ю», то есть страсти душевные, паче же вырвать из сердца корень их – самолюбие, и тогда она оживет для братолюбия и боголюбия. Умерщвление своей воли и разума в духовном подвиге есть колыбель величайшей христианской добродетели, смирения, смирение же, по единогласному свидетельству святых отцов, рождается лишь от послушания. Незнакомые с наукою духовного преуспеяния готовы обозвать поступок старца-наставника безумием, непросвещенным фанатизмом, борьбою невежества с просвещением^[84], тогда как в нем заключается глубокая мудрость христианская и высокое поучение для шествующих к христианскому совершенству страдательным путем отсечения своей воли и разума, с каковою целью это сказание и помещено в жизнеописании святого Иоанна Дамаскина его достойным биографом. Опасность, проистекающая от учености и славы, есть гордость, которая портит все и обуевает мудрость. Слово Божие предостерегает нас от сего словами апостола, что знание надмевает (1 Кор 8, 1). По нашему убеждению, нельзя было действовать целесообразнее для избежания этой страшной нравственной болезни, и образ действия старца был наилучшим способом для испытания призвания ученика. Великое дело отречься от богатства и значения, как сделал то и преподобный Иоанн Дамаскин, но несравненно высший подвиг – принести в жертву свое знание и ученость, отречься от того, чем переполнен был разум и сердце, и сделаться простецом и работником; для этого потребно было всю душу и всю мыслью возлюбить Бога. Не раз упрекали благочестивых людей, что будто они не любят наук, что дух Церкви не очень благоприятствует развитию способностей; фальшивость этого упрека очень ясно обличается историею просвещения; что же однако служит поводом к такому обвинению? Так как у этих обвинителей

наука есть цель и божество, то они все готовы посвятить ей, за нею только стремятся как бы за наибольшим благом для человека; напротив Церковь смотрит на науку как на необходимое и полезное орудие, а целью науки поставляет славу Божию и спасение людей, и потому если этот меч обоюдоострый, как назвали науку наши богобоязненные предки, противится главному предназначению людей, то и Церковь осуждает не самую науку, а злоупотребление этого орудия. Все согласны, что один разум человеческий не способен все проникнуть и объять; почему же не хотят согласиться на определение ему известных границ, начертанных притом не людьми, а откровением или словом самого Бога? Взираем ежедневно с болезнью на горькие последствия разнузданного вольномыслия, которое, отвергнувши главные основы счастья человеческого, перестало наконец верить и в само себя.

Святой Иоанн Дамаскин, получивши позволение писать, восстал тотчас же в защиту иконопочитания и его послания, полные убедительности и основательной учености, как молния облетели весь Восток, утверждая правую веру в возмущенных ересью сердцах. Он писал тем смелее, что Палестина была тогда уже под властью сарацинов; но одушевленный святой ревностью о православии и желанием мученичества, он отправился в Константинополь; однако с помощью Божьей вернулся спокойно в свою лавру и здесь кончил свою жизнь. Это был муж великого ума и огромной учености; он первый в Церкви христианской создал богословскую систему и как богодухновенный песнопевец не имеет себе равного между писателями. При таких воспоминаниях можно легко себе представить, с какою радостью и благоговением каждый сын Церкви посетит его келью: в первом отделении ее устроен род гробницы над могилою преподобного, а второе составляет церковь во имя его Ангела святого Иоанна Предтечи Господня. Как сладостно у этого гроба воспеть богодухновенные песни, излившиеся здесь же из сердца великого песнопевца: «святых лик обрете источник жизни и дверь райскую, да обрящу и аз путь покаянием; погибшее овча есмь аз, воззови мя Спасе и спаси мя!» и прочие сопровождаемые припевом из псалма: «благословен еси Господи, научи мя оправданием твоим». Келья святого Иоанна Дамаскина находится к северу от соборной церкви; подымаясь к ней, проходят мимо малой древней церкви во имя святого великомученика Георгия; а из кельи святого Иоанна выходят на одну из

верхних террас, на которой между скалой и рядом братских келий разведен небольшой виноградный сад с разными растениями.

Трудно с точностью описать лавру Св. Саввы тому, кто не посещал ее и не видал ее зданий, цепляющихся как гнезда ласточек на покатостях скалы. Осматривая их, приходится беспрестанно подниматься по лестницам из одного яруса в другой и проходить по террасам и коридорам то вверх, то вниз, где в разных закоулках видятся то сложенные из камней, то целиком высеченные в натуральной скале с решетчатыми дверями и малыми окошечками. Здесь проживает до шестидесяти иноков, между которыми всегда есть несколько наших соотечественников и соплеменников. При мне два иеромонаха лавры, совершавшие в ней очередную службу, были из болгар и сверх того в братстве было трое русских иноков. Жизнь в этой глубокой пустыне суровая, потому что жар здесь несносный; монахи должны почасту поливать стены и полы своих келий водою, потому что из них выходит жар как бы из раскаленной печи. Кто желает обозреть дикие окрестности, тот должен взойти на так называемую Юстинианову башню. Какой ужасающей красоты виды открываются отсюда на эти обнаженные вертепы скал с их глубокими пропастями и удолиями! Наверху этой башни находится маленькое окошечко, чрез которое прежние обитатели лавры были обязаны спускать арабам хлеб; но Ибрагим паша уволил лавру от этой подати, она обязана доставлять им лишь одну воду. Не раз лавра подвергалась нападениям кочевых арабов (бедуинов), и во время возмущения их против войск Ибрагима паши (в 1830-х годах) арабы долго держали этот монастырь в осаде. В среднем ярусе Юстиниановой башни хранятся остатки древней монастырской библиотеки; между ее рукописями наш известный паломник покойный А. С. Норов нашел несколько древних славянских рукописей, вывезенных им в Россию и поступивших потом в собственность сперва Румянцевского, а ныне Московского публичного музея. Остальные славянские рукописи не восходят далее XVII века и замечательны разве только по встречающимся на них заметкам их прежних владельцев. Внизу этой башни начинается подземный коридор, который прямо приводит к пещерам и в нижний ярус монастырских зданий; этим способом обитатели лавры могут иметь всегдашнее сообщение с башнею, хотя бы арабы и заняли первый внутренний двор. Как все это печально! Смотришь ли на окрестную глухую и мертвую пустыню или

на грозные, серые стены лавры, где из каждого угла выглядывает убожество, самоотвержение и какое-то опасение людей; или обратишь взор на древние памятники и самые гробы, на груды костей и пирамиды черепов, вызывающие воспоминание об утеснениях и убийствах различными способами, – все это поражает воображение и мрачно настраивает душу. Или этот темный коридор, это убежище невинных людей, которые как преступники должны скрываться под землей, – какое печальное производят впечатление на мыслящего посетителя! Тихо и грустно, прислушиваясь к рассказу проводника о разных нападениях, прошел я впервые это подземелье и очутился в нижней части монастыря – в монастырской поварне. Там в стене есть окно с железной дверцею, из которого спускается в дол лестница для схода в самую глубину ущелья. Эта предосторожность также необходима, чтобы спастись от нечаянного нападения бедуинов. Спустившись в самый низ, увидите довольно полный источник, образовавшийся в неглубокой пещере, у самого подножия каменной стены ущелья. Первоначально не было здесь вовсе воды и надлежало добывать ее за пятнадцать стадий расстояния от монастыря. Этот недостаток при умножавшейся братии и при несносных жарах был чрезвычайно чувствителен. Преподобный Савва, ходя ночью по Плачевной юдоли, молился горячо к Богу, чтобы Он послал воду его обители, и вдруг услышал какой-то стук; поднявши глаза, он при лунном свете увидел онагра (дикого осла), который копал ногою и прикладывал свою пасть к земле, как бы желая напиться; тогда преподобный Савва, придя на это место, после небольшой раскопки нашел воду, и потому источник этот зовется и доселе источником Св. Саввы. Так как в настоящее время лавра довольствуется водою с помощью своих больших систерн, то этот источник остается днем для пользования кочующих вблизи бедуинов и их стад, а ночью шакалов и других диких зверей. Во время сильных жаров он доставляет очень много воды солоноватой на вкус, а во время местных замешательств иноки и вовсе не могут им пользоваться, что и понудило устроить внутри лавры обширные систерны, наполненные дождевою водою, которая запасается зимою на целый год.

Многочисленные пещеры в боках этого каменистого ущелья служили жилищем древним обитателям лавры. Между этими пещерами замечательны: пещера Иоанна Молчальника, преподобного Ксенофонта и его чад Иоанна и Аркадия, а главное – пещера преподобного Саввы

на восточной, т. е. противоположной лавре стороне потока, где первоначально поселился он, по указанию Ангела. Доступ к ней ныне по отвесной почти скале весьма труден. Впоследствии отцы лавры отдали эту пещеру славному своею набожностью Иеремии, родом из армян, который с двумя своими учениками упражнялся здесь в богомыслии и подвигах, и эта пещера служила церковью для армян, находившихся в церковном общении с греками.

Отсюда открывается вид на лавру лучший для живописца и фотографа. Огромные и многочисленные контрфорсы, как бы колонны, поддерживают стены главного храма, а над ними высится купол, увенчанный крестом; грубые и высокие стены ограды одного цвета с натуральной скалой спускаются по всем кривизнам и уступам и сходят глубоко в дол до самого того места, где бока его кончаются отвесно и гладко; и это производит такое впечатление, как бы стены, подымаясь от самого дна ущелья, достигали до его вершины наподобие исполинского замка. Среди этой громады опаленных зноем камней, среди мертвой дикости природы, которая не может вырастить даже мху, возносится вверх роскошная, зеленокудрая пальма, как бы во свидетельство, что и из гроба процветает жизнь, или как бы символ вечной награды пустынников, которые ради любви Божией умерли миру. Нельзя передать того восхищения, с каким я смотрел и не мог оторвать глаз от этой печальной и величественной красоты. Боже мой, думал я, в этих пещерах, которые тянутся так далеко, как только может достигнуть око, сколько святых пустынников вели борьбу с своею плотью! Поистине эти опустелые пещеры служат сильным упреком современному поколению, которое так мало думает о своем спасении, что не только не может себя понудить на подобные самопожертвования, но даже и на простое исполнение заповедей Господних. В месте столь удобном для отшельников, где не видим земли и света, а только ущелье и частичку неба, я возвел горе мысль и глаза и отозвалась во мне во всей своей силе врожденная нам тоска по лучшей стороне, тоска, которая мне живее показала ничтожность всего временного и преходящего. Нигде, может быть, нельзя полнее восчувствовать всей правды и красоты вдохновенных песней Дамаскина, как там, где он написал их, где все окружающее подтверждает эти слова:

Вся суэта человеческая, елика не пребывают по смерти:
Не пребывает богатство, ни сшествует слава.

Пришедшей бо смерти, сия вся потребишася.

Где есть мирское пристрастие?

Где есть привременных мечтание?

Где есть злато и серебро?

Где есть рабов множество и молва?

Вся персть, вся пепел, вся сень!

Но приидите возопиим безсмертному Царю:

Господи, твоих благ сподоби преставльшихся,

Упокаяя их в нестареющем блаженстве Твоем!

Как славилось древле это пустынное гнездо святых! Как много разбитых бурей жизни нашли себе убежище в пристани благого в Боге покоя! С благоговением измерял я глазами то чистое пространство, которое отделяет эту скалу от неба, ибо это есть тот воздушный путь, которым столько избранных душ вознеслось от земли на небо, скинув свою телесную оболочку. Здесь провел жизнь святой Иоанн Молчальник, здесь возрос в дивной милости Божией племянник Дамаскина святой Стефан Чудотворец, жизнь которого составляет цепь чудес, подтвержденных современными свидетелями; здесь святой Иоанн Савваит суровым покаянием оплатил ту сумму грехов, которая представилась ему в сонном видении; тут святой Ксенофонт по утрате сыновей и по многих бедствиях нашел утешение, а Бог, принимая жертву злострадания, дал ему дарование исцелений. Здесь истинная ученость соединялась с истинным благочестием. Здесь еще доселе показывают келью, в которой жил Кирилл Скифопольский, славный биограф святых. Здесь оставил многочисленные труды по истолкованию Св. Писания ученый инок Антиох. Здесь славились песнопевцы Козьма, впоследствии епископ Маиумский, и Стефан. И доселе, по милости Божией, «не оскуде здесь преподобный»; ибо нынешний настоятель лавры о. архимандрит Иоасаф (родом из Крита, почти восьмидесяти лет) известен своим благочестием и даром духовного утешения (как духовник Патриархии и поклонников обители) и пользуется всеобщим заслуженным уважением не только среди своих единоверцев, но и между сынами пустыни – бедуинами, так что его нравственное на них влияние ограждает лавру паче ее высоких стен, а святая его жизнь служит ей наилучшим украшением.

Обитель Преподобного Феодосия Киновиарха

На пути от лавры Пр. Саввы Освященного к Вифлеему находятся развалины знаменитого монастыря аввы Феодосия киновиарха, названного так потому, что устроенная им обитель считается первоначальницей иноческих общежитий, точно так же как лавра Пр. Саввы служила образцом жизни отшельнической для приготовленных к ней предварительно подвигами общежития.

Преподобный Феодосий, друг и сподвижник преподобного Саввы Освященного, был родом также из Каппадокии. Слова Евангелия, убеждающие не привязываться к мирскому, а искать жизни вечной, производили на него особенное впечатление. Ревнуя о спасении, Феодосий решился посетить Святые места нашего искупления; проходя же через Антиохию, посетил преподобного Симеона Столпника, и когда Феодосий приблизился к столпу преподобного, он назвал его по имени, сказав: «добре пришел еси, человеце Божий, Феодосие»; предрек ему, что он будет пастырем словесных овец, и отпустил с миром. Феодосий пришел в Иерусалим в патриаршество Иувеналия (430 г.). В то время из числа проводивших в окрестностях Иерусалима подвижническую жизнь особенно славился старец Лонгин, который, живя в затворе при столпе, называемом Давидовым, как пчела воздвигал трудолюбно сладкий мед добродетелей. Под его-то опытным руководством Феодосий положил начало иноческой жизни. Не по собственной воле, а из послушания он должен был расстаться с своим наставником, будучи послан им для жительствова и служения при новосозданной усердием одной благочестивой жены церкви во имя Пресвятыя Богородицы. Спустя некоторое время Феодосий, скучая молвою и бегая славы и почитания, отошел от этой церкви и, по свидетельству жизнеописателя преподобных отцов Евфимия и Саввы, инока Кирилла, достиг монашеского совершенства под руководством двух старцев – Марана (основателя обители, называемой Фотиною) и Луки Метопина, которые оба некогда были учениками преподобного Евфимия. Около того же времени он вошел в общение с преподобным Саввою, через бывшего своего сожителя при Богородичной церкви, монаха Анфа. Достигнув монашеского совершенства под руководством других, Феодосий поселился наконец на одной горе в той самой пещере, в

которой, по древнему преданию отдыхали и имели ночлег три волхва, приходившие в Вифлеем на поклонение Младенцу Христу с дарами, возвращаясь оттуда «иным путем» (а не через Иерусалим) в свою страну. Постническим житием Феодосий прославился по всей Палестине, и мало-помалу стали собираться к нему ревнующие подражать его равноангельному житию. Сперва собралось семь учеников; обучая их истинному духовному любомудрию, начало которого память смертная, Феодосий приказал им выкопать могилу, дабы, ежедневно смотря на нее, памятовать о смерти. Когда же гроб был готов, он пришел видеть его и, стоя над могилою, как бы юродствуя, а на самом деле провидя имеющее случиться, сказал: «вот, чада, гроб готов, есть ли между вами готовый к смерти, дабы обновить собою этот гроб»? На этот вызов один из его учеников, по имени Василий, саном пресвитер, предваряя других, поклонясь старцу до земли, просил его благословения, изъявляя желание умереть и быть положену в этом гробе, говоря: «пусть я буду первый мертвец из числа помышляющих о смерти». Старец, соизволяя на его прошение, повелел творить поминовение о Василии, как о умершем, по церковным правилам: в третий, девятый и сороковой день. Когда же окончилось поминовение, Василий скончался без всякой телесной болезни, как бы уснув сладким сном. По истечении же сорока дней по его погребении Феодосий видел Василия как бы стоящим и поющим на церковном правиле, посреди братии; то же самое, по молитве Феодосия, было открыто и одному из братии, по имени Аэтию, который от радости устремился к явившемуся, желая удержать его руками, но он стал невидим. Многие и другие чудеса явил Господь через преподобного своего собравшимся около него братьям, в подкрепление их веры и прославление своего угодника.

Число братии умножалось день ото дня и пещера уже не могла вмещать всех желавших сожителствовать с ним; почему братия стала просить преподобного построить вне пещеры монастырь и устроить ограду для словесных овец, предлагая сделать это без особых расходов, одним собственным трудом. Святой же, видя, что чрез умножение учеников разоряется его любимое безмолвие, недоумевал, чего держаться ему: безмолвия ли или попечения о спасении братии. В этом колебании помыслов, желая узнать волю Божию о себе, он прилежно молил Господа послать ему извещение и, если угодно будет Ему

создание монастыря, показать и самое место оно чудесным знаменем. Для сего взял кадилаицу и, наполнив ее холодным углем, старец положил на него фимиам и, проходя пустыню, молился указать ему место для основания обители возжжением углей. Так он прошел пустыню до места, называемого «Куттилла»^[85], и доходил до самого берега Мертвого моря с этим мертвым и безогненным в кадилаице углем. Видя же, что угли не возгораются, решил вернуться в свою пещеру, но на возвратном пути, когда он уже был недалеко от пещеры, вдруг уголья загорелись сами собою, и воскурился от кадилаицы благоуханный дым; святой уразумел, что это и есть то самое место, на котором Бог благоволил быть созданной обители. Ученики святого, получив его благословение, с усердием приступили к делу: положив основание, начали строить церковь, кельи, ограду, и вскоре помощью Божьею устроилась пространная обитель, в которой введено общежитие. Господь же послал этой обители всякое изобилие, так что живущие в ней не только обогащались богатством добрых дел, но и не оскудевали и в телесных потребностях; не только иноки, но и мирские люди, странные и пришельцы, нищие и убогие, больные и немощные, получали в ней успокоение, ибо начальник обители преподобный Феодосий был человеколюбив и милостив, являясь для всех сердобольным отцом, любезным другом, усердным для всех рабом и служителем; он очищал своими руками язвы и струпы больных, омывал кровь и гной их, прилагал свои пречистые уста к устам прокаженных, утешал их, кормил, поил и услуживал всячески. Приходящим отовсюду он оказывал великую любовь, упокоевая, угощая и довольствуя их всем необходимым. Случалось иногда служащим в монастырской трапезе поставлять сто трапез в один день для приходящих странных и нищих, – столько страннолюбив и человеколюбив был преподобный! Бог же, Сам любовь сый, видя такую любовь Своего угодника к ближним, благословил монастырь его так, что и малое число припасов умножалось невидимо и насыщало многих, чему свидетелями была вся братия во время случившегося в Палестине голода. Преподобный построил при своей обители многие странноприимницы и различные больницы: одну для иноков, другую для мирских и особую для знатных посетителей и старцев. Также посещал и братий, живших отшельнически в горах и вертепах, имея попечение о них, как отец о

детях, с сердечным участием подавая потребное для души и тела, уча и наказуя и избавляя многих от диавольской прелести.

Собранная в обители Пр. Феодосия братия была не из одного рода или племени, но различных; почему он и устроил для них несколько церквей, чтобы каждое племя могло славословить Бога на своем природном языке: в соборной или Великой церкви Успения Пресвятыя Богородицы – греки, в другой грузины, в третьей армяне – исполняли свое церковное правило, собираясь на оное семь раз в день, по слову Давида: «седмерицею днем хвалих Тя»; для больных была особая церковь. Для причащения же Св. Таин вся разноплеменная братия, из всех церквей, должна была собираться в Великую церковь, в которой служили греки, и там причащались все вместе. Всех братий, духовных чад преподобного, которых он породил духовно, воспитал отечески и наставил на путь добродетели, было числом 693. Многие из них впоследствии сделались начальниками других монастырей, научившись доброму правлению от преподобного Феодосия, как от мужа, исполненного духовной премудрости и разума, учившего свое стадо словом и делом, бывшего по апостолу образом стаду. Не будучи научен внешней премудрости, он говорил поучения с такою силою и сладостью, что и состарившийся в богословском учении и упражнявшийся постоянно в науке церковного красноречия не мог сравниться с ним в этом отношении; и не удивительно, ибо преподобный учил не от человеческой премудрости, но по благодати Божией. Но время перейти к сказанию о внешней деятельности преподобного на общую пользу православной Церкви и о его отношениях к преподобному Савве, как его знаменитому современнику.

В это время царствовал в Византии, после Льва Великого и Зенона, император Анастасий (491–518), давший свободу отступникам от православия. Патриархом же Иерусалимским после Мартирия (ученика преподобного Евфимия) был Саллюстий; при нем-то, после смерти аввы Маркиана, бывшего в сане архимандрита, начальником всех монастырей в «пустыне Святого Града», монахи, собравшись к Патриарху, который был тогда болен, по общему соглашению просили его, чтобы он поставил преподобных Феодосия и Савву архимандритами и начальниками всех монастырей, находящихся около Святого Града, потому что сии святые мужи были пустынножители, не имели никакого стяжания, были славны жизнью и словом и обиловали

божественными дарованиями. Это единодушное избрание было утверждено Патриархом беспрекословно и с любовью. С того времени авва Феодосий сделался главным вождем и архимандритом всех общежительных монастырей (киновий), почему и называется «киновиархом», а преподобный Савва был поставлен начальником и блюстителем всех лавр, то есть, собраний отшельнических жилищ, или уединенных келий. Оба эти мужа были единодушны и единомысленны между собою, дышали более друг другом, нежели воздухом, так что иерусалимские жители, видя их единомыслие, называли их новою апостольскою двоицею, подобною двоице Петра и Иоанна.

Преподобный Савва приходивших к нему в лавру юных (безбрадых) обыкновенно отсылал сперва в киновию своего духовного друга, Феодосия, утешая отсылаемого такими словами: «Сын мой, неприлично, или лучше сказать, вредно сей лавре иметь у себя когонибудь безбрадного. Сей закон положили древние отцы скита и мне его предал великий отец наш Евфимий. Когда я хотел жить в его лавре, то он увидевши, что у меня еще нет бороды, послал меня к блаженному Феоктисту и сказал, что неприлично и даже вредно жить в лавре безбрадому монаху. А посему, пойдя к авве Феодосию, там ты получишь себе пользу». Великий же авва Феодосий, принимая к себе брата, посланного Саввою, всемерно старался о усовершеннии его из уважения к пославшему.

Патриарху Саллюстию наследовал блаженный Илия, ревностно подвизавшийся за православие, обуреваемое ересью Евтихия и Севера, которою заразился император Анастасий. Остановленные на некоторое время гонения на Патриарха Илию, по уважению к просьбе преподобного Саввы (посланного с письмами к императору в числе других игуменов из монастырей Святого Града), – возобновились снова, когда на место Флавиана поставлен был по воле царя в Патриархи Антиохийские Север, начальник акефалитов. Он посылал свое исповедание веры к архиепископу Илию, но последний, не приняв в общение с собою Севера, возбудил в императоре сильный гнев против себя. Север вторично послал к Илию свое исповедание веры с некоторым служителем церкви и с отрядом императорских войск. Тогда преподобные отцы Савва и Феодосий, с прочими пустынными игуменами, придя во Святую Град, выгнали из него людей, пришедших с Северовым исповеданием веры. Множество монахов, собравшись на

месте называемом Иерафион (на котором ежегодно бывал обряд воздвижения честного и животвор. Креста), вместе с иерусалимскими жителями кричали: «анафема Северу и его сообщникам». Все это видели и слышали начальник и воины императорского отряда, сопровождавшего Северовых посланцев.

Раздосадованный известием об этом событии, император послал в Иерусалим кесарийца Олимпия, который был начальником над Палестиною; вместе с ним послал он и письмо, которое писано было из Сидона и в котором описывались действия Сидонского собора и говорилось, что не должно принимать определений Халкидонского собора. Первым делом Олимпия по прибытии в Иерусалим было низвержение с кафедры Блаженного Патриарха Илии и отправление его в заточение; на его место он поставил пресвитера Иоанна, хранителя честного Креста, взяв с него обещание пристать к общению с Севером и анафематствовать Халкидонский собор.

Едва услышали великие отцы пустыни Савва и Феодосий о действиях Олимпия – свержении Патриарха Илии и поставлении на его место Иоанна, они немедленно пришли опять в Иерусалим и убедили нового Патриарха не сообщаться с Севером и защищать собор Халкидонский, обещая ему во всем содействовать. Новый Патриарх, исполненный благоговения к сим великим мужам, последовал их совету. Раздраженный противодействием, правитель области Олимпий послал одного из приближенных своих Анастасия в Иерусалим схватить Патриарха Иоанна и посадить его в темницу, однако, опасаясь молвы народной, скоро освободил его в надежде, что Патриарх исполнит данное прежде обещание; но Патриарх созвал в ту же ночь в Иерусалим всех иноков пустыни Святого Града, так что кафедральная церковь Воскресения Господня не могла вместить их, и по необходимости они соединились все за воротами града, в храме первомученика Стефана, основанном императрицею Евдокиею^[86]. Услышав о таком собрании, пришли туда и сановники царские: Анастасий, недавно заключивший в темницу Патриарха, бывший консулом Захария, и племянник царский Ипатий, который посетил по обету Иерусалим в благодарность за свое освобождение из рук самозванца Виталиана. Патриарх Иоанн, в облачении, взошел на амвон посреди храма, имея по сторонам святого Савву, начальника пустынножителей, и святого Феодосия, начальника общежительных.

Сановник Анастасий ожидал видеть исполнение воли царской; но народ непрестанно взывал, в течение многих часов: «анафематствуйте еретиков, утвердите собор», и на сии вопли все трое громогласно ответствовали: «анафематствуем Нестория, Евтихия, Севера Антиохийского, Сотерия Кесарийского, и всех и всякого, кто не согласится принять Халкидонского собора». После столь явного свидетельства своей веры они сошли с амвона; но ревностный Феодосий взошел еще однажды и, мановением руки потребовав общего молчания, громко произнес: «если кто не приемлет четырех вселенских соборов, как и четырех Евангелистов, тот да будет анафема». Все изумились и безмолвствовали, как бы внимая гласу Ангела. Последствием сего мужественного подвига было то, что четыре вселенские собора были вписаны в церковные помянники. Твердость Феодосия изумила и царских сановников: Анастасий поспешил в Кесарию к Олимпию, а племянник императора Ипатий с клятвою свидетельствовал пред защитниками православия, что он сам всегда чуждался нечестивого Севера и пришел в Иерусалим искать их общения. Он пожертвовал в честь Святого Гроба, Голгофы и Честного Креста сто литр злата и столько же дал Савве и Феодосию для раздела по обителям пустыни Святого Града. Тогда император решился употребить силу, чтобы удалить из Палестины Патриарха Иоанна и двух святых архимандритов; но едва распространилась эта весть в Иерусалиме, как все иноки снова собрались в Святой Град и по общему согласию написали прошение императору от имени Саввы и Феодосия, всех игуменов монастырей пустыни Святого Града, и всех ревнителей истинной веры. Они писали ему: «изумляемся, что хотя ты и воспитан в правилах сей святой веры, однако допустил при своей державе такую бурю против матери всех церквей, храма Воскресения, который есть прибежище всего мира; вот ее епископ, священнослужители, иноки изгоняются силою пред лицом язычников, евреев, самаритян и влекутся в места нечистые и неосвященные, дабы малодушные из них могли послужить соблазном приходящих отовсюду поклонников, которые стекаются ради спасения душ своих и отходят отसेле с ужасом. Неужели по причине исповедания веры нападают на сей Священный Град Иерусалим, который есть око и светило вселенной, ибо, по словам пророческим, «от Сиона изыдет закон и слово Господне из Иерусалима»? Не в сем ли Святом Граде обитающие удостаиваются

собственными руками и устами осязать места, ознаменованные самым событием божественных таинств? Каким же образом, после пятисот лет от Рождества Христова, хотят еще учить нас нашей вере? Преобразование, какое хотят в ней сделать, может ли происходить от Господа Иисуса? Не есть ли это скорее учение антихриста, ищущего нарушить мир и согласие церквей Божиих, исполнить их смятениями? Виною всех сих бедствий есть Север акефал, по грехам нашим допущенный Богом на кафедру антиохийскую, которую занимает для гибели собственной души и всей Церкви Христианской; мы отвергаем его общение и молим твое благочестие, сжалиться над Сионом, матерью всех церквей и покровительницею твоей державы. Мы все единомысленны в приятии четырех святых вселенских соборов, которые все излагают то же евангельское учение, хотя и в различных словах, по различному времени их собрания. Первый есть собор Никейский, анафематствовавший нечестивого Ария; и мы почитаем себя обязанными принять и три последующие собора, как сей первый вселенский, а именно: Константинопольский, против нечестия Македониева, Ефесский, против ужасного Нестория, и Халкидонский, против злого Евтихия. Поелику сии четыре святые собора заключают в себе чистое учение евангельское, то никогда невозможно будет нас от них отвлечь или присоединить к отвергающим оные, хотя бы нам угрожали тысячами смертей; а дабы твоя царская власть хорошо видела исповедание нашей веры и дабы не внушали тебе, будто мы приемлем догматы Несториевы, то свидетельствуем пред тобою, что мы анафематствуем сего еретика, разделяющего Иисуса Христа, и в то же время, вместе с собором Халкидонским, анафематствуем и Евтихия, который сливает Божество со святым человечеством Господа Иисуса. После сего объявления, мы еще умоляем светлость твою прекратить гонения против Святого Града и нашего святого архиепископа Иоанна, ибо враги нашей веры, под личиною благочестия, делают всякие жестокости. Свидетельствуем пред твоим величеством, как и пред Богом и Его Ангелами, что не можем согласиться ни на какую новость в делах веры; пусть лучше прольется кровь наша, среди зарева святых мест, ибо что в священном наименовании оных, посреди их поругания? Мир Господний, превосходящий всякий разум, да соблюдет свою Церковь и да прекратит, твоею властью, все сии соблазны, ко славе своего царствия».

Император Анастасий, получив это прошение, положил оставить дело сие пока без внимания, ибо он был занят тогда возмущением Виталиана, – и Патриарх Иерусалимский Иоанн удержался на своей кафедре. Император Анастасий умер в 518 году убитый громом в своей ложнице (о чем было особое откровение находившемуся в заточении Патриарху Илии). Анастасию наследовал Иустин и тотчас издал повеление возвратить всех сосланных в заточение Анастасием и определения Халкидонского собора внести в церковные постановления. Когда сие определение императора Иустина было привезено в Иерусалим, то собралось бесчисленное множество монахов и мирских, прибыли также свв. Савва и Феодосий и много епископов и месяца августа 6 числа, в праздник Преображения Господня, объявлены божественные повеления и определения четырех соборов внесены в священные постановления. По просьбе Патриарха преподобный Савва сходил в Кесарию и Скифополь для объявления там императорского указа о силе четырех соборов. По возвращении его оттуда Патриарх пригласил его к себе на обед вместе с преподобным Феодосием и другими пустынными игуменами.

Инок Кирилл замечает: «отец наш Савва питал нелицемерную и искреннейшую любовь к блаженному отцу Феодосию; подобную же искренность соблюдал и преподобный Феодосий к отцу Савве. Поистине оба они были сыны света и сыны дня, человеки Божии, и верные Божии служители, столпы и утверждение истины (1 Тим 3, 15), мужи отличных желаний (Дан 9, 23)». Преподобный Феодосий, за три года до кончины своего духовного друга Саввы, скончался на 106-м году от рождения в 529 году, оставив своему преемнику Софронию до 400 человек братии. Перед смертью жестокая болезнь томила его. Один старец говорил ему: помолись, чтобы болезнь смягчилась. Феодосий отвечал: «успевший во всех предприятиях моей жизни, окруженный славою, не должен ли я скорее радоваться сим страданиям на исходе, чтобы не сказали мне: чадо, помяни, яко приял еси благая в животе твоём». Братия с любовью окружала одр болящего, и он, прощаясь с каждым, укреплял всех и каждого мужественно подвизаться на духовной брани. Три епископа находились при его исходе и смешали свои слезы со слезами учеников, чувствуя, чего лишалась Церковь и обитель кончиною такого мужа. Сам Патриарх Иерусалимский Петр прибыл на погребение отшедшего ко Господу аввы; иноки пустыни

Святого Града с преподобным Саввою во главе собрались в осиротевшую обитель воздать последний долг великому подвижнику и погребли его с честью мною в пещере, которая послужила основанием его знаменитой обители.

Мы уже сказали, что преемником аввы Феодосия в управлении созданной им обителью был архимандрит Софроний (с 529 года). В его время составился в Константинополе собор, созванный благочестивым Патриархом Миною для окончания дела по жалобам, поданным на Антиохийского лжепатриарха Севера, зараженного ересью Евтихия и Манихеев, и на всех его последователей. На этом соборе присутствовал в числе девятнадцати представителей от монастырей «пустыни Святого Града», от монастыря Св. Феодосия, священноинок Исихий, который подписался так: я Исихий, по милости Божией, священноинок обители блаженного аввы Феодосия, местоблюститель Софрония, святого архимандрита сей обители и всей пустыни Иерусалимской, подписался с прочими архимандритами иерусалимскими, посланный в сей град и представляющий собою лице всех архимандритов и иноков пустыни и трех Палестин». Сей Исихий был впоследствии преемником Софрония, а подпись его свидетельствует, какую важную степень занимали тогда в иерархии церковной настоятели обителей, по глубокому уважению к великим отцам пустыни.

Сорок иноков, зараженных Оригеновою ересью, будучи изгнаны из Великой лавры Пр. Саввы настоятелем ее архимандритом Геласием, пробовали привлечь на свою сторону монастырь аввы Феодосия; но благоразумие архимандрита Софрония спасло от этой заразы переданное ему в чистоте стадо.

В правление Патриарха Иерусалимского Евстохия, когда в Константинополе готовились к пятому Вселенскому собору (553 г.), по совету архимандрита Великой лавры Св. Саввы послан был на собор Местоблюстителем Патриаршим Блаженный Евлогий, архимандрит Феодосиевой обители, в числе трех архимандритов и трех епископов, заступавших на соборе место Иерусалимского Патриарха. С честью подвизался святой архимандрит Евлогий за православие как на Вселенском, так и на областном Иерусалимском соборе, собранном Патриархом Евстохием, по получении во Святом Граде соборных деяний.

В лавре Пр. Феодосия жил в конце VI века блаженный Иоанн Мосх, составитель «Духовного луга». Из четырнадцатой главы сего сочинения видно, что в 594 году Иоанн приходил с своим настоятелем в Иерусалим для приветствия новому Иерусалимскому Патриарху Аммосу. В обители Пр. Феодосия Иоанн сблизился с Софронием, впоследствии Патриархом Иерусалимским. Софроний несмотря на свою ученость, отдал себя в совершенное распоряжение блаженному Иоанну. Мудрый старец обходился с Софронием более как с другом, чем с учеником, называл его «господином Софронием, другом Софронием» (Гл. 109, 110).

Оба любили они духовную, опытную мудрость и с любовью собирали предания о великих мужах, бывших в обители Пр. Феодосия. Приводим эти сказания по ряду:

1) Был некоторый старец в киновии Св. отца нашего Феодосия, именем Конон, родом из Киликии, который, нося власяницу, 35 лет соблюдал такое правило: однажды в неделю принимал он хлеб с водою, трудился постоянно и не оставлял церковных собраний (Гл. 22).

2) Видели мы также и другого старца в том же монастыре Феодосиевом, который был из воинов и который постился ежедневно и никогда не спал на ребрах (Гл. 23).

3) Рассказывал нам, мне и брату Софронию Софисту, святой отец наш авва Георгий, архимандрит монастыря Св. отца нашего Феодосия, что в пустыне града Христа Бога нашего, следующее: «со мною жил здесь брат, Георгий Каппадокиянин, который был на служении в Фасалиде. В один день, когда братья делали хлебы, брат Георгий топил печь. Истопивши печь, не нашел чем выместь оную, ибо братья спрятали помело, желая испытать его. Брат, влезши в печь, вымел ее своею одеждою и вышел из огня невредим. Услышав об этом, я сделал выговор братьям, что они до того довели брата». Тот же авва рассказывал о том же брате следующее: «однажды, когда он пас в Фасалиде свиней, пришли два льва, чтобы похитить одну из них. Он, взяв палку, прогнал их до Иордана» (Гл. 91).

4) Тот же авва Георгий рассказывал об авве Иулиане, бывшем епископе Бострском, следующее: «когда вышел он из Киновии (Св. Феодосия) и сделан был епископом Бострским, некоторые из жителей сего города, враги Христовы, хотели отравить его ядом. Подкупили слугу, чтобы тот, когда будет подавать пить Иулиану, пустил яду в

стакан. Как научили юношу, так он и сделал. Он подал стакан питья с ядом святому Иулиану. Иулиан принял и по вдохновению Божию узнал коварство. Принявши стакан, поставил пред собою, ничего не сказав юноше. Потом созвал всех граждан, в числе коих были и злоумышленники его. Чудный Иулиан, не желая обличить их, говорит всем кротко: если вы думаете отравить ядом смиренного Иулиана, то вот пред вами пью его. Положив на стакан троекратное изображение креста перстом своим, сказал: во имя Отца и Сына и Святого Духа пью сей стакан; и выпив его пред всеми, остался невредим. Увидев сие, злоумышленники пали на землю и просили прощения у Иулиана» (Гл. 93).

5) В монастыре Св. отца нашего Феодосия был один старец, родом из Севастополя, что в Армении, по имени Патрикий. Старец этот (ему было 113 лет) был кроткий и смиренный. Отцы сего места рассказывали о сем добродетельном старце, что он был игуменом монастыря Авзайского и отказался от сей должности потому, что боялся большой ответственности за нее (он говорил, что великих людей дело пасти словесных овец), и пришел сюда, чтобы жить в послушании и таким образом спасти душу свою. (Гл. 94).

6) Рассказывали нам также следующее: «Здесь (в лавре Св. Феодосия) был другой старец, родом из Аравии, именем Иулиан, – он был слеп. Иулиан некогда соблазнился о Макарии, архиепископе Иерусалимском (по подозрению в Оригеновой ереси, неосновательному), и сомневался, иметь ли с ним общение? Итак, в одно время авва Иулиан извещает авву Симеона, жившего на Дивной горе, отстоявшей от Феополя на девять миль: я слеп, сам ходить не могу, а довести меня некому; между тем сомневаюсь, входить ли мне в общение с Макарием? Извести также меня, отец, как поступить с падшим братом и с тем, который вместе с ним связался клятвою? Авва Симеон так отвечал авве Иулиану: не отделяйся (от Макария) и не думай отделяться от Святой Церкви, ибо в ней, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, нет ничего худого. Знай также, брат, что, если кто захочет вознесть жертву в вашей киновии, вы имеете у себя старца, именем Патрикий. Сей старец становится вне святилища позади всех около западной стены храма; он и сам совершает молитву проскомидия, и его приношение принимается, как жертва святая» (Гл. 95).

7) Авва Иоанн отшельник, по прозванию огненный, рассказывал нам: «Я слышал от аввы Стефана Моавитского, что в бытность его в обители Св. Феодосия были в этой обители два брата, которые поклялись не разлучаться друг с другом ни при жизни, ни по смерти. Они были примером назидания для всех в обители; но один из них до того разжегся похотью, что не мог противустать сему искушению и сказал своему брату: отпусти меня, брат, мною овладела плотская брань, я хочу возвратиться в мир. Брат умолял его и говорил: любезный брат мой, не губи труда своего. Сей отвечал ему: или сам иди со мною, или отпусти меня удовлетворить страсти. Брат, не желая отпустить его одного, пошел сам с ним в город. Одержимый страстью брат пошел в дом блудниц, а другой, стоя вне дома, брал с земли пыль, посыпал ею голову свою и терзал самого себя. После того, как тот согрешил и вышел из дома, брат сказал ему: какую пользу, брат мой, получил ты от греха? Сколько напротив получил вреда! Пойдем опять в обитель! Тот отвечал ему: теперь уже не могу идти в пустыню; ты ступай, а я останусь в мире. И сколько его другой брат ни убеждал, чтобы он шел с ним в пустыню, все было тщетно. Потому и сам остался с ним в мире. Они оба начали трудиться, чтобы пропитывать себя. В это время авва Авраамий, опытный и кроткий пастырь (который был после епископом Ефесским и устроил в Константинополе монастырь Авраамиев), сооружал свой монастырь, называемый византийским. Оба брата трудились здесь за плату, которую за обоих получал брат, впадший в блуд; он ходил ежедневно в город и тратил ее на прихоти, а другой брат во весь день постился, ни с кем ничего не говорил и спокойно проводил время в работе. Прочие работники, видя каждый день, что он не ест, ничего не говорит, но всегда умом внимает себе, сказал об образе жизни его святому авве Авраамию. Великий Авраамий призвал к себе труженика в свою келью и спросил его: откуда ты, брат? и какое у тебя занятие? Тот во всем открылся ему и присовокупил, что он трудится для брата, чтобы Бог, видя его труды, спас брата. Чудный Авраамий, выслушав все от брата, сказал ему: и Бог даровал тебе душу брата твоего. Как скоро отпустил от себя Авраамий брата, и он только вышел из его кельи, то услышал вопль брата своего: «любезный брат, возьми меня с собою в пустыню, да спасусь я». Он немедленно взял его, и удалившись в пещеру, недалеко находящуюся от Иордана, заключил его в ней. Спустя немного времени, брат впадший в блуд, много потрудясь

по Боге духом, отошел ко Господу, а оставшийся брат, по данной клятве, оставался в этой пещере, чтобы тут же умереть и самому» (Гл. 96).

8) Рассказывали нам отцы того же монастыря об авве Стратегии, игумене сего же монастыря (Св. отца нашего Феодосия) следующее: три преимущества возвышали его пред другими современными монахами: он много постился, много бодрствовал, много трудился (Гл. 102).

9) Рассказывал нам в киновии отца нашего Феодосия авва Феодосий, который был епископом Капитолиадским, об авве Нонне следующее: «Однажды, еще до того времени, как надлежало бить в било, лежа на постели своей, услышал я, что кто-то тихим голосом произносит: Господи помилуй! Насчитавши пятьдесят раз «Господи помилуй», хотел я узнать, кто это произносил. Посмотрев из окна кельи своей в церковь, увидел старца, стоящего на коленях, и светлую звезду над головою его, которой свет помог мне узнать – кто был сей старец». О том же авве Нонне рассказывал нам другой из отцов той же киновии следующее: однажды, еще до того времени, как надлежало бить в било, вышед из кельи своей, пошел я в церковь, – вдруг вижу старца, стоящего пред оною, воздевшего обе руки к небу и молящегося. Руки его блистали, как зажженные лампы. Объятый страхом, я удалился» (Гл. 103).

Иоанн Мосх и Софроний упоминают в своих сказаниях о трех настоятелях монастыря Феодосиева: авве Леонтии (Гл. 4), авве Георгии (Гл. 108), и авве Стратигии (Гл.102), и о подвижнике того же монаст. Христофоре (Гл. 104). Блаженный Иоанн Мосх после долгих странствий скончался в Риме (около 622 года), завещав Софисту Софронию и другим ученикам, спутникам своим, которых было до двенадцати, погребсти тело его в обители Пр. Феодосия; завещание его было исполнено в точности: верные ученики перенесли останки учителя в киновию аввы Феодосия и положили в той пещере, в которой погребен сам пр. Феодосий, а блаженный Софроний, вскоре по возвращении в Палестину, был избран на Патриарший престол Святого Града, после Модеста, бывшего архимандритом той же Феодосиевой обители и потом Иерусалимским Патриархом.

Оба эти мужа (Модест и Софроний) оказали незабвенные услуги Иерусалимской Церкви. По взятии Иерусалима Хозроем, царем

персидским (в 614 году), когда Иерусалимский Патриарх Захария был отведен в плен, архимандрит Модест избран был местоблюстителем осиротевшей Церкви и явил себя вполне достойным этого выбора; потомство назвало его вторым Веселеилом, строителем скинии, и Зоровавелем, обновившим Иерусалим, ибо он восстановил из развалин храм Святого Гроба, церковь Голгофы и еще Вифлеем, не опасаясь гонения Иудеев, ни скитавшихся в Палестине Персов. Благочестивый император Ираклий, изыскивая средства исхитить Святой Град из рук неверных, в то же время помогал Модесту своими сокровищами; равно и святой Иоанн Милостивый, Патриарх Александрийский, при первой вести о разорении иерусалимских святынь послал Модесту 1000 золотых, 1000 пудов железа, 1000 кулей пшеницы, столько же овец, 1000 мер сухой рыбы и столько же вина и 1000 египетских работников с смиренною грамотою, в коей просил извинения, что не посылает ничего достойного храма Господа Иисуса Христа, и писал, что и сам пламенно желал бы прийти трудиться, как простой работник, при сооружении храма Святого Воскресения, матери всех церквей.

Наследник Хозроя заключил мир с Ираклием, возвратив ему Древо Креста, бывшее в плену четырнадцать лет, и Патриарха Захарию вместе с другими пленными; но престарелый Патриарх не долго пережил свое освобождение; место его заступил достойный блюститель и обновитель Святого Града архимандрит Модест, но и он после пятилетнего управления Иерусалимскою Церковью скончался; а место его занял питомец той же славной обители священноинок Софроний, единодушно избранный на патриаршую кафедру Святого Града в 633 году.

В патриаршество Софрония прекратилось совершенно владычество греческих императоров на востоке, ибо арабский халиф Омар взял Иерусалим. Софроний мужественно отстоял перед победителем свою Церковь и паству, убедив Омара не нарушать условий, на которых сдался ему город после двухлетней осады, и сохранил для христиан заветное святилище. Но чувствительная душа святителя не вынесла скорби видеть Святой Град и его святыни в руках неверных, и он сошел во гроб († 640), оплакивая плачем Иеремии неисповедимую для ума человеческого судьбу Святого Града.

Неправильное изложение веры императора Ираклия в пользу ереси монофелитов, и в особенности типы или образы, изданные его внуком

Константием, запрещавшие всякие рассуждения о вере, побудили святого Папу Мартина созвать в Риме собор Латеранский, чтобы защитить православие (в 649 году). В числе представителей от Церкви Иерусалимской присутствовали на этом соборе настоятель Феодосиевой обители архимандрит Феодор^[87] и три инока: Иоанн, Стефан и Леонтий.

По свидетельству летописца Феофана, первые годы IX столетия были столь бедственны для христиан палестинских, что от непрерывных разбоев, грабежей и насилий христиане бежали из Сирии и иноки вынуждены были оставить пустынные монастыри; в числе последних запустела тогда и знаменитая лавра Пр. Саввы и соседственная с нею обитель Пр. Феодосия. Долго ли продолжалось это запустение, определительных сведений нет. Обновление сих обителей всего вероятнее могло совершиться в первой половине XI века, одновременно с обновлением храма Воскресения (с 1048 года, в царствование Константина Мономаха), разоренного нечестивым халифом Хакемом.

После завладения Иерусалима крестоносцами (в 1082 году) мы имеем краткое описание Феодосиева монастыря в «хождении в Иерусалим» нашего первого паломника-писателя игумена Даниила: «И есть, – пишет он, – от Иерусалима 6 поприщ до Феодосиева монастыря. Тот же монастырь на горе, городом оделан, видети от Иерусалима^[88]. И ту есть пещера на той горе среди монастыря того; в той же пещере волсви ночлег сотвориша, егда уклонишася от Ирода царя; ту ныне лежат святой Феодосий и инии святии отцы мнози ту лежат, и туже в той пещере и мати святого Саввы и Феодосиева мати ту лежит»^[89].

В конце XI столетия, за пятнадцать лет до завоевания Иерусалима Саладином, в последние годы рыцарского королевства, посетила Иерусалим русская княжна, смиренная игуменья Полоцкого девичьего монастыря Св. Евфросиния. Чувствуя приближение своей кончины, она послала в лавру Пр. Саввы просить архимандрита и братию, чтобы дал ей место на погребение в их обители; но они отказали, говоря: «заповедь имеем от святого отца нашего Саввы, чтоб никогда не погребать жен в его обители; но есть близ нас Феодосиев общежительный монастырь Пресвятыя Богородицы, в коем многие жены покоятся: там и мать святого Саввы (София) и мать святого Феодосия (Евлогия) и мать святого бессребреника Феодотия, и иные;

посему и богоугодной Евфросинии прилично быть там положенной». С честью была погребена княжна русская в обители Пр. Феодосия в паперти церкви Пресвятыя Богородицы 23 мая 1173 года, но впоследствии святые мощи ее были перенесены в Киев, где и почивают поныне в пещерах. Дальнейшие судьбы обители Феодосиевой неизвестны: вероятно, она запустела одновременно с Саввинской лаврой в конце XIV или в начале XV столетия и уже более не восставала из развалин.

Я пробовал проникнуть в святую пещеру, но обвалившиеся своды недалеко от входа не позволили проникнуть в ее глубину, и никаких следов святости уже не видно в уцелевшей ее части; самая пещера на половину своей высоты засыпана землею, – это можно заключить из сказанного в «Духовном Луге» в житии старца Христофора, который, спускаясь ежедневно в эту пещеру для молитвы, творил коленопреклонения на каждой из восемнадцати ступеней ее лестницы, тогда как теперь ее спуск едва составляет две-три ступени. Вокруг пещеры сохранились только основания бывших зданий и ограды, а в наиболее уцелевших местах бедуины устроили свои закрома, для сбережения хлебных запасов.

Священные развалины в течение стольких веков тщетно ждут обновления, и православные арабы нередко спрашивают русских поклонников: скоро ли вы построите здесь монастырь? на что получают в ответ: когда будет угодно Богу. Святость места, исторические воспоминания, близость к Иерусалиму, Вифлеему и обители Пр. Саввы, красивое местоположение на горе, чистый воздух и плодородные вокруг поля, способные для разведения виноградников, – действительно представляют все удобства для вознаграждения сей обители, если бы нашлись ревнители безмолвной иноческой жизни... Но основателю новой киноии, кто бы он ни был, не худо предварительно изучить историю бывшей сербской иерусалимской общины, разумею причины, приведшие ее к падению (с первой четверти XVII века). История сербской иерусалимской общины, – по падении сербского царства еще довольно долго опиравшейся на нравственную и материальную помощь русского правительства, помощь, устраненную наконец от нее благодаря искусной интриге, – весьма поучительна и ждет своей очереди в неложной истории наших церковных сношений с Востоком.

В воскресенье (в неделю Православия) 1859 года после обеда, во втором часу дня выехал я из Иерусалима с двумя спутниками, афонским иеромонахом В. и русским Т., в лавру Саввы Освященного с целью отправиться оттуда для посещения развалин пустынных иорданских обителей, прежде мало доступных для путешественников. Настоятель Саввинской лавры старец Иоасаф, достойный подражатель преподобных отцов пустынножителей, хорошо изучивший местность пустыни Святого Града и все предания и сказания о ней, которые живо сохраняются в его светлой памяти, по любви своей давно обещал удовлетворить моей любознательности, и потому я мог с вероятностью рассчитывать на успех моей поездки. У источника Иоава (Бир-Июб) ожидало нас приятное зрелище: вода из этого источника, переполнившегося от бывших проливных дождей, шла через край, что считается здесь признаком урожайного года, и потому все население Иерусалима вышло к образовавшемуся ручью, выражая свою радость: группы женщин, окутанных с головы до ног в белые покрывала, походили на мертвых, внезапно восставших из гробов, которыми усеяны все скаты окрестных гор; это сходство еще более увеличивалось их неподвижным положением. Другие группы богомольцев – греков, армян, болгар и русских – сидели там и сям на разостланных коврах и циновках; дети, весело резвясь, полоскались в ручье, который, с шумом протекая вначале на свободе между масличными деревьями, далее терялся в огороженных каменными стенками садах; на одном из возвышений сидел сам иерусалимский губернатор – паша с своею свитою, и когда мы проезжали мимо его, он приветливо раскланялся с нами. Налюбовавшись этим зрелищем, бывающим не каждый год, мы продолжали свой путь, который пролегал по направлению ложа иссохшего Кедрона. Через три часа езды мы были уже у ворот гостеприимной обители Пр. Саввы; по обычаю нас встретили колокольным звоном, а на площадке у часовни, стоящей среди внутреннего двора над гробом преподобного Саввы и его учеников, встретил нас сам настоятель авва Иоасаф и повел в соборную церковь; приложившись к местным иконам, мы прошли в архондарик (приемную комнату), где нас угостили по обычаю глико (вареньем), рюмкою ликера и чашкою кофе. Я объяснил старцу цель моего посещения, и он обещал завтра же отправить нас в путь, и действительно поутру, после Часов (обедницы) все уже было готово; нас пригласили в трапезу –

подкрепиться на дорогу: обед состоял из чечевичной похлебки, маслин, моченых бобов, головки луку и стакана виноградного вина. Старец отпустил с нами двух из своих учеников – монаха Харитона и послушника Герасима – и двух вооруженных бедуинов из племени Мар-Саба (саввинских). Старец сам заботился о малейших подробностях, и мы с благоговейным почтением смотрели на его отеческую заботливость, не смея противоречить ей; между прочим с недоумением взирал я на то, что он отпустил с нами целый мешок маленьких пшеничных хлебцев, которых, казалось, достанет и десяти человекам на много дней, но последствия оправдали его мудрую предусмотрительность. Кроме хлебцев был запас маслин, лука, смокв, кофе и фляга виноградного вина, – словом, все, чем сами савваниты питаются в подобных случаях. Для каждого из нас было по осленку; саввинские же проводники были пешком; весь караван наш состоял из 5-ти человек и двух бедуинов. Поклонившись гробу преподобного Саввы, мы выехали из монастыря часу в десятом утра; скоро, поднявшись на соседние высоты, увидели Мертвое море, хотя до него было еще несколько часов езды; несмотря на то, что дорога шла по скалам и ущельям, она показалась нам приятною, ибо весна палестинская началась и уже все оделось зеленью, на такое короткое время здесь появляющеюся. Часов через 6 езды мы спустились с Иудейских гор в долину Иерихонскую, направляясь мимо Мертвого моря, прямо к развалинам лавры Пр. Герасима Иорданского; солнце уже давало чувствовать свою силу; но прохладный ветерок освежал полуденный жар; дорогой мы всполошили стадо диких коз (газелей), спокойно щипавших траву в одной балке (сухой ров – лощина); завидев нас, они понеслись с быстротою ветра по направлению к Иордану и скоро исчезли с глаз наших. Мы остановились для осмотра развалин монастыря Пр. аввы Герасима: они видны на небольшом возвышении верстах в двух от берега Иордана; по местным преданиям авва Герасим не вновь основал эту обитель, а лишь обновил лавру Каломоню (доброе пристанище), названную так потому, что будто бы на этом самом месте останавливалась на ночлег Мать Божия с предвечным Младенцем и своим обручником Иосифом во время бегства в Египет. Лучше других уцелели восточная и северная стороны бывшей обители; нижний этаж хотя и засыпан развалинами верхнего, но своды его большею частью целы, а одна из зал под церковь уцелела совершенно. В верхнем этаже

осталась часть алтарного полукружия и видны несколько священных изображений (фрески): на горнем месте Спаса Вседержителя в верхнем поясе и трех великих святителей в нижнем; соседний придел или церковка сохранилась вся кроме верхних сводов, и на стенах, несмотря на 100 лет запустения, ясно видны несколько изображений святителей и преподобных; так, на алтарной арке я прочел надпись над изображениями: преподобного Филимона, святого Софрония, Патриарха Иерусалимского, святого Андрея Критского и святого Сильвестра, Папы Римского; а у входа в эту церковь на арке видны изображения Евангелистов и пророков. Иеро (сокращенное геронта – старец) Харитон говорил, что по описанию одного из иноков XII века (вероятно, Фока) здесь в одном склепе лежат мощи отцов сей обители, а вход в этот склеп нарочито засыпан, дабы сохранить останки преподобных от магометанского изуверства. По словам одних, монастырь обратился в развалины от землетрясения, а по другим, сами монахи (а вернее, турецкое правительство) разрушили стены опустевшей от арабского насилия обители по приказанию Патриарха, чтобы уцелевшие здания не служили приютом хищникам, делавшим здесь засады для грабежа богомольцев, ходивших на Иордан. В нескольких сажнях от обители, в сухом доле видны следы часовни, бывшей над гробом преподобного Герасима; сход в пещеру семью ступенями ныне засыпан и силой Божьей благодати святое место покоя преподобного остается неприступным и для сынов пустыни бедуинов, которые, рыская здесь день и ночь, не смеют, по суеверию (считая, что развалины населены духами), приблизиться к священной могиле. В том же суходоле, несколько повыше есть кладезь, испрошенный молитвою преподобного Герасима; он обложен камнем в виде систерны, и чистая прозрачная вода держится в нем в течение всего лета на два с половиной аршина вышины. Мы остановились здесь для краткого отдыха и, размочив в воде несколько хлебцев, съели их с аппетитом, утоляя жажду чистой и легкой для вкуса водою, испрошенною «слез теченьми» пр. Герасима. Близ сего кладезя растет высокий тростник и несколько деревьев. Далее видны развалины лавры «пиргов» (или башен); от ней уцелело лишь несколько сухих систерн.

Наш паломник XII века игумен Даниил еще застал в монастыре Пр. Герасима двадцать иноков, и ныне не трудно было бы восстановить его, войдя в сношение с шейхами заиорданских бедуинов; но Патриарх

Иерусалимский сам не желает этого и наверное не позволит сделать сего и другим; ибо тогда лавра Пр. Саввы может оскудеть братиею, потому что все с радостью устремится в обновленную обитель по близости ее к привольным берегам святой реки (так поведали мне сами саввинские иноки).

Чем ближе подъезжали мы к Иордану, тем приятнее становилась дорога; вся равнина была покрыта зеленью и цветами, между которыми преобладали цветы желтого и темно-пунцового колера вроде нашего мака; наконец послышался шум воды – это поток Елисеев катил свои мутные воды в Иордан, ворочая камни и увлекая их с собою; ручей так наполнился от дождей, что мы, подъехав к нему, не знали, как перебраться на другой берег. Бедуины отправились вниз по течению потока отыскивать место более мелкое и безопасное для переправы. Отец Т-н последовал за ними, отвечая на мои уговоры остаться с нами, что он с водой знаком близко; саввайты авва Харитон и послушник Герасим пошли вправо искать проезда к берегам Иордана по сую сторону ручья сквозь чащу начинавшегося леса, а я с отцом В-м остался на поляне. Вдруг слышу вдали в кустах какие-то дикие отрывистые крики, а затем один из наших провожатых бедуинов видимо испуганный выбежал из кустов на нашу поляну. «Кто там? Что случилось?» спрашиваем его по-арабски, и он, мечась то в ту, то в другую сторону по кустам, едва проговорил: «Монах утонул». Мы в свою очередь испугались такой вести более чем доносившимися из леса криками, полагая, что стремление потока унесло в Иордан нашего товарища о. Т-на, а дикие голоса приписывали нападению хищников, ожидая с минуты на минуту их появления пред нами. Но вот показались из кустов два человека, в которых мы тотчас же опознали коптских монахов; они знаками объяснили нам, что их было трое, осталось же двое, а третий утонул. Скоро возвратились и остальные наши спутники: испуг проводников-бедуинов объяснился неожиданною для них встречею в кустах с этими монахами, на которых они наткнулись, убегая из леса от раздавшихся в нем внезапно криков; этими криками, как оказалось, вздумал (вовсе некстати) попугать их саввинский послушник Герасим (за что и получил заслуженный выговор от нас и аввы Харитона); метание же нашего бедуина по поляне, на которой находились мы с о. В-м, объяснилось тем, что он со страха забыл, где именно оставил свое ружьишко. Когда разъяснилось дело, все

подшучивали друг над другом по случаю напрасной тревоги кроме виноватого во всей этой суматохе, который, сознавая свою вину и опасаясь впереди выговора от старца, молчал, но в сущности был весьма доволен тем, что напугал наших проводников, бедуинов Мар-Саба, дорогой хвалившихся своею храбростью, которую на этот раз вполне обеспечивало половодье Иордана, делавшее невозможною переправу через нее заиорданским бедуинам. Но хвастуны совершенно позабыли об этом, лишь только услышали несшиеся из леса дикие возгласы, по их признанию вполне походившие на воинственный крик враждебных им соседей, кочевников с того берега Иордана.

Несмотря на грязь, мы кое-как добрались до берега священной реки, но не нашли там шалаша, в котором обычно останавливаются саввинские иноки во время своих прогулок на Иордан; шалаш этот размыло и унесло водою; пришедшие к нам копты теперь объяснили нам подробнее свое приключение. Их трое отправилось на Иордан тотчас после праздника Крещения с целью провести здесь всю святую Четыредесятницу (они и абиссинцы (Хабажи) делают это ежегодно, подражая первым пустынным отцам: преподобному Евфимию, Савве Освященному, авве Герасиму и другим). Тут они проводят все время в посте и молитве, питаются одними травами. Когда мы их увидели, они уже были здесь пятнадцать дней, не имея с собою ничего съестного, ни даже кремня и огнива для разведения огня; одежда их состояла из длинной изорванной бумазейной рубахи и старого ватного одеяла, которым они укутываются как плащом; ноги босые, а на голове синяя низенькая камилавка; на плечах носят торбочки с книгами: Евангелие, Псалтирь, служебная Миня и т. д. Все книги писаны на пергамене или бомбицине, и они очень дорожат ими. Сходясь на короткое время днем для общей молитвы, остальное время дня и ночи они проводили отдельно друг от друга, блуждая одиноко, с молитвою на устах, по берегу Иордана и отдыхая там, где заставало кого крайнее изнеможение тела; и вот дня три до нашего приезда, когда один из них (иеромонах Михаэль) заснул на самом берегу реки, внезапно нашла сверху вода (от тающих на Анти-Ливане снегов); Иордан выступил из берегов, и несчастный, проснувшись от шума и плеска воды, вместо того чтобы взлезть на дерево, бросился в испуге к берегу и погиб в волнах священной реки. Два оставшиеся в живых его товарища были в это время выше (далее от берега), куда не дошла вода, а она этот год была

велика, как и не запомнят, и затопила луговой берег на пространстве в четверть версты, вышиною в рост человека, как видно было это на коре еще не обсохших деревьев. Рассказчик жалобно вздыхал, повторяя часто: «а Михаэль, Михаэль» (имя утопшего) и возводя к небу слезящие взоры. Мы снабдили подвижников хлебом и спичками для разведения огня и тогда-то оценили вполне предусмотрительность старца, снабдившего нас хлебом, как казалось нам прежде, сверх потребности. Этот изумительный подвиг коптские и абиссинские монахи принимают на себя ежегодно, проводя всю святую Четыредесятницу в пустыне Святого Града, по примеру древних пустынножителей, в посте (к которому привыкают с детства, по скудости, как и индейцы, которые легко могут пробыть без пищи по двадцать и более дней) и молитве, частью на берегах Иордана, а частью в пещерах Сорокадневной горы (близ Иерихона). Мы развели огонь и занялись приготовлением чая; подкрепившись чаем и устроив себе ложе из древесных ветвей, легли отдыхать, но как-то плохо спалось ввиду столь новой и необычной для глаз картины: Иордан с шумом катил свои мутные воды, в которые гляделась полная луна, отражая в лоне реки высокие беловатые скалы аравийского берега; в лесу слышался вой шакалов, похожий то на плач младенца, то на протяжный вопль умирающего человека. Приятные воспоминания, связанные с священным именем Иордана, невольно перемешивались с тревожными мыслями о возможности и последствиях ночного нападения хищников; но вера в молитвы старца и его напутственное благословение скоро рассеяли эти опасения, навеянные рассказами о бывших случаях, и мы заснули крепко. Проснувшись с восходом солнца, которым нельзя было достаточно налюбоваться, и помолившись Богу в Его нерукотворенном храме, мы разбрелись по лесу: кто резал себе на память трости из тамаринового и других деревьев, кто собирал цветы, кто купался, а я сидел на берегу и, прочтя Евангелие, относящееся к великому событию, здесь совершившемуся, любовался рекою, по которой по временам проносились большие деревья. Однажды, рассказывали вам саввинские иноки, также в половодье в виду их неслись сверху вол, который выплыл на берег недалеко от их становья; бедуины, их проводники, бросились было ловить молодца, но он снова прынул в кипящие волны и выплыл на берег лишь у самого Мертвого моря, где и поймали его иерихонские бедуины, а чрез месяц, узнав об этом, явились за ним его владельцы

арабы назаретские. Полноводье Иордана, как мы узнали позже, ограждало нас достаточно от внезапного нападения заиорданских бедуинов, ибо в это время нельзя им ни перейти, ни переплыть быстрой реки. Впрочем, и летом, когда на Иордане образуются броды, нападения заиорданских бедуинов случаются редко; более опасны бедуины иерихонские, которых посему и побаивалась наша небольшая эскорта. Место, которое обычно служит становьем саввинским инокам, выбрано весьма удачно: оно хорошо укрыто, имея против себя с того берега совершенно отвесную скалу; савваиты проживают здесь иногда (особенно осенью по уборке винограда) по шестнадцать и более дней и всегда безопасно, а если в это время посетят их заиорданские или иерихонские бедуины, то дают им в бакшиш (подарок) несколько хлебцев, и тем ограничивается откуп за свободное посещение берегов священной реки. Бедуины, впрочем, никогда не убивают, а только при случае обирают свои жертвы: несколько лет тому назад они обобрали савваитов, недалеко от монастыря; к тому же они и сами порядочные трусы; так, например, увидав однажды возвращавшихся без проводников с Иордана поклонников, они приняли закинутые на плеча посохи за ружья и обратились в бегство.

Подкрепивши силы завтраком, который состоял из маслин, хлеба, смокв и чашки кофе, мы отправились под предводительством опытного иеро (геронты) Харитона для осмотра развалин монастыря Св. Иоанна Предтечи, отстоявшего версты на полторы от нашей стоянки влево. Переправившись через Елисеев ручей на плечах наших бедуинов, мы отправились по берегу Иордана, покрытого зеленью и цветами; в этом месте Иордан, возвратясь вспять, прорыл себе новое русло; старое, по причине половодья, также было наполнено теперь водою. В этих тихих омутах водится множество рыбы, никем не тревожимой; стаи диких уток и других водяных птиц подымались при нашем появлении, как бы удивляясь ему, и наконец мы увидели какую-то огромную хищную птицу (грифа?), которую наши спутники не умели назвать нам. По прибрежному песку видны были свежие следы кабанов, во множестве водящихся в тростниках иорданских. По свидетельству бедуинов летом заходят сюда и львы, но на этом берегу теперь их не водится. Развалины монастыря Предтечева расположены на одном из возвышений, которые, восставая здесь над поверхностью Иерихонской равнины, представляют самые прихотливые фигуры шанцев, крепостей,

валов, башен и т. п. и обманывают издали зрение своими причудливыми формами. Монастырь этот, по преданию, построен противу того самого места, где на Иордане благоволил принять святое крещение от Иоанна Предтечи Господь наш Иисус Христос; от развалин монастыря уцелела только совершенно одна из зал нижнего этажа, в которой саввинские иноки совершают иногда службу в день Богоявления; от церкви уцелело едва несколько полуобрушившихся стен; на обломке одной из них видно еще изображение апостола Андрея Первозванного с хартиєю в руке, на которой начертано по-гречески: «Приидите, обретохом Желаннаго» – и только! Но как знаменательны эти слова и какое глубокое впечатление производят они в таком месте! Прежде от монастыря до Иордана был сход по мраморной лестнице, от которой остались лишь куски разбитого мрамора ослепительной белизны; возле развалин находят цветную мозаику, показывающую, что здесь некогда было большое церковное здание. На берегу Иордана против обители есть также, как сказывал нам авва Харитон, развалины церкви или часовни, построенной на месте самого Крещения, но к сожалению это время нельзя было приблизиться к берегу по случаю вязкой грязи, среди густых кустарников, в которых таятся кабаны. Осмотрев развалины монастыря, мы взошли на соседний песчаный холм, в ребрах которого виднелась пещера; с трудом пробрался я туда по сыпучему песку, чтобы поклониться костям здесь погребенных братьев святой обители, – ибо это была их усыпальница, и еще видны клочки саванов. Арабы не смеют коснуться этих останков и далеко обходят погребальный холм, по страху, вероятно, уже испытанной кары за святотатство; да и вообще они, считая себя господами всех развалин пустыни Святого Града, по суеверию населяют их духами, а промысел Божий обращает это суеверие в орудие своей воли, «да и кость от них (преподобных отцов) не сокрушится». Благополучно мы возвратились тем же путем на свое становье; дорогой авва Харитон вырезал для себя большую жердь для патериц (род большого костыля, на который опираются престарелые старцы во время домашней молитвы). Окунувшись трижды в священные волны Иордана, у самого берега, держась притом руками за ветви нависших к воде деревьев, которые, по выражению нашего паломника игумена Даниила, «яко вербе подобны, но несть верба», мы собрали наши вещи, пропели хором тропарь и кондак Богоявления, напились иорданской воды и отправились в

обратный путь с намерением ночевать у подошвы Сорокадневной горы близ Иерихона; но дорогой наши спутники передумали: опасаясь ночного нападения иерихонских бедуинов и имея в виду, что по случаю большой воды нельзя будет подняться вверх по потоку для осмотра развалин лавры Иоанна Хозевита^[90], мы направились прямо в монастырь Пр. Саввы с намерением заночевать в монастыре Св. Евфимия, давно уже обращенном в обитель турецких дервишей, под именем Неби-Муса (пророка Моисея). Из гроба преподобного Евфимия они сделали гроб пророка Моисея, и паки здесь промысел Божий употребил их суеверие для охранения гроба «отца пустынь Святого Града» до известного Ему единому срока, когда гроб этот снова откроется для чествования верных. Моисей же, как известно, не переходил Иордана, а умер и погребен по ту сторону его, на горе, которая видна из Иерихона и называется Небо, – узрев только землю обетованную с ее вершины. После четырех часов езды^[91] мы достигли монастыря Неби-Муса, расположенного на скате небольшого холма, среди высоких и утесистых гор. Дервиши отказали нам в позволении ночевать внутри их монастыря, отговариваясь тем, что у них был в это время какой-то знатный гость – эфенди из Иерусалима, предлагали же нам, яко гяурам (неверным, еретикам), ночевать вне ограды; но мы, запасшись водою в придорожной систерне, по совету старца Харитона поехали далее и ночевали в большой пещере, называемой по-арабски Магара (пещерное жилище); эта большая пещера в горе относится к древним временам; по преданию, здесь во времена преподобного Евфимия жило несколько сарацинских (арабских) семейств, обращенных им в христианство, и действительно на вершине горы есть развалины каких-то видимо (по отеске камней) древних зданий. Наши бедуины собрали сухих былий и развели огонь, как для сварения кофе, так равно и для острстки хищников, которые имеют свой приют в развалинах обители Св. Феоктиста, находившейся, по сказанию наших спутников, недалеко от этой пещеры, в одном из ущелий. Старец Харитон сварил кофе, и мы, подкрепившись, расположились на ночлег внутри пещеры. Долго еще наши бедуины, очень добрые и услужливые люди (избранные из многих), разговаривали между собою и с саввинскими иноками. Они, как оказалось из расспросов, хотя и считают себя мусульманами, но чуждаются всякой обрядности и вообще плохо верят в Коран Магомета, говоря: «что нам в нем – он

умер»; они склонны к принятию христианской веры и легко бы приняли ее, если бы не удерживал страх преследования со стороны турок. Я заснул спокойно от усталости, но насекомые так искусали, что долго еще оставались следы их усердного нападения. Утром с восходом солнца мы продолжали путь и заехали в Кастел (замок). Так называется высокая гора в двух часах пути от обители Пр. Саввы, где сей преподобный основал монастырь на развалинах замка Иродова. От бывшей монастырской церкви остались одни развалины. Авва Харитон, разрыв землю, показал нам потихоньку от провожатых бедуинов великолепный ком из цветной мозаики, на котором видны изображения грифов, орлов, цветов и плодов; потом мы спустились в пещеру, служившую усыпальницею братии монастыря: видны пять каменных ложей и закром или место, где складываются кости. Мы благоговейно поклонились останкам преподобных отец. Авва Харитон взял одну из костей и показал нам: она желтого елейного цвета и издает благоухание; мы, облобызав ее, бережно положили на прежнее место, а отец Харитон рассказал при этом, что некоторые из саввинских иноков пробовали брать кости с собой в лавру Св. Саввы для чествования, но получали вразумление о неблаговолении почивших к их поступку, – болезнью или расслаблением, продолжавшимися до тех пор, пока взятые ими кости были относимы обратно в усыпальницу. «А бедуины не трогают этих костей?» – спросил я авву Харитона. «Да они боятся и войти в эту пещеру; посмотрите на наших провожатых, в каком почтительном отдалении они держатся». Через два часа пути, отдохнув у бедуинского кочевья и напившись чаю, мы благополучно возвратились в лавру Пр. Саввы в полдень четвертого числа марта месяца, в среду, благодаря преподобного за покров молитвенный во время пути, а старца о. Иоасафа за внимание и любовь, с которою он нас принял и отпустил в путь.

В четверг после Часов (обедницы) я ходил по потоку (юдоли Плачевной), осматривая снизу зияющие на недосыгаемой высоте древние пещеры, из которых более известны: пещера аммы Софий, матери преподобного Саввы, с церковкою, на стенах которой еще видны следы фресок; церковка эта обращена окнами на юдоль Плачевную (к востоку), а позади ее небольшая келья, служившая безвыходным жилищем уединившейся здесь подвижницы; 2) пещера Иоанна Молчальника, преподобного Ксенофонта и детей его: Аркадия

и Иоанна; 3) пещера преподобного Саввы – основателя лавры и множество других неизвестных, ибо сотни иноков обитали в этой юдоли в цветущие времена пустыни Святого Града. У устья юдоли Плачевной раскинуло на весну свои шатры одно из колен бедуинов племени Мар-Саба (саввинских); мы зашли к ним в гости; они угощали нас кофеем, который тут же при нас был сжарен, столчен и всыпан в кофейник (по требованию их этикета вся эта операция должна происходить в присутствии гостя) и лепешками (опресноками), испеченными в золе; мы, отдарив их за это несколькими монетами, расстались дружелюбно и возвратились в монастырь; в этой прогулке сопровождал нас иеро Харитон. В пятницу сподобил меня Господь по исповеди у старца причаститься (в алтаре) Святых Таин Тела и Крови Христовой, и после ранней трапезы, о которой хлопотал сам старец (принеся вдобавок к ней икры и вина из своего вифлеемского виноградника) мы, поблагодарив его и братию и простившись с гостеприимною обителью, возвратились в Святой Град.

Поездка в Назарет, на Тивериадское озеро и Фавор

Путь от Иерусалима в Яффу. – В гостях у купца Халиби. – Пароход «Италия». – От Кайфы до Назарета. – Источник Пресвятой Девы. – Дорога к Тивериадскому озеру. – Канна Галилейская. – Место умножения хлебов. – Тивериада. – Тивериадское озеро. – Путь на Фавор. – Вершина Фавора. – Возвращение в Яффу и Святой Град.

15 октября 1858 года в среду в 8 часов утра выехал я из Иерусалима для посещения Назарета, Тивериадского озера и Фавора. Спутниками моими на этот раз были: ярославский помещик Н. Н. Карцев, курский помещик А. А. Воцинин, отставной штаб-лекарь Ф. К. Маторный (черниговский уроженец), купеческий приказчик из Москвы – одесский мещанин Максим, один астраханский крестьянин и драгоман-грек. Было жарко, как у нас в июле месяце; мы спешили на ночлег в Рамлю (древнюю Аримафею); через три часа пути остановились отдохнуть в Абугоше, близ источника; напоили усталых коней, осмотрели развалины древней церкви, на горнем месте которой еще видны следы изображения Матери Божией, хорошо уцелевшие. По преданию, церковь эта построена в память явления здесь Господа нашего Иисуса Христа на пути ученикам Своим Луке и Клеопе, – словом, это место древнего Еммауса, где Христос «познался има в преломлении хлеба». В 6 часов вечера мы прибыли на ночлег в Рамлю, догнавши на дороге игумена тамошнего греческого монастыря, который возвращался домой из Иерусалима с сестрою и племянником, молодым человеком в живописном костюме греческих островитян – куртке, расшитой золотом, и фустанелле. Ночевали в греческом монастыре. Выезжая из Рамли поутру на рассвете, мы зашли в здешнюю православную церковь, где хранится часть вдовичьей колонны, чудесно приплывшей по водам в Яффу для церкви великомученика Георгия в Лидде (которая отстоит отсюда на час пути). На дороге в Рамлю мы отдыхали еще несколько минут на развалинах селения Латрун, – родине благоразумного разбойника. По выезде из

ущелий Иудейских гор начинающихся вскоре за селениями Абугош, тянется обширная и ровная долина, которая до чрезвычайности напоминает поля Малороссии, так что, подъезжая к Рамле в сумерки, забываешься и думаешь – вот въедешь в какой-нибудь Нежин или Батурин; очарование полное, – верхи минаретов издали кажутся колокольнями, и только подъехав ближе и рассмотрев пальмы, видишь, что находишься на Востоке.

Когда мы приехали в Рамлю, застали здесь ректора Халкинского богословского греческого училища епископа Типальдоса. Он по приглашению Иерусалимского Патриарха гостил целое лето в Иерусалиме, занимаясь устройством здешнего богословского училища, основанного Патриархом Кириллом в Крестном монастыре (за четверть часа ходу от Иерусалима). Старец епископ считается одним из ученейших людей в греческом духовенстве, но к сожалению известен в то же время, как ненавистник славян. Выехав с ночлега в Рамле в семь часов, мы в десятом часу благополучно приехали в Яффу, где и остановились в здешнем греческом монастыре; он построен на высоте берега над самым морем и отсюда открывается превосходный вид на Яффскую гавань, одну из самых опаснейших во всей Сирии, ибо весь берег усеян подводными камнями и гряда их тянется вдоль гавани, выказывая свои черные вершины; с шумом и пеною перекатываются через них волны, и при сильном ветре нельзя безопасно ни выйти из гавани, ни попасть в нее с моря, ибо для подхода к берегу есть только несколько узких проходов между скалами, а сообщение с стоящими на открытом море на якорях судами производится посредством больших лодок (магон). Обедали в этот день (16 октября, четверг) с епископом Типальдосом, который остановился здесь отдохнуть в ожидании австрийского парохода. Вечером выходили из города прогуляться по морскому берегу, близ развалившегося карантин, в котором, как повествуют, герой прошедшего времени (Наполеон I) приказал отравить несколько тысяч своих зачумленных солдат, чтобы они не достались в плен неприятелю, – неужели и здесь цель оправдывает средство? В Яффе, несмотря на близость моря, было днем до крайности душно и вообще жарче, чем в Иерусалиме, и только вечером можно вздохнуть свободнее. Набравши на берегу моря разноцветных ракушек, мы поспешили в город из опасения, что скоро запрут городские ворота.

17 октября в пятницу были у обедни в Яффской православной греческой церкви. Священник-араб служил по-гречески; церковь просторна и украшена прилично; в иконостасе иконы местные русского письма. После обедни пригласил нас к себе в гости здешний купец из арабов, который занимается поставкою припасов для Иерусалимской Патриархии, – зовут его Жорж Халиби. Угощение состояло из глико (варенья), рюмки раки (виноградной водки) и наконец пампушек или оладьев с медом. Мы хотели ограничиться двумя-тремя, но это оказалось положительно невозможным. Хозяин, сам участвовавший в завтраке, своеручно макал оладьи в мед и подавал нам, а отказаться от такой чести значит оскорбить гостеприимство, и так мы принуждены были съесть штук по десять каждый. Хозяин представил мне всех членов своего семейства, прося благословить их и дом его, а вечером он же явился сопровождать нас в сады, которыми справедливо славится Яффа. Теперь (в октябре) остались на деревьях лишь доспевающие финики и переспелые гранаты, но другие деревья уже обременены зелеными лимонами, померанцами и апельсинами. Сады эти имеют искусственное орошение, и вода из бассейна проводится посредством водоподъемных машин самого простого устройства. Некоторые сады дают от 5000 до 10 000 пиастров доходу своим владельцам. Из сада, где Жорж Халиби угощал нас зелеными, а потому еще очень кислыми апельсинами и превосходными гранатами, мы опять прошли на морской берег и, погуляв здесь, возвратились в город. Яффский базар чрезвычайно живописен и оригинален; за городом есть особый фруктовый рынок: гранаты, лимоны, апельсины, финики, орехи всех сортов и сахарный тростник, все это навалено грудями и дает выгодное понятие о богатстве здешней природы. В этот же день поутру пришел в яффскую пристань французский пароход и несколько наших богомольцев отправились на нем до Александрии с целью посетить Синайскую гору. 18 октября в субботу поутру пришел в Яффу австрийский пароход «Италия», на котором мы намеревались отправиться до Кайфы. Мы переехали на пароход засветло. К вечеру сгустились облака и над нашими головами разразилась сильная гроза, но море оставалось тихо; гремел гром, молния сверкала непрерывно и чудное зрелище представлялось глазам, когда среди вечернего сумрака она освещала расположенную амфитеатром на высоте берега Яффу – древнюю Иоппию. Сидя задумавшись на палубе, я вспоминал события

из апостольской истории, ознаменовавшие это место: явление плащаницы апостолу Петру, его здесь пребывание у Симона усмаря и воскресение Тавифы. Возле меня шептались о чем-то между собою два францисканца, ехавшие на Кармил в свой монастырь. Поодаль сидел епископ Типальдос, разговаривавший с своим спутником профессором Тандалиди – слепцом-поэтом, произведения которого так восхищают греков, его соотечественников. По палубе ходили пассажиры-европейцы, а на другой стороне сидели и полулежали мусульмане и арабы, заняв заранее места и устроившись на них совершенно по-домашнему. Когда гроза усилилась, я сошел в каюту и долго не мог уснуть от чрезвычайной духоты; но заснув однажды, уже не слышал, как пароход снялся с якоря и шел до Кайфы. Проснулся поутру на рассвете, когда мы уже были в виду этого маленького городка. Перед нами возвышался величественный Кармил, на котором подобно крепости белелись стены Кармильского францисканского монастыря; но по краткости времени я не успел посетить его, хотя на этой горе, освященной именем пророка Илии, есть довольно замечательных мест.

Вид Назарета

Съехав с парохода на боте, мы пошли прямо в дом к здешнему русскому консулу г. Аверино (грек), с которым виделись в Яффе, и вручили ему письмо от нашего консула в Иерусалиме. Мы хотели отправиться в путь как можно скорее, но едва-едва добыли лошадей и выбрались в 9 часов утра по дороге в Назарет. Дорога эта сперва шла недалеко от морского берега у подошвы Кармильских гор, а после перешла через эти горы. Мы въехали в дубовый лес; здесь отдохнули и спустились в долину; близ Назарета опять началась гористая местность, укрывающая этот священный уголок, так что мы увидели его лишь тогда, когда въехали на одну из гор, обрамливающих самый город. Прежде всего нам бросилась в глаза группа старинных зданий, – это латинский монастырь, построенный на развалинах древней церкви, воздвигнутой здесь еще в первые времена христианства благочестивою царицею Еленою. Оставив лошадей в доме рекомендованного нам кайфским консулом купца, мы пошли в этот монастырь поклониться месту Благовещения. Пройдя через первый двор, где сидело множество арабов в своих живописных абах (плащах), мы вступили на второй двор и в двери храма. У францискан в это время шла вечерня. Мы остановились посреди молящихся. К нам, впрочем, очень скоро подошел один из монахов (как оказалось после, пономарь), одетый поверх обыкновенной одежды в белый короткий стихарь, и предложил нам свои услуги для обозрения Святых мест. Спустившись по бывшей прямой пред нами (в церковном помосте) широкой мраморной лестнице вниз в пещеру, мы очутились в небольшой квадратной комнате, в глубине которой, прямо против лестницы, устроен престол, а под ним на полу мраморный круг, по обводу которого сделана золотом надпись латинскими буквами: «Слово плоть бысть». Над этим местом висит пять серебряных неугасимых лампад. Здесь, по преданию, молилась Пресвятая Дева Богородица во время явления Ей благовестника – Гавриила Архангела. Место, на котором стоял Архангел, означено гранитной колонною, которую арабы подрубили совершенно (в надежде найти будто бы сокровище в ней сокровище), так что она теперь утверждена лишь сверху и висит на восемнадцать дюймов от полу. Эту колонну, висящую сверху как бы каким чудом, здешние жители признают универсальным лекарством во всех своих болезнях, и постоянно здесь можно видеть больных всякого рода,

старающихся дотронуться больным членом до колонны. Поклоняясь с тихою молитвою (по случаю богослужения нельзя было пропеть тропарь Благовещению) месту благовещения и облобызав колонну с мыслию, что здесь «совершился спасения нашего главизна и еже от века таинства явление», мы перешли в другую половину пещеры, отделенную от первой стенкою; она оставлена в своем натуральном виде; по преданию, тут была кухня и прочие принадлежности хозяйства Святого Семейства. Далее этой пещеры есть сход в другую, меньшую, где, по преданию, Богомладенец отдыхал по возвращении с Матерью из Египта. Отцы францискане, нас провожавшие, дали нам на память каждому по свече, горевшей на месте Благовещения и несколько камушков от стены пещеры – жилища Богоматери, а мы поблагодарили их несколькими талерами, попросив одного из них проводить нас и в другие Святые места, принадлежащие им в Назарете. Сперва он повел нас в так называемую мастерскую Св. Иосифа Древодела. По обычаю, доселе сохранившемся на востоке, ремесленники имеют свои отдельные мастерские с выходом прямо на улицу, где работают днем и продают свою работу и только на ночь возвращаются домой. Эта мастерская, в расстоянии от монастыря на тридцать шагов, ныне обращена в церковь, которая переделывалась во время нашего посещения. Алтарь будет заключать в себе часть стен древнего здания. Отсюда мы пошли на край городка в каплицу (часовню), где хранится камень, вбитый в землю, почти круглый, на котором, по латинскому преданию, Господь наш Иисус Христос вкушал пищу с Своими учениками до времени Своея страсти и по воскресении из мертвых. Из этой часовни прошли мы в средину городка в маронитскую или греко-унитскую церковь, построенную на месте древней еврейской синагоги, в которой Отрок Иисус изъяснял пророчество Исаии, к Нему относившееся. Когда мы вошли сюда, шла вечерня. Несколько арабов сидело на полу по-восточному, а священник в ризе греческого фасона совершал вход с Евангелием.

Назарет – город по преимуществу латинский. Греки почти совсем его оставили. Наша православная (греческая) церковь находится вне города, у источника, единственного в городе, из которого, по преданию, носила и пила воду Пречистая Дева; ту же воду пил предвечный Младенец, святой Иосиф Обручник и апостолы. Можете себе представить, как при этой мысли было нам приятно пить эту самую

воду! Мы, прежде чем напились ее, пропели здесь тропарь Благовещения. В православной назаретской церкви, построенной, по преданию, усердием нашего императора Петра Великого, только что кончилась вечерня, когда мы вошли в нее. Народ с любопытством столпился возле часовенки (внутри церкви), заключающей в стенах своих агиасму. Напившись этой сладкой по воспоминаниям воды и поблагодарив церковную прислужницу старицу Марию (из русских поклонниц), черпавшую нам оную, мы поспешили к своим лошадям, желая засветло добраться до Фавора, где располагали отдохнуть под кровом тамошнего православного отшельника, старца Иринарха. Но Бог судил иначе: арабы заупрямились, говорили, что ехать на Фавор поздно, лошади устали и т. д.; я решился просить совета у местного священника, и когда он подтвердил, что ехать точно поздно и потому небезопасно, решились остаться на ночлег в доме, принадлежащем грекам. Пока занимались приготовлением чая и ужина, наступила темная ночь; я вышел на террасу подышать прохладным воздухом и вместе собрать свои впечатления о Назарете. Назарет значит «цвет», и в самом деле это цвет Галилеи. Огромные горы образуют прекрасную заслоненную отовсюду ими долину, на которой разбросаны смоковые и масличные сады; под горами с южной стороны рассыпаны домики этого счастливого городка; дома эти, как и везде в Сирии, сложены из камня, в два этажа и составляют прекрасный вид. По горам вокруг города зеленая полоса разных деревьев красиво отделяется от белого известкового грунта, на котором отлично родится виноград, смоквы и маслины. Население состоит из 7000 арабов, по большей части латинского вероисповедания. Греки, как было упомянуто выше, почти совсем оставили Назарет, но с прибытием нашей миссии, вероятно следуя ее внушениям, решились поправить свою ошибку, т. е. поддержать ослабевшее здесь православное влияние, и в этих видах в недавнее время в храме Воскресения Господня бывший назаретский эпитроп монах Нифонт посвящен Патриархом в митрополиты назаретские с тем, чтобы жил в своей епархии и действовал к ее благу.

Источник в Назарете

У греков есть предание о двух актах Благовещения или, как выражаются, о двух Благовещениях, из которых первое (начальное) совершилось у источника, где ныне стоит православная церковь, когда Пресвятая Дева пришла к нему почерпнуть воды, а второе – когда пришла домой и стала на молитву. Церковь украшена благолепно и обделана мрамором; четыре престола ее посвящены Царице Ангелов. Русская старица Мария, живущая добровольно при этой церкви, много заботится о ее чистоте; ее побаиваются небрегущие о сем арабские священники; она же удерживает свое влияние на них своею добротою и силою денег, собираемых ею на церковь от русских богомольцев, посещающих это святое место. К источнику, обильному водою, постоянно стекаются назаретские женщины с высокими глиняными кувшинами древней библейской формы и, наполнив их, ставят на голову и так возвращаются домой. Замечательно, что в Назарете вовсе нет евреев. Костюм женщины удерживают до сих пор тот самый, который по преданию был здесь и во времена Девы Марии: длинная синяя туника с разрезными, висящими едва не до земли рукавами;

поверх туники род кафтана, стянутого кожаным поясом. На голове род низкой кички, на которой прикреплено покрывало, упдающее с головы на плеча. Глядя на этот античный убор, невольно думалось: так и Матерь Божия, укрытая от взоров человеческих в своем смирении, носила воду, ибо обычаи на Востоке держатся чрезвычайно долго. И теперь если бы кто-нибудь был подобно слуге Авраама послан для выбора невесты в Назарет, не мог бы сделать ничего лучшего, как остановиться при колодезе: он увидит здесь девушек целого города, которые, как говорят, отличаются красотой между всеми жителями Палестины, что они приписывают особому благоволению Божию и той причине, что между ними жила некогда Пресвятая Дева, «честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим».

20 октября в понедельник в три часа утра мы выехали, но не на Фавор, как располагали накануне, а к Тивериадскому морю. Дорога была довольно утомительна, особенно пока еще не рассвело; ночью проехали мы чрез Кану Галилейскую; впрочем, остановились у ее бедной церкви, вошли и поклонились святым иконам; здесь у стены стоит несколько больших сосудов, подобных тем, которые были наполнены водою во время чудесного претворения ее в вино на брачной вечери, которую почтил Своим присутствием Господь наш Иисус Христос. По выходе из церкви встретил нас фаворский отшельник старец Иринарх; мы объявили ему о своем намерении побывать на другой день на Фаворе, но он не мог нам сопутствовать, будучи отозван по делам, не терпящим отлагательства, в Назарет. По выезде из Каны Галилейской проводники наши по темноте отклонились несколько от дороги, и едва к восьми часам утра мы прибыли на ту гору, где совершилось чудо насыщения семью хлебами и несколькими рыбами 4000 человек народа. На вершине этой возвышенности находится тринадцать огромных черных базальтовых камней, из которых один побольше; предание говорит, что на нем сидел Спаситель во время чудесного раздаяния и умножения хлебов. Камни эти носят название тринадцати тронов. Отсюда открывается очаровательный вид на Фавор, Ермон и море Галилейское или Тивериадское. Следуя обычаю, мы положили на этих камнях бывшие с нами хлебы; я прочел Евангелие, относящееся к совершенному здесь чуду, и, благословив хлебы, разделил их своим спутникам для подкрепления сил. Отсюда по кратком отдыхе мы спустились к Тивериадскому морю. У самого берега

его стоит маленький и бедный город Тивериада, населенный наполовину евреями. Мимо стен города, обратившихся в живописные развалины, мы проехали прямо к горячим водам, называемым «Гаман». Вода в ручье так горяча, что нельзя опустить в нее руку, не обжегшись. В состав ее входят: соль, сера и железо. Вытекает этот источник из базальтовой скалы за сто шагов от озера. Близ ручья устроена Ибрагимом пашою круглая купальня. Она состоит из маленьких боковых комнат и большой залы, в середине которой находится выложенный мрамором бассейн, – вода в него проведена из источника и упадет через разинутую пасть изваянного из камня льва. Содержатель купальни – турок. Когда мы расположились у купальни, в ней находилось несколько больных евреев. Переждав их, и мы выкупались в горячей воде, которую сначала едва можно было стерпеть. Выйдя оттуда, я поспешил погрузиться в воды Тивериадского моря, освященные хождением по нем Спасителя, а также тем, что не раз воды его носили на себе ладью с Господом Иисусом и Его божественными учениками, спасением от потопления Петра, чудесною ловитвою рыб, трапезою на берегу его по воскресении и т. д. Рыбы и теперь множество плещаются у самых берегов, но нет у жителей ни одной ладьи, и хотя мы тотчас же по приезде заказали наловить ее удочкою одному еврею, но так и уехали, не дождавшись ее, ибо спешили поспеть на ночь на Фавор.

Вид Тверии и Тивериадского озера

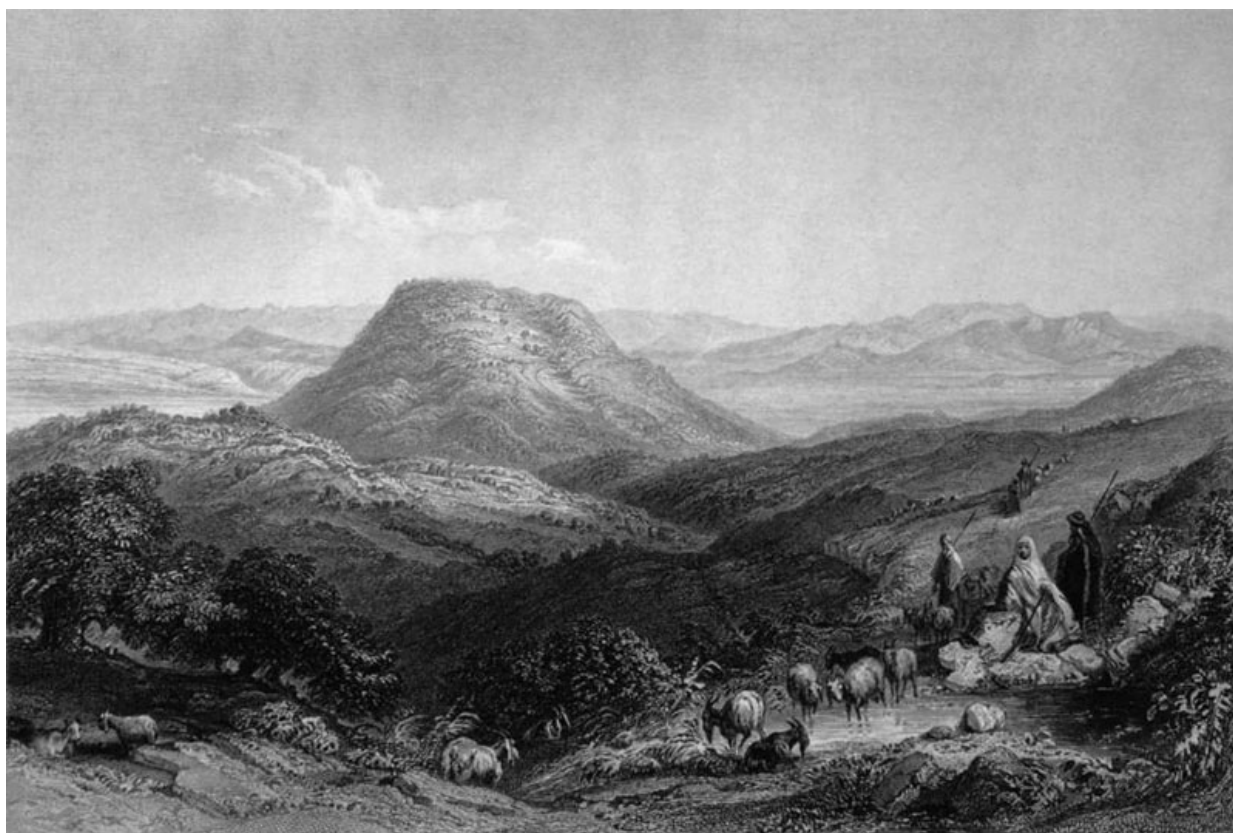
Отделясь от своих спутников, освеженный купаньем в волнах святого озера, долго бродил я по его берегу, любуясь окрестными видами и поверяя глазами описание путешественников, посетивших эти места прежде меня: вот бедное арабское селение Майздель, евангельский Магдал, – родина святой Марии Магдалины, состоящее из нескольких хижин, разбросанных на берегу озера у подножия высоких скал, в которых видны устья пещер. Один из путешественников XIII века еще видел здесь дом Марии Магдалины, но теперь нет и следа его. Недалеко от этого селения несколько развалин, поросших кустами; на прибрежной скале указывают место древней Вифсаиды, родины апостолов Петра, Андрея и Филиппа. Еще далее развалины башни указывают место Капернаума, где пребывал Спаситель по взятии Иоанна Предтечи, и посему «люди сидящие во тме узрели свет велий» (Мф 4, 13). Сколько чудес милосердия, сколько спасительных уроков освятили это место! Все эти пункты я видел лишь издали по недостатку времени, но я и не жалел о сем много: лежащее перед моими глазами озеро пробуждало в душе столько воспоминаний, столько чувств и впечатлений, что все это вместе претворялось в какой-то неописанный

восторг, в котором трудно было отдать отчет себе самому. Озеро овальной формы, в длину верст на пять, в ширину версты на две, спокойно лежит на дне, окруженном скалистыми горами котловины; с севера чрез ущелье входит в озеро Иордан и с полудня по узкой долине эта священная река продолжает свое течение. С запада, кроме долины Тивериадской, тянется дальше узкая равнина Генисарет, составляющая подножие весьма высокой горы, на которой высится доселе Сафет – древняя Бетулия. Смотря на этот городок, прилепившийся на вершине высокой горы подобно орлиному гнезду, легко можно согласиться с преданием, что Спаситель думал о Сафете, когда сказал, что не может укрыться град верху горы стоя. На восточной стороне озера над самою водою возвышаются скалы дикого и мрачного вида. Смотря на эти обнаженные горы, окрашенные черным или серым цветом, и не видя на них ни деревьев, ни зелени, чувствуешь какую-то печаль, которая возрастает особенно когда обратишь взоры на гробовую тишину озера; по водам его с давних времен не скользит ничья ладья и не оживляет своим движением этой мертвой пустыни, которая кроме развалин Тивериады окружила отовсюду это озеро; лишь посредине его заметно движение: тянется серебристая лента Иордана, означая его бег через эту глубь. Прежде окрестность озера была убрана чудесно, ибо обнаженные ныне и черные покатоности гор были покрыты виноградниками и разными плодовыми деревьями. «Кажется, – говорит современный тому свидетель, историк еврейский Иосиф, – что природа хотела особенно украсить это место, дабы могла им гордиться, потому что указала расти здесь вместе деревьям неприязненным одно другому (т. е. не встречающимся в одном и том же месте)». Посреди этой роскошной зелени все озеро было увенчано веселыми городками и селениями и по его гладким валам скользили тысячи рыбачьих челнов, которые при нужде служили и для обороны. Во время возмущения евреев противу Веспасиана на этом озере происходили кровавые битвы. До сих пор озеро весьма рыбно, но рыбаков весьма мало, ибо едва несколько человек евреев занимаются этим промыслом; они бросают с берега небольшие сачки, потому что не имеют лодки, необходимой для ловли неводом; ловят также удочками или бьют рыбу острогой, когда она стадом плывет у самого берега. Рыба здешняя имеет особенный вкус, и встречаются сорта ее такие, какие лишь есть в Ниле. Обыкновенная рыба: карпы, лещи, окуни и плоская рыба (род сельди),

в четверть длиною, которую жители христиане называют рыбою Святого Петра; есть еще род небольшого карпа, называемого рыбою Христа Спасителя, ибо, по преданию, Спаситель особенно любил эту рыбу. Другие же рыбы, крупные, кроющиеся в глубинах озера, наслаждаются полным спокойствием, ибо ничья сеть их не тревожит. С глубоким почтением смотрел я на окрестные горы и благословенные воды, ибо они были свидетелями чудес, учения и жизни Богочеловека и Спасителя нашего. Нет здесь клочка земли, которого бы Он не освятил Своими пречистыми стопами, а эти прибрежные скалы сколько раз оглашались сладчайшими звуками Его божественных слов! При взгляде на прекрасную окрестность Генисарета душа прежде всего поражается мыслию о чувствительности Господа нашего, ибо сердца, искренно любящие прекрасную природу, всегда суть сердца чувствительные и добрые. Итак, это место столь любимое Спасителем и предпочитаемое Им другим, было для меня как бы чудесною евангельскою картиною. Читая вслух Евангелие, я хотел не только оживить мои воспоминания, но еще снова огласить эти места Его святыми словами. На этих берегах Господь наш Иисус Христос воззвал Симона и Андрея и двух сынов Зеведеевых, и этих простых рыбаков сотворил ловцами человек и таким образом основал свою Церковь. Здесь из ладьи поучал Он стоящие на берегу толпы народа и здесь впервые услышались притчи о сеятеле, о закинутом неводе и множество других. Здесь Он запретил ветрам и волнам, и они утихли мгновенно по гласу Творца своего. Однажды ночью плыла по этому озеру ладья с учениками, они со страхом узрели своего Божественного Учителя, идущего по поверхности той же самой воды, и здесь святому Петру, тонущему ради маловерия, подал Господь ту милосердную руку, которая до сих пор помогает нам грешным и проводит нас по житейскому морю, присно воздвигаемому напастей бурей. В этом озере по приказанию Господа Петр поймал рыбу, в которой нашел статир для уплаты подати за себя и за Богочеловека; здесь на берегах милосердый Господь исцелял больных и бесноватых. Но как можно исчислить все дорогие воспоминания о Спасителе нашем, когда известно, что эта окрестность была любимым и постоянным местом Его жительства, откуда Он редко отдалялся в другие места, не желая ходить по Иудее, где хотели убить его, как говорит Евангелие! Здесь был Капернаум, называемый в Писании градом Спасителя; здесь Хоразин, Вифсаида и едва не все

селения, упоминаемые в Евангелии, которых теперь не осталось и следов. Как это озеро было любезно Спасителю, можно заключить и из того, что на его берегах благоволил Он явиться Своим ученикам по Своем светоносном воскресении. Так начало и конец небесного посольства, кажется, были связаны с этими тихими водами, ибо в начале великого дела искупления, чудесною ловитвою рыб, Он явил Свою Божескую силу простым рыбакам, которые, оставив все, последовали за ним, а в последние дни пред вознесением на небо, когда крестная жертва уже была совершена, видим Его снова у тех же самых берегов, и тех же самых рыбаков, утомленных, как и прежде, неудачным трудом в течение целой ночи, которые снова закидывают сети по гласу не узнанного ими Учителя и так же, как прежде, посредством чудесной ловитвы познают своего Бога и Господа. А эта обильная ловля не служила ли прообразованием обильнейшего уловления во спасение душ человеческих, которое чудесно исполнили простые рыбаки этого озера? Но святые сети, по небрежности позднейших ловцов, повредились, а потому какое множество Божьих рыб блуждает вне спасительного невода и становится пищею лютых страстей или лжеименного разума! С Тивериадского озера мы спешили на ночлег на Фавор, но один из наших пеших спутников, уйдя без спросу и сказу вперед по другой дороге, встревожил нас немало и расстроил наш план. Выжидая его, мы опоздали и должны были ночевать в мусульманской деревне Лубы, отстоящей от Фавора на 3 часа езды. Ночь провели не без некоторых опасений и не решились выехать ранее рассвета, боясь какой-либо засады. Шейх (сельский староста), под кровом которого мы ночевали, вызвался проводить нас до Фавора, куда мы прибыли в 8 часов утра. Прилегающие холмы и вся священная гора поросли редким дубовым лесом; восход на нее довольно труден: с половины горы мы спешили и вели лошадей в руках. Идя я срывал выдававшиеся из каменных расселин цветки. После часового труда мы взобрались на святую гору и отдохнули в келье старца Иринарха (который по вышесказанному сам был в это время в отлучке, в Назарете), занявшей место на развалинах древнего греческого монастыря. Еще видны полукружия алтаря, места престола, жертвенника и диаконикона; нетрудно восстановить и весь храм. Старец молдавский архимандрит Иринарх, ученик одного из учеников известного подвижника старца архимандрита молдо-влахийских

монастырей Паисия Величковского, поселясь здесь вследствие чудесного видения, утвердился на Фаворе прочною ногою и доселе не имеет соперников. Окрестные бедуины – племя таборитов – уважают святого старца и, как арабы саввинские, готовы быть стражами возникающей обители. При старце живет диакон, тоже молдаван, и еще два странника той же нации. На вершине Фавора есть еще две развалины: восточную латины считают своею и раз в год служат в сохранившейся пещерной церкви; за этими развалинами высшая точка горы тоже носит следы развалин, которые пустынные называют «царскими палатами».

Фавор

С Фавора открываются восхитительные виды на все стороны: обширная равнина Ездrelонская, известная своими битвами, почти у подножия святой горы; славный Ермон, вместе с Фавором радующийся о имени Господнем, а у подножия Ермона видно маленькое селение Наин. Недалеко лежит селение Ендор, где Саул, вопрошавший волшебницу о будущности, увидел тень пророка Самуила, которая

предсказала ему гибель; далее гора Гелвуй, где исполнилось это предсказание. Там побросали щиты свои сильные Израиля; там Саул и Ионафан, быстрые как орлы, сильные как львы, которых меч не обращался праздно, полегли в неравной битве. Арабы рассказывают, что до сих пор гора Гелвуй пуста и никогда не освежается небесной росой. Далее рисуются очерки гор Самарии. Вся Галилея отсюда как на ладони: прекрасная страна! Множество округлых холмов и не крутых, украшенных деревьями, и так стесненных, как будто бы в пляске одни другим наступают на пяты; «взыграшася горы, яко овни, – говорит Давид, – и холми, яко агнцы овчии»; кой, где между этими холмами стелются долины. Издали виднеется пророческий Кармил с его отрогами как бы огромный вал. Еще далее блестит равнина Средиземного моря; потом взор встречает горы Бетулии, Тивериадское озеро и Антиливан, убеленный вечными снегами, а скалистые горы Аравии каменистой оканчивают этот величественный вид. Здесь поистине можно с чувством повторить слова святого Петра: «добро нам zde быти!» хотя эти слова сказаны в другом смысле. Три развалины, видные на плоской вершине Фавора, должны быть развалинами трех церквей, построенных в цветущее время христианства в память слов того же апостола: «сотворим zde три сени...»^[92].

Обращает невольно внимание разница Назарета и Фавора. Назарет, место укрытого пребывания Божества, есть роскошная долина, имеющая в себе что-то тихое и скромное. Фавор – место Преображения, явления Божества во славе – восхищает своею величественностью; нельзя было найти достойнейшей для Преображения Господа славы горы, и нет ничего удивительного, что когда хотели представить идею возвышенного и величественного, брали в сравнение эту гору. Так, Иеремия сравнивает царя египетского, славного и могущественного между народами, с Фавором между горами (Иер 46, 18).

Долго-долго не мог я насытиться этим видом, столько же приятным, сколько и суровым; но время было ехать. Подкрепясь тем, что нашлось в пустынной келье старца (особенно обрадовались мы арбузу), и оставивши ему посильный дар за гостеприимство, мы тихо начали спускаться с горы, а потом дали волю своим коням бежать по Ездrelонской долине, чтобы поспеть засветло в Кайфу на русский пароход, отходивший в ту же ночь в Яффу. Поздно вечером добрались

мы до Кайфы, усталые донельзя. Пароход только что пришел, и мы в сопровождении кайфиского агента нашего пароходного общества отправились на него в большой шлюпке. Получив удобную каюту, я скоро заснул и только наутро, когда уже была в виду Яффа, проснулся и познакомился с капитаном и офицерами. Пароход этот громадных размеров и хорошо убран – называется Константин. Командир – князь Максутов. В среду 22-го числа октября прибыл в Яффу и выехал на ночлег в Рамлю; в четверг 28-го возвратился к обеду благополучно во Святой Град, а в субботу служил Литургию, благодаря Господа за благополучно совершенное путешествие, которое стоило мне около 10 турецких лир (60 руб. серебром); но можно ли оценить вполне дорогие впечатления виденного?

Хеврон

«И дам тебе и семени твоему по тебе землю, в нейже обитаеши, всю землю Хавааню во одержание вечное, и буду им Бог»

(Быт 17, 8).

«Погребе Авраам Сарру жену свою в пещере сугубей, яже есть противу Мамврии: сия есть Хеврон в земли Ханаанстей»

(Быт 23, 19).

Дорога в Хеврон. – Географическое положение и население Хеврона. – Промышленность Хеврона. – Пещера Махпелла. – Дуб Мамврийский. – Окрестности Хеврона.

Хеврон находится на юг от Вифлеема. Это самый крайний пункт на юг, до которого доходят странствования наших поклонников в Земле Обетованной. В этот город их влекут библейские воспоминания и преимущественно рассказ о Мамврийском дубе, под которым Авраам принимал трех Ангелов. Это событие освятило собою высокую добродетель странноприимства, «неции бо, – по словам Писания, – не ведяще странноприяша Ангелов». Рассказ о сем Библии, дышащий простотою времен патриархальных, влечет наших странников в Хеврон, и редкие из них оставляют Палестину не посетивши этого города. Обыкновенно для этого богомольцы, если соберется их довольно, через консула нанимают эскорту у паши из одного или двух человек или же, если партия небольшая, отправляются на ночлег в Вифлеем и при посредстве тамошнего настоятеля нанимают одного из вифлеемских арабов в проводники и пускаются в путь. Хеврон отстоит от Вифлеема на пять или на шесть часов езды. Тотчас по выезде из Вифлеема вы вступаете в горы, ныне совершенно обнаженные, но которые прежде были покрыты густым лесом. Вправо в нескольких верстах от дороги находится уже известный нам монастырь Св.

Георгия, который некоторые и посещают при этом случае, а иные прямо едут в него из Иерусалима и отсюда отправляются для обозрения Хеврона. Дорога проходит мимо так называемых «прудов Соломона», с которыми мы также уже успели познакомить читателей, и укрепленного хана, который служил некогда для защиты двух дорог, идущих отсюда в Иерусалим, а частью, вероятно, и для того, чтобы охранять в военное время резервуары, снабжающие Иерусалим водою.

Отсюда дорога в Хеврон идет через невысокие и однообразные горы, местами покрытые кустарниками и деревьями. Путь этот вообще дик, и только кое-где проглядывают красивые местности. В горах и долинах видно много развалин, но мнения о них исследователей библейской старины еще никем не соглашены и не определены. Наш древний паломник игумен Даниил, описывая этот путь, вспоминает о находящейся на нем иссохшей реке (потоке) Ифамской, о которой упоминает пророк Давид в Псалме: «ты иссушил еси реки Ифамския». «Есть же, – пишет Даниил, – ныне река та суха, но под землю течет, и явится близ моря Содомского, и ту бо выходит в море Содомское». Новейшие исследователи подтверждают это, говоря, что возле водохранилищ Соломоновых и, может быть, на самом том месте, где теперь стоит упомянутый выше укрепленный хан, находился библейский город Итам, куда уклонился Самсон, отмстивши филистимлянам за сожжение первой жены его: «и сниде и вселиса у водотечи в пещере камене Итама» (Суд 15, 8). Но самые замечательные и, по отзыву очевидцев, самые красивые развалины находятся в стороне от Хевронской дороги и потому почти вовсе не известны нашим путешественникам, – это так называемый арабами Бет-Джибрин (дом Гавриила). Это древний Елевферополис. В нескольких милях от него, на берегу моря находятся развалины древнего города Аскалона, которые тоже, по отзыву посещавших их, довольно значительны. Во время крестовых походов он еще существовал и считался одним из главных убежищ исламизма. Наш паломник Даниил, путешествовавший в это время, описывая Хевронский путь, вспоминает и об Аскалоне, а именно, упомянувши о иссохшем потоке Ифамском, он продолжает: «и ту есть, обон пол реки тоя, гора висока вельми, и есть на горе той лес велик и част, и львове и пардуси многи в лесу живут по горе той; путь же есть сквозь гору страшен и неудобь проходен; есть бо ту твердь велика. Избивают Срацыне в горе той, и

иже кто хочет пройти гору ту в мале дружине, и той не может пройти ея. Мне же Бог пригодн дружину добру и многу зело, и тако пройде без пакости место то страшно. Ту бо прилежит Аскалон град Срацинский, а оттуда выходят погании мнози и побивают людие на пути. На той горе, в том лесу убиен был Авессалом сын Давидов, брат Соломона, туда бо бежаше от победы (над ним) отца своего. И ту внесе его мца в чащу леса того, и ят его лоза за власы и долу изверже. И ту повесишась на древе высоко, устрелен бысть тремя стрелами в сердце. И тако вися на древе, умре»^[93].

По немалому числу развалин, находящихся в горах на пространстве между Вифлеемом и Хевроном, нельзя утвердительно сказать, какое именно место понимает Даниил, говоря: «есть ту твердь велика», но по всем вероятиям – Фекоа; это гора находящаяся в десяти или двенадцати верстах от Вифлеема к югу, на которой некогда была построена царем иудейским Ровоамом крепость того же имени. На развалинах Фекоа был позже построен монастырь, развалины которого видны и поныне. Предположение наше, что Даниил под именем «горы и тверди великой», понимает именно это место, тем вероятнее, что и ныне некоторые из европейских путешественников проезжают в Хеврон через Фекоа, от которой дорога в Хеврон пролегает по горам и долинам, покрытым виноградником и дубовыми лесами, о которых упоминает и Даниил; легко может статься, что Даниил следовал именно этим путем^[94].

На нынешней дороге в Хеврон есть также немало безымянных развалин; одни из них, более обширные, видны влево на горах и означаются четверугольною башнею; арабы называют их Берейкут. Оттуда открывается вид на Мертвое море. По мнению нашего ученого паломника А. С. Норова, эти развалины принадлежат библейскому городу Вефахарму, о котором упоминает пророк Иеремия, говоря: «укрепитесь сынове Вениаминовы посреде Иерусалима, и в Фекуи вострубите трубою, и над Вефахармом воздвигните хоругвь, яко злая произникоша от севера» (Иер 6, 1).

Вскоре отсюда начинается спуск в обширную луговую долину; она очень живописна: горы, одетые зеленью и рощами, обрамляют ее со всех сторон. Далее путь к Хеврону следует по пересеченной местности, на которой между горами непрерывно видятся роскошные лоцины,

покрытые виноградниками и рощами фигов, маслин и теревинфов. Наконец развертывается долина Мамврийская и Хеврон.

Хеврон есть один из древнейших городов в мире. По преданию раввинов, здесь укоренившемся, в нем погребены наши прародители Адам и Ева, тогда как христианские предания полагают место погребения их на Голгофе. Хеврон был местопребыванием Авраама. Здесь в сугубой пещере погребены Авраам, Сарра, Исаак, Ревекка, Иаков и Лия. В IV веке святая Елена построила церковь над «сугубою пещерою», заключающей в себе гробы этих Патриархов. Арабы называют Хеврон «Ель-Халиль», град друга (Божия), то есть – Авраама.

Хеврон расположен в долине; он не обнесен стенами и разделяется на две части: одна часть его упирается в скалы, где находится Авраамова «сугубая пещера», а другая примыкает к подошве лесистой горы. Внизу виден древний каменный водоем, довольно обширный; вода из него стремится по долине и сквозь город по узким улицам.

В Хевроне считается до 400 домов и до 5000 жителей, все мусульмане, исключая 400 евреев, живущих в нижнем городе; христиан нет вовсе. Евреи, живущие в Хевроне, отличаются редкою опрятностью и довольством; дома их все выбелены и чисты, тогда как во всех других городах Востока жилища евреев представляют нищету, ужасную нечистоту и нерящество. Чистый воздух (Хеврон стоит выше Иерусалима на 37 сажень) и хорошая пища действуют благоприятно на здоровье жителей: в Хевроне вы редко встретите желтое изнуренное лицо и сразу заметите разницу между базарами его и Иерусалима, ибо на хевронских базарах виден избыток во всех жизненных припасах, что составляет верный признак плодородия земли и благосостояния жителей. Главная промышленность жителей Хеврона состоит в стеклянных изделиях. На здешних стеклянных заводах довольно искусно выделываются лампы, отправляемые большими караванами в Египет, кольца и браслеты, которыми арабские женщины обыкновенно украшают свои руки. Браслеты эти делаются из разноцветного стекла, однако больше любимого арабами синего цвета. В Иерусалиме близ площадки храма Святого Гроба есть склады хевронских изделий из стекла. Также немаловажную отрасль хевронской торговли составляет сушеный виноград (изюм), и нигде в Палестине не случится вам есть такого вкусного и душистого винограда как в Хевроне. Если бы здешние жители занимались

виноделием с большим старанием, то можно наверно сказать, что вина хевронские сравнялись бы с лучшими кипрскими и ливанскими винами. – В Хевроне нет замечательных зданий, кроме мечети, в которую обращена христианская церковь, построенная в IV веке святою Еленою над гробами Патриархов или так называемую «Сугубою Пещерою». Место это по фанатизму мусульман хевронских доселе еще остается недоступным для христиан^[95]; тем любопытнее всякое о нем сведение. Наш паломник XII века игумен Даниил посещал эту пещеру свободно и описывает ее так: «сугубая пещера в камени иссечена, и в той пещере есть гроб Авраамов, Исааков и Иаковль. Ту бо пещеру сугубую (двойную) Авраам купил у Ефрона Хеттеянина на погребение себе и всему роду своему, егда пришед от Месопотамии в землю Хананейскую, иногo-ж себе не притяжа ничего-ж, но токмо пещеру сугубую на погребение себе и всему роду своему. И есть ныне создан град каменной около печеры тоя тверд вельми; создан есть великим камением хитро, вельми несказанно; и стены его высоки суть вельми. Посреде же града того, во дне его, суть утвержена печера та крепко, помощен же град той досками мрамора белого. Есть же печера та под мостом тем мраморным исподи утверждена вельми, идеже лежат: Авраам, Исаак, Иаков и все сынове Иаковле и жены их ту лежат: Сарра и Ревекка и Лия, а Рахиль кроме (особо) лежит на пути у Вифлеема. Суть же во граде том во дне над печерою гроби создани розно себе; над гробами же теми создани суть церковцы малы, круглы. Есть близ себе гроб Авраамов и Саррин жены его. Гроб же Исааков и Ревеккин тако ж есть близ себе гроб Иаковль и жены его Лии потому ж близ себе есть, а Иосифа прекрасного гроб вне града того, кроме печеры сугубыя вдалье, яко довержет муж камением от града того^[96]. И то место ныне зовется святыи Авраам»^[97]. Для сравнения с этим описанием сугубой пещеры приведем другое подробное описание, сделанное знаменитым путешественником Али-беем^[98].

«Гробы Авраама и его семейства, – пишет он, – находятся в мечети, некогда бывшей греческою христианскою церквиею. В мечеть входят по прекрасной широкой лестнице, ведущей к длинной галерее, выдавшейся на большую площадку; влево представляется портик, опирающийся на квадратных пилястрах. В преддверии мечети находятся два отделения: в одном, направо, стоит гроб Авраама, в другом, налево, гроб Сарры^[99]. Во внутренности мечети, устроенной в

готическом вкусе, справа между двумя большими пилястрами виден отдельный склеп, в котором стоит гроб Исаака, а по левую сторону в таком же склепе гроб жены его Ревекки. По другую сторону площадки есть также преддверие, с двумя по сторонам отделениями, в которых, по левую сторону, находится гроб Иакова, а по правую – жены его Лии. На конце портика мечети находящаяся в правой стороне дверь ведет в длинную галерею, из которой проходят в другое отделение, где находится гроб Иосифа, скончавшегося в Египте, но тело его перенесено было сюда народом Израильским. Все гробницы этих святых праотцев покрыты богатыми шелковыми зеленого цвета коврами, превосходно вышитыми золотом, а гробницы жен их покрыты такими же коврами алого цвета и также вышитыми. Ковры эти доставляются сюда султанами из Константинополя, и я на одной гробнице Авраама насчитал девять ковров, лежащих один на другом. Комнаты или склепы, где помещены гробницы, также убраны коврами; входы ограждены железными решетками с деревянными дверями, обложенными серебром, которые и запираются также серебряным замком» (см. у Misliná. Т III. С. 60).

В память странноприимства Авраамова в одном из прилежащих к мечети зданий раздаются ежедневно по несколько тысяч порций хлеба бедным туземцам и пришельцам из мусульман.

Так называемый Мамврийский дуб, который именно и привлекает в Хеврон большинство наших богомольцев, по изысканиям ученых исследователей Святых мест, если и не есть именно тот самый дуб, у которого Авраам удостоился принять Ангелов, несомненно, что он подобно священным маслинам Гефсиманского сада растет в той же самой Мамврийской дубраве, в той же самой местности, которая была свидетелем странноприимства Авраамова, вошедшего в поговорку. Этот исполинский дуб (теревинф) находится в получасе пути от города и издали манит взоры путника своею величавою вершиною, затмевая красотою всю богатую окрестную растительность. Величина его изумительна; ветви раскинулись обширным непроницаемым навесом, в окружности коего 120 шагов; окружность ствола при корне имеет двадцать четыре шага или восемь сажень. Ствол этот образует природные седалища. Здесь-то обыкновенно останавливаются караваны наших поклонников, и в то время как одни подкрепляют себя пищею, другие с помощью проводников отрезают от нижних ветвей

теревинфа сучья и палки себе на память, не рассуждая, что этим самым портят то, о чем желают сохранить память.

Раскроем лучше на этом месте страницы священной книги, чтобы напомнить себе о событии, здесь совершившемся: «явился ему (Аврааму) Иегова у дубравы Мамре, когда он сидел у дверей шатра во время зноя дневного. Он возвел очи свои, и посмотрел, и се, три мужа стоят против него. Он увидел и побежал им навстречу от дверей шатра, и поклонился до земли. И сказал: государь мой! Если я обрел благоволение пред очами твоими, не пройди мимо раба твоего. Позвольте принести немного воды, и омыть ноги ваши; и отдохните под сим деревом. А я принесу хлеба, чтобы подкрепить сердца ваши; потом пойдете; ибо для того и проходите вы близ раба вашего. Они отвечали: сделай так как говоришь. И поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал: поскорее замеси три меры крупичатой муки и сделай пресные хлебы^[100]. Побежал также Авраам к стаду и взял тельца молодого и тучного и дал отроку, который и поспешил приготовить его. И взял масла и молока, и тельца приготовленного, поставил пред ними, а сам стоял пред ними под деревом; и они ели» (Быт 18, 1–8).

Этот дуб еще существовал во времена императора Константина и был в большом почтении даже у язычников. Через церковного историка Евсевия дошло до нас послание сего императора к Макарию, епископу Иерусалимскому, о сооружении близ Мамврийского дуба храма. «Мы знаем, – писал он, – что место находящееся у Мамврийского дуба, где обитал Авраам, омрачено идолопоклонством, и для того я повелел нашему знаменитому другу Акакию, чтобы без отлагательства предать идолов огню и испровергнуть их алтари; а дабы впредь оградить это место от поругания, мы определили и повелели украсить его великим храмом. Всем известно, что там впервые Бог Вседержитель явился Аврааму и беседовал с ним; там возникло начало священного закона и соблюдение его; там впервые сам Спаситель с двумя Ангелами благоволил милосердно явить Себя Аврааму; там Бог начал проявлять Себя людям; там предрек Он Аврааму бесчисленное поколение от семени его».

Теперь развалины Константинова храма осенены несколькими деревьями и под сенью их стоит мусульманская молельня.

Наш паломник XII века игумен Даниил подробно описывает дуб Мамврийский, который, как видно, также привлекший его особенное

внимание: «есть же, – пишет он, – дуб той святой у пути близ на правой руке, тамо идучи (то есть к Хеврону) стоит на горе красно вельми. Есть бо около горы тоя уродилося каменя яко помост до земли, равно яко досками помощен мрамора белого и есть около всего дуба того дивного помощено, яко помост церковный и посреде помоста того вырос дуб святой из каменя того дивно; есть же на верху горы тоя, около дуба того уродилось ровно яко дворище пусто, около каменя^[101]. И ту стоял шатер Авраамов близ дуба того же, к востоку лиц. И есть же дуб той святой не вельми высок, но краковат, и часты ветви имущ, и плоду много на нем есть; ветви же его близ земли приклонились, яко может на земли стоя муж досягчи ветви его. В толще ж, есть дву сажень, моею рукою измерих его, а голомя его (т. е. вверх) до ветви полуторы сажени есть^[102]. Дивно же и чудно, колико лет есть тому дубу святому и на висоцей горе не вредися, ни гнилости на нем нет, но стоит от Бога утвержден, яко теперь посажен. И под той дуб прииде Святая Троица к патриарху Аврааму, и ту обеда у него под дубом тем святым; и ту благослови Святая Троица Авраама и Сарру жену его, и вдаст има на старость родити Исаака. Показа же Святая Троица ту (здесь) воду Авраамови, есть же кладязь той днесь под горою тою, у пути близ^[103]. Та бо земля около дуба того зовется Мамврия, да потому ся зовет и дуб Мамврийской»^[104].

В окрестности Хеврона находится много замечательных селений, из которых наиболее замечательно «село Богородицы», названное так потому, что здесь, как уверяет предание, останавливалась на ночлег Пресвятая Богородица с Предвечным Младенцем и святым Иосифом во время бегства в Египет; прежде здесь был дом, принадлежавший грекам, но теперь нет ничего. Близ этого села находится источник, называемый «источником Сарры». Приятно было слышать араба, произносящего в долине Хеврона почтенное имя Сарры, этой верной спутницы жизни отца верующих, которого недаром местное предание почтило названием «друга Божия» – «Ель-Халиль».

С одной из окружающих Хеврон высот, обращенных к Мертвому морю, открывается сквозь ущелие обширный вид на Мертвое море и прилежащую ему пустыню. Место это называется «Кафар-Баруха» (село благословения), место, о котором вспоминает еще блаженный Иероним, описывая путешествие Павлы: «на следующий день, – говорит он, – с восходом солнечным, она взошла на вершину,

называемую Кафар-Баруха (село благословения), куда последовал за Господом (явившимся в лице трех Ангелов) Авраам. Оттуда открылся ей обширный вид пустыни, где некогда процветали Содом, Гоморра, Адама и Севоим». Наш игумен Даниил тоже посещал эту гору и оставил ее описание: «ту же есть место гора высока, на полдни лиц, от сугубья пещеры, вдалее, яко версты одна, и на ту гору взыде Святая Троица со Авраамом, до тоя бо горы проводи Авраам Святую Троицу от дуба Мамврийского. И ту есть место, на верху горы тоя, красно и высоко вельми; на том месте Авраам паде на лице свое, и поклонясь Святой Троице, и молящесь о Содоме, глаголаше: «Господи! не погуби праведного с нечестивыми, и да не будет праведный яко нечестивый в пагубу. С тоя же горы посла Св. Троица два Ангела в Содом, да изведут Лота из Содома. И ту, на том месте, невидима бысть от Авраама Св. Троица. Тогда же Авраам жертву принесе Богу: пшеницу всыпа на огонь; да тем ныне ся зовет жертва Авраамова (то же, что село благословения?). И есть место то высоко вельми, видети есть оттуда всю ту землю Хананейскую. И оттоль близ есть Сигор, яко дву верст вдалее, и ту есть гроб Лотов, и обою дщерей его; есть бо ту пещера его велика. В ту пещеру бегл бых Лот с двема дщерьми своима, егда бежал от Содома: иж есть городище первых людей, на горе высоко, да то зовется Сигор»^[105].

Описывая Хеврон, наш древний паломник, подобно нам, удивляется плодородию этого края и, видя в этом исполнение обетования Божья Аврааму, восклицает: «И ныне поистине земля та благословенна от Бога всем добром: пшеницею и вином, и маслом и всяким овощем обильна весьма и богата скотом, ибо овцы и скоты и все плодится дважды в год и множество пчел водится в камнях по горам тем красным и винограда множество по пригориям тем, а несколько ниже растет множество бесчисленное плодовых деревьев: маслины, и рожки, и смоквы, и яблоки, и гранаты и всякие овощи. Лучше же всех овощей на земле те гранаты – подобны райскому плоду»^[106].

Заметки о экономических условиях жизни в Иерусалиме (для русских богомольцев)

Иерусалим стоит под 33-м градусом широты; климат жаркий, но по отношению к окрестностям имеет то преимущество пред ними, что освежается частыми ветрами, тогда как в Иорданской долине, которая отстоит от Иерусалима всего на 40 верст, или в обители Св. Саввы Освященного в 20 верстах от Иерусалима жара достигает до невыносимых для европейца размеров (в августе месяце свыше 40 градусов в тени); оттого в Иорданской долине близ Иерихона все произрастения поспевают несколькими неделями ранее, чем в Иерусалиме. В Иерусалиме жары бывают особенно чувствительны, когда дует от Мертвого моря жгучий ветер хамсин, что возобновляется несколько раз в течение лета, но продолжается недолго. Притом сквозные кресчатые двери, такие же решетки в небольших окнах, мраморные или каменные полы, узкие улицы, которые во всю ширину покрываются тенью домов, террасы вместо кровель для отдохновения во время вечерней прохлады и ночью – все это приспособлено к тому, чтобы закрываться от жара. Но как наши богомольцы преимущественно посещают Святой Град в первой половине года, с тем чтобы провести там великий пост и возвратиться на Фоминой неделе в Яффу, то им приходится не столько иметь дело с жарою, сколько с иерусалимскою зимою, которая, походя более или менее на зиму всех южных стран, действует на пришельцев своею сыростью; тем более, что местные жилища, довольно обеспеченные от жары, почти не представляют необходимой защиты от вредного влияния сырой погоды, особенно для привыкших к зимнему теплу своих жилищ жителей сурового севера. Тут нет ни печей, ни двойных рам, ни даже крытых сеней; в большей части помещений из жилых комнат непосредственно выходят на открытую террасу. Камень, из которого сложены стены и устроены полы, имеет свойство издавать из себя влагу, которая, выступая на его поверхность внутри помещений (по причине разности температуры воздушной и комнатной), вредно действует на здоровье, и потому

одною из первых предосторожностей должно быть отделение от соприкосновения со стенами кроватей и держание ног в тепле, хотя бы пол и был покрыт матами или циновками, без чего осторожность эта должна быть удвоена. Периодические дожди начинаются с октября и продолжаются с промежутками вплоть до весны, которая здесь, так же как и у нас, совпадает с духовною весною, праздником Светлого Христова Воскресения. Дожди эти благодетельны для произрастаний и доставляют безводному Иерусалиму годовой запас воды, производя в то же время упомянутую сырость.

Простудные болезни, порождаемые сыростью, от которой не привыкли оберегаться наши поклонники, и здесь не оставляющие родных привычек ходить нараспашку, выходить на террасы босиком и т. п., – сократили при мне жизнь нескольких человек. Так, в одну весну 1858 года семнадцать свежих русских могил прибыло на иерусалимском Сионском кладбище. Этому немало способствовало тогда невыгодное помещение в греческих поклоннических монастырях, обладающих по тесноте помещений всеми вышеупомянутыми невыгодами: ни печей, ни двойных рам, ни плотно затворяющихся дверей в них не было, а притом двери эти из кельи выходят непосредственно на открытые галереи, впуская при каждом отворении их в келью сырой воздух. С 1860 года, благодаря мерам, принятым нашим правительством об улучшении быта русских поклонников Святого Града, устроены «временные русские приюты», в которых по возможности устранены все вышеописанные неудобства^[107], и притом самое помещение в них желающим предлагается даром на весь поклоннический период, т. е. в первое полугодие до Фоминой недели, а во второе до 14 сентября.

В прежние времена, когда число русских поклонников было невелико, они находились на исключительном попечении Греческой Патриархии; всем, кто пожелает, давали каждый день пищу: в скоромные дни вареную пшеницу с маслом, а в постные дни чечевицу и семь маленьких хлебцев на всю неделю; но теперь, когда число богомольцев увеличилось более чем вдвое и ежегодно прибавляется, каждый сам должен заботиться о своем пропитании. Что касается до жизненных припасов, то оные, как-то: зелень, куры, яйца, молоко, дрова, угля и прочие потребности для неприхотливой жизни – привозят и приносят в Иерусалим из окрестных деревень арабы-

феллахи (оседлые жители) и их жены и дочери. Пшеницы там довольно; ее привозят из Александрии в Яффу морем, а из Яффы сухим путем в Иерусалим. Хлебопечение находится в руках у местных евреев, неопрятность которых, составляющая как бы врожденное свойство этого народа, достаточно оправдывает наших богомольцев, если они с неохотою и лишь по крайней необходимости употребляют этот хлеб. Большею же частью (особенно женщины) питаются ржаными сухарями, привозимыми из России, которыми делятся друг с другом. Притом же туземный хлеб, будучи лишен всякой кислоты, приходится не по вкусу нашим простолюдинам. Остается желать, чтобы в числе мер, предпринятых попечительным правительством для улучшения быта русских поклонников в Иерусалиме, было удовлетворение сильно чувствуемой богомольцами всех сословий необходимости завести здесь русскую хлебопекарню для печения русского ржаного и пшеничного хлеба и русскую овощную лавочку для продажи собственно русских жизненных припасов, как-то: капусты, огурцов, коровьего масла, грибов, хрена, икры, балыка и т. п. Мне случалось говорить о сем с одесскими жителями: отчего кто-нибудь из них, видя в этом крайнюю надобность и очевидную себе и другим пользу, не займется этим промыслом? Ответ получался один: пока не последуют изменения в таможенном уставе, это невозможно, ибо невозможно часто освежать запас по тем бесчисленным препятствиям и формальностям, которые существуют в таможне не только для простых смертных, но и для влиятельных лиц. Притом необходимо, чтобы такое предприятие было принято под особое покровительство одесской конторы русского общества пароходства и торговли, для исправной доставки ежемесячного запаса из Одессы до Иерусалима.

Я не могу считать иначе как за плохую шутку предложений некоторых «народолюбцев» завести в Иерусалиме русский трактир со всеми национальными его атрибутами; но чайное заведение, как показала попытка одного из русаков, нельзя назвать лишним по укоренившейся в народе привычке к этому напитку. Говорят, что занявшийся этим промыслом один из поклонников, кроме общей благодарности, остался в больших барышах. Богомолки наши (которые составляют большинство поклонников) привозят чай с собою, но скоро привыкают и к кофе, составляющему любимый туземный напиток.

Продажей виноградной водки (раки), равно как и выделкой ее, занимаются евреи, преимущественно переселенцы из наших западных губерний. Знание русского языка много помогает их недоброму промыслу, для которого они и здесь употребляют уловки, известные каждому в Польше и Литве; но к чести наших богомольцев надобно сказать, что примеры безобразного пьянства, по крайней мере за время моего пребывания в Иерусалиме, бывали редки; это зависит, во-первых, от того, что большинство их до сих пор посещали Иерусалим с благою целью и духовным настроением, а надзор за поведением поклонников, установившийся с учреждением в Иерусалиме консульства, помогает воздержанию тех, которые могли бы увлечься мыслию о безнаказанности и полной свободе действий на чужбине.

Для приготовления себе пищи богомольцы соединяются в небольшие артели от двух до четырех человек, готовя поочередно обед из двух-трех блюд с прибавкою на закуску апельсинов или абрикосов; такой обед стоит артели от 10 до 15 пиастров в день. Богомолки наши вообще запасливы: кроме сухарей некоторые привозят с собою (особенно привозили прежде, когда езжали на купеческих судах, а не на пароходах) кадушечки с коровьим маслом и капустою и мешочки с гречневою крупкою и грибочками. Все это указывает ясно, как мы уже упомянули выше, о необходимости заведения в Иерусалиме «русской овощной лавки», обещающей предприимчивому ее хозяину отличные барыши и общую благодарность; в покровительстве же этому делу русского общества пароходства и торговли нет причины сомневаться.

Прилагаем таблицу ценности предметов первой необходимости в Иерусалиме по ценам 1858 и 1859 годов:

Хлеб белый небольшой величины $\frac{1}{2}$ пиастра. Муки пшеничной туземной батман $2\frac{1}{4}$ ока ($6\frac{1}{4}$ фунтов) от 5–8 пиастров. Муки пшеничной европейской око (около 3 фунтов) 6 пиастров. Рису батман от 6–8 пиастров. Луку батман от 1–4 пиастров. Баклажаны батман от $1\frac{1}{2}$ –6 пиастров. Чесноку батман от $1\frac{1}{2}$ –12 пиастров. Помидоры (Pommes d'amour) батман от 1–4 пиастров. Капуста батман от $1\frac{1}{2}$ –4 пиастров. Яиц 10 штук от $\frac{1}{2}$ –3 пиастров. Сыр арабский (овечий белый) батман от 10–24 пиастров. Сыр европейский око около 40 пиастров.

Масло коровье батман от 24–36 пиастров. Масло деревянное батман от 9–18 пиастров. Соль батман от $\frac{1}{2}$ – $1\frac{1}{2}$ пиастров. Масло сусановое батман от 12–18 пиастров. Икра паисная черная очень редка

здесь и продается, от 40 до 60 пиастров за око; так же продается иногда красная сушеная. Дрова батман от $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{2}$ пиастров. Уголья батман от $\frac{3}{4}$ – 1 $\frac{1}{2}$ пиастров. Баранина батман от 9–18 пиастров. Курица от 1 $\frac{1}{2}$ -4 пиастров. Лимонов 10 штук от 2 $\frac{1}{2}$ -5 пиастров. Апельсины 10 штук от 2 $\frac{1}{2}$ -5 пиастров. Свежая рыба (привозная из Яффы) очень редка и продается батман от 20–24 пиастров, а когда полежит и попортится, стоит и по 9 пиастров за батман. Соленой рыбы почти нет, кроме трески – батман по 6–9 пиастров. Иногда привозят и соленую лакерду по 12–15 пиастров за око. Скумбрия от 9–12 пиастров за око. Селедки (плохие) 1 штука от $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{2}$ пиастра. Сардинки в коробочках от 5–10 пиастров за коробочку.

Люби тел ям чая на добно посове товать привози ть небол ьшой запас ег о с собою, ибо здесь хорошего достать нельзя, а тот, который можно достать в здешних иностранных магазинах, худого качества и дорог. Все предметы роскоши тоже дороги, – разумею сделавшиеся необходимыми для европейца, например все необходимое для меблирования дома и для одежды: сукна, шелковые и другие материи, полотно; дешевым в этом разряде можно считать лишь то, что менее нужно или вовсе не нужно европейцу. К Пасхе привозят сюда довольно азиатских товаров бейрутские, а более дамасские купцы, и тогда иерусалимский базар бывает наполнен бумажными и шелковыми материями; более, впрочем, произведений английской мануфактуры, для сбыта которых Восток служит постоянным рынком; есть также и туземные азиатские товары. Но все, что здесь можно найти дешевого, в то же время и гнило, а хорошее, например шали, ковры, шелковые материи, весьма дорого. Притом без помощи знатока не советуем никому и пробовать удачи, чтобы не быть нагло обманутым.

Наши простые богомольцы преимущественно запасаются в это время разной иерусалимской святыней. К этому разряду принадлежат: изделия из перламутра: образки, кресты, крестики и четки. Все это изделия вифлеемских арабов и притом почти исключительно арабов-католиков, ибо искусство резьбы перенесено сюда из Италии их покровителями францисканами. Они же и поддерживают главным образом эту промышленность тем, что лучшие мастера по этой части, как например вифлеемский араб Самуил, находятся, так сказать, на откупу у францисканского Иерусалимского монастыря, за известную годовую плату, с обязательством исключительно исполнять его заказы.

Здесь же находится центральный магазин этих изделий (как и других местных изделий) священных предметов, из которого они расходятся по другим францисканским монастырям в Европе и вырученные за продажу их деньги посылаются в Иерусалим для поддержания латинских палестинских монастырей и учреждений сего ордена.

Но как для наших богомольцев не только из низшего, но и из высшего класса сокровища этого магазина почти недоступны, то большинство покупает перламутровые изделия из первых рук. Причем надобно заметить, что покупать в самом Вифлееме выгоднее, ибо приносящие свои изделия в Иерусалим обязаны платить пошлину откупщикам в Яффских воротах. В произведениях этих главное достоинство, возвышающее их ценность, составляет искусство резьбы и чистота раковины (без углублений и горбов); но наши богомольцы и богомолки гонятся преимущественно за дешевизною, торгуясь, что называется, до упаду, и действительно им удается покупать вещи иногда за баснословно дешевые цены, но зато и арабы с своей стороны не остаются за это у них в долгу, сбывая им такие произведения, для которых очевидно не требуется ни большого труда, ни искусства.

Разносчики этих произведений по целым дням бродят по поклонническим монастырям или выжидают покупателей у ворот, ловят их на улицах, на прогулке за городом, словом, действуют с большим терпением и навязчивостью; все они умеют достаточно хорошо объясняться по-русски и благодаря покупателям усвоили себе и совершенно русскую манеру торговли: запрашивая баснословные цены и уступая иногда за несколько десятков копеек то, за что запросили вначале несколько рублей. Но кто желает купить действительно хорошие перламутровые изделия, тем советуем не покупать у носильщиков, а съездить в Вифлеем, попросить тамошнего настоятеля позвать к себе лучшего мастера и выбрать или заказать образки (из которых потом легко и самому составить цельные образа, например двенадесятых праздников) хорошей резьбы; такие образки (овальной формы) стоят каждый, смотря по работе, от 20 до 30 пиастров; небольшие крестики с изображением резного Распятия, хорошей работы, от 3 до 5 пиастров. Кресты большие (напрестольные), наклеенные на черное и маслиновое дерево, тоже смотря по работе и величине, стоят от 3 до 5 рублей. Крестики гладкие без резных изображений продаются от 50 копеек до 1 рубля за сотню.

Как производством перламутровых изделий занимаются почти исключительно арабы латинского вероисповедания, так точно производством четок занимаются преимущественно вифлеемские же арабы православного греческого исповедания.

Я уже упомянул выше, что в Иерусалиме, среди продавцов этого рода, отличается добросовестностью араб, известный нашим богомольцам под почтительным наименованием «Ивана Яковлевича». Лавочка его находится на улице, ведущей от латинского монастыря мимо монастыря Архангельского вниз к Судным воротам, – на правой стороне близ бывшего дома Латинских Патриархов. У него найдете четки всех возможных сортов и видов, кроме того разные сорта ладана, между прочим описанный еще игуменом Даниилом (XII в.) темьян гонфит, то есть черный, – страусовые яйца (для украшения паникадил) и другие вещи, обычно покупаемые нашими богомольцами. Четки по ценности разделяются на несколько разрядов. К первому, самому дорогому, можно причислить: янтарные, юсур, сердоликовые, перламутровые; к второму: кокосовые, пальмовые, каламбек, пестрые (индейские), сандалные; к третьему: маслиновые, костяные и стеклянные, – одни из них привозные, другие местные. К местным вифлеемского приготовления принадлежат перламутровые, костяные и маслиновые; а остальных наименований все привозные; так, янтарные привозят из Константинополя, юсур – черные блестящие, из зерен какого-то индейского водяного растения, кокосовые, каламбек и сандалные (пахучие) привозятся возвращающимся из Мекки чрез Иерусалим караваном; все эти четки низаны по-турецки, по 90 зерен в нитке, разделенных перенизками на три части: в средней 60, а в крайних по 15 зерен, и оканчиваются длиною рогулькою и шелковою кистью. В этом виде их употребляют почти все мусульмане, но без всякой религиозной цели, единственно по принятому обычаю, для развлечения.

Прилагаем приблизительной расчет ценности разных сортов четок с перенизками: перламутровые, смотря по величине, по работе и чистоте зерен, от 5 до 25 пиастров или левов (продаются также и на вес); сердоликовые разных величин от 20 до 60 пиастров или левов. Юсур (черные) от 15 до 60 пиастров; кокосовые средней величины по 20 пиастров; пестрые (из зерен какого-то индейского растения) по 10 пиастров. Деревянные пахучие – каламбек и сандалные от 5 до 7

лево; точеные из масличного дерева от 3 до 5 пиастров или левов; из маслиновых косточек – от 2 до 3 левов; костяные (точеные) разных цветов (преимущественно черные), от 2 ½ до 5 левов. В эти цены не включена плата за так называемые перенизки, то есть зерна, разделяющие десятки; выбор этих перенизок чаще предоставляют вкусу продавца, иногда собственному вкусу покупателя. В первом случае обыкновенная цена за перенизки каждых четок по 2 лева, а при собственном выборе цена эта несколько изменяется сообразно с ценою материала. Обыкновенно костяные цветные зерна перенизываются костяными же других цветов; юсуровые и пестрые костяными черными и перламутровыми; перламутровые сердоликовыми, стеклянными и корольковыми; деревянные: каламбековые, сандальные и маслиновые – костяными черными, перламутровыми и красным сердоликом; сердоликовые – сердоликом же других цветов.

Кроме четок наши богомольцы покупают изделия из красноватого камня, коего ломки находятся близ Крестного монастыря. Один из арабов, живущий в горном граде Иудове, очень искусно выделывает из этого камня кресты и иконы, которые продает почти по одной цене с перламутровыми изделиями. Также делают разные вещи из камня, называемого «моисеевым», который находится в ущельях, примыкающих к Мертвому морю. Этот камень по внешнему виду беловатый, но в изломе черного цвета; он горит и при горении издает серный запах. Некоторые полагают, что из этого горючего камня были построены дома жителей поглощенных Мертвым морем городов. Из моисеева камня арабы выделывают весьма искусно стаканы, чашки и блюда. Токарные изделия из масличного дерева: кресты с арабскою надписью «Иерусалим» продаются от 1-го до 3-х левов; ящички, костыли, трости продаются в нескольких мастерских (токарных и резных) по умеренным ценам. Один из резчиков араб сделал из масличного дерева с украшением из перламутра модель кувуклии Святого Гроба, которую намерен был поднести в подарок императрице французов и испанской королеве. Работа довольно искусная; такую же перламутровую модель показывают в магазине францисканского монастыря.

Сверх упомянутых изделий из перламутра и четок наши богомольцы запасаются в Иерусалиме живописными, но далеко не художественными изображениями двенадцатых праздников, –

произведения местных арабских живописцев. В глазах поклонников изображениям этим придает особую цену то обстоятельство, что на этих картинах священные события представляются в обстановке, окружающей места сих событий в настоящее время. Так например изображается, что Господь наш Иисус Христос воскресает из гроба, помещенного внутри нынешней часовни (кувуклии) Святого Гроба. Эти картины для сбережения во время перевозки вкладываются обычно в жестяные футляры, приготовлением которых занимаются местные евреи. Иорданская вода и елей из лампад, горевших на разных Святых местах, также вывозятся в достаточном количестве в жестяных пузырьках. Вывозятся наконец палки и трости, вырезанные на берегах Иордана, ветви Мамврийского дуба, ваии от финик, пуки из 33 свеч, возжженных от Святого огня в Великую Субботу, свечи страстные и горевшие во время Литургии на Святом Гробе, в Гефсимании и на Голгофе, розовая вода, которой был обмыт камень Святого Гроба.

О саванах, вырезанных из бумажного полотна (бумазеи) в меру камня помазания с изображением (наведенным растопленным воском) Распятия и надписями, мы уже говорили в своем месте. Если присоединить к этому еще так называемые разрешительные патриаршие грамоты (о которых тоже было упомянуто) и собрание камушков от разных Святых мест, то составитя подробное исчисление святыни вывозимой нашими поклонниками из Святого Града.

Караван русских поклонников, выезжающий из Святого Града на Фоминой неделе в Яффу, представляет довольно оригинальное зрелище. Сундуки, которые есть непременно у каждого поклонника и поклонницы, грузятся особо на верблюдов и отправляются в Яффу в качестве тяжелого багажа за день вперед. Сами поклонники уезжают на мулах, обремененных не менее верблюдов: у каждого седока с одного бока вышеупомянутый жестяной футляр, представляющий вид какой-то древней фузеи, а с другой пук палок и тростей; не говорим уже о мешках и мешочках с припасами и запасами. Костюмы тоже стоили бы описания, – богомолки в капотах всевозможных сортов, в чепцах, капорах, платках; богомольцы во всех народных костюмах, начиная с поддевки и чуйки до пальто. Зная, с какими трудностями приходится бороться этой разнородной массе, начиная со сборов в дорогу в Иерусалиме до самого размещения на родном пароходе в Яффе, и наконец в Одессе, начиная от съезда с парохода до выезда из

таможенных ворот, нельзя не подивиться терпению русского человека. Кому хотя однажды случится пройти эти мытарства без всякого покровительства, в одном всеоружии терпения, как проходят их русские поклонники, тот верно не скоро решится подвергнуть себя вторично этим своего рода нравственным и физическим пыткам. Одни только наши богомольцы не пугаются их, и благодаря быстроте и удобству передвижения по железным дорогам и по пароходам есть примеры троекратно посетивших Сятой Град, а некоторые сделались уже и постоянными жителями Иерусалима, к пользе его или нет, покажет время.

Остается сказать о монетах и весах. Единицею ценности в турецкой империи служит пиастр, который называется также левом. Он разделяется на 40 равных частей, называемых пара, паричка. Пара – самая мелкая ходячая монета, медная посеребренная, походящая по своей тонине и виду на рыбью чешую. Пиастр или лев турецкий равняется $5\frac{1}{2}$ - $5\frac{3}{4}$ наших коп. серебром. Серебряная монета в 5 пиастров равняется 29 копейкам (величиною в наш четвертак); 10 пиастров = 68 коп. серебром (величиною в наш полтинник); 20 пиастров = 1 руб. 35 коп. серебром (величиною в наш рубль серебром). Золотая в 50 пиастров = 2 руб. 87 коп. серебром; 100 пиастров = 5 руб. 74 коп. серебром. Нашу серебряную (старого чекана) и золотую монету принимают везде на востоке хорошо и отнюдь не ниже ее настоящей ценности, даже еще несколько выше. В Царьграде курс самый высокий и ежедневно меняется (говорится о 1858 и 1859 годах); о нем ежедневно публикуется в газетах ^[108].

В Иерусалиме, как и во всей турецкой империи наша серебряная (старого чекана) и золотая монета принимаются с лажем, то есть выше ее нарицательной цены, равно как и турки отдают свою монету тоже с лажем; так например пиастр равняется по курсу $5\frac{1}{2}$ коп. серебром, а при расчете возьмут за один лев наш пятак серебра с прибавкою $\frac{1}{4}$ коп. серебром, вместо $\frac{1}{3}$ копейки. За 2 лева следовало бы отдать гривенник и 1 коп. серебром, возьмут с охотою гривенник и $\frac{1}{2}$ коп. и так далее. Наш рубль серебром, старого чекана, то есть 84-й пробы, следует принять за $18\frac{1}{4}$ левов, а его принимают при расчетах от $19\frac{1}{2}$ до 22 левов; золотой от 98 до $108\frac{1}{2}$ левов. Австрийский золотой червонец принимается за 54–56 левов; французский наполеондор ниже нашего золотого на 3 лева, то есть от 95 до 105 левов. Английскую

золотую лиру принимают от 102 ½ до 136 левов. Из иностранной серебряной монеты в Сирии и Палестине арабы всего более предпочитают австрийские талеры с изображением императрицы Марии Терезии. Зная это, австрийцы постоянно возобновляют эту монету новым чеканом и тем поддерживают ее в обращении. Этот талер принимается в Иерусалиме за 23 пиастра и равняется на наши деньги 1 руб. 24 коп. серебром.^[109] Такой же лаж существует и на турецкую монету, то есть, золотой турецкий во 100 пиастров ходит в 108 ½ пиастров, серебряный меджидия в 20 пиастров ходит 22–24 пиастров; монета в 10 пиастров – ходит 11–12 пиастров; в 5 пиастров ходит в 5 ½-6 левов.

Единица веса в Иерусалиме (как и во всей турецкой империи) око, несколько менее наших 3 фунтов; 2 ¼ око составляют батман, который посему равняется 6 ¼ нашим фунтам. Материи продаются на пики; пик равняется 2 русским футам, 89 дюймам = 0,960 аршина.

конец

Вместо послесловия

Архимандрит ЛЕОНИД (в миру Лев Александрович Кавелин) (20.02[4.03]. 1822 по др. сведениям – 19.02[3.03] или 22.02[6.03]. 1822–22.10[3.11].1891) принадлежал к славному в российской истории дворянскому роду. Его мать, урожденная Нахимова, была двоюродной сестрой героя Крымской войны адмирала П. С. Нахимова, а знаменитый русский историк, философ и публицист К. Д. Кавелин приходился ему двоюродным братом. Карьера Льва Александровича началась на военном поприще. Двенадцать лет он прослужил в лейб-гвардии Волынском полку, хотя уже в этот период в нем проявилась склонность к литературной и научной работе. Его произведения, как исторического, так и духовного содержания, всегда были проникнуты христианским благочестием. Оптиная пустынь, которую он знал и любил с детства, в лице ее насельников, особенно старца Макария (Иванова), оказала огромное влияние на его духовное развитие. Впоследствии, сближение со святителем Игнатием (Брянчаниновым), окончательно убеждает его в необходимости изменить свою жизнь. Так блестящий гвардейский офицер, необъяснимым для сослуживцев образом, поступил на послушание в Козельскую Введенскую Оптину пустынь. В качестве послушания для него старец Макарий определил занятия переводом аскетических творений Исаака Сирина, аввы Дорофея, Паисия Величковского и т. д. После окончания Крымской войны, когда встал вопрос о возобновлении деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, выбор остановился на двух энергичных питомцах старца Макария Льве Кавелине и Иване Половцеве, постриженных затем с именами Леонида и Ювеналия и рукоположенных с необходимою процедурой в сан иеромонахов. К Иерусалиму и прежде обращались мысли иеромонаха Леонида. Наконец эта мечта осуществилась. Как член иерусалимской миссии, руководимой епископом Кириллом (Наумовым), иеромонах Леонид (вместе со своим другом иеромонахом Ювеналием) пробыл на Святой Земле 16 месяцев с 1 февраля 1857 по 20 мая 1858 года. Он смог не только поклониться Святым местам, он исследовать их, изучить и описать. Покинув Святую Землю, он продолжал пребывать в ней своим сердцем, и даже с одобрения великого князя Константина Николаевича

предпринял попытку отправиться в новое паломничество совместно с А. С. Норовым в 1861 году ради составления Путеводителя по Иерусалиму для русских паломников. Его участие в этой поездке по ряду причин так и не состоялось. Наконец, 12 мая 1864 года в сане архимандрита он вернулся в Иерусалим как начальник Русской Духовной Миссии, отрекомендованный на эту должность митрополитом Московским Филаретом. Пребывание архимандрита Леонида на Святой Земле и в теперь продолжалось все те же 16 месяцев. При нем 28 июня 1864 года состоялось освящение домово́й церкви миссии во имя царицы Александры на иконостасе которой, во всю длину была вырезана подобранная архимандритом Леонидом цитата, а с осени того же года начали функционировать мужской и женский приюты для паломников. 21 сентября 1865 года архимандрит Леонид вынужден был оставить Иерусалим и покидая Святой Град передал в дар миссии свою библиотеку.

Архимандрит Леонид оказался в Константинополе, где стал настоятелем русской посольской церкви и познакомился с К. Н. Леонтьевым. В этот период он не раз отправлялся на Балканы, работал в южнославянских древлехранилищах, а в 1867 году сопровождал великого князя Алексея Александровича на Афон для исторического объяснения его святынь. Затем в 1869 году он назначается наместником Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, который являлся, по сути, иконой Святой Земли, созданной Святейшим Патриархом Никоном. Это назначение было и символично и необычайно плодотворно с точки зрения обустройства и реставрации монастыря, а так же по итогам научной деятельности отца Леонида. В 1877 году архимандрит Леонид стал наместником Троице-Сергиевой лавры. Научное и литературное наследие архимандрита Леонида огромно, его заслуги были признаны Академией наук и русскими учеными обществами, избравшими его своим членом. Среди многочисленных трудов отца Леонида особое место для современного читателя занимает его книга «Старый Иерусалим и его окрестности».

Идея создания путеводителя по Святым местам Иерусалима для русских паломников принадлежала великому князю Константину Николаевичу. Созданный при его участии и руководимый им Палестинский комитет включил в программу своей деятельности организацию работы по подготовке такого путеводителя. Иеромонах

Леонид, с которым великий князь познакомился во время своего пребывания в Иерусалиме в 1859 году, как никто другой подходил для этой цели. Его склонность к литературному и научному труду, его глубокая вера и почитание святынь Иерусалима, его непосредственное всестороннее знакомство с ними, как и с потребностями паломников в Святой Земле – все это дало повод в 1861 году просить отца Леонида от имени Палестинского комитета взять на себя труд подготовки такой книги.

Материал для этой работы у архимандрита Леонида действительно имелся и был собран еще в 1858–1859 годах. Тем более важно, что спутником и путеводителем многих таких поездок или походов был знаменитый настоятель лавры Св. Саввы старец Иоасаф, благоволивший к отцу Леониду, охотно делившийся с ним своим знаниями о палестинских святынях, обителях и святых. Возможно, в какой-то своей части авторство книги отца Леонида принадлежит так же и отцу Иоасафу.

Несмотря на то, что желание великого князя совпало с собственным стремлением отца Леонида описать Святой Град и его Святые места, приступить к систематической работе долго не удавалось. Не оставляли времени проекты других изданий в Оптиной пустыне, затем нестроения в управлении Русской Духовной Миссией в Иерусалиме и неопределенность положения в Константинополе. По-видимому, архимандрит Леонид вернулся к работе над книгой лишь водворившись в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. Основные главы своей книги он публикует сначала в журнале Душеполезное чтение (1870. № 1–12; 1871. № 1, 3–6, 9–12), затем в том же журнале печатаются статьи «Вифлеем» (1872. № 2–4, 7), «Пустыня Св. Града» (1872. № 11, 12), «Поездка в Назарет, на Тивериадское озеро и Фавор» (1873. № 1), «Хеврон» (1873. № 2) и «Заметки о экономических условиях жизни в Иерусалиме» (1873. № 3). И наконец появляется отдельное издание «Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника А. Л-а» (М., 1873), отпечатанное в Университетской типографии М. Н. Каткова.

Принимая за точку отсчета создание Палестинского комитета в 1859 году, можно увидеть, что в России к этому времени уже было напечатано довольно большое число сочинений о Святой Земле. Их авторы – сами очевидцы-паломники разного звания и достоинства. Святая Земля, Святые места, Иерусалим – эти имена после Крымской войны как-то по-особенному зазвучали в сердцах русских людей. Количество паломников из России стремительно возросло. Естественно появились и новые путеводители. Наиболее интересный из них (Путеводитель по Иерусалиму и его ближайшим окрестностям. СПб., Издание Императорской Академии Наук. 1863. XII+ 219 С.) написан русским писателем и журналистом Н. В. Бергом (который так же был военным корреспондентом в Севастополе в 1854–1855 годах). Но не смотря на блестящий слог и меткую образность языка автора по своей сути путеводитель представляет собой переработанный вариант иностранных изданий.

Книга архимандрита Леонида воплотила в себе прямо противоположный подход. В ней редко встречаются ссылки на западных исследователей или путешественников. Все, что описывает автор – прочувствовано, продумано и пережито им самим. Единственный его собеседник на протяжении всей книги – игумен Даниил, которого он именует «Нестором наших паломников». Его показаниями поверяет автор и свои и чужие суждения. Целью архимандрита Леонида было создание собственного православного описания Святых мест, которое будет основано на православном материале и источниках, на близких и понятных русским православным паломникам образах. Поэтому он пытается сочетать метод научного исследования Священного Предания Православной Церкви с благоговейным почитанием святыни. В этом, на наш взгляд, состоит главное достоинство труда, предпринятого архимандритом Леонидом.

Но Священная история не вытесняет собой человеческую и современное автору состояние Святого Града отражено на страницах книги не менее подробно. Наверное, ни где в русской научной литературе не сыщется такого подробного описания Иерусалима середины XIX века, с его кварталами, архитектурой, политической и религиозной жизнью, этнографией, топографией, археологией и бытом, построенного на собственноручно собранных и проверенных на сколько это возможно данных.

И вместе с тем автор постоянно помнит о тех, для кого он пишет – простых русских паломниках и паломницах среднего и низшего класса. Поэтому в книге так много маршрутов, советов, предостережений, разъяснений и рассказов обращенных к ним.

В заглавие книги архимандрита Леонида не вынесено слово «Путеводитель», хотя сам он и называет свой труд именно так. Это объясняется тем, что книга уже тогда выходила далеко за рамки своего внешнего, утилитарного назначения. Сегодня «Старый Иерусалим и его окрестности» востребован археологами, литургистами, искусствоведами, историками, всеми интересующимися историей Иерусалима и Святых мест. Созданная как авторский научный продукт книга архимандрита Леонида стала в наши дни самостоятельным источником и прекрасным «Путеводителем» для изучения русского паломничества, истории, культуры, религии, топографии и быта Иерусалима 50-х годов XIX века.

Кирилл Вах

---

notes

Примечания

Сахаров И. П. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1. С. 20, 92.

2

По званию члена Иерусалимской Духовной Миссии.

Сам латинский титулярный Патриарх Иерусалимский монсеньор Валерга в числе своих достоинств считает не малым и то, что он собственноручно убил где-то в Сирии несколько бедуинов при нападении на его эскорту, и несмотря на это спокойно священнодействует, тогда как по каноническим правилам нашей Церкви священнику, обagrившему руки человеческою кровию по какому бы то ни было случаю, нельзя приносить бескровной жертвы.

Сахаров И. П. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1. С. 27.

Непривычным ездокам можно посоветовать одно: вполне довериться опытности лошадей, мулов и магарчаков, заботясь не столько о том, чтобы управлять ими, сколько о том, чтобы самим крепче держаться на них. Мы еще будем иметь случай подробнее упомянуть о неоцененных свойствах здешних подъемных животных, говоря вообще о странствиях по Палестине.

Впрочем, место евангельского Еммауса остается спорным: западные писатели отодвигают его ближе к Иерусалиму (в Колонии – см. далее). Тогда как наши древние паломники, начиная с Даниила, указывают Еммаус в четырех верстах от *Рамы*, к западу от нее и в стольких же верстах от Лидды, прибавляя: «и есть за горою село то, тамо идучи к Яффе от Иерусалима; и ту есть село было велико, на месте том была церковь создана, ныне разорено есть все, и село то пусто есть Еммаус, и есть в стороне пути, за горою было сею то, тамо идучи на правой стороне». Конечно, по этим признакам трудно определить ныне, какое именно место разумеет в своем описании наш паломник, но замечательно, что другой древний паломник XVI века Трифон Коробейников (1583 года) также пишет: «от Рамы (Ремли) до села Еммауса отчества Матфея Евангелиста, пять верст». Пешеход Барский, паломник XVIII столетия, в 1726 году, вспоминая об Еммаусе, пишет, что «выехав с ночлега в Рамле до зари близ времени полуденного преидохом село малое, именуемое Еммаус, о нем же Евангелист у Луки в главе 24 стих 13 вспоминает. Весь Еммаус, – продолжает Барский, – отстоит от Иерусалима шестьюдесять стадей; стоит же внизу в долине между горами высокими окрест обстоящими, имать же отчасти и дрevesа садовые при себе от смоковниц и маслин, прочее ничтоже, опусте бо и мало домов имать, и христиане тамо не обитают, токмо неколико арапов» (см. Путешествие Барскаго. С. 183). Судя по этому описанию, место Еммауса, описываемое Барским, относится согласно с нынешним греческим преданием к упомянутому выше селению, называемому в просторечии Абугош. Согласно с Барским указывает место евангельского Еммауса паломник того же столетия иеромонах Мелетий (1794 года); «путь наш, говорит он, был мимо веси Еммаус воспоминаемой в Евангелии. Селение сие отстоит от Иерусалима на 60 стадий (около 11 верст). Населяется оное ныне небольшим числом арабов-магометан. Древле существовала здесь прекрасная церковь, из-под спуда коея проистекал источник: ныне все запустением покрыто» (С. 309). Действительно, около этой церкви селения Кариаф-ель-Енаб с восточной стороны протекает обильный источник чистой воды, возле которой останавливаются путники утолять

жажду. Сходно с этим пишут об местности Еммауса и два паломника-писателя, посетившие Иерусалим с начала текущего столетия, Вешняков и Кир Бронников, описаниями которых оканчивается цикл наших самобытных описателей Святых мест (разумею тех паломников-писателей, которые описывали лишь то, что видели и слышали о Святых местах от местных христиан). Вешняков пишет об Еммаусе: «Продолжая путь свой непрерывно, поднимаясь шероховатыми и неровными ущельями на высокие горы и спускаясь в долины, приближались наконец к арабскому селению Еммаус, у коего с приезда видно какое-то обширное здание, до половины разрушенное... Сие селение окружается на довольное расстояние пространства равного рода садами, в коих жители подрезывали тогда (в феврале месяце) виноград, и оставляли от пней не более двух или трех отростков; засохшие же деревья срубали, и клали около дороги большие костры, для отвозу и продажи в Иерусалим, до коего по примеру сказывали наши товарищи верст пятнадцать» (стр. 71). А Бронников пишет: «продолжая путь далее к Иерусалиму, проехали мы местечко Еммаус, отстоящее в пятнадцати верстах от Иерусалима, до которого Христос по воскресении Своем сопутствовал Луке и Клеопе» (стр. 34). Из этого видно, что мнение наших прежних паломников-писателей о местоположении евангельского Еммауса разделяется на две категории: паломники, бывшие до XVIII столетия, указывают его место невдалеке от Лидды и древней Рамы (село в области Вифлеемской). Наш новейший паломник А. С. Норов замечает, что эта небольшая деревенька Амоас, стоящая, если ехать из Иерусалима, недалеко от спуска с Иудейских гор, в равнине Рамли, направо от дороги, почти против Латруна. Норов полагает, что древние наши паломники принимали именно эти красивые развалины за евангельский Еммаус, со слов своих проводников арабов-христиан, которые, впрочем, ошибалась не одним сходством имени, ибо, как замечает тот же писатель г. Норов, и блаженный Иероним и многие другие писатели смешивали этот Еммаус с евангельским местом того же имени, а это последнее место (т. е. Амоас) с Никополисом. Тут было во времена владычества христианского епископство; прекрасные развалины церкви сохранились доселе. Норов справедливо доказывает ошибочность этого мнения, обращая внимание на указанное в Евангелии расстояние Еммауса на 60 стадий от Иерусалима, тогда как Никополис находится в 176 стадиях

или 22 римских милях (Норов А. С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. СПб., 1838. Т. 1. С. 80; Т. 2. С. 102). Заметим однако, что в известном Синайском кодексе, изданном г. Тишендорфом, расстояние евангельского Еммауса означено не в 60, а в 160 стадий и притом не численными буквами, а словами: «сто шестьдесят стадий». Вот где, как кажется, таится ключ к разгадке мнения, общего всем древним паломникам; что Эммаус евангельский находится на месте Никополиса. Соглашаясь с мнением Норова, мы тем не менее присоединяемся, относительно определения местности евангельского Еммауса, к мнению второй группы наших паломников-писателей, как согласному и с греческим преданием, то есть, что на месте евангельского Еммауса находится нынешнее селение Карияф-ель-Енаб. При устах же стольких свидетелей, станет всяк глагол.

Некоторые полагают здесь место библейского Кариафарима и считают родиной Иуды Искариотского, ибо это прилагательное Искариот или правильнее Ишкариот, значит с еврейского: муж (иш) из Кариота.

Некоторые паломники-писатели полагают, что здесь было евангельское селение Еммаус, а развалины считают остатками монастыря, построенного в память явления Господа Своим ученикам; близость расстояния от Иерусалима в десяти с половиной верстах не позволяет утвердительно опровергать это мнение, но мы уже сказали, что охотнее соглашаемся с общим и древним местным преданием православного населения, которое полагает место евангельского Еммауса – в селении Абугош.

Ныне постройки сии уже совершены и состоят под управлением иерусалимского консула, сумма же на содержание их почерпается из церковного кружечного сбора по всей России.

Здесь кстати будет вспомнить поучительный рассказ об одном грузинском отшельнике, св. Давиде Гареджийском, который, по многих иноческих трудах, предпринял путешествие во Св. град и, придя на Поклонную гору, по глубокому своему смирению, счел себя недостойным войти во Святой Град, а поклонившись ему с этого места до лица земли, взял на память в суму три камушка и отправился в обратный путь. Господь, призирающий на смиренные, открыл о поступке Давида одному из иерусалимских подвижников и тот послал вслед Давида одного из своих учеников с просьбою: оставить два камушка, говоря; «этак он унесет от нас всю благодать», давши тем знать смиренному страннику, сколь приятную жертву для Господа составляет смирение.

Из первопечатной Славянской Библии, переведенной с Вульгаты:
Тов 13, 10, 11, 16–18.

Исключение из этого составляет лишь гостиница, содержащая в Иерусалиме, впрочем более для туристов, – англичан, американцев и немцев, чем для поклонников, которые останавливаются здесь лишь по крайней нужде или по прихоти.

Он помер в 1868 году. Не надо забывать, что эти записки составлены первоначально в 1859 году.

Лев, или пиастр, $5 \frac{3}{4}$ коп. серебром, делится на 40 частей, называемых *пара* или *паричка*, – монета вроде медной посеребренной шелухи, равная по величине нашей денежке.

См. Странствования Василья Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1885. Ч. 1. С. 310

Ширяев С. Г. Вечерние рассказы странника на родине. СПб., 1859.
С. 102

Сионский песнопевец. Константинополь, 1861

Ныне, с проложением до Одессы рельсового пути, конечно расчет этот, сделанный нами в 1859 году, может быть и уменьшен рублей на 50; но пускающийся в путь с суммою менее 150 рублей вряд ли имеет право на название «паломника» и возбуждает справедливое нареkanie со стороны своих и чужих в нищенстве и попрошайстве, ибо идет прямо вразрез с издавна установившимися на Востоке понятиями о путешествии к Святым местам и «ради помощи оным, а не ради одного поклонения, что согласно и с пророчеством; языцы приидут дары носяще к тебе».

Дом, который занимала она с Крымской кампании и после войны, с 1858 до 1864 года, т. е. до окончания нынешних русских странноприимных заведений, среди которых находится дом Русской Духовной Миссии с домовою церковью.

В отличие от первого явления одной Марии Магдалине, место коего, как увидим ниже, указывается внутри храма Воскресения Господня.

Наргеле, кальян – прибор для курения табаку через воду.

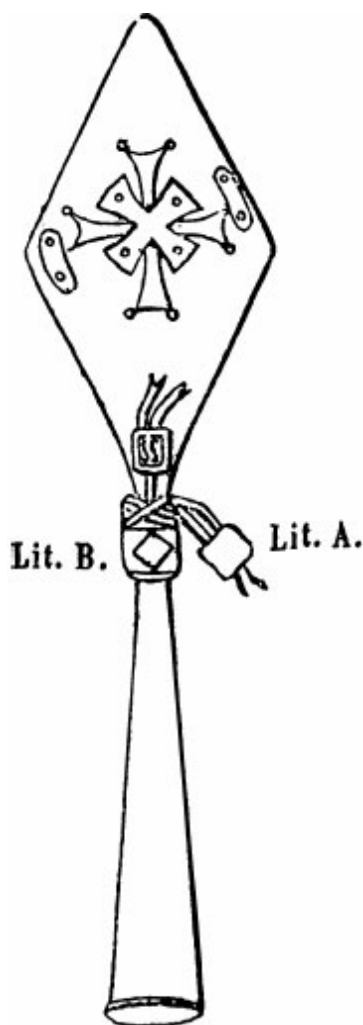
См. Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века (1113–1115). Издание Археографической Комиссии под ред и с коммент. А. С. Норова. СПб., 1864. С. 22, 23.

Это особенно заметно, если смотреть на храм Господень с запада из той улицы, на которой стоит греческий женский монастырь «Большая Панагия», построенный по православному преданию на самом том месте, где стояла Божия Матерь с женами Мироносицами, «зряще издалеча» на распятие, ибо место сие приходится как раз на возвышении противоположном Голгофской скале.

Лишь только крестоносцы овладели Палестиною, они тотчас же заместили кафедры православных епископов своими, придав им и соответственные титулы, что продолжается и донныне. Так, латинский епископ в Иерусалиме носит титул Иерусалимского Патриарха; епископ, живущий в Константинополе, – титул епископа Петры Аравийския и т. д.

На Афоне почти все монастыри имеют части животворящего древа: самые большие принадлежат монастырям – греческому Есфигменскому и сербскому Хилондарскому; последний получил свое сокровище в дар от сербского царя Стефана Душана в 1340-х годах. Значительную часть Святого Древа владеет сербский монастырь Дечанский (в Старой Сербии). В России довольно частей Святого Древа как в общем церковном, так и в частном – домашнем владении: крест святой Евфросинии Полоцкой, крест Московских соборов и крест принадлежащий графине А. Г. Толстой, урожденной княжне грузинской.

Мы имели редкий случай достать рисунок этого копья в его натуральную величину, присланный в Бозе почившему императору Александру I в 1805 году главнокомандующим наших войск на Кавказе генералом князем Цициановым по овладении Эчмиадзинским монастырем и его сокровищами, которые тогда по просьбе самих армян были временно перевезены в Тифлис для обережения от расхищения и замысла лжепатриарха Давида перевезти оные в Турецкие владения.

К рисунку копья приписано такое объяснение: «Точная мера со священного копья с крестиками посредине копья нерукотворенным и

другим, прикованным к нему апостолом Фомою. Им же апостолом сие копье спаяно двумя накладками. Печать красная прежнего патриарха, Lit. А., а печать желтая лжепатриарха Lit. В. Мая 25 дня 1805 года. Селение Караклас». Мера копья в длину пять с половиной вершков, в поперечнике три вершка. Рукоятка копия в четыре вершка.

Вот копия со всеподданнейшего донесения генерала Цицианова, при коем был приложен рисунок копья:

«Его императорскому величеству генерала от инфантерии князя Цицианова рапорт. К прежде взятым мною при возвращении из-под Еривани из Эчмиадзинского армянского монастыря сокровища в наиболее богатейших иконах, мощах, ризнице, украшенной драгоценными камнями, как для сбережения от лжепатриарха Давида, который все оное хотел увезти в турецкие области, так и по просьбе архиереев той нации, генерал-майор Несветаев нечаянным захвачением, учиненным оного монастыря, сделался властителем и остальных сокровищ большой важности по святости христианской, а именно: святое копье, коим прободен был Христос Спаситель наш; рука святого Григория просветителя армянской нации, – все сие найдено между рогож и нечистых тряпок для утаения; богатейшая ризница и иконы; и все то доставлено сказанным генерал-майором Несветаевым в Тифлис, куда мощи и святое копье армянскими архиереями вносимы были с довлеемою церемониею. Ныне же генерал-майор Портнягин занимается переписью всего того с армянским духовенством, по совершении чего для успокоения той нации, имеющей большую веру к оному святому копию и мощам, не оставлю я обвестить, как и о прежде привезенных, что они забраны единственно для сбережения от лжепатриарха Давида, расхитившего уже сокровища Эчмиадзинского монастыря, но что, когда Богу угодно будет восстановить на патриарший престол патриарха Даниила или Эчмиадзин будет под Российским правлением, тогда все сие возвращено будет в целости тому монастырю, яко собственность никем неотъемлемая. О всем сем имею счастье всеподданнейше донести вашему императорскому величеству; имею таковое же, поднести рисунок того святого копья. Генерал от инфантерии князь Цицианов. Елисаветополь. Июня 17 дня. 1805 года».

Для объяснения этого места из сказания игумена Даниила (без чего становится неясным и его рассказ о Святом огне) надобно заметить для знающих расположение Иерусалимского храма, что в его время и до самого начала XVII столетия православные не служили Литургии на Гробе Господнем, а совершали оную в так называемом тогда «Великом алтаре», который был устроен к той же ротонде впереди или под самой нынешней «царской аркой» (которой входят от Святого Гроба в храм Воскресения). Алтарь этот во время преобладания латин около 1612 года был происком их уничтожен; и с тех пор православные, не желая уступать своим соперникам, стали совершать подобно им службу на самом Святом Гробе, предваряя их оною по времени (а именно греки совершают ежедневно Литургию на Гробе Господнем через час по полуночи); армяне вслед за ними, а латины на рассвете.

Ныне, к удовольствию всех почитателей Святых мест, вопрос этот решен совокупными усилиями к сохранению мира внутри величайшего христианского святилища двух могущественнейших монархов: Императоров всероссийского и французского; работы начаты в 1865 году, окончены в 1868 на счет обоих правительств, и все претензии латинского духовенства на преобладание во храме Святого Гроба снова, к их великой горести, отодвинулись на задний план.

С окончанием наших русских построек (в 1864), благодаря им, картина эта несколько оживилась.

Направление этой стены видно из двух уцелевших доселе городских ворот оной: Судных и Железных, о коих будет упомянуто ниже.

В 1864 году главные улицы перемощены по европейскому способу; все приступки лавок и пороги, заграждавшие их, сломаны, и стали наблюдать некоторую чистоту и освещать.

В 1864 году главные улицы вымощены по европейскому способу.

См. Досифей, Патриарх Иерусалимский. История Иерусалимских Патриархов. Кн. 7. Гл. 4.

Досифей, Патриарх Иерусалимский. История Иерусалимских Патриархов. Кн. 11. Гл. 4.

Досифей, Патриарх Иерусалимский. История Иерусалимских Патриархов. Ч. 2. С.270–271

Положение этого места ясно указывает наш паломник Даниил, говоря: «от столпа того-ж (Давидова) был дом Уриев: его же Урию уби Давид и поя жену его Вирсавию, виде бо бяше ю мыющуюся в винограде своем, близ бо бе и дом тот, ако довержет муж камениев»...

Подле левого плеча сохранилась греческая надпись: Ν μυρελαιωνσα
(мироточица).

На имя архимандрита Никифора скуплена патриархиею большая часть поземельных участков и домов в городе и вне города. По его же имени называется Никифорию единственное публичное иерусалимское гульбище, расположенное по ту сторону Гигонской долины, против Давидова дома.

Он же и духовник святогробского братства.

Подробности о сем в моей статье: «Сербская иноческая община в Палестине», в 3-й книге Чтений Императорского Общества истории и Древностей Российских за 1867 год.

Путешествие московского купца Трифона Коробейникова с товарищи в Иерусалим. М., 1798. С. 48–53.

Кажется, в недавнее время этим пустырем уже завладели дальновидные пруссаки, действующие в Иерусалиме вкупе с англичанами против православия, содержа на общем иждивении епископа (англиканского).

В частности, заблуждения армянской секты состоят в следующем:

а) прибавление к Трисвятой песни слов: «распныйся за ны», или «пострадавый за ны на Кресте». Прибавление это употребляется у армян в Великой Пяток и по другим пяткам, также в праздники Крестопоклонные. В праздник Рождества Христова и Обрезания армяне поют: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, явивыйся нам, помилуй нас»; в Великую Субботу: «погребыйся за ны»; в день воскресный и в Господские праздники: «воскресый из мертвых»; в Вознесение: «вознесыйся со славою ко Отцу» и т. д.; б) совершают таинство Евхаристии на пресном хлебе и притом одном, и на одном вине, без прибавления воды. Пред святою Четыредесятницею у армян, подобно как у коптов, бывает пост.

Евсевий Кесарийский. Церковная история. Кн. 8. Гл. 19.

См. Церковную историю Сократа, Созомена и Феодорита.

См. Досифей, Патриарх Иерусалимский. История Иерусалимских Патриархов. Кн. 12. Гл. 2. Пар. 3. С. 1192)

Под именем ксендзов разумеются священники монашеского чина (то же, что наши иеромонахи), а под именем братии все остальные.

В последнее время Латинский Патриарх устроил себе новое обширное помещение в том же квартале с храмом и всеми удобствами, соответствующими его сану и месту. Устройство это стоило не малых средств, и видно, что хозяин воздвигнутого вновь палаццо умел опереться в этом деле на чью-то сильную и щедрую руку...

Разумеется – на земле против самого купола.

Очевидно, что эти, равно как и прочие мусульманские предания, указывающие например, в одном из боковых отделений мечети Ель-Акса «колыбель Исы» (Иисуса), не имеют никакой исторической достоверности и упоминаются лишь к сведению.

Которое, заметим мимоходом, и внушает, обходя прямой и законный путь соединения посредством смиренного сознания в своих заблуждениях и возвращения в лоно матери церкви через их отвержение, измышлять нечто небывалое и непрочное, а потому и неудобоприемлемое, каков путь «общения посредством таинств», не одинаково совершаемых и не одинаково понимаемых.

Оксфордская школа, или так называемый пюзеизм в Англии // Православный собеседник. 1861. Апрель.

См. Православное обозрение. М., 1861. Кн. 1. С. 125.

Ныне турецкий военный госпиталь.

Это основывается на том предании православной Восточной Церкви, которое различает в евангельских сказаниях три вечера, три разные лица и три вида миропомазания, вопреки латинской церкви, которая смешивает времена, места, лица и обстоятельства. Первая по времени вечеря была в Иерусалиме в доме Симона Фарисея, о коей повествует евангелист Лука. Жена грешница, помазавшая на ней миром ноги Спасителя, была, по преданию, Мария Магдалина, из нее же изгна семь бесов. Две другие вечера были в Вифании: одна прежде шести дней Пасхи в доме Лазаря, где помазала ноги Иисусу и отерла своими власами Мария, сестра его, в знак благодарности Ему за воскрешение брата, а другая тоже в Вифании за два дня до Пасхи, на коей некая жена грешница помазала главу Иисуса, возлежащего в доме Симона прокаженного (см. о сем Синаксарь Великой среды).

По палестинским преданиям место Иоакимова моления в пустыне находилось близ Иерихонской долины в Кутломийском ущелье; там была впоследствии воздвигнута иноческая обитель – лавра Георгия Хозевита (Хузива), в которой и поныне уцелели развалины церкви во имя святых Иоакима и Анны и та пещера, в которой первый уединился на молитву, где и сохранилось древнее изображение св. Иоакима в молитвенном положении; церковь вся покрыта фресками XII века, отлично сохранившимися; в усыпальнице много греческих надписей еще древнейшей эпохи.

Здесь кстати будет заметить, что это не единственный пример со стороны латинян перенесения преданий из одного места в другое (им принадлежащее). Так, по окончании последней войны, когда турецкое правительство подарило французскому древнюю церковь Свв. Иоакима и Анны, лжепатриарх Валерга, чая, что она будет передана ему, горячо защищал древнее предание, что именно здесь родилась Матерь Божия; когда же убедился, что французское правительство вовсе не намерено уступить эту святыню ультрамонтанам, Валерга начал доказывать, что напрасно считают эту церковь местом рождения Божией Матери, а что честь эта должна «по его изысканиям» принадлежать Сефорису.

Сахаров И. П. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1. С. 44, 45

См. в новом издании: Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока. М., 2004. Ч. 1. С. 326.

Мелетий, иеромонах. Путешествие в Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М., 1798. С. 291

Там же. С. 91, 92

Древние русские наши паломники также ничего не упоминают об этих деревьях.

См. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Кн. 6. Гл. 6

Самые древние предания вспоминают об этом следе, и что б ни говорили рационалисты, он буквально подтверждает Псалмопевца, что народы будут поклоняться на место, идеже стоясте нозе Его (Пс 131, 7).

Соответственно сему продолжение Кедрского потока до впадения в Мертвое море называется у греков «Пирнос потамос» (огненная река), а у Арабов – «Уади-ель-нур» (поток огненный).

Гора Соблазна, смежная с Елеоном, называется так потому, что здесь Соломон воздвигнул капища идолам: Сидона – Астарте, Аммонитов – Молоху.

Вход этот называется царским согласно с пророчествами и Евангелием, где грядущий в Иерусалим Иисус Христос называется Царем: «се Царь твой грядет к тебе кроток» (Зах 9, 9; Мф 21, 5).

Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелиста Матфея. М., 1839. Ч. 3. С. 377.

Один из современников великих палестинских подвижников св. Саввы, Феодосия Киновиарха, Иоанна Молчальника и Кириака Отшельника, грузинский подвижник V века Давид Гареджийский, родом сириец. После многих подвигов пришло ему на мысль исполнить давнее желание своего сердца – прежде нежели водвориться в небесном Иерусалиме, посетить земной. Взяв страннический посох, он пошел на родину своего Господа и Владыки. Но когда уже достиг он желанной цели, когда взошел на Поклонную гору, с которой открылся ему в пустынном величии Святой Град, внезапный ужас объял св. старца и глубокое раздумье проникло в смиренную душу: как дерзнет он грешными стопами попирать следы Богочеловека! И что же? блаженный старец остановился и, пройдя столь долгий путь, не смел довершить несколько шагов! Учеников своих, как более себя достойных, отпустил он поклониться святыне, умоляя их вознести теплые молитвы и за грешного отца их над гробом Искупителя; а сам, простерши к небу руки и помолившись издали, в виду храма Святого Гроба, взял себе в благословение только три камушка земли обетованной, оросил их слезами и пошел в обратный, дальний свой путь. Но Господь не восхотел утаить от мира такой глубины смирения своего угодника. Блаженному Илии Патриарху Иерусалимскому, является во сне Ангел и говорит: пошли в погоню за старцем, идущим по большой дороге в Сирию; он одет в рубище и у него в страннической суме лежат три камня; он унес с собою всю благодать святой земли; и одного камня с него довольно в благословение, два же пусть возвратит в Иерусалим; старец сей избранник Божий, авва Давид Гареджийский. Каково же было смирение и молитва сего аввы, когда три только камня, поднятые им с Земли Святой, увлекали с собою всю ее благодать, и в какое время? когда в ее бесчисленных пустынях процветали такие великие аввы, как Савва Освященный, духовный друг его Феодосий киновиарх, Иоанн Сихаст (молчальник) и Кириак отшельник, и только что смежил очи великий Евфимий, ибо это было пятое самое цветущее столетие иноческой жизни в Палестине. Повиновался словам Ангела изумленный патриарх и послал в погоню за странником; повиновался ему и любитель послушания Давид и

возвратил два камня, не постигая сам цены своего благодатного смирения. Но единственный камень, принесенный им в свою пустынь и доселе хранящийся в оной на его гробе, получил от него благодатную силу исцелений, не оскудевающую, доколе не оскудеет вера притекающих к молитве св. аввы (См. Муравьев А. Н. Грузия и Армения. СПб., 1848. Ч. 1. С. 36–99).

В местном сказании здесь есть отмена, а именно: «сросшись дерево это выросло очень велико и плотно, а корнями охватило главу праотца. Во время всемирного потопа это дерево водою было вырвано из земли вместе с корнями и главою праотца Адама и носило его водами. Когда же вода сошла с лица земли, это дерево с главою остановилось в Палестине, близ нынешнего Иерусалима, где теперь находится Крестный монастырь, и росло оно тут до лет царя Соломона.

Здесь местный рассказ несколько распространяет это предание, а именно: когда царь Соломон строил храм Святая Святых, то собрал на это все чудные и прекрасные древа. В один день он был с своими слугами в лесу, и вдруг нашла туча с громом и дождем, и Соломон принужден был искать с своими слугами, где бы скрыться от непогоды, и нашел под деревом и под корнем нечто подобное пещере, где и просидели все спокойно; потом рассмотрели, что под ними в корнях дерева ущемлен человеческий череп. Когда срубили это дерево для храма, главу перенесли к стене Иерусалима; закопали ее в землю на возвышенном месте и завалили камнями. Это и есть лобное место – Голгофа. От сего по преданию и принято изображать под крестом мертвую главу Адамову, на которую капая кровь Богочеловека из божественного ребра Его, омыла преступления рода человеческого, ибо в Адаме вси согрешиша.

Сказание о рождении Святой Богородицы // Православное
Обозрение. М., 1860. Январь. С. 32

Сахаров И. П. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1. С. 80

Досифей, Патриарх Иерусалимский. История Иерусалимских Патриархов. Кн. 11. Гл. 7. С. 1168

Мелетий, иеромонах. Путешествие в Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 и 1794 году. М., 1798. С. 179

Латины имеют также притязание на это место, для напоминания о чем поставили в эти развалины свою мензу – алтарный стол (престол); но свидетельство Даниила, видевшего церковь, воздвигнутую святою Еленою в развалинах в начале владения крестоносцев, после чего она никогда не была обновлена, ясно доказывает неосновательность их притязаний. А население Вифсагура, в котором нет ни одного Араба латинского исповедания, ясно подтверждает права на это место православных. Но до сих пор латины упорно мешают им почтить св. место построением приличного храма вверху пещеры.

Лавры от киновий отличались тем, что первые состояли из многих келий или пещер, разбросанных около церкви на более или менее далеких расстояниях (меньшее – на вержение камня) одна от другой, тогда как в киновиях жили все вместе (общежительно) или, по крайней мере, все кельи заключались в одной общей ограде. Поэтому жители лавр назывались отшельниками и каждый инок именовался аввою или старцем, а киновиаты назывались просто монахами, и только начальники киновий именовались аввами. Такое же различие было и между лаврами и монастырями вообще. Ныне же, как известно, название лавр усвоено значительнейшим монастырям: так, в Палестине лавра св. Саввы, в Афонской горе лавра св. Афанасия, у нас в России лавры: Киево-Печерская, Сергиева, Александро-Невская и Почаевская. Вторым по преподобном Феодосии в правлении киновий был святой авва Павел, игумен обители аввы Мартирия.

Из этих монастырей прославилась в VI веке киновия аввы Серида, близ которой жили в отшельнических кельях два знаменитых мужа того времени: св. Варсануфий и Иоанн; о житии первого свидетельствует Церковная история Евагрия (Кн. 4. Гл. 34), говоря, что преподобный Варсануфий, родом египтянин, провел в совершенном затворе более 50 лет, не видясь ни с кем и не вкушая ничего кроме хлеба и воды. Из своего затвора он давал лишь письменные ответы на духовные вопросы через игумена монастыря авву Серида. Преподобный Иоанн, ученик его, также проводил безмолвную жизнь в уединенной келье, где и скончался. По смерти его преподобный Варсануфий погрузился в полное безмолвие, в котором и пробыл до кончины. После этого один из учеников старца авва Дорофей, выйдя из обители аввы Серида, основал в окрестностях Газы и Маиума свою киновию, процветающую в конце VI века.

Это частное замечание описателя жития преподобного Евфимия о местонахождении сих пещер. Он относит их к Енгадди, а не к окрестностям Вифлеема, где указывают их новейшие писатели.

Кроме упомянутых монастырей в пустыне Святого Града преподобный Савва основал еще две обители в Палестине: одну близ Никополя (Еммауса), развалины которой видны поныне; а другую близ Скифопилиса (Васана); а ученик его блаженный Фирмин, основал лавру Фирминскую, в странах Махмаса, Ель-Биру (см. житие преподобного Саввы), развалины которой с любопытством осматривают проезжающие чрез Ель-Биру в Назарет.

См. Иоанн Мосх. Луг духовный. Гл. 180

Ныне же только коптские и абиссинские иноки сохраняют древний обычай проводить в опустелых пещерах этой горы и на берегах Иордана святую Четырдесятницу, для чего они удаляются сюда из Иерусалима чрез неделю после праздника Богоявления и возвращаются в Святой Град в неделю Ваий, питаясь в это время травами или сухоядением и упражняясь в молитве и чтении, для чего берут с собой и книги. Одежда их состоит из рубахи и ватного одеяла, в которое кутаются как в плащ от ночного холода, напоминая того евангельского юношу, который был закутан в плащаницу понагу.

Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849–1850 годах. СПб., 1851.
Ч. 2. С. 196

Как и сделал это один из известных наших поэтов в своем блестящем, но неверном по извращению факта стихотворении: «Иоанн Дамаскин».

Поток Куттилийский, называемый в своих верховьях Фара, проходит мимо развалин лавры Хозевитской, а при выходе на Иерихонскую равнину подходит к самой дороге, ведущей из Иерусалима на Иордан.

Полагают, что основания больших зданий, недавно открытые у южной оградной стены русских странноприимных заведений на земле г. Бергейма, принадлежат упомянутой церкви св. Стефана. О них упоминает и наш паломник Даниил в своем Хождении.

Феодор, кажется, тот самый, который был патриархом после двадцатидевятилетнего вдовства иерусалимской кафедры (в 668 г.).

Правильнее сказать: «мощно видети отселе Иерусалим».

Сахаров И. П. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1. С. 68

Она построена в потоке Кутлуменском, при пещере, в которой праведный Иоаким оплакивал свое неплодство, где сохранились лучше, чем в других опустевших монастырях пустыни Святого Града фрески с ликами отцов пустыни, произведение XIV столетия, когда лавра эта была обновлена какими-то двумя иноками из иерихонских монастырей, о чем свидетельствует уцелевшая над входом надпись.

Во время проезда по равнине послушник Герасим нашел на дороге турецкий медный перстень, но провожатый бедуин поспешил овладеть находкою; при подъеме на горы (Иудейские) нам встречалось много змей, которые перед захождением солнца, выползают из своих нор; некоторые переползали через дорогу, другие лежали свившись кольцом. Одна из них была толщиною в руку. Авва Харитон обратил на нее мое внимание: она при нашем приближении спряталась под большой камень и шипя выглядывала из-под него, – но толчок бывшею в его руках жердью заставил ее убраться в свою нору.

Предание, что Преображение Господне совершилось именно на этой св. горе, согласно с Евангелием, ибо Евангелие, описывая различные чудеса и проповедь Господа Иисуса Христа в Галилее, говорит, что Он взял Петра, Иакова и Иоанна и возвел их на гору высокую и особую, что всего более может относиться в этой местности к Фавору. Святой Кирилл Иерусалимский, Евсевий и блаженный Иероним первые засвидетельствовали нам это предание письменно. Святая Елена, как засвидетельствует Никифор Каллист, воздвигнула и украсила храм на том самом месте, где по тогдашнему всеобщему преданию, преобразился Христос. Даже арабы мусульмане и бедуины называют Фавор горою света, подтверждая эту же истину.

Сахаров И. П. Путешествия русских людей по Святой Земле. СПб., 1839. Ч. 1. С. 68

Это подтверждается еще и тем, что он посетил прежде дуб Мамврийский, а потом уже самый город; следственно ясно, что он въехал в Хевронскую долину с юго-востока, то есть из того ущелья, которое ведет в нее со стороны Мертвого моря, а не с севера, то есть не через то ущелье, которое ведет от Вифлеема. Ибо только два эти ущелья в горах, окружающих Хеврон, и открывают путь в него.

Они не пускают сюда христиан, как выразился один имам, из человеколюбия, ибо верят, что молния должна поразить всякого христианина, входящего туда!

Это мнение ошибочно, ибо известно, что гробница Иосифа находится близ Сихема (Наплуза) (Нав 24, 32).

Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века (1113–1115). Издание Археографической Комиссии под ред и с коммент. А. С. Норова. СПб., 1864. С. 71, 72

Под именем Али-бея Ель-Абаса путешествовал один испанец, принявший на себя это имя и одевавшийся в восточный костюм, чтобы через это удобнее было ему странствовать по Востоку и, пользуясь знанием арабского языка, проникать в те места, которые совершенно недоступны христианам. Настоящее же имя его было Доминик-бадия-и-Леблис; он путешествовал в 1807 году.

Из описания игумена Даниила мы уже видели, что это не самые гробы, но верхние голубцы над могилами, находящимися противу их в пещере.

И до сих пор не только кочевые арабы бедуины, но и оседлые арабы феллахи готовят таким же образом свой пресный хлеб (опресноки): замесят тесто, сделают лепешку, бросят на чугунную намазанную слегка маслом плиту, под которой разведен огонь, перевернут тесто, и лепешка готова.

Это описание наводит на мысль, что описываемый Даниилом дуб именно находился среди развалин бывшего около него Константинова храма, которые наш паломник мог принять за натуральный помост.

Сравнивая размеры сего дерева, приведенные Даниилом с нынешними, можно с достоверностью предположить, что он описывает то же самое дерево, которое и теперь известно под названием «дуба Мамврийского», ибо размер его в толщину увеличился с тех пор с двух на восемь сажень.

Новейший путешественник (Mislin) упоминает о трех кладезях, находящихся в Мамврийской долине, на южной стороне города, которые носят имена трех патриархов: Авраама, Исаака и Иакова (см. т. III, стр. 65).

Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века (1113–1115). Издание Археографической Комиссии под ред и с коммент. А. С. Норова. СПб., 1864. С. 68, 69

Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века (1113–1115). Издание Археографической Комиссии под ред и с коммент. А. С. Норова. СПб., 1864. С. 74

Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века (1113–1115). Издание Археографической Комиссии под ред и с коммент. А. С. Норова. СПб., 1864. С. 70, 71

С 1864 г. открыты для русских богомольцев мужской, женский и семейный приюты внутри вновь построенных за Иерусалимом русских странноприимных заведений и с больницей для пользования заболевающих.

Русский серебряный рубль старого чекана доходил до 24 левов, золотой (червонец) до 120 пиастров.

В 1864 году в Иерусалиме курс иностранных монет был следующий: английская лира 136 пиастров; турецкая лира $108 \frac{1}{2}$ пиастров, русский золотой 97–93 пиастра; австрийский золотой 56 пиастров; французский наполеондор 95 пиастров; русский рубль сер. от $18 \frac{1}{4}$ до $18 \frac{1}{2}$ пиастров; австрийский талер 23 пиастра.